РУССКАЯ БЕСѢДА

2

МОСКВА.

Помяните одно: только кòренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кóренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. грам. Москвы.

1859.

II.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ШТАМ

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена,

на Мясницкой улицѣ.

1859.

Центральний Державний Музей Т. Г. Шевченка
№ 75
БІБЛІОТЕКА
626

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 20-го дня, 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

70

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

стр.

Стихотворенія:

Спасибо злобѣ хлопотливой. *Е. Баратынскаго.* 1
Подвигъ есть и въ сраженьи. *А. С Хомякова.* 2
Два образа. *А. И. Одоевскаго* 2
Далекой путь. *Его же.* 4
Нѣтъ, ужь не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покою. *Гр. А. Толстаго.* 5
Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку. *Его же* 5
И. С. Аксакову. *Его же.* 6
Старые листья (изъ Саллета). *К. П.* . . . 7

Проза:

Годы въ школѣ (184.. года) *Н. Бицына.* 9
Записки Гавриды Романовича Державина. 49

НАУКИ.

Недостатокъ и потребность современнаго естествознанія. *В. И. Пѣвницкаго.* 1
Крестьяне на Руси. (Исторія крестьянства въ Россіи) *И. Д Бѣляева.* 39
Словенцы. Очеркъ исторіи ихъ Словесности. *Д-ра Клуна.* . 95
Греческая Служба Св. Первоучителямъ Славянскимъ и житіе Св. Наума Болгарскаго. *А. Ѳ. Гильфердинга.* 127

КРИТИКА.

стр.

Тысяча Душъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Алексѣя Писемскаго. Статья *М. Ѳ де-Пуле*. 1
Примѣчаніе *отъ Редакціи*. 17

ОБОЗРѢНІЕ.

Обозрѣніе дѣятельности независимыхъ Грековъ въ 1858 году. *Г. С. Дестунисъ*. 1

СМѢСЬ.

Записки Сербскаго протоіерея Матвѣя Ненадовича *(окончаніе)*. 1
Боснія, путевыя замѣтки *А. Ѳ. Гильфердинга* 57
Нѣсколько словъ по поводу книги: Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats Unis, par Cucheval—Clarigny. *Кн. В. А. Черкасскаго*. 105
О Болгарскихъ книжицахъ. *В. Шóповича*. 115
Письмо изъ Бѣлграда *М. Миличевича*. 140
Примѣчаніе къ письму изъ Бѣлграда, отъ *Редакціи*. . . . 145
Голосъ Грека въ защиту Византіи. *Ю. С. Дестунисъ*. . . 151
По поводу предыдущей статьи, отъ *Редакціи*. 158

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Русское государство въ половинѣ XVII в. Рукопись временъ Царя Алексѣя Михайловича, открытая *П. А. Безсоновымъ (въ особой книжкѣ)*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Спасибо, недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужъ пилъ забвенія струи.
Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

Е. Баратынскій. (*)

(*) Стихи эти присланы намъ П. И. Б-ымъ изъ Дрездена, при слѣдующемъ замѣчаніи:

« Живя въ Москвѣ, Баратынскій нѣсколько мѣсяцевъ сряду не могъ ничего писать и все жаловался на скуку. Вдругъ журнальныя рецензіи, въ которыхъ почти никогда не отдавалось должной цѣны его произведеніямъ, или какія-то другія непріятности, пробудили его изъ этого усыпленія. Онъ снова и дѣятельно принялся за работу, и когда его разъ спросили, отчего произошла въ немъ такая быстрая перемѣна, онъ отвѣчалъ прилагаемымъ осьмистишіемъ, случайно уцѣлѣвшимъ въ памяти одной дамы, которая была коротко знакома съ Баратынскимъ. Съ ея позволенія я не преминулъ записать этѣ восемь строкъ, потому что и въ нихъ, хотя онѣ, можно сказать, обронены мимоходомъ, видна художественная замашка дорогаго, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненнаго поэта. Мнѣ кажется, что этимъ стихамъ не слѣдуетъ пропасть, какъ пропадаетъ многое, и потому я рѣшился послать ихъ вамъ. Пусть и они войдутъ въ полное собраніе сочиненій Баратынскаго, такъ давно ожидаемое почитателями его таланта. »

II.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ:
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ Вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.
Есть у *подвига* крылья,
И взлетишь ты на нихъ
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,
Выше крыши темницы;
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской.

А. Хомяковъ.

1839 г.

III.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И вѣчно-ясные, надъ сумрачнымъ путемъ,
Слились въ созвѣздіи, свѣтились сквозь печали,
И согрѣвали духъ живительнымъ лучемъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня;
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ, и врѣзалась въ меня.

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья,—
Казалось, предо мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ; и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести . . . . .
Я въ море бросился, и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ:
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ,—

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню . . . .
Что шагъ—то гробъ, на жизнь—отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ!

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось,
Все было ихъ огнемъ! Ихъ лучь меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось,—
И пали двѣ звѣзды на камнѣ двухъ могилъ. . . . .

Онѣ разсыпались! онѣ смѣшались съ прахомъ!—
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній,
И въ образы сведетъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній —
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ! когда я ихъ прочту,
Какъ струны, задрожатъ всѣ жизненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту!

А. И. Одоевскій.

1832 года.

IV.

ДАЛЕКОЙ ПУТЬ.

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается;
Что не парень удалой
Бѣлымъ снѣгомъ опушается?
Нѣтъ! а ласточкой летитъ
По дорогѣ красна дѣвица;
Мчатся кони. . . . . отъ копыть
Вьется легкая мятелица.
Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою въ даль уносится;
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится:
Грустно ей . . . . . родная мать
Тужитъ тугою сердечною;
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.
Сердцу горе суждено!
Сердце на двое не дѣлится,
Разрывается оно. . . .
Дальній путь предъ нею стелится. . .
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль
За желѣзными затворами.

« Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ, »
—Въ душѣ молвитъ красна дѣвица, —
« Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ,—
« Встань, неси меня мятелица!
« Занеси въ его тюрьму!
« Пусть, какъ птичка домовитая,
« Прилечу я, и къ нему
« Притаюсь, людьми забытая! »

А. И. Одоевскій.

1831 года.

V.

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покою!
Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою.
Старая крѣпко меня за бока ухватила,
Сломитъ, того и гляди, молодецкую силу.
Пусть-бы хоть молча, а то вѣдь накинулась съ бранью,
Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
Охъ, насолили мнѣ дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ:
Сила и воля нужны мнѣ для боя инаго—
Послѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова!

Гр. А. Толстой.

VI.

Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку,
Гдѣ катятся волны, одна за другой въ перегонку.
Волна погоняетъ волну среди бурнаго моря,
Что день, то за горемъ все новое валится горе.
Сижу я и думаю: что̀ намъ тужить за охота,
Коль завтра прогонитъ заботу другая забота?
Вѣдь надобно жъ мѣсто все новымъ, да новымъ кручинамъ,
Такъ что же тужить, коли клинъ выбивается клиномъ?

Гр. А. Толстой.

VII.

И. С. АКСАКОВУ.

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.
Такъ. Въ безпредѣльное влекомый,
Вдали незримый чуя міръ,
Подъ величавый голосъ грома
Не разъ я строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшней жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ,
О томъ, что̀ близко, не забылъ.
Какъ ты, и я люблю природу
И бытъ роднаго мнѣ народа;
Его стремленья съ нимъ дѣлю,
И все земное я люблю,—
Всѣ ежедневныя картины:
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
Рѣки серебряный разливъ,
И скрыпъ кочующей телеги,
И шумъ волнущихся нивъ;
Люблю и тройку удалую,
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную збрую,
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,

Что ты воспѣлъ когда-то, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.
Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то̀ ужель,
Въ тревогѣ вѣчной мірозданья,
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю,
И жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ—
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Гр. А. Толстой.

VIII.

СТАРЫЕ ЛИСТЬЯ.

(ИЗЪ САЛЛЕТА)

Срывая съ дерева засохшіе листы,
Вы не разбудите уснувшую природу!
Не вызовете вы, сквозь снѣгъ и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!

Придетъ пора—тепло весеннее дохнетъ,
Въ застывшихъ сокахъ жизнь и сила разольется,
И самъ собою листъ засохшій отпадетъ,
Лишь только свѣжій листъ на вѣткѣ развернется.

Тогда и старый листъ, подъ солнечнымъ лучемъ,
Почуявъ жизнь, придетъ въ весеннее броженье.
Въ немъ—новой поросли готовится назёмъ,
Въ немъ—свѣжій сокъ найдетъ младое поколѣнье.

Не жизнью новой въ немъ весна отозвалась:
То память о веснѣ проснулась безъ сознанья.
А въ юныхъ листьяхъ мысль живая поднялась,
На солнцѣ выросло весеннее желанье.

Не съ тѣмъ пришла весна, чтобъ гнѣвно разорять
Вѣковъ минувшихъ плодъ и дѣло въ мірѣ новомъ:
Великаго удѣлъ—творить и исполнять,—
Кто разоряетъ—малъ во царствіи Христовомъ!

Не быть тебѣ творцомъ, когда тебя ведетъ
Къ прошедшему—одно лишь гордое презрѣнье!
Духъ—создалъ старое: лишь въ старомъ онъ найдетъ
Основу вѣрную для новаго творенья.

Ввѣкъ будутъ истинны пророки и законъ—
Нерѣдко Вѣчное въ одной чертѣ таится,
И въ новой истинѣ—лишь то должно открыться,
Въ чемъ былъ издревле смыслъ глубокій заключенъ.

К. П.

ГОДЫ ВЪ ШКОЛѢ.

(184.... года.)

ГЛАВА I.

Поступленіе.

Сталъ я задумываться среди своихъ дѣтскихъ, почти младенческихъ игръ, — часто, вдругъ выпуская изъ рукъ игрушку, облакачивался на маленькій, дѣтскій столикъ—и разсѣянно спрашивалъ себя: что такое лежитъ у меня на сердцѣ? о чемъ это я вспомнилъ? Чаще дѣтское лицо мое начинало глядѣть насупившись—съ тѣхъ поръ, какъ мама, (такъ называлъ я въ тѣ дни мать свою), пріѣхавъ откуда-то, призвала меня къ себѣ, и (я помню заплаканные глаза ея) сказала: «Ну Саша, готовься, дружокъ, скоро теперь ты поступишь въ Институтъ». Для моихъ дѣтскихъ ушей ненавистно прозвучалъ этотъ варварскій звукъ; я безсознательно не взлюбилъ его значеніе.

Братецъ Родя, который былъ годомъ меня старше и вмѣстѣ со мною долженъ былъ раздѣлить институтское заточеніе, объяснилъ мнѣ по своему: что много *тамъ* мальчиковъ, всѣ они учатся, но что няни тамъ нѣтъ, а за всѣмъ глядятъ надзиратели. Еще отъ другихъ собралъ я разныя свѣдѣнія— и вотъ въ головѣ моей мало по малу составился цѣлый фантастическій міръ, куда вошло все, о чемъ я наслушался —но уже слаженное и отцвѣченное участіемъ собственной дѣтской фантазіи. Въ такихъ мысляхъ проводилъ я дни, недѣли, мѣсяцы, которые оставались до поступленія. И чуть забудешься, бывало, опять отдавшись прежнимъ играмъ,

прежнему теченію дня,—вдругъ снова Богъ вѣсть откуда найдетъ какъ туманъ раздумье, опять промелькнетъ безотвязная мысль; въ головѣ какъ будто остановится все;—и дитя, я говорю себѣ: «зачѣмъ я взялъ свою любимую книжку и хочу разглядывать картинки? зачѣмъ беру игрушку... когда день, другой, и кончено, меня повезутъ въ Институтъ?»

И было—какъ это скоро оказалось на дѣлѣ—надъ чѣмъ призадуматься, было—какъ это еще теперь, по прошествіи долгаго срока, мнѣ внятно—чему испугаться! Мимолетно и безъ секуднаго вниманія проѣзжаетъ городской житель большое, каменное зданіе, которое въ рядъ линіи съ другими домами стоитъ тутъ же, на одной изъ шумныхъ улицъ, и носитъ названіе того или другаго «казеннаго заведенія». Огромный фасадъ, крыльце какъ крыльце, колонны, окна правда забѣлены,—но и только. А между тѣмъ, Боже мой!.. какая невѣроятная разница, какая невообразимая противоположность между всѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя, къ чему привыкъ, и этимъ зданіемъ. Это—цѣлый Китай, съ своимъ странно-поражающимъ устройствомъ, незапамятнымъ лѣтосчисленіемъ. Стѣна, которая отдѣляетъ городскую жизнь отъ нѣсколькихъ сотенъ дѣтей, которыя тамъ для этой жизни готовятся... это—Китайская стѣна. Изъ восьми сотъ человѣкъ создано за нею свое особенное царство, которое имѣетъ свою жизнь, свою религію. Тамъ, за нею и умрутъ многіе, невыглянувъ еще разъ на свѣжій воздухъ. Оторванные отъ родной почвы, они вдругъ сюда переносятся и пріобщаются этой массѣ, которая сплотилась съ незапамятныхъ временъ, создала свои нравы, обычаи, преданія... И гнететъ она этими нравами, обычаями и преданіями такъ, что неуйдешь изъ подъ ихъ гнета; и кто разъ подчинился ей, тому многихъ годовъ, многихъ пристальныхъ вглядываній въ себя, многихъ жертвъ, много воли требуется, чтобъ стереть съ себя чуждый отпечатокъ. Съ самаго времени (которое здѣсь начинается чуть не ночью, еще при лампахъ, въ 6-мъ часу) и до высшихъ условій, до естественнѣйшихъ отношеній человѣческихъ,—все тутъ облечено въ свою миѳическую, полубаснословную форму... Дѣтская фантазія, отрѣшенная отъ

всего, что зовутъ живой дѣйствительностью, создаетъ себѣ тутъ подъ конецъ собственную космогонію и вѣру.

Чего нибудь рѣзкаго, опредѣленнаго тогда я не могъ себѣ, конечно, представить; по прежнему игралъ своими любимыми игрушками, заглядывался на живую рыбку, которую для меня держали въ рукомойникѣ, разглядывалъ свои картинки.... какъ будто и не придетъ онъ, тотъ день, когда въ самомъ дѣлѣ меня отдадутъ... Однако онъ пришелъ.

Въ одинъ свѣтлый, осенній день, когда солнце въ прозрачномъ, синемъ небѣ такъ высоко стояло надъ крышами домовъ, а по мостовой носилась пыль, я съ своимъ братцемъ Родей беззаботно качался въ садикѣ на качеляхъ; то и дѣло изобрѣтали мы новые скачки и удары, а няня сидѣла возлѣ и вязала чулокъ. Вдругъ, на одной изъ боковыхъ дорожекъ, за кустами, мелькнуло знакомое платье горничной, и заслышался ея звонкій голосъ. Она пришла сказать, что « барыня ждутъ дѣтей »; мы съ Родей молча переглянулись, не сказали на этотъ разъ почему-то другъ другу ни слова, и тихо пошли домой.

Это былъ канунъ моего поступленія.

На насъ надѣли праздничныя рубашечки, шапочки и ввели въ « спальную » къ матери. Она также была уже въ шляпѣ. Я ждалъ: куда это насъ везутъ? « Ну, дружочки, сказала она, пойдемте теперь вмѣстѣ помолиться Богу, чтобы онъ васъ не оставилъ, чтобъ вы всегда были умники, чтобъ вы помнили всегда вашу мать и то, что она вамъ говорила; будете вы хороши—и вамъ будетъ хорошо.» Она заплакала.

Я опустилъ голову внизъ, и удержалъ слезы.

« Завтра, продолжала она, я отвезу васъ.. Пойдемте же теперь; бери, Родя, подъ ручку меньшаго брата... погода теплая, свѣтлая.. » Родя, у котораго у самаго голова была понурена, какъ старшій, взялъ меня за руку и шепталъ мнѣ ободренія.

Мы вышли. Никогда не изгладится изъ моей памяти этотъ день канунной прогулки; помню, какъ мы проходили пространную театральную площадь; театральное зданіе тогда возобновляли; высоко на его крышѣ виднѣлись рабочіе..

какъ они малы казались тамъ на веревочкахъ! Вдали за площадью носилась пыль; тѣнь моя съ Родей падала на песокъ отъ яркаго солнца; помню тотъ задумчивый обликъ матери, которая въ черной шляпѣ, въ черномъ платьѣ, съ муфтою, тихо шла за нами, покрытая вуалью. Мимо насъ мелькали прохожіе, я пристально вглядывался въ нихъ и говорилъ себѣ: « они не знаютъ, за чѣмъ мы идемъ теперь и что съ нами будетъ завтра? »

Въ соборахъ мы прикладывались къ мощамъ, иконамъ; въ одномъ, передъ образомъ трехъ ангеловъ-странниковъ, трапезующихъ у Авраама, служили молебенъ; я сквозь дымъ кадильный, вздымавшійся передъ образами, съ дѣтскимъ вниманіемъ слѣдилъ за крестами и поклонами матери; молился самъ теплою молитвой, и все это еще болѣе располо-гало душу къ чему-то особенному, и ожиданія мои выростали.

Наконецъ, вечеромъ привелось мнѣ еще живѣе почувствовать, что день этотъ точно былъ кануномъ моего поступленія. Когда я готовился лечь въ свою кроватку, и, по обыкновенію, хотѣлъ сказать что-то нянѣ на счетъ завтрашняго дня—вдругъ слово « завтра » порвалось у меня на языкѣ; представилъ я себѣ только, что не она мнѣ завтра послужитъ, что не няня придетъ уложить меня—и мнѣ вдругъ все показалось такъ дурно, точно я умираю.

Разбудили меня на другой день раньше обыкновеннаго,—сейчасъ же напоили чаемъ—и я ужъ не спросилъ: за чѣмъ такъ? Мàму я увидалъ уже въ шляпѣ. Ничего не помню, какъ прощались съ нами, что дѣлалъ я, что съ Родею было; не помню, какъ насъ на рукахъ понесли съ лѣстницы, посадили въ карету; очнулся я уже, какъ тронулись лошади и задребезжали стекла. Мать сидѣла блѣдная, по обыкновенію закрытая вуалью; на ея лицѣ слѣды слезъ; она плачетъ, значитъ намъ тамъ страшно будетъ.. Я хотѣлъ спросить ее, я хотѣлъ ей сказать: « мàма, не увозите насъ!» но слова замерли въ горлѣ.

Карета остановилась у огромнаго зданія; тяжелая дверь огромнаго крыльца распахнулась швейцаромъ, который былъ весь въ красномъ; захлопнула подножка кареты.. Мы вошли

въ швейцарскую. Не успѣли съ насъ скинуть верхнія платья, какъ тутъ появилось нѣсколько фигуръ во фракахъ съ свѣтлыми пуговицами. Надъ одной дверью чернѣли лѣпныя буквы; я сложилъ ихъ, прочиталъ слово «канцелярія», и не понялъ. Старшій (какъ мнѣ казалось) о чемъ то сказалъ слова два матери—и меня съ Родей повели въ боковую комнату. Какъ странно показалось мнѣ ея убранство: по стѣнамъ стояли какія-то машины, возлѣ нихъ шкапчики и на нихъ лежали маленькіе самоварчики. Это была больница; эти мнимыя машины просто были желѣзныя койки съ высокими рѣшотками въ изголовьѣ, а самоварчики на столахъ—оловянныя бульонницы. Тутъ сдѣланъ былъ медицинскій осмотръ: крѣпко ли сложеніе ребенка? Помню, какъ съежился я, почувствовавъ холодъ, когда сняли съ меня мою рубашечку. Докторъ привелъ насъ назадъ въ швейцарскую; тамъ съ матерью теперь говорилъ уже кто-то новый. Это былъ «старшій надзиратель», который и повелъ насъ наверхъ, въ Институтъ Какъ бездонно высоки показались мнѣ пріемныя сѣни! какою пространной казалась лѣстница каменная, съ чугунными перилами, которая вела въ залу! Едва мы переступили порогъ ея,—и я весь уже былъ подъ обаяніемъ необъятнаго пространства, сердце во мнѣ сжалось. Мнѣ, привыкшему къ своей крошечной дѣтской, все тутъ было чуждо, ново. Вдоль длинныхъ, высокихъ стѣнъ тянулись дубовыя лавки съ кожаннымъ сидѣньемъ, огромныя окна забѣлены и безъ шторъ; по одной изъ стѣнъ тянулся шкапъ библіотеки; въ углубленіи залы, на дикаго цвѣта террасѣ возвышался бѣлый, колонный пьедесталъ и на немъ мраморный бюстъ; далѣе—ротонда колоннъ и за ними по двумъ угламъ (въ серединѣ была дверь) стеклянные шкапы съ мѣдными, стеклянными и всякими машинами (это былъ физическій кабинетъ)... О, какъ непріязненно подѣйствовалъ тогда на меня этотъ строгій, казенный видъ!.. куда бы ни взглянулъ я, вѣяло холодомъ. Сквозь дверь, которая была между колоннъ, въ серединѣ, виднѣлась другая зала—это былъ дортуаръ: узкая, въ нескончаемую длину вытянувшаяся комната, на всемъ протяженіи съ права и съ лѣва обрамленная двумя линіями толстыхъ колоннъ,

—и по этимъ линіямъ тянулись койки—туда и сюда головами, такъ что приходилось ихъ 4 ряда. Всѣ были покрыты бѣлыми одѣялами съ малиновой каймой у подушки—и можно было на протяженіи всей комнаты прослѣдить на кроватяхъ—одну безукоризненно—прямую линію малиноваго цвѣта, изъ конца въ конецъ бѣгущую вдоль, по одѣяламъ.

Тутъ собственно слѣдовало бы и разстаться, но старшій надзиратель повелъ осматривать заведеніе.

Я жался къ Родѣ, мы вдвоемъ жались къ платью матери. Торопливо поспѣшалъ я за нею дѣтскимъ шагомъ, когда проходили мы тотъ видиѣвшійся изъ залы дортуаръ, вглядывался въ эти ряды желѣзныхъ кроватей, съ ярлычками и надписями фамилій въ рѣшеткахъ изголовій, и съ маленькими дубовыми табуретками въ ногахъ.. все тутъ было для меня странно. Въ концѣ дортуара, черезъ боковую дверь, вышли въ умывальную. Полъ здѣсь былъ покрытъ веревочными половиками, по срединѣ возвышался гигантской величины самоваръ (такъ мнѣ показалось) и при немъ стоялъ солдатъ. Старшій надзиратель сдѣлалъ ему знакъ рукою, онъ повернулъ какой-то крантикъ—и вдругъ зашипѣло, заголосило... тысячи серебристыхъ струй прозрачной воды брызнули, и полились, и падали внизъ, въ пріемникъ умывальника.

«Вотъ и ты Родя будешь здѣсь умываться съ братцемъ» сказала мама и замѣтно хотѣла разсѣять насъ привлекательностью прозрачныхъ струй и шумомъ подымавшейся воды, но я глядѣлъ въ сторону: изъ угольнаго окна здѣшней комнаты видиѣлась безлиственная верхушка дерева — и на голой вѣткѣ каркали двѣ вороны... это было первое, что мнѣ тутъ показалось знакомымъ! Изъ умывальной, чрезъ дортуарную залу, сошли въ столовую. Въ нее отсюда сводила чугунная лѣстница; — и сѣни, которыми шла она, производили впечатлѣніе какого то грота, пещеры. Только дверь изъ дортуара освѣщала ихъ съ верху. Впечатлѣніе грота, подготовленное сѣнями, довершалось при входѣ въ столовую: длинная низкая зала поддерживалась сводами, которые дѣлили ее въ три линіи, и три линіи нескончаемо длинныхъ столовъ составляли ея убранство. За нижней

площадкой лѣстницы, помѣщалась «гимнастическая зала», названіе которой черными лѣпными литерами красовалось надъ дверью. Когда насъ ввелъ въ нее старшій надзиратель—какъ поразили меня эти перепутанныя веревки, лѣстницы во всякихъ направленіяхъ, канаты. Я пристально вглядывался во все; но совершенно былъ нѣмъ, и все прижимался къ матери.

Вдругъ какой-то смѣшанный гулъ, мѣрный и однозвучный, раздававшійся въ ладъ, заслышался откуда то; глухой, онъ все дѣлался внятнѣе, и чувствовалось, что онъ приближался. Старшій надзиратель указалъ матери мѣсто стать на площадкѣ, съ которой ступени вели въ столовую; а надъ нею высоко-высоко видиѣлась верхняя площадка, съ которой лѣстница эта двоилась и шла къ намъ. Гулъ по мѣрѣ того какъ приближался, дѣлался ровнѣе... Это было мѣрное ступанье нога въ ногу нѣсколькихъ сотенъ воспитанниковъ, которые шли по парно въ одинъ нескончаемый рядъ .. Однакожъ въ этомъ гулѣ слышно было мнѣ напѣваніе командовавшаго, и однообразный припѣвъ его «гошь-друатъ, гошь-друатъ» дружно совпадалъ съ ладомъ маршировки... На верхней площадкѣ завидѣлось нѣсколько паръ; съ нее обѣ стороны вдругъ разсыпались—сторона лѣвая пошла по лѣвому рукаву лѣстницы, правая по правому... и обѣ вереницы, расходясь и спускаясь машинально ровнымъ шагомъ, сливались на площадкѣ, гдѣ стояли мы, въ одинъ прежній рядъ и тянулись въ столовую...

Нѣсколько надзирателей въ очкахъ, въ бакенбардахъ тамъ и здѣсь мелькнуло на лѣстницѣ. Ужъ я былъ оглушенъ, голова моя кружилась. Прошли всѣ; изъ столовой раздался звонокъ, и тамъ запѣли. Почему то все хуже и хуже началъ я себя чувствовать, все недовѣрчивѣе глядѣлъ вокругъ себя и ближе прижимался къ матери... Раздался еще звонокъ—опять запѣли, и опять началось обратное шествіе съ низу въ верхъ. Старшій надзиратель не переставалъ толковать, все объяснялъ что-то... Когда мы вновь взошли въ дортуаръ, тамъ, вдали, на концѣ его виднѣлись удалявшіяся пары; скоро онѣ исчезли и гулъ опять смолкъ. Мы вошли въ залу— въ ней царствовала полная тишина. От-

куда-то, со стороны, слышался какой-то постоянный, протяжный говоръ... Шли классы.

Здѣсь слѣдовало намъ разстаться.

Все это время въ душѣ моей происходило что-то неясное, незнаемое... Правда, мало было общаго между тѣмъ Институтомъ, который создало мое дѣтское воображеніе, и здѣшнимъ, въ которомъ уже я находился; но дѣйствительность была едва-ли еще не непріязненнѣе призрака, созданнаго воображеніемъ, и, неужели жъ, думалъ я, мама хочетъ меня съ Родей въ самомъ дѣлѣ отдать сюда? Эти мальчики, которыхъ я сейчасъ тутъ видѣлъ... я не хочу къ нимъ!. Скорѣй отсюда!.. Тутъ все другое; тутъ все не такъ. И сомнѣнье мерцало еще слитно съ надеждой. Я ждалъ: сейчасъ же мы уѣдемъ вонъ отсюда; воображеніе переносило меня въ дѣтскую: я тамъ прислушивался къ глухому звуку рукомойника, гдѣ плаваетъ, бьется моя маленькая рыбка, а няня раскладываетъ передо мною любимыя игрушки; но выходя вдругъ изъ забытья, я видѣлъ опять тѣ же отвратительныя нескончаемыя дикія стѣны, холодныя забѣленныя окна, и тамъ на пьедесталѣ бѣлая статуя, рядомъ кто то незнакомый, и все онъ, несносный, толкуетъ, все толкуетъ... а кругомъ насъ такъ пусто, холодно!

Теперь когда матери оставалось только проститься съ нами, когда уже готова она была сдѣлать шагъ отъ насъ въ сторону, когда голова ея ужъ наклонилась ко мнѣ, за тѣмъ только, чтобъ въ послѣдній разъ поцѣловать меня... тутъ то и началась она, эта агонія разставанья.

Вдругъ понялъ я все, вдругъ стало мнѣ теперь ясно, что она отъ насъ сейчасъ уѣдетъ... Слезы, которыя медленно накапливались и долго сдерживались мною, брызнули изъ моихъ глазъ, я взвизгнулъ какъ подъ ножемъ, судорожно вцѣпился въ ея платье, забилъ свою голову въ его складки и зарыдалъ, зарыдалъ!

Чѣмъ больше тотъ «несносный» читалъ наставленій, что я огорчаю мать, что умный мальчикъ такъ не поступаетъ, тѣмъ истерическое состояніе мое дѣлалось раздражительнѣе.

Старшій надзиратель нѣсколько разъ отходилъ въ сторону, глядѣлъ по стѣнамъ, и молча подступалъ къ намъ снова.

Нѣсколько разъ мать, готовая уѣхать, останавливалась, и мы садились на одну изъ скамѣекъ, тянувшихся по стѣнамъ. Она старалась успокоивать меня и Родю,—снова вступала въ разговоры съ старшимъ надзирателемъ. Я переставалъ плакать, мокрымъ платкомъ утиралъ раскраснѣвшееся лице; казалось, вотъ утихъ капризный ребенокъ... но слезы вдругъ, будто сговорившись, брызгали снова и текли каждый разъ сильнѣе и раздражительнѣй. Боже мой! что происходило тогда въ душѣ моей? человѣкъ, который умираетъ въ полномъ сознаніи, и чувствуетъ медленное замираніе своего существа, — онъ только, думаю, чувствуетъ одинаковое тому состоянію, въ которомъ, въ эти минуты, находилась душа ребенка. Отдалялись, отдалялись они, и блѣднѣя замирали свѣтлые дни моего дѣтства! Все что накопила во мнѣ моя семилѣтняя давность, все съ чѣмъ сроднился мой дѣтскій возрастъ, все теперь невозвратно отнималось отъ меня... деревня, грядки, гдѣ растетъ спаржа, портретъ *папа* въ золотой рамкѣ въ « спальной », кормилица, которая приходитъ навѣщать меня, та дѣтская безсонница, когда бывало встану рано... сквозь занавѣски кроватки едва пробивается зачинающійся свѣтъ, и я прислушиваюсь къ заутреннему звону въ нашей церкви, которая возлѣ; « дѣтская », игры, которыя мы съ Родей придумывали, домъ гдѣ каждый уголокъ былъ знакомъ, гдѣ каждая вещичка была связана съ какимъ нибудь значеніемъ, приданнымъ семилѣтней привычкой и фантазіей дѣтскаго возраста, садикъ, акація, которая у насъ растетъ на дворѣ, все вспомянулось, все разомъ втѣснилось въ мое дѣтское воображеніе, невыносимо давило его. Мать, которая это время чувствовала всю тягость присутствія посторонняго, оффиціальнаго лица—старшаго надзирателя, бывшаго здѣсь не за тѣмъ конечно, чтобъ нѣсколько часовъ съ ряду любоваться, какъ капризный ребенокъ виснетъ на шею къ матери,—обращалась къ нему съ просьбами, распросами, которые могли успокоивать и насъ и ее, а между тѣмъ выводили бы и его изъ затруднительнаго молчанія. Подъ конецъ, съ цѣлью успокоенія, и для убѣжденія насъ въ томъ, что все будетъ хорошо и не будетъ здѣсь ничего страшнаго, былъ вызванъ

Центральная Музей Т. Г. Шевченка № 754 БІБЛІОТЕКА

по просьбѣ матери изъ классовъ надзиратель того класса, куда поступали мы, и который дѣлался непосредственнымъ нашимъ начальникомъ. Явился Дювержень (играющій такую большую роль потомъ въ моихъ воспоминаніяхъ). Онъ сталъ очень любезно разговаривать съ матерью; помню его пріемы, съ которыми онъ обращался ко мнѣ, видимо подлаживаясь подъ дѣтское обращеніе; улыбался, успокоивалъ, гладилъ меня по головѣ, говорилъ: утрись платочкомъ, и подавалъ мнѣ свой.

Это забытье всего, это оцѣпенѣніе, по временамъ разрѣшавшееся слезами, эта агонія и замираніе дѣтскихъ чувствъ и мыслей, еще долго томили меня и замѣнялись наконецъ другимъ состояніемъ—полною странной апатіей, состояніемъ человѣка, въ которомъ все убито и ужъ онъ безчувственъ къ самому себѣ. Слезы утихали, по временамъ только утирался я мокрымъ платкомъ, и уже слышалъ, что говорили вокругъ меня, видѣлъ, что было возлѣ. Солнце, которое въ началѣ двумя маленькими коймами свѣтилось на полу, теперь разостлало цѣлыя полотны свѣта, которыми бѣлѣли въ этихъ мѣстахъ квадраты паркета, рѣзче очерчивалась каждая стеклянная фигура, каждая машинка, тамъ въ углу, за колоннами. Яснѣе видѣлъ я и ненравившееся мнѣ сморщенное лице старшаго надзирателя и всѣ ухватки того, кто долженъ былъ сдѣлаться моимъ надзирателемъ. Онъ говорилъ теперь мамѣ, указывая на меня: «ну вотъ посмотрите! ужъ онъ и успокоился! и ничего нѣтъ! Madame, moi-même je suis père et j'ai des enfants. Ну Саша (ужъ онъ узналъ мое имя) ты.. ничего теперь? ну, взгляни на меня... ха ха.. ну, разсмѣйся!» И самъ онъ улыбался. Я, насупивъ губы, еще недовѣрчиво взглядывалъ на него, и старался уровнять свое дыханіе, которое было горячо и прерывисто. Болѣе и болѣе проникало въ грудь мою состояніе какого то леденящаго спокойствія. Я былъ ужъ покоренъ теперь этой мысли, что меня отняли отъ мамы, что она сейчасъ уѣдетъ, а я останусь здѣсь—рождалось и чувство довѣрія къ Дюверженю, который былъ, или захотѣлъ быть ласковъ со мною.

Старшій надзиратель предугадывалъ близкое разрѣшенье

разставанья, и уже приступилъ съ окончательными увѣреніями къ матери, что все будетъ хорошо, что больше ей нечего безпокоиться, и что дальнѣйшее пребываніе ея только повредитъ дѣлу. Дювержень съ своей стороны ручался не только за то, что я больше «горевать» не буду, но за то еще, что я буду у него лучшимъ ученикомъ и обрадую свою маминьку, которая меня такъ любитъ. «Такъ ли Сашенька? спрашивалъ онъ у меня,—взгляни на своего братца, видишь какой онъ умненькій! вытеръ свои глазки да и стоитъ теперь тихо?.. такъ ли Родя? вы будете у меня хорошіе мальчики, вы будете радовать свою мать?» Я поглядѣлъ ей теперь въ лице, которое хотѣло мнѣ улыбаться, но эта улыбка свѣтила сквозь обильныя, горькія слезы. «Мама», говорилъ я ей теперь, обращая къ ней умоляющій дѣтскій взоръ, и голосъ мой прерывался отъ дыханія. «Мама, я... не буду плакать, ничего, поѣзжайте теперь, я не буду плакать», и слезы тихо, тихо скатывались по моимъ горячимъ щекамъ. Она наклонилась, чтобы послѣдній разъ поцѣловать меня.

« Ну, друзья мои, сказалъ мнѣ съ Родей Дювержень, когда мы остались одни (старшій надзиратель пошелъ провожать мать) пойдемте со мною, я вамъ теперь покажу мальчиковъ, съ которыми вы будете вмѣстѣ учиться и играть—пойдемте », и такъ быстро повелъ насъ, схватя за руки, что мы съ Родей едва за нимъ поспѣвали. Поразительно странно, и ново, и чуждо, и неожиданно показалось мнѣ все, что я сейчасъ же тогда увидѣлъ.

Огромная, высокая классная комната съ лавками и столами, на которыхъ блестѣли крупныя яркой мѣди чернилицы; приподнятыя, пролетныя рѣшетки у столовъ, на которыхъ поддерживались книги и тетради,—съ разу я не разглядѣлъ ничего этого, и все казалось чѣмъ-то страннымъ; несчетное число мальчиковъ, всѣ въ одинаковыхъ курточкахъ съ галунами на воротникахъ и свѣтлыми пуговицами, съ одинаковой прической, обступили меня съ Родей... лица ихъ даже, казалось, всѣ одинаковы... крикъ, шумъ, цѣлый гвалтъ вопросовъ!... изо всѣхъ угловъ летѣли еще новыя кучи... со всѣхъ сторонъ сыпались къ намъ мальчики новые, въ тѣхъ же одинаковыхъ курточкахъ, съ такими же

сѣтящимися галунами и блестящими пуговицами, и оглушали насъ новымъ, свѣжимъ крикомъ, шумомъ и гвалтомъ. Все было тутъ намъ чуждо, среди новыхъ товарищей, а они распоряжались полными хозяевами, и какъ звѣрковъ стекались теперь оглядывать меня съ Родей.

ГЛАВА II.

Первое время.

Всякій, поступавшій сюда, приносилъ съ собою образокъ и привѣшивалъ его къ кровати, которую ему назначали. Въ 10-мъ часу вечера—послѣ ужина—когда мы вошли въ дортуаръ, Дювержень подвелъ меня съ Родей къ « койкамъ », которыя съ этой ночи дѣлались нашими. Я привѣсилъ свой маленькій образокъ (нарочно для того оставленный мнѣ матерью) къ желѣзной рѣшеткѣ изголовья, и это нѣсколько успокоило меня. Все же не могъ я не припомнить, что « дома » моя кроватка теперь пуста. Дортуаръ принялъ теперь совершенно новый видъ. Дверь изъ рекреаціонной залы была заперта; на койкахъ, вмѣсто тѣхъ мягкихъ, красивыхъ одѣялъ, вездѣ лежали другія, темныя, жесткія, « ночныя »; колонны въ двѣ линіи, во всю длину подпиравшія потолокъ, въ промежуткахъ которыхъ стояли койки, мрачно освѣщались теперь лампами, зажженными въ полсвѣта. Чернѣли опущенныя сторы на громадныхъ, несчетныхъ окнахъ.— Долго еще впечатлѣнія дня мерцали въ умѣ моемъ сквозь видъ, который теперь на яву представлялся глазамъ; долго еще продолжались здѣсь суматоха, шумъ, крикъ отъ раздѣванья, бѣганье: дортуаръ былъ общій, и на ночь такимъ образомъ сюда сводилось человѣкъ до четырехъ сотъ.—Мы съ Родей шопотомъ переговаривались о роковомъ для насъ значеніи нынѣшняго дня—и не помню, какъ я заснулъ.

Такое спартанское, сборное устройство для всѣхъ одного дортуара едва-ли можетъ имѣть благотворное вліяніе на дѣтскій, нѣжный возрастъ? По числу спавшихъ здѣсь, помѣщеніе требовалось огромное—и можно судить о положеніи бѣднаго мальчика, которому иногда приходилось изъ

конца въ конецъ перейти ночью эту залу для прохода въ «заднюю» комнату, гдѣ между прочимъ ставился и кувшинъ съ водою для питья. Притомъ длина и высота стѣнъ, мрачно освѣщенныхъ тусклыми лампами,... какое это неистощимое поле для дѣтской фантазіи, всегда своенравной и направленной къ таинственному. Когда, бывало, утихнетъ мало по малу шумъ и потухнетъ вдали свѣчка ночнаго надзирателя, и почувствуешь живѣе, что все теперь уснуло—и одинъ ты, быть можетъ, остался изъ всѣхъ безъ сна, начнешь-начнешь вглядываться въ эти тѣни, сумрачно дрожащія по стѣнамъ, и въ эти безконечные ряды коекъ. Какою тоскою, тоской по покинутому дому болѣзненно переполнялась душа!

Рано зазвенѣлъ звонокъ, по которому еще первый разъ въ жизни пришлось встать мнѣ не выспавшись, больнымъ и разстроеннымъ. Ужъ возлѣ меня и бѣгали, и шумѣли, и кричали мнѣ: «вставай! ишь заспался!»... и я, полураскрывъ заспанные глаза и загораживая отъ глазъ рукою свѣтъ отъ лампъ (онѣ горѣли теперь уже во все пламя), спрашивалъ самаго себя: «что все это такое?» Но не долго пришлось собирать растерянныя мысли, все окружавшее внятно говорило за себя. И, дрожа отъ холоду, скорѣй надѣлъ я свои ботинки, скорѣй, по примѣру другихъ, повязался полотенцемъ и всталъ въ собранные ряды перваго класса;—команда надзирателя—и мы тронулись въ «умывальную». Все это исполнялъ я машинально, и тогда только уже опомнился, какъ для утренней репетиціи мы вошли въ нашу классную комнату, какъ всѣ сѣли по мѣстамъ. Классъ былъ еще теперь освѣщенъ лампами. Передъ большою «классною доской» стали уставлять какіе-то треножники, — на одни вѣшали картины, на другіе ставили картоны съ исполинскими изображеніями буквъ Нѣмецкой азбуки. У того и другаго станка затолпились двѣ отдѣльныя кучки, у каждаго изъ нихъ стоялъ теперь мальчикъ съ тростниковой палочкой, и, указывая на изображенія, спрашивалъ: «Was ist das?» Толпа отвѣчала заразъ напѣвая въ ладъ: «Das ist eine Blumme!»—«Und das?»—«Das ist auch eine Blumme.»—«Was sind das?»—спрашивалъ тотъ еще громче и своею палочкой водя теперь заразъ

по двумъ отдѣльнымъ изображеніямъ. И еще громче въ отвѣтъ ему пѣла толпа дружно и рѣшительно: « Das sind Blümmen.» У другаго станка мальчикъ указывалъ точно также на отдѣльныя буквы,—и хоромъ толпа распѣвала: A, B, C,... B, A, BA, A, B, AB и т. д. Только теперь примѣтилъ я и то, что Дюверженя уже не было; вмѣсто него былъ тутъ Нѣмецъ съ черными бакенбардами и съ строгимъ на видъ выраженіемъ лица. Онъ (также съ палочкой) переходилъ то и дѣло отъ одного станка къ другому, вмѣшивался въ вопросы, и то и дѣло колотилъ немилосердно этою палочкой бѣдныхъ мальчиковъ. Молчаливо вынося побои, только ёжились они и гладили себя руками по тѣмъ мѣстамъ, куда легъ его ударъ. Мнѣ сказали, что это, « нашъ *Нѣмецкій* надзиратель Гернади, что нынче: *Нѣмецкій день*, а завтра опять *Французскій* будетъ *день*, а послѣ завтра— опять *Нѣмецкій*.» Мнѣ стало жаль Дюверженя и съ разу невзлюбилъ я Гернади , который « смѣетъ » бить мальчиковъ; но потомъ какъ я перемѣнилъ свое мнѣніе, потомъ этотъ Дюверженъ, на видъ такой умный, такой любезный, такой добрый съ дѣтьми—какимъ злѣйшимъ врагомъ оказался онъ моего дѣтства! — а этотъ Гернади какимъ добродушнымъ Нѣмцемъ, нѣсколько романтикомъ, и поклонникомъ Шиллера. Что же касается до этой палочки, то надо сказать съ прискорбіемъ, что она была во всеобщемъ употребленіи у надзирателей—таковъ былъ духъ Института. Только при Директорѣ правда, палочка эта ими иногда пряталась подъ полу фрака — обстоятельство , не ускользавшее отъ зоркаго дѣтскаго вниманія.

Первый классъ (всѣ они одинъ за другимъ тянулись по прямой линіи) помѣщался въ первой комнатѣ отъ залы, такъ что во всѣ остальные классы проходили черезъ него. Теперь, какъ шла утренняя репетиція, одинъ за другимъ стройными рядами черезъ нашъ классъ проходили послѣдующіе. Когда наконецъ прошелъ и старшій, вдали раздался звонокъ и репетиція кончилась. Гернади построилъ насъ въ ряды, и всѣ пошли въ столовую, къ чаю. Почему это называлось *часмъ*? Въ длину столовъ по двѣ линіи на каждомъ тянулись стаканчики съ кипяченымъ молокомъ (очевидно раз-

бавленнымъ водою). На каждомъ красовался ломтикъ чернаго хлѣба, а подлѣ стакана лежалъ ломоть бѣлаго. По звонку началась молитва, пѣтая всѣми хоромъ,—по звонку всѣ сѣли. На моемъ столѣ замѣтилъ я нѣсколько стакановъ съ ломтемъ бѣлаго хлѣба оставшихся безъ прикосновенія. То были наказанные. Еще и теперь столовая была освѣщена лампами; только когда всѣ вошли наверхъ, огни были уже вездѣ потушены и начался *день*. Послѣ чаю слѣдовалъ малый промежутокъ времени до классовъ—въ рекреаціонной залѣ; меня съ Родей повели въ это время примѣривать казенную куртку и сапоги, потомъ «стричь подъ гребенку» и черезъ нѣсколько времени уже я полнымъ казеннымъ воспитанникомъ вошелъ въ классъ. Форма требовала почему-то, чтобъ панталоны и курточки были безъ кармановъ: платокъ долженъ былъ свертываться въ трубочку и класться въ рукавъ. Зеркала не было ни одного въ цѣломъ Институтѣ, вѣроятно для того чтобъ не развивать въ дѣтяхъ охоты любоваться собою. Но такъ или иначе это звучало подъ ладъ со всѣми остальными мѣрами и правилами.

Во время классовъ сидѣлъ я еще не принимая участія въ ученіи; учителя смѣнялись, происходили антракты въ пять минутъ между классами; вмѣсто прежняго, молодаго худенькаго входилъ учитель толстый и съ бакенбардами,—вмѣсто одного, который говорилъ густымъ басомъ, приходилъ другой, напѣвавшій дискантомъ; но всѣ они говорили о такихъ вещахъ и такимъ языкомъ, что я рѣшительно не понималъ ничего. Самыя книги, которыхъ я умѣлъ прочитать заглавія, и тѣ мнѣ были непонятны: одна, помню, называлась «Начатки», и хоть слово очень просто, но и то еще не ложилось въ мое пониманіе, и странно звучало для меня. Больше производила впечатлѣнія внѣшняя сторона ученія: весь классъ читалъ хоромъ и въ ладъ. Когда учитель задавалъ вопросъ, отвѣтъ (заранѣе изготовленный) точно также хоромъ напѣвали всѣмъ классомъ, учитель же палочкою, которую всегда имѣлъ въ рукахъ, по воздуху билъ тактъ: глаза каждаго были устремлены на ея кончикъ. Вдругъ учитель переставалъ махать ею и съ разу воцарялась полная тишина въ классѣ... а два три голоса иногда продол-

жали дискантомъ распѣваніе отвѣта. Это было для учителя знакомъ, «что они были невнимательны», и такихъ онъ тутъ же выдвигалъ впередъ и ставилъ на колѣна.

Гораздо болѣе ученія въ классахъ, почувствовалось мною общее устройство дня, его казенный порядокъ, и при этомъ тѣ лишенія, тѣ несносныя мученія, которыя, приходилось цѣлый день выдерживать. Высокія комнаты Института отапливались скудно. Помимо разсчета экономическаго, тутъ вѣроятно была еще спартанская цѣль пріученія дѣтей къ холоду; но она достигалась плохо. Вмѣсто такой привычки пріобрѣталось обыкновенно постоянное лихорадочное состояніе—и только. Сюда-же должно отнести еще характеристическую особенность: не давалось пить. За обѣдомъ и ужиномъ воспитанники должны были напиваться квасомъ и водою почти до конца вечернихъ классовъ. Въ это время жажда обыкновенно возрастала до своего крайняго предѣла, — и вмѣстѣ съ цѣлымъ классомъ напѣвая хоромъ окончанія падежей и спряженій, мысленно всякій прислушивался: не раздаются-ли по залѣ шаги «дядьки», который придетъ съ кувшиномъ. Въ серединѣ вечернихъ классовъ обыкновенно и появлялся онъ съ большимъ глинянымъ кувшиномъ и стаканомъ въ рукѣ, и начиная съ перваго ученика, который сидѣлъ на первой лавкѣ, обносилъ такимъ образомъ всѣхъ до послѣдняго—а классъ между тѣмъ продолжался. Съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, ожидаешь этого мига, когда наконецъ кувшинъ поровняется съ тобою, и полный стаканъ холодной воды освѣжитъ горло, пересохшее отъ повторенія ненавистныхъ окончаній. Въ праздничные или другіе дни, когда этотъ урочный часъ приходился не во время класса, а во время бѣганія по рекреаціонной залѣ, едва показывался въ дверяхъ этотъ глиняный кувшинъ съ водою, вдругъ все бросалось, на перерывъ обгоняя другъ друга, къ лавкамъ—сѣсть въ рядъ, и горе бывало тому оплошному, которому придется сѣсть только на концѣ: долго будетъ онъ съ завистью глядѣть, какъ вдали каждый освѣжаетъ себя стаканомъ, а до него, Богъ вѣсть еще когда дойдетъ чередъ. Естественно, мѣра такая влекла только къ тому, что

воспитанники старались гдѣ нибудь тайкомъ утолить жажду, и такимъ образомъ невинный поступокъ, самое естественное желаніе черезъ это нерѣдко пріобрѣтало видъ страшнаго преступленія, и влекло за собой наказаніе. Бѣгали потихоньку въ «дядешную» на третій этажъ, и тамъ напивались изъ ушата, или, зимою, слизывали горячимъ языкомъ съ оконъ ледъ, застывавшій на стеклахъ, или грязную сырость, которою они по краямъ туманились.

Но вотъ классы подходятъ къ концу, воду ужъ обносили, учитель закрываетъ тетрадь, куда ставятся баллы, звонокъ—и классы кончены. Строятся и идутъ къ вечернему чаю; послѣ этого вечерняя рекреація—полтора часа, и снова репетиція вечерняя—приготовленіе уроковъ къ завтрашнему дню. Какъ нескончаемо тянется она! Наконецъ опять слышенъ звонокъ: строятся, идутъ къ ужину, поютъ поспѣшно вечернія молитвы и—спать въ дортуаръ. Но дѣтская фантазія еще долго не освободится отъ дневныхъ впечатлѣній: учителя въ бакенбардахъ и въ очкахъ, звонки къ чаю и къ классамъ, зажиганье лампъ въ вечерніе классы — все это еще преслѣдуетъ ее, и долго долго еще звучатъ въ ухѣ: gauche–droite или links–rechts сержанта-воспитанника, идущаго впереди, пѣніе хоромъ спряженій, мѣрная поступь ногъ восьми-кратнаго на дню прохожденія изъ классовъ чрезъ дортуаръ въ столовую.

Разъ (это было въ субботу) вышелъ я изъ класса и, проходя дортуаръ, былъ изумленъ видомъ, который теперь онъ принялъ. На всякой табуреткѣ, стоявшей въ ногахъ у кроватей, было сложено по парѣ чулковъ и башмаковъ. Вдругъ мнѣ почему-то это показалось знакомъ, что всѣхъ отпускаютъ домой. Полный такихъ радостныхъ мыслей, вошелъ я снова въ классъ и прошепталъ сосѣду о своихъ предположеніяхъ. Каково-же было разочарованіе, когда ученикъ, сидѣвшій рядомъ со мною, объяснилъ мнѣ, что все это не такъ, «что изъ Института никого никогда не отпускаютъ домой, что онъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ и ни разу не былъ дома,—такъ и всѣ! Башмаки-же эти просто приготовлены для танцовальнаго класса, который и начнется сейчасъ-же послѣ чаю.» Какъ дико и какъ странно прозвуча-

ли для меня эти слова: «никогда никого не отпускаютъ домой»; но что такія слова были сущею правдой, это скоро оказалось на дѣлѣ. Когда раздался звонокъ, возвѣстившій конецъ классовъ, Гернади, построивъ насъ въ ряды, дѣйствительно привелъ въ дортуаръ: «Schuh anziehen!» — Всѣ обулись, выстроились у двери, которая сводила въ столовую, за этимъ переобувался каждый послѣдующій классъ и присоединялся въ строй у хвоста предыдущаго. Когда сдвинулись уже всѣ классы въ одинъ общій строй, по вновь раздавшемуся звонку сошли въ столовую. Послѣ чаю потянулись обычнымъ строемъ вверхъ, черезъ дортуаръ въ залу, а изъ нея уже слышалось настроиванье скрипки танцовальнаго учителя; скоро по отдѣленіемъ начали обучаться танцамъ.

Этимъ танцовальнымъ классомъ заключалась недѣля. Въ Субботу, выходя изъ послѣдняго класса, всѣ складывали свои книги и тетради въ столъ съ видомъ полнаго забвенія ихъ вновь до Понедѣльника. Надѣванье башмаковъ формальнымъ образомъ содѣйствовало такому настроенію; потомъ танцовальный классъ, послѣ него ужинъ, а завтра Воскресенье. Не въ 6, а уже только въ половинѣ седьмаго раздается вставальный звонокъ, поутру—въ церковь, а послѣ обѣдни—праздничный обѣдъ съ привилегіей четвертаго блюда, а послѣ обѣда начнется пріѣздъ—les parents, Verwandten. Проведя нѣсколько дней среди этой чуждой для меня жизни, я уже срастался съ ней, волей или неволей подчинялся той колеѣ, по которой она двигалась, уже начиналъ поддаваться ея непріязненному вліянію. На другой день на всѣхъ были новыя курточки, въ умывальной на окнѣ стояли глубокія тарелки съ квасомъ и въ немъ мочились щетки. Требовалось, чтобы всякій былъ теперь приглаженъ, причесанъ. Послѣ чаю не было утренней репетиціи и въ классѣ сидѣли не дотрогиваясь до книгъ (это было даже запрещено), разговаривая между собою; изъ залы слышалось нотное церковное пѣніе: пѣвчіе (изъ воспитанниковъ) подготовляли свои голоса для обѣдни, во всѣхъ классахъ двери были растворецы, солдатъ ходилъ съ курильницей, со смолкой. Наконецъ раздался звонокъ, и, построившись, пошли

къ обѣднѣ. Пройдя черезъ залу спустились мы въ швейцарскую, внизъ, и пошли по узкому, темному корридору, который привелъ къ узкой же и темной лѣстницѣ. Долго подымались мы въ темнотѣ на верхъ, путаясь рядами и пришли наконецъ въ низенькую, но длинную длинную комнату съ аркой, въ которой виднѣлась золоченая верхушка иконостаса и которая была огорожена перилами. Надзиратель установилъ насъ въ нѣсколько линій по мѣстамъ для молитвы; остальные классы проходили мимо насъ рядами, и черезъ нѣсколько времени въ другой аркѣ, которая была противъ насъ, завидѣлись мнѣ другіе воспитанники, стоявшіе линіями, какъ и мы. Это были хоры. Снизу заслышались молитвы и чтеніе; изъ средняго отдѣленія, съ хоръ слышалось отвѣтное пѣніе; но долго я еще вглядывался, долго не могъ понять, гдѣ же собственно происходитъ служба, гдѣ-же наконецъ эта церковь, въ которую мы будто пришли теперь? И обглядывалъ я ряды мальчиковъ, которые всѣ тутъ стояли недвижно, и надзирателя, который сѣлъ на подъоконную доску слуховаго, круглаго окна здѣшней комнаты и читалъ книгу, которую съ собою принесъ въ карманѣ. Подымался я на цыпочки, пробовалъ—не разгляжу ли чего нибудь больше верхушки иконостаса за этой аркой, бережно огороженной перилами, но увидалъ немного больше. Я чувствовалъ, что устаю и шопотомъ сказалъ о томъ своему сосѣду; онъ также шопотомъ и косясь на надзирателя совѣтовалъ мнѣ, чтобъ я, какъ будто молясь, сталъ на колѣни и потомъ присѣлъ на сапоги; многіе здѣсь и тамъ дѣйствительно виднѣлись въ такомъ положеніи. Обѣдня кончилась. Той-же нескончаемой лѣстницей, въ томъ же строю двинулся Институтъ, прошелъ темнымъ корридоромъ въ швейцарскую, оттуда въ залу, а изъ нея въ дортуаръ. Новое зрѣлище готовилось для меня. По звонку каждый сталъ у табуретки своей кровати (спали не по классамъ а «подъ ростъ»), раздался голосъ старшаго надзирателя, который теперь былъ тутъ же: «смирно!» и воцарилась мертвая тишина. Затаивъ дыханіе, стараясь и съ своей стороны поддѣлаться подъ эту тишину и недвижность, я косясь осматривалъ нескончаемый рядъ кур-

точекъ и блѣдныхъ лицъ, вытянутыхъ въ строй... ждалъ что то будетъ? Въ залѣ (резонансъ ея былъ удивительный) послышались голоса, звонкій французскій языкъ. Это былъ Директоръ, cher papa, который возвращался къ себѣ на квартиру, домой отъ обѣдни, а съ нимъ цѣлая толпа кавалеровъ и дамъ, гостей его, съѣхавшихся отслушать обѣдню въ Институтѣ. Плавно, тихо, величественно прошелся онъ со своею свитой между двумя рядами подчиненныхъ. Глаза всѣхъ провожали его, обращаясь къ нему, какъ подсолнечникъ къ солнцу; по мѣрѣ того, какъ онъ проходя строй, приближался къ двери, которая вела внизъ въ столовую и гимнастическую залу (за ней помѣщалась его квартира), глаза всѣхъ обращались туда-же. Когда онъ исчезъ на лѣстницѣ, раздался звонокъ и всѣ строемъ сошли къ обѣду. Этимъ оканчивался первый актъ Воскресенья—утро его.

Раздѣленіе цѣлаго года на мѣсяцы, на недѣли, а семи дней на будничные и воскресный—едва-ли оно гдѣ нибудь чувствуется такъ живо, какъ въ казенномъ заведеніи! Календарь цѣлаго года едва-ли кѣмъ нибудь могъ быть изученъ лучше воспитанниковъ его, этихъ мальчиковъ, изъ которыхъ многіе сюда попадали за тѣмъ, чтобы въ продолженіи 12-ти лѣтъ уже ни разу не выглянуть изъ за стѣнъ Института! Глядѣть въ окно на улицу? Но стекла забѣлены — ничего не видно. Весь существуешь только въ Институтѣ и для него, для шести дней будничныхъ и Воскресенья, для праздниковъ, для экзамена, для вакансіи, которая приходила лѣтомъ — и тогда все въ ней забывалось. И такъ мѣрятся года отъ одной вакансіи до другой, какъ Олимпіадами у Грековъ. А промежутокъ этотъ—какъ каллиграфически записанъ онъ каждымъ въ особенной, маленькой, красивенькой тетрадочкѣ. Вся она разлинована, вся раздѣлена на клѣтки мѣсяцевъ, недѣль, дней; дни отмѣчены голубою, красной, золотой краской: золотая—дни вакансіи, красная—подъ рядъ нѣсколько праздничныхъ дней, напр. святая недѣля, голубая—Воскресенье. И какъ заботливо каждый вечеръ зачеркивается чернильною чертою пройденный день, съ какимъ наслажденіемъ подъ конецъ академическаго года

видишь, что всѣ клѣтки въ тетради перечеркнуты, и недолго добраться уже до рядовъ, подернутыхъ золотою краской. Съ какою радостью зачеркивается и Суббота — и черта подошла къ голубой клѣткѣ Воскресенья.

Послѣ обѣда снова возвращаются въ классы, но видъ въ нихъ праздничный, воскресный. Большая часть мальчиковъ расхаживаетъ взадъ и впередъ, нетерпѣливо ожидая, что вотъ сейчасъ-же появится въ дверяхъ солдатъ и выкликнетъ его фамилію,—и онъ выйдетъ въ залу для свиданія съ отцомъ, съ матерью, съ родственникомъ. И то и дѣло дѣйствительно у двери выкликаются фамиліи—и счастливые уходятъ въ залу, предварительно съ ногъ до головы осмотрѣнные надзирателемъ: все-ли въ порядкѣ на нихъ? Каждый изъ залы вернется уже не съ пустыми руками, и сколько пакетовъ, коробокъ, обертокъ приносится въ классъ съ сладкими пирожками, съ конфектами или съ менѣе цѣнными «гостинцами», какъ это тутъ зовется. Надзиратель сейчасъ-же ревизуетъ такіе пакеты и обертки, и для храненія на цѣлую недѣлю прячетъ въ шкапъ: оттуда по своему усмотрѣнію будетъ онъ выдѣлять лакомства, по рекреаціямъ, примѣрному и благонравному ученику. Пріѣздъ этотъ, да и вообще послѣобѣденное время Воскресенья лаконически зовется тутъ общимъ именемъ: « les parents, Verwandten ».

Но грустно, когда на эту пріемную залу, въ Воскресенье наполненную отцами, матерями, родственниками—взглянешь нѣсколько съ другой стороны, болѣе истинной, а не съ той, откуда она представляется свѣтлымъ праздникомъ свиданія. Жалки станутъ дѣти, которыя рвутся и мечутся и бьются цѣлую недѣлю до слёзъ получать хорошіе баллы изъ того только, чтобъ въ Воскресенье имѣть пропускъ въ эту залу, и наконецъ успѣшными занятіями и покорнымъ послушаніемъ добиваются этого блага... какого-же? того, которое при самомъ рожденіи дано имъ уже какъ необходимое, имъ принадлежащее, и на которое никто посягнуть не имѣетъ права. Грустно, когда поглядишь и на то, что происходитъ тѣмъ временемъ гдѣ нибудь къ классѣ, въ углу! Неутѣшными слезами плачетъ бѣдный мальчикъ, уединясь отъ всѣхъ и закрываясь платкомъ: это наказанный—коротко и ясно:

«sans parents, ohne Verwandten ». Но какъ еще пуще зальется онъ слезами, когда вдругъ появившійся въ дверяхъ солдатъ выкликнетъ его фамилію, а онъ наказанъ.... И должна будетъ уйти мать, не видавъ его, и ей откажутъ. Не дѣтскою желчью забьется сердце мальчика, не дѣтски злобнымъ взоромъ отвѣтитъ онъ иногда въ ту минуту « серьёзному надзирателю », который скажетъ ему въ видѣ утѣшенія: « а, что? вотъ мама то твоя и ушла, не увидавъ тебя! учись впередъ хорошо—и увидишь! »...

Уже 4-й часъ прошелъ, становится темно, зажигаютъ лампы, а еще не кончилось « воскресное » свиданье съ родственниками. Въ 5-ть часовъ по звонку дѣлается зала пустою. Въ классахъ строятся теперь въ ряды, идутъ къ чаю, но за чаемъ (это особенность Воскресенья) большая часть стакановъ молока съ ломтемъ бѣлаго и чернаго хлѣба—останется нетронута. Щедро покормившіеся сладкими пирожками и другимъ добромъ въ промежутокъ до чаю отъ обѣда — не хотятъ мальчики своей молочной порціи, да и за ужиномъ ничего не тронутъ. Но до ужина еще далеко. Вечерняя репетиція въ Воскресенье передо всѣми другими по преимуществу имѣетъ это свойство казаться нескончаемо-длинною. Не лѣзутъ въ голову мысли объ ученіи, не лѣзутъ въ память пять и десять разъ прочитанныя строки, глаза слипаются, утомленное сластями горло проситъ воды... лампы такъ обременительно для глазъ свѣтятъ и томятъ усыпленное зрѣніе... Надзиратель, который то и дѣло кричитъ: « Still! ruhig! » уже ко многимъ подходилъ, пробуждая отъ сна. Зазвенѣлъ вдали звонокъ—ужинъ, и Воскресенье кончилось! А завтра вновь пробуждается по звонку весь Институтъ—для Понедѣльника.

Дни мало разнятся между собою. Ежедневно таже самая, часъ въ часъ акуратно распредѣленная рутина разнообразится тѣмъ только, что Понедѣльникъ, Середа и Пятница—Французскіе дни; съ утра является Дювержень, и съ этого мига всѣ на цѣлый день обязаны говорить по французски; по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ—дни Нѣмецкіе—является Гернади, и каждое Русское или уже Французское слово преступленіе, вездѣ долженъ слышаться Нѣмецкій

діалектъ. Пусть поступитъ «новичекъ», несмыслящій ни одного слова на иностранномъ языкѣ, да и на родномъ Русскомъ лепечащій самыя простыя, короткія фразы—законъ и къ нему неумолимъ, долженъ и онъ подчиняться общему правилу. Правда, при всемъ желаніи не можетъ онъ выговорить требуемаго слова, но бѣда не велика: пусть во Французскіе дни къ каждому отдѣльному слову, или иногда (когда близко нѣтъ надзирателя) къ цѣлому предложенію прибавляетъ онъ въ началѣ: «comment dire en français» и за этимъ уже лепечетъ свое порусски; въ дни Нѣмецкіе по этой-же формулѣ: «Wie heist das auf deutch?» и опять пусть вклеиваетъ цѣлыя Русскія фразы—и это не вмѣнится ему въ вину. Но горе тому ослушному, который безъ такой оговорки невольно, въ забывчивости, скажетъ кому прямо: «передай мнѣ квасу», или: «у меня голова болитъ» и проч. Гдѣ бы произнесено ни было, шопотомъ ли во время класса, за столомъ-ли, въ дортуарѣ-ли, въ задней-ли наконецъ комнатѣ, вдругъ Богъ вѣсть откуда является неожиданная фигура Дюверженя (который и любитъ хвалиться чуткостію своего слуха, и всякій такой случай доставляетъ ему видимое удовольствіе). Бѣдный мальчикъ! дыханье его спирается, онъ потупляетъ въ полъ глаза свои, какъ человѣкъ у котораго нечиста совѣсть; а сіяющій Дюверженъ, который уже вынулъ тетрадку изъ боковаго кармана, дѣлаетъ въ ней гіероглифическую отмѣтку карандашомъ, и приговариваетъ: «а, а, болитъ головушка? а вотъ мы нынче за обѣдомъ ее и вылѣчимъ: sans dernier plat! » или « передай мнѣ квасу! а? жажду утолить захотѣлось, послѣ пирожка съ говядиной? такъ ужь лучше безъ пирожка остаться — mercredi! » И резолюція, внесенная въ тетрадку, непремѣнно осуществится въ Середу, а во Вторникъ, быть можетъ, Нѣмецкій день тѣже самыя резолюціи перенесетъ на Четвергъ и. т. д. Въ антрактѣ между утренними и вечерними классами, послѣ обѣда, почти ежедневно, время посвящено маршировкѣ. Великанъ урядникъ съ страшными усами высится посрединѣ необозримой залы и густымъ басомъ напѣваетъ: лѣвой–правой, лѣвой–правой и т. д. Онъ страшенъ, онъ деспотъ, онъ сознаетъ свое достоинство какъ никто—этотъ

великанъ-урядникъ съ медалями на груди. Безъ посредства надзирателей прямо относится онъ къ старшему надзирателю, въ случаѣ какой нибудь неисправности, ошибки или грубости, и Карлъ Ивановичь Шицъ, вообще непризнающій оправданій со стороны ученика, тѣмъ болѣе не находитъ имъ мѣста, когда жалоба поступила отъ учителя маршировки. Въ вечернюю рекреацію время большею частью посвящено или церковному пѣнію или гимнастическимъ упражненіямъ, такъ что рекреаціи собственно нѣтъ. Притомъ, такъ какъ 1-й классъ во время рекреаціи не имѣетъ права оставаться въ своей классной комнатѣ, а долженъ находиться въ рекреаціонной, то и послѣднее, единственное утѣшеніе: чтеніе увлекательной книжки, за которою все позабудешь, дѣлается по большой части невозможнымъ. О, какъ тягостны были для меня въ началѣ эти безсмысленныя прогулки изъ угла въ уголъ нескончаемо-обширной залы, по которой бѣгаютъ, кричатъ, возятся и суетятся десятки мальчиковъ. Одинъ остаешься чуждый всему и спрашиваешь, что это такое? Не различаешь даже лицъ человѣческихъ у всего этого сбора курточекъ со свѣтлыми пуговицами. Долго, долго все это населеніе товарищей представляется безличнымъ, часто принимаешь одного за другаго, то и дѣло грезятся двойники. Фамиліи, разнообразныя до невыразимости, представляются лишенными опредѣленнаго звука, или звуками безъ значенія. Но малу по малу начинаютъ изъ общей массы выдаваться личности, которыхъ замѣчаешь и ужь потомъ не смѣшиваешь. Мѣсяцъ, другой — и все это уже объотчетилось, каждый узнанъ до малѣйшихъ, ускользающихъ для посторонняго особенностей; фамиліи, которыя и въ классѣ и вездѣ звучатъ поминутно, такъ вросли въ память, что пройдетъ годъ, и уже удивишься тому, какъ могъ прежде не отличать одного отъ другаго; возможно-ли было думать, что память никогда не удержитъ именъ, которыхъ тутъ есть, правда, сотъ до четырехъ, но которыя однако еще и теперь знаю я такъ твердо.

«Въ садъ! въ садъ!» услышалъ я радостные крики вокругъ себя, когда разъ послѣ классовъ, въ рекреацію, всѣ пошли надѣвать шинели. Ни у кого не было отдѣльной

шинели, но сотни ихъ хранились въ дубовыхъ шкапахъ «умывальной», и каждый разъ, когда было надо, выдавались оттуда «урядникомъ» наобумъ, или правильнѣе по глазомѣру—кому какая придется, и при толкотнѣ, давкѣ и шумѣ, вылетали онѣ съ полокъ; а по возвращеньи съ гулянья вновь для долгаго отдыха укладывались туда, свернутыя въ трубки. Въ такой суматохѣ и давкѣ прошло довольно времени, когда наконецъ надзиратель построилъ всѣхъвъряды,и мы двинулись по черной, задней лѣстницѣ внизъ на дворъ. Обширный дворъ Института былъ разбитъ на многіе, отдѣльные дворы, изъ которыхъ два носили также почетное названіе сада. Этотъ разъ впрочемъ (оттого то и былъ такой общій восторгъ) мы шли въ большой садъ—настоящій. Какъ благодатно, какъ пріятно пахнуло свѣжимъ воздухомъ, послѣ долгаго заключенія въ однѣхъ стѣнахъ; какъ было весело увидать, проходя въ садъ, на дворѣ, мимо пробѣжавшую кошку, и голубей, которые клевали кормъ у какой то поваленной кадки, услыхать чиликанье воробьевъ—все это болѣе или менѣе были предметы знакомые, переносившіе *домой*, выходящіе изъ уровня нескончаемо длинныхъ стѣнъ, казенныхъ лампъ, лавокъ съ мѣдными чернилицами, класса съ черною доскою и пр. Но какъ страненъ показался мнѣ этотъ садъ, куда мы пришли теперь, какъ долго не могъ я понять, чему это всѣ такъ радуются! Не было тутъ цвѣтника, вокругъ котораго шла-бы пескомъ устланная дорожка, не было здѣсь грядокъ, оранжерей. Это была просто циркулемъ отмѣренная, большая квадратная площадь. Двѣ стороны ея были обнесены высокой каменной стѣною, обсаженной высокою акаціей, другія двѣ стороны правда оканчивались кустарникомъ, за которымъ виднѣлись и кривыя дорожки,—но туда не пускали. Въ углу площади, стояла бесѣдка. На семи деревянныхъ столбахъ, выкрашенныхъ какъ полосатыя версты и расположенныхъ въ кружокъ, была утверждена такая-же полосатая семигранная крыша; внизу столбы соединялись лавками. Нога въ ногу пришли мы на эту площадку; «Halte!» крикнулъ Дювержень— остановились;—«au front!» — обернулись во фрунтъ. «Promenez vous!»—и ряды разсыпались. Иные чертили на пескѣ какія-то большія клѣт-

ки и, бросая въ нихъ камышекъ, выгоняли его оттуда, прыгая на одной ногѣ, другіе строились какъ солдаты, третьи бѣгали и ловили другъ друга, и все засуетилось, задвигалось... Мы съ Родей стали ходить подъ руку, обгля-дывая всю площадку: лавки, акацію, паутины по камен-нымъ стѣнамъ. Къ намъ присоединилось нѣсколько « това-рищей ». Дювержень «велѣлъ» имъ бѣгать съ нами, пока-зать какую нибудь игру; но скоро пошелъ сѣрый осенній пополамъ со снѣгомъ дождикъ, задулъ холодный вѣтеръ — и, построившись по прежнему, тѣми-же огромными желѣзны-мы воротами вышли мы изъ саду, прошли по вымощенному пространному двору, поднялись рядами по той же черной, задней лѣстницѣ въ умывальную, гдѣ опять началась сума-тоха съ шинелями. Каждый кидалъ свою урядннку , тотъ неудачно ловилъ ихъ на воздухѣ—цѣлыя кучи изъ шинелей валялись на полу, и мы рядами пришли въ залу. Я ни-сколько не пожалѣлъ о садѣ, которому сначала было такъ обрадовался. Видъ его былъ столько же угрюмъ и строгъ, какъ и непривѣтный видъ слишкомъ казенныхъ комнатъ Института.

Но садъ этотъ игралъ важную роль въ институт-ской жизни. Лѣтомъ, съ 8-ми часовъ утра, сейчасъ послѣ молока, которое всегда называлось чаемъ, шли сюда, и кромѣ время обѣденнаго, ужина и вечерняго чаю, весь день прово-дился здѣсь. Младшій классъ всегда оставался на этой площад-кѣ; другіе гуляли по всему саду, гдѣ были дорожки, кустар-никъ, и между прочимъ одна клумба съ цвѣтами и павильонами изъ вьющихся растеній. Тутъ 5-ти и 6-тиклассники нахо-дили случай курить въ кустахъ папиросы, что было строго запрещено, и что считалось недостижимымъ блаженствомъ для классовъ низшихъ; цѣлые 12 лѣтъ съ ихъ 12-ю экза-менами надо было имъ пройти , чтобы достигнуть до этого блаженства. Сюда былъ дозволенъ входъ уличнымъ разнощикамъ, и они всегда появлялись съ лотками пряни-ковъ, сусальныхъ конфетъ и тому подобной дряни, ко-торая однако имѣла большой вкусъ для голодныхъ и не-взыскательныхъ желудковъ учениковъ ,—и щедро расточа-лись гривенники и двугривенные, выдаваемые имъ надзирате-

лями. (Своихъ денегъ имѣть у себя не дозволялось, они хранились у надзирателя). Въ саду всевозможныя школьныя игры достигали громадныхъ размѣровъ, особенно игра въ солдаты и въ бары. Тутъ въ знойные, лѣтніе дни, утомленные и бѣганьемъ, и ловлей пчелъ и бабочекъ, и разными играми, собирались ученики большей частью въ семигранную бесѣдку, въ тѣнь, и нетерпѣливо ожидали прихода дядьки съ большимъ кувшиномъ воды,—и часто для измученнаго жаждою ребенка игра была не въ игру и прогулка не въ прогулку, и нѣсколько часовъ съ ряду терпѣлъ и ждалъ онъ, когда наконецъ этотъ глиняный кувшинъ завидѣется на одной изъ дорожекъ. Садъ отъ самаго Института былъ отдѣленъ дворомъ, и всякое сообщеніе съ комнатами прекращалось для тѣхъ, кто вошелъ сюда; тѣ же, кому приходила нужда вернуться домой, отсаживались одинъ за другимъ въ сторону, и когда ихъ набиралось довольно, надзиратель строилъ ихъ въ ряды и отпускалъ съ дядькой, который для этого именно всегда находился у воротъ сада. Между прочимъ садъ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ еще, что проходить въ него надобно было многими отдѣльными дворами, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои особенности, любопытныя и памятныя для зоркаго дѣтскаго вниманія. Вотъ цѣлый кварталъ дровъ, которыя тутъ образуютъ цѣлыя улицы и переулки. Вотъ другой дворъ, замѣчательный копюшнями и экипажными сараями Директора. Вѣчно у этого сарая выдвинута коляска или карета, — кучеръ обмываетъ грязь съ колесъ или впрягаетъ славную пару сѣрыхъ въ яблокахъ или четверню вороныхъ. И когда ученическіе ряды поравняются съ этимъ мѣстомъ, непремѣнно начнется шопотъ (вѣчно одинъ и тотъ же): что это лошади директорскія, что это онъ куда нибудь ѣдетъ и т. п. Въ самомъ саду домъ Инспектора возбуждалъ одинаковое вниманіе: онъ выходилъ въ садъ террасой, и невдалекѣ отъ нея вѣчно толпились кучки мальчиковъ и наблюдателей. Отъ нихъ всегда можно было получать извѣстія въ родѣ этихъ: сейчасъ Инспекторъ прошелъ мимо окна, или: сейчасъ жена Инспектора глядѣла

въ окно, или: сейчасъ въ окнѣ было видно, какъ прошла кормилица съ сыномъ Инспектора.

Впрочемъ такое вниманіе, возбуждаемое конюшнями Директора и Инспекторскимъ домомъ, имѣло главнымъ источникомъ то, что лица Директора и Инспектора были вообще окружены особенной таинственностью. Инспекторъ былъ вообще невидимъ, ни въ чемъ не чувствовалось его вліяніе; о немъ было часто слышно по всему Институту, а онъ, между тѣмъ, какъ будто не существовалъ. Въ два мѣсяца разъ или два неожиданно и всегда мелькомъ показывался онъ въ классѣ, сановитый, тучный, высокій. Директоръ напротивъ того почти ежедневно посѣщалъ Институтъ; тѣмъ не менѣе посѣщеніе его было всякій разъ такъ царственно, что и при ежедневности впечатлѣнія не слабѣло къ нему таинственно настроенное расположеніе воспитанниковъ. Часу въ 12-мъ, когда шли классы, вдругъ настежъ отворялась дверь солдатомъ, всѣ вставали и въ мигъ установлялась полная тишина. Полная, небольшаго роста фигура Директора медленно показывалась въ дверяхъ, непремѣнно въ сопровожденіи старшаго надзирателя; дойдя средины классной комнаты, онъ тихо кивалъ головою. Весь классъ отвѣчалъ въ одну ноту отрывисто: « bonjour, cher papa »; и онъ вновь тихо кивалъ головою и медленно продолжалъ шествіе въ слѣдующіе классы; а старшій надзиратель, забѣгая впередъ, отворялъ двери. Теперь уже изъ слѣдующаго класса слышалось хоромъ ему сказанное привѣтствіе « bonjour, cher papa », потомъ изъ послѣдующаго, и далѣе, при чемъ откликъ всякій разъ дѣлался глуше. Минутъ черезъ 10 вновь дверь растворялась настежъ—это было его обратное шествіе, вновь всѣ вставали съ мѣстъ, при чемъ онъ обыкновенно, ускоряя шагъ, шепталъ въ полголоса: « сидите, сидите », и скрывался въ дверяхъ, сопровождаемый опять Карломъ Иванычемъ. Послѣ такого выхода уже не было его видно цѣлый день. Два раза въ годъ, въ день его имянинъ и въ день его рожденія, весь Институтъ приносилъ ему дань благодарности и любви: старшіе классы въ видѣ картинъ, общими силами живописанныхъ и рисованныхъ; младшіе въ видѣ

стиховъ, каллиграфически написанныхъ на почтовой бумагѣ и произносимыхъ въ слухъ выбраннымъ ученикомъ. Другихъ отношеній не было къ нему, не было и другихъ встрѣчъ съ нимъ. Оттого-то вѣроятно такъ заботливо и относилось дѣтское вниманіе даже къ каретному сараю, къ сѣрымъ и къ воронымъ лошадямъ его, всякій разъ когда по дорогѣ въ садъ случалось проходить мимо.

Но если Директоръ и Инспекторъ такъ рѣдко были видны въ Институтѣ, такъ за то ничего не могло быть стѣснительнѣе и ненавистнѣе частыхъ, почти ежеминутныхъ посѣщеній главнаго помощника ихъ обоихъ, старшаго надзирателя, Карла Ивановича Шица. То и дѣло появлялся онъ то въ томъ, то въ этомъ углу, какъ безотвязная тѣнь, всегда наводя страхъ своимъ появленіемъ. Должность его захватывала много болѣе противъ названія своего. Въ сущности одинъ онъ и былъ здѣсь директоромъ и инспекторомъ, за разъ исправляя ихъ должности; онъ одинъ былъ непремѣнный членъ заведенія, секретарь всѣхъ дѣлъ его: по хозяйству, по преподаванію, по надзирательству, по конфирмаціи наказаній, по ихъ исполнительной части. Словомъ ничто не могло пройти мимо его. Ни Директору, ни Инспектору не представлялось ни малѣйшаго повода быть имъ недовольнымъ: онъ такъ усердно выполнялъ ихъ должности. Надзиратели видѣли въ немъ свое божество: онъ всегда являлся такимъ слѣпымъ конфирматоромъ ихъ рѣшеній, безъ апелляціи, безъ отговорокъ! Но что касается до воспитанниковъ, то едва-ли можно было для нихъ придумать существо болѣе тираническое и ненавистное этого Нѣмца, этого старшаго надзирателя, этого Карла Ивановича Шица! Съ незапамятныхъ временъ, чуть не съ основанія Института находился онъ въ этой должности, и такъ съ нею сроднился, такъ полюбилъ всѣ ея обязанности, такъ отдался занятіямъ, съ ней сопряженнымъ, что весь міръ, казалось, ограничивался для него четырьмя стѣнами Института, и помѣщенными въ нихъ нѣсколькими сотнями воспитанниковъ, надъ которыми онъ могъ быть и былъ деспотомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ былъ холостякъ, и почему-то даже ходило о немъ

таинственное мнѣніе, что онъ былъ ненавистникъ женщинъ. Но кромѣ такихъ безпрестанныхъ явленій, были у него опредѣленные, въ положенный часъ, выходы.

Утромъ, когда репетиція подходитъ уже къ концу и съ минуты на минуту ухо каждаго ждетъ обычнаго звонка къ чаю — слышатся уже его шаги и откашливанье. Онъ вошелъ, всѣ встали. Въ рукахъ у него бумажка. Визитъ этотъ имѣетъ цѣль спеціальную. « Чижовъ! » выкликаетъ Карлъ Ивановичь, и блѣдный испуганный мальчикъ отдѣляется отъ своихъ товарищей, и молча выходитъ къ нему, становясь сзади. «Елицынъ!» выкликаетъ онъ снова — и вотъ снова выходитъ одинъ, весь блѣдный и становится рядомъ съ прежде-вызваннымъ ; выкликаются иногда и другіе. Большею частью молча, а иногда обратясь съ какимъ нибудь привѣтствіемъ къ нимъ въ родѣ такого: « опять на васъ жалобы ! Такъ-то вы изъ математики учитесь !.. ну , угощу же я васъ!» Оставляетъ онъ ихъ, и идетъ дальше въ слѣдующіе классы. Только что скрылся онъ за дверью, мальчики, вызванные имъ по бумажкѣ, подымаютъ на весь классъ такой плачь, такой вой, что не до ученья теперь ихъ товарищамъ, оставшимся за книгами. Но вотъ снова отворяется дверь—Карлъ Ивановичь возвращается—и уже цѣлый хвостъ приговоренныхъ, выведенныхъ изъ другихъ классовъ теперь слѣдуетъ за нимъ. Вызванные къ нимъ присоединяются и съ плачемъ , съ всхлипиваніями, вся толпа (онъ впереди) скрывается за дверью. Правда , такого рода выходы старшаго надзирателя приходились только въ опредѣленные дни, два раза въ недѣлю, (каждый день по окончаніи вечерней репетиціи сносятся къ нему на квартиру журналы, гдѣ ставятся баллы за ученіе и поведеніе, и онъ, отмѣчая дурные, сводитъ всю недѣлю на двѣ ровныя половины и выводитъ общій результатъ для каждыхъ 3-хъ дней); но такъ какъ ежедневно поступаютъ какія нибудь жалобы отъ надзирателей на рѣзвость, шалость, непослушаніе ученика, то, по большей части, и сверхъ опредѣленныхъ двухъ дней, Карлу Ивановичу почти всегда выпадалъ удобный случай... Между воспитанниками существовало странное , но годами установившееся по-

вѣрье, что въ тотъ день особенно пророчитъ горе приходъ Карла Ивановича Шица, когда придетъ онъ въ сѣрыхъ панталонахъ; а если въ черныхъ, такъ большею частью нѣтъ опасенія, и онъ бываетъ даже склоненъ къ прощенію. Замѣчательно, что это повѣрье имѣло на своей сторонѣ опытъ многихъ лѣтъ, и съ рѣдкими исключеніями почти всегда оправдывалось на дѣлѣ. Впрочемъ много всякихъ примѣтъ и преданій жило въ этомъ дѣтскомъ своеобразномъ мірѣ. — Между всѣми воспитанниками были два, три, которыхъ по преимуществу какъ то всегда находилъ поводъ, или, какъ выражались воспитанники, любилъ сѣчь Карлъ Ивановичь Шицъ. Одинъ изъ нихъ робкій, бѣлокурый мальчикъ получилъ даже въ этомъ смыслѣ названіе «любимца Карла Ивановича.»

Разъ, когда кончивъ утренніе классы, всѣ мы парными рядами нога въ ногу шли по дортуару, вдругъ Богъ-вѣсть откуда появившійся Карлъ Ивановичь громко скомандовалъ: «Стой!» Ряды и остановились, и онъ началъ бранить урядника, за то, что этотъ «опоздалъ» какимъ-то наказаніемъ. Урядникъ, вѣчный спутникъ и помощникъ Карла Ивановича въ дѣлѣ наказаній, и хранитель всѣхъ принадлежностей казни, смѣшавшись, отвѣчалъ, что «все давно готово!»—«Такъ чего-же ты ждешь?» неистово крикнулъ Шицъ, «сюда и веди къ дверямъ, чтобы видѣлъ весь Институтъ!»

Урядникъ изъ за угла вывелъ подъ руку однаго воспитанника изъ среднихъ классовъ. Весь онъ былъ до ногъ закутанъ въ одѣяло, а на головѣ его уродливо торчалъ бумажный дурацкій колпакъ съ бумажными-же на верху завитушками. Онъ былъ какъ мертвецъ. Его поставили къ дверямъ, чтобы весь Институтъ прошелъ мимо, а Карлъ Ивановичь съ тѣмъ-же неистовствомъ принялся бранить его, насмѣхаться надъ нимъ и, обращаясь къ проходившимъ, объяснялъ вину его.

Полный страшныхъ мыслей, долго не могъ я заснуть тотъ день, и припоминая все, чему я тутъ наглядѣлся въ изобиліи, запугивалъ и свое воображеніе ожиданіемъ:

что то придется и мнѣ вынести здѣсь въ Институтѣ? Что могло быть общаго между ребенкомъ, лепечащимъ почти еще колыбельныя, самыя дѣтскія фразы, и всей окружающей дѣйствительностью съ ея пытками и наказаніями! Близкое горе однако ожидало меня на первый разъ совсѣмъ съ другой стороны, съ той, откуда я ожидалъ его всего менѣе—отъ Дюверженя.

По мнѣнію Дюверженя, я былъ избалованный, никуда негодный ребенокъ и капризный мальчишка. Часто, когда въ его классѣ (онъ былъ учителемъ Французскаго языка) нараспѣвъ всѣ читали книжки «Leçons», а онъ подтягивалъ тактомъ вслѣдъ за чтеніемъ учениковъ, и то и дѣло отъ одного переходилъ къ другому, — часто, оглушенный такимъ хорнымъ пѣніемъ, приходилъ я въ забвеніе всего окружающаго, ужь ничего не разбиралъ въ книгѣ, невыносимая тоска западала въ душу, горячія слезы падали невольно на жесткіе листы раскрытой книги; часто въ эту минуту вдругъ Дюверженъ останавливалъ чтеніе всего класса и, повидимому не обращаясь ко мнѣ, говорилъ такія двусмысленныя вещи, что при всеобщемъ молчаніи вдругъ я заливался уже открытыми слезами, чувствуя оскорбительность его насмѣшки, которую онъ относилъ на мой счетъ, и которой я не заслуживалъ. «Не люблю, не люблю, говорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ, этихъ маменькиныхъ сынковъ, которые чуть мама за дверь — анъ и люни распускаютъ!» Когда прежде говаривалъ онъ такого рода замѣчанія, я даже и не угадывалъ, что всѣ онѣ направлены противъ меня. Одинъ горестный случай скоро открылъ мнѣ глаза. Разъ, въ вечернюю репетицію, когда онъ въ журналахъ выставлялъ баллы за поведеніе, вдругъ оторвался онъ отъ своего занятія и опять ко всему классу обратился съ проповѣдью: «Этому-то что поставить?» Всѣ начали слушать. «Поставилъ бы я ему и хорошій баллъ, да люни то, люни... вотъ что насъ сгубило! Мамуся да бабуся все на умѣ!» Я, какъ и всѣ другіе, слушалъ все это очень покойно, и когда онъ произнесъ послѣднія слова съ окончаніемъ *уся*, которое такъ смѣшно и протяжно вывелъ, всѣ разсмѣялись, разсмѣялся и я. Тогда вдругъ соскочилъ онъ съ своего мѣста и кинулся

прямо ко мнѣ. «Негодный мальчикъ! закричалъ онъ на весь классъ, каковъ? еще онъ-же и смѣется!» Тутъ только я понялъ, что изощрялся онъ это на мой счетъ, и что такимъ дурацкимъ образомъ онъ намекаетъ на то, что лучшимъ моимъ утѣшеніемъ все это время дѣйствительно было видѣться съ матерью, которая пріѣзжала ежедневно,—утѣшеніе, которое я и не считалъ долгомъ ни отъ кого скрывать. «Мамуся! бабуся!» шепталъ я себѣ сквозь слезы, и такъ на него взглянулъ въ ту минуту, что онъ отступилъ отъ меня шагъ назадъ, и прибавилъ: «а, да онъ еще и злой мальчикъ! злой къ тому-же!.. ну видно его надо хорошенько забрать въ руки! нѣтъ, вѣдь тутъ не дома, тутъ капризы то эти всѣ изъ головы вылетятъ. Нѣтъ! вѣдь Карлъ Иванычь здѣсь не нянька, онъ шутить не любитъ!...» Но ужь я ничего не слышалъ, а положилъ платокъ на свой ящикъ и, опустивъ на него голову, горько плакалъ.

Это было первое мое столкновеніе съ Дюверженемъ, повлекшее за собою цѣлый рядъ ихъ, чрезъ который прошелъ я какъ сквозь истинную школу злосчастія. Истинными мученіями, пытками должны были онѣ представляться 8-ми лѣтнему ребенку, съ которымъ уже были разорваны всѣ остальныя связи и весь онъ отданъ теперь четыремъ стѣнамъ Института. Вся эта институтская жизнь, и прежде смертельной тоскою наполнявшая мое сердце, страшнѣе, мучительнѣе показалась мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ Дювержень оказался злѣйшимъ врагомъ моимъ. И какъ будто еще находилъ онъ какое то удовольствіе поминутно повторять мнѣ, что «нѣтъ, вѣдь здѣсь не дома! люни то изъ головы повылетятъ! Карлъ Ивановичъ не свой братъ» и прочее. И даже свиданія съ мамой, которая продолжала почти ежедневно пріѣжать къ намъ въ вечернія рекреація, съ тѣхъ поръ стали даже почему-то мнѣ тягостны. Я не хотѣлъ, чтобы она бывала тутъ; я говорилъ ей, когда слѣдующій день приходился Французскій и долженъ былъ дежурить Дювержень: «Мама! вы не пріѣзжайте къ намъ завтра! мама, намъ не будетъ скучно!» Въ недоумѣніи глядѣла она на своего Сашу съ Родей, и съ болью угадывало материнское сердце

многое, чего не доставало силъ передать ей на ребяческомъ языкѣ.

Тогда Нѣмецкіе дни получили для меня добрый, успокоительный характеръ. Herr Гернади обращался кротко, ласкалъ; въ рекреацію оставлялъ при себѣ и что нибудь разсказывалъ; называлъ меня Сашинькой, братца Родинькой; давалъ читать книжки, и всегда въ его дни «за поведеніе» я получалъ хорошіе баллы. Онъ даже удивлялся и спрашивалъ меня: за что я получаю за поведенье дурные баллы у Дюверженя? И думая, что за непослушаніе, давалъ наставленія, что надзирателей всегда надо слушаться и т. п. На другой день наставало дежурство Дюверженя, и опять выносила пытку душа ребенка.

Дюверженъ въ общемъ мнѣніи воспитанниковъ слылъ за умнаго человѣка. Сколько могу судить по воспоминанію и основываясь на другихъ примѣрахъ, которые мнѣ привелось видѣть здѣсь и въ иныхъ заведеніяхъ, подъ такимъ названіемъ у школьниковъ разумѣется большею частью типъ одинъ и тотъ-же. Учитель или надзиратель, который мало стѣсняясь установленной программой, часто заводитъ толкъ о вещахъ постороннихъ и о томъ преимущественно, что̀ въ общежитіи зовется «практическимъ взглядомъ», который слегка выказываетъ умышленное небреженіе къ своему зянятію и подъ часъ даже проговариваетъ, что «выжимаетъ изъ него все что только можетъ быть ему полезно и пригодно, а до остальнаго ему дѣла нѣтъ»,—такой учитель вѣчно пріобрѣталъ въ глазахъ учениковъ значеніе умнаго человѣка, и Дюверженъ въ этомъ смыслѣ вполнѣ былъ умный человѣкъ. Французъ по фамиліи, но Русскій по исповѣданію и языку, то любилъ онъ въ иныхъ случаяхъ указывать на свое Французское происхожденіе, то о другихъ надзирателяхъ презрительно отзывался «ваши Нѣмцы-Французы!» Въ Институтъ являлся хотя аккуратно, минута въ минуту, но каждый разъ притомъ изъявлялъ громогласно, что пріѣхалъ сюда на своихъ лошадяхъ, которыхъ отослалъ назадъ привезти сюда его «человѣка», которому еще надо отдать нѣсколько приказаній и пр. и пр. Притомъ, всѣ надзиратели жили тутъ-же при заведеніи, на казенныхъ квартирахъ, а онъ

свою квартиру оставилъ пустою, а живетъ на сторонѣ и какое-же, ему дѣло до Института? Сдалъ свой день—и дѣло съ концомъ. — При всемъ томъ онъ трудится здѣсь какъ волъ. И дѣйствительно правда: надзиратель 1-го класса, онъ былъ въ немъ-же учителемъ Французскаго языка и учителемъ каллиграфіи. Среди многихъ, разнообразныхъ, принадлежавшихъ ему способностей, надо было отдать полную справедливость каллиграфической. Эти правильныя, густыя, четкія, вполнѣ каллиграфическія буквы, которыя онъ съ такою тщательностью выводилъ на прописяхъ, до сихъ поръ у меня въ памяти.

Слово «надзиратель» вовсе не идетъ для выраженія того понятія, осуществленіемъ котораго на дѣлѣ былъ Дювержень. Не рисуется ли большею частью подъ этимъ названіемъ весьма скромная личность, наблюдающая за воспитанниками внѣ классовъ, и только? Здѣсь было не то: надзиратель былъ все въ своемъ классѣ. Никакихъ сношеній съ начальниками не было у учениковъ, какъ только съ нимъ; равно и надзиратель не вступалъ въ сношенія ни съ кѣмъ изъ начальниковъ при управленіи классомъ; въ немъ онъ былъ царь. И такъ какъ надзиратель не смѣнялъ классовъ, а навсегда оставался въ томъ, куда поступилъ съ незапамятныхъ временъ первый разъ; то весь Институтъ представлялъ такимъ образомъ собою шесть независимыхъ, маленькихъ царствъ, изъ которыхъ каждое было отпечатано своимъ типомъ, смотря по надзирателю. 1-й классъ, какъ самый меньшой, весь состоявшій изъ дѣтей, конечно всѣхъ больше чувствовалъ надъ собой это надзирательское начало. Дювержень числился старше Гернади и былъ царькомъ своего маленькаго царства, многолюднаго 1-го класса. Онъ больше Гернади обращался съ воспитанниками, цѣлый день дежуря какъ надзиратель, и занимая большую часть класснаго времени своими уроками Французскаго языка и каллиграфіи. Любимою фразой Дюверженя, которой вполнѣ и опредѣлялось его правленіе, было: «у меня свой разсчетъ.» — «Я не стану какъ тѣ Нѣмцы-Французы каждый разъ со всякой бездѣлицей къ Карлу Ивановичу относиться,» говаривалъ онъ при своихъ расправахъ, «у меня свой раз-

счетъ!» Прибавить должно, что въ старшихъ классахъ, и особенно въ двухъ послѣднихъ, болѣе или менѣе пробуждалось уже между воспитанниками сознаніе приближающагося выхода, и сами надзиратели начинали это имѣть въ виду; тогда какъ въ 1-мъ классѣ имѣлась въ виду необозримая въ будущемъ перспектива 12-ти лѣтъ — и только. И тѣмъ страшнѣе, тѣмъ ужаснѣе становилось мое положеніе со дня моего разрыва съ Дюверженемъ: было отъ чего ожидать съ трепетомъ его дежурства. Артистически отдававшійся всему, гдѣ дѣло шло объ устройствѣ чего бы ни было, онъ и классъ Французскаго языка устроилъ по особенному, своему образцу. Всѣ ученики были раздѣлены на два отдѣленія: première division—лучшее, seconde division—младшее. Годъ ученія начинался чтеніемъ. Воспитанники, сидя въ линіяхъ на лавкахъ, усаживались такъ: одинъ изъ перваго division, съ нимъ рядомъ другой изъ 2-го division. У каждаго старшаго ученика въ рукахъ была указка — перо, уже негодное для письма, обиравшееся отъ классовъ калиграфіи. Этимъ расщемленнымъ, царапавшимъ перомъ старшій ученикъ водилъ по строчкамъ, и читалъ вмѣстѣ съ сидѣвшимъ рядомъ. Весь классъ читалъ одно и тоже и въ тактъ, выбиваемый Дюверженемъ по столу линейкою. Перо у каждаго двигалось секунда въ секунду ровно по книгамъ— и слышался отъ нихъ свой особый отзвукъ въ общемъ хорѣ такого ладоваго чтенія. Дювержень то и дѣло переходилъ отъ одной лавки къ другой и, наклоняя голову, прислушивался къ чтенію каждаго, при чемъ (въ этомъ собственно и заключалось его изобрѣтеніе), если ученикъ 2-го отдѣленія засматривался въ сторону или читалъ неправильно, старшій, въ видахъ ненарушенія чтеній словеснымъ увѣщаніемъ, долженъ былъ всякій разъ щипать его *ниже поясницы*, размѣряя боль степенью его невниманія и разсѣянія. Щипать же старшихъ учениковъ въ этомъ случаѣ Дювержень предоставлялъ уже себѣ,—и былъ одинъ изъ старшихъ, который особенно всегда подвергался, или котораго, по выраженію школьныхъ товарищей, любилъ щипать Дювержень. Это былъ мальчикъ тучный, неповоротливый, неуклюжій, и при всемъ этомъ съ очень

симпатическимъ выраженіемъ лица. Дювержень ни мало и не скрывалъ такого предпочтенія; напротивъ того любилъ часто о томъ объявлять въ слухъ на цѣлый классъ. «Вотъ такъ молодецъ Ш**, ужъ его и ущипнуть такъ есть за что!» Но если бы онъ и не объявлялъ о томъ въ слухъ, можно было всегда узнать о совершеніи такаго процесса: въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ Ш** за Французскимъ классомъ, всякій разъ можно было слышать голосъ громко читающій, захлебывающійся слезами. Кричать отъ боли запрещалось, но плакать дозволено было.

Каждое утро во Французскіе дни, аккуратно въ 6-ть часовъ, являлся Дювержень на свое дежурство, и когда 1-й классъ былъ умытъ и одѣтъ, онъ вводилъ его въ классную комнату для утренней репетиціи. Но въ то время, какъ воспитанники сидѣли на лавкахъ за книгами, а въ углу классной комнаты развѣшивались на треножники учебныя картины, самъ онъ на своей каѳедрѣ (такъ назывался простой столъ учителя) обыкновенно пилъ чай. Чай этотъ утромъ и вечеромъ аккуратно приносился ему его человѣкомъ, квартировавшимъ на тѣ дни въ его казенной квартирѣ, гдѣ самъ онъ не жилъ, и гдѣ только хранился его «офиціяльный фракъ», смѣняемый имъ тотчасъ по выходѣ изъ Института. Человѣкъ приносилъ подносъ съ кружкою, со сливками, съ хлѣбомъ, въ умывальную, оттуда уже «дядька» вносилъ его въ классъ Дюверженю. Разъ, когда вошли мы въ классную комнату для утренней репетиціи, Дювержень по обыкновенію сталъ своимъ фуляровымъ платкомъ сбивать верхній слой пыли съ своей каѳедры, готовясь пить чай, который должны были ему сейчасъ принести. Пыли почему-то на этотъ разъ случилось больше обыкновеннаго и не болѣе какъ это обстоятельство дало поводъ къ слѣдующему. «Mes enfants!» кликнулъ Дювержень цѣлому классу. Всѣ оставили свои книги. Тѣ, которые занимались у картинъ, оставили свои картины, и обратились лицемъ къ каѳедрѣ Дюверженя. «Вотъ что мнѣ пришло въ голову!» продолжалъ онъ. «Я вашъ надзиратель, надзиратель все дѣлаетъ для своихъ учениковъ, c'est le père dont toute la classe est la famille! И такъ я съ нынѣшняго же дня хочу завести одинъ обычай у себя. Каждое утро, какъ я васъ приведу

сюда, каждый изъ васъ по очереди,—такъ съ нынѣшняго же дня и начнемъ—только что войдемъ въ классъ, одинъ изъ учениковъ, какъ я уже сказалъ по очереди, когда всѣ сядутъ по мѣстамъ, выйдетъ къ моей каѳедрѣ, и каждый разъ своимъ платкомъ сотретъ пыль съ моего стола. Это ужъ такъ и будетъ называться « дежурный ». Я давно хотѣлъ завести этотъ обычай; въ одномъ женскомъ Институтѣ, гдѣ я учу, каждый разъ передъ классомъ, одна изъ воспитанницъ стираетъ своимъ платкомъ пыль со стола учителя, и это тамъ мнѣ нравилось всегда. Это показываетъ доброе расположеніе подчиненныхъ къ своему начальнику. Такъ съ нынѣшняго же дня я и здѣсь между вами заведу этотъ обычай. И каждый разъ, какъ дежурный пыль сотретъ со стола, сейчасъ-же отправляется кстати и въ умывальную, беретъ отъ моего Кондратья чай и приноситъ сюда. Ну-съ, Абрамовъ, кликнулъ онъ тогда, ты начнешь ». Абрамовъ вышелъ къ каѳедрѣ, изъ рукава своей курточки вынулъ въ трубочку свернутый платокъ, стеръ пыль со стола, ушелъ изъ класса за чаемъ, и въ то время, какъ Дювержень еще не кончилъ расхваливать своего обычая, воротился съ подносомъ, на которомъ бренчали фарфоровая кружка, ложечка, сливочникъ, и торжественно поставилъ на каѳедру. «C'est ça!» сказалъ сіяющій Дювержень, и принялся за свой чай съ аппетитомъ.

Мое дѣтское горе, котораго постояннымъ источникомъ былъ Дювержень, уже доводило меня до озлобленія, ожесточало сердце, возбуждало чувство бунта и сопротивленія. Съ досадой, съ возмущеніемъ слушалъ я всю эту рѣчь Дюверженя, и какъ подумалъ только, что этому « ненавистному », который только и ищетъ случая уколоть меня, который всякій разъ такъ незаслуженно оскорбляетъ меня и находитъ еще какую то звѣрскую радость утѣшать тѣмъ, что « если кого надзиратель невзлюбитъ, такъ тому будетъ плохо », который сдѣлалъ то даже, что я боюсь свиданій съ матерью въ его дежурство; какъ подумалъ я только, что долженъ буду еще подносить ему чай,—далъ зарокъ себѣ, лишь дойдетъ до меня очередь, прямо ему высказать, что я этого не сдѣлаю. Никто во время не отговорилъ меня отъ этого

дѣльнымъ увѣщаніемъ; ободреній-же себѣ въ томъ услыхалъ я много. Мальчики пуще укрѣпляли меня въ моемъ намѣреніи; самъ Абрамовъ, который первый показалъ всѣмъ примѣръ, и тотъ подбивалъ меня: «молодецъ Бицынъ! молодецъ!.. неподдавайся; такъ прямо и скажи ему: вы не имѣете права этого требовать!» И такъ, я крѣпко затаилъ въ душѣ своей рѣшеніе, и нетерпѣливо ожидалъ очереди своего дежурства.

Очередь пришла.

Въ тотъ день, когда всѣ мы вошли въ классъ и началась утренняя репетиція, съ какимъ торжествующимъ взоромъ слѣдилъ я за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ Дюверженя! Съ какимъ восхищеніемъ примѣчалъ слѣды его маленькаго замѣшательства! Товарищи также переглядывались и, посматривая на меня, ждали чѣмъ это кончится? Дюверженъ, который въ это время уже привыкъ къ отчетливому выполненію своего обычая, подходилъ къ своему столу. Столъ былъ нѣсколько въ пыли; онъ ждалъ чаю, но ему не приносили. Безъ малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что его можно было ослушаться, онъ медлилъ, но уже прошло довольно долго. Наконецъ не выдержалъ онъ и вдругъ кликнулъ: «Да чтожъ это значитъ? Кто нынче дежурный? Qui doit m'apporter le thé? »—«Le domestique!» крикнулъ я теперь во весь голосъ. Все это время только и выжидалъ я удобнаго мига, и теперь торжество мое было полное. Взбѣшенный, раздосадованный Дюверженъ нѣсколько мгновеній какъ будто еще не опомнился, не понималъ въ чемъ дѣло? Весь классъ притаилъ дыханіе и молча торжествовалъ.

Вдругъ Дюверженъ расхохотался: «а, такъ вотъ оно что!.. а, упрямый мальчишка... еще буйствовать вздумалъ?... Буйствовать!!..» крикнулъ онъ вдругъ, и я испугался его раздраженнаго взгляда, все торжество мое прошло; какъ заяцъ, вдругъ завидѣвшій наведенный на себя стволъ ружья, поникъ я и ожидалъ, что все теперь для меня кончилось и вся моя жизнь рѣшена. Но дѣло приняло неожиданнымъ образомъ самый благопріятный исходъ. Дювержень такъ перемѣнилъ свою рѣчь: «Надзиратель милость дѣлаетъ! Надзиратель, который въ подчиненныхъ видитъ

дѣтей своихъ, хочетъ показать имъ, съ своей стороны, что и они могутъ приносить ему такую услугу, которая для него натурально бездѣлица, но которую онъ цѣнитъ; а этотъ негодный мальчишка, эта *язва* всего класса не захотѣлъ пользоваться такою милостью. Хорошо-же! Съ нынѣшняго же дня Бицынъ 2-й не участвуетъ, mes enfants, въ вашей пріязни ко мнѣ; я не хочу отъ него принимать никакихъ услугъ; мнѣ его не надо—я его наказываю этимъ. Чей чередъ послѣ него? (вызванный принесъ чай) а Бицынъ 2-й, съ этого же дня исключенъ, отвергнутъ! » И слушая его, едва вновь не залился я слезами, страшась что въ самомъ дѣлѣ преступленіе мое такъ тяжко, что требовало даже отверженія. Но товарищи, которые были отъ меня въ восторгѣ, изъявили вмѣсто отверженія, съ своей стороны, такое участіе, такую пріязнь и благодарность, что я остался доволенъ своимъ опаснымъ поступкомъ. Обычай этотъ скоро совсѣмъ почему то разстроился. Собственно наказанія за этотъ поступокъ мнѣ еще не было; Дювержень, какъ это онъ самъ сказалъ, еще не придумалъ такого, которое бы вполнѣ пришлось по моей винѣ; но съ того дня разрывъ, который ужъ начался между нами, былъ полный, и дни его дежурства для меня получили значеніе пытокъ. Наказаніе же за этотъ поступокъ, обѣщалъ онъ мнѣ и всему классу, будетъ « примѣрное, небывалое, и особенное ».

П. Бицынъ.

(*продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

ЗАПИСКИ ДЕРЖАВИНА.

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Съ помянутаго (1) *возмущенія по вступленіе Державина въ статскую службу.*

Причины сего возмущенія, крывшіяся въ Яицкомъ или нынѣшнемъ Уральскомъ городкѣ, здѣсь не описываются, потому что извѣстны они будутъ по историческимъ извѣстіямъ. Начну тѣмъ, что во время брачнаго торжества Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княжною Натальею Алексѣевною, въ 1773 году, въ Сентябрѣ (2), стали разноситься по народу слухи о появившемся въ Оренбургской губерніи разбойникѣ, для поимки коего того краю посланы гарнизонныя и прочія команды, а какъ нѣсколько молва замолка, то и думали, что неспокойство утушено. Но вдругъ во дворцѣ, на балѣ, въ Андрѣевъ день, то есть 30 Ноября (3),

---

(1) Т. е. Пугачевскаго.

(2) 29 Сентября, въ С. Петербургѣ.—Первое появленіе Самозванца относится къ серединѣ этого мѣсяца.—В. Кн. Павлу Петровичу исполнилось тогда 19 лѣтъ; было отпраздновано его совершеннолѣтіе, и слѣдовательно онъ имѣлъ полную возможность принять правленіе. Съ этихъ поръ Императрица Екатерина могла опираться исключительно на славу своего царствованія, на свою несомнѣнную преданность благу отечества и на любовь народную. Именно такъ она и понимала свое положеніе. Это видно между прочимъ изъ одного ея отзыва Храповицкому (См. его Записки): сравнивая свое восшествіе на престолъ съ восшествіемъ императрицы Елизаветы Петровны, Екатерина замѣтила, что общій голосъ народа и общая нужда, а не желаніе отдѣльныхъ лицъ, призвали ее царствовать.

(3) Здѣсь, кажется, неточность: рескриптъ, повелѣвавшій Бибикову идти противъ Пугачева, подписанъ 29 Ноября 1773 года (См. Записки о жизни Бибикова, стр. 277),въ одинъ день съ пространнымъ манифестомъ, о которомъ говорится ниже и который Бибиковъ повезъ съ собою. Манифестъ этотъ послѣ публикованъ отъ 23 Декабря. (См. тамъ же, стр. 290 и въ Москвит. 1845 г., IX, *Письма Екатерины* къ кн. М. Н. Волхонскому, письмо 1-е, примѣч. 1-е).

Государыня, подошедъ къ генералъ-аншефу, измайловскаго полку маіору, Александру Ильичу Бибикову (которому предъ тѣмъ наскоро было велѣно отправиться въ главную армію подъ начальство графа Петра Александровича Румянцова, съ которымъ тогда былъ онъ не весьма въ пріязни), объявила о возмущеніи, приказавъ ему ѣхать для возстановленія спокойствія въ помянутой губерніи. Бибиковъ былъ смѣлъ, остръ и забавенъ, пропѣлъ ей Русскую пѣсню: «Нашъ сарафанъ вездѣ пригожается.» Это значило то, что онъ туда и сюда былъ безпрестанно въ важныя дѣла употребляемъ безъ отличныхъ какихъ либо выгодъ; а на противъ того, отъ Румянцова и графа Чернышева, управляющаго Военною Коллегіею, иногда былъ и притѣсняемъ (1) Въ слѣдствіе чего на другой день были къ нему наряжены въ ассистенты или помощники многіе гвардіи офицеры по его выбору, ему знакомые, а именно: изъ Преображенскаго полку Кологривовъ, изъ Семеновскаго Мавринъ и Горчаковъ, изъ

---

(1) А. И. Бибиковъ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ и притомъ самымъ чистымъ дѣятелямъ Екатерининскаго вѣка. Онъ былъ настоящій, безкорыстный слуга Отечества, и провелъ большую часть жизни, исполняя важныя и трудныя порученія правительства. Такъ онъ былъ душою Комиссіи о Сочиненіи Новаго Уложенія. Довѣріе, которымъ онъ пользовался, дѣлаетъ великую честь Екатеринѣ, потому что онъ не любилъ льстить ей и всегда отличался смѣлостью сужденій. Онъ былъ ровесникъ Государынѣ; имъ обоимъ тогда шелъ 45-й годъ. Причины временной немилости, которой онъ подвергся и которая состояла въ томъ, что его назначили корпуснымъ командиромъ къ давнему его непріятелю Румянцову, тогда какъ передъ тѣмъ онъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ Русскихъ полковъ въ Польшѣ и дѣйствовалъ почти независимо отъ Военной Коллегіи (см. письмо его къ Н. И. Панину въ приложеніяхъ къ біографіи гр. Моркова. Рус. Бесѣда 1857, IV), въ точности неизвѣстны. Говорятъ, что ему повредилъ кто-то изъ вельможъ, должно быть Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, управлявшій Военной Коллегіей. Екатерина посылала его противъ Пугачева между прочимъ потому, что восточный край былъ довольно извѣстенъ Бибикову: онъ имѣлъ помѣстья въ Костромской губерніи, за десять лѣтъ передъ тѣмъ усмирилъ такъ называемую дубинщину и возстаніе заводскихъ крестьянъ въ Казанской губерніи и на границахъ Сибири, при чемъ показалъ умѣренность и умѣнье обходиться съ простымъ народомъ, и наконецъ плавалъ съ Екатериною по Волгѣ въ 1767 году.— Вотъ подлинныя слова пѣсни, которыя онъ сказалъ Екатеринѣ:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкою лежишь.

Измайловскаго Лунинъ и Собакинъ, и данъ указъ въ Военную Коллегію объ отрядѣ въ его команду войскъ (1).

Державинъ узналъ сіе, и какъ имѣлъ всегда желаніе употребленъ быть въ войнѣ или въ какомъ либо отличномъ порученіи; даже повергался иногда въ меланхолію, что не имѣлъ къ тому средства и удобства, ибо во время посылки на флотъ командъ въ Архипелагъ не находился въ Петербургѣ, а въ армію ѣхать волонтеромъ не имѣлъ достатку, ибо гвардію тогда обыкновеннымъ порядкомъ на войну, какъ прочіе армейскіе полки, не употребляли, кромѣ вышеозначенной экспедиціи на флотъ; и такъ вздумалъ открывшимся случаемъ воспользоваться. Въ слѣдствіе чего, хотя ему генералъ Бибиковъ ни мало не былъ знакомъ, но онъ рѣшился ѣхать къ нему и безъ рекомендаціи, слышавъ, что онъ человѣкъ разумный и могшій скоро проникать людей. Пріѣхавъ, открылъ ему свое желаніе, сказавъ, что слышалъ по народному слуху о поѣздкѣ его въ какую-то секретную коммиссію въ Казань; а какъ онъ въ семъ городѣ родился и ту сторону довольно знаетъ, то не можетъ ли онъ быть съ пользою въ семъ дѣлѣ употребленнымъ? Бибиковъ отвѣтствовалъ, что онъ уже взялъ гвардіи офицеровъ, ему людей извѣстныхъ, и для того сожалѣетъ онъ, что не можетъ исполнить его просьбы. Но какъ Державинъ остался у него еще на нѣсколько (*времени*) и не поѣхалъ скоро, то вступя съ нимъ въ разговоръ, былъ имъ доволенъ, однако же никакого не сдѣлалъ обѣщанія. Простясь, съ огорченіемъ отъ него поѣхалъ; но въ полковомъ приказѣ въ вечеру съ удовольствіемъ увидѣлъ, что по Высочайшему повелѣнію велѣно ему явиться къ генералу Бибикову. Онъ сіе исполнилъ и получилъ приказаніе чрезъ три дни быть къ отъѣзду готовымъ.

Въ сіе время, какъ онъ стоялъ въ домѣ помянутой госпожи, его пріятельницы (2), къ которой почасту пріѣзжали изъ деревни съ Ладожскаго канала ея люди, по которому ка-

---

(1) Въ Запискахъ о жизни Бибикова (стр. 301) показаны еще въ числѣ состоявшихъ при Бибиковѣ офицеровъ—кн. Волхонскій и Р. А. Кошелевъ.

(2) См. главу или отдѣленіе 2-е, стр. 46.

налу расположенъ былъ на зимнихъ квартирахъ Владимирской гренадерской полкъ, то одинъ изъ ея людей, проѣзжая рано по утру чрезъ селеніе, называемое Киболъ, ночевалъ на постояломъ дворѣ и слышалъ, когда укладывались гренадеры на ямскія подводы для походу въ Казань, что гренадеры ропщутъ, что вызвали ихъ изъ арміи для торжества при свадьбѣ Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княжною Натальею Алексѣевною, какъ выше сказано бывшаго въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и не дали имъ при такомъ торжествѣ ниже по чаркѣ вина, а заставили бить сваи на рѣкѣ Невѣ, какъ строилась дворцовая набережная; то они отъ такой худой жизни и положатъ ружья предъ тѣмъ Царемъ, который, какъ слышно, появился въ низовыхъ краяхъ, кто бы таковъ онъ ни былъ. Таковая болтовня низкихъ людей, хотя великаго уваженія не заслуживала, однако при обстоятельствахъ внутренней крамолы не должна была быть пропущена безъ замѣчанія. Державинъ сіе пересказалъ генералу Бибикову. Онъ сперва счелъ за вздоръ; но потомъ, одумавшись, велѣлъ къ себѣ часу по полуночи во второмъ, когда всѣ въ городѣ угомонятся, представить человѣка, который слышалъ тѣ разговоры. Сіе исполнено. Онъ спрошенъ былъ: знаетъ ли онъ имена тѣхъ гренадеръ, которые вышесказанныя рѣчи говорили; а какъ служитель отозвался, что онъ ихъ не знаетъ, а проѣздомъ слышалъ разговоръ, но въ лицо узнать ихъ можетъ; то Бибиковъ и не зналъ что дѣлать; ибо уже полкъ съ квартиръ выступилъ нѣсколько дней; и какъ отправленъ на почтовыхъ, то и возвращать его было не удобно; а по незнанію именъ заговорщиковъ, однихъ ихъ потребовать было не можно. Въ разсужденіи чего былъ въ недоумѣніи; однако приказалъ Державину въ вечеру къ себѣ пріѣзжать. По пріѣздѣ сказалъ, что онъ съ полковникомъ того полку, княземъ Одоевскимъ, говорилъ, но онъ увѣрялъ, что гренадеры съ крайнимъ усердіемъ, какъ ему отъ ротныхъ командировъ донесено было, въ походъ выступили. Державинъ возразилъ: весьма бы было отъ стороны полковника и офицеровъ оплошно, ежели бы они, слыша намѣреніе къ измѣнѣ, не взяли надлежащихъ мѣръ и ему не донесли, развѣ и сами были умышленники,

но этого предполагать не можно. Генералъ замолчалъ; сказалъ, что хорошо, утро вечера мудренѣе. Опослѣ извѣстно стало, что онъ тогда же писалъ секретно по дорогѣ къ губернаторамъ Новгородскому, Тверскому, Московскому, Володимирскому и Нижегородскому, чтобъ они, во время проходу полковъ въ Казань мимо ихъ губерній, а особливо гренадерскаго Владимирскаго, по дорожнымъ кабакамъ, приставили надежныхъ людей, которые бы подслушивали, что̀ служивые между собою говорятъ во время ихъ попоекъ. Сіе распоряженіе имѣло свой успѣхъ; ибо по пріѣздѣ въ Казань получилъ онъ донесеніе отъ Нижегородскаго губернатора Ступишина (1), что дѣйствительно между рядовыми солдатами существуетъ заговоръ положить во время сраженія предъ бунтовщиками ружья; изъ которыхъ главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны. Сіе подало поводъ генералу взять предосторожность, о которой ниже увидимъ. Но возвратимся въ Петербургъ.

Хотя Державинъ весьма на легкѣ, въ нагольной овчинной шубѣ, купленной имъ за 3 р., отправился въ Москву, но генералъ Бибиковъ перегналъ его (2): пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, пріѣхалъ въ Казань Декабря 25-го числа, то есть, въ самый день Рождества Христова. Прочіе офицеры, на передъ уже пріѣхавшіе и открывшіе по повелѣнію генерала засѣданіе Секретной Коммисіи, по случаю тогда праздника, какъ люди достаточные, имѣвшіе знакомыхъ множество, а иные и сродственниковъ, занялись разными увеселеніями; но Державинъ, пробывъ съ матерью уединенно въ домѣ, старался отъ крестьянъ пріѣзжихъ изъ деревнишекъ своихъ, которыя лежали по тракту къ Оренбургу, узнать о движеніяхъ непріятельскихъ или о колебаніи народномъ; ибо извѣстно было, что до пріѣзда Бибикова многіе дворяне и граждане разъѣхались было изъ города; но съ прибытіемъ его паки

---

(1) И. В. Ступишинъ упомянутъ въ числѣ лицъ, показавшихъ особенное усердіе Екатеринѣ при ея восшествіи на престолъ; онъ получилъ за то въ награду 600 душъ крестьянъ. См. С. Петербургскія Вѣдомости 1762 г. № 64.

(2) Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9 Декабря, въ Москву пріѣхалъ 13-го и пробылъ тамъ четверо сутокъ. (Зап. о ж. Биб.) Можетъ быть, Бибиковъ дожидался въ Москвѣ, пока напечатаютъ манифестъ церковными буквами.

возвратились (1). Собравъ таковыя, сколько можно по обстоятельнѣе, извѣстія, 28 числа на вечеръ пріѣхалъ къ генералу, когда у него никого не было. Онъ по обыкновенію спрашивалъ о новостяхъ. Сей пересказалъ ему слышанное, что верстахъ уже въ 60 разъѣзжаютъ толпы вооруженныхъ Татаръ и всякая злодѣйская сволочь, присовокупя, по чистосердечію своему и пылкости своей, собственныя разсужденія, что надобно дѣлать какія нибудь движенія, ибо отъ бездѣйствія городъ находится въ уныніи. Генералъ съ сердцемъ возразилъ: «Я знаю это; но что дѣлать? войска еще не пришли» (которыя изъ Польши, изъ бывшихъ противъ конфедератовъ и прочихъ отдаленныхъ мѣстъ ожидаемы были). Державинъ смѣло повторилъ: какъ бы то ни было, есть ли войска, или нѣтъ, но надобно дѣйствовать. Генералъ, не говоря ни слова, схватя его за руку, повелъ въ кабинетъ и тамъ показалъ ему отъ Симбирскаго воеводы рапортъ, что 25 числа, то есть, въ Рождество Христово, толпа злодѣйская, подъ предводительствомъ атамана Арапова, взошла въ городъ Самару и тамошними священнослужителями и гражданами встрѣчена со крестами, со звономъ, съ хлѣбомъ и солью. Державинъ то же говорилъ: надобно дѣйствовать. Генералъ задумавшись ходилъ взадъ и впередъ и потомъ, не говоря ни слова, отпустилъ его домой. По утру рано (2) слышитъ отъ полиціи повѣстку, чтобъ собирались въ соборъ всѣ граждане, и потомъ часу въ 10-мъ позывъ въ большой соборной колоколъ. При великомъ стеченіи народа и всего знатнѣйшаго общества, читанъ былъ манифестъ, печатанный въ Московской типографіи церковною печатью, въ которомъ объявлялось о наименовавшемся Императоромъ Петромъ III-мъ Емелькѣ Пугачевѣ, и что гене-

---

(1) Положеніе, въ которомъ Бибиковъ и Державинъ застали дѣла, было такое: Пугачевъ одну за другою забралъ цѣлый рядъ крѣпостей на Общемъ Сырту отъ Яицкаго городка до Оренбурга и держалъ въ осадѣ два послѣдніе, весьма важные пункты. Его разъѣзды появлялись по всей лѣвой сторонѣ Волги. Войска правительства до сихъ поръ не имѣли вовсе успѣха; Карръ бѣжалъ отъ страха, полковникъ Чернышевъ убитъ, Фрейманъ терпѣлъ неудачи. Губернаторы совершенно растерялись.

(2) Въ Запискахъ о жизни Бибикова сказано, что это происходило въ новый 1774 годъ.

ралъ-аншефу Бибикову поручено истребленіе того бунта, и потому всѣ команды, для того отправленныя, военныя и гражданскія, и Секретная Коммисія, составленная изъ гвардіи офицеровъ, отданы въ полную власть его. По отслуженіи молебна объ успѣхѣ оружія, приглашены были въ квартиру главнокомандующаго преосвященный Веніаминъ и все благородное собраніе. Тутъ Бибиковъ, подойдя къ Державину, тихо сказалъ: « Вы отправляетесь въ Самару; возьмите сей часъ въ канцеляріи бумаги и ступайте.» Выговоря сіе, смотрѣлъ пристально въ глаза, можетъ быть, хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ рьянъ на дѣлѣ, какъ на словахъ. Державинъ, сіе примѣтя, сообразился, что неужели онъ его посылаетъ прямо въ руки злодѣямъ, нашелся и отвѣчалъ: готовъ. Взялъ туже минуту изъ канцеляріи запечатанные пакеты, которые надписаны *по секрету*, и велѣно было ихъ открыть по удаленіи отъ Казани 30 верстъ; простился съ матерью и не сказавъ, куда ѣдетъ, поскакалъ.

Отъѣхавъ 30 верстъ, открылъ конверты, нашелъ въ нихъ два ордера на имя его. 1-й) повелѣвающій ему ѣхать въ Симбирскъ и найти идущія изъ Польши около тѣхъ мѣстъ 22-ю и 24-ю легкія полевыя команды; о маршируюющихъ изъ Бѣлорусіи 23-й и 25-й, буде можно, развѣдать, гдѣ онѣ и скоро ли будутъ, а равно о и генералъ-маіорѣ Мансуровѣ (1); также и о изъ Сызрани командированныхъ Бахмутскихъ гусаръ трехъ стахъ человѣкахъ, на которыхъ и сдѣлать примѣчанія, надежны ли они, въ какомъ находятся состояніи и исправности и каковыхъ имѣютъ офицеровъ. Возвратясь, къ нему о всемъ томъ донесть. Сія посылка, какъ думать должно, произошла изъ вышесказанной осторожности, ибо до того времени посланныя гарнизонныя команды всѣ почти клали предъ злодѣями оружіе, что̀ изъ обстоятельной исторіи о семъ возмущеніи будетъ видно; а при томъ, что генералъ хотѣлъ, можетъ быть, испытать назойливаго офицера. 2-й) ордеръ предписывалъ ему, когда городъ Самара посланными нашими командами занятъ, а злодѣи выгнаны будутъ, то найти, кто изъ жи-

---

(1) Мансуровъ, по распоряженію Бибикова, долженъ былъ защищать такъ называвшуюся тогда Самарскую линію.

телей первые были начальники и уговорители народа къ выходу на встрѣчу злодѣямъ со крестами и со звономъ, и чрезъ кого отправленъ благодарный молебенъ, и чтобъ виновнѣйшихъ въ умышленномъ преступленіи, заковавъ, отправить къ нему; а которые отъ проста то учинили, тѣхъ распросы представить къ нему на разсмотрѣніе, а иныхъ для страха на площади наказать плетьми.

Проѣзжая по дорогѣ, примѣтилъ въ народѣ духъ злоумышленія, такъ что не хотѣли ему индѣ давать и лошадей, которыхъ онъ, приставя иногда пистолетъ къ горлу старосты, принужденъ былъ домогаться. Не доѣзжая до Симбирска верстъ 5-ти, примѣтилъ онъ поселянъ, съ праздными повозками, по продажѣ ихъ продуктовъ, изъ города ѣдущихъ; желалъ отъ нихъ узнать, не находится ли тамъ какихъ командъ нашихъ или непріятельскихъ; ибо легко и послѣднія съ 25 го по 30-е число, по не весьма далекому разстоянію отъ Самары, занять сей городъ могли; то и приказывалъ бывшему съ нимъ и стоявшему на запяткахъ человѣку Блудова одного изъ мужиковъ остановить; но какъ онъ былъ человѣкъ весьма вялой и непроворной (ибо его собственные люди, скачучи изъ Петербурга, отбили ноги и занемогли) то и не могъ сей разгильдяй исполнить ему повелѣннаго. Для того онъ, положа человѣка въ повозку на мѣсто свое, самъ сталъ на запятки, и притворясь дремлющимъ, схватилъ незапно одного мужика, которому сдѣлавъ распросы, узналъ, что въ Симбирскѣ есть военные люди, но того никакъ не могъ добиться, наши или непріятельскіе, и опасаясь, чтобъ самому не въѣхать въ руки послѣднихъ, не зналъ что дѣлать; тѣмъ паче когда услышалъ, что войска не въ обыкновенныхъ солдатскихъ мундирахъ, а въ Русскомъ платьѣ и собирали по городу шубы; но заключалъ только потому, что не злодѣи, когда узналъ, что у всѣхъ солдатъ ружья съ штыками, каковыхъ у сволочи быть не могло; то и рѣшился ѣхать въ городъ. Эго было уже часу въ 10-мъ ночи. Воевода объявилъ, что подполковникъ Гриневъ, съ 22-й легкою полевою командою, часа съ два выступилъ изъ города по Самарской дорогѣ, для соединенія съ маіоромъ Муфелемъ съ 24-ю командою, который чаятельно близь или

уже вступилъ въ Самару. Соединясь съ Гриневымъ, слѣдовали къ сему городу. Нашли уже оной Муфелемъ занятымъ. Онъ имѣлъ съ толпою Арапова, по большей части состоявшей изъ Ставропольскихъ Калмыковъ и отставныхъ солдатъ, сраженіе. У него убито ядромъ изъ поставленной на берегу пушки драгунъ только 3 человѣка; но онъ побилъ множество, взялъ 9 городскихъ чугунныхъ пушекъ, выгналъ изъ Самары и прогналъ въ городъ Алексѣевскъ, лежащій отъ Самары въ 25 верстахъ, злодѣйскую толпу, которая была въ нѣсколькихъ тысячахъ.

Здѣсь влагается подлинной журналъ съ дополненіемъ подробныхъ примѣчаній на нѣкоторыя сокращенныя обстоятельства ([1])

Журналъ, веденный во время Пугачевскаго бунта.

1773. *Декабрь.* По прибытіи его высокопревосходительства покойнаго г-на генералъ-аншефа Александръ Ильича Бибикова въ Казань Декабря 25-го, командированъ былъ онъ, по занятіи злодѣями города Самары, онаго жъ мѣсяца 29 дня, въ сей городъ. Посылка его въ сію экспедицію слѣдующаго была содержанія. Даны были ему два ордера; первой въ той силѣ, чтобъ, соединившись съ командами господъ подполковниковъ Муфеля, либо Гринева, и по выгнаніи злодѣевъ изъ сего города, изслѣдовать тамошнихъ жителей, для чего они бунтовщиковъ встрѣтили со крестами, и нѣтъ ли какой у нихъ связи съ злодѣями и единомыслія? Второй ордеръ секретной, которой повелѣвалъ, чтобъ онъ узналъ, каковы вышеупомянутые командиры, ихъ офицеры и солдаты; ибо они ему (*т. е. Бибикову*) до тѣхъ поръ были не извѣстны. А какъ еще изъ нашихъ начальниковъ никто бунтовщиковъ тогда не разбивалъ; того ради, какъ видится, и нужно было ему знать, можетъ ли онъ до прибытія туда г-на генералъ-маіора Мансурова на нихъ въ занятіи Самарской линіи положиться? Г. Муфель предъ пріѣздомъ Дер-

---

(1) Въ подлинной рукописи этотъ журналъ писанъ рукою переписчика, съ небольшими поправками и добавленіями собственной руки Державина.

жавина освободилъ Самару; слѣдовательно дѣйствіемъ своимъ уже и оказалъ себя, и ему Державину, кромѣ что съ почтеніемъ умолчать о немъ, писать было нечего. Впрочемъ, донеся Бибикову отъ 3-го Генваря о соединеніи съ Гриневымъ, отъ 5-го Генваря 1774 года донесъ, въ какихъ обстоятельствахъ онъ Державинъ наѣхалъ Самару, то есть: о образѣ мыслей народа, совѣта, бургомистра, протопопа и первостатейныхъ людей, о посланіи нарочныхъ въ приближившуюся толпу злодѣйскую, о поощреніи къ укрѣпленію народнаго легкомыслія священными обрядами духовныхъ, какъ то: крестною и со звономъ встрѣчею безъ всякаго принужденія; о служеніи благодарныхъ за злодѣевъ молебновъ и о прочемъ; и также, что хотя всѣ тамо бывшіе священники соблазнительнымъ своимъ примѣромъ заслуживали тотчасъ быть отосланными въ Секретную Коммисію; но вдругъ оторвать ихъ всѣхъ отъ церквей почиталъ онъ, въ тогдашнихъ обстоятельствъ, за дѣло весьма щекотливое; ибо злодѣи, разсѣевая въ пользу свою всякія ухищренныя плевелы, могли бы, обративъ сіе, сказать, что чрезъ оное мы притѣсняемъ вѣру; почему и просилъ онъ генерала Бибикова, чтобъ прислать сперва въ Самару священниковъ новыхъ и занять церкви; а потомъ уже старыхъ, куда надлежитъ, отослать. На сіе получилъ онъ отъ 10-го того жъ мѣсяца апробацію и благодарность, какъ равно и за сіе: чтобъ увидѣть въ прямомъ дѣлѣ г-на подполковника Гринева (1), его офицеровъ и команду, то при предпринимаемой экспедиціи выгнать толпу злодѣйскую изъ крѣпости Алексѣевской (2), донесъ онъ,

---

(1) Имя Гринева увѣковѣчено Пушкинымъ въ *Капитанской Дочкѣ*. Повѣсть эта, какъ извѣстно, лучше всякихъ историческихъ описаній, изображаетъ Пугачевщину. Вѣрный своему обыкновенію, Пушкинъ взялъ основу этого произведенія изъ событія дѣйствительнаго. Гриневъ былъ подозрѣваемъ въ сношеніяхъ съ Самозванцемъ, и не столько тотъ, о которомъ говоритъ здѣсь Державинъ, какъ одинъ поручикъ. Въ *Вопросахъ Пугачеву* (Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древностей кн. 2, стр. 43) читаемъ: «По предложенію одного солдата посылалъ злодѣй ложный свой указъ къ поручику Алексѣю Матвѣеву сыну Гриневу. Сей солдатъ сказывалъ, что онъ съ Гриневымъ весьма знакомъ, одобрялъ злодѣю онаго поручика и обнадеживалъ, что будетъ къ Самозванцу преклоненъ. На сіе посланіе никакого отвѣту не было.»

2) По направленію отъ Самары внизъ къ Уральску (тогдашнему Яицкому городку), въ нынѣшнемъ Бузулуцкомъ уѣздѣ.

что хочу быть на сраженіи самъ; ибо казалось ему, что о чемъ должно доносить начальнику, то должно доносить вѣрно; а потому и сказать ему о г–нѣ Гриневѣ и его командѣ ничего обстоятельнаго было бы не можно, когда бы онъ отъ сраженія себя уволилъ Почему, оставя на нѣсколько дней въ Самарѣ допрашивать жителей, былъ онъ въ дѣйствіи; а по разбитіи злодѣевъ и выгнаніи изъ помянутой Алексѣевской крѣпости, рапортовалъ, что̀ по его разсужденію къ чести сего офицера и его подкамандующихъ служить могло. Здѣсь должно примѣтить, что пригородокъ Алексѣевскій населенъ почти весь отставными гвардейскими солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были въ Невскомъ монастырѣ на погребеніи Императора Петра III (1); то въ страхъ другимъ ихъ собратіямъ за ихъ глупость, что они повѣрили ложной разгласкѣ самозванца, на оградѣ церковной при собраніи народа пересѣкъ плетьми, по словесному приказанію Бибикова, который послѣ подтвержденъ ордеромъ его отъ 10 числа тогожъ мѣсяца (2).

1774 *Мѣсяцъ Генварь.* Изъ подъ Алексѣевской ходилъ онъ съ нимъ же господиномъ Гриневымъ подъ селеніе Красной Яръ за Калмыками (куда на дорогѣ проѣзжая городъ Ставрополь, попался въ руки бунтующихъ Калмыковъ, которые, въѣхавъ ночью въ городъ, увезли съ собою воеводу и всѣхъ начальниковъ; продѣвъ имъ въ ноздри кольца, въ степи перекололи), гдѣ писано было отъ него къ нимъ Калмыкамъ увѣщательное письмо и по переводѣ на ихъ языкъ къ нимъ послано (3). Оное послѣ представлено было имъ г.

---

(1) У Пугачева было найдено въ послѣдствіи Голштинское знамя. Оно могло достаться ему не иначе, какъ изъ Петербурга. Екатерина приказывала строго розыскать, какъ онъ получилъ это знамя. Но къ чему повели эти розыски, мы не знаемъ. «Хорошо было бы—писала она кн. Волхонскому—если бы вы открыли источникъ, какимъ образомъ сіе знамя дошло до Пугачева; ибо вызели бъ много плутней наружу.» (Москв. 1843, IX, стр. 50).

(2) Отъ 1773 года остались двѣ оды Державина:

9. *На восшествіе на престолъ Екатерины.*

10. *На бракосочетаніе В. Князя Павла Петровича.* Обѣ не вошли въ собраніе его сочиненій (см. статью Я. К. Грота, Соврем. 1845, № 2, стр. 132).

(3) Здѣсь приложить въ ремаркѣ то письмо. *Примѣчаніе Державина.* Письма этого мы не могли найти. — Красный Яръ, можетъ быть, нынѣшнее

Бибикову, а отъ него Ея Величеству, за которое въ собственноручномъ письмѣ Ея Величества къ генералу изъявлена была Высочайшая апробація (1).

По возвращеніи изъ сего похода въ Самару, изслѣдовалъ онъ тамошнихъ жителей и въ силу вышеупомянутаго ордера, самыхъ винныхъ послалъ въ Секретную Коммисію, а которые не столько виноваты были, тѣхъ до резолюціи оставилъ въ семъ городѣ. Дождавшися же прибытія его превосходительства г-на генералъ-маіора Мансурова, отправился онъ въ Казань, и учиненные имъ въ Самарѣ допросы поднесъ его высокопревосходительству, за что́ и изъявлено было ему отъ него удовольствіе.

Непріятную сію коммисію долженъ онъ былъ отправлять безъ всякаго письмоводца и даже писца, самъ наединѣ испытывая преступниковъ и писавъ ихъ показанія, въ которыхъ они многія непристойныя рѣчи изрыгали на Высочайшую власть, которыхъ никому изъ постороннихъ повѣрить и оглашать было не должно. Въ семъ мѣсяцѣ, въ бытность его въ Казани, при главнокомандующемъ, поручено было ему съ рапортовъ частныхъ командировъ и съ донесеній партикулярныхъ людей собирать по алфавиту имена начальниковъ злодѣйскихъ, съ краткимъ объясненіемъ произведенія каждаго злодѣйства, что́ который и гдѣ сдѣлалъ; для того, чтобы послѣ кто не могъ ускользнуть отъ правосудія, и дѣла каждаго по алфавиту скорѣе бъ видѣть было можно, и кто кѣмъ разграбленъ или убитъ. При семъ тогда же поручено было ему написаніе журнала, какъ входящимъ къ г. Бибикову Высочайшимъ повелѣніямъ, манифестамъ, отъ коллегіи указамъ и отъ нижнихъ мѣстъ рапортамъ, извѣстіямъ и объявленіямъ, такъ равно и изходящимъ отъ него приказаніямъ, распоряженіямъ и частнымъ ордерамъ, словомъ описаніе всей связи дѣлъ, начатыхъ тогда къ искорененію Пугачева и его скопищъ. А равно возло-

---

село на лѣвомъ берегу Волги, въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, недалеко отъ Саратова. Но въ такомъ случаѣ Державину не за чѣмъ было проѣзжать Приволжскій Ставрополь.

(1) Тутъ въ первый разъ Императрица могла обратить вниманіе на Державина.

жено было на него и возбужденіе дворянства и граждан къ составленію воинскихъ ополченій улановъ, гусаръ, что было съ успѣхомъ и исполнено. Журнала имъ было только сдѣлано начало, а именно описаны только тѣ извѣстія, которыя сначала бунта отъ разныхъ мѣстъ присланы были къ Казанскому губернатору Фонъ-Бранту и къ прочимъ бывшимъ до г. Бибикова командирамъ, такъ и то, какъ отправился онъ г. Бибиковъ изъ Петербурга, какія получилъ отъ Императрицы повелѣнія, и что на дорогѣ до пріѣзду въ Казань въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ распоряжалъ.

Февраль. Перваго числа сего мѣсяца полученъ отъ Ея Величества генераломъ Бибиковымъ собственноручной рескрипть, въ которомъ изъявлено было Высочайшее благоволеніе за желаніе составить сказанное ополченіе: именовала себя Ея Величество Казанскою помѣщицею. Для ознаменованія благодарности дворянства Государынѣ за Высочайшую Ея милость, что объявила себя ихъ гражданкою, Державинъ написалъ рѣчь, которая и читана была въ дворянскомъ собраніи передъ портретомъ Ея Величества предводителемъ дворянства Уковымъ, которая здѣсь въ ремаркѣ помѣщается (1), равно и по поводу оной присланная отъ Ея Величества похвальная грамота отъ 24 Февраля Казанскому дворянству, купечеству и другимъ состояніямъ, которую велѣно сохранять въ архивахъ.

Мартъ. Въ семъ мѣсяцѣ бывшій монастырскій слуга, Малыковскій житель, Иванъ Серебряковъ, о которомъ выше сказано, явясь по сказанному знакомству (2) къ Державину,

---

(1) Рѣчь эта остается въ рукописи. Остолоповъ (стр. 3) говоритъ, что в ъ ней Державинъ не забылъ упомянуть о притѣсненіи бѣдныхъ людей сильными. У Пушкина сказано, что рѣчь эту произносилъ предводитель Макаровъ, а в ъ Запискахъ о жизни Бибикова — дворянинъ Бестужевъ. Тогда же прочитано было и отправлено к ъ Екатеринѣ благодарственное высокопарное письмо отъ имени дворянства, напечатанное въ Записк. о ж. Биб. Пушкинъ перепечаталъ его (въ 3-мъ примѣч. къ 4-й главѣ своей Исторіи Пугачев бунта) и, вѣроятно по недосмотру, приписалъ его Державину. Если бы Державинъ дѣйствительно былъ его сочинителемъ, то конечно упомянулъ бы о томъ здѣсь.

(2) См. 2-ю главу Записокъ, стр. 41.

привезъ на имя его высокопревосходительства доношеніе слѣдующаго содержанія. Что 772 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ экономическій крестьянинъ Иванъ Фадѣевъ, бывши на Иргизѣ въ раскольнической Мечетной Слободѣ для покупки рыбы, слышалъ въ домѣ жителя той слободы, Степана Косова, отъ какого-то къ нему Косову пріѣзжаго человѣка такія рѣчи: « Яицкіе-де казаки согласились идти въ Турецкую съ нимъ область, только-де, не побивъ въ Яикѣ всѣхъ военныхъ людей, не выдутъ » По сему, какъ пишетъ въ доношеніи своемъ Серебряковъ, услыша онъ сіе отъ Фадѣева, будучи самъ боленъ, призвалъ къ себѣ надежнаго себѣ пріятеля дворцоваго крестьянина Трофима Герасимова и просилъ его съѣздить въ вышеупомянутую Мечетную Слободу и у друзей его развѣдать, отъ кого такія пронеслися рѣчи? Почему Герасимовъ ѣздилъ, и о томъ, стоявшемъ въ квартирѣ Косова, пріѣзжемъ человѣкѣ распрашивалъ. А по пріязни ему, той же слободы житель Семенъ Филиповъ сказалъ, что тотъ пріѣзжій человѣкъ—вышедшій изъ за границы раскольникъ и называется Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, которой-де, по позволенію дворцоваго Малыковскаго управителя Познякова глядитъ и осматриваетъ здѣсь для селидьбы своей мѣсто; и также онъ Филиповъ подтвердилъ Герасимову вышеупомянутыя дурныя разглашенія. Почему Герасимовъ счелъ за нужное того пришлеца сыскать; а какъ его уже въ той Мечетной Слободѣ не было, по по извѣстіямъ поѣхалъ въ село Малыковку на базаръ, то Герасимовъ, бросившись туда, нашелъ его квартиру у экономическаго крестьянина, раскольника Максима Васильева и велѣлъ за нимъ присматривать, а самъ о немъ объявилъ бывшему о моровомъ повѣтріи смотрителю тоя же волости, дворцовому крестьянину Ивану Вавилину сыну Расторгуеву, которой съ прописаніемъ его же Герасимова рапорта и представилъ при письменномъ доношеніи Малыковскимъ управительскимъ дѣламъ, гдѣ и допрашиванъ; а по допросѣ отосланъ въ Симбирскъ, и оттуда въ Казань.

Прописавъ все вышеписанное въ доношеніи своемъ, Серебряковъ просилъ его высокопревосходительство и въ дру-

гой разъ позволить ему усердіе стараться съ Герасимовымъ о поимкѣ того Пугачева, приводя въ резонъ, что какъ де нынѣ войски для истребленія сего изверга пришли, то и должно надѣяться, что толпа его будетъ разбита, почему онъ злодѣй и найдется необходимымъ искать своего убѣжища тайно, а сего де ему лучше найти не можно, какъ на Иргизѣ, или Узеняхъ, у его друзей раскольниковъ. Къ произведенію сего предпріятія требовалъ Серебряковъ въ собственное его расположеніе многихъ средствъ, а между прочимъ и вышеупомянутаго офицера Максимова, который взялъ его изъ Сыскнаго Приказа на свое поручительство, яко знающаго тотъ край и народа склонности. Бибиковъ приказалъ его представить предъ себя секретно, ночью, когда у него никого не было; и выслушавъ его Серебрякова, на единѣ въ кабинетѣ, сказалъ Державину: « Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты его представилъ, то и долженъ съ нимъ возиться, а Максимову его я не повѣрю. » Въ слѣдствіе чего и приказалъ съ нимъ готовиться къ отъѣзду въ Саратовъ, а до возвращенія его начало помянутаго журнала и алфабета оставить въ своей канцеляріи, снабдивъ на другой день, то есть 6 Марта, тайнымъ наставленіемъ въ такой силѣ: Чтобъ онъ, прикрывъ подобіе правды подъ нѣкоторыми другими видами, ѣхалъ въ тотъ край, а въ самомъ дѣлѣ, яко въ гнѣздѣ раскольничей сволочи, Иргизѣ, Малыковкѣ и Узеняхъ, стерегъ бы Пугачева, ежели бы онъ по разбитіи толпы своей захотѣлъ тамъ укрыться; для того замѣтить его доброжелателей и быть могущее его пристанище; обѣщать извѣстныя и другія какія награжденія за его поимку; скрытно приготовить къ тому таковыхъ людей, чтобъ извѣстностію всего дѣла не уничтожить; до наступленія къ поимкѣ случаю, для нужныхъ развѣдываній, посылать въ толпу его подлазчиковъ; извѣстія тѣ доносить его высокопревосходительству и генералъ князю Голицыну ([1]) и Мансурову; о секретныхъ дѣлахъ

---

(1) Этотъ кн. Голицынъ, Петръ Михайловичь (1738 — 1775), сынъ Петровскаго ген. адмирала Мих. Мих. младшаго, въ ранней молодости былъ пріятелемъ, и потомъ, кажется, невольнымъ соперникомъ И. И. Шувалова (см. Зап. Поро-

писать цыфромъ, для чего ключь, данной тогда симъ генера-ламъ, и ему Державину повѣренъ (на дачу подлазчикамъ дано ему денегъ на первой случай не весьма великая сумма, но писано къ сосѣднимъ губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ ока-зывать всякую ему помощь); для довоенности къ себѣ людей, имѣть ему съ ними поступку скромную; наблюдать образъ мыслей; проповѣдывать милосердіе человѣколюбивой Императрицы, а паче тѣмъ, кто раскается; обличать въ раз-сужденіяхъ обманы Пугачева и его сообщниковъ; наконецъ для благопосшѣшности его поручены ему въ команду выше-помянутые Серебряковъ и Герасимовъ, яко люди не безъ проворства и знающіе тамошнія обстоятельства; но болѣе все возлагалось на его ревность и разсужденіе; повѣренную ему сію коммисію содержать тайно. При семъ наставленіи повѣрены ему отъ г. Бибикова кредитивы къ Астраханско-му губернатору Кречетникову ([1]), которой пребываніе свое тогда имѣлъ въ Саратовѣ; въ Симбирскую Провинціальную Канцелярію и къ Малыковскимъ дворцовымъ и экономичес-кимъ дѣламъ, въ которыхъ давалось имъ всѣмъ знать, что онъ посланъ въ слѣдствіе имяннаго Ея Величества Высо-чайшаго повелѣнія; а потому, чтобъ всякая ему, по требо-ванію его, даваема была безъ отлагательства помощь.

10 числа тогожъ мѣсяца пріѣхалъ онъ въ село въ Малы-ковку, что̀ нынѣ городъ Вольскъ, гдѣ того же дня пріис-калъ стараніемъ Серебрякова и Герасимова надежнаго, по ихъ увѣренію, человѣка, дворцоваго крестьянина Василія Григорьева сына Дюпина для привозу съ Иргизу старца раскольничьяго Іева, на котораго всѣ они трое надежду

шина. стр. 72); служилъ при Бибиковѣ въ Польшѣ и теперь пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ прямо изъ Петербурга. Ему поручено было охранять дорогу отъ Казани къ Оренбургу, подъ которымъ тогда стоялъ Самозванецъ. Ниже мы увидимъ, что онъ оказывалъ расположеніе и покровительство Державину.—« Кн. Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775) и сказала: Какъ онъ хорошъ! настоящая куколка. Это слово его погубило. Шепелевъ (въ пос-лѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ кн. Потемкина) вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣнически. Молва обвинила Потемкина.. » Изъ неизданныхъ примѣчаній Пушкина къ Ист. Пугачев. бунта.

(1) Брату извѣстнаго полководца и генералъ-губернатора.

полагали, что онъ и прежде на Государеву службу вызывался самъ и можетъ исполнить возложенное на него дѣло. По чему тотъ старецъ къ нему 12 числа и привезенъ. Онъ, извѣдавъ изъ словъ его способности, а паче положась на тѣхъ, которые его представляли, назначилъ идти съ вышеписаннымъ Дюпинымъ лазутчиками и велѣлъ исполнить слѣдующее: Развѣдать, въ какомъ состояніи подлинно Яикъ (что нынѣ городъ Уральскъ), отдать отъ него коменданту письмо, и отъ него обратно, ежели можно, доставить къ нему; потомъ идти въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ и тамъ развѣдать, сколько у него въ толпѣ людей, артиллеріи, пороху, снарядовъ и провіанту, и отъ куда онъ всё сіе получаетъ? Ежели его разобьютъ, куда онъ намѣренъ бѣжать? Какое у него согласіе съ Башкирцами, Киргизцами, Калмыками, и нѣтъ ли переписки съ какими другими отечеству нашему непріятелями? Стараться развѣдать, ежели можно, всю его злодѣйскую диспозицію, и о томъ, что́ паче ко вреду нашему служить будетъ, давать знать нашимъ командамъ? Не можно-ли будетъ куда его заманить съ малымъ числомъ людей, давъ знать напередъ нашимъ, дабы его живаго схватить можно было? Ежели его живаго достать не можно, то его убить; а между тѣмъ въ главнѣйшихъ его вперить несогласіе, дабы тѣмъ можно было разсѣять толпу его и вооружить другъ на друга. Стараться извѣдать и дать знать, что, ежели убитъ будетъ, не будетъ ли у сволочи новаго еще злодѣя, называемаго Царемъ? Одинъ ли онъ называется симъ именемъ, или многіе принимаютъ на себя сіе названіе? Какъ его народъ почитаетъ, за дѣйствительнаго ли покойнаго Государя, или знаютъ, что онъ подлинно Пугачевъ, но только изъ грубыя склонности къ бунту и разбою не хотятъ отъ него отстать? Какая у него связь и распорядокъ? Какое дѣйствіе производятъ Ея Величества манифесты и въ толпу его достигшія наши побѣды? Онъ предполагалъ, что сей старецъ все сіе тѣмъ паче надежнѣе исполнитъ, что Пугачевъ, во время бытія своего на Иргизѣ, былъ ему знакомъ; а что онъ вѣрно положенное на него исполнитъ, то ручались за него Серебряковъ и Герасимовъ; а паче потверждалъ то Дюпинъ, который самъ

съ нимъ шелъ, оставляя у себя домъ, жену и дѣтей, будучи при томъ обнадеженъ, что, ежели онъ на сей службѣ будетъ убитъ, то оставшіе сыновья его не будутъ отдаваемы въ рекруты. Но чтобы сокрыть прямое ихъ пришествіе на Яикъ (Уралъ), то научилъ ихъ злодѣямъ разсказывать, что яко бы за то, что Пугачевъ въ скитахъ у нихъ бывалъ и имъ знакомъ, присланы скоро ихъ будутъ поймать и казнить смертію; почему де отъ такого страха они, оставя свои жилища, пришли сюда, и желаютъ у нихъ служить. Но чтобъ оные посланные, въ случаѣ ихъ невѣрности, и въ другомъ видѣ были полезны, то насказалъ онъ имъ, что пріѣхалъ въ Малыковку (Вольскъ) для встрѣчи четырехъ полковъ гусаръ, ѣдущихъ изъ Астрахани, для которыхъ подрядилъ провіантъ, давъ небольшіе задатки. Сіе разглашать велѣлъ съ намѣреніемъ, котораго никому не открылъ, чтобъ, въ случаѣ предпріятія злодѣйскаго, устремиться по Иргизу къ Волгѣ, гдѣ никакихъ войскъ не было, удержать паденіе ихъ во внутренность Имперіи, какъ то на Малыковку, Свіяжскъ, Симбирскъ, Пензу и далѣе, и сдѣлать тѣмъ диверсію или удержать ихъ нѣсколько ходъ до прибытія на Яикъ генерала Мансурова и прочихъ войскъ,—въ чемъ истинная была цѣль его Державина, которая ему и удалась, какъ то изъ послѣдствія видно будетъ.

Такимъ образомъ онъ сихъ лазутчиковъ на Яикъ отправилъ, давъ имъ потребное число денегъ, и первымъ его рапортомъ изъ Малыковки донесъ г. Бибикову, какъ и о томъ, что велѣлъ онъ быть Серебрякову и Герасимову безотлучно на Иргизѣ, стараясь пріобрѣсть себѣ болѣе друзей и примѣчать за тѣми, которые подозрительны; слышать и видѣть всё и на проѣздахъ отъ Яика къ Иргизскимъ селеніямъ учредить надежныхъ за деньги присмотрщиковъ, дабы отъ злодѣевъ не было подсыльныхъ, какъ для народнаго возмущенія, такъ и для развѣдыванія; а паче, какъ уже тогда ожидать должно было, что скоро достигнутъ вѣрныя войска до главнаго скопища злодѣйскаго, то по разбитіи его, къ содѣйствію ему Державину порученнаго дѣла, не прибѣжитъ ли Пугачевъ крыться въ запримѣченныхъ ими мѣстахъ? Въ семъ же рапортѣ донесъ, что поѣхалъ онъ въ Саратовъ для отдачи

его г. Бибикова къ Астраханскому губернатору вышеупомянутаго письма о чиненіи ему помощи. На сей рапортъ получилъ отъ 21 дня того же мѣсяца изъ Кичуйскаго фельдшанца (1) г. Бибикова отвѣтъ, въ которомъ на первой случай за сдѣланныя его распоряженія изьявлялъ онъ ему особливое удовольствіе; и тутъ же увѣдомлялъ, что по рапортамъ генерала князя Голицына надѣется, что корпусъ подъ его предводительствомъ къ 25 числу прибудетъ подъ Оренбургъ.

На рапортъ, что онъ былъ въ Саратовѣ и отдалъ губернатору его г. Бибикова повелѣніе, что тамъ нашелъ довольное число войскъ; что получилъ рапортъ съ Иргиза отъ Серебрякова, якобы Пугачевъ, будучи на Яикѣ, обнародовалъ свой манифестъ, призывавшій Киргизцевъ къ себѣ въ помощь, обѣщалъ за то Яицкую степь до Волги; что отъ сего, а паче отъ пролитія съ Яику въ провинціи по Иргизу злодѣевъ, Астраханской губернаторъ, бывшій тогда въ Саратовѣ, полагалъ себя имѣть безсильнымъ, требовалъ отъ г. Бибикова себѣ подкрѣпленія, что примѣтилъ я нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей въ Малыковкѣ; что ихъ оставляю до времени безъ тревоги, дабы не открыть себя; что образъ мыслей народныхъ былъ со стороны глупыхъ колеблющій въ пользу злодѣя; а кто поразумнѣе, тотъ казался преданнымъ законной своей власти; что къ лучшему его содѣйствію осмѣливался онъ спросить объ успѣхахъ нашихъ корпусовъ; что не приказано ли будетъ, въ случаѣ надобности, брать изъ Саратова имѣющіяся при Конторѣ Опекунства Иностранныхъ (2) роты, которыя были не въ губернаторскомъ вѣдомствѣ; что напослѣдокъ пребываніе свое имѣетъ онъ въ Колоніяхъ подъ разными видами, дабы,

---

(1) Бибиковъ до половины Марта оставался въ Казани и оттуда распоряжалъ военными дѣйствіями. Кичуй—село на границахъ Мензелинскаго и Бугульминскаго уѣздовъ.

(2) Иностранные поселенцы, вызванные манифестомъ 4 Декабря 1762 г., управлялись находившейся въ Петербургѣ *Канцеляріею Опекунства Иностранныхъ*. Эта канцелярія состояла на одинаковыхъ правахъ съ остальными государственными Коллегіями. Президентомъ ея былъ самъ графъ Гр. Гр. Орловъ. Въ Саратовѣ имѣлась Контора этой Канцеляріи, тоже неподчиненная Губернатору. (См. указъ 22 Іюля 1763 года, въ Полн. Собр. Законовъ).

живши въ одномъ мѣстѣ, не подать толковъ, — на сіе отъ 31 дня получилъ онъ ордеръ весьма благоволительный. Тамъ извѣстился онъ, что 22 числа злодѣй генераломъ Голицынымъ подъ Татищевой (1) разбитъ; что пробирался на Переволоцкую крѣпость. При семъ пріобщено было отверстое предложеніе въ Опекунскую Контору о дачѣ по нуждамъ его командъ, и приказывалось у нихъ быть командиру; но чтобъ онъ поступалъ по сообщеніямъ его Державина.

Апрѣль. На вѣсть отъ лазутчиковъ съ Иргиза, что есть съ Яику подсыльные злодѣи, шатающіеся на хуторахъ, которые отъ селеній лежатъ не далѣе 60 верстъ, просилъ онъ губернатора Астраханскаго 30-ти человѣкъ козаковъ; но онъ отъ 3 числа въ томъ ему отказалъ, описывая, что злодѣй разбитъ совершенно, и что онъ послалъ поймать его къ Яику казаковъ, для чего и дать ему таковыхъ не можетъ, указывая при томъ на Шевичевы ескадроны (2), которые имѣли ордеръ поспѣшать къ главнымъ корпусамъ. Послѣ чего требовалъ онъ отъ Малыковскихъ управителей чрезъ Серебрякова и Герасимова надежныхъ людей. Дворцовой управитель Шишковской (3) тотчасъ съ своей стороны нарядилъ, а казначей Тишинъ прислалъ сообщеніе, что онъ въ невѣдомую посылку людей безъ экономическаго правленія не дастъ, тѣмъ паче, что Серебряковъ требовался по прежнимъ его дѣламъ въ Юстицію, у котораго, яко у человѣка подозрительнаго, люди подъ присмотромъ быть не могутъ. Отказъ его посланъ въ оригиналѣ къ главнокомандующему. На сіе отъ 9-го числа присланъ ордеръ отъ имени г. Бибикова, подписанный генераломъ Ларіоновымъ, съ оговоркою, что самъ его высокопревосходительство за болѣзнію подписать не могъ. Тутъ же давалось знать, что Пугачевъ успѣлъ въ Башкирію къ старшинѣ Кинзею, который всячес-

---

(1) Пораженіе, нанесенное Пугачеву подъ Татищевой, составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи этой войны. Оренбургъ освобожденъ, и дѣла вдругъ приняли самый благопріятный видъ, но не на долго.

(2) Это Сербскіе гусары изъ Екатеринославской губерніи. Шевичъ, сподвижникъ Суворова, убитъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

(3) Можетъ быть, родственникъ извѣстнаго Степана Ивановича, который тогда уже былъ въ силѣ и участвовалъ потомъ въ допросахъ Пугачеву.

ки намѣренъ пробираться на Яикъ; то чтобъ употребить сей случай въ пользу.

Въ такомъ случаѣ, вѣдая, что Пугачевъ хочетъ пробираться на Яикъ, гдѣ еще у него сообщниковъ было довольно; для того чтобъ сдѣлать отвращеніе могущему его быть вліянію по Иргизу къ Волгѣ во внутреннія провинціи и прикрыть колоніи, просилъ Державинъ Опекунскую Контору о присылкѣ къ нему команды подъ видомъ авангарда идущихъ якобы войскъ отъ Астрахани, которыхъ и поставить въ крайней колоніи Шафгаузенѣ. Опослѣ видно будетъ, что сіе было весьма полезно. Контора команду прислала, съ начальникомъ ея артиллеріи капитаномъ Ельчинымъ, съ двумя пушками; но козаковъ не прислала, отзываясь на отдачу всѣхъ у ней находящихся губернатору. По неоднократной онаго просьбѣ, чтобъ приказалъ, какъ выше значитъ, посланнымъ отъ него къ Яику козакамъ присовокупиться къ военной командѣ подъ команду Ельчина, для того, что имъ на Яикъ еще никакъ, за наполняющими его злодѣями, вступить было не можно, и что они стоя на Иргизѣ праздно, дѣлаютъ страхъ могущимъ придти съ Яику злодѣйскимъ подлазчикамъ, которые нужны и которыхъ стерегутъ отъ него поставленные тайно, а когда будетъ надобно военное дѣйствіе, то они вмѣстѣ съ военной командой отъ колоній на Иргизъ подвинуться могутъ,—но въ томъ отъ 17-го числа того же мѣсяца отказано.

Посланный съ Иргиза отъ Державина одинъ изъ подзорщиковъ, а потомъ и представленные ему, 19-го числа съ Яика пойманные ушлецы возвѣстили ему, что, хотя идетъ на выручку Яика генералъ Мансуровъ, но, за разлитіемъ сильныхъ водъ, скоро онаго достичь не можетъ. Для чего, пославъ ихъ обстоятельные допросы къ г. Бибикову (о смерти котораго еще не зналъ), донесъ ему: по обстоятельстамъ извѣстно, что злодѣй удалился въ Башкирію, что ежели и возвратится къ Иргизу, то не скоро; слѣдовательно нѣтъ нужды тайно его стеречь; для чего и взялъ онъ смѣлость сикурсировать помянутою Опекунскою Командою въ Яикъ коменданта Симонова съ его командами, умирающаго съ голоду и неимѣющаго уже снарядовъ, чрезъ что ежели онъ

не предваритъ генерала Мансурова и сдѣлаетъ тщетный маршъ, то изъ сего никакого зла не послѣдуетъ; что снабдилъ его изъ усердія провіантомъ вышеписанный поручикъ Максимовъ, а снарядами Опекунская Контора; губернаторъ же отвѣчалъ, что на Яикъ идти не надо, въ чемъ онъ и былъ справедливъ, ибо еще тогда было не извѣстно, что скоро придетъ г. Мансуровъ; а какъ отъ Иргиза разлитія водъ не было, то 21 числа и выступила команда. На пути получилъ Державинъ письмо отъ генерала Мансурова съ прежде упомянутымъ посыланнымъ лазутчикомъ старцемъ Іевомъ отъ 17 числа, въ которомъ увѣдомлялъ, что онъ Яикъ освободилъ. По извѣстію сему Державинъ маршъ свой къ сему городу остановилъ. Іевъ его увѣрялъ, что онъ, бывъ злодѣями подозрѣваемъ, сидѣлъ подъ стражею, а Дюпина, съ письмомъ отъ него посланнаго, будто убили; но послѣ носился слухъ, что сами они, пришедъ въ канцелярію къ женѣ Пугачева Устиньѣ, объявили о своей посылкѣ и письмо къ Симонову открыли, что̀ и нужно было, ибо симъ удержано стремленіе злодѣевъ отъ вшаденія во внутрь Имперіи, какъ ниже о томъ увидимъ.—На рапортъ о маршѣ къ Яику и о посланныхъ двухъ Татарахъ въ толпу злодѣя, которые и до днесь пропали безъ вѣсти, получилъ онъ ордеръ отъ князя Щербатова отъ 2 Маія. Симъ увѣдомлялся, что Александръ Ильичь скончался (1), что онъ принялъ и

---

(1) Бибиковъ умеръ 9 Апрѣля 1774 года въ городѣ Бугульмѣ. Смерть его въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ поразила всю Россію. Для Державина она была и личнымъ несчастіемъ, ибо, нѣтъ сомнѣнія, что Бибиковъ, уже оцѣнившій его усердіе, повелъ бы его дальше на службѣ. Горесть свою Державинъ излилъ въ написанной нѣсколько позже *Одѣ на смерть Бибикова*, первомъ у него стихотвореніи этого рода, въ которомъ, при напыщенности нѣкоторыхъ фразъ, все таки высказывается истинное, неподдѣльное чувство. Ода эта замѣчательна еще и потому, что Державинъ написалъ ее бѣлыми стихами, почитая украшеніе риемы неумѣстнымъ въ столь печальномъ случаѣ. (См. статью Я. К. Грота въ Соврем. 1845, № 2)

Не показать мое искусство,
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риемъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ.
Но благодарности лишь знакъ....
Желаю только, чтобъ сказали:

воинскую команду и Коммиссію Секретную въ свое распоряженіе; что, разсмотрѣвъ, производствомъ его былъ доволенъ; и Яицкое предпріятіе одобрилъ, рекомендовавъ примѣчать на пролѣзшую близь Ельшанки партію сволочи, повелѣвая, что ежели появится въ степяхъ между Волги и Яика, то чтобъ открытымъ образомъ онъ Державинъ дѣлалъ надъ нею поискъ, не опасаясь, что Пугачевъ придетъ тайно укрываться на Иргизѣ; увѣдомляя, что онъ окруженъ

«Онь вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи.»

Державинъ навсегда сохранилъ о Бибиковѣ признательное воспоминаніе, и лѣтъ черезъ тридцать, когда сынъ Бибикова, сенаторъ Александръ Александровичъ, вздумалъ описать жизнь отца, онъ прислалъ къ нему слѣдующую записку о немъ:

«Посвятивъ краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.»

«Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предусмотрѣніе, предпріимчивость и расторопность; такъ что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей, съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое ревность, не токмо прежде, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный: тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ неколебимъ; любилъ словесность и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ, зналъ Нѣмецкій и Французскій и не задолго предъ смертію выучилъ и Англинскій; умѣлъ выбирать людей; былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому, но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностію, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и вышній чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ престола и къ спасенію отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи тогда пресѣкшуюся.» (См. Записки о жизни Бибикова, стр. 3—7.). — И между тѣмъ въ Запискахъ своихъ, какъ читатели видѣли, Державинъ очень мало говоритъ о Бибиковѣ; это отъ того, что онъ положилъ себѣ представить въ этихъ Запискахъ отчетъ о своей преимущественно служебной дѣятельности.

деташаментами на Взяно-Петровскихъ заводахъ, откуда безъ пораженія выдти не можетъ и путь къ Иргизу ему вездѣ прегражденъ.

Май. Между тѣмъ какъ Державинъ вопрошалъ генерала Мансурова, не надобенъ ли изготовленный для Яика провіантъ и снаряды, и нѣтъ ли нужды быть Опекунской Командѣ на Иргизѣ (ибо тогда тайными присмотрщиками, какъ генералъ Щербатовъ предписывалъ, какъ выше явствуетъ, стеречь Пугачева уже было не для чего), приведенъ былъ къ нему выбѣжавшій изъ стени Яицкой извѣстный по дѣламъ Тайной Канцеляріи подъ именемъ Мамаева злодѣй. По притворству руки его, въ короткомъ распросѣ показался онъ подозрителенъ; для чего, не откроетъ ли чего важнѣйшаго, распрашивать подробнѣе; и тогда насказалъ онъ множество ужасныхъ обстоятельствъ, по которымъ, чтобъ не упустить минуты опаснаго времени, предпринято было съ естафетомъ прямо донести въ Петербургъ; но какъ послѣ многими разнорѣчіями открылся и въ томъ не основательнымъ, что наконецъ и правда была, то, чтобъ не сдѣлать пустой тревоги, въ Петербургъ увѣдомленіе отмѣнено, а отослалъ его Державинъ князю Щербатову, по принятіи имъ начальства и надъ Секретною Коммиссіею; донося, что чистосердечія его открыть не могъ, ибо сперва ни о какихъ почти особенныхъ злодѣйствахъ не говорилъ, потомъ сталъ объявлять нанужаснѣйшія, а наконецъ сталъ казаться сумазбродным, безъ всякихъ пристрастныхъ распросовъ.

Тогда же просился Державинъ о увольненіи себя съ его поста, для того, что по удаленіи въ Башкирію Пугачева, по ввѣренной ему коммиссіи онъ ничѣмъ дѣйствовать не могъ. Касательно Мамаева увѣдомленъ отъ 10 числа, что сей злодѣй отданъ въ Секретную Коммиссію; а объ увольненіи его Державина Ея Величество указать соизволила не перемѣнять диспозиціи покойнаго Бибикова и для того, чтобъ Державинъ на постѣ своемъ былъ безотлучнымъ; ибо усматривался тутъ быть нужнымъ, а именно рекомендовалось ему отъ Малыковки по Иргизу Опекунскою Командою учредить посты, усиля ихъ частію марширующими тогда мимо Денисовскаго полку ко-

заками. Въ семъ же мѣсяцѣ, а именно отъ 2 числа, получилъ Державинъ изъ Оренбурга отъ князя Голицына ордеръ съ приложеніемъ злодѣйскаго доклада къ Самозванцу отъ Яицкаго старшины Толкачова, коимъ просилъ онъ, чтобъ дозволено ему было для склоненія Иргизскихъ жителей и прочихъ за Волгой лежащихъ провинцій и для собранія провіанта идти съ ополченіемъ въ ту сторону. Въ слѣдствіе чего генералъ Голицынъ приказывалъ ему Державину брать отъ того предосторожность, которая, какъ выше видно, предварительно уже до пришествія въ Яикъ генерала Мансурова была принята; ибо отъ стоящихъ при Шафгаузенѣ Опекунскихъ Командъ, съ Апрѣля еще мѣсяца, простерся слухъ, что около колоній есть войска.—Сего же мѣсяца, въ первыхъ числахъ, отъ генерала Мансурова получилъ Державинъ на вопросъ его отвѣтъ, что Опекунская Команда на Иргизѣ не надобна, но провіантъ и снаряды доставить высланному для того нарочно изъ Яика до Иргизскихъ мостовъ офицеру, что̀ чрезъ капитана Ельчина исполнено. — Между тѣмъ, какъ съ форпостовъ, такъ и отъ генерала Мансурова, извѣщалось, что Ставропольскіе Калмыки, скитаясь по степямъ, прорывались чрезъ Самарскую линію, желая проѣхать въ Башкирію; но будучи тамъ разбиты, большею частію обратились къ Иргизу, за которыми, хотя командированъ подполковникъ Муфель, однако приказывалось и Державину воспрепятствовать ихъ предпріятію; а паче, чтобъ закрыть колоніи. Но, какъ выше видно, что Опекунская Команда была на Иргизѣ, то и была къ тому готова. Капитанъ Ельчинъ, хотя и имѣлъ вмѣсто конницы (то есть Донскихъ Денисовскихъ козаковъ, за переправою изъ за Волги не поспѣвшихъ) собранныхъ Державинымъ Малыковскихъ крестьянъ, но какъ при первомъ разѣ къ битвѣ были они не привыкши, да и капитанъ Ельчинъ не столь храбро поступалъ какъ должно, что не въ помѣрную даль, растрѣлялъ по пусту два комплекта зарядовъ и требовалъ опыхъ присылки, то пораженія ихъ и покоренія къ законной власти сдѣлать не могъ; но довольствовался только отпужаніемъ ихъ отъ Иргиза. Когда жъ Муфель подоспѣлъ, то Ельчину сообщено Державинымъ, чтобы подвинуться къ

Волгѣ и застановить колоніи. Тогда же получилъ онъ ордеръ, чтобъ Денисовскихъ козаковъ наипоспѣшно командировать къ Оренбургу; а отъ 27-го числа отъ генерала князя Щербатова за военныя распоряженія благодарность, и что Калмыцкій бунтовщикъ Дербетевъ деташаментомъ отъ Муфеля истребленъ, и что за продолжающимся въ Башкиріи бунтомъ взято изъ Яика нѣкоторое число войскъ; а на мѣсто ихъ приказано подвинуться на Иргизъ, съ 300 Малороссійскими козаками, маіору Черносвитову, и велѣно ему въ нуждахъ исполнять сообщенія Державина. Сего же мѣсяца, отъ 21 числа, полученъ ордеръ отъ г. Казанскаго губернатора Фонъ-Бранта, въ коемъ увѣдомлялся Державинъ, что Секретная Казанская Коммиссія и спокойствіе его губерніи ввѣрено его попеченію, и хотя долженъ онъ Державинъ, по смерти генерала Бибикова, о всемъ доносить генералу Щербатову, однако чтобъ не преминулъ онъ его Казанскаго губернатора, по довѣренности ему и Оренбургской Коммиссіи, о всемъ рапортовать. По сему и не зналъ Державинъ, у кого онъ состоитъ въ совершенномъ подначальствѣ, а для того и предпріялъ исполнять всякое предписаніе, лишь бы на пользу было службы.

Іюнь. Въ семъ мѣсяцѣ дано ему знать отъ генерала Мансурова, что съ Малороссійскими казаками маіоръ Черносвитовъ откомандированъ въ Оренбургъ. На рапортъ его, что какъ сторона Иргиза была тогда спокойна, а о Пугачевѣ и слуху не было, то ни военнаго по разнымъ ордерамъ, ни по тайному его наставленію ему дѣла нѣтъ, получилъ онъ отъ 12-го числа сего мѣсяца отъ генерала Щербатова предписаніе, въ которомъ возвѣщалось ему, что усилившійся было Пугачевъ генераломъ Декалонгомъ 21 дня Маія подъ крѣпостью (1), а на другой день подполковникомъ Михельсономъ совершенно разбитъ, ушедши только съ восемью человѣками въ Исецкую провинцію, или въ Башкирію, пропалъ безъ вѣсти. Для того повелѣвалось, по тайнымъ паки

---

(1) Въ подлинной рукописи названіе крѣпости пропущено. Это была крѣпость Троицкая, нынѣ городъ Троицкъ, въ землѣ Оренбургскаго казачьяго войска.

учрежденіямъ, взять наблюденіе, въ чаяніи, что онъ придетъ одинъ укрываться на Иргизѣ или Узеняхъ. Здѣсь должно напомянуть, что Опекунская Команда, по совершенному въ той странѣ спокойствію, возвращена въ Саратовъ.

Сего мѣсяца полученъ Державинымъ указъ изъ Казанской Секретной Коммиссіи, въ которомъ вопрошался онъ, почему и на какомъ основаніи имѣетъ у себя Малыковскаго экономическаго крестьянина Ивана Серебрякова, содержавшагося въ Сыскномъ Приказѣ и взятаго на поруки порутчикомъ Максимовымъ, до котораго, въ слѣдствіе именнаго указа, имѣетъ Юстицъ Коллегія дѣло и уже многократно изъ Симбирской канцеляріи его къ себѣ требовала? Изъ сего заключилъ Державинъ, что Секретная Коммиссія никакого о его посылкѣ свѣдѣнія не имѣла; ибо главнымъ основаніемъ оной былъ сей Серебряковъ, потому что онъ, знавъ прилѣпленіе Иргизскихъ раскольниковъ къ Пугачеву, мыслилъ, что ему по разбитіи его на первой случай броситься не куды, какъ въ кутуки и ухожи на сей рѣкѣ и Узеняхъ имѣющіеся, къ друзьямъ его; въ разсужденіи чего подалъ доношеніе покойному Бибикову, прося, чтобъ онъ употребилъ его туда для надзиранія; по чему онъ подъ руководствомъ Державина, съ товарищемъ его Трофимомъ Герасимовымъ и посланъ, и находились оба главными лазутчиками. Сіи всѣ обстоятельства донесены были Казанской Секретной Коммиссіи. Но по обнаруженію опослѣ всѣхъ обстоятельствъ, здѣсь чистосердечно сказать должно, что, когда Серебрякову и Максимову не удалось вышеозначенныхъ въ Польшѣ и Крыму награбленыхъ кладовъ отыскать, ибо всѣ тѣ области, какъ военной театръ противъ Турковъ, заняты были войсками, и не можно имъ было безъ подозрѣнія на себя, шатаясь въ степяхъ, искать кладовъ, то они предводителя ихъ Черняя отпустили или куда дѣвали не извѣстно, сами удалились на свои жилища; но какъ возмущеніе Пугачева открылось, и не знали еще за подлинно, кто онъ таковъ, то и думали, что былъ то Черняй, содержавшійся въ Сыскномъ Приказѣ разбойникъ, ушедшій и взятой на порутчительсгво Максимовымъ, то и стали ихъ сыскивать обоихъ, а они чтобъ укрыться отъ бѣды, а можетъ быть и сдѣлать

выслугу, поимкою въ самомъ дѣлѣ бунтовщика и тѣмъ загладить свое преступленіе, кинулись по Московскому знакомству къ Державину, а сей, какъ выше явствуетъ, представилъ Серебрякова къ Бибикову, который и опредѣленъ въ лазутчики съ Трофимомъ Герасимовымъ подъ надзираніемъ Державина.

Въ оном же мѣсяцѣ, отъ 28 числа, увѣдомленъ Державинъ былъ отъ генерала Мансурова съ Яика, что онъ имѣетъ свѣдѣніе о нападеніи Киргизкайсаковъ на Иргизскія селенія, то чтобъ онъ имѣлъ осторожность; однако бъ не производилъ народнаго волнованія, ибо чаялъ онъ, что сіе не основательно. Въ семъ мѣсяцѣ явился къ нему Малыковскій дворцовой крестьянинъ Василій Ивановъ сынъ Поповъ, который объявилъ якобы злодѣя Пугачева письмо, во время бытія его въ Симбирскѣ писанное на Иргизъ къ раскольничьему старцу Филарету, и донесъ также, что будто слышалъ онъ между разговорами Саратовскихъ Покровскихъ Малороссіянъ, что они имѣютъ умыслъ, собравшись на Узеняхъ, проѣхать къ Пугачеву въ Башкирію. Письмо, съ обстоятельнымъ Попова распросомъ, тотчасъ отослано къ князю Щербатову для препровожденія его куда слѣдуетъ въ Секретныя Коммиссіи; а о доносимомъ Малороссіянъ умыслѣ, за отбытностію изъ Саратова Астраханскаго губернатора, писано къ старшему начальнику въ семъ городѣ бригадиру Лодыженскому, чтобъ приказано было за ними примѣчать, для чего и Поповъ туда для показанія тѣхъ, отъ кого онъ умыслъ слышалъ, посланъ.—Съ Иргиза въ то же время рапортовано Державину было, что нѣсколько Малороссіянъ, поднатнувшись къ селеніямъ, жаловались на ограбленіе ихъ Калмыками, и спрашивали, далеко ли располагаются наши команды? Сіе призналось и генераломъ Мансуровымъ за ложную отъ нихъ выдумку, чтобъ чрезъ то развѣдать, гдѣ можно имъ будетъ ускользнуть между нашихъ войскъ; ибо уже Калмыки давно были изъ сихъ мѣстъ совсѣмъ истреблены.

Іюль. Ордерами, какъ отъ Казанскаго губернатора, такъ и отъ князя Щербатова, увѣдомленъ былъ Державинъ, что злодѣй, овладѣвъ пригородкомъ Осою, набралъ суда и

стремится Камою внизъ, желая, якобы по извѣстіямъ, пробраться къ Иргизу, для чего и предписывалось взять предосторожность, учредя, какъ на сухомъ пути имѣющимися на Иргизѣ 200-ми Донскими козаками заставу, такъ и приготовить, сколько можно, вооруженныхъ судовъ для возпрепятствованія стремленія его по Волгѣ. Суда были приготовлены, и для вооруженія ихъ взяты у Малыковскихъ обывателей нѣсколько фальконетовъ; къ содѣйствію же ихъ требовалъ отъ Опекунской Конторы ея Артиллерійскихъ ротъ; но въ томъ отказано, потому что сама Контора имѣла въ нихъ нужду, по нѣкоторымъ безпокойнымъ мыслямъ колонистовъ. Сіе конторское увѣдомленіе послано подлинникомъ къ генералу князю Щербатову и донесено при томъ, что водянаго ополченія не будетъ, потому что за случившимся 13 числа пожаромъ вся Малыковка и изготовленныя суда и снасти сгорѣли, и что по доносу Попова о Малороссіянахъ, какъ еще никакого свѣдѣнія изъ Саратова нѣтъ, то и почитаетъ оный едвали основательнымъ; но чтобъ удостовѣриться въ томъ заподлинно, поѣхалъ онъ самъ въ сей городъ.

По прибытіи нашелъ, что бригадиръ Лодыжинскій дѣло сіе поручилъ правящему воеводскую и комендантскую должность полковнику Бошняку; а онъ, нарядивъ вѣдѣнія своего Саратовскихъ козаковъ, далъ въ команду тому доносщику Попову, которые и зачали грабить домы Малороссіянъ; между тѣмъ, забравъ ихъ всѣхъ, посадили въ одно мѣсто, которые въ одно слово и заперлись, что они ничего и ни про какой умыслъ съ Поповымъ не говаривали; и что онъ наклепалъ на нихъ то напрасно. По сей причинѣ Поповъ, по недоказательству его своего доноса, а паче по обличенію его съ козаками грабежа Малороссіянъ, отосланъ самъ подъ стражу въ Воеводскую канцелярію. Въ сіе время, то есть 16 числа Іюля, получилъ Державинъ изъ Сызранской канцеляріи извѣстіе, что Казань, по приближеніи злодѣйскихъ полчищъ, выжжена; о семъ донесъ онъ тотчасъ чрезъ нарочнаго въ Яикъ генералу Мансурову и получилъ отвѣтъ, что ежели въ краю Саратова будетъ настоять опасность, то онъ не умедля прибудетъ самъ съ своимъ деташаментомъ.

Того жъ 16 числа вышеписанное о Казани извѣстіе объявилъ Державинъ Саратовскимъ начальникамъ, бригадиру Лодыжинскому и полковнику Бошняку. Почему они 21 числа въ Опекунской Конторѣ, сдѣлавъ собраніе, пригласили къ тому и Державина. Тутъ сдѣлано было опредѣленіе, чтобъ, для безопасности казеннаго, церковнаго и частнаго имущества, женскаго пола и людей невоенныхъ, сдѣлать укрѣпленіе около провіантскаго опекунскаго магазина, въ которомъ сложено было 25000 (*кулей*) ржаной муки, яко въ мѣстѣ по имуществу казеннаго интереса и по мѣстоположенію важномъ и оставить въ немъ небольшой гарнизонъ, подъ начальствомъ коменданта Бошняка съ 14-ю чугунными пушками и мортирою. Прочимъ же войскамъ, то есть двумъ Артиллерійскимъ ротамъ съ Саратова и Донскимъ козакамъ съ четырмя мѣдными полевыми единорогами, подъ предводительствомъ Артиллерійскаго маіора Семяжи, идти на встрѣчу злодѣю, ежели онъ наклонится къ сторонѣ Саратова; ибо тогда уже получено было извѣстіе, что онъ переплылъ у Кокшайска Волгу и находился близъ Курмыша. Сіе опредѣленіе Державинъ при рапортѣ своемъ отослалъ къ князю Щербатову, донося при томъ, что являющіяся между начальниками разныхъ командъ разногласія требуютъ одного командира. На что въ отвѣтъ того же мѣсяца и получилъ отъ него ордеръ, въ которомъ сказано было, что будетъ надъ Саратовымъ главной командиръ генералъ Мансуровъ.

Но въ то же время дошло повелѣніе отъ генерала маіора Потемкина (1), въ которомъ возвѣщалось, что онъ по Высочайшему именному Ея Императорскаго Величества указу опредѣленъ непосредственнымъ начальникомъ Оренбургской и Казанской Секретныхъ Коммиссій, и чтобъ Державинъ о ввѣренномъ ему порученіи, на какомъ оно основаніи производилось, и что онъ по оному произвелъ, рапортовалъ его наискорѣе. Чтобъ исполнить оное какъ можно скорѣе,

---

(1) Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ († 1796), впослѣдствіи графъ, троюродный братъ Свѣтлѣйшаго, который тогда начиналъ входить въ силу. Онъ оставилъ *Исторію о Пугачевѣ*, которая до сихъ поръ не издана.

поѣхалъ онъ изъ Саратова обратно въ Малыковку, ибо письменныя его дѣла оставались тогда въ семъ селѣ, такъ же чтобъ и приготовить къ пришествію злодѣя крестьянъ вооруженныхъ, ибо ему желалось, когда будетъ злодѣй имѣть дѣло съ Саратовскими войсками, тобъ тѣми крестьянами, при вѣрныхъ его лазутчикахъ, заставя проѣзды, схватить его; потому что ухищреніе его, или лучше сказать трусость по многимъ разбитіямъ извѣстны уже были, что во время сраженія всегда онъ удалялся и когда усматривалъ толпы его опрокинутыми, то съ малымъ числомъ своихъ приближенныхъ предавался въ бѣгство то въ ту, то въ другую сторону и, остановясь гдѣ либо въ отдаленныхъ мѣстахъ, набиралъ или накоплялъ новыя толпы безсмысленной сволочи. Въ сей проѣздъ въ Малыковку Державинъ получилъ отъ генерала Потемкина вторичный ордеръ, которымъ увѣдомлялся онъ, что производство его коммиссіи получилъ отъ генерала князя Щербатова и, разбиравъ оное, нашелъ связь въ дѣлахъ; чѣмъ бывъ доволенъ, изъявилъ ему свое удовольствіе и предписалъ, что, какъ время настало настоящему его подвигу, тобъ онъ не жалѣлъ ни труда, ни денегъ, если обстоятельство потребуетъ оныхъ, и что онъ на него Державина полагаетъ всю надежду. Сіе самое побудило его горячѣе вмѣшаться послѣ въ Саратовскія обстоятельства. Въ то же самое время дошелъ къ нему и князя Щербатова ордеръ, въ которомъ извѣщался онъ Державинъ, что дѣла его коммиссіи отдалъ сей князь генералу Потемкину и его самаго въ совершенную его команду, изъявляя ему благодарность за все время пребыванія подъ его начальствомъ.

Въ теченіи же сего времени, какъ выше значитъ, пришедшіе двѣсти человѣкъ съ Иргиза Донскихъ козаковъ, долженствующіе расположиться по ордеру генерала Щербатова въ Сызрани, пришли, и какъ предписано было ему, по обстоятельствамъ, близъ Малыковки къ Волгѣ ими распоряжать; то, понеже не извѣстно еще было, на Сызрань ли, Малыковку, или Саратовъ устремится злодѣй съ своими полчищами, то, чтобъ отъ Сызрани до Саратова имѣть въ примѣчаніи все разстояніе, и велѣлъ онъ ста чело-

вѣкамъ около Сызрани, а ста около Малыковки дѣлать ихъ разъѣзды. Такимъ образомъ, какъ все исправилъ, что̀ потребно было въ Малыковкѣ, отправился онъ паки въ Саратовъ, дабы согласно и съ его стороны чѣмъ можно содѣйствовать опредѣленію начальниковъ сего города; ибо и онъ по желанію ихъ подписался подъ онымъ.

Августъ. Прибывъ въ оный городъ, не нашелъ онъ никакой готовности ни въ разсужденіи ретрашамента, ни въ разсужденіи войскъ, коими положено было встрѣтить, чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше, злодѣя, вступившаго, по извѣстіямъ отъ 1-го числа мѣсяца, уже въ городъ Пензу. Въ слѣдствіе чего не однократно Саратовскому коменданту Бошняку словесно и письменно напоминалъ, чтобъ исполнено было общее опредѣленіе, которому онъ разными своими каверзами препятствовалъ; но какъ, не взирая ни на что, успѣховъ не предвидѣлось, то обо всѣхъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, происходившихъ въ Саратовѣ, не удерживая, рапортовалъ онъ начальника своего генерала Потемкина; отъ него получалъ предписанія, которыя какъ одобривали его Саратовскимъ начальникамъ представленія, такъ и повелѣвалось Высочайшимъ именемъ Ея Величества коменданту объявить, что онъ по всей строгости законовъ судимъ будетъ, ежели не исполнитъ благоучрежденнаго пріуготовленія, на которое въ общемъ опредѣленіи онъ согласился и подписалъ оное. По многимъ однако прошедшимъ днямъ ничего не было предпринято, и наконецъ, по сильномъ убѣжденіи бригадира Лодыженскаго и прочихъ, рѣшился онъ на пожарищѣ города Саратова (ибо и онъ недавно выгорѣлъ), хотя на мѣстѣ къ оборонѣ неудобномъ, которымъ командовали горы, сдѣлать укрѣпленіе. Сіе было севодни, а завтра, взявъ другія мысли, объявилъ, что для очистки мѣста или экспланады никакъ нѣкоторыхъ начавшихся послѣ пожару новыхъ строеній ломать и приготовленныхъ бревенъ отобрать не позволитъ, слѣдовательно и укрѣпленіе дѣлать не будетъ; ибо де жители ропщутъ [1]. Дабы основательно узнать, былъ ли

---

(1) По этому случаю Державинъ написалъ Бошняку слѣдующее отношеніе.

таковой ропотъ отъ гражданъ, вошелъ Державинъ въ магистратъ, собралъ присутствующихъ и велѣлъ записать въ журналѣ, что ежели кто покажетъ недоброжелательство къ исполненію общественнаго спасительнаго приговора въ толь критическихъ обстоятельствахъ, тотъ признанъ будетъ за подозрительнаго человѣка и скованный отошлется въ Секрет-

---

« *Изъ Саратова, отъ 30 Іюля 1774 года.*

Высокоблагородному и Высокопочтенному г. города Саратова коменданту и правящему въ ономъ городѣ воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вамъ его превосходительство, г. Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь Вашему Высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ Ето Высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе имянаго Ея Импер. Величества Высоч. повелѣнія по секретной коммиссіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16 числа пріѣхалъ я въ Саратовъ и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24 числа, при общемъ собраніи нашемъ въ Конторѣ Опекунства Иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ найденомъ за способное Его Высокородіемъ г. ст. сов. М. М. Лодыженскимъ, яко служащимъ штабъ-офицеромъ въ Инженерномъ Корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значитъ, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30 числа, прибывъ я паки въ Саратовъ, не только по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего Конторѣ Опекунства Иностранныхъ вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились, и ретраншемента, прожектированнаго Его Высокородіемъ с. сов. М. М. Лодыженскимъ, дѣлать не хотите, но желаете пропустя столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3,000 регулярнаго войска и великою артилеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы яко комендантъ—города и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ гг. штабъ и обер-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленную и довольную людьми и потребностьми къ защищенію оной; а ежели всего она не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ

ную Коммиссію. Граждане по сему тотчасъ собрались, оказали ревностное желаніе къ работамъ и дѣйствительно день одинъ дѣлали около провіантскихъ магазейновъ ретраншаментъ. Однако на другой день комендантъ, по упорству своему, призвавъ полицеймейстера, приказалъ объявить жителямъ, что они на работу не наряжаются; а ежели кто хочетъ по собственной своей волѣ, тотъ можетъ работать. Легкомысленный народъ радъ былъ такой поблажкѣ, а изъ сего произошла и у благоразумнѣйшихъ колебленность мыслей, дурныя разгласки, и работа вовсе остановилась. Зачинщики и буяны изъ подлой черни, оказавшіе духъ Возмущенія, поимянно требовались Державинымъ отъ Воеводской Канцеляріи по силѣ секретнаго его наставленія; однако они не были къ нему присланы.

Получая жъ извѣстія часъ отъ часу хуже, и что уже злодѣй около Петровскаго (1), а не видя никакого приготовленія въ Саратовѣ къ низложенію ихъ и опасаясь, чтобъ имѣвшимися въ семъ городѣ пушками и порохомъ они не усилились, и

военной архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншементѣ, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣю, то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искусства, лучше укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конечно должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, а утвари оныхъ церквей въ томъ ретраншементѣ помѣстить можете. На сіе все прошу Ваше Высокоблаг. скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ, для донесенія Его Превосходительству, г. генералъ маіору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику Высоч. Ея Величества власти, присланному нынѣ по коммиссіи бунтовщика Пугачева именнымъ Ея Им. В. Высоч. повелѣніемъ. Мы же, находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры, пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостью Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать намъ вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вами собранному народу дѣлать прожектированное г. с. сов. Лодыженскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились.» (изъ Исторіи Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина, во 2мъ приложеніи № 5).

(1) Разстояніе отъ города Петровска до Саратова около 140 верстъ.

чтобъ взволновавшійся тамъ народъ сколько можно укротить, а паче, чтобъ открыть силы злодѣйскія, предлагалъ онъ послать отрядъ. Но какъ предводительствовать онымъ никто отъ начальниковъ не выбирался и не вызывался никого къ тому своею охотою, то и принялъ онъ на себя совершить сіе предпріятіе. На сіе согласились; вслѣдствіе чего и взялъ онъ на скоро изъ Опекунской Конторы подъ командою есаула Фомина сто человѣкъ Донскихъ козаковъ, дабы предупредить на Петровскъ злодѣйское нападеніе. Съ вечера послалъ напередъ команду, приказавъ по станціямъ приготовить лошадей, подъ присмотромъ на каждой одного козака; ночью написалъ о всемъ въ подробности генералу Потемкину рапортъ и по утру рано поѣхалъ, взявъ съ собою по охотѣ подполковника Польской службы Федора Гогеля, жившаго въ колоніяхъ съ братомъ его Григоріемъ Гогелемъ который былъ послѣ въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ Москвѣ начальникомъ. Тутъ привидѣлось ему на баснь похожее видѣніе, котораго онъ тогда никому не объявлялъ, дабы не привесть болѣе въ робость. А именно: когда онъ разговаривалъ, стоя среди покоя въ квартирѣ своей, съ помянутымъ бригадиромъ Лодыженскимъ, съ секретаремъ Петромъ Ивановичемъ Новосильцовымъ, который послѣ былъ сенаторъ и съ названнымъ его братомъ Николаемъ Яковлевичемъ Свербѣевымъ, то, взглянувъ нечаянно въ боковое маленькое крестьянское окно, увидѣлъ изъ него выставившуюся голову остова (скелета) бѣлую, подобно какъ бы изъ тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами. Сіе онъ хотя въ мысляхъ своихъ принялъ за худое предвѣщаніе; но однако же въ предпріятый свой путь безъ всякаго отлагательства поѣхалъ. Не доѣзжая до Петровска верстъ пять, принудилъ ѣдущаго на встрѣчу крестьянина угрозою пистолетомъ открыть вѣрное извѣстіе, что Пугачевъ вступилъ уже въ городъ; въ разсужденіи чего и посылалъ онъ ѣдущаго въ ординарцахъ козака, чтобъ онъ возвратилъ команду, находящуюся въ нѣкоторомъ растояніи впереди. Гогель отсовѣтовалъ послать козака, а поѣхалъ самъ. Державинъ же съ письменнымъ увѣдомленіемъ отправилъ между тѣмъ лазутчика къ графу Меллину, идущему съ его отря-

домъ въ слѣдъ за толпою; но только лишь успѣлъ отправить лазутчика, увидѣлъ скачущаго во всю мочь Гогеля и за нимъ есаула Фомина, которые кричали, что козаки измѣнили и предались Пугачеву, покушались ихъ поймать и съ нимъ отвесть въ толпу злодѣйскую; но Фоминъ, проникнувъ ихъ умыслъ, остерегъ Гогеля и по быстротѣ ихъ лошадей къ Державину ускакали. Пугачевъ самъ съ нѣкоторыми его доброхотами въ слѣдъ за ними скакалъ; но порознь къ нимъ, имѣющимъ въ рукахъ пистолеты, приближиться не осмѣливались. И такъ ихъ и Державина злодѣю поймать не удалось, хотя онъ чрезъ нѣсколько верстъ былъ у нихъ въ виду. И какъ наступила ночь, и они на станціи перемѣнили лошадей, то и отретировались благополучно.

Въ Саратовѣ по прежнему, не токмо не нашли никакой готовности, но ниже около онаго обыкновенныхъ пикетовъ. Донеся о всемъ случившемся начальникамъ сего города, предлагалъ Державинъ послѣднія свои мысли, чтобъ, въ разсужденіи всеобщаго въ городѣ страха и безпорядка, едѣлать хотя изъ самыхъ помянутыхъ мучныхъ кулей защиту, то есть на первый случай хотя грудной оплотъ, подъ обороною пушекъ и въ немъ, ежели не пойдутъ сами же на непріятеля наступательно отсидѣться до прибытія деташементовъ Муфеля и графа Меллина; но однако и сего не сдѣлано. Хотя Державинъ еще дни за три до сего имѣлъ, по жалобѣ коменданта, отъ губернатора Астраханскаго предписаніе, что естьли онъ воинскую какую команду у себя имѣетъ, но не оставался бы при защитѣ Саратова, а ѣхалъ бы на Иргизъ, яко въ мѣсто, которое по разсужденію его было единственной его постъ; однако, нося имя офицера, Державинъ за не приличное почелъ отъ опасностей отдаляться и для того, какъ выше объяснено, ѣздилъ въ Петровскъ, имѣлъ наблюденіе относительно приближенія злодѣя и обстоятельствъ города, дабы доносить о всемъ Потемкину и тотчасъ главнокомандующему по силѣ инструкціи. ([1]) Въ слѣдствіе чего при самомъ наступленіи злодѣя на

---

(1) Державинъ писалъ Бошняку: «*1. Изъ Саратова, отъ 5 Августа*

сей городъ, бывъ безъ всякой для него помощи, выпросилъ въ команду себѣ одну находящуюся безъ капитана роту; но какъ до пришествія непріятеля часовъ за 15-ть получилъ письменное отъ главнаго своего лазутчика Герасимова (1) увѣдомленіе, что собранные по повелѣнію его Малыковскіе крестьяне, находившіеся уже въ 20 верстахъ отъ города, прослышавъ, что Донскіе козаки подъ Петровскомъ предались злодѣямъ, то, получивъ развратныя мысли, не хотѣли безъ личнаго его присутствія итти, то и требовали, что, ежели онъ живъ, пріѣхалъ бы къ нимъ самъ и провелъ ихъ къ Саратову. Объявивъ сіе лазутчиково увѣдомленіе бригадиру, сказалъ, что онъ ѣдетъ за показанною нуждою изъ Саратова. Но какъ по нагорной сторонѣ проѣхать уже, за взбунтовавшимися жительствами, было опасно, то и взялъ онъ путь луговою стороною. Будучи же задержанъ, за недачею подводъ въ слободѣ Малороссійской ночь цѣлую, и за написаніемъ рапорта генералу Потемкину о своемъ выѣздѣ изъ Саратова, не успѣлъ присоединиться къ тѣмъ собраннымъ крестьянамъ; получилъ извѣстіе, что злодѣй къ городу пришелъ, и они уже отъ онаго отрѣзаны, а наконецъ, когда чрезъ нѣсколько часовъ получилъ извѣстіе, что 6 числа

1774 года. Г. Полковнику и Саратовскому Коменданту, Лейбъ-Гвардіи отъ поручика и коммиссіонера Державина, Сообщеніе. Сего Августа 3-го сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру Его Превосходительства П. Н. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе Вашему Высокоблагородію сказать имѣю, что Его Превосходительство г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему Его Высокопревосходительство покойный г. Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что въ слѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, я посланъ въ сію область, и предписано ему было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомоществовать. Но какъ Его Превосходительству о существѣ всей моей коммиссіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность Его Превосходительства въ Саратовѣ отъ Конторы Опекунства Иностранныхъ команду, то апробовано отъ высшихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, Его Превосходительству поднесть можете.» (Изъ 2-го Приложенія къ Исторіи Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина, № 5).

(1) См. выше, стр. 62.

Саратовъ взятъ (1), то и принужденъ былъ распустить крестьянъ, опасаясь, чтобъ они не присоединились къ злодѣю. Исполнивъ сіе, пробылъ послѣ взятія Саратовскаго не въ дальномъ отъ онаго разстояніи въ колоніяхъ еще почти два дни, дабы посылая колонистовъ освѣдомиться точно о поворотахъ злодѣя, на Яикъ ли онъ пойдетъ или внизъ по Волгѣ? 8 число около полудня получилъ извѣстіе, что одинъ злодѣйской полковникъ съ своею толпою переправился чрезъ Волгу на луговыя колоніи, набралъ въ Екатеринштатѣ колонистовъ, публиковалъ соблазнительное объявленіе о вольности, о награжденіи колонистовъ, и отрядилъ для поисковъ Державина нарочныхъ изъ тѣхъ самыхъ, которые отъ него для развѣдыванія за деньги были посланы. За Державина обѣщано было 10,000 рублей. Главнымъ между сими разбойниками былъ его гусаръ изъ Польскихъ конфедератовъ, въ Казанѣ нанятой, который подъ Петровскимъ въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами былъ захваченъ, и онъ то самой договорился за означенную сумму его привесть Пугачеву. Наконецъ, не получая ни отъ кого отъ лазутчиковъ никакого свѣдѣнія, не зналъ куды ѣхать, послалъ егеря капитана Вильгельма, коммисара колоніи Шафгаузена, Ивана, у котораго стоялъ, и сей прискакавъ сказалъ, что его Державина ищутъ, и партія злодѣевъ въ пяти уже верстахъ, остановясь въ ближайшей колоніи, завтракаетъ. По сему то уже извѣстію, что злодѣи приближаются и что защитяться было не кѣмъ, ретировался онъ одинъ скакать на той самой лошади, на которой егерь прискакалъ, до ближайшаго города Сызрания, лежащаго въ разстояніи 90 верстъ, куды, сколько извѣстно ему было, шелъ съ деташаментомъ своимъ генералъ Мансуровъ, и гдѣ на дорогѣ по Иргизу поставленъ былъ отъ него изъ крестьянъ караулъ въ 200 человѣкъ. Перемѣняя лошадь, примѣтилъ онъ въ тѣхъ караульныхъ духъ буйства, отъ того, какъ опослѣ извѣстно учинилось, что они уже знали о завладѣніи злодѣями Саратова, то ихъ и хотѣли схватя увезть въ скопище

---

(1) Бошнякъ успѣлъ спасти казну и канцелярскія дѣла и показалъ личную храбрость, отбиваясь отъ непріятеля (Ист. Пуг. бунта, Пушкина, гл. VIII).

разбойниковъ ; но Державинъ всегда оборачивался къ нимъ лицемъ, имѣя на пистолетѣ руку, заткнутомъ за патронташемъ, и когда его стали они перевозить чрезъ Волгу, то онъ, прислонясь къ борту, не оборачивался къ нимъ задомъ и не спускалъ съ нихъ глазъ, а какъ всякой изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся, скочивъ проворно къ парому, коль скоро къ берегу приткнулись, ушелъ въ селеніе князя Голицына. Въ семъ мѣстѣ отправилъ онъ человѣка госпожи Кариной, прозваніемъ Былинка, человѣка весьма смѣлаго и проворнаго, въ толпу Пугачева, который брался его убить; но какъ онъ, преслѣдуемъ отъ Михельсона, далеко находился, то и не могъ онъ попасть въ его полчище, а освободилъ только отъ его сообщниковъ 4 человѣкъ дворянъ, къ смерти ими приготовленныхъ. (1)

Въ семъ же мѣсяцѣ, когда приближился бунтовщикъ къ Саратову, посланъ былъ отъ Державина часто упоминаемый Серебряковъ къ генералу Мансурову, съ прошеніемъ о скорѣйшемъ его поспѣшеніи на помощь сему городу; но на дорогѣ на Иргизской степи неизвѣстными людьми и съ сыномъ его убитъ; а тѣмъ самымъ и прекратились всѣ требованія у Юстицъ Конторы по вышеописанному въ Москвѣ его съ Черняемъ уходу; что̀ не токмо поручику Максимову, но и многимъ господамъ сенатскимъ и прочимъ надѣлало бы много хлопотъ.

По прибытіи 10 числа въ Сызрань, донесъ Державинъ генералу Мансурову о всѣмъ происходившемъ въ Саратовѣ, и куда злодѣй пріялъ свой путь; но онъ, имѣя у себя весьма слабой деташаментъ, состоящій наиболѣе изъ ненадежныхъ Яицкихъ козаковъ, воспріявшихъ паки вѣрноподданическую службу, былъ не рѣшителенъ идти быстрѣе къ Саратову, а нѣсколько медля, дожидался свиданія съ генераломъ княземъ Голицынымъ въ назначенномъ мѣстѣ, а именно въ селѣ Колодиѣ, гдѣ для подробнѣйшаго объясненія Дер-

---

(1) Кромѣ Державина, другой Русскій поэтъ, тогда шестилѣтній ребенокъ, Иванъ Андреевичъ Крыловъ, жившій съ матерью въ Оренбургѣ, былъ также обреченъ на гибель. Пугачевъ былъ озлобленъ на отца его, храбраго капитана, который дѣлалъ безпрестанныя вылазки изъ осажденнаго Яицкаго Городка; онъ поклялся повѣсить не только его, но и все его семейство. Освобожденіе Оренбурга спасло маленькаго Крылова.

жавинъ остался при Голицинѣ, который склонялъ свой маршъ къ Пензѣ; а Мансуровъ пошелъ на лѣво по берегу рѣки Волги.

Между тѣмъ какъ Державинъ, находясь при князѣ, дожидался на рапортъ свой отъ начальника Секретной Комисіи генерала Потемкина предписанія, куда ему слѣдовать, дошли извѣстія, что Киргизъ Кайсаки опустошаютъ селенія Иргизскія, а паче иностранныя колоніи, и какъ деташементъ сего генерала былъ и самъ по себѣ не великъ и раскомандированъ на успокоеніе Симбирской и Пензенской провинціи, то въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ и нечѣмъ было помочь Иргизу и колоніямъ. Державинъ между тѣмъ, доколѣ получилъ отъ Потемкина распоряженіе о своемъ порученіи, вызвался крестьянами прогнать Киргизъ Кайсаковъ, лишь бы малое дано ему было военными людьми подкрѣпленіе. Голицынъ сіе предположеніе охотно принялъ, отрядилъ 25 человѣкъ вышеупомянутыхъ отставныхъ Бахмутскихъ гусаръ и одну полковую пушку. Едва Державинъ отошелъ съ симъ отрядомъ верстъ 40, то получилъ отъ Голицына съ нарочнымъ унтеръ офицеромъ ордеръ, повелѣвающій идти обратно. Причиною тому было то, что тотъ унтеръ офицеръ, бывъ захваченъ толпою и убѣжавъ изъ нея, объявилъ Голицыну, что она находится недалѣе какъ верстахъ въ 50-ти и состоитъ изъ 4000 человѣкъ подъ предводительствомъ нѣкоего разбойника Воронова, называющагося Пугачевскимъ генераломъ; то князь и убоялся, чтобъ Державинъ съ толь малою командою не былъ жертвою сего злодѣя. Но онъ, разспроса основательно того унтеръ офицера, узналъ, что то мятежническое скопище поспѣшаетъ въ соединеніе съ Пугачевымъ, бѣгущимъ отъ Михельсона къ Царицыну; слѣдовательно безпрестанно удаляется отъ Голицына и не посмѣетъ на него возвратиться; а потому, наклонясь въ лѣво къ Сызрани, и нѣтъ опасности пройти на Сосновку и Малыковку къ Иргизу и колоніямъ. Въ слѣдствіе чего, изъявя въ репортѣ князю свое мнѣніе, рѣшился продолжать свой путь, на которомъ, по повелѣнію сего начальника, въ томъ селеніи, гдѣ схватили курьера нашего и отвезли злодѣямъ, старосту, давшаго на то приказаніе, для устрашенія народа,

повѣсилъ и еще другаго, причинившаго въ Сосновкѣ возмущеніе (1). Но, не доѣзжая еще до той ставки, на ночлегѣ въ одномъ жительствѣ произошла тревога, нѣкоторымъ образомъ пустая, но могла быть и не безважною, ежели бы не было сдѣлано заблаговременно распоряженія. Когда пришелъ онъ въ то селеніе, то учредилъ при въѣздахъ изъ крестьянъ караулъ, каждый подъ начальствомъ гусара, пушку, заряженную картечью поставилъ въ удобномъ мѣстѣ подъ защитою 6 человѣкъ спѣшившихся съ заряженными карабинами гусаръ; прочимъ при осѣдланныхъ коняхъ велѣлъ ложиться спать, а самъ легъ подлѣ пушки. Въ полночь услышалъ съ одного притина скачущаго крестьянина, кричащаго: злодѣи! злодѣи! Всѣ пришли въ крайнюю робость и смятеніе. Державинъ велѣлъ конным гусарамъ сѣсть на коней, пѣшимъ приготовиться, самъ же взялъ фитиль, сталъ у пушки, дожидаясь нападенія; но послѣ извѣстно стало, что обыкновенные разбойники, разграбя одного управителя графа Чернышева, хотѣли въ томъ селеніи пристать; но когда ихъ на форпостѣ окликали, то они, не отвѣчавъ, побѣжали въ лѣсъ, изъ коего вышли, а часовой ихъ испугавшись поскакалъ въ селеніе и встревожилъ оное.

Сентябрь. Пріѣхавъ въ Малыковку, нашелъ оную въ крайнемъ безпокойствѣ по причинѣ въ ней причиненныхъ злодѣями бѣдствіи. Когда онъ, будучи въ Шафгаузенѣ, получилъ отъ егеря извѣстіе, что по завладѣніи Саратова отряжена толпа его сыскивать и уже приближались, то онъ послалъ повелѣніе въ Малыковку къ бывшему тамъ экономическому казначею Тишину, дворцовому управителю Шишковскому и къ унтеръ офицеру Саратовскихъ артиллерійскихъ ротъ съ 20-ю фузелерами, бывшими у него на карауле, чтобъ они, поелику уже Саратовъ злодѣями занятъ и могутъ они свободно напасть и на Малыковку, то чтобъ помянутые чиновники и унтеръ офицеръ старались спасти дворцовую эконо-

---

(1) «И. И Дмитріевъ увѣряль (*конечно въ шутку*), что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости». (Изъ неизданныхъ примѣчаній Пушкина къ Исторіи Пугачев. бунта).

мическую казну и его секретныя бумаги, удалясь на какой либо на Волгѣ близь находящійся островокъ, окопались и сидѣли тамъ; а въ случаѣ нападенія, оборонялись бы до прихода нашихъ войскъ. Они точно то исполнили, взявъ съ собою женъ и именитыхъ надежныхъ поселянъ; дѣтей же своихъ малолѣтныхъ экономическая козначейша Тишина, опасаясь, что они будутъ въ сокрытіи на островѣ плакать и злодѣй услышитъ, нарядя въ крестьянскія замаранныя рубашенки, оставила съ ихъ кормилицами и нянькою у надежныхъ крестьянъ. На другой день рано, пріѣхавъ изъ разбойниковъ двое, объявили, что они изъ арміи Батюшки; народъ въ мигъ сбѣжался, принялъ ихъ съ радостію, и они такъ напились, что легли близь кружала въ растяжку. Обыватели поставили вкругъ ихъ караулъ, и ночь прошла въ глубокой тишинѣ и спокойствіи. Г-жа Тишина скучилась по дѣтяхъ, и по великому въ селѣ безмолвію подумала, что въ оном изъ непріятеля никого нѣтъ; уговорила мужа на утренней зарѣ съѣздить и посмотрѣть дѣтей. Сѣли въ лодку, заклались травою и съ помощію двухъ гребцовъ и кормщика благополучно приплыли къ берегу. Тутъ кормщикъ измѣня сказалъ о нихъ злодѣямъ, едва съ похмѣлья проснувшимся. Они тотчасъ схватили мужа и жену; мучили, неистово наругавшись надъ нею, допросились о дѣтяхъ, которыхъ едва сыскали и принесли, то схватя за ноги разможжили объ уголъ головы младенцевъ; а казначея, раздѣвъ, повѣсили на мачтахъ и потомъ разстрѣлявъ, уѣхали. А какъ послѣ того никакихъ скопищъ злодѣйскихъ въ Малыковку не пріѣзжало, то унтеръ офицеръ съ солдатами изъ засады выѣхали, казну и письменныя дѣла уложили въ свои мѣста. Но какъ слышно стало, что Державинъ отъ Голицына идетъ съ командою, то обыватели, чувствуя свою вину, что двумъ пьянымъ бездѣльникамъ учинили предательство, схватили тѣхъ варваровъ, которые погубили съ семействомъ Тишина, посадили подъ караулъ. Державинъ не медля учинилъ имъ допросы и нашелъ, что 4 человѣка главные были изъ измѣнниковъ, изъ коихъ одинъ укрылся; то остальныхъ, по данной ему отъ генералитетовъ власти, опредѣлилъ на смерть; и чтобъ боль-

ше устрашить колеблющуюся чернь и привесть въ повиновеніе, приказалъ на другой день въ назначенномъ часу всѣмъ обывателямъ, мужескому и женскому полу, выходить на лежащую близь самаго села Соколину гору; священнослужителямъ отъ всѣхъ церквей, которыхъ было семь, облачаться въ ризы; на злодѣевъ, приговоренныхъ къ смерти, надѣть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелеровъ 20 человѣкъ при унтеръ офицерѣ поставилъ задомъ къ крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарамъ приказалъ съ обнаженными саблями разъѣзжать около селенія и не пускать никого изъ онаго съ приказаніемъ, кто будетъ бѣжать, тѣхъ не щадя рубить. Учредя такимъ образомъ, повелъ съ зажженными свѣчами и съ колокольнымъ звономъ чрезъ всё село преступниковъ на мѣсто казни. Сіе такъ сбѣжавшійся народъ всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что не смѣлъ никто рта разинуть. Симъ воспользуясь, сказанныхъ главнѣйшихъ злодѣевъ, прочтя приговоръ, приказалъ повѣсить и 200 человѣкъ бывшихъ на Иргизскомъ карауле, которые его хотѣли поймавъ отвести къ Пугачеву, пересѣчь плѣтьми. Сіе все совершили, и самую должность палачей, не иные кто, какъ тѣже самые поселяне, которые были обвиняемы въ измѣнѣ. Державинъ же только расхаживалъ между ними и причитывалъ, чтобъ они впредь вѣрны были Государынѣ, которой присягали. Народъ весь, ставши на колѣни, кричалъ: виноваты и ради служить вѣрою и правдою. Тогда же приказано было до 1000 человѣкъ конныхъ вооруженныхъ набрать ратниковъ и 100 телѣгъ съ провіантомъ. Въ одни сутки все то исполнено; 700 исправныхъ конниковъ явилось передъ нимъ съ сказаннымъ обозомъ изъ ста телѣгъ.

Съ симъ отрядомъ по извѣстіямъ, что Киргизъ Кайсаки въ разныхъ мѣстахъ чинятъ нападеніе на колоніи и разоряютъ ихъ до основанія, такъ что не успѣешь обратиться въ одну сторону, уже слышишь совершающееся бѣдствіе въ другой, 1-го числа сего мѣсяца, переправясь чрезъ Волгу, учинилъ онъ распоряженіе: 1) отобравъ 200 человѣкъ раздѣлилъ ихъ на 4 форпоста, поставилъ на 100 верстахъ,

отъ Шафгаузена до Екатериненштата по 50 человѣкъ на каждомъ, подчинилъ комисарамъ колоній, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ они въ каждой колоніи, собравъ колонистовъ, могущихъ какимъ ни есть оружіемъ обороняться, учредили напереди ихъ на пригоркахъ маяки съ карауль-ными посмѣнно день и ночь, человѣка по 3, и коль скоро гдѣ завидятся на степи Киргизцы, то чтобы къ тому маяку, который зажженъ, сбирались съ той и другой стороны по 50 человѣкъ помянутыхъ вооруженныхъ крестьянъ и колонистовъ, сколько гдѣ собрано будетъ; а какъ таковымъ распоряженіемъ могло составляться на каждомъ форпостѣ до 200 человѣкъ вооруженныхъ людей, то и учинились колоніи на луговой сторонѣ Волги защищены безопаснымъ кордономъ. II) Поелику отъ Волги къ Яику, куды ему въ погонь за Киргизцами слѣдовать надлежало, лежитъ степь ровная, съ небольшими въ иныхъ только мѣстахъ наволоками или пригорками, то отъ нечаяннаго нападенія не привыкшіе къ строю крестьяне, чтобъ не пришли въ замѣшательство и робость, то изъ статель съ провіантомъ построилъ онъ вагенбургъ, въ средину коего поставилъ 100 человѣкъ съ долгими пиками, а 400 остальныхъ, раздѣля на два эскадрона и разочтя на плутонги, изъ гусаръ назначилъ между ими офицеровъ и унтеръ офицеровъ; поставилъ на флигеляхъ въ передней шеренгѣ пушку, подъ прикрытіемъ 20 фузелеръ, составилъ свою армію и пошелъ прямо чрезъ степь къ Узенямъ, по сакмѣ или дорогѣ, пробитой прошедшими съ плѣномъ Киргизцами. Маршируя въ такомъ порядкѣ всѣмъ вагенбургомъ и имѣя по флигелямъ конницу, около недѣли, усмотрѣли передовые, или фланкёры въ долинѣ, на вершинахъ малой рѣки Керамана, ополченную непріятеля великую толпу, которая съ плѣнными людьми и съ великимъ множествомъ у колонистовъ и Иргизскихъ поселянъ отогнаннымъ скотомъ казалась страшною громадою; но коль скоро съ наволока показались передніе шеренги, красные мундиры, и съ боковъ, во флангъ сей толпы, стала заѣзжать конная рать подъ предводительствомъ гусаръ, то варвары дрогнули и, ударясь въ бѣгство во всѣ стороны, оставили плѣнъ. Переколото однако на

мѣстѣ ихъ 50, взято въ плѣнъ 6 человѣкъ, въ томъ числѣ два молодыхъ султана или султанскихъ дѣтей; колонистовъ отбито обоего пола 800, прочихъ Русскихъ поселянъ съ 700, всего около 1500, да скота нѣсколько тысячъ. Разбойниковъ толпа была не малая, по увѣренію плѣнныхъ около 2,000 человѣкъ. За сей подвигъ получилъ Державинъ отъ князя Голицына, его въ сію экспедицію отрядить согласившагося, благодарный ордеръ слѣдующаго содержанія (1).

По учиненіи сего не могъ онъ глубже въ степь простираться за остальными плѣнниками, которыхъ увели Киргизцы до 200 человѣкъ, потому что тѣ, которые отбиты, были такъ изнурены и измучены, что его слишкомъ обременяли; а паче, что какъ ихъ должно было всѣхъ кормить, то и запасъ сильно истощился, а потому, довольствуясь симъ успѣхомъ, пошелъ на ближайшую колонію Тоикошуравиль называемую, гдѣ и отдалъ весь плѣнъ съ имуществомъ и со скотомъ комисару Польской службы подполковнику Григорію Гогелю; а Опекунской Конторѣ далъ знать о дальнѣйшемъ объ ономъ попеченіи и получилъ отъ нея въ принятіи плѣнныхъ и скота квитанцію.

Послѣ сего съ нѣкоторою частію вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ у него въ семъ походѣ и всего было 500, учинилъ прикрытія въ нужныхъ мѣстахъ колоніямъ, и возстановя въ нихъ прежній порядокъ, хотѣлъ было еще идти для поисковъ хищническихъ Киргизскихъ партій и отнять у нихъ оставшихся еще нѣсколько колонистовъ, которыхъ они въ первыхъ набѣгахъ схватя увели въ свои кочевья; но будучи какъ ордеромъ генерала князя Голицына, такъ и чрезъ Яицкаго старшину маіора Бородина, Трубчевскимъ комендантомъ увѣдомленъ, что Пугачевъ, по разбитіи его подъ Чернымъ Яромъ Михельсономъ, бросился на луговую сторону Волги и пробирается на Узень, коего онъ съ своею командою послалъ преслѣдовать; для того, когда Державинъ не имѣлъ еще извѣстія, что князь съ своимъ деташе-

---

(1) Выписать его изъ книги подлинникомъ. *Примѣчаніе Державина* Этого ордера къ подлинной рукописи Записокъ не приложено.

ментомъ пришелъ на Иргизъ, то, чтобъ занять сей проходъ, учредивъ, какъ выше сказано, въ пристойныхъ мѣстахъ, по колоніямъ посты, отправился на рѣку оную; а тамъ и нашелъ сего генерала. Поелику же наступило самое то время, что ему Державину надлежало исправлять порученную ему г. Бибиковымъ коммисію; потому, что Пугачевъ находился безсильнымъ и въ самыхъ тѣхъ областяхъ, которыя наблюденію Державина ввѣрены, то и не нашелъ онъ другаго средства, какъ выбравъ попадежнѣе изъ бывшихъ съ нимъ вооруженныхъ Малыковскихъ крестьянъ сто человѣкъ, взявъ у нихъ женъ и дѣтей для вѣрности въ залогъ, обѣщавъ награжденіе и давъ самымъ дѣломъ каждому по пяти рублей, послалъ подъ тѣмъ видомъ, что якобы ѣздятъ они за Киргизцами, а въ самомъ дѣлѣ, естьли можно будетъ, присоединясь къ злодѣйской скитающейся толпѣ, поймать самозванца. Сіе его предпріятіе опробовалъ и князь Голицынъ. Крестьяне наряжены; но дабы придать болѣе отряду важности и вперенным въ мысли ихъ ужасомъ отвратить отъ малѣйшаго покушенія къ измѣнѣ, приказалъ онъ собраться имъ въ полночь въ лѣсу, на назначенномъ мѣстѣ, гдѣ, поставя въ ихъ кругъ священника съ Евангеліемъ на налоѣ, привелъ къ присягѣ, и повѣсилъ изъ тѣхъ убійцъ казначея Тишина, которые укрылись было отъ казни, надъ прочими совершенной въ Малыковкѣ; далъ наставленіе, чтобъ они живаго или мертваго привезли къ нему Пугачева, за что́ они всѣ единогласно взялись и въ томъ присягали. По окончаніи сего обряда они тотчасъ отправились въ степь подъ начальствомъ одного выбраннаго изъ нихъ же старшины (1). Между тѣмъ князь съ своимъ деташементомъ пошелъ отъ Иргиза ближе къ Яицкой крѣпости, а Державинъ съ остальными крестьянами на сей рѣкѣ остался.

Нѣсколько дней спустя, возвратился отрядъ его и привезъ съ собою заводскаго служителя Мельникова, бывшаго въ толпѣ злодѣйской полковникомъ, находившагося при Пугачевѣ. Сей въ допросѣ показалъ, что убѣжалъ отъ него, когда его сообщникъ Твороговъ и про-

(1) Оставить мѣсто на имя. *Примѣч. Державина.*

чіе на ночлегѣ при рѣкѣ Узеняхъ схватили и увезли въ Яицкій городъ къ находящемуся тамъ въ Секретной Комиссіи гвардіи офицеру Маврину; что посланные крестьяне днемъ только однимъ не успѣли къ тому ночлегу, такъ что разведенный на немъ огонь еще совсѣмъ не погасъ и нѣсколько головней курилось. Державинъ въ тотъ же часъ отправилъ его подъ крѣпкимъ карауломъ къ Голицыну, яко близь его находящемуся военному генералу и донесъ также о поимкѣ самозванца въ Казань генералу Потемкину; самъ же на нѣсколько дней остался на мѣстѣ, пока не получилъ отъ разныхъ отъ него разосланныхъ лазутчиковъ подтвердительныя о томъ же извѣстія. Князь Голицынъ, разпрося присланнаго отъ Державина бродягу Мельникова, послалъ тогда же съ симъ радостнымъ извѣстіемъ о поимкѣ Самозванца подполковника Пушкина въ Пензу къ находившемуся тамъ, принявшему тогда полную команду надъ всѣми войсками, посланными на истребленіе бунта, къ генералу-аншефу графу Петру Ивановичу Панину (1). Сей Пушкинъ, по повелѣнію князя, просилъ Державина сказать ему чистосердечно, не далъ ли онъ о сей поимкѣ злодѣя извѣстія ему главнокомандующему прежде его, или кому другому изъ генераловъ. Державинъ сказалъ, что онъ рапортовалъ только тѣмъ, кого должно по командѣ; а именно: по воинской его Голицына, а по секретной генерала Потемкина, предоставивъ къ главному начальству дать свѣдѣніе имъ самимъ: чѣмъ и былъ онъ доволенъ, полагая, что посланный къ Потемкину курьеръ въ Казань, сдѣлавъ крюкъ нѣсколько сотъ верстъ на право, не могъ достигнуть прежде въ Петербургъ, чѣмъ прямою дорогою чрезъ Пензу отъ графа Панина; но какъ Державинъ,ославъ своего курьера въ Казань чрезъ Сызрань, написалъ въ его подорожной, для ободренія селеній, пребывавшихъ отъ возмущенія въ ужасѣ по дорогѣ лежащихъ, то Сызранскій воевода, увидя толь благопріятное извѣстіе, увѣдомилъ о томъ графа Петра Ивановича, и какъ сіе увѣдомленіе дошло до графа прежде привезеннаго под-

---

(1) Указъ, которымъ гр. Панинъ назначался главнокомандующимъ, подписанъ 29 Іюля 1774 года.

полковникомъ Пушкинымъ, то и встала на Державина буря.

Таковое спутанное обстоятельство раздражало чрезмѣрно честолюбиваго военноначальника. Графъ Панинъ подумалъ, что въ угожденіе Потемкину, которому сродственникъ былъ князь Потемкинъ, тогдашній любимецъ Императрицы, съ умыслу умедлилъ донесеніе и тѣмъ главное начальство его презрѣно, и доставлена честь перваго извѣстія о поимкѣ злодѣя имъ Потемкинымъ, а не ему, какъ по порядку службы слѣдовало. Хотя посланный изъ Казани отъ генерала Потемкина курьеромъ маіоръ Бушуевъ, пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ отправленнаго отъ Панина изъ Пензы князя Лобанова Ростовскаго, но доколѣ сего въ послѣдствіе не объяснялось, то графъ Панинъ пребывалъ въ чрезвычайномъ на Державина бѣшенствѣ и въ пылу своего гнѣва, придравшись къ безпорядкамъ Саратовскимъ, почитая виновникомъ оныхъ Державина, требовалъ отъ него отъ 27 Сентября отвѣта чрезъ генерала Мансурова, какимъ образомъ не случился онъ быть при нападеніи на Саратовъ, какъ на постѣ его, гдѣ съ командою пребываніе его требовалось? когда, за сколько времени отъ того нападенія, и куды отлучался? (1) Хотя вмѣсто награлъ за ревностную службу, таковое повелѣніе было крайне обидно; но отвѣчать было на оное не трудно, потому что у него Державина не было никакихъ военныхъ людей подъ командою, и отлучился онъ изъ Саратова предъ нападеніемъ злодѣевъ, не по собственному своему желанію и не по трусости, но по обстоятельствамъ выше описаннымъ и не туда, куда прочіе военные начальники, Бошнякъ, и прочіе по способности плыли въ низъ Волгою рѣкою въ Царицынъ на судахъ, убѣжали подъ

---

(1) Позднѣе, отъ 20 Ноября, Екатерина писала гр. Панину: «Касательно до дѣла поручика Державина и Саратовскаго коменданта, нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оный истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправитъ, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставляю безъ взысканія.» (См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1858 г. кн. 2, стр. 55).

защиту того города коменданта Цвиленева; но въ мятущіяся внутреннія селенія, дабы распустить собранныхъ тамъ имъ крестьянъ, могущихъ усилить толпы злодѣйскія и оборонить, если можно будетъ колоніи, что̀ имъ, какъ выше видно, удачно и исполнено. А какъ таковой репортъ или отвѣтъ, отъ 5 числа Октября 1774 года посланный по пылкому свойству Державина, былъ довольно смѣлъ и неуступчивъ, такъ что онъ надѣялся на правоту свою, требовалъ суда: то и получилъ отъ него графа Панина отъ 12 числа того же мѣсяца престранный весьма велерѣчивый ордеръ, которымъ онъ, хотя показывалъ свое неудовольствіе и насмѣхался, что не имъ Державинымъ Пугачевъ пойманъ; однако наконецъ заключилъ точно сими словами: «Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградилъ, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей великой Государыни и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ есмь вашего благородія вѣрной слуга графъ Петръ Панинъ.» Сей ордеръ, частію грозный и частію снисходительный, внушилъ желаніе молодому чувствительному къ чести офицеру ѣхать къ графу самому и, лично съ нимъ объяснившись, разсѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе; а какъ онъ имѣлъ уже повелѣніе отъ непосредственнаго своего по Секретной Коммисіи начальника генерала Потемкина ѣхать къ нему въ Казань, то и употребилъ сей случай къ исполненію своего намѣренія, хотя могъ и миновать Симбирскъ, въ которомъ тогда графъ Панинъ находился.

Подъѣзжая къ сему городу рано поутру, при выѣздѣ изъ подгородныхъ слободъ, встрѣтилъ сего пышнаго генерала, съ великимъ поѣздомъ ѣдущаго на охоту. Поелику жъ онъ по осеннему холодному времени сверхъ мундира былъ въ простомъ тулупѣ, то и не хотѣлъ въ семъ безпорядкѣ ему показаться; уклонился съ дороги и, по миованіи свиты, пріѣхалъ въ Симбирскъ. Тамъ нашелъ князя Голицына, который чрезвычайно удивился, увидя, что маленькій офицеръ пріѣхалъ самъ собою, такъ сказать, на вольную страсть,

къ раздраженному, гордому и полномочному начальнику. «Какъ, спросилъ онъ, вы здѣсь, за чѣмъ?» Державинъ отвѣчалъ, что ѣдетъ въ Казань по предписанію Потемкина, но разсудилъ главнокомандующему засвидѣтельствовать свое почтеніе. « Да знаете ли вы, возразилъ князь, что онъ, недѣли съ двѣ, публично за столомъ, болѣе не говоритъ ничего, какъ дожидается отъ Государыни повелѣнія повѣсить васъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ? » Державинъ отвѣчалъ: ежели онъ виноватъ, то отъ гнѣва царскаго нигдѣ уйти не можно. « Хорошо, сказалъ князь; но, я васъ любя, не совѣтую къ нему являться, а поѣзжайте въ Казань къ Потемкину и ищите его покровительства ».—« Нѣтъ я хочу видѣть графа », отвѣтствовалъ Державинъ. — Въ продолженіе таковыхъ и прочихъ разговоровъ наступилъ вечеръ, и скоро сказали, что графъ съ охоты пріѣхалъ. Пошли въ главную квартиру. Державинъ, вошедши въ комнату, подошелъ къ графу и объявилъ, кто онъ таковъ, и что, проѣзжая мимо по предписанію генерала Потемкина, заѣхалъ къ его сіятельству засвидѣтельствовать его почтеніе. Графъ, ничего другаго не говоря, спросилъ гордо: видѣлъ ли онъ Пугачева? Державинъ съ почтеніемъ: Видѣлъ на конѣ подъ Петровскимъ. Графъ, отворотясь къ Михельсону: прикажи привесть Емельку. Чрезъ нѣсколько минутъ представленъ Самозванецъ, въ тяжкихъ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ замасленномъ, поношенномъ, скверномъ широкомъ тулупѣ. Лишь пришелъ, то и сталъ предъ графомъ на колѣни. Лицемъ онъ былъ кругловатъ, волосы и борода окомелкомъ, черные, склоченные; росту средняго, глаза большіе, черные на соловомъ лазурѣ, какъ на бѣльмахъ. Отъ роду 35 или 40 лѣтъ (1). Графъ спросилъ: Здоровъ ли Емелька?—« Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство ».—« Надѣйся на милосердіе Государыни », и съ симъ словомъ приказалъ его отвести обратно туда, гдѣ содержался (2). Сіе было

---

(1) Пугачеву, по собственному его показанію, было тогда 32 года (см. Допросы его въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Д.. 1859, № 2.)

(2) *Примѣчаніе Державина.* Сказываютъ, при первомъ свиданіи, какъ представленъ онъ былъ сему главному военачальнику въ семъ же городѣ, привезенный съ Яику въ клѣткѣ генераломъ Суворовымъ, то когда графъ

сдѣлано для того, сколько по обстоятельствамъ догадаться можно было, что графъ весьма превозносился тѣмъ, что Самозванецъ у него въ рукахъ, и велѣвъ его представить, хотѣлъ какъ бы тѣмъ укорить Державина, что онъ со всѣми своими усиліями и ревностію не поймалъ сего злодѣя. Но какъ бы то ни было, тотчасъ послѣ сей сцены графъ и всѣ за нимъ пошли ужинать. Державинъ разсудилъ, что онъ гвардіи офицеръ и имѣлъ счастіе бывать за столомъ съ Императрицею, то безъ особаго приглашенія съ прочими штабъ и оберъ-офицерами осмѣлился сѣсть. Въ началѣ почти ужина графъ, окинувъ взоромъ сидящихъ, увидѣлъ и Державина, нахмурился и заморгавъ по привычкѣ своей глазами, вышелъ изъ стола, сказавъ, что онъ позабылъ было отправить курьера къ Государынѣ. На другой день до разсвѣту Державинъ, пришедъ въ квартиру главнокомандующаго, просилъ камердинера доложить о приходѣ своемъ его сіятельству, сказавъ, что онъ имѣетъ нужду. Отвѣтствовано, чтобъ подождалъ. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, около обѣденъ, графъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную галлерею, гдѣ уже было нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ; и онъ былъ въ сѣроватомъ атласномъ, широкомъ шлафрокѣ, французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами. Прошедъ нѣсколько разъ вдоль галлереи, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, не удостоилъ и взгляда дожидающагося его гвардіи офицера. Сей, когда полководецъ проходилъ мимо, подошедши къ нему съ почтеніемъ, взялъ его за руку и остановя сказалъ: « Я имѣлъ несчастіе получить вашего сіятельства неудовольственный ордеръ; беру смѣлость объясниться ». Таковая смѣлая поступь графа удивила. Онъ остановился и велѣлъ идти за собою. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ и вошедши въ оный, гнѣвно дѣлалъ ему выговоръ, и между прочимъ, что онъ въ Саратовѣ съ комендантомъ Бошнякомъ, предъ нашествіемъ на сей городъ злодѣевъ, обходился неуважительно и даже въ одинъ

надменно спросилъ: какъ смѣлъ онъ поднять оружіе противъ его? — « Что дѣлать, ваше сіятельство, когда уже воевать противу государыни! » Графъ не вытерпѣлъ и вырвалъ у него нѣсколько волосовъ изъ бороды.

разъ выгналъ его отъ себя, сказавъ, чтобъ онъ, во исполненіе общественнаго и собственнаго его приговора, не препятствовалъ дѣлать гражданамъ предположеннаго укрѣпленія, и шелъ бы туда, гдѣ ему долгъ и честь быть повелѣваютъ. Офицеръ, выслушавъ съ подобострастіемъ окрикъ генерала, сказалъ, что « это все правда, ваше сіятельство, я виноватъ пылкимъ моимъ характеромъ, но не ревностною службою. Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ и изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всемилостивѣйшей Государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ и не щадя своей жизни. Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города ». Сіе или сему подобное, когда съ чувствительностію выговорено было, то у сего надменнаго и вмѣстѣ великодушнаго генерала вдругъ покатились ручьемъ изъ глазъ слезы. Онъ сказалъ: « Садись, мой другъ, я твой покровитель ». Съ словомъ симъ вошедъ камердинеръ доложилъ, что генералы пришли и желаютъ его видѣть. Тотчасъ отворились двери. Вошли князь Голицынъ, Огаревъ, Чорба, Михельсонъ и прочіе, изъ коихъ первый, какъ принималъ участіе въ Державинѣ, то при самомъ входѣ и бросилъ на него глаза, желая знать, что̀ съ нимъ произошло. Сей веселымъ видомъ отвѣтствовалъ, что гроза прошла безвредно. Разговоръ начался объ охотѣ; графъ хвалился, что была успѣшна. Державинъ, дабы удостовѣрить слышателей о своей невинности и о благопріятномъ къ нему расположеніи начальника, не смотря на произнесенныя имъ недавно на него при многолюдствѣ грозы, вступя въ разговоръ объ охотѣ, сказалъ съ усмѣшкою графу, что онъ смѣетъ успѣхъ оный приписать себѣ! « Какъ? » съ любопытствомъ спросилъ графъ.—« По русской пословицѣ, ваше сіятельство, отвѣтствовалъ поручикъ: какова встрѣча, такова и охота. Я при самомъ выѣздѣ изъ города васъ встрѣтилъ и сердцемъ пожелалъ вамъ удачливой охоты. » Графъ, засмѣявшись, поблагодарилъ, и когда одѣлся, по выходѣ изъ кабинета, пригласилъ къ обѣду. За столомъ показалъ ему мѣсто про-

тивъ себя, говорилъ почти съ нимъ однимъ, расказывая, какимъ образомъ Московское дворянство въ собраніи своемъ для пріятія мѣръ къ защитѣ отъ мятежниковъ сей столицы, когда назначался въ предводители войскъ графъ Петръ Борисовичь Шереметевъ, то мало или почти никого не вооружили людей своихъ по примѣру Казанскаго дворянства; а когда его графа наименовали въ вожди, почти ничего не жалѣли. Словомъ Державинъ примѣтилъ сильное любочестіе и непомѣрное тщеславіе сего впрочемъ честнаго и любезнаго начальника; но сею слабостію его, какъ будетъ ниже видно, не умѣлъ или не хотѣлъ воспользоваться. По окончаніи обѣда графъ пошелъ отдыхать. Въ шесть часовъ послѣ полудни, какъ бывало обыкновенно при дворцѣ Екатерины, генералитетъ и штабъ офицеры къ нему собрались. Графъ опять вступилъ въ пространный разговоръ съ Державинымъ и занималъ его онымъ болѣе получаса, разсказывая про Прусскую семилѣтнюю войну, въ которую онъ служилъ еще полковникомъ и наконецъ про Турецкую и болѣе всего о взятіи Бендеръ подъ его предводительствомъ въ 1770 году, чѣмъ онъ весьма превозносился, твердя непрестанно, что молодымъ людямъ весьма во всѣхъ дѣлахъ нужна практика, какъ и вышеупомяный его ордеръ отъ 5 Октября симъ выраженіемъ былъ наполненъ. Потомъ сѣлъ за карточной столъ съ Голицынымъ, Михельсономъ и еще съ кѣмъ то, составя вистъ, игру тогда бывшую уже въ модѣ. Тутъ Державинъ сдѣлалъ великую глупость. Ему не разсудилось, въ угодность главнокомандующаго, стоя попусту зѣвать, для чего, подошедши къ нему сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, то не угодно ли будетъ чего приказать. Сіе такъ тронуло графа, что виденъ былъ гнѣвъ на лицѣ его, и онъ, отворотясь, холодно сказалъ: нѣтъ. Но естьли бъ нѣсколько при квартирѣ его былъ и поласкалъ его самолюбіе, какъ прочіе, то бы, судя по снисходительному его съ нимъ обращенію, уважительнымъ разговорамъ, могъ надѣяться всего отъ него добраго; но незнаніе свѣта сдѣлало ему сего сильнаго человѣка изъ покровителя страшнымъ врагомъ, что̀ въ послѣдствіи усмотрится.

Пріѣхавъ въ Казань, нашелъ также и генерала Потемки-

на себѣ не благопріятнымъ за то, для чего онъ на выше-писанные вопросы отвѣчалъ рапортомъ графу и заѣзжалъ къ нему представляться въ Симбирскъ: судя, что Державинъ у него былъ въ непосредственной командѣ, то и долженъ былъ чрезъ него послать ему и Голицыну рапорты и самъ собою лично имъ не представляться. Державину сего въ голову не приходило, и доднесь онъ не понимаетъ, справедливо ли сіе обвиненіе; но какъ бы то ни было, генералъ Потемкинъ очень сухо съ нимъ обошелся и не принялъ на счетъ свой тѣхъ пяти сотъ рублей, которые даны были Малыковскимъ крестьянамъ, посыланнымъ на Узени за Пугачевымъ, привезшимъ первую вѣдомость о его поимкѣ. Державинъ сказалъ, что для него все равно, онъ или князь Голицынъ приметъ на счетъ экстраординарныхъ своихъ суммъ сіи деньги, и въ тоже время показалъ ему сего князя ордеръ, велѣвшаго изъ дворцовыхъ Малыковскихъ доходовъ на счетъ его экстраординарной суммы употребить тѣ 500 рублей. Сей ордеръ выпросилъ Державинъ у князя Голицына не по какой надобности, ибо онъ по открытому отношенію съ прописомъ имяннаго указа покойнымъ генераломъ Бибиковымъ ко всѣмъ управителямъ, воеводамъ и губернаторамъ, могъ брать вездѣ деньги, сколько бы ему ни понадобилось; но единственно изъ хитрой осторожности, для того что, ежели бы помянутые Малыковскіе крестьяне 500 человѣкъ не съ тѣмъ намѣреніемъ къ Пугачеву присоединились, чтобъ находящагося его въ безсиліи съ малымъ числомъ его сообщниковъ на Узеняхъ поймать, но въ самомъ бы дѣлѣ измѣнили и умножили собою толпу его, то чтобы ему не быть въ отвѣтѣ, какъ за издержаніе, такъ и за произведеніе въ дѣйство сей стратижемы. Но какъ генералъ князь Голицынъ объ оной зналъ и позволилъ взять деньги, то и упала бы неудача въ несчастномъ случаѣ болѣе на генерала, нежели на офицера. Такимъ образомъ, хотя вывернулся Державинъ изъ сей прицѣпки съ честію, но случившееся небольшое любовное соперничество, въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаемъ былъ генералу, то и умножилась между ими остуда, для чего и командированъ былъ первый послѣднимъ паки на Иргизъ, яко бы для сыс-

ку въ тамошнихъ скитахъ помянутаго раскольничьяго старца Филарета, который, по показанію нѣкоторыхъ сообщниковъ Пугачева, благословилъ яко бы его на принятіе имени императорскаго. А какъ сіе было уже въ Ноябрѣ, то сбирающійся офицеръ въ новую коммисію, ѣздя въ суетахъ по городу, по неосторожности простудился и получилъ сильную горячку, отъ которой едва не умеръ. (1)

Въ продолженіи оной генералъ Потемкинъ отозванъ въ Москву для дослѣдованія въ Тайной Канцеляріи привезенныхъ туда злодѣевъ, и имѣлъ онъ непріятность, что не предполагая

---

(1) Къ 1774 году относятся слѣдующія сочиненія Державина:

11. *Ода на день рожденія Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта, 1774 года.* II, 773.

12. *Ода на смерть генералъ-аншефа Бибикова.* I,479.

13. *Ода на ласкательство.* II,750 (прозаическій переводъ оды Фридриха Великаго—La flatterie.)

14. *Ода на порицаніе.* II, 754 (тоже переводъ въ прозѣ оды Фридриха Великаго—A la Calomnie.)

15. *Ода на постоянство.* II, 759 (въ прозѣ переводъ Фридриховой оды—La fermeté).

16. *Ода къ Мовтерпію, жизнь есть сонъ.* II,762 (прозаическій переводъ Фридрихова посланія къ астроному Мопертюи)

17. *Ода на великость.* II, 765, (Въ стихахъ, произведеніе оригинальное; изъ послѣднихъ двухъ строфъ видно, что оно написано, когда Пугачевскій бунтъ кончился).

18. *Ода на знатность.* II, 770 (это первоначальная редакція знаменитой оды *Вельможа*. Державинъ удержалъ изъ нея впослѣдствіи только *четыре* стиха).

Всѣ эти восемь піесъ Державинъ потомъ собралъ вмѣстѣ, и въ 1777 году напечаталъ безъ своего имени въ Спб, въ типогр. Академіи наукъ (въ мал. осьмушку, 38 стр.) подъ названіемъ *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 года.* Гдѣ именно эта гора Читалагай, намъ не удалось узнать. *Объясненія* Львова помѣщаютъ ее неопредѣленно въ Саратовскихъ колоніяхъ, а И. И. Дмитріевъ посреди Уфимскихъ степей. Можно даже предполагать, не выдумалъ ли Державинъ это названіе просто для куріозу, ради заманчивости заглавія. Въ одномъ примѣчаніи къ Одѣ на смерть Бибикова (Штукинское изданіе, стр. 388) говорится: «Сочинитель былъ въ то время въ пустыняхъ нѣкоторыхъ тружениковъ, которые, въ знакъ своего сокрушенія, надѣли на себя волосяныя рубахи, сіе есть вретище, и сочиня постъ, молили о душѣ его» (*т. е. Бибикова*).—Остолоповъ (стр. 13) прибавляетъ, что Фридриховы оды переведены Державинымъ изъ книги *Безпечный философъ*.

Кромѣ этихъ одъ Державинъ написалъ еще во время Пугачевскаго бунта неизданную *Эпистолу къ генералу Михельсону на защищеніе Казани*, (статья Я. К. Грота, въ Совр. 1843, № 2 стр. 180).

какой либо злобы, а болѣе отъ неискусства въ производствѣ сего рода дѣлъ или изъ неосторожности оклеветанный имъ Императрицѣ Митрополитъ Веніаминъ оправдался, который уже былъ у него яко изобличенный свидѣтелями измѣнникъ, что будто во время нападенія злодѣйскаго на Казань присылалъ къ нему (*т. е. Пугачеву*) съ келейникомъ своимъ на умилостивленіе или для спасенія жизни своей подарки; содержанъ подъ крѣпкимъ карауломъ, къ которому не приказано было никого не пускать и ни съ кѣмъ не переписываться. Но сей хитрый пастырь умѣлъ отправить чрезъ отверстіе нужнаго мѣста тайнымъ образомъ приверженнаго къ себѣ служителя съ письмомъ въ Петербургъ, и по оному сей первосвященникъ явился невиннымъ, такъ что за его претерпѣніе напасти сей Императрица благоволила наградить его бриліантовымъ крестомъ на клобукѣ, и онъ торжественно, при собраніи множества народа, имѣлъ удовольствіе въ соборной церкви слышать всемилостивѣйшій рескриптъ Государыни, объявляющій его невинность и служить благодарственный за здравіе Ея Величества молебенъ.

Но при всей невзгодѣ генерала Потемкина, Державинъ, по выздоровленіи своемъ, не отпущенъ былъ имъ въ Москву, какъ прочіе его сотоварищи гвардіи офицеры, бывшіе въ Секретной Коммиссіи; но велѣно ему было, какъ выше сказано, для поиску Филарета ѣхать въ Саратовъ и въ прочія близь Иргиза лежащія области. Такимъ образомъ онъ пробылъ всю весну и небольшую часть лѣта 1775 года въ колоніяхъ праздно (1), потому что для поиску Филарета отправлены были уже гласно отъ графа Панина военныя команды, и слѣдовательно тайный его поискъ въ той странѣ едва ли былъ и нуженъ. Въ Іюнѣ получилъ онъ отъ того генерала Потемкина, яко начальника Секретной Коммиссіи, ордеръ, повелѣвающій ему явиться къ полку, который находился, какъ и весь дворъ, давно уже въ Москвѣ. Но прежде прибытія Государыни въ сію столицу совершена была уже

(1) Вѣроятно въ это именно время, на досугѣ, и написана большая часть Читалагайскихъ одъ. Державинъ, относя ихъ вообще ко времени Пугачевщины, могъ потомъ невѣрно помѣтить ихъ 1774-мъ годомъ.

публичная казнь Самозванцу съ нѣкоторыми его главными сообщниками, Перфильевымъ и прочими. Державинъ долженъ былъ пріѣхать въ Москву непремѣнно къ торжеству Турецкаго мира (1). И такъ, не медля болѣе на своемъ пепелищѣ, ибо домъ его въ Казани и деревни были до основанія раззорены, простясь съ престарѣлою и сокрушенною печальми матерью, которая при нападеніи на сей городъ, яко жертва уже на смерть приготовленная, претерпѣла мучительный плѣнъ, пустился въ свой путь, получа нѣсколько денегъ за проданной изъ Оренбургской деревни Малыковскимъ крестьянамъ хлѣбъ. Проѣзжая мимо Свіяжска, воевода онаго города, Афанасій Ивановичь Чириковъ, показалъ ему отъ бывшаго въ Сенатѣ герольдмейстеромъ князя Михайла Михайловича Щербатова (2) письмо, въ которомъ онъ къ нему пишетъ: «Когда будетъ проѣзжать мимо васъ нѣкто гвардіи офицеръ Державинъ, находящійся теперь въ вашемъ краю, то скажите ему отъ меня, чтобъ увидѣлся со мною въ домѣ моемъ, когда пріѣдетъ въ Москву». Таковое чудное приглашеніе удивило. Не можно было изъ него ничего основательнаго заключить, ибо князь Щербатовъ совсѣмъ Державину знакомъ не былъ и никакой съ нимъ связи и переписки не имѣлъ. Что бы ни было, онъ рѣшился съ нимъ видѣться.—Но по пріѣздѣ въ Москву, нашелъ полковыя обстоятельства для себя сколько новыя, столько же и непріятныя, ибо прежніе начальники всѣ перемѣнились: командовали полкомъ князь Потемкинъ и маіоръ Толстой (3), которые не были знакомы. И первый изъ нихъ, можетъ, по холоднымъ отзывамъ генерала Потемкина, а второй по навѣтамъ любимца его офицера Цурикова, который прежде еще командировки Державина въ сію экспедицію былъ съ нимъ въ ссорѣ, то и принятъ онъ маіоромъ былъ безъ всякаго вниманія, и велѣно его было числить при полку просто, какъ бы явившагося изъ отпуска или изъ какой незначущей

---

(1) Торжество это происходило 10 Іюля 1775 года.

(2) Извѣстнаго историка (1733—1790).

(3) Ѳедоръ Матвѣевичь, женатъ на Натальѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной, которая была внучатной племянницей царицы Прасковьи Ѳедоровны.

посылки. Сіе крайне раздражило служившаго съ ревностію въ опасныхъ подвигахъ молодаго офицера и заслуживавшаго отъ многихъ генераловъ и отъ самаго Потемкина въ многихъ ордерахъ и письмахъ чрезвычайную похвалу, такъ что многіе изъ нихъ обѣщались его представить прямо къ Высочайшему престолу; но какъ пришло къ исполненію обѣщаній, то и спрятались они съ своими протекціями, или не хотѣли, или не могли ничего въ пользу его сдѣлать, въ томъ числѣ и князь Голицынъ. Напротивъ того, на другой день былъ наряженъ во дворецъ на краулъ. И какъ въ небытность его, командою любимца Императрицы графа, что̀ послѣ былъ княземъ, Григорія Александровича Потемкина, строевый порядокъ въ полку перемѣнился, то онъ, ничего не зная о томъ, и сдѣлалъ ошибку, а именно: какъ должно было по новому введенію командовать взводу просто: «въ право заходи», онъ по прежнему сказалъ: «лѣвой стой, правой заходи»; то и встала бѣда, которая тѣмъ болѣе сочтена непростительною, что рота, наряженная на краулъ, была на щегольство княземъ Потемкинымъ по его вкусу въ новой мундиръ одѣта, и предъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ Задунайскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву для торжества мира, смотрѣвшимъ изъ дворцовыхъ оконъ, должна была заходить по взводно. За сію невинную ошибку, когда выступилъ полкъ въ лагерь на Ходынку, безочередно проступившійся офицеръ наряженъ на палочной краулъ. Сіе наипаче поразило честолюбивую его душу, когда представлялъ онъ себѣ, что давно ли ввѣрено ему было толь важное порученіе, въ которомъ могъ онъ двигать чрезъ свои сообщенія корпусами генераловъ, брать деньги въ городахъ, сколько хотѣлъ, посылать лазутчиковъ, казнить смертію, возпрепятствовалъ злодѣямъ пробраться по Иргизу во внутреннія, неогражденныя никѣмъ провинціи, и защитилъ, такъ сказать, своимъ однимъ лицомъ отъ расхищенія Киргизцами всѣ иностранныя колоніи, на луговой сторонѣ Волги лежащія, чѣмъ совокупно спасъ паки и Имперію и славу Государыни Императрицы, которая, выписавъ ихъ изъ чужихъ земель, приняла подъ свое покровительство и обѣщала устроить ихъ блаженство прочнѣе, нежели въ ихъ отечествѣ. Но за все сіе

вмѣсто награды получилъ уничиженіе предъ своими собратіями гвардіи офицерами, которые награждены были деревнями, а онъ не только оставленъ безъ всякаго уваженія, но, какъ негодяй, наряженъ былъ на палочной краулъ.

Таковыми чувствами возмятенный, вспомнилъ онъ о письмѣ князя Щербатова, показанномъ ему Чириковымъ въ Свіяжскѣ; полетѣлъ къ нему узнать причину его непонятнаго приглашенія. Пріѣхавъ, сказалъ кто таковъ, и что онъ ожидаетъ его сіятельства приказанія. Князь сказалъ, что ничего не имѣетъ и не можетъ ему приказать; но только, получивъ отъ Государыни его реляціи для сохраненія въ Архивѣ съ прочими произшествіями прошедшаго вѣка (1), желалъ его лично узнать; дополня, что онъ ему сдѣлаетъ честь своимъ знакомствомъ, предлагая къ услугамъ нѣсколько покоевъ въ его домѣ, и что ему только нужно. « Но при всемъ томъ, продолжалъ князь, вы несчастливы. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ—страшный вашъ гонитель. При мнѣ у Императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ и тому подобное ». Какъ громъ поразило сіе Державина. Онъ сказалъ князю: «Когда ваше сіятельство столько ко мнѣ милостивы, что откровенно наименовали мнѣ моего недоброхота, толь сильнаго человѣка, то покажите мнѣ способы оправдать меня противъ онаго въ мысляхъ моей Всемилостивѣйшей Государыни ». — « Нѣтъ, сударь, я не въ силахъ подать вамъ какой либо помощи; графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противуборствовать никакъ не могу. » — « Чтожъ мнѣ дѣлать? » спросилъ огорченный. — « Что вамъ угодно. Я только вашъ искренній доброжелатель. » — Съ симъ они растались. Пріѣхавъ на квартиру и размысля непріязнь къ себѣ сильныхъ людей и не имѣя ни единой подпоры, пролилъ горькія слезы и не зналъ что дѣлать. А паче по тѣснымъ своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, что не токмо не имѣлъ чѣмъ жить, но при пожалованіи его въ офицеры, когда хорошій его пріятель поручикъ Алексѣй Николаевичь Ма-

---

(1) Кн. Щербатовъ писалъ въ это время, по порученію Императрицы, свою *Россійскую Исторію.*

словъ одолжилъ его нѣкоторыми нужными вещами, и онъ, по дружеской своей съ нимъ связи, обязанъ былъ по возможности своей ему служить, то онъ уговорилъ его поручиться за него въ Дворянскомъ банкѣ въ нарочито знатной суммѣ, увѣривъ вѣрною въ срокъ заплатою, а какъ по существующимъ тогдашнимъ законамъ можно было знаменитымъ людямъ ручаться за кого либо и безъ залоговъ недвижимаго имѣнія, ибо материнское достаточное имѣніе заложено было беззаконно въ Коммерческій банкъ отцемъ его полковникомъ Николаемъ Ивановичемъ Масловымъ, то въ Дворянскій банкъ его не принимали. Державинъ, поѣхавъ для усмиренія бунта, въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ не видавъ Маслова, думалъ, что онъ, заплатя свой долгъ, освободилъ его изъ подпоручительства; но тутъ, къ умноженію его горести, узналъ, что пріятель его поручикъ Масловъ такъ замотался, что не токмо не платилъ процентовъ въ банкъ за занятую сумму, но, бывъ отставленнымъ подполковникомъ, въ уклоненіе отъ платежа другихъ долговъ, бѣжалъ въ Сибирь и проживалъ въ безвѣстіи, такъ что, не будучи сысканъ, обратилъ банковое взысканіе на поручителя по себѣ Державина. И какъ у него собственнаго имѣнія кромѣ самомалѣйшаго не было, а которое и было, то безъ раздѣла съ матерью закладывать было его не можно, то и обвиненъ онъ былъ въ подложномъ ручательствѣ, а между тѣмъ для сохраненія казеннаго интереса велѣно было какое гдѣ только нашлось, взять и материнское имѣніе въ присмотръ правительствомъ. Словомъ, кромѣ сокрушенія сердечнаго, которое онъ причинилъ симъ поступкомъ матери, со всѣхъ сторонъ разверста была предъ нимъ бездна погибели (1).

---

(1) И. И. Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ передаетъ слѣдующій случай, о которомъ онъ слышалъ отъ Елиз. Вас. Херасковой, жены извѣстнаго стихотворца, и который дополняетъ новою подробностью собственный разсказъ Державина о тогдашней его Московской жизни:

«Въ 775-мъ году, когда дворъ находился въ Москвѣ, у Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостями находился Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный по двору и литературѣ. За столомъ вспомнили объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія Императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частью не въ пользу лирикамъ. Но всѣхъ болѣе критикована была ода *какого-то* Державина. Это были точныя слова критика. Хозяйка толкаетъ

Но при всемъ томъ онъ не потерялъ духа, а возвергнувъ печаль свою на Бога, рѣшился дѣйствовать отважнѣе. Въ слѣдствіе чего просилъ маіора Толстова представить его подполковнику своему, тогдашнему графу, что̀ былъ послѣ княземъ, Григорію Александровичу Потемкину; но какъ онъ отъ сего отговорился, то и написалъ онъ отъ 11 Іюля къ подполковнику письмо такого содержанія: что во весь продолжающійся мятежъ былъ онъ въ опасныхъ подвигахъ, не имѣя у себя помощниковъ, что воспретилъ злодѣямъ пробраться во внутреннія провинціи, что спасъ колоніи отъ Киргизъ Кайсаковъ, что остался одинъ не награжденнымъ противъ своихъ сверстниковъ, несравненно менѣе его трудившихся и тому подобное, и для того просилъ, ежели онъ въ чемъ виновенъ, то не терпѣть его въ службѣ съ собой въ одномъ полку, а ежели онъ служилъ какъ должно ревностному офицеру, то не оставить его безъ награжденія, тѣмъ болѣе, что онъ лишился въ семъ мятежѣ и собственности своей въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ. Письмо сіе взявъ съ собою, поѣхалъ онъ на Черную Грязь или въ подмосковную деревню князя Кантемира, которую недавно Государыня купила и изволила тамъ жить въ маленькомъ домикѣ, не болѣе какъ изъ 6 комнатъ состоящемъ, въ коемъ помѣщался и Потемкинъ. По обыкновенію при дверяхъ сего вельможи нашелъ онъ ка-

---

Елагина въ ногу. Онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ одѣ. Державинъ, бывшій тогда уже гвардіи офицеромъ, молчитъ на концѣ стола, и весь рдѣетъ. Обѣдъ кончился. Елагинъ смутился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищутъ Державина, но уже простылъ и слѣдъ его.

Проходитъ день, два, три. Державинъ, противъ обыкновенія своего, не показывается Херасковымъ. Между тѣмъ какъ они тужатъ и собираются навѣстить оскорбленнаго поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входитъ въ гостиную: обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою, и спрашиваютъ его, отчего они такъ долго съ нимъ не видались? — «Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, отвѣчалъ онъ, и все горевалъ объ моей одѣ; въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ моихъ; а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной имъ оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ и заслужить его вниманіе. Такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать, и я прямо оттуда къ вамъ.» (Москв. 1842, № I, стр. 162—163).

меръ-лакея стоящаго, который воспрещалъ входъ въ уборную, гдѣ ему волосы чесали. Камеръ-лакей не хотѣлъ пустить, но онъ смѣло вошелъ, сказавъ: «Гдѣ офицеръ идетъ къ своему подполковнику, тамъ онъ препятствовать не можетъ». Сказавъ свое имя и гдѣ былъ въ откомандировкѣ, подалъ письмо. Князь прочетши сказалъ, что доложитъ Государынѣ. Чрезъ нѣсколько дней, когда онъ у себя его между прочими увидѣлъ, то сказалъ, что Ея Величеству докладывалъ, и Всемилостивѣйшая Государыня приказала его наградить, что̀ и послѣдуетъ Августа 6, т. е. въ день Преображенія Господня, когда изволитъ въ столицѣ удостоить обѣденнымъ столомъ штабъ и оберъ-офицеровъ полку Преображенскаго. Наконецъ пришелъ день Преображенія; угащиваны столомъ на Черной Грязи, а не въ Москвѣ, и награжденія никакого не вышло. Чрезъ нѣсколько дней еще попытался напомянуть любимцу; но онъ уже отъ него съ негодованіемъ отскочивъ ушелъ къ Императрицѣ. А между тѣмъ въ теченіе сего время просилъ онъ князя Голицына, чтобъ заплатили ему изъ провіантскихъ суммъ по счету деньги за продовольствіе войскъ провіантомъ и фуражемъ, слѣдовавшихъ зимой къ осажденному Оренбургу, которыя подъ предводительствомъ подполковника Мильховича въ числѣ 40,000 подводъ, везшихъ провіантъ, фуражъ и прочіе припасы, жили у него въ Оренбургской деревнѣ, яко въ съѣзжемъ мѣстѣ недѣли съ двѣ, съѣли весь хлѣбъ молоченной и немолоченной, солому и сѣно, скотъ и птицъ, и даже обожгли дворы и разорили крестьянъ до основанія, побравъ у нихъ одежду и все имущество. Слѣдовало заплатить ему. Надлежало бъ по крайнѣй мѣрѣ тысячь до 25; но онъ съ великимъ трудомъ исходатайствовалъ у того князя квитанцію только на 7000, и то изъ особливаго къ нему благорасположенія сего военачальника. А какъ получено тогда изъ Петербурга отъ пріятеля извѣстіе, что по поручительству въ Дворянскомъ банкѣ за Маслова, когда имѣніе сего нашлось заложеннымъ отцемъ его въ Коммерческомъ банкѣ, опредѣляется описать въ казну все, гдѣ найдется, имѣніе его Державина и самаго его требовать лично къ отвѣту; то оставя все исканіе наградъ, отпросился въ отпускъ и поскакалъ, въ

исходѣ Сентября, въ Петербургъ, дабы банковыхъ судей, которыхъ Масловъ, занимая деньги, умѣлъ задобрить и сдѣлать къ себѣ снисходительными, упросить быть и къ нему Державину нестрогими, помедля вышесказаннымъ опредѣленіемъ, дабы онъ имѣлъ время гдѣ либо просить о свободѣ изъ несправедливаго залога отца жены его Маслова имѣнія и объ отдачѣ онаго за сына подъ залогъ Дворянскаго банка, чрезъ что́ бы ему отъ поручительства избавиться (1).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, отъ 5-го числа письменно еще напомнилъ князю Потемкину о исходатайствованіи ему обѣщанной за службу награды; но какъ на то и другое потребно было время и сильное покровительство, дабы утруждать Государыню Императрицу, то, до прибытія двора изъ Москвы, нечего было другаго дѣлать, какъ просьбами судей удерживать въ недѣйствіи банковое дѣло. Надобно было между тѣмъ по приличію гвардіи офицеру снабдить себя всѣмъ нужнымъ, какъ то: бѣльемъ, платьемъ, экипажемъ и прочимъ, то и нашелся въ необходимости издерживать тѣ 7 тысячь рублей, которыя по квитанціи князя Голицына изъ провіантской канцеляріи получилъ. Тѣмъ паче на сіе рѣшился, что далеко бы недостало сей суммы на уплату долга Маслова, и что льстился надеждою о свободѣ его собственнаго имѣнія. Въ полученіи опыхъ денегъ помогъ ему Александръ Васильевичь Храповицкій (2), бывшій тогда еще секретаремъ при генералѣ прокурорѣ князѣ Вяземскомъ. Отъ покупки сказанныхъ вещей и заплаты отъ собственнаго въ банкѣ долгу болѣе 2000, осталось изъ 7 тысячь только 50 рублей. Куды ихъ потянуть? Рѣшился поискать счастія въ игрѣ, которою въ то время славился лейбъ гвардіи Семеновскаго полку капитанъ Никифоръ Михайловичь Жедринской. Поѣхалъ къ нему, и такъ случилось, что въ первой вечеръ выигралъ у него на тѣ остальныя 50 руб. до 8000 р., потомъ еще болѣе у графа Матвѣя Федоровича Апраксина и у прочихъ

---

(1) Дѣло о залогѣ Масловымъ имѣнія такъ спутанно изложено, что мы не могли его разобрать; вѣроятно въ подлинной рукописи Державина какой нибудь пропускъ или описка.

(2) 1749—1801.

въ короткое время до 40,000 рублей. Сіе было въ Октябрѣ 1775 года. Но такое счастіе продолжалось не болѣе какъ мѣсяцъ, а именно, до возвращенія только двора изъ Москвы; когда же пріѣхалъ, и можно бы было выиграть несравненно превосходныя суммы, тогда фортуна перемѣнилась.

Въ 1776 году скончалась Великая Княгиня Наталья Алексѣевна (1), и Державинъ въ Невскомъ монастырѣ былъ при погребеніи тѣла ея на краулѣ, будучи уже поручикомъ съ 1774-го Іюня 28 дня. Имѣлъ несчастіе первую обиду снести (а въ послѣдствіи и многія) отъ графа Заводовскаго, который тогда еще былъ не болѣе какъ полковникомъ, но статсъ секретаремъ и любимцемъ Императрицы (2), при случаѣ томъ, когда хотѣлъ Державинъ подать чрезъ него прошеніе Государынѣ о упомянутомъ Масловскомъ банковомъ дѣлѣ, чтобъ освободить имѣніе Алексѣя Маслова изъ несправедливаго залога отца его. Но какъ онъ Державинъ былъ, то господинъ Завадовскій не токмо не вошелъ въ существо просьбы, не помогъ ему; но при самой подачѣ письма, наговоривъ множество грубостей, выслалъ его отъ себя. Что сему причиною было, не извѣстно ; кажется ничто другое, какъ неожиданное и непомѣрное возвышеніе его фортуны. А какъ около сего же времени, то есть въ половинѣ 1776 года, случилось, что князь Потемкинъ, бывшій любимецъ, впалъ при дворѣ въ немилость и долженъ былъ проживать нѣсколько мѣсяцовъ въ Новѣгородѣ, отъ чего фаворитъ его маіоръ Федоръ Матвѣевичь Толстой, бывъ въ крайнемъ огорченіи, спѣсь свою умѣрилъ, то Державинъ, при случаѣ наряда роты по обыкновенію въ Петергофъ для краула къ Петрову дню, выпросился у него въ сію командировку; ибо считалась оная за милость. При баталіонѣ гвардіи, наря-

---

(1) 16 Апрѣля.

(2) Г. Петръ Васильевичь Завадовскій (1738—1812), бывшій до конца жизни непріятелемъ Державину, жилъ нѣкогда, также какъ и Безбородко, въ домѣ у Малороссійскаго гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, и служилъ потомъ въ канцеляріи Румянцова. Его случай при дворѣ продолжался не долго, но онъ успѣлъ пріобрѣсти значеніе на обыкновенной службѣ и въ послѣдствіи, при Александрѣ, былъ первымъ министромъ просвѣщенія. Ниже увидимъ, какъ Державинъ сталкивался съ нимъ на разныхъ путяхъ, и всегда враждебно.

женномъ для сего краула, былъ командированъ Измайловскаго полку маіоръ Федоръ Яковлевичь Олсуфьевъ (1), самой человѣкъ добрый и честный, любилъ, сколько и гдѣ возможно, оказывать благотвореніе. Державинъ, потерявъ всю надежду на Потемкина, выпросилъ у сего Олсуфьева дозволеніе подать къ Императрицѣ прошеніе о своей наградѣ. Онъ ему позволилъ. Письмо было слово отъ слова слѣдующаго содержанія:

« Всемилостивѣйшая Государыня! Ежели и самая жертва жизни ничто иное есть, какъ только долгъ Государю и отечеству, то никогда и не помышлялъ я, чтобъ малѣйшіе мои труды, въ прошедшее мятежное безпокойство, заслуживали какое либо себѣ уваженіе. Но когда, Всемилостивѣйшая Государыня, великой прозорливости Вашего Императорскаго Величества праведно показалось воззрѣть на трудившихся въ то же время, и по особливой матерней щедротѣ получили товарищи мои, бывшіе со мною въ одной коммиссіи Лунинъ, Мавринъ, Собакинъ и Горчаковъ, по желанію, награжденія, остался я одинъ ненагражденнымъ. Чувствуя всю тягость несчастія быть лишеннымъ милости славящейся Государыни щедротами въ свѣтѣ и сравнивъ себя, можетъ быть по легкомыслію, съ ними, нахожу, что я странствовалъ годъ цѣлой въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ въ опасностяхъ, проѣзжалъ средь ихъ, имѣя въ прикрытіе свое одну свою голову, не такъ какъ они города и войска, во все сіе время не имѣлъ у себя ниже въ письмѣ помощника, а исполнялъ тоже что они; сверхъ того, когда еще войска не пошли и къ Оренбургу, я былъ отъ покойнаго генерала Бибикова посланъ съ секретными наставленіями о наблюденіи за самыми войсками, идущими для очищенія Самарскоій линіи; былъ въ сраженіяхъ и возвратяся заслужилъ похвалу. Потомъ, находясь при немъ съ мѣсяцъ, имѣлъ важную повѣренность сочинять журналъ всѣмъ къ нему присланнымъ повелѣніямъ, репортамъ и отъ него даннымъ диспозиціямъ. А когда вой-

---

(1) Двоюродный племянникъ извѣстнаго статсъ-секретаря Адама Васильевича Олсуфьева, управлявшаго въ то время собственной канцеляріей императрицы Екатерины II-й.

ска пошли къ Оренбургу, то я же опять долженъ былъ, запечатавъ начатой мною журналъ, ѣхать въ новую посылку на рѣку Иргизъ. Тамъ будучи, сдѣлалъ чрезъ посланныхъ отъ меня лазутчиковъ злодѣямъ диверсію пробраться отъ Уральскаго городка по Иргизу на заволжскія провинціи, гдѣ въ защиту ихъ никакихъ войскъ не было. Свидѣтельствую сіе злодѣйскимъ письмомъ, присланнымъ ко мнѣ уже послѣ, въ осторожность, отъ генерала князя Голицына. Послѣ того воспрепятствовалъ вытребованными командами бѣжавшимъ отъ Самарской линіи Ставропольскимъ Калмыкамъ разорять Иргизскія селенія и скрыться за предѣлы государства, что̀ свидѣтельствую ордерами генерала князя Щербатова. Напослѣдокъ удержать отъ несогласія начальниковъ погибающій Саратовъ, сколько моего усердія показалъ, то самое событіе оправдало, когда по упадку духа и по развращу робкихъ сердецъ не слѣдовали первымъ зрѣлымъ положеніемъ, которыя я предлагалъ и подтвердилъ, и что при семъ несчастномъ случаѣ, не выступая изъ своей должности, не бралъ на себя ничего лишняго, на то имѣя одобреніе генераловъ Потемкина, князя Щербатова и Голицына; и что я не долженъ причитаться отъ паденія Саратова къ тѣмъ разсѣяннымъ, которые, оставя посты свои, довольными войсками подкрѣпленные, явились въ Царицынѣ; но и въ самыхъ крутизнахъ несчастія, подвергаясь явнымъ опасностямъ, былъ почти два раза въ рукахъ Пугачева; для точнаго извѣстія о его оборотахъ, пробылъ нѣсколько дней еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самое жесточайшее зло существовало и донеся о всемъ, о чѣмъ только нужно было, близь находящимся генераламъ, напослѣдокъ во время всемѣстнаго злоключенія, когда по нагорной сторонѣ Волги жительства бунтовали, а по луговой разсыпавшіеся Киргизъ Кайсаки разсхищали иностранныя колоніи и былъ Саратовъ вторично въ опасности, то я, собравъ крестьянъ, вооружилъ ихъ и оградилъ тѣ колоніи кордономъ, а остальными моими людьми преслѣдовавъ хищниковъ Кайсаковъ, въ степи разбилъ, побилъ, нѣсколько взялъ живыхъ и избавилъ изъ ихъ плѣна однихъ колонистовъ около 1000 человѣкъ, чему имѣю свидѣтельство благодарный ордеръ князя Голицына.

Въ самой же поимкѣ Самозванца, ежели я не имѣлъ чрезъ посланныхъ моихъ людей счастія, то и никто не можетъ тѣмъ похвалиться; но первое извѣстіе, что онъ пойманъ, я первой всюду далъ знять, за что̀ многіе получили чины. Имѣвъ кредитивы отъ покойнаго генерала Бибикова, не употребилъ ихъ во зло и не болѣе издержалъ денегъ въ продолженіи всей моей коммиссіи 600 рублей; доставилъ нужныхъ людей Секретной Коммиссіи, и уповаю, во всей тамошней области никакихъ не съищется на меня жалобъ. Между тѣмъ во все то время, отдавая спасенныя мною имѣнія ихъ владѣльцамъ, какъ то немалое количество казенныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ денегъ и скота, принадлежащаго колоніямъ, на что имѣю квитанціи, лишился я всего собственнаго моего имущества въ Оренбургскомъ уѣздѣ и въ Казани, даже мать моя претерпѣла злодѣйскій плѣнъ. Попросить же щедротъ Вашего Императорскаго Величества, чтобъ взять изъ учрежденныхъ въ губерніяхъ банковъ денегъ, не могъ, ибо имѣніе мое заложено въ С. Петербургскомъ банкѣ.

Всѣ сіи произшествія сравнивъ съ дѣяніями товарищей моихъ, вижу, Всемилостивѣйшая Государыня, что я несчастливъ. Прошлаго года въ Москвѣ принималъ я смѣлость просить его свѣтлость князя Григорія Александровича Потемкина, яко главнаго моего начальника, заступить меня ходатайствомъ своимъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и получилъ отзывъ, что Вы, Всемилостивѣйшая Государыня, не оставите воззрѣть на мое посильное усердіе, изъявить Монаршее благоволеніе, наградить меня, почему и приказалъ мнѣ его свѣтлость ожидать онаго. Теперь наступилъ тому другой годъ; надежда моя изчезла, и я забытъ. Представляется мнѣ, что не нахожусь ли за что подъ гнѣвомъ человѣколюбивой и справедливой монархини. Мысль сія меня умерщвляетъ, Государыня! Ежели я преступникъ, да не пуститъ вины моей или заслуги болѣе долготерпѣніе Твое безъ воздаянія. »

Письмо сіе подано въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Петергофѣ въ присутствіи тамо Императрицы ея статсъ секретарю и полковнику, что̀ былъ послѣ графомъ и княземъ, Александру

Андрѣевичу Безбородкѣ (1), съ приложеніемъ всѣхъ документовъ, на которые въ немъ была ссылка. По возвращеніи двора въ Петербургъ, господинъ Безбородко объявилъ просителю, что воспослѣдовало на оное Ея Величества благоволеніе, и сказалъ бы онъ, какого награжденія желаетъ. Сей отвѣчалъ, что не можетъ назначить и опредѣлять мѣры щедротъ Всемилостивѣйшей Государыни; но когда удостоена Ея благоволенія его служба, то послѣ того уже ничего не желаетъ и будетъ всѣмъ доволенъ, что́ ни будетъ ему пожаловано; ибо по жребію, чрезъ игру вышесказанной фортуны, не имѣлъ уже онъ такой нужды какъ прежде, заплатя долгъ въ банкъ за Маслова до 20.000 рублей и исправясь съ избыткомъ, не только всѣмъ нужнымъ, но и вещами, прихоти его удовлетворяющими, такъ что между своими собратіями и одѣтъ лучше другихъ былъ, и жизнь велъ пріятную, не уступая самымъ богачамъ. Въ сіе время коротко спознакомился съ Алексѣемъ Петровичемъ Мельгуновымъ (2), Степаномъ Васильевичемъ Перфильевымъ, съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Мещерскимъ (3), съ Сергѣемъ Васильевичемъ

---

(1) 1746—1799. Безбородко, будушій главный государственный дѣлецъ, съ которымъ Державинъ находился потомъ въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ по службѣ, въ это время только что входилъ въ силу. Годъ тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Москву на торжество Турецкаго мира. Рекомендованный Румянцовымъ, канцеляріею котораго онъ завѣдывалъ во время войны, и старинным другомъ Екатерины гр. Кир. Гр. Разумовскимъ, въ домѣ котораго, вмѣстѣ съ другими Малороссіянами, онъ жилъ въ первой молодости, Безбородко поступилъ къ Государынѣ для принятія прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя.

(2) Род. около 1725 г. ум. 1788. Д. тайный совѣтникъ и сенаторъ Московскаго департамента. Въ это время онъ занималъ должность президента Камеръ-коллегіи, завѣдывалъ казенными винокуренными заводами и былъ близокъ съ Потемкинымъ. Державинъ могъ коротко познакомиться съ нимъ между прочимъ и по тому, что Мельгуновъ во всю свою жизнь любилъ исторію, древности, словесность и всякое просвѣщеніе. Онъ былъ другъ Ивана Ивановича Шувалова, чрезъ него разбогатѣлъ и дошелъ до большихъ чиновъ еще въ царствованіи Елизаветы и Петра III. Екатерина не очень его жаловала, потому что онъ нѣкогда, при Елизаветѣ, держалъ сторону В. Князя Петра Ѳедоровича и былъ орудіемъ враговъ ея, Шуваловыхъ. Кромѣ того Мельгуновъ считался мартинистомъ, и вѣроятно въ его домѣ или обществѣ Державина приглашали участвовать въ Масонскихъ ложахъ, отъ чего онъ всегда отказывался. (См. Объясненія, Львова, II, 33.).

(3) Державинъ обезсмертилъ имена этихъ друзей своихъ одою на смерть втораго изъ нихъ:

Беклемишевымъ (1) и прочими довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную. Сіе продолжалось до Ноября мѣсяца того 1776 года (2); а какъ возвра-

---

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?...
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ конечно.

Генералъ маіоръ Перфильевъ нѣкогда состоялъ кавалеромъ при В. К. Павлѣ Петровичѣ, во время его воспитанія: о немъ упоминается, въ Запискахъ Порошина.—Кн. Мещерскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ президентъ, Петербургскаго магистрата, потомъ главный судья Таможенной Канцеляріи, славился широкою жизнію и хлѣбосольствомъ. Перфильевъ и Мещерскій были большіе друзья между собою. Это представители тогдашняго сибаритства.

(1) Беклемишевъ служилъ въ это время вицепрезидентомъ Коммерцъ-коллегіи (См. Россійск. Родословную книгу кн. П. В. Долгорукова, ч. IV, стр. 285).— Державинъ, вѣроятно, сблизился со всѣми этими людьми по Масловскому дѣлу въ банкѣ.

(2) Въ этомъ 1776 году Державинъ написалъ:

19. *Петру Великому*, I, 456. Въ этой піесѣ замѣчательны стихи:

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградъ полагалъ.

Въ послѣднемъ стихѣ очевидный намекъ на тогдашнее положеніе Державина. По какой то, намъ непонятной причинѣ эта піеса часто пѣлась въ Масонскихъ ложахъ. (см. у Львова, II, 33).

20. *Монументъ Петра Великаго*, I, 454. Съ намеками на то, что сила царей состоитъ исключительно въ любви подданныхъ и съ приглашеніемъ царямъ — подражать Петру:

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги—прахъ.

Обѣ эти піесы написаны по тому случаю, что въ это время отливалась знаменитая Фальконетова статуя Петра великаго.

21. *Пикники*, II, 96. (Пѣсня, сочиненная для пировъ и загородныхъ прогулокъ у А. П. Мелыгунова. У него была дача на такъ называемомъ Мишиномъ острову, см. Записки Порошина, стр. 342).

22. Первоначальная редакція піесы: *Успокоенное невтріе* I, 43

тился тогда изъ Новагорода посредствомъ письма своего къ Императрицѣ, поданнаго княземъ Вяземскимъ, князь Потемкинъ (1), то въ одинъ день, въ Декабрѣ уже мѣсяцѣ, когда наряженъ былъ онъ Державинъ во дворецъ на краулъ и съ ротою стоялъ во фронтѣ по Миліонной улицѣ, то чрезъ ординарца позванъ былъ къ князю. Допущенъ будучи въ кабинетъ, нашелъ его сидящаго въ креслахъ и кусающаго по привычкѣ ногти. Коль скоро его князь увидѣлъ, то по нѣкоторомъ молчаніи спросилъ, чего вы хотите. Державинъ, не могши скоро догадаться, доложилъ, что онъ не понимаетъ, о чемъ его свѣтлость спрашиваетъ. «Государыня приказала спросить, сказалъ онъ, чего вы по прошенію вашему за службу свою желаете?»—«Я уже имѣлъ счастіе чрезъ господина Безбородку отозваться, что я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоугодною Ея Величеству показалась».—«Вы должны непремѣнно сказать,» возразилъ вельможа. «Когда такъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ отозвался проситель: за производство дѣлъ по Секретной Коммисіи желаю быть награжденнымъ деревнями равно съ сверстниками моими, гвардіи офицерами; а за спасеніе колоніи по собственному моему подвигу, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника.»—«Хорошо,» князь отозвался, «вы получите.» Съ симъ словомъ лишь только вышелъ изъ дверей, встрѣтилъ его неблагопріятельствующій маіоръ

(это стихотвореніе сдѣлало Державина извѣстнымъ между тогдашними литераторами и любителями словесности. Онъ сочинилъ его послѣ чтенія разныхъ иностранныхъ книгъ и выразилъ въ немъ свой переходъ отъ неопредѣленныхъ теорій къ положительнымъ и яснымъ правиламъ религіи, которымъ и оставался вѣренъ во всю жизнь. Послѣ Читалагайскихъ одъ, переведенныхъ изъ сочиненій Фридриха Великаго, это вторая попытка Державина излагать въ стихахъ философическіе предметы. Вѣнцомъ этого направленія была ода *Богъ.*)

Около этого же времени, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ перевелъ двѣ пѣсни тогда только что вышедшей Клопштоковой Мессіады; но рукопись затерялась у директора академіи наукъ Домашнева, которому была отдана на прочтеніе.

(1) Объ этой отлучкѣ Потемкина ничего не было извѣстно по обнародованнымъ доселѣ извѣстіямъ о немъ.

Толстой, и съ удивленіемъ спросилъ: « Что вы здѣсь дѣлаете?» — « Былъ позванъ княземъ объявить мое желаніе по повелѣнію Государыни,» и словомъ, пересказалъ ему все безъ утайки. Онъ выслушавъ, тотчасъ пошелъ къ князю. Вышедши чрезъ четверть часа отъ него, сказалъ: «Вдругъ быть полковникомъ всѣмъ покажется много; подождите до новаго года; вамъ по старшинству достанется въ капитаны-поручики, тогда и можете уже быть выпущены полковникомъ.» Нечего было другаго дѣлать, какъ ждать. Вотъ наступилъ и новой 1777 годъ, и конфирмованъ поднесенный отъ полку докладъ, въ которомъ пожалованъ я въ бомбардирскіе поручики, что́ тоже какъ и капитанъ-поручикъ; потомъ и Генварь прошелъ, а объ обѣщанной наградѣ и слуху не было. Принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней. Наконецъ въ Февралѣ, проходя толпу просителей въ его пріемной залѣ, ѣдучи прогуливаться и увидѣвъ Державина, сказалъ правителю его канцеляріи, бывшему тогда подполковнику Ковалинскому (1), сквозь зубовъ: « Напиши о немъ докладную записку. » Ковалинскій, не знавъ содержанія дѣла, не зналъ что писать, просилъ самаго просителя, чтобъ онъ написалъ. Сей изготовилъ по самой справедливости, ознаменовалъ при томъ желаніе произвесть полковникомъ въ армію (2). Чрезъ нѣсколько дней увидясь, сказалъ, что князь не апробовалъ его записки, потому только, что маіоръ Толстой внушалъ ему, что вы въ военную службу не способны, то и велѣлъ заготовить записку другую о выпускѣ васъ въ статскую службу. Державинъ представлялъ ему, что онъ за военные подвиги представляется къ награжденію и не хочетъ быть статскимъ

---

(1) Михаилъ Ивановичь Ковалинскій, Малороссъ, ученикъ и другъ знаменитаго Сковороды, путешествовавшій по Европѣ въ должности наставника при гр. Алексѣѣ Кириловичѣ Разумовскомъ, правилъ потомъ Рязанскимъ намѣстничествомъ, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ кураторомъ Московскаго Университета. Мѣсто его при Потемкинѣ—занялъ его непріятель Турчаниновъ, сдѣлавшійся потомъ статсъ-секретаремъ.

(2) Любопытно замѣтить, сколько разъ судьба отклоняла Державина отъ будущаго его поприща, и какъ до сихъ поръ обильна была случайностями и внезапными переходами жизнь его.

чиновникомъ, просилъ еще доложить князю и объяснить желаніе его въ военную службу; но какъ некому было подкрѣпить сего его исканія, ибо никого не имѣлъ себѣ близкихъ къ сему полномочному военному начальнику пріятелей, то князь и по второму докладу, какъ Ковалинскій сказывалъ, на выпускъ его въ армію не согласился. А для того и принужденъ онъ былъ, хотя съ огорченіемъ, вступить на совсѣмъ для него новое поприще.

(Продолженіе впредь.)

НЕДОСТАТОКЪ И ПОТРЕБНОСТЬ

СОВРЕМЕННАГО ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Двѣ общія цѣли назначаетъ для себя естественная наука, съ незапамятныхъ поръ существующая въ кругѣ знанія человѣческаго: одна цѣль—чисто-умственная, по которой наука о природѣ должна раскрыть предъ человѣкомъ тайну ея жизни. Молчалива, нѣма лежитъ предъ человѣкомъ бездушная, но полная жизни, земля. Природа щедро раскрываетъ ему свою красоту и свое богатство; но взоръ человѣка цѣпенѣетъ предъ безпредѣльностію этого богатства, предъ блескомъ этой красоты; человѣкъ, на первыхъ порахъ развитія своей мысли, стоитъ подъ небомъ, какъ чуждый, сторонній зритель, не понимающій обаяній окружающей его красоты, и не знающій, что̀ предпринять и что̀ подумать. Между тѣмъ въ немъ бьется сердце, полное сочувствія ко всему, съ чѣмъ только премудрый Творецъ поставилъ его въ соотношеніе; въ немъ постоянно дѣйствуетъ сознаніе, которое во всемъ ищетъ такого же разумнаго слова, какое положено въ глубинѣ нашего духа, хочетъ претворить это слово въ свою собственность, понять его, и посредствомъ этого понятія внѣшней для него жизни утвердить живую связь между духомъ человѣка и сущностію окружающей его дѣйствительности. Это-то неутомимое сознаніе испоконъ вѣка вывѣдываетъ тайну жизни, заключенную въ безмолвной и нѣмой природѣ; и естественная наука есть тотъ прорицатель, у котораго каждый можетъ и долженъ требовать разгадки таинственныхъ явленій природы. Другая цѣль естествознанія—практическая или нравственная.

Не безъ пользы и не безъ цѣли природа поставлена въ тѣсной связи съ человѣкомъ; въ ней человѣкъ долженъ искать пособницу на пути стремленія къ указанной ему цѣли; въ ней положены Творцомъ богатыя средства, помощію которыхъ человѣкъ можетъ утверждать благо своей жизни, удовлетворять своимъ потребностямъ, достигать единственной и конечной мѣты своихъ желаній. Естествознаніе должно указать человѣку эти средства въ природѣ, должно научить его пользоваться этими средствами, чтобы не пропадало даромъ достояніе Божіе, усвоенное природѣ, чтобы легче былъ для человѣка путь жизни и подвигъ, предназначенный ему для оправданія своего права на жизнь. Что же? Удовлетворяетъ ли естествознаніе тѣмъ потребностямъ, которыя вызвали его, и дали ему мѣсто въ ряду благородныхъ отраслей человѣческаго знанія?

Оно стремится къ удовлетворенію этихъ требованій, и мы погрѣшили бы противъ него, если бы сказали, что оно стремится безуспѣшно. Уже 73 вѣка съ половиною мысленный взоръ человѣка обращенъ на распростертую предъ нимъ природу; уже 73 вѣка его слухъ внимаетъ повсюду раздающемуся голосу тварей, его окружающихъ. Опытъ столь многихъ вѣковъ долженъ породнить человѣка съ природою, долженъ передать въ его владѣніе, если не всѣ, то бо̀льшую часть тайнъ, въ ней заключенныхъ, тѣмъ болѣе, что часто воля человѣка боролась съ упорною необходимостію природы, и когда не понимала смысла ея явленій, насильно заставляла ее повторять эти явленія. Современный человѣкъ, съ самодовольною гордостію, указываетъ на этотъ многовѣковой опытъ, постепенно раскрывавшій предъ нимъ великое достояніе природы; современный человѣкъ, не боясь укора въ тщеславіи, можетъ указать на свою долю труда, которымъ онъ умножилъ доставшееся ему отъ предковъ богатство естествознанія.

Въ слѣдствіе многолѣтнихъ трудовъ, обогатившаяся содержаніемъ, естественная наука такъ увѣрена въ успѣхѣ своихъ пріемовъ, такъ полагается на свою достовѣрность и значимость для человѣка, что незнакомому съ требованіями духа представляется, будто для нея и желать нечего болѣе,

кромѣ развѣ пріумноженія новыхъ и новыхъ опытовъ. Наука раздѣлилась на отдѣльныя отрасли, и этѣ отрасли, получивъ самостоятельное значеніе, раздѣлили между собою широкую область естества, чтобы выясненіемъ отдѣльныхъ частей ея скорѣе приблизить ея цѣлость къ сознанію человѣческому. Усилія мыслящаго духа, при помощи вѣковыхъ наблюденій, уяснили тѣ законы, по которымъ живетъ, дѣйствуетъ и развивается природа, раскрыли предъ человѣкомъ ея силы, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе заставляютъ ихъ служить пользамъ и цѣлямъ человѣка; естествоиспытатели проникли даже до опредѣленія простыхъ стихій или началъ, изъ которыхъ слагается составъ вещественныхъ тѣлъ, и не одному изъ мечтателей въ наукѣ приходила въ голову мысль и надежда, что скоро, можетъ быть, изобрѣтательный умъ человѣка станетъ производить такія тѣла, какія доселѣ являются только дѣломъ образующей природы, или, точнѣе, премудраго и всесильнаго Творца, давшаго природѣ образовательную силу; въ царствѣ животномъ наука со всею точностію старается опредѣлить роды и виды существъ, узнать свойства каждаго рода и вида, и вмѣстѣ съ этимъ изыскиваетъ средства, то къ большему покоренію ихъ силѣ человѣка, то къ возможному споспѣшествованію ихъ жизни для лучшаго употребленія ея во благо человѣка: всю природу какъ бы по ниткѣ разбираетъ естествознаніе, и изъ каждой нити стремится сдѣлать возможно выгоднѣйшее употребленіе для человѣка.

Между тѣмъ пусть каждый, знакомый съ богатствомъ современнаго естествознанія, обратится къ требованіямъ своего духа, и съ должнымъ безпристрастіемъ испытаетъ—все ли дано и то̀ ли дается ему естествознаніемъ, чего онъ желаетъ и ожидаетъ отъ него. Раскрываетъ ли оно предъ нимъ то святилище природы, которое недоступно для непосвященныхъ въ тайны великаго царства Божія, и въ которое проникнуть такъ сильно стремится душа наша? Даетъ ли оно ему возможность, помощію богодарованныхъ силъ природы, улучшать свой нравственный бытъ, споспѣшествуетъ ли его стремленію къ завѣтной цѣли, всегда стоящей предъ глазами безсмертнаго духа? Отвѣчаемъ смѣло, что *нѣтъ*,

и думаемъ, что нашъ отрицательный отвѣтъ не дастъ повода къ обидному для насъ представленію, будто мы не признаемъ несомнѣнныхъ успѣховъ естествознанія, и не умѣемъ цѣнить вѣками нажитаго богатства въ его содержаніи.

Намъ кажется естествознаніе, и при богатствѣ своемъ, недостаточнымъ для своей цѣли; потому что, при быстрыхъ успѣхахъ его, мы желали бы видѣть иное направленіе въ его развитіи; потому что въ кучѣ разнороднаго матеріала, которымъ хвалится естественная наука, не видимъ необходимой для нея стихіи, которая одна можетъ составлять жизненный нервъ естествознанія, которая одна надлежащимъ образомъ возвышаетъ и углубляетъ его, и вмѣстѣ съ этимъ приводитъ его въ полную соразмѣрность съ требованіями и ожиданіями духа. Эта стихія можетъ быть сообщена естествознанію только высшимъ духовнымъ созерцаніемъ, руководимымъ и просвѣтленнымъ религіозною истиною: такое созерцаніе мы называемъ *вѣрою*, по недостатку другаго, болѣе точнаго слова,—вѣрою въ предощущаемую нами божественную силу, всюду присущую въ природѣ, и всюду ее освящающую. Не руководясь этою вѣрою, естествоиспытатель безплодно ходитъ вокругъ святилища природы, и рѣшительно не можетъ проникнуть въ него, чтобы видѣть, что̀ тамъ сокрыто драгоцѣннаго для нашего духа; не руководясь этою вѣрою, естествознаніе выдавляетъ изъ природы послѣдніе соки, въ угоду матеріальнымъ пользамъ человѣка, и, благотворно дѣйствуя на тѣлесную сторону его жизни, становится незначительнымъ и мертвымъ для нравственныхъ потребностей духа.

Естествознаніе, въ настоящемъ видѣ и по понятію современнаго вѣка—всецѣло опытная наука,—и пристрастіе къ опыту, присвоившее себѣ незаконное право на исключительное опредѣленіе характера и направленія современной естественной науки, по нашему мнѣнію, много вредитъ ея достоинству, удерживая ее на половинѣ пути въ стремленіи къ своей цѣли. Вѣрное своему опытному настроенію, естествознаніе какъ будто приковало себя къ предметамъ природы, кружится среди обьясняемыхъ имъ явленій жизни, не хочетъ, и при настоящемъ направленіи не можетъ отнять отъ

нихъ свой взоръ, чтобы осмотрѣться кругомъ, разширить свой горизонтъ и дать свободу своимъ, часто притупляющимся глазамъ; оно не чувствуетъ нужды по временамъ хоть на минуту выходитъ изъ темныхъ областей безсознательнаго бытія, чтобы занять гдѣ нибудь свѣтъ для освѣщенія этихъ темныхъ областей. У него много старанія и рвенія къ своему дѣлу; оно съ большою заботливостію собираетъ всѣ частности, раскрываемыя предъ нимъ жизнію природы, съ возможною полнотою обслѣдуетъ эти частности, и при неутомимомъ занятіи ими, накопило для себя кучу богатаго матеріала, вооружилось опытомъ, имъ рѣшаетъ всѣ вопросы, имъ и доказываетъ свои рѣшенія. Обращается къ нему пытливая мысль съ вопросомъ о значеніи опредѣленныхъ явленій,—ей указываютъ на опытъ, и опытомъ думаютъ успокоить ея пытливость. Что касается до созерцаній вѣры, до воззрѣній нашего ума на причины и основанія внѣшнихъ явленій бытія, на ихъ конечныя цѣли, на ихъ предуставленное значеніе въ цѣли мірозданія, на ихъ отношеніе къ предметамъ высшимъ или низшимъ, всѣ такого рода умствованія изгнаны изъ естественной науки, какъ вещь, для нея совершенно безполезная и лишняя.

Ужели, въ самомъ дѣлѣ, это такъ должно быть, по отрѣшенной задачѣ естествознанія? Ужели для нея ничего не нужно, кромѣ однаго опыта? Намъ кажется, что опытъ, непросвѣтленный созерцаніемъ, гдѣ бы не являлся въ своей отдѣльной замкнутости, всегда составляетъ неполную односторонность, не имѣющую права на значеніе истины.

Намъ кажется, что наука, какъ дѣло ума, какъ среда общенія нашего сознанія съ сущностію жизни, рѣшительно измѣняетъ своему характеру, являясь въ одеждѣ одного опыта. Опытъ, и при проницающей силѣ своего могучаго анализа, ничего не можетъ доставить научной мысли, кромѣ раздробленнаго, частичнаго, *безъобразнаго* матеріала; его находки только данныя для науки, на которыхъ она можетъ опираться въ созиданіи храма истины; изъ данныхъ опыта, она можетъ только созидать ступени, по которымъ бы ей надежнѣе было возноситься на высоту созерцанія. Когда мы смотримъ на разнообразные матеріалы, добытые опытомъ и сило-

ченные въ одну груду, безъ помощи оживляющей ихъ высшей идеи, мы видимъ однѣ сухія кости. А жаждущій жизни духъ, въ области науки, ищетъ не разбросанныхъ сухихъ костей, но полнаго тѣла, одареннаго жизненнымъ началомъ и энергіею движенія. Пусть вложена будетъ животворная идея въ тѣ матеріалы, которые постоянно выбрасываетъ опытъ предъ глаза человѣка,—мы увидимъ въ естествознаніи не сухое вѣдѣніе, *чуждое* духу, а одушевленный міръ знанія, связанный съ духомъ и его стремленіями непосредственнымъ и живымъ союзомъ.

Опытъ не передаетъ намъ истиннаго знанія; при немъ вещь остается сущею въ *себѣ*, внѣшнею для насъ и для нашего сознанія; онъ не переводитъ ея бытія за предѣлы нашихъ чувствъ, этихъ преддверій нашего сознанія; онъ не открываетъ ея сущности нашему духу, ея бытіе въ себѣ не дѣлаетъ бытіемъ для духа. Пусть при немъ остаются отъ вещи нѣкоторыя впечатлѣнія въ нашей памяти; но эти впечатлѣнія только слѣды ея внѣшнихъ примѣтъ, ея поверхностнаго, летучаго существованія; притомъ наша память не есть еще сознаніе; эта сила распространяется по всей широтѣ нашего духовно-тѣлеснаго существа, начинаясь отъ самыхъ нисшихъ тѣлесныхъ ощущеній; она хранитъ въ себѣ временныя отраженія жизни, но это низшій животный родъ ея проявленія; въ точкѣ прикосновенія ея къ сѣдалищу нашего сознанія, въ ней сглаживаются внѣшнія примѣты, служащія для нея пособіемъ къ отличенію вещей; тамъ она хранитъ для духа цѣльность и сущность вещи, мало подлежащую перемѣнамъ времени. Когда въ массу опыта войдетъ идея,—тогда, и только тогда, несознанное мертвое бытіе становится бытіемъ для нашего сознанія; тогда, и только тогда, открывается близкое родство между имъ и нашею мыслію: идея существуетъ непосредственно для нашего духа; въ нашей мысли—ея проявленіе и завершеніе; но завершаясь въ духѣ въ смыслѣ сознаннаго бытія и существуя для него, идея существуетъ и въ бытіи, и въ немъ имѣетъ свой корень, составляетъ его сущность. Потому, когда наука въ бытіи созерцаетъ идею, чрезъ нее это бытіе дѣлается собственностію духа, и собственность духа отож-

дествляется съ сущностію бытія; а это отождествленіе мысли и бытія и составляетъ истину и правду человѣческаго знанія.

Безспорно, для нашей мысли много произвола въ опредѣленіи идеи, долженствующей просвѣтить темную область опыта; близка для нея опасность заблужденія, когда она приметъ на себя идеальное разрѣшеніе вопросовъ жизни. Во многихъ представителяхъ своихъ, естествознаніе уклоняется отъ высшихъ созерцаній, восходящихъ за черту опыта, именно по причинѣ этого произвола и этой опасности заблужденія. Но зачѣмъ же опытъ (спросимъ мы пристрастныхъ къ опыту естествоиспытателей)? Ужели онъ не захочетъ придти на помощь къ мысли, когда она займется тяжелою работою просвѣтленія бытія для нашего сознанія? Пусть онъ своею несомнѣнною положительностію ограничитъ свободный полетъ научной мысли. Идея, безъ сомнѣнія, не влагаться должна въ матеріалы опыта произвольнымъ дѣйствіемъ прихотливаго разумнаго воззрѣнія; зоркій глазъ ума долженъ только отыскать ее среди мертвой груды матеріи, разоблачить ее отъ всѣхъ случайностей внѣшней являемости, которыя заслоняютъ ея свѣтъ отъ обыкновеннаго глаза человѣческаго, и, не отрывая ее отъ данныхъ выраженій внутренней ея силы, не перенося ея въ міръ чистаго отвлеченія, научить только простоту человѣка читать и понимать таинственные іероглифы, которые повсюду начертаны въ огромномъ царствѣ природы.—Правда, и въ этомъ опредѣленіи смысла жизни въ природѣ, вспомоществуемомъ положительною силою опыта, всегда можетъ быть ошибка и произволъ: наша мысль, разъ совратившись съ того средоточія, съ котораго открывался прямой обликъ истины, сама собою уже не можетъ стать на него, и потому, въ стремленіи къ своей цѣли, идетъ окольными, часто неправильными, путями. Но еще не говоря о главномъ условіи, могущемъ устранить силу этаго возраженія, мы можемъ спросить: ужели опасность можетъ оправдать нашу уклончивость отъ своего долга? Для блага жизни тѣлесной мы смѣло идемъ противъ угрожающихъ намъ опасностей, и цѣли высшей въ общественной жизни жертвуемъ силами и потребностями низшими. Ужели жъ, въ жизни духовной, гдѣ предметъ стремленія гораздо благороднѣе, опасность заблу-

жденія должна подавлять дѣятельность свободной мысли, тоскливо ищущей истины? Человѣческое сознаніе гибко и упруго: оно не умираетъ въ неоправданной мнимой истинѣ, не падаетъ совершенно подъ ложью, какъ умираетъ тѣло при тяжелой опасности; отъ него никогда не укрывалась ложь, сокрытая подъ одеждою истины. Напротивъ, неестественное положеніе лживаго начала заставляло его тотчасъ разобла-чать его несостоятельность, и вмѣстѣ съ этимъ разширять свой тѣсный, и потому невѣрный, взглядъ на вещи. Такими мыслями, впрочемъ, мы не думаемъ одобрять постепенное поступаніе нашего сознанія къ отрѣшенной истинѣ, чрезъ отрицаніе истинъ времени,—истинъ ложныхъ, относитель-ныхъ,—и въ этомъ генетическомъ способѣ разъясненія бытія не видимъ прямаго, самаго надежнаго пути къ цѣли, предле-жащей обще-человѣческому сознанію. У насъ есть высшій руководитель, слѣдуя указанію коего, мы смѣло, не боясь за-блужденія, можемъ идти своею мыслію въ темныя области бытія. На землю съ неба свѣтитъ и низпосылается лучь бо-жественнаго солнца; этотъ свѣтъ къ тому и предназначенъ, чтобы разогнать въ мірѣ человѣческомъ тьму сомнѣнія, пред-разсудковъ, невѣрія и заблужденій Этотъ высшій руко-водитель есть голосъ Церкви, этотъ лучезарный свѣтъ исти-ны—откровенное ученіе вѣры. Вольно же недогадливой на-укѣ упорствовать въ своемъ безсиліи, вольно ей не обратить-ся за помощію къ тому руководителю, который самъ посто-янно предлагаетъ ей свои услуги, вольно рѣшиться лучше ощупью идти сквозь опасныя и неудобопроходимыя для нея мѣста, да безъ посторонней помощи, чѣмъ прямымъ и безо-паснымъ путемъ, освѣщаемымъ божественною истиною. Если-бы она не закрывала глазъ своихъ предъ этимъ откровен-нымъ свѣтомъ, тогда для нея не нуженъ бы былъ тяжелый путь къ истинѣ, ведущій естественное человѣческое сознаніе сквозь длинный, нескончаемый рядъ противорѣчій, забл-жденій и неразрѣшимыхъ сомнѣній. Конечно, не каждая частная истина раскрыта въ положительномъ ученіи Откро-венія и Церкви; въ немъ нельзя найти прямой отвѣтъ на большую часть тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ занимается естественная наука. Какъ всюду въ области зна-

нія, такъ и здѣсь нуженъ и неизбѣженъ трудъ мысли; предъ нею открыто праздное поприще, на которомъ она должна сѣять сѣмя истины. Для нея довольно и того, что указуется ей общее направленіе, сообщается тотъ духъ, который увлекаетъ его по прямому направленію къ цѣли. При этомъ общемъ содѣйствіи религіозной истины, естественной наукѣ уже не страшны частныя уклоненія отъ прямаго рѣшенія вопросовъ; потому что ихъ неправильное дѣйствіе сглаживается общимъ духомъ и характеромъ научнаго мышленія; потому что они не переходятъ за предѣлы мнѣній, которыя, какъ частное дѣло личнаго воззрѣнія, всегда будутъ, всегда имѣютъ право существовать въ наукѣ. Съ другой стороны, при такомъ общемъ вліяніи религіознаго ученія на естествознаніе, нѣтъ стѣсненія для его изслѣдованій. Религія не хочетъ мѣшаться въ разборъ частныхъ вопросовъ науки; пусть наука въ своей средѣ идетъ и развивается своимъ чередомъ; пусть она не надѣваетъ на себя маски ханжества и ѳеургіи. Ея дѣло —не противорѣчить своимъ настроеніемъ оправданному Богомъ и временемъ ученію; ея дѣло — соображаться въ духѣ своей жизни и своего развитія съ духомъ истинной Церкви, непосредственно управляемымъ единою главою Церкви, и отъ нея исходящимъ.

Можетъ представиться, что введеніе идеальнаго созерцанія въ кругъ естественныхъ наукъ непримиримо съ ихъ неотъемлемымъ характеромъ, противорѣчитъ ихъ удѣльному значенію въ сферѣ обще-человѣческаго вѣдѣнія, и неприложимо къ тому содержанію, какое досталось на ихъ долю, при распредѣленіи различныхъ отраслей человѣческаго знанія въ самостоятельныя науки. Природа подлежитъ естествознанію, какъ внѣшняя *данность* явленій; прямая діалектика, могущая усвоить этотъ предметъ сознанію человѣческому, это—наблюденіе природы посредствомъ формъ чувственнаго воззрѣнія и разсудочный анализъ; результатъ, предположенный этою діалектикою—указаніе явленій природы, часто скрывающихся отъ обыкновеннаго глаза, и возведеніе ихъ въ систему, подъ образомъ законовъ и силъ, видимыхъ въ этихъ явленіяхъ. Для идеализма, кажется, тутъ нѣтъ мѣста; ему отведено мѣсто въ философской мета-

физикѣ, которая занимается предметами, переступающими за черту видимой естественной *данности* явленій внѣшней жизни; физика перестала бы быть физикою, еслибы объявила притязаніе на выспренность метафизическаго воззрѣнія. По нашему же представленію, въ настоящее время, когда мысль человѣческая побѣдоносно входитъ во всѣ области бытія, прежде казавшіяся недоступными для нашего сознанія въ своей неподвижной непосредственности, когда ея царство распространилось и въ широту и въ глубину до безконечныхъ предѣловъ,—отдѣленіе опыта отъ идеальнаго созерцанія мысли рѣшительно не въ духѣ времени. Мы до того сдѣлались требовательны въ наукѣ, что стыдимся называть ея именемъ систему фактовъ, сопоставленныхъ одинъ подлѣ другаго въ хронологическомъ, или другомъ какомъ-либо данномъ внѣшностію, порядкѣ. Для исторіи народа или чечеловѣчества внѣшнія событія составляютъ простой матеріалъ и она только ищетъ по нимъ внутреннихъ началъ народной жизни, и только тогда является въ смыслѣ науки, когда находитъ внутреннюю идею, лежащую въ основѣ всѣхъ явленій, и производящую ихъ изъ своей жизненности. Исторія природы должна подлежать тѣмъ же законамъ науки, и подобно исторіи человѣчества, на внѣшнія явленія жизни смотрѣть только, какъ на основаніе и оправданіе своего созерцанія. Не внѣшнія явленія міра, но общая жизнь природы, раскрывающаяся въ этихъ явленіяхъ, должны составлять существенный предметъ естествознанія. Явленія сами по себѣ—скоропреходящая временная форма, въ которую облекается идея силы ихъ производящей: недостаткомъ постоянной пребываемости они обличаютъ въ себѣ отрывочный характеръ, по которому никакъ немогутъ явиться состоятельными предъ судомъ полной мысли. Постоянно возникая и изчезая, постоянно возрастая и умаляясь, ни на минуту не останавливаясь въ своемъ теченіи, отъ рожденія къ смерти, они не могутъ сосредоточить на себѣ вниманія, ищущаго разгадки дѣйствительности. Напротивъ, своею отрывочностію, своею несостоятельностію предъ силою времени, и, значитъ, предъ силою жизни, рождающей изъ себя время, всѣ внѣшнія явленія свидѣтельствуютъ о нѣкоей высшей жизненной силѣ, постоянно пребывающей,

постоянно развивающейся и никогда неизмѣняющейся ни въ степени энергіи, ни въ характерѣ направленія: должна быть внутренняя идея или основа внѣшней данности явленій, которая рождаетъ ихъ изъ себя и поглощаетъ ихъ въ своей полнотѣ, которая дѣлаетъ возможнымъ ихъ существованіе и воззываетъ ихъ изъ мертвой возможности къ дѣйствительности. Внѣшняя данность явленій на столько имѣетъ въ себѣ жизни и дѣйствительности, на сколько держится на этой внутренней силѣ жизни, на сколько связана съ нею своимъ существованіемъ. По отношенію къ дѣйствительности, ей принадлежитъ одна возможность существованія, и та опредѣляемая отвнѣ; но возможность существованія—не жизнь; царство возможности—царство мертвыхъ тѣней; этѣ тѣни являются въ міръ въ живой формѣ только по силѣ божественнаго начала, вѣчно-пребывающаго, имѣющаго право на необходимое существованіе. Между царствомъ тѣней и дѣйствительнымъ міромъ—цѣлый океанъ, непроходимый для смертнаго Стиксъ; оттуда ничто не перейдетъ къ намъ, въ сферу дѣйствительнаго, если не будетъ на то изволенія владыки этого царства—идеи жизни, чреватой возможностями, если не явится на помощь къ тѣни дыханіе Борея, переносящее ее чрезъ неизмѣримую широту океана, если не будетъ на ней божественнаго знаменія, по которому даетъ свободный проходъ чрезъ Стиксъ приставленный при немъ прислужникъ, всякому, обращающемуся къ нему. Говоримъ это къ тому, чтобы напомнить, что человѣкъ, погруженный въ факты, въ явленія, въ опытъ, и невыходящій изъ ихъ сферы, не постигаетъ жизни природы, а слѣдитъ за одними тѣнями, и при этомъ забываетъ, что тѣнь не самобытна, что она служитъ только отраженіемъ дѣйствительнаго тѣла, что она всегда происходитъ отъ чего-то другаго, болѣе существеннаго, чѣмъ она сама, и безъ этого существеннаго и быть не можетъ. Значитъ, онъ видитъ однѣ мелочи, одну поверхность, и рѣшительно не проникаетъ до самой сущности, до общей разумно-необходимой силы, служащей основаніемъ и объясненіемъ этихъ мелочей. Нѣтъ, задача и цѣль естествознанія требуетъ, чтобы оно не ограничивалось одними явленіями,—этими тѣнями вѣчной жизни, преемственно вы-

зываемыми къ мимолетной дѣйствительности; пусть оно старается выразумѣть самую необходимую основу жизни и всѣхъ ея фактическихъ проявленій. Тогда его взглядъ достигнетъ надлежащей глубины и полноты; тогда понятными сдѣлаются всѣ мелочные проблески жизни, исчезающіе во времени; тогда откроются значеніе и смыслъ всѣхъ временныхъ явленій, обнаруживающихъ жизнь въ природѣ; иначе для нашего сознанія они будутъ вѣчно сфинксовою загадкою. Какъ бы ни былъ положителенъ человѣкъ, какъ бы ни былъ стѣсненъ его взглядъ пристрастіемъ къ одной внѣшней данности явленій,—онъ не устоитъ на этомъ пристрастіи, когда потребуютъ у него разрѣшенія таинственныхъ вопросовъ жизни природы: если хотимъ понять смыслъ видимой нами дѣйствительности, мы должны переступить за черту факта или явленія; въ немъ нѣтъ независимой жизни, она—въ идеѣ творческой силы;—оттуда возникаетъ и туда возвращается изъ внѣшняго круга явленій, какъ въ свое нерушимое лоно. Очень хорошо мы знаемъ, что современная философія не любитъ полагать различіе между явленіемъ и сущностію, и готовы согласиться съ нею, подъ условіемъ нѣкоторой перемѣны въ понятіяхъ. Очень хорошо мы помнимъ, что со-времени распространенія логики Гегеля, въ ученомъ мірѣ привыкли повторять ту мысль, по которой въ явленіи содержится ни больше, ни меньше, сколько есть въ идеѣ, а въ идеѣ столько, сколько въ явленіи. Но это вѣрно съ точки зрѣнія діалектической системы; при другомъ взглядѣ на явленіе и его отношеніе къ сущности, упомянутая мысль можетъ быть рѣшительно невѣрна. По смыслу діалектической системы, міръ конечный не отдѣляется въ понятіи отъ міра безконечнаго: единая животворная сила бытія сущность свою находитъ и полагаетъ въ діалектическомъ процессѣ постепеннаго развитія; когда она въ природѣ, достигая своего инобытія, и въ этомъ инобытіи находя возможную полноту своего выраженія, рождаетъ частные моменты жизни, то каждый частный моментъ, въ своемъ мѣстѣ,—не отдѣльная отъ идеи, но ее обнимающая, ею созданная возможная полная форма для ея содержанія. Отъ того частное явленіе въ своей конечной замкнутости здѣсь не мыслимо: оно всегда

понимается въ идеѣ, въ отношеніи къ единой животворной отрѣшенной силѣ. Но съ обыкновенной точки зрѣнія, на которой стоитъ и здравый смыслъ народа, безконечный міръ силы не отождествляется съ конечнымъ міромъ явленій; между тѣмъ и другимъ положено непреступаемое различіе. При этомъ различіи, явленіе природы, взятое само въ себѣ, не вмѣстилище безконечной энергіи жизненной силы, насквозь проникнутое ея содержаніемъ, но неподвижная скорлупа, подъ которою только скрыто живое движущееся начало.

У насъ сущность жизненной силы полагается не въ процессѣ діалектическаго развитія, не въ переходженіи ея отъ одного момента къ другому, отъ одного вида бытія, менѣе совершеннаго къ другому, болѣе совершенному; но въ настоящемъ неистощимомъ равенствѣ ея съ самой собою, въ полнотѣ бытія, не подлежащей временнымъ перемѣнамъ, носящейся надъ всѣми частными мгновеніями, и всегда одинаковой среди разнообразныхъ видоизмѣненій времени. Частный рядъ явленій выражаетъ ее собою, но отнюдь не поглащаетъ ее въ себя: онъ скорѣе утверждается на ней, какъ на своемъ непоколебимомъ основаніи, держится за нее въ своемъ существованіи. Отъ-того, что явленіе не изчерпываетъ всего содержанія идеи, и не равняется ей въ своей широтѣ, оно и не переживаетъ ея и не совѣчно ей. Явленія—листья на деревѣ жизни (употребимъ неточное сравненіе), а идея его корень, сокрытый въ глубинѣ земли: листья каждогодно опадаютъ, каждогодно являются снова, но корень все одинъ и тотъ же, всегда равнодушный къ перемѣнѣ листьевъ. Поэтому-то когда анализъ естествоиспытателя коснется опредѣленнаго явленія природы, онъ разлагаетъ одну мертвую форму жизни, а духа, который бы могъ одушевить эту форму, у него нѣтъ предъ глазами: какъ будто природа мертвый, бездушный скелетъ, доступный только сухому взгляду анатомика! Это не значитъ, будто мы въ опредѣленномъ живомъ явленіи природы видимъ сухую, мертвую форму. Напротивъ, въ своемъ представленіи, мы никакъ не можемъ разорвать непосредственную связь между сущностію жизненной силы и ея выраженіемъ въ явленіи, и положить между ними какое нибудь математическое различіе, какъ между двумя пара-

лельными линіями: въ явленіи, конечно, никогда не будетъ того, чего не дастъ ему сила. Но мы хотимъ напомнить о томъ, что зоркій глазъ, безъ всякой натяжки для себя, различаетъ въ каждомъ явленіи двѣ стороны: одну, постоянно пребывающую, укорененную въ идеѣ силы, и изъ нея невыступающую,—другую, временно движущуюся, подчиненную началу, продолженію и концу; та сторона не видна для чувственнаго наблюденія, и даетъ ощущать себя только глубокому созерцанію нашего духа, а эта временная форма стороны сокровенной прямо дѣйствуетъ на чувство, и произведеннымъ на него впечатлѣніемъ должна пробуждать наше сознаніе къ свойственной ему созерцательной дѣятельности. Полнота взгляда требуетъ отъ естествознанія, чтобы оно обнимало и раскрывало предъ человѣкомъ обѣ этѣ стороны каждаго явленія. Между тѣмъ поверхностный взглядъ дилетанта-естествоиспытателя видитъ только одну внѣшность явленія, и говоритъ такъ объ немъ, какъ будто эта внѣшность есть самозаключенный отрѣшенный кругъ бытія. Въ этомъ случаѣ ссылка на равенство явленія и силы, сущности и ея выраженія въ временной формѣ—одно обманчивое убаюкиваніе лѣниваго духа, неправедное оправданіе его слѣпоты и лживости. Обними явленіе во всей его цѣлости, доведи свое воззрѣніе отъ самой крайней внѣшней точки его до той внутренней послѣдней силы, которая дала бытіе и состоятельность этому явленію,—тогда и въ твоихъ глазахъ явленіе будетъ не пустою, безсодержательною формою, тогда мы увидимъ смыслъ, если ты скажешь, что въ явленіи выражается содержаніе высшей силы. Мы о томъ и хлопочемъ, чтобы въ воззрѣніи естествоиспытателей явленіе не было отдѣлено отъ сущности, чтобы въ каждомъ явленіи они созерцали божественную идею жизни, а не останавливались на одной поверхностной его внѣшности.

Когда же держатся одной внѣшней стороны явленія, и не хотятъ видѣть въ немъ ничего, кромѣ того, что представляетъ чувственное наблюденіе,—естествознаніе перестаетъ быть надежнымъ оракуломъ для великой загадки жизни, и человѣкъ, прибѣгшій къ нему съ надеждою на удовлетвореніе своей пытливости, принужденъ отойти отъ него съ непобѣдимымъ

разочарованіемъ. Человѣкъ съ воспріимчивою душою, пораженный величественными зрѣлищами, повсюду окружающими его въ прекрасномъ мірѣ Божіемъ, при видѣ ихъ, весь становится вниманіемъ, все его сознаніе дѣлается вопросомъ, алчно ищущимъ себѣ разрѣшенія. Опытное естествознаніе воспринимаетъ этотъ вопросъ, переворачиваетъ его изъ стороны въ сторону, и не могши совладѣть съ его полнотою своими собственными средствами, предлагаетъ пытливой мысли уничтожить этотъ вопросъ; это бываетъ потому, что опытное естествознаніе ничего не можетъ сказать на вопросъ духа о природѣ, кромѣ того, что привнесено къ нему вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ; въ этомъ отношеніи оно дозволяетъ себѣ насиліе, уничтожая своимъ незаконнымъ произволомъ силу законнаго вопроса. Вотъ чувство человѣка приковало безпокойную мысль къ общимъ стихіямъ міра: какъ мысль передастъ сознанію свое слово о землѣ, водѣ, огнѣ и воздухѣ? Явившееся къ ней на помощь естествознаніе скажетъ, что это тѣла сложныя, сообщитъ названіе тѣхъ простыхъ началъ, изъ коихъ состоятъ эти тѣла, опредѣлитъ, сколько частей кислорода, сколько водорода, азота и другихъ подобныхъ, и думаетъ, что оно исполнило этимъ свою великую задачу. Но я желалъ бы знать, что̀ сковало въ сплошное единство и живое цѣлое простыя, чуждыя другъ другу начала, что̀ постоянно держитъ ихъ въ такомъ видѣ? Отъ чего такъ широко разрослись эти общія стихіи нашего міра, разрослись и больше не увеличиваются?

Кто указалъ имъ твердое мѣсто во вселенной? Откуда мирное повсюдное равновѣсіе между ними? Не указывайте мнѣ на химическое сродство,—этотъ призракъ силы, предъ которымъ поклоняется естествознаніе. Ужели удовлетворится моя любознательность, когда мнѣ скажете, что простыя частицы матеріи соединяются по причинѣ химическаго сродства между собою? Не тоже ли это значитъ, если сказать: частицы соединяются потому, что соединяются? Ужъ о томъ и не говоримъ, откуда взялись самыя частицы матеріи. Возьмите эти простыя начала, вы знаете родство между ними,—сдѣлайте же мнѣ изъ нихъ рѣки и горы, воздухъ и негасимое пламя. Не отсылайте меня и къ физикѣ. Она не говоритъ мнѣ

ничего, кромѣ того, что это огонь, это земля, это вода, а это воздухъ. Будто я за тѣмъ пришелъ къ ней съ своей любознательностію, чтобы она повторяла мои слова, и уничтожала мои вопросы. Покушается она иногда, съ своей опытной точки, разсказывать исторію природы. И вотъ опытное соображеніе заставляетъ говорить естествоиспытателей, что первоначально весь міръ, вся масса нашей планеты была въ расплавленномъ состояніи, потомъ постепенно остывала эта масса отвнѣ, сосредоточивая въ средину силу своего огня, такъ что земля наша есть какъ бы остывшая лава, сокрывающая въ своемъ нѣдрѣ всерасплавляющую огненную силу. Но что же сгоняло силу жара съ поверхности расплавленной массы матеріи? Холодъ пустоты? Но пустота, какъ матеріальное ничтожество, совершенно равнодушна какъ къ зною, такъ и къ холоду. Какая нибудь внѣшняя сила? Но опытный глазъ естествоиспытателей, обращаясь къ первоначальному состоянію нашей планеты, всѣ силы видитъ заключенными въ нѣдрѣ расплавленной массы, и внѣ ея ничего не замѣчаетъ. Во всякомъ случаѣ мы должны допустить, что въ первоначальный періодъ развитія природы, сила огня была шире и могущественнѣе, и что она постепенно слабѣла отъ невѣдомыхъ причинъ. Но что же такое воздухъ? Конечно, не испареніе, происшедшее изъ глубины взволнованной расплавленной массы? Онъ, въ своемъ составѣ, явно отличенъ отъ этаго испаренія. Испареніе при томъ не долго живетъ въ атмосферѣ и тотчасъ, сгущаясь, превращается въ воду. Въ водѣ, пожалуй, еще можно бы видѣть это испареніе: но она премудро раздѣлена на пространствѣ нашей планеты, и это премудрое раздѣленіе явно свидѣтельствуетъ о томъ, что его происхожденіе не случайно..... При блескѣ молніи и звукѣ грома сотрясается все существо человѣка, и его сердцемъ предчувствуется глубокая тайна, сокрытая подъ этимъ проявленіемъ жизненной силы природы. Въ разрѣшеніе великой думы, обнемлющей человѣка среди этихъ явленій, естествознаніе указываетъ ему на сгущеніе паровъ, на присутствіе въ нихъ особенной силы, по невѣдомымъ причинамъ, стремящейся къ соединенію съ подобною себѣ силою, или бѣгущею отъ нея въ далекое пространство, и говоритъ ему, что

эта сила называется электричествомъ. Такого рода объясненіемъ естественная наука рѣшаетъ всѣ вопросы духа о смыслѣ и основаніи всѣхъ явленій природы. При видѣ чуднаго механизма вселенной, ее спрашиваютъ о зиждительной и руководительной силѣ этого механизма; а она указываетъ только на этотъ механизмъ, говоритъ объ одномъ видимомъ образѣ явленій.—Вы обращаетесь къ химіи, минералогіи, ботаникѣ? Вмѣсто живаго разоблаченія явленій жизни въ живомъ случаѣ, вашъ взоръ встрѣчаетъ чуждыя вашему слуху, вашему чувству и вашему сознанію названія; вмѣсто того, чтобы ввести вашу душу въ непосредственную связь съ интересующими васъ предметами, они закрываютъ ихъ собою,—своею безсодержательною формою. Тутъ представляется много тяжелаго труда для памяти, но мало пищи для сознанія. Границы моего сознанія не расширятся;—внутренняя сила и энергія заключеннаго въ этихъ границахъ знанія не увеличится, сущность вещей не будетъ ближе къ моему духу, если мнѣ скажутъ, что одна изъ нихъ должна называться іодомъ, другая—бромомъ, третья—хлоромъ, четвертая—ефторомъ и т. д., если я вытвержу всѣ латинскія названія, какими означены всѣ предметы растительнаго царства въ славной таблицѣ Линнея.

Правда, многіе довольствуются раскрытіемъ видимой стороны явленій природы, и требуютъ отъ естестествознанія неболѣе, какъ объясненія механизма жизни, въ общихъ чертахъ такъ же неизмѣннаго въ мірѣ Божіемъ, какъ неизмѣненъ онъ и въ человѣческой машинѣ. Но чувства и потребности этихъ многихъ—не законъ для всѣхъ. Пусть эти многіе образуютъ передовые ряды въ поклонникахъ естественной науки. Мы, по одному этому, не думаемъ считать ихъ ощущенія общечеловѣческимъ правиломъ; мы считаемъ себя вправѣ свѣрять эти ощущенія съ потребностями человѣческой природы, правильно развивающейся, по преднаписанному Творцомъ закону. И что же дѣлать намъ, когда изъ этой повѣрки оказывается, что ощущенія и потребности поклонниковъ современнаго естествознанія рѣшительно не обнимаютъ собою всей полноты законныхъ человѣческихъ стремленій? Конечно, не нужно слѣдовать имъ, и, подобно имъ, ограничивать стре-

мленія своей любознательности, когда они, не столько силою воли, сколько силою привычки, подавляютъ въ себѣ высшіе порывы своего сознанія, уничтожаютъ тѣ естественные вопросы, которыя сами собою рождаются изъ глубины нашего духа. Вращаясь постоянно среди опытной видимости, присматриваясь къ открытому механизму явленій, они пристращаются къ этой сторонѣ жизни, приковываются къ ней всѣмъ своимъ вниманіемъ. Разсѣявшись по широкой области опыта, они сначала забываютъ другой міръ,—міръ идеи, лежащей въ основѣ явленій; а отъ забвенія время доводитъ ихъ и до невѣрія, до непониманія благороднаго рвенія къ разрѣшенію темныхъ тайнъ жизни. Всецѣлое погруженіе души въ внѣшній кругъ жизни не даетъ имъ случая оторваться отъ этого круга, и долгимъ сдавливаніемъ духовныхъ порывовъ до того притупляетъ умственное чувство, обращенное къ міру идеи, что они не понимаютъ его требованій, не подозрѣваютъ ихъ существованія. Такимъ образомъ привычный образъ дѣйствованія многихъ изъ людей въ области естествознанія дѣлается неполнымъ, и потому не истинно человѣчественнымъ выраженіемъ правильнаго сознанія. Чтобы видѣть правду этого мнѣнія, обратите вниманіе на душевную природу человѣка, еще неразвитую, въ тотъ періодъ ея личной жизни, когда она, хотя только въ смѣшанномъ зачаткѣ, но заключаетъ въ себѣ всю полноту человѣческаго достоянія, когда она еще не искажена односторонностію неполнаго развитія или неправильнаго направленія: это бываетъ въ возрастѣ дѣтства, въ первые годы пробуждающагося сознанія. Изъ груди неотуманеннаго предубѣжденіемъ младенца или отрока, при видѣ величественныхъ и прекрасныхъ картинъ природы, весьма часто исторгаются такіе свѣтлые вопросы, которые вовсе не существуютъ для естествоиспытателя, которые давно изгнаны изъ области естественной науки, на которые она не умѣетъ отвѣтить съ своей точки зрѣнія. Отъ чего теперь зима, а потомъ будетъ весна и лѣто, а за ними опять зима? Отъ чего теперь день, а скоро будетъ ночь? Кто движетъ солнце, или (если вы растолкуете систему Галилея и Коперника) кто движетъ землю постоянно и не даетъ ей ни на минуту покоя? Откуда огонь въ звѣздахъ небесныхъ, и за-

чѣмъ ихъ такъ много надъ нашею головою, и что тамъ такое дѣлается? Какъ живутъ въ лѣсахъ, среди снѣговъ и морозовъ, бѣдныя животныя, когда человѣку и въ теплой избѣ холодно? Почему одни звѣри и птицы такъ кротки и милы, тогда какъ другіе страшны и свирѣпы, и кто позволяетъ хищнымъ тварямъ умерщвлять и пожирать животныхъ, гораздо ихъ лучшихъ и болѣе полезныхъ для человѣка? Множество подобныхъ вопросовъ вы можете слышать отъ дитяти: неискушенная мысль думаетъ безъ труда найти возможное разрѣшеніе ихъ. Если эти и подобные вопросы предложить естествоиспытателю, утвердившемуся безусловно на точкѣ опытнаго воззрѣнія, и мечущаго тысячами фактовъ и узаконенныхъ въ наукѣ формулъ, то онъ долженъ стать въ тупикъ съ своимъ всеоружіемъ опытной науки, при видѣ глубокой простоты младенческаго воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что ему дѣлать въ этомъ случаѣ? Конечно, онъ не откажется невѣденіемъ,—не откажется, если не потому, что побоится оскорбить холоднымъ скептицизмомъ непорочную вѣру нѣжнаго сознанія, то потому, что не захочетъ позорить пресловутое имя своей науки. Но когда онъ станетъ рѣшать ихъ, на основаніи одного опыта, не руководясь высшею вѣрою, то его рѣшенія и обьясненія, не переступая за черту вопроса, не могутъ сообщить ему надлежащаго свѣта: они задавятъ вопросъ, но не дадутъ удовлетворенія тому, въ комъ родился онъ. Естественнѣе всего ему признать эти вопросы дѣтскими, и потому, значитъ, нестоящими серьезнаго вниманія и неумѣстными въ наукѣ: такъ, можетъ быть, и думаетъ не одинъ естествоиспытатель, когда слышитъ ихъ отъ кого бы то ни было. Между тѣмъ очевидно, чье воззрѣніе имѣетъ болѣе широкій горизонтъ. Наука, немогущая вмѣстить въ себѣ дѣтскіе вопросы, ненаходящая на нихъ у себя отвѣта, конечно, слишкомъ произвольно стѣснила предѣлы своихъ изслѣдованій. Цѣльная природа неразвитаго человѣка предлагаетъ не лишніе вопросы наукѣ, не годы мучится подъ вымышленіемъ ихъ, но съ разу почерпаетъ ихъ изъ себя при видѣ подвѣдомой наукѣ области. По закону правды, скорѣе можно признать то, что наука растратила свое достояніе или не видитъ его тамъ, гдѣ оно предлагается ей, чѣмъ отказать

прямымъ вопросамъ человѣка въ ихъ естественномъ достоинствѣ и умѣстности. (1)

Естественная наука чуждается идеальныхъ воззрѣній по-своей исключительной наклонности къ одному опыту, но она не откажется отъ общихъ разсудочныхъ отвлеченій: она принимаетъ ихъ въ свою область, хотя ихъ происхожденіе не есть дѣло одного опыта. По этому самому мы не думаемъ видѣть въ ней одну голую фактичность, не думаемъ отрицать участіе въ ея построеніи разсудочной созерцательности, относящейся къ разсматриваемымъ явленіямъ въ смыслѣ самоопредѣляющей силы. Это знакъ, что созерцательность совмѣстима съ характеромъ естествознанія. Противъ этого не будутъ спорить и поклонники опытнаго направленія естествознанія: иначе противъ нихъ будетъ говорить самый систематическій видъ ихъ науки, который, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ дѣйствія ума, свободно возвышающагося надъ кучею явленій. Значитъ, начало вѣры или идеальнаго созерцанія, хотя можетъ быть опровергаемо теоріею, никогда не можетъ быть изгнано изъ практики, какъ искони ведется въ естествознаніи. Стоитъ только принять его во всемъ его объемѣ, и дѣлать изъ него полное приложеніе. Между тѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ совершается приложеніе этого начала въ современномъ научномъ естествознаніи, цѣль его рѣшительно не достигается,— не достигается потому, что созерцаніе останавливается на половинѣ пути, идетъ неровною поступью; лѣзетъ по одной сторонѣ крутизны, вовсе не обнаруживая намѣренія стать на верхъ ея. Тогда какъ человѣка должны вести къ храму истины, заключенному въ природѣ, съ одной стороны умъ съ своими врожденными началами, съ другой разсудокъ, вспо-

---

(1) Крайне любопытно и важно было бы представить въ живомъ очеркѣ народное міросозерцаніе. У народа все дышетъ, все живетъ, все идетъ, или движется съ цѣлью,—во всемъ проявляется для простыхъ людей мудрость и благость Божія. Въ народныхъ образныхъ (морфическихъ) понятіяхъ сокрыто еще много истинъ, утаенныхъ гордой, самой въ себѣ заключенной и мечтающей стоять на *своемъ* твердомъ, непоколебимомъ основаніи, наукѣ.

Прим. Ред.

моществуемый опытомъ,—въ естествознаніи вся надежда возложена на одинъ разсудокъ, и на немъ лежитъ все дѣло раскрытія тайнъ вселенной. Что же дѣлаетъ онъ въ такомъ важномъ случаѣ? Онъ, посредствомъ аналогіи и отвлеченія, создалъ общія понятія или категорическія представленія, въ которыхъ, по его желанію, должна отражаться, какъ въ зеркалѣ, вся сущность изслѣдуемой природы. Эти общія разсудочныя понятія суть понятія силъ, законовъ, стихій или простыхъ началъ природы, родовъ и видовъ ея существъ. Этими-то отвлеченіями въ естественой наукѣ замѣняется недостатокъ положительнаго умственнаго созерцанія, и въ этихъ, созданныхъ разсудкомъ, категоріяхъ опытная наука видитъ непреступаемыя грани, далѣе которыхъ не смѣетъ и не должна возноситься живая человѣческая мысль. Въ самодовольномъ сознаніи своего богатства, она думаетъ вполнѣ удовлетворить пытливую мысль, при объясненіи загадочныхъ явленій природы. Но какъ тѣсны и произвольны мнимые предѣлы естествознанія, узаконенные въ немъ въ видѣ общихъ понятій, совмѣщающихъ въ себѣ совокупность однообразныхъ явленій жизни! Какъ обманчивы эти общія понятія предъ истиною нашего сознанія, предъ истиною самой природы! Что намъ скажетъ законъ природы, опредѣляемый со всею точностію математической формулы,—что скажетъ онъ болѣе того, чѣмъ сколько видитъ глазъ нашъ, когда онъ, какъ и всякій законъ, есть только обобщенное явленіе, когда въ немъ выражена та же поверхность видимой нами дѣйствительности, сквозь которую мы желали бы проникнуть до основной глубины жизни, которая стоитъ тяжелымъ вопросомъ предъ нашимъ сознаніемъ. Языкъ разсудочнаго отвлеченія не вмѣститъ въ себѣ больше того, сколько содержитъ жизненное явленіе. За чѣмъ естествознаніе указываетъ на понятіе о силѣ, когда это понятіе становится содержательною мыслію только въ связи съ тѣми дѣйствіями, отъ которыхъ отвлечена эта сила? Ужели нельзя идти дальше простыхъ стихій или составныхъ вещественныхъ началъ природы, когда эти стихіи,—съ одной стороны,—мертвая, немощная матерія; съ другой—неутвержденныя въ своей простотѣ начала;-когда даль-

нѣйшія изслѣдованія могутъ уничтожить ихъ самостоятельное значеніе, и на мѣсто ихъ выставить другія простѣйшія начала, и все это можетъ простираться до безконечности.

Существуютъ въ наукѣ различные роды и виды существъ природы: но если въ жизни есть одни недѣлимыя, если понятіе рода есть только одно представленіе свойствъ, общихъ цѣлому классу недѣлимыхъ; то какое значеніе этого родоваго и видоваго понятія, по отношенію къ основѣ и сущности живущихъ недѣлимыхъ? Построеніе такихъ общихъ понятій не есть дѣло одного опыта: опытъ представляетъ нашему чувству отдѣльныя явленія и недѣлимыхъ: уже разсудокъ вступаетъ въ права своей самодѣятельности, когда на основаніи частичныхъ явленій, онъ созидаетъ общіе виды, и въ нихъ и чрезъ нихъ смотритъ на природу. Но эти виды не вносятъ ничего новаго въ естествознаніе, не разширяютъ его горизонта. Разсудокъ всегда покорный рабъ чувства: сила чисто формальная, онъ служитъ только къ устроенію содержанія, пріобрѣтеннаго дѣятельностію чувства. Съ нимъ наука ничего не сдѣлаетъ, какъ развѣ только сгладитъ и подведетъ подъ одинъ уровень разнообразное множество мелочей жизни, повсюду представляющихся чувственному глазу; но она не выйдетъ изъ этихъ мелочей, не вознесется надъ ними, чтобы понять и освѣтить ихъ. Благородное сознаніе человѣческое желало бы, чтобы естествознаніе посмотрѣло на другую сторону жизни, несостоящую въ смѣнѣ мгновенныхъ мелочей, и сказало ему, что̀ тамъ кроется.

Для этого въ душѣ нашей есть особая сила ума, которая въ такомъ же отношеніи къ міру идеи, въ какомъ внѣшнее чувство къ міру явленій. Участія этой-то силы не хотятъ признавать въ естествознаніи, и отъ этого-то такой большой пробѣлъ въ естественной наукѣ; отъ этого-то насильственно стѣснены и ограничены ея рамки. Изъ общихъ понятій о силахъ и законахъ явленій составляется заповѣдная черта, за которую не смѣетъ взглянуть естествоиспытатель. Но эта заповѣдная черта, не обнимая собою всей широты предмета, не удовлетворяя стремленію нашей мысли, своимъ бытіемъ

обязана незаконной въ наукѣ монополіи разсудка, вмѣсто истинной сущности показывающаго намъ свои тѣсныя видѣнія. Мы думаемъ, посредствомъ этихъ категорій разсудка, изчерпать всю глубину предмета, подлежащаго естествознанію. Между тѣмъ онѣ набрасываютъ густую тѣнь и темное покрывало на тотъ предметъ, къ которому относятся: это тусклыя стекла, сквозь которыя наша сознающая душа смотритъ на вещи, въ мірѣ находящіяся, потому онѣ не столько доставляютъ намъ знаніе, сколько удаляютъ насъ отъ него, скрывая отъ насъ сущность вещи. Знаніе есть непосредственное обращеніе нашего сознанія къ предмету познаваемому; знаніе есть цѣльное обнятіе вещи, подчиняющее ее нашему уму и нашему чувству. Но общія понятія силъ, законовъ, началъ и родовъ, рожденныя разсудкомъ и введенныя въ естественную науку, стоятъ на пути нашего сознанія къ тайнамъ премудрости, заключеннымъ въ природѣ, и преграждаютъ ему путь къ цѣли, далеко не на концѣ его. Останавливая на себѣ мысленный взоръ человѣка, они не допускаютъ его до непосредственной связи съ живою природою, до проникновенія въ ея сокровенное нѣдро, вмѣстилище ея самаго драгоцѣннаго достоянія. Тогда нашъ умъ, вмѣсто того, чтобы имѣть знаніе непосредственное, живое и прямо открывающее сущность предмета, блуждаетъ въ лабиринтѣ сухихъ отвлеченій разсудка, и его чахлыя формулы, лишенныя жизни и содержанія въ ихъ чисто отвлеченномъ видѣ, выдаетъ за непосредственно-вѣрныя изображенія естественной жизни природы. Нѣтъ, нужно пройти мимо и далѣе этихъ формулъ, чтобы овладѣть полнымъ и дѣйствительнымъ знаніемъ природы; нужно, не отдѣляя формулъ отвлеченныхъ отъ живыхъ явленій природы, въ то же время возводить эти явленія къ ихъ первой основѣ, заключающей въ себѣ источникъ и правило ихъ видимаго бытія. Тогда отвлеченныя разсудочныя формулы будутъ имѣть свое значеніе въ наукѣ и не повредятъ ея надлежащей полнотѣ. Иначе мы будемъ знать и изучать не природу, въ ея жизни и сущности, а міръ построеній разсудка, часто обманчивыхъ, никогда недостигающихъ до внутренней глубины своего предмета, и съ теченіемъ времени

теряющихъ свое содержаніе, данное имъ опытомъ. Въ этомъ случаѣ имя природы, такъ богатое живымъ содержаніемъ въ простомъ языкѣ, становится въ наукѣ разсудочною сухою формулою, подъ которою разумѣется совокупность отвлеченныхъ понятій о силахъ и законахъ бытія.

Допустите вѣру въ естественную науку,—она не уничтожитъ добытыхъ опытомъ и построенныхъ разсудкомъ познаній, и между тѣмъ раздвинетъ предѣлы естествознанія до надлежащихъ его граней, и сообщитъ опытнымъ истинамъ такой свѣтъ, который пробудитъ въ нихъ высшую жизнь, и откроетъ въ ихъ основѣ внутреннее зиждительное начало, сокрытое въ наукѣ, доколѣ она не переходитъ за черту разсудочныхъ категорій. Вѣра собственно и скажетъ человѣку великую истину про тайну природы. Она откроетъ ему, что такъ называемые законы природы—не объясненіе ея явленій, а только свидѣтельство премудрой силы Творца и Промыслителя вселенной, вся распоряжающаго мѣрою, числомъ и вѣсомъ, и что эта премудрая и живая сила присуща каждой части природы, по видимому, мертвой и бездушной, подчиненной узкому механизму, что она дѣлаетъ возможнымъ существованіе самыхъ законовъ или стройный ходъ явленій, и что безъ нея не было бы никакой цѣлесообразности въ жизни тварей. Она напомнитъ намъ, что естественная сила, на которую часто указываетъ наука, не кончается въ видимой природѣ, не ограничивается цѣлостнымъ сборомъ дѣйствій, отъ нея производимыхъ, а сама держится на чемъ-то высшемъ, на чемъ-то болѣе основательномъ и твердомъ, чѣмъ представляемая намъ самозаключенная мощь матеріальной природы: это движеніе Божества среди любезнаго и близкаго Ему творенія, это откровеніе Его славы, это знаменіе повсюднаго Его присутствія. Она убѣдитъ насъ, что роды и виды животныхъ и растеній не существовали бы въ такой постоянной неизмѣнной цѣлости, еслибы въ понятіи родовъ и видовъ не было вѣчно живой божественной идеи, дающей имъ дѣйствительное бытіе, т. е. если бы ихъ не хранила промышляющая объ нихъ высшая сила, недозволяющая пасть и умереть безплодно самой ничтожной птицѣ, цѣнящейся меньше

пѣнязя. Она разсѣетъ наше очарованіе простыми химическими началами: ничтожныя сами въ себѣ, эти начала не составили бы изъ себя стройнаго цѣлаго, не были бы соединены въ твердое органическое единство, если бы не было при нихъ и съ ними вѣчнаго разумнаго дѣятеля, если бы не одушевляла ихъ божественная сила. По указанію вѣры, въ природѣ видимъ мы не механическую совокупность разнородную, а единое органическое развитіе и проявленіе высшей невидимой силы, прекрасное облаченіе небесной истины, въ себѣ самой обрѣтающей источникъ жизни, и изъ себя самой, по избытку благости, распространяющейся во внѣшность.

Мы не считаемъ нужнымъ и умѣстнымъ развивать здѣсь тѣ высшія начала, въ которыхъ нуждается естествознаніе, со стороны вѣры, для полнаго обслѣдованія своего предмета. Кажется несомнѣннымъ, что они проливаютъ новый свѣтъ на природу и жизнь ея.

Многіе поклонники естественной науки могутъ съ презрѣніемъ отвернуться отъ этой несомнѣнной истины, и указать на то, что вѣра не приноситъ имъ ничего новаго, что наука не отвергаетъ ея выводовъ, но не упоминаетъ о нихъ, какъ о дѣлѣ, всѣмъ извѣстномъ; что, если сдѣлать ее главнымъ руководительнымъ началомъ въ естествознаніи, то въ содержаніи его будетъ скучная монотонность и безцвѣтное однообразіе. А между тѣмъ эта общеизвѣстность указаній вѣры есть только общеизвѣстность кажущаяся, а не дѣйствительная. Спросите любаго человѣка о началѣ и силѣ, производящей гармоническое развитіе красоты въ цвѣткѣ или растеніи, спросите о цѣли, для которой распростерты надъ нами безпредѣльныя пространства міровъ,—человѣкъ задумается, и его умъ будетъ имѣть предъ собою только темное ощущеніе. Съ другой стороны, наука обольщается, если беретъ на себя говорить только новое человѣку, совершенно незнакомое ему. Ея задача—уясненіе неяснаго; ея дѣло—раскрыть предъ человѣческимъ сознаніемъ то, что есть въ немъ, что носится предъ нимъ въ тускломъ, неизмѣренномъ образѣ. Въ этомъ отношеніи, по степени интереса для нашего сознанія, опыт-

ныя свѣденія едвали болѣе права имѣютъ на мѣсто въ наукѣ, чѣмъ слово трансцендентальнаго созерцанія или простой очищенной вѣры. Когда слово это будетъ прямо высказано и понято человѣкомъ, тогда полнѣе и шире будетъ его взглядъ, чѣмъ какимъ онъ можетъ быть безъ этого слова, при одномъ опытно-чувственномъ воззрѣніи. Тутъ нечего бояться безцвѣтной монотонности, сухой и безплодной отвлеченной общности изслѣдованія; потому что слово вѣры не уничтожаетъ опытнаго содержанія въ естествознаніи: оно остается во всей своей силѣ, во всемъ своемъ богатствѣ; значитъ разнообразіе и занимательность предмета не могутъ ни мало страдать отъ участія въ естественной наукѣ высшаго созерцанія. Даже можемъ сказать болѣе: это участіе будетъ благодѣтельно для естествознанія въ отношеніи разнообразія и жизненной занимательности: оно дастъ наукѣ новые элементы, и изъ сочетанія ихъ съ элементами знанія опытнаго, картина природы, воспроизведенная въ наукѣ, будетъ цвѣтистѣе, яснѣе и разнообразнѣе. Правда, трудно развить въ частностяхъ и показать въ движеніи разнообразія самое начало, вводимое вѣрою въ науку: вѣра какъ ко всей природѣ, такъ и къ каждому частному ея явленію можетъ относиться съ однимъ и тѣмъ же словомъ истины. Но такъ можетъ прилагать вѣру къ наукѣ только неопытная, незнакомая съ нею рука: всегда такъ бываетъ, что предметъ, стоящій вдали отъ насъ, кажется намъ безцвѣтною точкою, неимѣющею въ себѣ разнообразія. Но подойдите ближе къ нему, всмотритесь въ него,—тогда на мѣстѣ прежней точки вы увидите цѣлое тѣло, распространенное и въ ширину и въ длину, со множествомъ разныхъ принадлежностей; тогда откроется въ немъ предъ вами широкая занимательная сторона, отъ которой вы не отойдете, безъ глубокихъ и сильныхъ впечатлѣній. Такое отношеніе имѣетъ мѣсто и здѣсь по отношенію къ вѣрѣ. Что́, кажется, скажетъ она наукѣ кромѣ того, что все сдѣлалъ Богъ, да Его премудрая сила? Но сдѣлайте вѣру средоточіемъ своего сознанія, сдѣлайте ее внутреннею пружиною своихъ изслѣдованій о природѣ, введите ее въ свою жизнь, а не относитесь къ

ней только внѣшнимъ образомъ, какъ къ чему-то для васъ вовсе чуждому,—тогда она не будетъ говорить вамъ въ однихъ общихъ выраженіяхъ, тогда она раскроетъ предъ вами неисчерпаемое богатство своего содержанія, тогда при каждомъ новомъ явленіи она породитъ въ васъ новыя мысли и новыя чувствованія, тогда она, оставаясь вѣрною своимъ непремѣннымъ началамъ, постепенно будетъ вести васъ далѣе и далѣе въ храмъ истины. Если и при этомъ истина вѣры будетъ казаться отвлеченно-общею, то ужели такое представленіе можетъ дать право на исключеніе ея изъ того мѣста, которое ей безспорно должно принадлежать? Міръ идеи, неподлежащій перемѣнамъ времени, доступный созерцанію, самъ въ себѣ для насъ темнѣе, чѣмъ міръ жизни временной; развивающейся, темнѣе потому, что созерцаніе нашего ума меньше развито, чѣмъ чувство внѣшнее. Но нужно изощрять это духовное око; въ случаѣ крайности, нужно довольствоваться тѣмъ, что оно сможетъ сообщить намъ. Міровоззрѣніе новаго человѣчества, дарованное Христіанствомъ, обратило мыслящую душу отъ условной разнообразной пребываемости здѣшняго міра къ общимъ стремленіямъ, кончающимся въ неопредѣленной вѣчности. Общія стремленія духа, на которыя такъ часто указываетъ Христіанство, не должны занимать насъ меньше, чѣмъ чувственныя и матеріальныя потребности,—потому только, что они однообразны и не опредѣлены въ своей общей сферѣ, а эти слишкомъ осязательны и разнообразны. Эта осязательность можетъ зависѣть отъ случайнаго, можетъ быть, неправильнаго развитія нашей жизни. Наша преданность такимъ или другимъ влеченіямъ должна быть основываема не столько на ощутительной живости ихъ въ настоящемъ положеніи, сколько на безусловномъ ихъ достоинствѣ. Пусть мы не знаемъ, чего должны ожидать и требовать отъ вѣры по отношенію къ уясненію тайнъ жизни природы; пусть слово этой вѣры будетъ общо и мало-опредѣленно. Будемъ принимать его въ томъ видѣ, въ какомъ является оно, какой удобовмѣстимъ для нашего сознанія въ теперешнемъ положеніи. Чрезъ это наука о природѣ придетъ въ непосредственную связь съ тѣмъ воззрѣніемъ, кото-

рымъ владѣетъ человѣческая мысль, со времени Христіанства; чрезъ это она сдѣлается ясна для насъ, потому что соединится съ средоточіемъ свѣта истины. А безъ этого мы будемъ видѣть отрывокъ, который, при всей полнотѣ своей, будетъ неясенъ и неполонъ; потому что его не видно будетъ съ той точки зрѣнія, съ которой одной можно созерцать истину въ мірѣ.

Естественная наука боится вѣры, потому, что видитъ въ ней врага для основательнаго и отчетливаго знанія. Но нужно быть слишкомъ недальновиднымъ, чтобы питать въ себѣ такое лживое представленіе. Вѣдь вѣра—не темный предразсудокъ; она и не любитъ предразсудковъ, и своимъ свѣтомъ всегда разсѣеваетъ ихъ. Она не виновата, если въ ней думаютъ находить опору и защиту для себя невѣжество и безтолковая привязанность къ устарѣлымъ понятіямъ. Та не истинная вѣра, которую выставляетъ предъ собою упорное невѣжество; предразсудокъ также противенъ вѣрѣ, какъ и знанію. Истинная вѣра, являющаяся въ наукѣ, въ своей подлинной одеждѣ, неразлучная спутница знанія, даже его руководительное и часто источное начало.—Когда мы посмотримъ на себя, то увидимъ, что наше сознаніе живетъ больше вѣрою, чѣмъ знаніемъ. Предѣлы знанія, какъ собственно знанія, слишкомъ тѣсны. Знаніе простирается только на то, что у насъ передъ глазами, что непосредственно дѣйствуетъ на наше чувство. Что не подлежитъ нашему непосредственному ощущенію, что находится отъ насъ на разстояніи, за преградою, отдѣляющею его отъ нашего чувства, то уже за предѣлами знанія,—то въ области вѣры. Какъ же, послѣ этого, малъ кругъ, который мы можемъ обнимать своимъ знаніемъ! И тысячной, даже милліоной доли богатства нашего сознанія не доставляется ему знаніемъ. Даже тѣ предметы, которые когда-то мы непосредственно испытывали, въ настоящее время, когда они не при насъ, не знаніемъ оживаютъ въ нашей душѣ, а вѣрою. Память, вызывающая наши давнишнія ощущенія, въ этомъ случаѣ служитъ посредникомъ, на вѣрѣ въ котораго основывается наше представленіе видѣннаго или слышаннаго нами. Но

область жизни, подпадающая нашему непосредственному возрѣнію въ данное мгновеніе времени,—только капля, незамѣтная въ неизмѣримомъ океанѣ бытія. Ужели жъ естествознаніе захочетъ ограничиваться только тѣми предѣлами, которые можетъ обозрѣть нашъ глазъ въ извѣстную минуту? Этого, конечно, и предполагать нельзя. И мы смѣемъ напомнить каждому естествоиспытателю, гордому своимъ знаніемъ, что въ области науки онъ живетъ и успѣваетъ больше вѣрою, чѣмъ знаніемъ. Его кругозоръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ, еслибы онъ довѣрялъ только своему непосредственному знанію. Нѣтъ, онъ говоритъ не только о томъ, что̀ предъ его глазами, что̀ непосредственно дѣйствуетъ на его чувство, что̀ онъ дозналъ своимъ опытомъ, но и о томъ, о чемъ слышалъ отъ другихъ, или читалъ въ книгахъ, что̀ открыли ему, можетъ быть, его дѣды или отдаленные чужестранцы. Чѣмъ же все это держится въ его сознаніи? Конечно, вѣрою. И куда ни обратись естествоиспытатель, — безъ вѣры онъ не сдѣлаетъ и шага, въ стремленіи къ постиженію вещей. Правда, все то, что говоритъ ему опытъ другихъ, онъ можетъ дознать непосредственнымъ ощущеніемъ. Но за множествомъ предметовъ, подлежащихъ непосредственному ощущенію, опытное непосредственное дознаніе всего потребовало бы для себя слишкомъ много времени, превышающаго предѣлы жизни человѣческой, и, безъ сомнѣнія нѣтъ человѣка на землѣ, который бы могъ сказать, что онъ все, что ни знаетъ, знаетъ по опыту, а не по вѣрѣ. Естественная наука слишкомъ медленнымъ, черепашьимъ шагомъ пошла бы по пути своего развитія, еслибы ее не одушевляла крылатая вѣра. Кажется, не будетъ странности, если даже сказать, что въ распространеніи опытныхъ свѣденій больше дѣйствуетъ вѣра, чѣмъ въ сферѣ разумнаго созерцанія, гдѣ, какъ представляется съ перваго раза, «вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ.» Тутъ есть непосредственная связь между нашею сознающею силою и силою жизни, заключенною въ природѣ. Тутъ не за горами основанія, на которыхъ опирается разумная вѣра въ своихъ положеніяхъ. У насъ же есть мысль, которою мы можемъ прямо убѣждаться

во всякой истинѣ разума, входящей въ наше сознаніе. У насъ же есть внутреннее разумное чувство, которое, при достаточномъ развитіи своемъ, явственно отпечатлѣваетъ на себѣ содержаніе міра идеальнаго. Почему бы намъ менѣе довѣрять голосу этого чувства, чѣмъ свидѣтельству чувства внѣшняго? Это вина уже не природы человѣка, когда у него внутреннее разумное чувство и тупо и глухо и неправильно. При правильномъ развитіи нашей души, это чувство и живо бы воспринимало впечатлѣнія идеальнаго міра, и вѣрно бы передавало ихъ, и не было бы заглушено преимущественнымъ развитіемъ внѣшнихъ чувствъ познанія. — Значитъ, естествоиспытатель, если хочетъ винить въ слѣпотѣ и безотчетности вѣру и созерцаніе разума, то долженъ винить вмѣстѣ съ нею и свое опытное знаніе. Ему кажется, что вѣра близорука и въ потьмахъ ходитъ; а между тѣмъ вѣра то и просвѣщаетъ его, а между тѣмъ вѣра-то и разширяетъ кругъ его вѣдѣнія. Пусть опытное естествознаніе посмотритъ на себя безпристрастнымъ глазомъ: въ немъ гораздо болѣе темнаго суевѣрія, въ которомъ она думаетъ осуждать голосъ разумной вѣры. Оно покланяется идоламъ, а мечтаетъ, что у него одного истинное богопочтеніе. Если оно будетъ опредѣляться границами одного опыта, то поклонникъ его будетъ ходить только отъ Дана до Веѳиля, но никогда не увидитъ Іерусалима, и вмѣсто Бога истиннаго будетъ чтить свои рукотворенные кумиры. И что такое заключенныя въ себѣ общія понятія силъ и законовъ, такъ почитаемыя въ естественной наукѣ, если не обоготворенные пустые идолы?

Не всѣмъ естествоиспытателямъ принадлежитъ въ равной мѣрѣ упрекъ въ неправильномъ и тѣсномъ взглядѣ на свое дѣло. Въ рядахъ ихъ исторія весьма часто отмѣчаетъ такихъ людей, которыхъ взоръ проникалъ далѣе поверхности явленій. Даже лучшіе представители естественной науки всегда религіозными представленіями заканчивали свои испытанія, и голосъ вѣры, не заглушали, а очищали и возвышали богатствомъ опытныхъ знаній. Ньютонъ, величайшій изъ всѣхъ математикъ, не могъ смотрѣть на жизнь природы, безъ религіознаго, благоговѣйнаго чувства; съ рѣдкою прони-

цательностію опредѣляя законъ естественныхъ явленій, этимъ опредѣленіемъ онъ непремѣнно приходилъ къ мысли о мудрости и силѣ Законодателя. Либихъ не понимаетъ, какимъ образомъ можно довольствоваться объясненіемъ существования матеріальныхъ недѣлимостей, безъ мысли о высшемъ духовномъ животворящемъ началѣ, незримо дѣйствующемъ въ матеріи и надъ матеріею. Къ сожалѣнію, широкій взглядъ геніальныхъ созерцателей природы приходится не по натурѣ обыкновенныхъ, дюжинныхъ адептовъ естествознанія, и часто бываетъ личнымъ достояніемъ счастливо одаренныхъ и сильно развитыхъ умовъ. Мнимые послѣдователи великаго человѣка, по свидѣтельству неоднократныхъ примѣровъ, бываютъ худыми, неопытными наслѣдниками завѣщаннаго имъ богатства. Большая часть изъ нихъ упускаютъ изъ науки живую душу, внесенную въ нее геніемъ, и разбирая одинъ скелетъ ея, думаютъ, что они вполнѣ вошли во взгляды своего учителя. Другіе останавливаются на полдорогѣ: ихъ мысль не обходится безъ духовнаго начала жизни, но она не проводитъ этого начала за границы конечнаго бытія, и въ силѣ конечной, существующей только въ временныхъ явленіяхъ, видитъ незаконную самостоятельность. Нѣтъ, пусть мысль идетъ до своего послѣдняго конца. Иначе будетъ крайняя непослѣдовательность.

Слѣдствія односторонне-опытнаго направленія естественной науки, со стороны теоретической, очевидны. Она не сообщаетъ цѣлостнаго взгляда на природу, какого вправѣ ожидать отъ нея сознаніе наше: она не вводитъ насъ въ то святилище, въ которомъ хранится божественная истина, отъ вѣка положенная въ природу. Приступающій къ ней отходитъ отъ нея неудовлетвореннымъ, въ тѣхъ потребностяхъ, которыя положены въ природѣ каждаго человѣка, и которыя собственно вызываютъ нужду естествознанія. Раздробленныя отрывочныя свѣденія, какія предлагаетъ опытъ, преслѣдованія однихъ случайныхъ явленій, не наполняютъ пустоты сознанія, на мѣстѣ которой, въ глубинѣ нашего духа, долженъ существовать живой взглядъ на силу

жизни въ природѣ, весь проникнутый энергіею и глубокою симпатіею съ внутреннею сущностію бытія въ природѣ. Другое ощутительное слѣдствіе, къ которому приводитъ естествознаніе исключительно-опытное—спеціальное его направленіе, это — его замкнутость, по которой оно дѣлается недоступнымъ для публики или для большинства людей, и служитъ достояніемъ одной касты ученыхъ, нарочно посвятившихъ себя и свои силы знакомству съ какимъ нибудь отдѣломъ естествознанія (рѣдко со всѣмъ кругомъ предметовъ, составляющихъ всю полноту его.) Никто не назоветъ нормальнымъ то положеніе науки, въ которомъ она ограждена отъ свѣта стѣнами школы, или раскрываетъ свои тайны только предъ малымъ числомъ своихъ поклонниковъ. Она тогда выполняетъ свою задачу, когда дѣлается достояніемъ публики, когда изъ предѣловъ школы переходитъ въ жизнь, и, распространяя свѣтъ на всей широтѣ ея, обогащаетъ собою обще-человѣческое сознаніе, увеличиваетъ сумму свѣденій общаго здраваго смысла. Естественная наука не доросла еще до такого возраста, въ которомъ бы она обращала на себя вниманіе не одной школы, но и большинство читающей публики. А между тѣмъ каждый не менѣе можетъ интересоваться истинами естествознанія, чѣмъ истинами исторіи: природа также близка къ человѣку, какъ человѣчество и государство, и онъ не можетъ сдѣлать шагу безъ того, чтобы эта природа не открывала его сердцу своего безусловнаго сочувствія, не доставляла его уму глубокихъ вопросовъ. Между тѣмъ наука объ этомъ близкомъ для человѣка предметѣ отталкиваетъ отъ себя его вниманіе; отталкиваетъ во первыхъ своею частностію, которая, слишкомъ выдаваясь, закрываетъ и уничтожаетъ собою общій интересъ: опытъ съ своими отрывочными свѣденіями и спеціальное направленіе не даютъ и подумать естествознанію, что оно существуетъ не для однихъ спеціалистовъ;—отталкиваетъ во вторыхъ своею внѣшнею формою, изложеніемъ и развитіемъ своихъ положеній. Чтобы придать болѣе научный видъ опытнымъ показаніямъ, которыя сами въ себѣ очень просты и очевидны, обременяютъ ихъ математическими формулами, тя-

желою техникою и желѣзными категоріями; безъ этого вооруженія они не смѣютъ показаться на свѣтъ. Простой смыслъ и бѣжитъ отъ этихъ замаскированныхъ рыцарей, которыхъ заставляютъ говорить не своимъ языкомъ, которые больше пугаютъ его, чѣмъ сколько доставляютъ пользы. Такимъ образомъ естествознаніе и не роднитъ человѣка съ природою, и предоставляетъ ему самому выробатывать такой или иной взглядъ на природу.

Другая цѣль естественной науки—практическая и нравственная польза. Ужъ съ этой стороны естественная наука, кажется, имѣетъ право хвалиться предъ всѣми другими науками. Къ улучшенію житейскаго быта человѣка она дала ему въ руки множество средствъ, которыми онъ можетъ покорять себѣ непокорныя силы природы, или усиливать ихъ дѣйствіе въ свою пользу. Одинъ паръ, при помощи коего наука открыла человѣку способъ производить неимовѣрныя по прежнимъ понятіямъ чудеса, свидѣтельствуетъ о безконечной заслугѣ естествознанія для человѣчества. А фотографія, литографія, гальванопластика, телеграфы и тому подобныя приложенія къ жизни опытныхъ познаній? Быстрые успѣхи, съ какими въ послѣднее время развивается приложеніе естественныхъ познаній къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей и къ увеличенію разныхъ удобствъ жизни, даютъ поводъ думать, что съ этой стороны отъ естествознанія можно ожидать еще бо́льшаго. Но отдавая естествознанію честь за одно, мы можемъ упрекнуть его за опущеніе другаго. Естественная наука какъ будто забываетъ, что у человѣка есть духъ съ своими потребностями, и дѣйствуетъ такъ, какъ будто видитъ въ немъ одну матерію, живущую настоящими тѣлесными потребностями. Хвалясь своею пригодностію для матеріальной стороны человѣческой жизни, почему она никогда не вздумаетъ, въ какомъ она отношеніи къ сторонѣ духовной, нравственной? Человѣкъ не однимъ тѣломъ поставленъ среди природы, и его духъ здѣсь обитаетъ, и духъ долженъ находить въ природѣ пособницу къ достиженію предлежащей ему цѣли. Напоминать ему о его нравственномъ долгѣ, пробуждать и питать въ немъ возвы-

шеныя мысли, поддерживать въ немъ религіозно-нравственное настроеніе — это настолько должна дѣлать естественная наука, на сколько положено религіозныхъ началъ въ самой основѣ природы. А между тѣмъ отведенъ ли хотя малый и тѣсный уголъ въ ней для этого дѣла? Она даже гордится тѣмъ, что ничего не хочетъ имѣть въ виду, кромѣ матеріальной пользы. Кромѣ того, очень часто бываетъ, что она съ самодовольною дерзостію поднимаетъ свою голову, когда въ своемъ ложномъ увлеченіи впадаетъ въ противорѣчіе съ религіознымъ требованіемъ духа и положительными средствами его удовлетворенія. Какъ будто есть заслуга въ униженіи духа, въ подавленіи высшихъ его потребностей! Не приводя природы въ услуженіе нравственнымъ цѣлямъ человѣка, она еще удаляетъ его отъ этихъ цѣлей,—удаляетъ своимъ излишне матеріальнымъ, односторонним направленіемъ, удаляетъ своимъ общимъ настроеніемъ. Отсюда проистекаетъ то не совсѣмъ отрадное явленіе, что между естествоиспытателями рѣдко можно встрѣтить полнаго человѣка, съ неподавленными стремленіями духа. Радостно бываетъ сердцу, когда говорятъ, что такой-то человѣкъ, при всемъ занятіи естественною наукою, сохраняетъ въ себѣ религіозное настроеніе. Такое явленіе считаютъ нужнымъ замѣчать, какъ исключеніе изъ общаго правила. Большая часть адептовъ естествознанія, погрузившись въ сухой опытъ, до того изсушаетъ свое сердце, до того покоряетъ духъ осязательнымъ потребностямъ внѣшняго чувства, что не понимаетъ религіозныхъ движеній духа, и стыдится ихъ, какъ чего-то неестественнаго, низшаго ихъ. Какъ будто низко для кого бы то ни было показывать въ себѣ сохраненнымъ самое дорогое достояніе духа — святое чувство Божественнаго. Дѣло изсушенія души отъ односторонняго развитія естествознанія начинается разладомъ между чувствомъ и холоднымъ сознаніемъ. Живое, неиспорченное чувство человѣческое сотрясается симпатіею, восторгомъ и благоговѣніемъ или сладкимъ трепетомъ при видѣ разнообразныхъ явленій жизни. Обращаясь къ живой природѣ, оно не останавливается на условныхъ формахъ, установленныхъ наукою, но погружается въ бездну Боже-

ственнаго, и въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ, находитъ для себя успокоивающее живительное начало. Когда холодный анализъ пристрастнаго къ опыту разсудка начнетъ подводить все подъ категоріи, когда онъ своимъ анатомическимъ ножомъ станетъ разрѣзывать отдѣльные члены таинственнаго организма вселенной, онъ обольщается первыми открытіями на этомъ поприщѣ, и начинаетъ нашептывать чувству, что его движеніе при томъ или другомъ явленіи — простой обманъ, происходящій отъ непониманія вещей. Чувство не вдругъ подаётся лживому напѣву разсудка, и, не смотря на всѣ его запрещенія, невольно трепещетъ при видѣ поражающихъ явленій въ природѣ, когда на примѣръ бушуютъ ураганы; трясется земля, гремятъ грозные, непрерывные раскаты грома. Отъ такого трепета не освобождается иногда и человѣкъ, закаленный въ суровомъ скептицизмѣ разсудка. А между тѣмъ онъ не хочетъ придавать ему никакого значенія, и готовъ видѣть въ немъ остатокъ дѣйствія привычки или предразсудочнаго воспитанія. Частымъ пренебреженіемъ этого голоса чувства разсудокъ доводитъ его до усыпленія, дѣлаясь главною пружиною душевныхъ настроеній. Если и бываютъ иногда счастливыя минуты, когда чувство, забывъ свое несчастное подавленное положеніе, подниметъ свой голосъ, то это рѣдкія исключенія, вытекающія изъ обыкновеннаго круга жизни, несостоящія въ связи съ общимъ душевнымъ настроеніемъ, и безслѣдно изчезающія въ невозвратимыхъ случайностяхъ прошедшаго. Душа, порабощенная незаконной тираніей разсудка, не смѣетъ склонить своего вниманія къ неправедно-униженному властелину жизни — сердцу съ его религіознымъ чувствомъ.

Въ слѣдствіе такихъ-то обстоятельствъ научная мудрость становится хуже неученой простоты, въ нравственномъ отношеніи; душа не знающаго естественной науки простолюдина полнѣе и живѣе обнимаетъ окружающую его природу, чѣмъ сухая душа записнаго адепта науки, и отъ того самаго больше получаетъ отъ нея пищи для своего нравственнаго воспитанія. Наука, неправильно развитая, мертвитъ душу, она какъ будто отлучаетъ человѣка отъ природы, въ ея

жизни и сущности, погружая всего человѣка въ ея частныя случайности; она не развиваетъ живаго сочувствія природѣ въ человѣкѣ, но напротивъ заграждаетъ его духу путь къ ея чувству. Нравственная сила, какая заключена въ природѣ, и какую человѣкъ долженъ почерпать изъ нея, для науки сокрыта семью печатями, и остается неизвѣстною ея поклонникамъ. Но для человѣка простаго все въ природѣ полно тайнъ премудрости Божіей; его чувство тотчасъ сотрясается при первомъ прикосновеніи съ явленіемъ жизни въ природѣ; высокая мысль тѣснится въ его ограниченное сознаніе. Огкрывается его душа, и Самъ Богъ изъ святилища природы показываетъ ей свою чудодѣйствующую руку. Изъ видимыхъ явленій отдѣляется невидимая сила, и поражаетъ сладкимъ благоговѣніемъ живую душу. При раскатахъ грома, при блескѣ молніи невольно крестится простой человѣкъ; грозное явленіе тотчасъ вызываетъ изъ глубины его души множество, хотя неясныхъ, но отрадныхъ и успокоительныхъ религіозныхъ помышленій. Человѣкъ, вооруженный научнымъ знаніемъ, при подобныхъ явленіяхъ, сохраняетъ апатическую холодность, и хвалясь этою апатическою холодностію, считаетъ за невѣжественное суевѣріе нѣмое проявленіе религіознаго чувства простолюдина. Хотя мы и отдаемъ цѣну этому холодному знанію, но не хотимъ остаться на его сторонѣ съ его мертвою апатіею; потому что на противоположной сторонѣ голосъ совѣсти,—здѣсь успокоенное чувство, въ самомъ себѣ носящее доказательство своей правды, и награду за свою истинность. Намъ не нужно знать науки, въ томъ видѣ, въ которомъ она изгоняетъ изъ природы всю поэзію жизни, разрушаетъ все ея очарованіе. Лучше остаться въ суевѣрномъ почитаніи природы, чѣмъ впасть въ безбожное пренебреженіе ея силы и мысли. Пусть наука не проповѣдуетъ, что подъ холодомъ ея разсудочнаго анализа скрывается разумная, очищенная любовь. Если эта любовь не проявляется въ трепетномъ біеніи сердца, если она существуетъ на словахъ и не побуждаетъ ни къ какимъ нравственнымъ дѣйствіямъ, то эта любовь одна маска, подъ которою скрыта мертвая бездушная апатія.

Въ этомъ нравственномъ отношеніи скудное естествознаніе древнихъ было ближе къ цѣли, чѣмъ наше богатое, развившееся до неимовѣрныхъ предѣловъ. Много суевѣрія было въ естествознаніи древнихъ, когда оно неразрывно соединено было съ религіозною миѳологіею. Но отбрасывая этотъ миѳологическій характеръ, по которому не досягали до идеи Божества, лежащей далѣе природы, но оставались на распутіи къ ней, и обращая вниманіе на дѣйствіе древняго міровоззрѣнія на сердца людей, мы должны признать за нимъ нравственное превосходство. Куда ни обращался древній человѣкъ въ природѣ, предъ его взорами всегда было величіе божественной силы; каждая часть вселенной была жилищемъ живаго частнаго бога. Предъ судомъ Божіимъ, предъ судомъ разума ложно было обоготвореніе природы съ ея силами: тутъ нужно было видѣть только проявленіе единой невидимой силы. Но когда жива была эта языческая вѣра въ обоготворенную природу, когда она еще не сдѣлалась холоднымъ, отжившимъ свой вѣкъ, символомъ, человѣкъ въ созерцаніи природы получалъ много пищи для своего высшаго, религіознаго чувства, много побужденія и ободренія для нравственныхъ подвиговъ. Человѣкъ не могъ, безъ всякаго движенія чувства, представлять себѣ громовержца и тучегонителя Юпитера, какъ можемъ представлять мы пустое понятіе электричества. Отраднѣе и нравственнѣе видѣть въ бурѣ среди моря гнѣвъ Нептуна или Посидона, чѣмъ успокоиваться на представленіи случайнаго движенія воздуха, условливаемаго другими дальнѣйшими естественными причинами. Лучше съ молитвою обращаться къ Церерѣ, чѣмъ просто ввѣрять зерно землѣ съ надеждою на свое искусство, насилующее производительныя силы природы. Больше жизни въ душѣ, когда, что ни шагъ въ природѣ, то чрезъ него—высшее свободное существо. Успокоителенъ и благотворенъ тотъ взглядъ, по которому не неразумный случай управляетъ законами и дѣйствіями силъ природы, но непосредственно имъ присущая высшая сила. Настоящее естествознаніе изгнало и живыхъ боговъ изъ природы, но не умѣло найти въ ней Бога не-

стиннаго; отвергнувъ суевѣріе, она впала въ сухое, мертвое невѣріе. Въ этомъ видѣ наука закрываетъ Бога отъ сердца человѣка, и потому въ сердцѣ научнаго педанта при взглядѣ на природу не рождается ни религіозныхъ возвышенныхъ мыслей, ни нравственныхъ желаній, ни благородныхъ возбужденій къ дѣлу своего призванія.

Вмѣсто того, чтобы питать душу нравственною силою, такая наука мертвитъ нравственную сторону, и совершенно забываетъ ее изъ-за стороны матеріальной.

В. Пѣвницкій.

Кіевъ

КРЕСТЬЯНЕ НА РУСИ.

(ПЕРВОЕ ВРЕМЯ)

Крестьяне во время Судебниковъ.

Судебники 1497 и 1550 годовъ въ сущности не измѣнили ни отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и къ землѣ, ни ихъ значенія какъ членовъ общества; крестьяне и по Судебникамъ признаны свободными людьми, сидящими или на своихъ или на общинныхъ или на владѣльческихъ земляхъ, даже по прежнему и по Судебникамъ признанъ законнымъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день осенній. Но Судебники съ одной стороны скрѣпили и опредѣлили положительнымъ закономъ верховной власти то, что уже прежде было утверждено обычаемъ; а съ другой стороны—постепенное развитіе государства съ утвержденіемъ единодержавія и съ уничтоженіемъ удѣльнаго разновластія, многое измѣняя или усовершенствуя въ общественномъ устройствѣ, естественно не могло миновать и крестьянства. И ежели не много новостей и измѣненій досталось по Судебникамъ и послѣдующимъ законодательнымъ памятникамъ на долю крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, многое при столкновеніи съ общими нововведеніями сдѣлалось болѣе яснымъ и опредѣленнымъ. А что всего важнѣе Судебники и послѣдующее законодательство прямо свидѣтельствуютъ, что крестьяне, какъ свободные члены Русскаго общества получили на свою долю тѣ же самыя права и то же участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какія достались и прочимъ классамъ общества. Новые законы одинаково легли и на крестьянъ, какъ и на другіе классы, а это прямо указываетъ, что и прежде до Судебниковъ права

крестьянъ также были широки, какъ широки они явились по Судебникамъ. Ибо извѣстно, что Судебники имѣли въ виду большею частію не введеніе новыхъ законовъ, а преимущественно утвержденіе верховною властію старыхъ обычаевъ, выработанныхъ жизнію Русскаго общества. Государи Московскіе, съ утвержденіемъ единовластія, стремились только къ тому, чтобы по всей Россіи все истекало изъ ихъ власти; а посему естественно для нихъ, прежде всего нужно было подтвердить своею властію, своимъ закономъ то, что уже прежде выработалось въ жизни. Лучшимъ сему доказательствомъ въ отношеніи къ крестьянамъ служатъ самые законы Судебниковъ; ими вообще только подтверждается то, что уже существовало прежде, и что уже мы большею частію видѣли, разсматривая значеніе права и обязанности крестьянъ въ XIV и XV столѣтіяхъ; только все это въ Судебникахъ излагается яснѣе и опредѣленнѣе и отъ имени верховной власти, и не какъ мѣстная особенность, какъ бы можно было подумать по прежнимъ грамотамъ, а какъ общій законъ для всей Россіи.

Первый важный законъ Судебниковъ, законъ свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую, есть ни что иное, какъ подтвержденіе прежнихъ законовъ о томъ же предметѣ; даже срокъ перехода, — Юрьевъ день осенній, также прежній. «А крестьяномъ, говоритъ Судебникъ, отказыватися изъ волости въ волость, и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю Юрьева дни осеннего, и недѣля послѣ Юрьева дни осеннего.» Даже видимая новость Судебника,—платежъ за пожилое, въ сущности не была новостію, ибо и прежде крестьянинъ, какъ мы уже видѣли, не могъ отойти отъ землевладѣльца, не разсчитавшись съ нимъ; Судебникъ здѣсь только опредѣлилъ общій порядокъ и установилъ цѣну за пожилое: «Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А который крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ, да пойдетъ прочь; и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ, да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три года поживетъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ.» Таковаго

общаго опредѣленія и общей цѣны пожилаго мы прежде не видали; вѣроятно этого прежде и не было; каждый разсчитывался по взаимному условію съ землевладѣльцемъ, и, конечно, здѣсь при неопредѣленности условій не обходилось дѣло безъ споровъ и обидъ, на что мы уже и видѣли указанія въ Псковской грамотѣ. А посему Судебникъ 1497 года назначеніемъ общей цѣны пожилаго имѣлъ въ виду только возможное устраненіе споровъ и обидъ. Но очевидно цѣна перваго Судебника скоро оказалась недостаточною и самое опредѣленіе порядка при платежѣ не полнымъ. По сему въ Судебникѣ 1550 года является уже новая цѣна пожилаго и болѣе полное опредѣленіе порядка при платежѣ: «а дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль два алтына, а въ лѣсѣхъ, гдѣ десять верстъ до хоромнаго лѣсу, за дворъ полтина да два алтына. А пожилое имати съ воротъ, а за повозъ имати съ двора по два алтына; а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ.» Здѣсь Судебникъ 1550 года прибавилъ къ цѣнѣ пожилаго два алтына, и сдѣлалъ два новыя опредѣленія: 1-е, что лѣсною мѣстностію считать ту, гдѣ до строеваго лѣса не далѣе 10 верстъ, и 2-е, чтобы пожилое брать съ воротъ, т. е. съ полнаго двора, а не съ каждаго строенія на дворѣ. И кромѣ того новый законъ прибавилъ къ пожилому еще плату за повозъ, и заключилъ свое опредѣленіе платежа словами: «а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ»; т. е. что всѣ разсчеты переходящаго крестьянина съ господиномъ должны ограничиваться только платежомъ за дворъ и повозъ. Такимъ образомъ новый законъ, не уничтожая прежняго, а напротивъ, подтверждая его, съ тѣмъ вмѣстѣ своими, болѣе полными, опредѣленіями, облегчалъ крестьянину пользованіе правомъ перехода.

Во 2-хъ, Судебники для облегченія перехода крестьянъ съ одной земли на другую, строго отдѣляютъ поземельныя отношенія крестьянина къ землевладѣльцу отъ другихъ отношеній между ними. Въ обоихъ Судебникахъ въ статьѣ о крестьянскомъ переходѣ говорится только о платежѣ за пожилое и за повозъ; Царскій Судебникъ даже прямо говоритъ, что, кромѣ пожилаго и за повозъ, другихъ пошлинъ нѣтъ; т. е. для свободнаго перехода крестьянъ не требуется

никакихъ разсчетовъ съ господиномъ, кромѣ двухъ пошлинъ, опредѣленныхъ закономъ за пожилое и за повозъ, и что господинъ не имѣетъ никакого права удерживать крестьянина заплатившаго этѣ двѣ пошлины. Этотъ законъ совершенная новость; до Судебниковъ это дѣлалось не такъ; тогда крестьянинъ, оставляя землю господина, долженъ былъ сдѣлать разсчетъ не только въ пожиломъ и повозѣ, но и въ ссудѣ, и во всемъ, что онъ получилъ отъ господина, даже раздѣлить пополамъ весь доходъ полученный съ земли, какъ сказано въ Псковской грамотѣ; безъ таковаго полнаго разсчета крестьянинъ въ прежнее время не могъ отойти отъ господина. Конечно, мы не можемъ предполагать, чтобы во время Судебниковъ крестьяне не получали отъ господъ ссуды,—это опровергаютъ всѣ памятники, современные Судебникамъ. Слѣдовательно, здѣсь были другія причины умолчанія о ссудѣ и раздѣлѣ доходовъ. Причина неупоминанія о раздѣлѣ доходовъ, кажется, заключалась въ измѣненіи хозяйственнаго порядка у землевладѣльцевъ, т. е. въ распространеніи оброковъ и барщинскихъ работъ на счетъ изполовья, что и доказывается писцовыми книгами и другими памятниками современными Судебникамъ, въ которыхъ большею частію, вмѣсто изполовничества, изчисляются другіе доходы съ земель, находящихся за крестьянами. Такъ напримѣръ, въ переписной окладной книгѣ 1500 года по Новгороду, обыкновенно изчисляются доходы деньгами и разными произведеніями (1). А при таковомъ порядкѣ хозяйства разсчетъ крестьянина съ господиномъ былъ не при переходѣ крестьянина, а при окончаніи работъ. Относительно же разсчета въ ссудѣ Судебники отдѣлили этотъ разсчетъ, какъ особый юридическій актъ, совершенно отличный и независимый отъ

---

(1) Въ книгѣ напримѣръ, сказано: «За Яковомъ за Захарьичемъ деревня Логинцово. (е) Стехно Олферовъ, (е) Трофимко да Онанько Андреѣвы, (е) Петрушка Матвѣевъ; сѣютъ ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 80 копенъ, три обжи. А стараго доходу шло денегъ гривна, боранъ, полоть мяса, куря, бочка пива, овчина, семь локоть полотна, а изъ хлѣба четь; а ключнику деньга, бочка пива, блюдо масла, три горсти льну. А новаго доходу пять гривенъ безъ трехъ денегъ, а изъ хлѣба четь; а ключнику 6 денегъ, три горсти льну.» (Времен. № 11, стр. 261).

принятія крестьяниномъ господской земли. Господинъ могъ дать ссуду и безъ земли; слѣдовательно, и иски по ссудамъ должно отдѣлять отъ поземельныхъ разсчетовъ. По Судебникамъ ссуда давалась по кабаламъ и ссуднымъ записямъ, а по сему и искать ссуды должно было по симъ документамъ мимо поземельныхъ разсчетовъ.

Въ 3-хъ, облегчая разсчеты крестьянина съ землевладѣльцемъ, Судебники въ то же время строго наблюдаютъ, чтобы при крестьянскихъ переходахъ не пропадали казенныя подати. По Судебнику 1550 года, крестьянинъ даже отходя отъ землевладѣльца и освобождаясь отъ господскихъ работъ, тѣмъ не менѣе не переставалъ платить государевыхъ податей съ оставленной имъ земли до тѣхъ поръ, пока не сниметъ съ этой земли своего хлѣба: «а останется у котораго крестьянина хлѣбъ въ земли, и какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, и онъ съ того хлѣба съ стоячаго дастъ боранъ два алтына (заплатитъ господину наемъ за занятую хлѣбомъ землю). А по кои мѣста была рожъ его въ земли, и онъ подать цареву и великаго князя платитъ со ржи, а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати.» Мало этого Судебникъ строго взыскиваетъ казенныя подати даже съ крестьянина продавшагося въ полные холопи (рабы), пока его хлѣбъ (посѣянный въ свободномъ состояніи крестьянина) стоитъ въ полѣ, или въ противномъ случаѣ хлѣбъ сей отбирается въ казну: «А который крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи. А который хлѣбъ его останется въ земли, и онъ съ того хлѣба подать цареву и великаго князя платитъ; а не похочетъ подати платити и онъ своего хлѣба земленаго лишенъ» (ст. 88). Между тѣмъ, какъ крестьянинъ, продаваясь въ холопи, не только могъ сдѣлать это безсрочно, но по закону даже ничего не платилъ прежнему господину за пожилое: «а въ полную въ холопи онъ выйдетъ безсрочно, и пожилаго съ него нѣтъ.» Здѣсь законъ ясно отличаетъ частныя, гражданскія отношенія крестьянъ отъ ихъ же отношеній государственныхъ. Судебникъ не снимаетъ съ крестьянина воли записываться въ холопи, но требуетъ, чтобы онъ напередъ исполнилъ лежавшія

на немъ общественныя обязанности по званію свободнаго члена Русскаго общества.

Въ 4-хъ, Судебникъ не снимая съ крестьянина воли записываться въ холопи, въ то же время ограждаетъ его отъ холопства, ежели онъ не хочетъ принять его. Такъ по Русской Правдѣ въ старое время закупъ обращался въ обѣльнаго раба, ежели господинъ выручитъ его, т. е. заплатитъ за него всѣ судебные иски по татьбѣ или другому преступленію. По царскому Судебнику напротивъ выкупленный господиномъ въ судебномъ искѣ крестьянинъ оставался свободнымъ, и не лишался права переходить къ другому господину. «А уловятъ котораго крестьянина на полѣ, въ разбоѣ или въ иномъ которомъ лихомъ дѣлѣ; и дадутъ того крестьянина за государя его, за кѣмъ живетъ; или выручитъ его государь тотъ, за кѣмъ живетъ; и пойдетъ тотъ крестьянинъ изъ-за него вонъ, и то его выпустити. А на откащика въ томъ дѣлѣ взяти порука съ записью: попытаютъ того крестьянина на томъ его государѣ, за кѣмъ жилъ, въ иномъ въ каковѣ дѣлѣ, и онъ бы былъ въ лицѣхъ.» Но этотъ законъ Царскаго Судебника по всему вѣроятію не былъ новостію, а только представляетъ подтвержденіе и болѣе ясное опредѣленіе правъ крестьянина уже существовавшихъ въ жизни Русскаго общества; ибо мы уже по Псковской судной грамотѣ не замѣчаемъ подтвержденія закона Русской Правды объ обращеніи крестьянина въ рабство въ подобномъ случаѣ, да и вообще таковое обращеніе въ рабство было уже несогласно съ состояніемъ и значеніемъ крестьянъ, какъ мы ихъ видѣли по памятникамъ XIV и XV столѣтій: крестьяне давно уже вышли изъ того положенія, въ которомъ они были во времена Русской Правды.

Въ 5-хъ, Царскій Судебникъ согласно съ прежними узаконеніями и обычаями признаетъ крестьянскую общину, и не только признаетъ ее, но и утверждаетъ за нею разныя права и преимущества, одинаковыя съ правами и преимуществами другихъ общинъ. Конечно, это не было совершенною новостію для крестьянскихъ общинъ, и ихъ изконное значеніе въ Русскомъ обществѣ малымъ чѣмъ измѣнилось по законамъ Судебника; но здѣсь важно то, что обычное право

общинъ по Судебнику вошло въ положительное законодательство и получило гласное утвержденіе отъ верховной власти, тогда какъ прежде верховная власть только не противорѣчила обычаю. По Царскому Судебнику намѣстники, волостели и всѣ другіе правители, назначаемые государемъ въ города и волости, не могли судить суда безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей общины: «А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ; и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людемъ.» Здѣсь законъ явно подтверждаетъ и формулируетъ древній обычай, что судъ не могъ быть безъ судныхъ мужей, выборныхъ отъ общины. Форма, въ которой Судебникъ требуетъ непремѣннаго присутствія лучшихъ людей на судѣ, не исключаетъ и не полагаетъ различія между общинами крестьянъ живущихъ на собственныхъ земляхъ, на общинныхъ и на владѣльческихъ; слѣдовательно, и крестьяне владѣльческіе отъ своихъ общинъ посылали своихъ выборныхъ людей для присутствія на судѣ волостеля или намѣстника. Кромѣ того каждая община или волость, чья бы она ни была, по Судебнику должна была имѣть не только своихъ выборныхъ людей и старостъ на судѣ; но и своего земскаго дьяка, который писалъ на судѣ дѣла своихъ волостныхъ людей: «А лучится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ или передъ волостелемъ или передъ ихъ тіуны искати или отвѣчати; и въ судѣ быти у намѣстниковъ и волостелей и у ихъ тіуновъ, тѣхъ волостей старостамъ и цѣловальникамъ, изъ которыя волости кто ищетъ или отвѣчаетъ; а судныя дѣла писати земскому дьяку тое жъ волости.» (стат. 68). Списокъ суда, писанный дьякомъ земскимъ, обыкновенно подписывался старостами и цѣловальниками, и послѣ подписи отдавался намѣстнику или волостелю или вообще судьѣ отъ правительства, который съ своей стороны отдавалъ копію съ сего списка за своею печатью выборнымъ судьямъ: «А судныя дѣла писати у намѣстниковъ и ихъ тіуновъ земскимъ дьякамъ, а дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣламъ руки свои прикладывати. А противни съ тѣхъ судныхъ дѣлъ слово въ слово, писати намѣстничимъ дьякамъ, а намѣстни-

камъ къ тѣмъ противнемъ печати свои прикладывати. Да тѣхъ судныхъ дѣлъ записку, земскаго дьяка руку съ дворскою и старостиною и цѣловальниковыми руками, намѣстникомъ имати къ себѣ, а противни тѣхъ дѣлъ намѣстникамъ, дьяковъ своихъ руку, съ своими печатьми давати дворскому да старостѣ и цѣловальникамъ.» (ст. 62). Крестьянская община точно также, какъ и городская по Судебнику признавалась первою защитницею своихъ членовъ. Намѣстничьи и волостелины люди ни по суду ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія общинныхъ выборныхъ начальниковъ, старостъ и цѣловальниковъ, или въ противномъ случаѣ подвергались пени. «А кого намѣстничьи или волостелины люди учнутъ давати отъ кого на поруку, до суда или послѣ суда; и намѣстничимъ и волостилиным людемъ тѣхъ людей въ волости являти старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ и волостелей и ихъ тіуновъ въ судѣ сидятъ; а не явя тѣхъ людей, по комъ поруки не будетъ, намѣстничимъ и волостелинымъ людемъ къ себѣ не сводити и у себя ихъ не ковати. А кого намѣстничи и волостелины люди, не явя старостѣ и цѣловальникамъ къ себѣ сведутъ, да у собя его скуютъ; и кто тѣмъ людемъ родъ и племя придутъ на намѣстничихъ и волостелиныхъ людей къ старостѣ и цѣловальникамъ о томъ бити челомъ и являти. И старостѣ и цѣловальникамъ у намѣстничихъ и волостелиныхъ людей тѣхъ людей выимати; и кого у намѣстничихъ и волостелиныхъ людей выймутъ скована, а имъ не явлено; ино на намѣстничѣ или волостелинѣ человѣкѣ взяти того человѣка безчестье, посмотря по человѣку. А чего тотъ на намѣстничѣ или волостелинѣ человѣкѣ взыщетъ; и тотъ искъ взяти на немъ вдвое.» (ст. 70). Но и здѣсь Судебникъ не вводилъ новаго, а только узаконялъ старое; подобное учрежденіе мы встрѣчаемъ еще до Судебника 1550 года; въ жалованной грамотѣ Чухломскому монастырю, данной въ 1518 году, В. К. Василій Ивановичь пишетъ: «А коли изъ Галича намѣстничи недѣльщики пріѣдутъ убитые головы осматривати; и они осматриваютъ съ старостою волостнымъ, да съ нимъ лучшихъ людей человѣкъ десять; а по волости намѣстничимъ недѣльщикамъ самимъ не ѣздити, а безъ ста-

росты и безъ лучшихъ людей недѣльщику убитые головы не осматривати, и на поруки крестьянъ не давати» (Акт. Ист. Т. I, № 125). Отсюда ясно, что крестьянская община, на чьей бы землѣ она ни жила, и до Царскаго Судебника признавалась прямою защитницею своихъ членовъ. Относительно крестьянской общины Царскій Судебникъ, кажется, ввелъ только одну новость, — земскихъ волостныхъ дьяковъ; допрежде мы ихъ не встрѣчали,—о нихъ не упоминается даже въ Судебникѣ 1497 года.

Такимъ образомъ по Судебникамъ были утверждены всѣ прежнія права крестьянъ; крестьяне по прежнему всѣ признаны свободными членами Русскаго общества, безъ всякаго различія на какихъ бы земляхъ они ни жили; мѣстожительство по прежнему осталось чисто-частнымъ гражданскимъ отношеніемъ крестьянъ и въ сущности не измѣняло ихъ общественныхъ отношеній. Всѣ крестьяне безъ различія составляютъ одинъ опредѣленный классъ Русскаго общества; и Судебники не представляютъ и намековъ на различіе между крестьянами живущими на своихъ или общинныхъ земляхъ, и между крестьянами на земляхъ владѣльческихъ. Самое устройство крестьянскихъ общинъ у тѣхъ и другихъ крестьянъ получило одинакую форму; мало этого крестьянскія общины по Судебникамъ ни сколько не отличены отъ общинъ городскихъ; и въ тѣхъ и другихъ одни и тѣ же права и обязанности, одинакіе выборные начальники и одинакое значеніе. Въ городскихъ общинахъ были выборные старосты, цѣловальники и земскіе дьяки, и такіе же старосты, цѣловальники и земскіе дьяки были и въ крестьянскихъ волостныхъ общинахъ; въ города присылались отъ правительства намѣстники, и въ волости волостели; у намѣстниковъ въ судѣ участвовали выборные старосты и цѣловальники изъ городскихъ общинъ, и у волостелей также присутствовали на судѣ выборные старосты и цѣловальники крестьянскихъ общинъ; городскія общины защищали своихъ членовъ и дѣлали между ними раскладки казенныхъ податей и повинностей; и на крестьянскихъ волостныхъ общинахъ лежали тѣ же права и обязанности. Городскія общины по Судебникамъ имѣли надзоръ за своими членами при

посредствѣ выборныхъ сотскихъ и десятскихъ; то же самое было и въ общинахъ волостныхъ крестьянскихъ. Вообще по Судебникамъ согласно съ прежними исконными обычаями устройство городскихъ и сельскихъ волостныхъ общинъ было одинаково, и жительство крестьянъ на общинныхъ или на владѣльческихъ земляхъ здѣсь не полагало никакого различія. Землевладѣльцы вообще не касались общественныхъ отношеній крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ. Крестьяне, при свободномъ переходѣ съ владѣльческихъ земель на общинныя, и съ волостныхъ на городскія и на оборотъ, естественно не могли утратить своего общаго характера. А свободный переходъ крестьянъ Судебники даже во многомъ облегчили, отдѣливши отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по ссудамъ отъ отношеній по землѣ, и яснѣе опредѣливши поземельныя отношенія.

Вообще конецъ XV вѣка и почти весь XVI вѣкъ были временемъ самаго полнаго развитія крестьянскихъ общинъ; все выработаное прежнею жизнію для крестьянскихъ общинъ теперь получило полное утвержденіе и опредѣленіе. Не только Судебники, но и всѣ современные имъ памятники ясно свидѣтельствуютъ, что грозные государи Московскіе Іоаннъ III и Іоаннъ IV-й были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ, и особенно царь Иванъ Васильевичь постоянно стремился къ тому, чтобы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и согласно съ исконными Русскими обычаями имѣли одинаковыя права съ прочими классами Русскаго общества. Это мы частію уже видѣли въ его Судебникѣ; но еще яснѣе увидимъ въ послѣдующихъ разпоряженіяхъ сего государя и въ разныхъ памянникахъ его времени, въ которыхъ особенно выступаетъ впередъ крестьянская община, съ которой мы и начнемъ.

Крестьянская община въ XVI столѣтіи.

Крестьянская община, это исконное Русское учрежденіе, въ XVI вѣкѣ не только получило полное, закономъ скрѣпленное утвержденіе своихъ обычныхъ правъ, но даже въ иныхъ

случаяхъ законъ старался поддержать и возстановить то, что нѣкоторыя общины съ теченіемъ времени въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ начинали утрачивать. Такъ Судебникъ 1497 года потребовалъ, чтобы на судѣ намѣстниковъ непремѣнно присутствовали дворскіе, старосты и лучшіе люди отъ волостей, т. е. отъ крестьянскихъ общинъ; потомъ царскій Судебникъ обратилъ лучшихъ людей, присутствующихъ на судѣ, въ цѣловальниковъ, т. е. узаконилъ, чтобы для присутствія на судѣ общины напередъ выбирали нѣсколько лучшихъ людей и приводили ихъ къ присягѣ. Далѣе тотъ же Судебникъ поставилъ непремѣннымъ закономъ, чтобы во всѣхъ волостяхъ непремѣнно были старосты и цѣловальники: « А въ которыхъ волостяхъ напередъ сего старостъ и цѣловальниковъ не было; и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловальникомъ. » (ст. 68.) Мы уже видѣли, что изкони на Руси всѣ волости имѣли своихъ старостъ, и на судахъ присутствовали судные мужи. Но съ одной стороны намѣстники и волостели иногда дозволяли себѣ право суда и безъ судныхъ мужей, а съ другой стороны иные сильные и богатые землевладѣльцы, для бо̀льшаго развитія своей власти надъ крестьянами, старались обходиться безъ выборныхъ дворскихъ и старостъ, замѣняя ихъ своими тіунами и ключниками. На что, кажется, между прочимъ и жаловался царь Иванъ Васильевичь, говоря Московскому собору 1556 года что старые обычаи на Руси поизшаталися (1).

Утвердивши выборныхъ властей закономъ, царь Иванъ Васильевичь тѣмъ самымъ далъ крестьянскимъ общинамъ новую силу, какъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ, такъ и въ отношеніи къ правительству. Хотя иные землевладѣльцы и въ XVI столѣтіи получали разныя привилегіи и даже право суда надъ крестьянами живущими на ихъ земляхъ;

---

(1) Да и дѣйствительно мы имѣемъ жалобы тогдашнихъ земскихъ людей, что намѣстники иные не дозволяли присутствовать на своемъ судѣ судным мужамъ. Такъ въ 1542 году Керетчане и Ковдяне жаловались Государю, что Государевы даньщики и слободчики судятъ ихъ не по суду, а земскимъ людямъ лутчимъ и середнимъ на судѣ быти у себя не велятъ, да въ томъ земскимъ людямъ чинятъ продажи великія. (А. Ар. Э. Т. I. № 196.).

но привилегіи и право суда землевладѣльцевъ не могли уже уничтожить утвержденныхъ закономъ правъ крестьянской общины. На судѣ землевладѣльцевъ, также какъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей присутствовали выборные отъ крестьянской общины. Землевладѣлецъ безъ нихъ не могъ открыть своего суда, какъ прямо свидѣльствуютъ уставныя грамоты, Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева, данная въ 1561 году, и патріарха Іова Новинскому монастырю, данная въ 1590 году, изъ коихъ въ первой сказано: «судити прикащику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику да крестьяномъ пятьма или шестма добрымъ и среднимъ.» (А. Ар. Эк. Т. I. № 258). А другая гласитъ: «а взыщетъ крестьянинъ на крестьянинѣ передъ игуменомъ и передъ соборными старцы, или передъ прикащикомъ, городскіе и сельскіе; и у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣти въ судѣ слободскимъ крестьянамъ лучшимъ людямъ двѣма или трема, кого слобожане излюбятъ. А у прикащиковъ въ тѣхъ селѣхъ сидѣти въ судѣ сельскимъ лучшимъ людямъ тремъ или четыремъ человѣкомъ, кого селчане излюбятъ.» (Времен. № 2). Мало этого: посланные отъ землевладѣльцевъ и ихъ судей не могли взять крестьянина къ суду, не явивши о томъ общинѣ и ея выборнымъ. Такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ Сумской волости въ 1564 году, сказано. «А посылати вѣсть биричу Сумскому къ десятскимъ, а кого пошлетъ, и тому велѣти явитися прикащику, да священнику, да волощанину, спору для, да десятскому дѣло свое сказати, по что пришелъ, а по деревнямъ биричу Сумскому вѣсти не посылати.» (А. А. Э. Т. I. № 269.). Далѣе, крестьянскія общины на владѣльческихъ земляхъ, съ согласія своихъ владѣльцевъ и мимо ихъ, могли просить о дозволеніи выбирать своихъ судей и судиться при ихъ посредствѣ даже въ уголовныхъ дѣлахъ, безъ участія землевладѣльцевъ, и получали отъ правительства дозволеніе. Такъ въ губномъ наказѣ селамъ Кириловскаго монастыря (1549 года) Царь пишетъ: «пожаловалъ есми Кирилова монастыря села, село Романовское, село Товское... старостъ и сотскихъ и десятскихъ и всѣхъ крестьянъ Кирилова монастыря селъ, по ихъ челобитью велѣлъ есми у нихъ

быти въ разбойныхъ дѣлѣхъ въ губныхъ старостахъ въ выборныхъ головахъ дѣтемъ боярскимъ Терентью Матвѣеву сыну Монастырева, да Давыду Григорьеву сыну Сапогова, да съ ними цѣловальникамъ тѣхъ же селъ крестьянамъ, Митѣ Иванову сыну Толстоухову.... и имъ свѣстяся за одинъ обыскивати про лихихъ людей, и обыскавъ разбойниковъ казнить смертію.» (ibid. № 294). Или въ губной грамотѣ, данной Троицкому монастырю въ 1586 году, сказано: что царь Ѳеодоръ Ивановичь, согласно съ прежнею грамотою царя Ивана Васильевича, пожаловалъ всѣмъ крестьянамъ Троицкихъ селъ и деревень выбрати у себя прикащиковъ, и старостъ и цѣловальниковъ, и сотскихъ, и пятидесятскихъ, и десятскихъ, да имъ же учинити въ тѣхъ селѣхъ у себя прикащиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьяковъ; а въ которыхъ селѣхъ, или въ деревняхъ, для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ учинятъ прикащиковъ и губныхъ цѣловальниковъ; и имъ въ тѣхъ селѣхъ или въ деревняхъ на разбойниковъ и на тагеи тюрмы подѣлати и сторожей къ тюрмамъ выбрати.... И тѣмъ прикащикомъ и цѣловальникомъ въ своихъ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ, сыскивати, и имати, и съ истцы судити, да истцамъ въ ихъ искѣхъ управу, а татемъ и разбойникомъ и оговорнымъ людямъ указъ чинити по наказу.... А доискався лихихъ людей и разбойниковъ казнити смертію. (ibid. № 330). И замѣчательно, что выбранные крестьянами губные прикащики и цѣловальники посылались на утвержденіе не къ землевладѣльцу, а въ Разбойный приказъ: «и тѣхъ прикащиковъ и крестьянъ и дьяковъ, сказано въ грамотѣ, для крестнаго цѣлованья прислати къ Москвѣ въ Разбойный приказъ.» Слѣдовательно таковые выборные уже независѣли въ отправленіи своей должности отъ землевладѣльца, и имѣли всѣ права оффиціальныхъ судей. Такъ дѣйствительно мы и встрѣчаемъ въ иныхъ грамотахъ указанія, что таковые выборные крестьянскіе судьи сносились по дѣламъ съ разными властями, мимо своихъ землевладѣльцевъ, какъ люди совершенно независимые и по своей должности равные другимъ судьямъ. Такъ въ губной грамотѣ 1541 года, данной крестьянамъ Троицкаго Сергіева

монастыря, между прочимъ написано: « И вы бъ (крестьяне Троицкаго монастыря) межъ себя свѣстяся всѣ за одно, учинили себѣ прикащика въ головахъ, въ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ, выбравъ старостъ и сотскихъ и десятскихъ лучшихъ людей, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи, да съ прикащики тѣхъ людей къ цѣлованью привели, да промежъ бы есте себя въ своихъ селѣхъ и деревняхъ и въ починкѣхъ лихихъ людей и разбойниковъ сами обыскивали.... И допытався у нихъ, что они разбиваютъ, да тѣхъ бы есте разбойниковъ вѣдомыхъ бивъ кнутьемъ казнили смертію... А который разбойникъ скажетъ своихъ товарищевъ разбойниковъ въ иныхъ городахъ; и вы бъ о тѣхъ разбойникахъ посылали грамоты въ тѣ городы къ тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, которые дѣти боярскіе въ тѣхъ городѣхъ и волостяхъ учинены у того дѣла въ головахъ. » (ibid. № 194).

Выборные судьи находились въ зависимости отъ общины или волости ихъ избравшей; община даже имѣла право судить ихъ и по суду виновныхъ казнить смертію. Такъ въ жалованной судной грамотѣ, данной крестьянамъ Вохонской волости въ 1561 году, сказано:« А учнутъ излюбленные судьи судити не прямо по посуломъ, а доведутъ на нихъ то, и излюбленныхъ судей въ томъ казнити смертною казнью, а животы ихъ велѣти имати да отдавати тѣмъ людемъ, кто на нихъ доведетъ. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ у губныхъ и у излюбленныхъ судей сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьяномъ. » (ibid. № 257.) (1). Тоже повторяется въ уставныхъ грамотахъ 1555 года, данныхъ Переяславскимъ рыболовамъ и крестьянамъ Усецкихъ и Заецкихъ волостей (ibid. №№ 242, 243). Но въ Двинской уставной грамотѣ 1557 г. судъ и казнь на несправедливыхъ излюбленныхъ судей Царь предоставляетъ себѣ, но за то дозволяетъ общинѣ перемѣнять судей: въ грамотѣ сказано: « А учнутъ выборные судьи сами крестьянамъ, кому нибуди, силы и обиды и продажи безлѣпичныя чинити и посулы и поминки

(1) «Чтобы отъ нихъ (излюбленныхъ судей) никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичные не было», какъ сказано въ Важской уставной грамотѣ 1552 года (ibid. № 234.).

на крестьянѣхъ имати; и имъ въ томъ отъ меня Царя и В. К. быти кажненымъ смертною казнію..... И будетъ Колмогорцы посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити; и Колмогорцомъ посадскимъ людемъ и волостнымъ крестьяномъ всѣмъ выбирати лучшихъ людей, кому ихъ судити и управа межъ ими чинити. » (ibid. № 251.)

Кромѣ права собственнаго суда чрезъ выборныхъ судей, правительство всѣмъ общинамъ, безъ различія городскимъ и волостнымъ, живущимъ на общинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ, предоставляло право собственнаго управленія, раскладки податей и надзора за порядкомъ и тишиною и даже за нравственностію своихъ членовъ Законъ, признавая каждую крестьянскую общину, на чьей бы землѣ она ни жила, одноправною съ общинами городскими, представлялъ ее юридическимъ цѣлымъ, свободнымъ и независимымъ въ общественныхъ отношеніяхъ; а по сему выборные начальники общинъ, старосты, дворскіе, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе считалися состоящими въ государственной службѣ, или какъ тогда писалось, у *государева дѣла*, и въ отправленіи своихъ общественныхъ должностей признавались равными съ волостными начальниками назначаемыми отъ правительства; они по общественнымъ дѣламъ были съ ними въ прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ, какъ мы уже видѣли въ губной грамотѣ 1541 года данной крестьянамъ селъ и деревень Троицкаго монастыря. Да и само правительство относилось къ крестьянскимъ общинамъ прямо безъ посредства землевладѣльцевъ: такъ напримѣръ въ велико-княжеской грамотѣ 1544 года въ Переяславскій уѣздъ, государь прямо пишетъ: « отъ великаго князя въ станы и въ волости, которые обошли около Переяславскіе дороги отъ Учи и до Дубны старостамъ и десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ, моимъ великаго князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, и княжимъ, и боярскимъ, и монастырскимъ, и всѣмъ безъ омѣны, чей кто нибуди (ibid. № 180). Кромѣ того, правительство, признавая крестьянскія общины, а вмѣстѣ съ ними и крестьянъ полноправными, какъ другіе классы общества, въ своихъ грамотахъ на цѣлый уѣздъ не отличало крестьянъ

отъ бояръ и князей, и писало свои грамоты всѣмъ вмѣстѣ; такъ напримѣръ въ губной грамотѣ 1539 года на Бѣлоозеро сказано: «отъ великаго князя... въ Бѣлозерскій уѣздъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикомъ и всѣмъ служивымъ людемъ, и старостамъ, сотцкимъ, и десятцкимъ, и всѣмъ крестьянамъ, моимъ великаго князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, княжимъ и боярскимъ, и помѣсчиковымъ, и монастырскимъ, и чернымъ, и псаремъ, и бортникомъ, и рыболовомъ, и всѣмъ безъ омѣны, чей кто ни-буди.» (ibid. № 187.)

При таковомъ значеніи крестьянскихъ общинъ, всѣ ихъ внутреннія распоряженія, относительно управленія въ своемъ округѣ, были свободными и независимыми; правительство при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ это дѣло большею частію не вмѣшивалось. Царь Иванъ Васильевичь постоянно преслѣдовалъ одну цѣль, что бы всѣ общины въ своемъ управленіи по возможности обходились безъ властей, назначенныхъ правительствомъ; было даже время, что онъ писалъ въ своихъ грамотахъ: «и мы жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили;.... и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и станѣхъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити, и намѣстничи и волостелины и праветчиковы доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудити бы ихъ умѣли въ правду безпосульно и безволокитно, и за намѣстничь бы доходъ оброкъ собрати и къ нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору.» (ibid. № 242 и 243.) Но очевидно этотъ планъ государя небылъ приведенъ въ исполненіе повсемѣстно; ибо мы и во время сихъ грамотъ и послѣ встрѣчаемъ намѣстниковъ и волостелей по городамъ и волостямъ; тѣмъ не менѣе во все продолженіе царствованія Ивана Васильевича общины свободно могли искать ссвобожденія отъ намѣстниковъ и волостелей, и ихъ просьбы постоянно удовлетворялись, только съ условіемъ вносить положенные на намѣстниковъ оброки въ

царскую казну. Слѣдовательно самоуправленіе общинъ было признано законнымъ и согласнымъ съ видами правительсгва, и уже отъ самихъ общинъ зависѣло управляться ли своими выборными властями, или просить намѣстниковъ и волостелей отъ правительства; и этотъ свободный выборъ продолжался нетолько во все царствованіе царя Ивана Васильевича, но и при его преемникахъ даже въ XVII столѣтіи.

Теперь обратимся къ порядку самоуправленія общинъ, какъ онъ засвидѣтельствованъ царскими грамотами и другими тогдашними памятниками. Общины, какъ мы уже знаемъ, по заведенному на Руси обычаю, изкони имѣли своихъ выборныхъ старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Эти выборные начальники во всѣхъ общинахъ безъ различія избирались по приговору всѣхъ членовъ избирающей общины. Этого правила держалось и правительство, когда предоставляло общинамъ управляться своими выборными властями; въ грамотахъ обыкновенно писалось: « и вы бъ межъ себя, свѣстяся заодно, учинили себѣ прикащика въ головахъ, въ своихъ селѣхъ и деревняхъ и починкѣхъ, выбравъ старостъ и сотскихъ и десятцкихъ лучшихъ людей, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи. » (idib. № 194) Выборныхъ начальниковъ въ XVI вѣкѣ, согласно съ Судебникомъ и по требованію правительства, общины обыкновенно приводили къ присягѣ или сами, или отсылали присягать въ Москву въ тотъ приказъ, которому подвѣдома волость, притомъ въ томъ и другомъ случаѣ непремѣнно увѣдомляя правительство, что выбраны такіе то; такъ и писалось въ царскихъ грамотахъ: « а которыхъ прикащиковъ, и старостъ, и сотскихъ, и десятскихъ, и лучшихъ людей учините въ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ у себя въ головахъ, въ которомъ судѣ нибуди; и вы бъ о томъ отписали часа того къ намъ въ Москву къ нашимъ-боярамъ. » Выбранные и приведенные къ присягѣ начальники общинъ смотрѣли, что-бы въ ввѣренныхъ имъ общинахъ все было тихо и спокойно, чтобы не никто не держалъ подозрительныхъ людей, не допускалъ непозволительныхъ игръ, также корчемства, татьбы, разбоя и подоби. Сотской долженъ знать всѣхъ людей, которые у него живутъ въ сотнѣ или которые пріѣзжаютъ къ его со-

теннымъ, и ежели замѣтитъ какого подозрительнаго человѣка, то немедленно доноситъ старостѣ, который и дѣлалъ розыскъ, и по розыску ежели подозрительный дѣйствительно оказывался лихимъ человѣкомъ, татемъ, разбойникомъ, костаремъ, ябедникомъ, таковаго, смотря по винѣ, или выбивали вонъ изъ волости, или представляли намѣстнику или волостелю, или сама волость судила и казнила, ежели имѣла свой судъ (1). Крестьянскія общины нетолько смотрѣли за порядкомъ и тишиною, но иногда вводили свои узаконенія или заповѣди; образчикъ этого мы видимъ въ одной заповѣдной крестьянъ Тавренской волости, писанной въ 1590 году: въ этой заповѣдной крестьяне всей волостью положили запретить работы по воскреснымъ днямъ. Вотъ подлинныя слова заповѣдной. « Се азъ староста Тавренскіе волости Антонъ Ивановъ сынъ да Яковъ Ивановъ сынъ Ивашевъ, да Василій Юрьевъ сынъ, кузнецъ.... и всѣ крестьяне Тавренскіе волости Ильинскаго приходу, обговорились сами промежъ собою, по благословенію отца своего духовнаго Ильинскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на три годы, отъ рождества Николы чудотворца Августа въ 23 день, до тогожъ рождества Николы чудотворца Августа въ 23 день, что намъ въ праздникъ воскресенія Христова

(1) Такъ напримѣръ въ губной грамотѣ, данной крестьянамъ Троицкаго Сергіева монастыря въ 1586 году, сказано: « а которые торговые пріѣзжіе люди въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ учнутъ ставитись для торговли, или проѣзжія люди для ночлѣговъ; и крестьяномъ тѣхъ людей, къ кому кто пріѣдетъ, или пришлый человѣкъ, кто у кого учнетъ жити въ наймитѣхъ для пашни; и тѣмъ всѣмъ людемъ про пріѣзжихъ людей и про прихожихъ являть прикащикамъ, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотскимъ, и пятидѣсятскимъ. А сотскимъ пятидесятскимъ и десятскимъ тѣхъ людей осматривати и записывати, кто къ кому и для чего пріѣдетъ. А будетъ которые люди въ села и въ деревни учнутъ къ кому пріѣзжати недобрыми дѣлы, и у которыхъ крестьянъ прохожіе люди живучи учнутъ воровати, красть, разбивать; и приказщикамъ, и старостамъ, и цѣловальщикамъ и сотскимъ, и пятидесятскимъ и всѣмъ крестьяномъ, тѣхъ лихихъ людей имати, и прочихъ сыскивати, и указъ чинити. » (ibid № 330.) Или въ Важской уставной грамотѣ 1552 года: старостамъ, соцкимъ и пятидесяцкимъ и десяцкимъ и цѣловальникомъ и всѣмъ людямъ беречи на крѣпко, чтобъ у нихъ на посадѣ и въ станѣхъ и волостѣхъ татей, и разбойниковъ, и ябедниковъ, и подпищиковъ, и костарей и всякихъ лихихъ людей не было, и пріѣзду бъ ни къ кому лихимъ людемъ не было. (ibid. № 234).

дѣла не дѣлати никакого черного, ни угодья въ воскресеніе Христово неугодовати, ни паснаго, ни силового, ни бѣлки не лѣсовати... а въ пятницу ни толчи ни молотити, ни каменія не жечи, проводити съ чистотою и любовію; ни женамъ въ воскресенье Христово ни шити ни брати. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь порушаетъ, станетъ въ воскресеніе Христово дѣло дѣлати, каково ни есть, что въ сей грамотѣ писано, и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди доправити соцкому, по мірскому уложенію, кто будетъ соцкой въ Тавренской волости, восьмъ алтынъ денегъ на церковное строенье, а двѣ деньги соцкому, кой станетъ правити.» (Ак. Юрид. № 358).

Само правительство иногда поручало крестьянскимъ общинамъ надзоръ за порядкомъ и оборону даже въ учрежденіяхъ не подвѣдомыхъ крестьянской общинѣ. Такъ напримѣръ въ 1513 году Великій Князь Василій Ивановичь писалъ въ Бѣлозерскія волости: « отъ Князя Великаго въ Бѣлозерскія волости Своари и Гнену старостамъ и десятскимъ и всѣмъ крестьяномъ. Били ми челомъ старцы Ниловы пустыни, чтобы мнѣ велѣти ихъ беречи отъ татей и разбойниковъ. И вы бъ ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ накрѣпко, что бъ имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ учнетъ жити у нихъ въ ихъ пустыни безчинно, и велятъ вамъ старцы того чернеца выслати вонъ; и вы бы его выкинули вонъ, чтобы у нихъ не жилъ.» (А. Ар. Эк. Т. I. № 157). Равнымъ образомъ землевладѣльцы въ общественныхъ дѣлахъ относились къ своимъ крестьянамъ при посредствѣ общины. Напримѣръ въ 1555 году Троицкій монастырь, требуя чтобы его крестьяне Присѣцкой волости не держали ни скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни разбойниковъ, писалъ грамоту къ старостамъ и сотскимъ и по всей волости, и отвѣтственность въ случаѣ опущенія прямо возлагалъ на сотскихъ: «и учнутъ держати у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скомороха, или волхва, или бабу ворожею въ его сотной; и на томъ сотскомъ и на его сотной па стѣ человѣкъ, взяти пени десять рублевъ. (ibid № 244).

Относительно раскладки податей и повинностей община была полнымъ хозяиномъ; землевладѣльцы и правительство въ распоряженія общины относительно сего предмета рѣдко вступалися. Всѣ мірскіе разрубы и розмѣты лежали на старостахъ, сотскихъ и десятскихъ и другихъ выборныхъ людяхъ, которые вели подробныя смѣты состоянію каждаго члена общины, и по симъ смѣтамъ дѣлали волостные разрубы и розмѣты: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, на ту полагали больше податей и повинностей. При раскладкѣ податей община съ своими выборными начальниками принимала въ разцѣнку все имѣніе каждаго крестьянина, и дворъ, и домашнюю скотину, и пашню, и получаемый съ нея хлѣбъ, промыслы и работниковъ въ семьѣ, какъ прямо сказано въ одной царской грамотѣ на Колмогоры (1578 года); «и тѣдеи Уняне и Ненокшане тѣ ихъ разсольные вытки и дворы, и дрова, и лошади, и хлѣбъ цѣнятъ въ животы, какъ у черныхъ людей, да съ тѣхъ деи соленыхъ вытокъ и съ дворовъ и съ лошадей и съ хлѣба емлютъ нашу дань и оброкъ и всякіе черные розмѣты, какъ и съ черныхъ людей.» (А. Ар. Эк. Т I. № 399). Говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ языкомъ, всѣ общинные разрубы и размѣты производились по животомъ и промысломъ. Община не только дѣлала разскладку податей и повинностей уже опредѣленныхъ правительствомъ; но и принимала сильное участіе въ самомъ опредѣленіи. Подати въ то время обыкновенно назначались правительствомъ по писцовымъ, переписнымъ и окладнымъ книгамъ, для составленія которыхъ посылались писцы и дозорщики, которые, пріѣхавши въ уѣздъ, росписывали волости въ сохи и выти не по однѣмъ землямъ, но и по состоянію земледѣльцевъ, при чемъ зажиточнѣйшихъ или лучшихъ людей писали въ одну кость, середнихъ въ другую, и молодшихъ или бѣднѣйшихъ въ третью; и это росписаніе людей на кости производилось неиначе, какъ при посредствѣ старость соцкихъ и другихъ выборныхъ отъ общинъ окладчиковъ, которые представляли для соображеній писцамъ и дозорщикамъ книги своихъ мірскихъ разрубовъ и розмѣтовъ, и вмѣстѣ съ писцами и дозорщиками росписывали деревни своихъ волостей по костямъ, полагая на

одну кость подати и повинности тяжелѣе, на другую легче, и на третью молодшую еще легче.

Но какъ въ продолженіе времени, отъ составленія одной писцовой книги до составленія другой, не только въ имуществахъ крестьянъ, но и въ самыхъ крестьянахъ могло быть большое измѣненіе: иные крестьяне могли разбогатѣть, иные обѣднѣть, иныя деревни вновь населиться, другія опустѣть; а платежъ податей и отправленіе повинностей у правительства значился по писцовымъ книгамъ неизмѣнными; то по сему общинамъ было предоставлено условливаться другъ съ другомъ въ платежѣ податей до новыхъ писцовыхъ книгъ (1). А ежели взаимныя сношенія общинъ не порѣшали дѣла, и одной общинѣ предъ другою платежъ податей и отправленіе повинностей, въ слѣдствіе обѣднѣній или пустоты, былъ тяжелъ и раззорителенъ, такъ что крестьяне разбѣгались; то дѣло кончалось просьбою обѣднѣвшей общины къ правительству, что бы защитить угнѣтенныхъ и сдѣлать новое росписаніе костей (2), и для сего посылались новые до-

---

(1) Это взаимное условіе ясно выражено въ одной мировой 1587 года въ ней сказано: «Се язъ Ивашъ Герасимовъ сынъ, да язъ Первой Ивановъ сынъ Шебановъ ... и во всѣхъ крестянъ мѣсто Воскресенскаго приходу и Покровскаго и Ширыхаловы слободы помирилися есма полюбовно съ старостою Климомъ Ивановымъ сыномъ Частиковымъ, да съ Яковомъ Ивановымъ сыномъ Ивашевымъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Тавренскіе волости Ильинского приходу въ томъ, что клали мы предъ выборнаго судью на Таврежанъ въ новой пустотѣ челобитную, съ которые идетъ въ государеву дань и оброкъ восмьдесятъ рублевъ съ полтиною; и мы счетчи съ Таврежаны приняли на свой Воскресенской и Покровской приходъ изъ Тавренскіе пустоты къ своей низовой пустотѣ Бережную деревню со всѣми угодьями.... а въ ней обжа. А что осталось въ нашей волости въ Тавренской, въ Ильинскомъ приходѣ пуста семь обежъ; и намъ къ себѣ въ ту пустоту впредь Воскресенскаго и Покровскаго приходу не притягивати ни въ которые разрубы. А намъ Воскресенскому и Покровскому приходу Таврежанъ Ильинскаго приходу въ свою нижнюю пустоту и въ Бережную обжу, что приняли у Таврежанъ, не притягивати ни въ которые разрубы, а изъ ихъ изъ семи обжъ намъ у нихъ не принимать.» (Ак. Юрид, № 272). Здѣсь двѣ крестьянскія общины въ платежѣ податей за пустыя обжи порѣшили тѣмъ, что одна община приняла у другой одну деревню съ угодьями.

(2) Такъ напримѣръ въ 1591 году крестьяне Глотовой слободки били челомъ Государю, что бы въ платежѣ податей отдѣлить ихъ отъ Вычегжанъ, Вымичей и Сысоличей; потому что у нихъ въ Глотовой слободкѣ живутъ все молодчіе люди, кормятся пиктою да звѣремъ, а хлѣба непашутъ и не торгуютъ ничѣмъ, а на Вычегдѣ и на Сысолѣ живутъ прожиточные люди, тор-

зорщики, которые росписывали или отдѣляли одну общину отъ другой въ платежѣ податей и повинностей. А бывали и такіе случаи, что община, находя невыгоднымъ верстаться въ платежѣ съ другими общинами, подавала челобитную о переложеніи податей и повинностей въ отдѣльный оброкъ по разцѣнкѣ; и тогда уже этотъ оброкъ вносился въ казну общиною не по разрубамъ и розмѣтамъ съ другими общинами уѣзда, а отдѣльно въ особые сроки (3).

Съ разкладкою платежа податей и отправленія повинностей тѣсно были связаны съ одной стороны земли и угодья принадлежащія общинѣ, а съ другой стороны большее или меньшее населеніе; ибо, какъ мы уже видѣли, община должна нести на себѣ всѣ подати и повинности даже за обѣднѣвшихъ крестьянъ и за опустѣвшія земли до новыхъ писцовыхъ книгъ. Слѣдовательно отходили-ли земли и угодья отъ общины, пустѣли-ли ея деревни, въ обоихъ случаяхъ община терпѣла и разорялась отъ платежа податей и отправленія повинностей не по силамъ; и на оборотъ община, увеличивавшаяся въ народонаселеніи и богатѣвшая пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и угодій, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтала средства легче и удобнѣе платить подати и отправлять повинности, и вообще ея членамъ дѣлалось льготнѣе. А посему общины всегда имѣли право пріискивать средства какъ для уве-

---

гуютъ всякими товары и хлѣбъ пашутъ (А. Ар. Эк. Т. I. № 350) Или въ 1546 году жители Шестаковскаго городка и деревень жаловались на жителей Слободнаго городка, что слобожане на нихъ емлютъ проторы и розметы сполна; и просили по бѣдности и по недавнему поселенью отдѣлить ихъ отъ слобожанъ (ibid. № 210).

(1) Такъ въ уставной грамотѣ, данной крестьянамъ Плесской волости въ 1551 году, сказано: «Се азъ Царь и Великій Князь... пожаловалъ есми своихъ крестьянъ Плесскіе волости.... которые были приданы къ городу къ Володимеру боярину Князю Дмитріе Ѳедоровичу Бѣльскому судомъ и кормомъ. А нынѣ велѣно было ту волость вѣдати намѣстникомъ Царя и В. князя, кормы браги и крестьянъ тоя волости судити Володимерскому городовому приказщику... И крестьяне тое волости у дьяка нашего Уѳрима Львова пооброчилися дати имъ въ нашу казну оброкомъ за намѣстничей и тіуновы кормы, и за пятно и за выводную куницу, и за новожженный убрусъ, и за присудъ... и за всѣ намѣстниковы и его пошлинныхъ людей пошлины, на годъ 15 рублевъ; а дати имъ тотъ оброкъ въ нашу казну на два срока, полосма рубля на покровъ Св. Богородицы лѣта 7060, а другая имъ половина дати на сборное воскресенье лѣта 7060 года.» (въ моемъ собраніи грамотъ).

личенія своего народонаселенія, такъ и для пріобрѣтенія новыхъ земель и угодій и для удержанія старыхъ. Для достиженія первой цѣли община называла къ себѣ жильцовъ, давала имъ льготы и разныя пособія, только бы пріискать больше охотниковъ, назначала отъ себя повѣренныхъ и снабжала ихъ деньгами для отказа и окупа поселенцевъ, состоящихъ въ тяглѣ за другими общинами или землевладѣльцами, отыскивала своихъ старыхъ тяглецовъ, перешедшихъ въ другія общины и возвращала ихъ на старыя мѣста; и правительство, признавая самостоятельность крестьянскихъ общинъ и желая поддержать ихъ, не только не препятствовало сему, но и давало общинамъ для этого особыя грамоты, или прописывало это право въ уставныхъ грамотахъ. Такъ въ уставной Важской грамотѣ 1552 года прямо сказано «А на пустые имъ (крестьянамъ) мѣста дворовые въ Шенкурьи и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустые деревни, и на пустоши, и на старыя селища крестьянъ называть, и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ преже того.» (А. Ар. Эк. Т. I. № 234). Увеличенія земель и угодій общины достигали или разчисткою новыхъ земель въ дикихъ поляхъ и лѣсахъ никому непринадлежащихъ, или принятіемъ отъ казны разныхъ угодій и земель на оброкъ, или покупкою и мѣною съ частными землевладѣльцами ([1]). Владѣніе же своими старыми землями и угодьями защищали посредствомъ суда, чему мы имѣемъ много примѣровъ въ правыхъ и судныхъ грамотахъ, гдѣ старосты и выборные отъ волостей ведутъ тяжбы за земли своихъ общинъ ([2]).

---

(1) Такъ въ разъѣзжей 1555 года сказано: «отдали деревню Карпову волостные крестьяне на промѣнь Кирилову монастырю противъ монастырскихъ земель.» (Ак. Юр стр. 168).

(2) Такъ въ одной указной грамотѣ 1555 года въ Новгородъ Царь пишетъ: «билъ намъ челомъ изъ Туровского да изъ Борутцкаго становъ изъ черныхъ деревень Чюнейко Левонтьевъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ становъ черныхъ деревень. А сказываетъ, что де въ тѣхъ станѣхъ деревни черные пусты.. и писцы де отдали тѣ деревни въ придачу дѣтямъ боярскимъ, а отъ черныхъ деревень сошнымъ письмомъ не росписали.» (доп. ак. Ист. Т. I. стр. 123).

Права сіи, или скорѣе обязанности, одинаково принадлежали всѣмъ общинамъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, и состоящимъ какъ на общинныхъ или черныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; ибо общины владѣльческія одинаково съ черными разорялись отъ излишняго платежа податей въ случаѣ обѣдненія или уменьшенія народонаселенія. Вся разница между черными и владѣльческими общинами здѣсь состояла въ томъ, что въ владѣльческихъ общинахъ обѣдненіе или уменьшеніе народонаселенія было одинаково невыгодно и для общины и для владѣльца; а посему землевладѣлецъ естественно заботился вмѣстѣ съ общиною, или даже и больше, объ отвращеніи таковаго зла. Но тѣмъ не менѣе забота владѣльца не уничтожала заботы общины; и мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ владѣльческія общины и мимо своихъ владѣльцевъ заботились о защитѣ своихъ земель и объ умноженіи народонаселенія. Такъ въ 1555 году крестьяне Альмешской волости осмнадцати деревень княжихъ, монастырскихъ и церковныхъ тягались съ Дмитріемъ Нефедьевымъ, который у нихъ отнялъ поскотинныя земли и отгородилъ къ своей землѣ. (Ак. отн. до Юрид. быт. Росс., стр. 217). Вообще при свободномъ переходѣ крестьянъ, выгоды крестьянскихъ общинъ и землевладѣльцевъ были тѣсно связаны другъ съ другомъ, и эта связь такъ была очевидна, что ее не могли не чувствовать даже самые недальновидные землевладѣльцы, и самыя безпечныя общины; ибо съ утратою средствъ къ безбѣдной жизни и съ уменьшеніемъ населенія, владѣльческія земли незамѣтно пустѣли, крестьяне мало по малу разбѣгались туда, гдѣ имъ представлялось болѣе удобствъ. Слѣдовательно и землевладѣлецъ и оставшаяся на его землѣ крестьянская община подвергались раззоренію. А посему въ поддержаніи общины былъ одинакій интересъ и для крестьянъ и для землевладѣльца.

Такимъ образомъ въ XVI столѣтіи крестьянскія общины на Руси относительно общественныхъ правъ были въ полномъ развитіи. Законъ и правительство не только признали за ними всѣ права, выработанныя прежнею жизнію и обычаями; но и утвердили многое, чего прежде общины не

имѣли. Правительство явно стремилось къ тому, чтобы вообще поставить общины въ основаніи управленія; оно не только дозволило имъ самоуправленіе и самосудъ по ихъ выбору, но и дало право жизни и смерти надъ своими членами и даже надъ выборными начальниками. Мало этого: законъ передалъ въ полное распоряженіе общинъ—управляться ли имъ самимъ собою чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, надъ которыми они имѣли право жизни и смерти; или просить правителей у государя, которые уже не зависѣли отъ общинъ. Здѣсь не мѣсто искать причинъ, побудившихъ Царя Ивана Васильевича къ таковому направленію. Но для насъ важенъ самый фактъ, что таковое направленіе существовало въ XVI вѣкѣ, и по мѣстамъ осуществлялось на дѣлѣ, въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, и осуществленіе это не имѣло своимъ слѣдствіемъ важныхъ безпорядковъ. Это свидѣтельствуетъ, что общины были исконнымъ учрежденіемъ на Руси и весь народъ хорошо понималъ ихъ значеніе и права. Въ противномъ случаѣ были бы иныя послѣдствія: народъ какъ городскій такъ и волостный накинулся бы, очертя голову, на невиданную и заманчивую новость; безпорядкамъ и самоволію не было бы конца; суды, сборъ податей, и вообще всѣ общественныя дѣла пришли бы въ крайнюю запутанность. Но на дѣлѣ ничего этого не было,—народъ съ умѣренностію и осмотрительностію пользовался данными ему правами самоуправленія; въ одно и тоже время рядомъ существовали въ одной области выборные судьи и полное самоуправленіе, а въ другой намѣстники и волостели назначаемые Государемъ. Это было не по приказамъ и распоряженіямъ правительства, а по усмотрѣнію самого народа; одна волость или одинъ уѣздъ желали выборныхъ судей и полнаго самоуправленія и безпрепятственно получая желаемое, а другая волость или другой уѣздъ просили царскихъ намѣстниковъ и волостелей, и намѣстники и волостели къ нимъ присылались; и такъ шли дѣла не годъ, не два, и даже не одно царствованіе царя Ивана Васильевича, но и въ продолженіе почти всего XVII столѣтія; и судъ и сборъ податей и другія общественныя дѣла шли своимъ порядкомъ: не удовлетворяли обществу выборные судьи, об-

щество просило намѣстниковъ и волостелей; намѣстники и волостели оказывались неугодными,—и общество обращалось къ выборнымъ судьямъ. Ясно, что Царь Иванъ Васильевичь, давая огромныя права общинамъ, не вводилъ новостей, а только пользовался старымъ изконнымъ учрежденіемъ на Руси, и старался поддержать старые добрые обычаи и законы, которые, по его же выраженію, поизшатались и частію были нарушены въ предшествовавшее время.

Указавши на значеніе крестьянскихъ общинъ въ XVI столѣтіи и на ихъ отношенія къ правительству, къ землевладѣльцамъ и къ своимъ членамъ, теперь должны мы показать значеніе и отношенія самихъ крестьянъ, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго класса въ Русскомъ обществѣ, какъ членовъ общины и какъ владѣльцевъ или собственной земли, или общинной, или владѣльческой, въ продолженіи того же XVI вѣка.

Крестьяне, какъ отдѣльный самостоятельный классъ общества.

Крестьяне всѣ безъ различія, на какихъ бы земляхъ они ни жили, въ XVI столѣтіи, какъ и въ прежнее время, составляли одинъ самостоятельный отдѣльный классъ людей въ Русскомъ государствѣ, извѣстный подъ общимъ названіемъ крестьянъ или черныхъ людей. Классъ этотъ и въ XVI столѣтіи не потерялъ своего прежняго значенія; крестьяне всѣ, городскіе и волостные, были полноправными членами Русскаго общества наравнѣ съ боярами, боярскими дѣтьми, духовенствомъ и купцами. Передъ закономъ, передъ судомъ крестьянинъ имѣлъ равное право съ бояриномъ и купцомъ на покровительство и защиту; онъ могъ всчинать иски и на крестьянина, и на купца, и на боярина, и на духовнаго; равнымъ образомъ и боярин или купецъ и духовный не иначе какъ судомъ могли искать на крестьянинѣ. По Судебникамъ судъ всѣмъ классамъ общества былъ равенъ, не было особыхъ судей ни для бояръ, ни для купцовъ; ни для крестьянъ; въ Судебникѣ 1497 года прямо сказано: «а каковъ жалобникъ къ боярину прійдетъ, и ему жалобниковъ

отъ себя не отсылати, а давати всѣмъ жалобникамъ управа въ всемъ, которымъ пригоже.» Или въ Царскомъ Судебникѣ: «А кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ дьяку, придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своего приказу отъ себя не отсылать; а давати ему жалобникамъ своего приказу всѣмъ управа.... А который бояринъ или дворецкой или казначей, или дьякъ, жалобника своего приказу отошлетъ и управы не учинитъ.... и тому быть отъ Государя въ опалѣ.» (ст. 7) (1). Конечно бояре и монастыри иногда получали привилегіи относительно суда; но привилегіи, какъ исключенія изъ общаго порядка, не составляли закона, и притомъ привилегіи относительно суда получались иногда и крестьянами. Такъ въ жалованной грамотѣ 1544 года, данной крестьянамъ дворцоваго села Андреевскаго, сказано: «язъ Князь Великій своихъ дворцоваго села Андреевскаго, крестьянъ, сельчанъ и деревенщиковъ пожаловалъ, далъ имъ свою грамоту жалованную несудимую, намѣстницы наши Звенигородскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ.» (Ак. Ар. Эк. Т. I, № 201). Или въ жалованной грамотѣ, данной въ 1584 году крестьянамъ Борисоглѣбской слободы, Царь Ѳеодоръ Ивановичъ пишетъ: «а намѣстницы наши Ярославскіе и волостели Едомьскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства; а кому будетъ до тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ каково дѣло; ино по нихъ въ томъ ѣздятъ мои недѣльщики дворцовые, а сужу ихъ язъ Царь и Великій Князь и мой дворецкій.» (ibid., № 324). Грамоты сіи одинаковы съ грамотами, которыя давались боярамъ и монастырямъ; слѣдовательно и относительно привилегій крестьяне не отличались отъ прочихъ классовъ общества.

(1) Слова Судебника: «кто къ которому боярину придетъ жалобникъ его приказу» отнюдь не значатъ, чтобы въ одномъ приказѣ судились дѣла крестьянъ, въ другомъ купцовъ, въ третьемъ бояръ; раздѣленіе приказовъ по сословіямъ въ XVI вѣкѣ не существовало, и только одни духовные имѣли свой особый святительскій судъ; но и здѣсь въ искѣ свѣтскаго на духовномъ всегда былъ общій судъ.

Равенство суда между крестьянами и прочими классами общества до того простиралось, что въ случаѣ иска между лицами разныхъ вѣдомствъ, крестьяне имѣли равное право съ прочими классами представлять своихъ судей. Такъ въ княжей грамотѣ Третьяку Гнѣвашеву, о спорныхъ земляхъ между Ферапонтовымъ монастыремъ и волостными крестьянами, сказано: «И мы въ тѣхъ земляхъ Ферапонтова монастыря игумену съ братьею дали судью тебя Третьяка Гнѣвашова; а Славенскаго де Волочка крестьяне и Щипинскіе волости крестьяне и Итколскіе волости крестьяне, въ той же землѣ взяли судью Михаила Лукина сына Волошенинова. И тыбъ съ тѣмъ судьею свѣстяся, взявъ съ собою старостъ и цѣловальниковъ и туточныхъ старожильцовъ, съ обѣ стороны обоимъ исцомъ срокъ учинилъ.» (А. Ар. Эк. Т. I, № 209).

Полноправность крестьянъ одинаковая съ другими классами общества, кромѣ равенства суда, выражалась еще тѣмъ, что крестьяне наравнѣ съ боярами и купцами признавались свидѣтелями во всѣхъ дѣлахъ на судѣ. По Судебнику почти не было различія въ свидѣтельствѣ крестьянъ и дворянъ. Въ 58 статьѣ Царскаго Судебника сказано: «А на кого взмолвятъ дѣти боярскіе, человѣкъ десять или пятнадцать добрыхъ, или черныхъ людей человѣкъ пятнадцать или двадцать, добрыхъ же крестьянъ и цѣловальниковъ, по крестному цѣлованью, что онъ тать, а доводу на него не будетъ, у кого кралъ; ино на томъ взяти исцову гибель безъ суда, а его дати на крѣпкую поруку.» Или по дополнительной статьѣ къ Судебнику, изданной въ 1556 году, при обыскѣ крестьяне поставлены на ряду съ князьями, дѣтьми боярскими, архимандритами и игуменами: «И старостамъ и цѣловальникамъ велѣти ѣздити къ обыскомъ многимъ людемъ и лучшимъ всѣмъ, княземъ, и дѣтемъ боярскимъ, и ихъ прикащикомъ, и крестьяномъ, и архимандритамъ, и игуменомъ, и попомъ и дьякономъ.» «Ак. Ист. Т. I, № 154). Здѣсь ни Судебникъ, ни дополнительныя статьи къ нему не различаютъ крестьянъ живущихъ на общинныхъ и владѣльческихъ земляхъ; и дѣйствительно въ самой жизни этого различія не было; крестьяне и владѣльческіе и общинные принима-

лись на судѣ свидѣтелями безъ ограниченій, наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ, какъ прямо свидѣтельствуетъ одна правая грамота 1547 года: въ ней дѣльщикъ Иванъ Кирѣевъ говоритъ: «сказываетъ, Государь, князь Андрей, что ему съ братомъ, со княземъ Васильемъ, дѣлъ не бывалъ; и язъ, Государь, шлюсь около того села Граворонов версты по двѣ и по три и больши на всѣ стороны на дѣти боярскіе, на игумены, и на попы, и на дьяконы, и на сотцкіе, и на десятцкіе и на всѣ крестьяне, на людей добрыхъ, въ слухъ и обыскъ, что язъ ихъ дѣлилъ.» (Ак. отн. къ юрид. быт. Рос., стр. 211). Даже сами землевладѣльцы въ спорахъ о земляхъ ссылались на своихъ крестьянъ, и судъ всегда принималъ эту ссылку и свидѣтельство крестьянъ. Такъ въ одной разъѣзжей грамотѣ 1507 года тяжущіеся землевладѣльцы, священники Архангельскаго собора и игуменъ Чудова монастыря, говорятъ судьѣ: «И мы, господине, обои исцы положили о тѣхъ земляхъ на сторожильцовъ Великого Князя крестьянъ, на Архангельскихъ крестьянъ на Плотницкихъ, да на Чудовскихъ крестьянъ на Уваровскихъ; на Плотницкихъ крестьянъ на Труфаника на Иванова сына, да на Родивона на Павлова, да на Чудовскихъ крестьянъ, на Андрона на Петрова, да на Клима на Матвѣева сына Скорикова» и пр. (ibid., стр. 246).

Конечно, крестьяне составляли низшій классъ общества: по Судебнику за безчестье крестьянина полагалось только рубль,—тогда какъ безчестіе дѣтемъ боярскимъ платилось противъ дохода, ежели было за ними кормленье; «безчестье гостямъ большимъ 50 рублевъ, а торговымъ людемъ и посадскимъ людемъ, всѣмъ середнимъ безчестья пять рублевъ, а боярскому человѣку доброму безчестья пять рублевъ (стат. 26).» Но причисленіе къ высшему или низшему классу общества не измѣняетъ полноправности гражданина; самое уже назначеніе закономъ платежа за безчестье крестьянина указываетъ на полноправность крестьянъ, на ихъ общественное значеніе; въ платежѣ за безчестье законъ прямо признаетъ всѣхъ крестьянъ одинаково членами Русскаго общества, безъ различія на какихъ бы земляхъ крестьяне ни сидѣли (1).

(1) Въ Судебникѣ, правду сказать, крестьяне относительно платежа за без-

Крестьяне въ XVI вѣкѣ непремѣнно состояли въ тяглѣ, на нихъ лежали разныя подати и повинности; точно также какъ они лежали и на гостяхъ и на всѣхъ торговыхъ людяхъ; податями и повинностями въ тяглыхъ классахъ выражалась служба государству, точно также, какъ между служилыми людьми, боярами и дѣтьми боярскими и иными, подати и повинности выражались ихъ личною службою государству. На Руси, не знавшей въ своемъ общественномъ составѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, каждый классъ жителей несъ свою службу государству, кто платежомъ податей, кто личнымъ служеніемъ; и та и другая служба была необходима государству и пользовалась законнымъ почетомъ; вся разница состояла въ качествѣ служенія: высшее служеніе государству, выражавшееся въ личной ли службѣ или въ платежѣ податей, пользовалось и высшимъ почетомъ. Такъ напримѣръ, гость, податной человѣкъ, получалъ по Судебнику за безчестье 50 рублей потому, что съ него больше шло податей; а какому нибудь волостелю, служилому человѣку, боярскому сыну, за безчестье шло по доходу гораздо меньше, потому что служба его считалась для государства ниже податей, платимыхъ гостемъ. Платежъ податей и отправленіе повинностей на Руси не выражали униженія податныхъ классовъ передъ неподатными; а посему и состояніе крестьянъ въ тяглѣ ни сколько не уменьшало ихъ полноправности. На Руси крестьянинъ, и каждый, состоящій въ тяглѣ, платилъ не за право жизни и свободы (какъ это бываетъ въ обществахъ, основанныхъ завоеваніемъ, гдѣ побѣжденный платитъ за то, что побѣдители не обратили его въ рабство и дозволили жить), а за то, что онъ членъ Русскаго общества и пользуется защитою и покровительствомъ

честье поставлены въ одинъ разрядъ съ молодшими боярскими людьми, и ниже добрыхъ боярскихъ людей; но это ни чуть не указываетъ на то, чтобы крестьяне равнялись рабамъ; ибо боярскіе люди добрые и молодшіе также были свободные члены Русскаго общества, состоящіе на службѣ у бояръ; на эту службу не рѣдко поступали и дворяне, вышедшіе изъ царской службы. Это именно тѣ боярскіе слуги, съ которыми, конными и збруйными, бояре являлись въ походъ, которые вооружались боярами по числу четвертей вотчинной или помѣстной земли.

Русскаго закона, и сверхъ того свободенъ отъ службы, которую несутъ служилые люди. Въ XVI вѣкѣ на Руси всѣ несли государственную службу, кто податями, кто личнымъ служеніемъ; и то и другое считалось по закону необходимымъ условіемъ жизни въ обществѣ. Прежніе бояре и вольные слуги въ XVI вѣкѣ уже не существовали, служилые люди отъ высшаго до низшаго не могли уже своевольно служить или не служить; при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ они уже потеряли право свободнаго выбора, и непремѣнно всѣ должны были состоять на службѣ, какъ всѣ неслужилые нести тягло, разумѣется за исключеніемъ недорослей, и захребетниковъ и вообще гулящихъ людей, которые посему и не пользовались правами членовъ Русскаго общества, не имѣли голоса и значенія ни въ службѣ, ни въ земскихъ дѣлахъ общины. Такимъ образомъ платить подать и отправлять повинность у крестьянъ было общею государственною обязанностію со всѣми другими классами Русскаго общества, и не означало униженія крестьянъ.

Крестьяне какъ члены общины.

Каждый крестьянинъ на Руси непремѣнно долженъ былъ состоять членомъ какой либо крестьянской общины; на Руси крестьянинъ не могъ быть внѣ общины; крестьянъ одиночекъ, непричисленныхъ ни къ какой общинѣ, у насъ въ XVI вѣкѣ не бывало: внѣ общины могли быть только или гулящіе люди или кабальные холопи, а крестьянинъ тѣмъ особенно и отличался отъ нихъ, что онъ былъ членомъ общины. Принадлежность къ общинѣ именно и выражала самостоятельное и полноправное положеніе крестьянина въ Русскомъ обществѣ, и ограждала его личность отъ частныхъ притязаній, ежели онъ жилъ на землѣ частнаго владѣльца: по милости общины онъ не былъ ни батракомъ ни закупомъ владѣльца земли

Какъ членъ общины, крестьянинъ тянулъ во всѣ общинные разрубы и розметы по своимъ животамъ и промысламъ: болѣе богатый состоялъ въ тяглѣ лучшихъ людей, середній тянулъ тягло середнихъ людей, молодшій молодшихъ. Въ

XVI вѣкѣ между крестьянами встрѣчаются бобыли: они въ первый разъ упоминаются въ уставной грамотѣ 1548 года, которую Соловецкій монастырь далъ своимъ крестьянамъ; въ грамотѣ сказано: «а съ бобылей, кои живутъ о себѣ дворцами, съ тѣхъ имати прикащику *по двѣ деньги Московскую.*» Тогда какъ въ той же грамотѣ—съ крестьянъ положено прикащику *по четыре деньги Московскую.* (А. Ар. Эк. Т. I. № 221.). По этому указанію, бобылемъ назывался тотъ, кто сидѣлъ на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ, и это указаніе неслучайное, оно вполнѣ подтверждается Бѣлевскою писцовою книгою XVII вѣка, гдѣ бобыли постоянно писаны на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ, т. е., на половинной крестьянской выти земли, и потому на половинномъ платежѣ податей и отправленіи повинностей (1). До XVI вѣка бобылей мы не встрѣчали и вѣроятно ихъ тогда не было; ибо и въ XVI вѣкѣ, судя по Новгородской писцовой книгѣ 1582 года, ихъ было еще не много: по книгѣ въ Вотьской пятинѣ на 809 крестьянскихъ дворовъ приходилось только 74 двора бобыльскихъ; тогда какъ въ XVII вѣкѣ бобыльскіе дворы не рѣдко встрѣчаются въ одинаковой пропорціи съ крестьянскими, а иногда и вдвое больше. Ясно, что бобыли въ XVI вѣкѣ были новымъ явленіемъ крестьянской жизни, выработаннымъ необходимостію дробить тягла, для многихъ крестьянъ уже несподручныя по тяжести податей и повинностей.

Рядомъ съ бобылями въ крестьянскихъ общинахъ появляются козаки. Ихъ было два разряда. Одни козаки жили своими дворами и владѣли поземельными участками, они имѣли одинакое значеніе съ бобылями и кажется состояли на половинномъ тяглѣ; другіе козаки жили въ работникахъ у крестьянъ; они не были членами крестьянской общины; съ ними одинакое значеніе имѣли подсусѣдники захребетники и задворные люди, которые также не состояли въ тяглѣ и не были членами крестьянской общины, или, какъ тогда говорилось, жили за чужимъ тяг-

(1) Они даже иногда прямо назывались *полувытчиками*; такъ, въ уставной грамотѣ патріарха Іова 1590 года сказано: «А крестьяне бъ жили вытчики, вороты выть, полувытчики.» (Врем. № 2. Смѣсь, стр. 20).

ломъ. Къ этому разряду затяглыхъ людей въ крестьянской общинѣ принадлежали дѣти при отцахъ, братьи при братьяхъ, племянники при дядяхъ, и вообще всѣ лица, живущія въ семьѣ по родству или по найму и не получившія отъ общины никакой доли земли. Они были людьми свободными, гуляющими, и могли переходить куда угодно безъ всякихъ отношеній къ общинѣ, до тѣхъ поръ пока не получатъ долю земли; но кажется и съ гуляющихъ людей, жившихъ въ волости, сбирались нѣкоторыя подати: такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ Сумской волости въ 1564, году сказано: А старостѣ Сумскому всѣ волощане Сумскіе волости, и крестьяне деревенскіе, и всѣ козаки волостные и деревенскіе, которыхъ судитъ тіунъ нашъ Сумскій, давали бы есте со всякіе головы по Москвкѣ, а кому меньши пятинадцати лѣтъ, и тѣ бы старостѣ не давали ничего. » (А. Ар. Эк. Т. I. № 269.)

Крестьяне, бобыли и козаки жившіе своими особыми дворами, какъ члены крестьянской общины, имѣли на общинномъ сходѣ каждый свой голосъ, и участвовали во всѣхъ дѣлахъ общины; они выбирали и выбирались въ разныя общественныя должности, разсуждали объ общинныхъ разрубахъ и розметахъ. Для раскладки податей и повинностей община избирала окладчиковъ изъ лучшихъ, середнихъ, и молодшихъ людей, и изъ бобылей, или осѣдлыхъ козаковъ, которые уже и разцѣнивали, какую долю общей подати платить съ какого двора, смотря по средствамъ хозяина. По крайней мѣрѣ такой порядокъ мы находимъ въ помянутой выше уставной грамотѣ 1564 года, гдѣ сказано: «Какъ лучится у васъ разрубъ въ волости, и вы бъ выбрали въ Сумѣ изъ большихъ изъ лучшихъ людей два человѣка, и изъ середнихъ людей два человѣка, а изъ меньшихъ людей два человѣка, а изъ козаковъ два человѣка; да тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали бы земскихъ людей и козаковъ въ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ. »

Крестьяне поступали въ общины или изъ семей старожильцевъ тѣхъ же общинъ, или изъ пришлыхъ людей изъ другихъ волостей; дѣти и родственники старожильцевъ заноси-

лись въ члены общины, кажется не раньше пятнадцати лѣтъ, и вообще когда по возрасту могли заниматься промыслами, и сажались сперва не на полную выть, а смотря по силамъ и средствамъ; такъ помянутая уставная грамата 1564 года говоритъ: «А у которыхъ земскихъ людей дѣти или племянники, а будутъ поспѣли промышляти звѣрь, и птицу и рыбу ловити, и ягоды и губы брати; и вы бъ на тѣхъ клали противъ козаковъ, по разсуженью, кто чего достоинъ.» А пришлые люди поступали въ члены крестьянской общины по взаимному условію съ общиною на полную или не полную крестьянскую выть, и кажется съ порукою крестьянъ старожильцевъ, что они люди добрые и будутъ исправными членами общины; такъ въ уставной грамотѣ, данной Патріархомъ Іовомъ Новинскому монастырю въ 1590 году, сказано: «а на пустыя выти крестьянъ призывати, а прикащикамъ порука по нихъ имати съ записьми, что бъ были люди добрые.» (Времен. № 2, смѣсь стр. 19).

Крестьяне члены общины, состоящіе въ тяглѣ, могли переходить изъ одной общины въ другую, или къ землевладѣльцамъ, не иначе, какъ по отказамъ, съ платежомъ пошлинъ и въ узаконненный срокъ; по Судебнику, мы уже видѣли узаконенный срокъ крестьянскихъ отходовъ—недѣля до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго, а пошлинъ за пожилое въ безлѣсныхъ мѣстахъ за дворъ 1 руб. 2 алтына, а въ лѣсныхъ полтина два алтына. Община или землевладѣлецъ не обязывались отпускать отъ себя тяглаго крестьянина, ежели за нимъ не явятся отказчики изъ той общины или отъ того землевладѣльца, къ которымъ переходитъ крестьянинъ. Отказчики должны были въ узаконенный для отказовъ срокъ явиться въ ту общину или къ землевладѣльцу, гдѣ живетъ крестьянинъ, и представить, съ пошлинами за пожилое, письменное или словесное объявленіе, что крестьянинъ переходитъ туда-то и его тамъ принимаютъ, и при семъ представляются слѣдующія по разчету законныя пошлины за пожилое; и когда отказъ будетъ принятъ и пошлины за пожилое взяты, тогда уже тяглый крестьянинъ могъ безпрепятственно оставить общину или землевладѣльца и увезти все свое движимое имущество.

Этотъ порядокъ отказа довольно хорошо изображенъ въ одной царской указной грамотѣ Новгородскимъ дьякамъ, писанной въ 1556 году; въ ней Государь пишетъ: «Билъ намъ челомъ Ивановъ человѣкъ Шатилова Ѳедко на Богдана на Кутузова, а сказываетъ: что деи отказалъ онъ изъ за того Богдана крестьянина Васюка да сына Бутака за государя своего за Ивана; и Богданъ деи у него отказъ взялъ и пошлины пожилые всѣ поималъ, да послѣ деи того животы ихъ пограбилъ; и они деи пришли на него бити челомъ въ Новгородъ.» (Допол. къ Ак. Ист. Т. I. № 51. XXIV.). Но была и другая форма перехода для тяглыхъ крестьянъ; крестьянинъ имѣлъ право продать свой дворъ или пріискать на свое мѣсто жильца, который бы принялъ на себя всѣ обязанности члена общины; и тогда крестьянинъ, пріискавшій таковаго жильца, имѣлъ полную свободу переходить куда угодно, и въ какой угодно срокъ, но не освобождался отъ платежа за пожилое, какъ прямо сказано въ Соловецкой уставной грамотѣ 1561 года: «а кто продастъ свой жеребей, а самъ пойдетъ за волость, и на томъ имати похоромное сполна, а съ купца имати порядное смотря по землѣ и по угодью.» (А. А. Э. Т. I. № 257.). Но тяглый крестьянинъ, вышедшій изъ общины не по отказу, и не посадивши на свое мѣсто жильца, считался бѣглымъ; община или землевладѣлецъ имѣли право искать его, и нашедши возвращать на старое мѣсто жительства, а новая община или новый землевладѣлецъ не могли защищать таковаго бѣглеца. Такъ въ уставной Важской грамотѣ 1552 года сказано: «А на пустые имъ мѣста дворовые въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣ, и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьянъ называть, и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежъ того.» (А. Ар. Эк. Т. I. № 234.).

Крестьяне и бобыли, какъ члены крестьянской общины, несли на себѣ всѣ выгоды и невыгоды общинной жизни и вполнѣ подчинялись общиннымъ разпоряженіямъ, а въ слу-

чаѣ сопротивленія подвергались отвѣтственности, какъ прямо сказано въ Соловецкой уставной грамотѣ 1564 года: «а кого чѣмъ окладчики обложатъ земскихъ людей и козаковъ; и тѣ бъ люди платили однокопно безъ всякаго перевода и смущенья. А кто упрямится не учнетъ платити; и вы бы у тіуна просили доводчика и велѣли на тѣхъ людей на ослушникѣхъ одноконно, безъ всякаго переводу, доправливати безсрочно, кого чѣмъ обложитъ.» (ibid. № 268). Крестьяне и бобыли должны были нести подати и службы не только за себя, но и за крестьянъ и бобылей умершихъ или оставившихъ общину. Правительство, до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ, обыкновенно не знало убыли крестьянъ въ той или другой общинѣ; слѣдовательно подати должны были вноситься сполна и съ убылыхъ мѣстъ; посему каждая община всѣ подати и повинности разлагала на своихъ наличныхъ членовъ, безъ различія: будетъ ли наличныхъ членовъ общины больше или меньше противъ числа, значащагося на общинѣ по писцовымъ книгамъ. И такимъ образомъ члены общины несли подати и повинности легче, ежели число членовъ увеличивалось противъ писцовыхъ книгъ, и на оборотъ тягло для нихъ дѣлалось тяжелѣе, ежели число членовъ уменьшалось.

Крестьяне какъ владѣльцы земли.

Мы уже знаемъ, что на Руси было три вида владѣнія крестьянъ землею: крестьянинъ владѣлъ или собственною землею, или общинною, или господскою; отсюда произтекали и три вида отношеній крестьянъ къ землѣ. Эти три вида въ сущности своей неизмѣнились и въ XVI столѣтіи, но въ частностяхъ они во многомъ уже не походили на прежнія отношенія.

Крестьянинъ на собственной землѣ, имъ такъ или иначе пріобрѣтенной, по прежнему былъ полнымъ хозяиномъ-собственникомъ, могъ ее продать, заложить, подарить и дѣлать другія распоряженія. Отъ XVI столѣтія мы имѣемъ нѣсколько крестьянскихъ купчихъ на земли и даже на деревни; таковы въ Юридическихъ Актахъ напечатаны: купчая Василья Дья-

конова на пожни и наволоки въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, 1550 года; купчія Каргопольца Ивана Межникова на участки земли близъ Турчасовскаго посада 1568 и 1571 годовъ; въ моемъ собраніи грамотъ имѣются посильныя, или тѣже купчія, крестьянъ Ивана, Терентія и Мокея Константиновыхъ дѣтей, писанныя въ 1534 году; отступная Куръ-островца Ермолы Плешкова на полдеревни Исутовской 1573 года. Но полная собственность на землю не отстраняла крестьянина отъ общины: онъ тянулъ въ ту волость, гдѣ находилась его земля, во всѣ мірскіе разрубы и розметы, платилъ подати и отправлялъ повинности по общинной раскладкѣ; онъ, какъ и другіе крестьяне, былъ тяглый человѣкъ и членъ общины; поземельная собственность не освобождала его отъ общинныхъ обязанностей. Такъ въ одной отводной на земли Бѣлозерскаго уѣзда, принадлежащія Кирилову монастырю и Кивуйской волости, упоминается деревня на рѣчкѣ на Паломбеѣ, принадлежащая старостѣ Кивуйской волости Конанику (Ак. Юрид., стр. 161). Здѣсь мы находимъ прямое свидѣтельство, что крестьянинъ Конаникъ, имѣвшій собственную деревню, былъ въ то же время, какъ членъ крестьянской общины, старостою черной Кивуйской волости, т. е. служилъ общинѣ по выборамъ. А вотъ свидѣтельство и о платежѣ податей съ поземельной собственности крестьянина по мірскимъ разрубамъ: въ купчей Кирилова монастыря на три участка въ Лачеозерской пожнѣ 1598 года, продавецъ пожень, посадскій человѣкъ Степанъ Межниковъ пишетъ: «а въ Государеву дань давати Кирилова монастыря съ той пожни на годъ по алтыну денегъ.» (Ак. Юрид., стр. 133). Или въ посильной на Фильковъ наволокъ въ Мегалахъ, купленный крестьяниномъ Григорьемъ Артемьевымъ въ 1534 году, продавцы крестьяне Иванъ, Терентій да Мокей Константиновы говорятъ: «а потугъ Григорью тянути съ той земли съ Ильина дни по мірской верѣвкы» (въ моемъ собраніи грамотъ). Крестьяне на своихъ земляхъ, какъ собственники, имѣли право сажать крестьянъ на свое имя, которые за пользованіе землею платили имъ условленные доходы. Но кажется безъошибочно можно сказать, что къ концу XVI столѣтія, крестьянъ своеземцевъ оставалось очень

не много; ибо беззащитность мелкихъ собственниковъ, обложенныхъ, тяжелыми государственными податями и повинностями, была такъ очевидна, что крестьяне спѣшили развязаться съ землею (доставлявшею имъ не столько выгодъ, сколько тяжестей и раззоренья) и перечисляться или на общинную землю, или къ богатымъ и сильнымъ землевладѣльцамъ, гдѣ всегда могли найти защиту и покровительство, и гдѣ отъ мѣстныхъ притѣсненій ихъ ограждала свобода перехода съ одной земли на другую. Вотъ образчикъ, какъ крестьяне спѣшили продавать землю обремененную большими налогами. По свидѣтельству одной правой грамоты 1571 года, крестьяне Елизарій Ѳедоровъ да Павелъ Анкидиновъ продали свою землю со всѣми угодьями, именно потому, какъ сказано въ грамотѣ, что « не измогли Великаго Князя службы служити и дани давати и всякихъ разрубовъ земскихъ.» И потомъ одинъ изъ продавцовъ порядился на ту же проданную землю у новыхъ покупателей, и въ порядной пишетъ: «се язъ Елизарей Ѳедоровъ сынъ Трубинъ, Лисеостровецъ, порядился есми Тимофею да Барсану Силвестровымъ дѣтямъ въ Карзину-Курью Великаго Князя, а своего жъ владѣнья.... и язъ Елизарей порядился и всю десять вервей, а сѣяти мнѣ на нихъ шесть пузовъ жита уркомъ; а пріѣдутъ писци великаго Князя; и мнѣ Елизару и моимъ дѣтемъ на той земли не описыватись.» (А. Юр., № 23). Здѣсь ясно, что крестьянинъ нуждался въ землѣ, и продавалъ послѣднюю землю, безъ которой не могъ обойтись; ибо онъ тутъ же нанималъ ее у новаго покупателя; но для него было невыносимо тяжело право собственности беззащитной, безпомощной и обремененной большими податями и повинностями, и онъ спѣшилъ съ ней развязаться. Кромѣ тяжести податей и повинностей, много способствовало разпродажѣ земель крестьянами право дробленія родительскихъ земель между наслѣдниками; ибо естественно, что участокъ земли, достаточный для одного семейства отца, былъ уже недостаточенъ, когда по смерти отца онъ дѣлился на четыре семейства сыновей, и посему разпродажа таковыхъ раздробленныхъ участковъ была необходима. Дѣти за лучшее считали сидѣть съ разными условіями на чужой, по достаточ-

ной землѣ, чѣмъ на своей, съ которой нельзя прокормиться. Крестьянинъ даже считалъ выгоднымъ для себя бросить свою землю даромъ, не продавши ее никому, лишь избавиться отъ податей и повинностей, которыя на ней лежали. Лучшимъ сему доказательствомъ служитъ Новгородская писцовая книга 1582 года, по которой въ Вотьской пятинѣ на 23 погоста насчитано 48 мѣстъ дворовыхъ земецкихъ порожжихъ и ни одного жилаго земецкаго двора, а обязанности земцовъ были полегче крестьянскихъ.

Крестьяне, жившіе на общинныхъ или на черныхъ земляхъ, по памятникамъ XVI вѣка, имѣли два рода отношеній къ землѣ: они или владѣли извѣстною долею общинной земли по рядной записи, какую крестьянинъ сдѣлалъ съ общиною, поступая въ ея члены; или община же давала крестьянину землю на оброкъ, по особой оброчной записи, не какъ члену общины, но какъ свободному полноправному человѣку. Перваго рода поземельныя отношенія крестьянина опредѣлялись порядною записью, которую онъ давалъ на себя волости или общинѣ. Вотъ образчикъ таковыхъ порядныхъ записей: «се язъ Григорей Филиппова сынъ далъ есми на себя запись Тавренскаго стану Вахромею Трофимову сыну Воронину и всѣмъ крестьянамъ, что взялъ у нихъ на льготу 12 долю обжи пустаго на годъ; а хоромъ дали полъизбы, да полъприруба да половина сѣнника и подклѣта, да полмякинницы, и со всѣмъ угодьемъ куды топоръ и коса и соха ходила. И того мнѣ жеребья впустѣ не покинуть и дворъ вновь починивать, а дани оброку въ тотъ льготный годъ не давать ни коихъ разрубовъ. А какъ отъидетъ льготный годъ, и мнѣ всякая подать платить со крестьяны вмѣстѣ. А покину язъ впустѣ землю въ той Прилучной деревнѣ, не насѣю и жильца не посажу; и на мнѣ Григорьѣ по сей записи взяти старостѣ въ міръ рубль денегъ.» (Ак. Юр., № 187). Здѣсь община является владѣльцемъ земли, хозяиномъ, а крестьянинъ жильцомъ, наемщикомъ, онъ прямо и пишетъ: «а покину язъ впустѣ землю той деревни, не насѣю и жильца не посажу.» Община, какъ хозяинъ, даетъ своему жильцу разныя льготы и пособія, а жилецъ крестьянинъ за это обязывается, по долѣ принятой земли, нести слѣдующую долю

тягла по мірскимъ разрубамъ. Что же касается до оброчной земли, то крестьянинъ, принимая ее у общины или у правительства, съ тѣмъ вмѣстѣ не принимаетъ никакихъ обязанностей, кромѣ условленнаго оброка. Оброчныя земли преимущественно состояли изъ разныхъ угодій и на нихъ не полагалось тягла. Вотъ отношенія крестьянина къ землѣ по одной оброчной грамотѣ на дикій лѣсъ въ Унженскомъ уѣздѣ: «И Первушкѣ Митюкову въ томъ дикомъ пустомъ лѣсу ходити и знамя дѣлати, и медвеной ему оброкъ и съ оброку пошлины съ пуда по пяти денегъ съ того дикого лѣса въ государеву казну платити ежегодь безъпереводно.» (ibid., № 172). Такимъ образомъ отношенія крестьянина къ общинной землѣ были довольно ограничены: онъ по записямъ получалъ ее отъ общины подъ тягло или подъ оброкъ, только для пользованія, а другихъ правъ на нее не имѣлъ. Но какъ по тяглу крестьянинъ дѣлался членомъ общины, то отсюда по необходимости вытекали многія права его на землю, какъ на общую собственность, а не какъ на чужую вещь, взятую въ пользованіе; отсюда на судѣ и вездѣ, гдѣ шло дѣло объ общинной землѣ, крестьяне всегда называли « ее нашею землею, нашей волости, нашихъ деревень, и та деревня наша, этотъ починокъ нашъ» и подоб. Даже на судѣ, въ тяжбѣ съ посторонними, не волостными людьми, крестьянинъ защищалъ принадлежащій ему общинный участокъ земли, какъ свой собственный, и община въ это не вступалась, ежели крестьянинъ не просилъ ея помощи. Такъ напримѣръ, въ правой грамотѣ о пустошахъ въ спорѣ между Ферапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости, отвѣтчиками были только двое крестьянъ, Салтыкъ да Вислъ Степановы дѣти Трутневы, покосившіе спорныя пустоши, и на судѣ они защищались одни, хотя и называли спорныя пустоши волостною землею, и судомъ оправлены были также только они двое, а не всѣ крестьяне Южской волости; но въ то же время спорныя пустоши были присуждены къ Южской волости (Ак. Юр., № 3). Или въ споръ Кирилова монастыря съ крестьянами Славенскаго Волочка истцами были только трое крестьянъ Славенскаго Волочка, у которыхъ Кириловскіе отводчики отвели земли, а вся волость въ

этомъ дѣлѣ не участвовала, какъ прямо говорятъ въ правой грамотѣ исцы: «отводчики Кириловскіе отвели у меня Савки починокъ къ своей пустоши къ монастырской къ Кочевинской; а мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, староста съ крестьяны, и язъ, господине, избу поставилъ; а то, господине, лѣсъ Великаго Князя Волоцкой; а у меня, господине, у Филиска да у Макуты отвели доры, нашихъ деревень покосы.» (Ак. Юр., № 6). Кажется, крестьянинъ даже могъ продавать общинную землю, но съ тѣмъ условіемъ, что бы покупщикъ тянулъ съ купленной такимъ образомъ земли въ общинное тягло. Но вѣроятно продажа общинныхъ земель, безъ соблюденія сего условія, принадлежала не одному крестьянину, но цѣлой крестьянской общинѣ, а по княжимъ грамотамъ мы знаемъ, что черныя земли не были исключены изъ продажи. Такъ въ одной грамотѣ князя Андрея Васильевича сказано: «пожаловалъ есми Злобу Васильева сына, ослободилъ ему на Вологдѣ купити земли, на соху, боярскихъ, и служилыхъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ.» (А. Юр., стр. 18). Порядившись на общинную землю, крестьянинъ не могъ оставить ее не въ узаконенный срокъ и не выплативши за пожилое по Судебнику; въ противномъ случаѣ онъ считался бѣглымъ, и община имѣла право отыскивать его и возвращать на прежнее мѣстожительство. По ограничиваемый общиною даже въ свободѣ оставить тяглую землю, крестьянинъ въ тоже время по землѣ имѣлъ право на покровительство и защиту отъ общины; при раскладкѣ податей и повинностей всѣ крестьяне общины имѣли равный голосъ, и всѣ общинныя дѣла производились съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ, льготы ли или какія взысканія налагались на крестьянина по распоряженію всей общины.

На владѣльческой землѣ крестьянинъ былъ хозяиномъ своего участка и тянулъ съ него во всѣ общинные разрубы и розметы безъ отношенія къ землевладѣльцу; такъ въ порядной записи 1576 года, данной двумя крестьянами Вяжицкому монастырю сказано: «а живучи намъ на той деревни тягло государское всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ.» (Ак. Юр. № 178.) Крестьяне на вла-

дѣльческой землѣ даже могли продавать свои участки и мѣняться ими по собственному усмотрѣнію, только увѣдомивши о томъ землевладѣльца или его прикащика. Такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева, сказано крестьянамъ: « вольно вамъ межъ себя дворы и землями мѣняти и продавати, доложа прикащика; а кто продастъ свой жеребей или промѣнитъ; и прикащику имати на томъ явки мѣноваго съ обѣихъ половинъ, на монастырь полполтины. » (Ак. Ар. Эк. т. I. № 258.) Въ отношеніи къ землевладѣльцу крестьянинъ за полученную землю принималъ на себя разныя владѣльческія повинности и оброки, согласно съ условіями, прописанными въ рядной записи; условія эти были разнообразны, и иногда въ порядныхъ прописывались съ довольными подробностями. Такъ въ порядной, данной двумя крестьянами Вяжицкому монастырю въ 1590 году, сказано: «порядилися въ крестьяне на деревню на Высокое, на обжу на льготу на четыре лѣта: нынѣшняго 998 года поставити намъ на той Николины деревни на Высокомъ два дворы крестьянскіе, мнѣ Ждану поставити изба трехъ саженъ наземная да противо клѣть, да два хлѣва, да межи хлѣвовъ два пристѣна; а мнѣ Кирилы на другомъ дворѣ поставити изба трехъ саженъ наземная, да противо клѣть, да два хлѣва, да межи хлѣвовъ два пристѣна. А пріити намъ жити на ту деревню въ 99 году, на Николинъ день на вѣшной, и пришедъ намъ на ту деревню на Высокое въ тѣ свои поставленные дворы, пашня роспахати, и поля росчистити, и городьба около поль городити и луги росчистити. А жити намъ во льготѣ на той деревни съ Николина дня вешняго впередъ четыре годы, а въ тѣ льготные годы монастырскіе хлѣбные дани и денежныхъ и оброковъ ничего не давати, и государевыхъ намъ податей въ тѣ во льготные лѣта своей пашни со обжи ни какихъ не платити, и монастырскаго ни котораго дѣла не дѣлати. Да намъ же пожаловалъ игуменъ съ братьею на роспашку, на тѣ льготные лѣта къ нашіе пашни другую обжу пустую, а въ тѣ намъ во льготные лѣта изъ тое обжи въ монастырскую казну хлѣбные дани и денежныхъ оброковъ не давати ни чего, а какъ тѣ льготные годы отойдутъ;

и намъ въ монастырь давати послѣ льготныхъ лѣтъ своей пашни со обжи пятой снопъ изо всякаго хлѣба, а та намъ роспашная пашня послѣ льготныхъ лѣтъ, которую намъ игуменъ пожаловалъ, въ монастырь игумену съ братьею отказати. А послѣ льготныхъ лѣтъ своей намъ съ пахотные обжи платити всякіе государевы подати съ волостью вмѣстѣ. А не поставимъ мы на той пустоши по своему договору и по записи дву дворовъ крестьянскихъ или непойдемъ жити на Николину деревню на Высокое, и игумену съ братьею взяти на насъ за дворовое поставленье и за нероспашку десять рублевъ Московская по сей рядной записи.» (Ак. Юрид. № 186). Здѣсь изложено отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцу безъ владѣльческой подмоги или ссуды, а вотъ еще порядная съ владѣльческою подмогою 1586 года: «Се язъ Никифоръ: — да язъ Софонтей Васильевы крестьяне Басланова, изъ деревни Замошья, дали есмя на себя запись въ томъ, что порядилися есми за Николу Чудотворца.... на деревню на Липовецъ, на штину обжи, а взяли есмя подмогѣ два рубля Московскую, да льготы на два года въ монастырь дани не давати и не ходити на дѣло. А живучи намъ на той деревнѣ тягло государское всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ; а за ту подмогу намъ и за льготу деревня разпахати и поля огородити, и старые хоромы починити и новые поставити два хлѣва да малня. И какъ пройдутъ тѣ льготные два годы; и намъ давати въ монастырь Николѣ чудотворцу оброку по рублю по Московскому на годъ и на дѣло монастырское ходити, какъ иные крестьяне ходятъ. А не отживемъ мы тѣхъ льготныхъ дву годовъ, и деревни не розчистивъ и поль ноогородивъ, и хоромъ старыхъ не починивъ и новыхъ не поставивъ, да пойдемъ вонъ; и намъ та подмога монастырская, два рубля Московская, по сей записи, отдати слугѣ Тимоѳею Павлову.» (ibid. № 178.). Иногда крестьяне и съ старымъ своимъ землевладѣльцомъ вступали въ новыя отношенія, т. е. принимали на себя болѣе или менѣе земли, и согласно съ симъ принимали бо̀льшія или мѐньшія обязанности. Такъ въ одной порядной 1582 года Прилуцкіе крестьяне вступаютъ въ новыя условія съ Прилуцкимъ же мона-

стыремъ.. Вотъ слова самой порядной записи: « Се язъ Яковъ Романовъ сынъ, да язъ Богданъ Максимовъ сынъ, есмя изъ Богородицкаго села Спаскаго Прилуцкаго монастыря крестьяне, порядилися есмя Спасскаго Прилуцкаго монастыря въ монастырское село въ Богородицкое, полвыти на жилую, ржи сѣяно въ земли пять четвертей, да денегъ есмя взяли на ссуду полтина; пашня намъ пахати, земли не запереложити и въ ново чистити, и во дворѣ намъ поставити изба новая полутретьи сажени и старые хоромы починивати, а дани царскіе и оброки и всякіе подати государскіе давати, и въ монастырь всякой оброкъ хлѣбной платити сполна, и издѣліе намъ монастырское дѣлати, какъ и прочіе крестьяне. » (ibid. № 182.) Крестьяне новопришедшіе, неизвѣстные землевладѣльцу, принимались за порукою другихъ крестьянъ старожильцевъ. Такъ въ одной поручной 1585 года двое старожильцевъ Прилуцкаго монастыря села Богородицкаго пишутъ: «Поручилися есмя по Иванѣ по Миніевѣ сынѣ, въ томъ, что онъ порядился у Прилуцкаго монастыря у казначея у старца Сергія въ монастырской вотчинѣ въ селѣ Богородцкомъ жити въ крестьянѣхъ на пашенной землѣ на полуплугѣ нынѣшняго 93 года Марта въ 25 день. А живучи мнѣ Ивану въ томъ селѣ въ Богородицкомъ, земля пахати и огороды городити, и дворъ починивати, и здѣлье монастырское дѣлати, и подати платити, и монастырскій оброкъ по книгамъ платить.... А неучну язъ Иванко за Прилуцкимъ монастыремъ въ томъ селѣ Богородицкомъ жити и пашни пахати.... и на мнѣ на Иванкѣ и на моихъ поручникѣхъ взяти старцу Сергію въ казну пять рублевь денегъ, а на то послуси Аврамей Онофріевъ, да Иванъ Архиповъ и проч. (ibid. № 290).

Подробности отношеній крестьянина къ землевладѣльцу, порядокъ крестьянскихъ работъ, оброки и повинности, у большихъ землевладѣльцевъ излагались обыкновенно въ особыхъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. Такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ села Пузырева въ 1561 году сказано: « Имати у васъ оброкъ хлѣбной съ 33-вытей, на годъ съ выти по 4

четверти ржи, да четыре четверти овса, въ новую въ городскую мѣру; да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти, на Госпожинъ день, по сыру по сухому, а нелюбъ сыръ, и за сыръ двѣ деньги, да въ осень на Покровъ Св. Богородицы 50 яицъ, по хлѣбу, да по колачу. А пашню пахать на монастырь въ селѣ Никольскомъ, а сѣяти семены монастырскими, съ выти по четверти ржи да по двѣ четверти овса. А похощетъ прикащикъ сѣяти пшеницу, или жито, или горохъ, или гречю, или ленъ; и крестьяномъ то пахати, на которыхъ десятинахъ прикащикъ излюбитъ. Такоже волостью на прикащика и на слугу и на доводчика крестьянамъ рожъ на хлѣбы и солодъ на квасъ молоти. Да съ тѣхъ же вытей съ выти привозити на монастырской дворъ по два возы дровъ да поленныхъ, по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по 10 полѣнъ лучины. А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошадь везти по четыре четверти ржи, а овса по 6 четвертей.... а назадъ везти на тѣхъ же коняхъ на выть по полутретьядцати пудовъ соли.... А не лучится крестьянамъ котораго году повозъ везти, ино на нихъ взяти за подводу по четыре гривны Московскую... А дворъ монастырской и гумна крестьяномъ подѣловати, и которые хоромины пристарѣютъ и въ тѣхъ хоромъ мѣсто новыя хоромы ставити. И прикащика слушати во всемъ, и на монастырское дѣло ходити на солнечномъ восходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ. А кто непридетъ, на томъ заповѣди приказщику двѣ деньги. А коли прикащикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочнаго дѣла; и кто придетъ и прикащику тѣхъ людей кормити монастырскимъ хлѣбомъ. » (Ар. Эк. Т. I. № 258). Или въ уставной грамотѣ Патріарха Іова, 1590 года, Новинскому монастырю, между прочимъ, сказано: «И кто въ монастырскихъ селѣхъ учнутъ жити слугъ и крестьянъ; и крестьянамъ пахати на монастырь подъ рожъ по полуторѣ десятины, и навозъ возити на монастырскую пашню, сколько въ которомъ селѣ будетъ, сѣно косити, сколько въ которомъ селѣ будетъ, и на монастырь и на монастырской дворъ возити. И запасъ тѣмъ крестьяномъ на монастырь дѣлати всякой повытно по наказу и въ монастырь возити. Да имъ же

молоть ржи монастырской по двѣ четверти на выть; да имъ же на монастырь возити съ выти по три возы дровъ, да по берну трехъ саженного лѣсу на кельи, гдѣ игуменъ купитъ берна или дрова, или изъ монастырскихъ рощь на монастырское строенье; а невелитъ игуменъ которого голу крестьяномъ дровъ возити, и крестьяне даютъ на монастырь съ выти по алтыну за возъ.... А который крестьянинъ ослушается въ каковѣ монастырскомъ дѣлѣ; и игумену на ослушникѣ велѣти прикащику взяти гривну въ монастырскую казну, а ослушника послати на монастырское дѣло. А который крестьянинъ овинъ пожжетъ съ монастырскимъ хлѣбомъ безхитростно; и на томъ крестьянинѣ хлѣбъ невзяти, а овинъ ставити волостью.... А на пустые выти игумену крестьянъ призывати, а прикащикамъ порука по нихъ имати съ записьми, чтобъ были люди добрые. А который крестьянинъ выйдетъ за волость по сроку съ отказомъ; и та выть пахати того села крестьяномъ, а тягль Царя и Великаго Князя и монастырскіе подати давати всякіе и дѣло дѣлати и пока мѣста крестьянинъ будетъ на ту выть, а игумену въ ту выть невступатися. Да во всѣхъ селахъ и деревняхъ монастырскимъ крестьянамъ межъ себя дворовъ неогнаивати, а хоромы имъ въ тѣхъ мѣсто, которые обвѣтшаютъ, новые хоромы и городьбы городити. А который крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши; и тотъ дворъ ставить тѣхъ селъ крестьяномъ, которые останутся въ тѣхъ селѣхъ своими деньгами; потому чтобъ берегли другъ друга, чтобъ дворъ неогноенъ былъ.» (Времен. № 2. смѣсь. стр. 19). По симъ двумъ образцамъ приблизительно можно видѣть въ какихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ были крестьяне въ XVI вѣкѣ; впрочемъ общихъ правилъ здѣсь не было, какъ уже свидѣтельствуютъ представленные образцы, все зависѣло отъ взаимныхъ условій крестьянина и землевладѣльца, особенно въ мелкихъ владѣніяхъ, гдѣ едвали и были какія уставныя грамоты. Одно только можно сказать, что, при свободномъ переходѣ крестьянъ, слишкомъ большой разницы въ отношеніяхъ не было и не могло быть: взаимная нужда въ рабочихъ и въ землѣ естественно установляли приблизительно одинакую цѣну на трудъ и на землю. Это

довольно ясно свидѣтельствуетъ и Новгородская переписная окладная книга 1500 года: въ ней изъ пятнадцати одинакихъ (1) крестьянскихъ хозяйствъ, взятыхъ на удачу отъ разныхъ землевладѣльцевъ, три хозяйства платили каждое по барану, по пяти горстей льну и по трети изъ хлѣба; два хозяйства каждое по барану, по полти мяса, по девяти горстей льну, по четверти изъ хлѣба, по курицѣ, по коробьѣ солоду и по коробьѣ жъ хмѣлю; два хозяйства, каждое по гривнѣ деньгами, по бочкѣ пива, по пяти горстей льну, и по четверти изъ хлѣба; три хозяйства, каждое по барану, по пяти горстей льну и по половинѣ изъ хлѣба; одно хозяйство по три гривны деньгами и по три коробьи хлѣбомъ; одно хозяйство по 6 денегъ, по 2 коробьи ржи и по 2 коробьи овса; одно хозяйство по 7 денегъ, по овчинѣ, по 3 сыра, по 5 горстей льну, и треть изъ хлѣба; одно хозяйство по барану, по 10 горстей льну и треть изъ хлѣба; и одно хозяйство по 7 денегъ, полбочки пива, блюдо масла, сыръ и четверть изъ хлѣба.

Общее заключеніе о крестьянахъ XVI вѣка.

Вообще крестьяне въ XVI вѣкѣ получили полное развитіе своихъ правъ, какъ люди свободные, полноправные члены Русскаго общества, составляющіе особый самостоятельный классъ. Въ XVI вѣкѣ законъ гласно призналъ за крестьянами всѣ ихъ права, выработанныя жизнію Русскаго общества. По закону крестьяне въ XVI вѣкѣ рѣзко уже отличены и отъ наймитовъ, съ которыми смѣшивались по Русской Правдѣ, и отъ кабальныхъ слугъ, и отъ вольныхъ государевыхъ людей, или отъ гулящихъ людей, не состоящихъ въ тяглѣ, съ которыми ихъ можно было еще смѣшивать по Псковской судной грамотѣ. Свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую получилъ значительное облегченіе строгимъ отдѣленіемъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ отъ отношеній по ссудамъ. Хотя состояніе въ тяглѣ по прежнему еще осталось препятствіемъ къ переходу крестьянъ, но

(1) Пахатной земли подъ рожь на 8 коробей, и сѣнокоса на 40 копенъ.

это препятствіе значительно устранялось опредѣленіемъ платежа за пожилое, назначеннымъ въ Судебникахъ. Личность крестьянина, какъ полноправнаго члена въ обществѣ, пріобрѣла для себя сильную опору въ равенствѣ суда для всѣхъ классовъ общества и въ пенѣ за безчестье, утвержденныхъ закономъ, а также въ зависимости отъ крестьянской же общины, а не отъ произвола землевладѣльцевъ. А крестьянскія общины, безъ различія на владѣльческихъ ли, или на черныхъ земляхъ, получили такую самостоятельность и такія права собственнаго суда и управленія, какими прежде рѣдко пользовались самые богатые и сильные землевладѣльцы, почти совершенно сравнялись съ городскими общинами. Самое владѣніе землею получило больше прочности и самостоятельности противъ прежняго времени. Конечно, община или землевладѣлецъ по прежнему могли еще сослать неисправнаго крестьянина съ земли; но они не имѣли права убавить или прибавить участокъ земли противъ порядной записи; земля, составляющая тягловую долю крестьянина, оставалась неприкосновенною, пока крестьянинъ исправно тянулъ съ нее тягло; власть его надъ симъ участкомъ простиралась до того, что онъ могъ мѣнять и продавать его людямъ, соглашающимся нести тягло. Иногда крестьяне до того простирали свою власть на землю, принадлежащую частнымъ владѣльцамъ, что удерживали ее за собою противъ воли собственниковъ; и собственники, чтобы сослать таковаго крестьянина съ ихъ земли, должны были прибѣгать къ помощи правительства (1). Конечно это со стороны крестьянъ было явное злоупотребленіе; но самая возможность таковаго злоупотребленія уже свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи крестьянской самостоятельности;

---

(1) Такъ въ 1533 году Богословскій монастырь билъ челомъ Великому Князю Василью Ивановичу о высылкѣ съ монастырской земли крестьянина Ивана Батурина, а въ челобитной было написано, что тотъ крестьянинъ жилъ за Богословскимъ игуменомъ на льготѣ, да льготу отсидѣлъ, а пошлинъ никоторыхъ не платитъ, ни подъ судъ ся имъ недаетъ, а живетъ у нихъ на томъ селищѣ сильно.» И монастырь самъ собою не могъ выгнать этого крестьянина; а долженъ былъ идти на судъ къ государеву дворецкому, и уже по суду дворецкаго крестьянину данъ былъ мѣсячный срокъ очистить монастырскую землю. (Ак. Ист. Т. I № 134).

древній ролейный закупъ Русской Правды вѣроятно не имѣлъ возможности выказать подобное злоупотребленіе своей силы.

Но рядомъ съ обширнымъ развитіемъ и законнымъ признаніемъ крестьянской полноправности, XVI вѣкъ представляетъ постепенное стѣсненіе матеріальныхъ средствъ въ крестьянствѣ. Земля, этотъ основный капиталъ земледѣльца, незамѣтно, но быстро, ускользаетъ изъ крестьянскихъ рукъ. Государи Московскіе, Іоаннъ III и Іоаннъ IV, такъ много сдѣлавшіе для развитія крестьянской полноправности, едва ли не въ бо́льшихъ размѣрахъ способствовали къ постепенному переходу земли изъ крестьянскихъ рукъ въ руки служилыхъ людей, или въ непосредственное распоряженіе правительства. Признавая всю землю государственною, безъ различія въ чьихъ бы частныхъ рукахъ она ни была, они постоянно имѣли въ виду, чтобы земля изъ службы не выходила, и по сему смѣло измѣняли ея назначеніе, сообразаясь съ тѣмъ, гдѣ служба земли представлялась болѣе выгодною для государства. Оказывалась ли у правительства нужда въ деньгахъ, — земли большими массами отдавались на оброкъ; нужны ли были служилые люди,—земли поступали въ помѣстныя и вотчинныя дачи; встрѣчались ли недочеты въ оброчномъ содержаніи, — земля переводилась на прямое государственное тягло по общиннымъ разрубамъ и розметамъ; и вообще на каждое новое требованіе, на каждую нужду правительства отвѣчала земля. Конечно, почти все это дѣлалось и прежде, но далеко не въ тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ XVI столѣтіи. Мы знаемъ, что удѣльные князья въ прежнее время раздавали земли и въ помѣстья и въ вотчины, и отдавали на оброкъ; но эта раздача по самой уже слабости удѣльнаго правительства была слишкомъ ограничена. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи находились Государи Московскіе въ XVI вѣкѣ. Завоеваніе Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и другихъ огромныхъ земель и совершенное уничтоженіе удѣловъ, поставило ихъ на такую высоту, что съ ихъ государственною властію власть прежнихъ князей нельзя уже и сравнивать: въ прежнее время князья большею частію смотрѣли изъ рукъ народа, а у Московскихъ государей XVI вѣка народъ сталъ смотрѣть

изъ ихъ рукъ, и какъ милость получалъ отъ нихъ утвержденіе неприкосновенности своихъ правъ. Князь Великій Иванъ Васильевичь, по совершенномъ покореніи Новгорода, какъ свидѣтельствуетъ переписная окладная Новгородская книга 1500 года, въ Вотьской пятинѣ около четверти всѣхъ земель перевелъ на оброкъ, и можетъ быть около трети отдалъ въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, а остальное предоставилъ монастырямъ и земцамъ Новогородскимъ; таковыя же распоряженія Московскихъ государей, по свидѣтельству лѣтописей, были въ Твери, Псковѣ, Смоленскѣ, Казани и въ другихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Москвѣ. Московскіе служилые люди и переселенцы охотно садились въ завоеваныхъ земляхъ, розданныхъ имъ щедрою рукою, и конечно не гнались за тѣмъ, что богатое государское жалованье имъ давалось съ непремѣннымъ условіемъ службы, на помѣстномъ правѣ, или съ иными какими ограниченіями; ибо богатство государскаго жалованья съ лихвою выкупало невыгоды службы и другія ограниченія; переселенцы же изъ завоеванныхъ земель въ Московскія волости рады были занимать отведенныя имъ земли на условіяхъ, назначенныхъ правительствомъ, лишь бы вовсе не остаться безъ земель. Такимъ образомъ огромныя завоеванія Московскихъ Государей въ XVI вѣкѣ не только разпространили Московскія владѣнія на всю Русскую землю и даже далеко за ея прежніе предѣлы; но и способствовали къ тому, чтобы всю землю, состоящую въ Московскихъ владѣніяхъ, мало по малу ввести въ службу и въ тягло; ибо, за новыми поселенцами изъ завоеванныхъ земель, легко было разпространить тяжести службы и тягла и на старожильцовъ во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ.

Въ царствованіе Царя Ивана Васильевича особенно была развита раздача земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ; упорныя и продолжительныя войны сего Государя съ Казанью, Ливоніею, Польшею и Швеціею требовали постоянно огромныхъ войскъ, какихъ не бывало при прежнихъ Русскихъ Государяхъ: такъ еще въ первую Литовскую войну, бывшую въ 1535 году, Псковскій лѣтописецъ насчитываетъ до полутораста тысячь воиновъ; Казанскіе походы вѣроятно были еще многолюднѣе; въ походѣ на Полоцкъ,

одной только посохи съ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ было 80 тысячь человѣкъ; во время войны съ Баторіемъ, у Царя подъ Старицею было собрано 300 т. войска, и наконецъ по всей Украинской линіи, противъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, каждое лѣто стояли полки по Окѣ и по другимъ рѣкамъ, и сторожи по городкамъ и засѣкамъ отъ Алатыря до Путивля. Такимъ образомъ въ царствованіе Іоанна IV Московское государство въ разные годы имѣло по крайней мѣрѣ до милліона войска разныхъ названій и разныхъ способовъ содержанія; изъ сихъ войскъ по крайней мѣрѣ половина, т. е. до полумилліона людей, постоянно получали на свое содержаніе помѣстныя дачи, а судя потому, что въ 1550 году. въ царскомъ приговорѣ, на 1,050 человѣкъ бояръ и дѣтей боярскихъ, испомѣщенныхъ въ Московскомъ уѣздѣ отъ Москвы за 60 и за 70 верстъ, было назначено 118,000 чети земли, должно допустить, что къ концу царствованія Іоанна IV было въ помѣстной раздачѣ по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ четвертей земли (1). Кромѣ того на содержаніе во время походовъ другаго полмилліона войскъ не получавшихъ помѣстій, а также для пособія и помѣщикамъ въ военное время, нужны были огромныя суммы денегъ. Ежели въ 1563 году, самому послѣднему разряду войскъ, посохѣ для Полоцкаго похода давалось по 5 рублей конному и по 2 рубля пѣшему воину (2), а въ то время 6 рублей равнялись фунту серебра; слѣдовательно, для Псковскаго лишь похода на одну посоху, ко-

---

(1) Царь Иванъ Васильевичь могъ раздавать земли въ такихъ размѣрахъ безпрепятственно и въ вновь покоренныхъ краяхъ и въ старыхъ Московскихъ владѣніяхъ: ибо при свободномъ переходѣ крестьянъ и при зависимости ихъ не столько отъ землевладѣльцевъ, сколько отъ своихъ общинъ, права крестьянъ почти нисколько не нарушались при переходѣ земель изъ одного владѣнія въ другое. Крестьяне, при переходѣ черной земли въ помѣстное или вотчинное владѣніе, конечно должны были нести подати и въ пользу государства и въ пользу помѣщика или вотчинника; но на дѣлѣ подати сіи отнюдь не были двойными, ибо по сошной раскладкѣ съ помѣстныхъ или вотчинныхъ земель шло въ казну почти вдвое менѣе, чѣмъ съ черныхъ земель, и сверхъ того крестьяне въ помѣщикѣ или вотчинникѣ находили своего покровителя и часто помогателя ссудою; а ежели онъ былъ тяжелъ для нихъ, то они могли свободно оставлять его земли.

(2) Псков. Лѣт. I, стр. 314.

торой тамъ было 80 т. человѣкъ, должно было собрать по крайней мѣрѣ 180,000 рублей или 30 т. фунтовъ серебра; то какое же огромное количество денегъ нужно было на веденіе всѣхъ войнъ, бывшихъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ? А едва ли не бо̀льшую часть всѣхъ сихъ издержекъ должна была выплачивать земля, записанная въ тяглѣ.

Принимая въ соображеніе такія огромныя траты земли и денегъ, естественно положеніе крестьянъ въ XVI вѣкѣ должно было сдѣлаться тяжелымъ и по мѣстамъ не выносимымъ, особенно тамъ, гдѣ производились военныя дѣйствія, сопровождаемыя по обычаю страшнымъ грабежомъ и опустошеніями. А посему насъ нисколько не должны удивлять огромныя пространства пустопорожнихъ земель, указываемыя писцовыми книгами XVI вѣка, и другими тогдашними памятниками. А тѣмъ меньше мы должны приписывать таковыя запустѣнія свободному переходу крестьянъ; самые памятники вездѣ жалуются и приписываютъ запустѣніе не свободному переходу, а другимъ причинамъ, голоду, повальнымъ болѣзнямъ, войнѣ, плохому хозяйству землевладѣльцевъ и тяжести податей и повинностей (1).

---

(1) Такъ на примѣръ писцовая Новгородская книга 1582 года, описывая запустѣлыя имѣнія въ Климецкомъ погостѣ, въ итогѣ заключаетъ: «а запустѣли тѣ деревни до войны отъ хлѣбнаго недороду и отъ повѣтрія.» (стр. 3). Или въ другомъ мѣстѣ таже книга запустѣніе имѣній приписываетъ смерти или удаленію помѣщиковъ; такъ въ описаніи Спаскаго погоста на Оредежи, объ одномъ запустѣломъ имѣніи сказано: «А Гридя да Иванъ (помѣщики) померли тому 30 лѣтъ, а ихъ помѣстье запустѣло отъ тѣхъ же мѣстъ,» Или о другомъ запустѣломъ имѣніи: «А Иванъ (помѣщикъ) то помѣстье покинулъ, а самъ съѣхалъ къ Москвѣ, тому 12-ть лѣтъ, а помѣстье запустѣло отъ тѣхъ же мѣстъ.» (стр. 6.). Таже писцовая книга въ разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о цѣлыхъ волостяхъ и погостахъ сженыхъ и воеванныхъ и вообще запустѣлыхъ отъ войны. Или одна правая грамота 1561 года свидѣтельствуетъ, что деревни иногда пустѣли отъ нехозяйства землевладѣльцевъ: въ грамотѣ истецъ говоритъ на судѣ: «И Некрасъ, господине, живучи въ той вотчинѣ, да тѣ деревни запустошилъ; и какъ, господине, Некрасъ постригся, а тѣ деревни пусты.» (Ак. отн. до юрид. быта, стр. 219). Или еще правая грамота 1571 года указываетъ, что даже крестьяне своеземцы продавали или оставляли свои земли отъ тяжести податей и повинностей и вообще волостныхъ разрубовъ; въ грамотѣ сказано: «Се язъ Елизарей Ѳедоровъ сынъ, да язъ Павелъ Анкидиновъ сынъ отступилися есми Тимофею да Гаврилу Барсану Сильвестровымъ дѣтямъ Великаго Князя земли, а своего владѣнья, половины своего жеребья ...

Свободный же переходъ крестьянъ ни въ одномъ памятникѣ не выставляется причиною запустѣнія земель; да и дѣйствительно, съ земли выгодной, неопустошенной, необремененной невыносимыми податями и повинностями, и при свободѣ перехода, крестьянинъ не имѣлъ надобности переходить; перемѣна мѣстожительства для земледѣльца по самой природѣ его промысла, весьма неудобна и отяготительна, а посему онъ рѣшается на нее только въ самой крайности. И наши новые историки напрасно обвиняютъ Русскихъ крестьянъ XVI столѣтія въ бродячести и неусидчивости; по свидѣтельству памятниковъ, и въ XVI столѣтіи въ селахъ и деревняхъ много бывало старожильцевъ, живших по 60 и 80 лѣтъ въ одной деревнѣ, и наслѣдовавших свои дворы и земли отъ отцовъ и дѣдовъ. А ежели по писцовымъ книгамъ и много встрѣчается запустѣвшихъ селъ и деревень, то мы уже частію видѣли причины таковаго запустѣнія; эти же причины одинаково дѣйствовали и по прекращеніи свободнаго перехода крестьянъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ оставленія земель крестьянами, въ слѣдствіе опустошенія или несоразмѣрнаго отягощенія податями и повинностями, подаги и повинности еще невыносимѣе ложились на крестьянъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ; ибо за опустѣлыя выти по порядку платили живущія выти до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. А это породило новое искусственное запустѣніе земель, особенно у помѣщиковъ и вотчинниковъ многоземельныхъ и богатыхъ, желавшихъ привлечь къ себѣ побольше крестьянъ, и въ тоже время разчитывавшихъ облегчить имъ разныя повинности и казенныя подати не на свой счетъ, а на счетъ казны. Они это дѣлали обыкновенно такъ: при составленіи писцовыхъ книгъ всѣми мѣрами старались показать за собою земли сколько можно менѣе въ живущемъ и сколько можно болѣе въ пустѣ, дабы такимъ образомъ, въ общей раскладкѣ, писцы на ихъ имѣнія, какъ пустующія, положили менѣе

а неизмогли есмя В. Князя службы служити и дани давати и всякихъ разрубовъ земскихъ.» (Ак. Юр. № 23.).

податей. Для этой цѣли они обыкновенно, во время составленія писцовыхъ книгъ, удаляли крестьянъ съ своихъ земель, даже прятали въ лѣсахъ, а по составленіи книгъ, или опять приглашали на старыя поселенія, или переманивали къ себѣ съ общинныхъ земель и отъ небогатыхъ землевладѣльцевъ, неумѣвшихъ показать свои земли запустѣлыми. При общемъ отягощеніи крестьянъ казенными податями и повинностями, таковая уловка богатыхъ землевладѣльцевъ почти всегда удавалась, и крестьяне охотно шли на ихъ земли, значительно такимъ образомъ облегченныя въ несеніи казенныхъ податей и повинностей противъ другихъ земель; въ случаѣ нужды, богатые землевладѣльцы употребляли и насиліе для переведенія крестьянъ, а вь слѣдъ за богатыми землевладѣльцами тоже дѣлали и черныя волости, гдѣ случались ловкіе начальники (1). О таковыхъ продѣлкахъ, очень невыгодныхъ для казны и невыносимо тягостныхъ для крестьянъ, мы имѣемъ свидѣтельства въ оффиціальныхъ памятникахъ XVI столѣтія. Такъ въ царской грамотѣ Новгородскимъ дьякамъ, отъ 20 Января 1556 года, сказано, что по всѣмъ Новгородскимъ пятинамъ при описи 1554 года многія земли названы пустыми, а послѣ по розыску оказалось, что «многіе обжи за дѣтьми боярскими паханы и кошены, а въ первыхъ обыскѣхъ писаны пусты непаханы и некошены.» И Царь писалъ къ дьякамъ: «И вы бъ дьяки наши того сыскавъ допряма, да на тѣхъ людехъ, кто тѣ пустые обжи пашетъ и коситъ, и на тѣхъ кто въ обыску зимѣ сказывалъ, что тѣ обжи пусты, а опослѣ того есте сыскали, что тѣ обжи не пусты, наши всякіе подати и на прошлые лѣта доправили вдвое.... А сыскивали бы на крѣпко, тобъ у васъ живущаго впустѣ неписали.» (Дополн. къ ак. Ист. Т. I. № 93). Здѣсь вѣроятно обманъ былъ замѣченъ преимущественно по своей обширности, ибо неправильно пустующими землями оказа-

(1) Такъ въ 1579 году сельскій прикащикъ съ крестьянами Покровскаго дѣвичьяго монастыря жалуются на прикащика Дуниловскихъ государевыхъ деревень, что онъ съ государевыми крестьянами напалъ многолюдствомъ на монастырское село Хрепелево, пограбилъ его и увезъ съ собою двухъ монастырскихъ крестьянъ. (Ак. Юр. № 46).

лись многія обжи по всѣмъ пяти Новгородскимъ пятинамъ; а не столько рѣзкіе обманы очевидно сходили съ рукъ и ложились страшнымъ гнетомъ на земледѣльцевъ, отъ чего рождалось новое запустѣніе, цѣлыя селенія разбѣгались по сторонамъ, кто къ сильнымъ землевладѣльцамъ, кто въ наемные работники, кто въ стрѣльцы, кто въ козаки, кто даже въ холопи.

Всѣ частныя мѣры для поправленія этаго дѣла явно оказывались недѣйствительными, а Судебникъ и дополнительныя къ нему узаконенія Царя Ивана Васильевича, облегчившія свободный переходъ крестьянъ и утвердившія ихъ общественную самостоятельность, сдѣлали свое дѣло и не могли идти дальше; они дали правительству средства свободно распоряжаться землями и обратить ихъ на службу государству; но когда дошло дѣло до самихъ крестьянъ, то оказалась необходимость въ новыхъ узаконеніяхъ, на которыя Царь Иванъ Васильевичь не могъ уже рѣшиться въ явное противорѣчіе съ своими прежними законами. Онъ ограничивался только строгими розысками, чтобы владѣльцы жилыхъ земель не писали пустыми и крестьянъ не таили; но эти розыски естественно не всегда были удачны и производили только запутанности и проволочки, а между тѣмъ волости пустѣли, крестьяне разорялись, и сборъ податей терпѣлъ недочеты. Царь предпринималъ и другія мѣры: такъ въ 1551 году запретилъ епископамъ, монастырямъ и церквамъ пріобрѣтать села и деревни безъ доклада Государю (А. А. Э. Т. I. № 227.); потомъ въ 1581 году и совершенно запретилъ духовенству вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія; въ соборномъ приговорѣ этого года сказано: «а митрополиту и владыкамъ или монастыремъ земель не покупати, и въ закладѣ не держати; а кто послѣ сего уложенья купитъ землю, или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на Государя.» (ibid. № 308). Сверхъ того, по этому же приговору, духовенство отказалось въ пользу казны отъ всѣхъ недвижимыхъ имѣній, находившихся въ то время у него въ залогѣ, и отъ имѣній данныхъ служилыми князьями. Но этѣ и подобныя мѣры, конечно, только давали новыя средства казнѣ, сбора же податей тѣмъ не менѣе не облегчали, и онъ лежалъ ка-

кимъ то гнетомъ на тяглыхъ людяхъ, крестьянскія общины болѣе и болѣе подвергались запустѣнію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и большему разоренію. Такъ что самая юридическая самостоятельность и общественное значеніе сихъ общинъ, утвержденныя за ними законами Іоанна IV-го, послужили имъ къ бо́льшему отягощенію; ибо съ одной стороны, не смотря на свою самостоятельность и значеніе, они были слишкомъ безсильны предъ громадными силами правительства, а съ другой стороны самая юридическая самостоятельность подвергала ихъ неумолимой отвѣтственности передъ правительствомъ, по самому ходу дѣлъ, требовавшимъ огромныхъ пожертвованій.

Такимъ образомъ крестьяне въ продолженіи пяти вѣковъ, отъ Русской Правды почти до конца XVI столѣтія, пользуясь свободнымъ переходомъ съ одной земли на другую, мало по малу развились въ отдѣльный самостоятельный классъ Русскаго общества, пользующійся юридическою полноправностію наравнѣ съ другими классами общества, и въ то же время, и частію вслѣдствіе того же свободнаго перехода съ одной земли на другую незамѣтно очутились въ такомъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи, что находили болѣе выгоднымъ остаться вовсе безземельными батраками и даже холопами, лишь бы только освободиться отъ тягла, лежащаго на землѣ. Но, очевидно, и въ этомъ тяжеломъ положеніи любовь крестьянъ къ свободѣ и самостоятельности была такъ велика, что сравнительно не многіе рѣшались мѣнять безотрадную и тяжелую жизнь крестьянина—на жизнь боярскаго холопа, свободную отъ тяжестей тягла и обезпеченную боярскимъ содержаніемъ; лучшимъ доказательствомъ сему служатъ писцовыя книги, въ которыхъ на сто дворовъ крестьянскихъ не приходилось и десяти дворовъ людскихъ или холопскихъ; не смотря на то, что по Судебнику переходъ изъ крестьянства въ холопи былъ свободенъ.

И. Бѣляевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СЛОВЕНЦЫ

Очеркъ исторіи ихъ словесности (1).

С. XVII-й и XVIII-й вѣкъ.

Литературныя стремленія и произведенія, доселѣ мною изложенныя, можно назвать *первымъ періодомъ* Словенской литературы. Сочиненія эти, по своей цѣли, по содержанію, а отчасти и по формѣ, образуютъ собою замкнутое цѣлое, тотъ періодъ, который хотя и рѣзко, почти язвительно, но справедливо охарактеризовалъ Копитаръ. Этотъ первый періодъ,—въ отличіе отъ слѣдующаго за нимъ, *католическаго*—можно также назвать и *протестантскимъ*, потому что цѣль и содержаніе всѣхъ изданій того времени были направлены къ распространенію протестантства.

Съ начатіемъ дѣятельности *Крайнской Реформаціонной Коммиссіи*, имѣвшей задачею подавить въ Крайнѣ протестантскія ученія и возстановить католичество, въ Словенской литературѣ весьма естественно долженъ былъ наступить переворотъ, ибо для противодѣйствія распространеннымъ въ народѣ протестантскимъ сочиненіямъ, въ опроверженіе ихъ, теперь должны были явиться католическія. И тотъ же самый ученый и энергическій дѣятель, который въ восторженной набожности и неутомимомъ усердіи къ вѣрѣ наносилъ самые сильные удары противникамъ римско-католической церкви,—тотъ же самый Томажъ Кренъ (Tomaž Kren,

---

(1) См. Рус. Бес. 1859 г. т. I. стр. 87.

Thomas Chrön) проложилъ совершенно иной путь и далъ новое направленіе Словенской литературѣ. Направленіе это было католическое, и образовало собой *второй періодъ Словенской литературы*.

Талой говоритъ: «въ нравственномъ мірѣ нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ видѣть всю жизнь человѣка посвященною одному великому дѣлу, одной путеводной мысли, всю его дѣятельность устремленною къ одной великой цѣли,—тѣмъ болѣе, когда эта цѣль принадлежитъ къ числу самыхъ священныхъ для человѣчества интересовъ.» Слова эти вполнѣ прилагаются къ Крену. Со вступленіемъ его на епископство, участь сочиненій, распространенныхъ въ народѣ основателями Словенской литературы, безвозвратно рѣшилась. Впрочемъ, хотя *содержаніе* этихъ сочиненій и постигло осужденіе, относительно *языка*, съ ними все таки часто справлялись, и какъ памятники языка, они постоянно удерживали нѣкоторую цѣну. Съ Креномъ на первый планъ на этомъ поприщѣ выступило католическое духовенство.

Съ конца XVI-го вѣка и до нашего времени католическое духовенство можетъ назваться главнымъ представителемъ Словенской литературы, самымъ ревностнымъ и дѣятельнымъ двигателемъ въ изслѣдованіи, развитіи и дальнѣйшей обработкѣ нашего языка. Постоянныя сношенія съ поселянами какъ бы поневолѣ заставили его вникнуть въ самый духъ народной рѣчи;—мѣняя часто мѣстожительства, переходя изъ одной части страны въ другую, оно подмѣчало далѣе малѣйшіе оттѣнки въ удареніи, въ произношеніи гласныхъ, расположеніе словъ, обороты рѣчи и т. д. Разумѣется, изъ этихъ разностей своего нарѣчія, при нѣкоторомъ хотя знаніи другихъ родственныхъ ему Славянскихъ нарѣчій, можно было сдѣлать много плодотворнаго для дальнѣйшаго образованія языка. Положеніе духовенства само необходимо почти обусловливаетъ, а существующая, хотя еще и слабая Словенская литература доказываетъ на дѣлѣ,—что духовенство есть самый главный представитель словенизма, хотя тотъ въ настоящее время, безъ сомнѣнія можетъ насчитать много достойныхъ дѣятелей и капитальныхъ произведеній и по другимъ направленіямъ научной и

литературной дѣятельности. Этимъ достойнымъ двигателямъ, этому честному представительству мы обязаны далѣе главнымъ образомъ тѣмъ, что святыня народной словесности не была у насъ искажена тѣми уродливыми созданіями, какія новѣйшее время произвело у многихъ народовъ. При всей своей воспріимчивости и любви къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, Словенецъ слишкомъ любитъ здравый практическій взглядъ на жизнь, чтобы обратить хотя малѣйшее вниманіе на химеры, или предаться утопическимъ бреднямъ. Словенцы благополучно выдержали неизбѣжный періодъ бурь и напастей, и теперь трезво и неуклонно, не спуская глазъ съ цѣли, подвигаются къ цвѣтущему періоду своей словесности.

*Томажъ Крен*ъ родился въ 1560 году, въ Лайбахѣ, гдѣ отецъ его былъ бургомистромъ. Замѣтивъ способности мальчика, отецъ послалъ его къ своему шурину доктору Каспару Ситтнику въ Вѣну учиться словесности и философскимъ наукамъ. Кончивши курсъ, Кренъ возвратился въ Лайбахъ (Любляна) съ твердымъ намѣреніемъ отправиться въ одинъ изъ Итальянскихъ университетовъ изучать юриспруденцію. Но сильная болѣзнь заставила его отложить отъѣздъ, а размышленія на скорбномъ одрѣ настроили его иначе—и онъ далъ обѣтъ, если останется живъ, посвятить себя духовному званію. Дѣйствительно, выздоровѣвши, онъ вступилъ на богословскій курсъ, и въ 1688 году, въ Секкау, былъ посвященъ въ священники. Вскорѣ онъ получилъ приходъ, потомъ должность каноника въ Лайбахѣ, которую прежде занималъ Труберъ, а по смерти Себастіана Самуигена санъ соборнаго декана Лайбахскаго, который однакожъ занималъ не долѣе года. 24 августа 1597 года умеръ въ Градцѣ владѣтельный епископъ Лайбахскій, Іоаннъ Таутшеръ, и передъ смертью указалъ императору на Крена, какъ на самаго способнаго и достойнаго себѣ преемника. Крена вызвали въ Градецъ совершить торжественное погребеніе, а черезъ нѣсколько дней Фердинандъ II назначилъ его владѣтельнымъ епископомъ Лайбахскимъ. Папа Климентъ VIII, 29 марта 1599 года, утвердилъ избраніе, и 12 сентября того-же года совершено было торжественное посвященіе.

Жизнь Крена совпадаетъ безспорно съ самымъ важнымъ и дѣятельнымъ періодомъ Краинской исторіи. Въ этотъ вѣкъ Крайна произвела героевъ и ученыхъ. Гервартъ Ф. Ауерспергъ прославился геройскою смертью въ битвѣ съ Турками у Будашки, а Андреасъ Ауерспергъ одержалъ надъ ними при Сиссекѣ самую блестящую побѣду, которую когда-либо удавалось одерживать Краинскому оружію. Труберъ, Далматинъ, Богоричъ, Кисель и другіе искали и нашли себѣ славу въ наукѣ. Въ это тревожное время богословіе въ особенности могло оказать великія услуги Римско-Католической церкви, и ученый и ревностный Кренъ въ своей преданности католицизму рѣшился противопоставить твердый оплотъ бурному потоку церковныхъ нововведеній.

Не буду говорить о заслугахъ его тридцатилѣтней дѣятельности, какъ епископа, и какъ совѣтника и друга своего государя, у котораго онъ былъ въ большомъ почетѣ; въ этой статьѣ я хочу сказать только о его заслугахъ относительно отечественной словесности.

Въ молодости Кренъ занимался преимущественно изученіемъ исторіи, разбиралъ Краинскіе архивы, отыскивая граматы и документы. По свидѣтельству Вальвазора, онъ написалъ «исторію Крайны» и «opus canonicum»; но о нихъ теперь ничего неизвѣстно. Собственно для *Словенскаго* языка важенъ его переводъ евангелія и посланій («Evangelia inu Lystúvi»), который онъ далъ провѣрять филологамъ и въ 1612 году напечаталъ на свой счетъ въ Градцѣ «typis vidmanstadianis» (ибо Люблянская книгопечатня была закрыта еще прежде). Въ книжкѣ этой строго соблюдены правила грамматики Богорича, и даже нѣкоторыя Нѣмецкія слова Далматинова текста замѣнены обиходными, чисто-Словенскими. Этимъ сочиненіемъ Кренъ далъ юной словесности *новое направленіе*. Хотя онъ самъ лично и не участвовалъ въ литературномъ дѣлѣ, но постоянно вліялъ на него, возбуждая и поощряя другихъ; равно и то не уменьшаетъ его заслуги, что, въ своихъ стараніяхъ возвысить языкъ, онъ имѣлъ въ виду цѣль, собственно не учено-филологическую, а только церковную; и мы тѣмъ не менѣе остаемся признательны къ его неболь-

шому труду, послужившему къ обогащенію нашего языка. Кренъ умеръ въ 1630 году.

XVII-й вѣкъ хотя и не былъ бѣденъ учеными Краинцами (1), но изъ нихъ лишь весьма немногіе заботились о Словенскомъ языкѣ, ибо по тогдашнему обычаю «ученые» писали почти исключительно по латыни. Относящіяся къ этому времени Словенскія книги церковнаго содержанія въ отношеніи къ языку не имѣютъ большой важности, и даже, можно сказать,—представляютъ, сравнительно съ прежними, весьма неутѣшительный *шагъ назадъ*. При такихъ обстоятельствахъ историку словесности предстоитъ, конечно, трудъ неблагодарный; однакожъ онъ не въ правѣ умолчать о томъ, что было, ибо дѣльное *стремленіе* въ области науки имѣетъ нѣкоторую цѣну даже и тогда, если результаты его далеко ниже требованій.

Еще при жизни Крена, въ 1615 году, соборный деканъ Лайбахскій, *докторъ Михаилъ* (*Miha*) *Микецъ* издалъ, на свой счетъ въ Аугсбургѣ Словенскій катехизисъ съ красивыми политипажами. Изданіе посвящено «Люблянскому юношеству,» и носитъ заглавіе: «Ta mali catechismus ali Kershzhanski navuk.»

(1.) Изъ писателей этого періода, *родившихся въ Крайнѣ*, извѣстны намъ слѣдующіе:

1) *J. P. баронъ фонъ Кобенцель* (Societatis Jes.);—писалъ духовныя сочиненія;—умеръ въ 1627 году.

2) *Андрей Бокавій* (Andrea Bocavius) (S. J.); родился въ Циркницѣ въ 1594 году, умеръ въ Тріестѣ въ 1654.

3) *Давидъ Вербецъ*, (Verbez) докторъ медицины, родился въ Люблянѣ;—какъ протестантъ, выѣхалъ въ Германію (писалъ медицинскія и философскія сочиненія)

4) *Александръ Вербецъ*,—сынъ предыдущаго. (написалъ Annotationes et axiomata phisicae)

5) *Леонардъ Багей* (Bageus)—(S. J.), родился въ Миттербургѣ, умеръ въ Загребѣ въ 1650 году.

6) *Іоаннъ Путчартъ* (Putschart)—писалъ панегирики на Нѣмецкомъ языкѣ.

7) *Петръ Стёргларъ* (S. J.)—родился въ Штейнѣ,—умеръ 8 Октября 1642 года.

8) *Андрей Церголъ* (S. J.),—родился въ 1594 году,—умеръ въ 1645.

9) *Лоренцъ Зенгеншмидъ* (S. J.),—родился въ Люблянѣ,—умеръ тамъ-же въ 1646 году.

10) *Фердинандъ де—Монтаньяна* (S. J.)—родился тамъ же въ 1599 году—умеръ въ Вѣнѣ въ 1674.

Іезуитъ Іоаннъ (Janez) *Чандикъ* , (уроженецъ Вейксельбурга, у Словенцевъ—Вишна-гора, въ Крайнѣ) издалъ въ Градцѣ (въ 1624 году) Канизіевъ катехизисъ подъ заглавіемъ: «Catechismus Petra Canisia, tu je Kristianski nauk.»

Замѣчательнѣе своей ученостью и производительной дѣятельностью былъ *Матвѣй* (*Matia*) *Кастелецъ* (Castellez или Kasteliz). Онъ родился 24 Января 1620 года, въ Кельнбергѣ близъ Врема, во внутренней Крайнѣ, и посвятилъ себя въ послѣдствіи духовному званію. Былъ 13 лѣтъ священникомъ въ Теплицѣ, отсюда перешелъ въ приходъ «St. Barthelmae im Felde», а черезъ два года уже каноникомъ въ Рудольфсвертъ (Нейштадтель–Novo mesto–въ нижней Крайнѣ). Кастелецъ былъ необыкновенно дѣятельный , восторженный Славянистъ, онъ образовалъ себя по твореніямъ Далматина и Богорича, и, какъ ясно видно изъ его сочиненій, трудился надъ усовершенствованіемъ правописанія и грамматики. Сначала онъ блуждалъ по лабиринту языка, словно ощупью и въ потемкахъ; но въ послѣдствіи замѣчаемъ въ немъ уже гораздо болѣе ясности и твердости, хотя и не вездѣ можемъ одобрить его» усовершенствованій» правописанія Богорича..–Прежде всего вычислю всѣ извѣстныя мнѣ его сочиненія.

1. *Bratovſke Buquice* Svetiga Roshenkranza, etc. etc. ([1]) (напечатано въ Градцѣ у наслѣдниковъ Видмапстеттера въ 1678 году). 2. Modus juvandi agonizantes. (на Латинскомъ и на Словенскомъ языкахъ.—Любляна, у J. Мейера. 1682.). 3 Breve exercitium matutinum et vespertinum. (по латыни.—тамъ же. 1682). 4 *Nebeshki Zyl*, tú je, teh ſvetih Ozhakov premiſhlovanîe, etc. etc. (тамъ же 1684.) 5. Kratki sapopadek potrebnih catoliſkih naucoù. (тамъ же. 1685) 6.Praxis Catechistica,—tu je nauk chriſtiannſki (тамъ же.1686). 7. Simplex translatio Sacrorum bibliorum veteris et novi testamenti , etc. 8. Thomas a Kempis Carniolicus , de imitatione Christi,— 9. Spegel te zhistosti, etc. 10. Virida-

---

(1) Я *буквально* держался правописанія Кастелеца, дабы филологи уже по этому прямо могли судить о его знаніи славянскихъ языковъ.

rium Exemplorum, etc. 11. Dictionarium Latino—Carniolicum. 12. Shpeigel duhouni od saſhetkı inu konza, etc. (1)

Въ книгѣ « Bratouſke Buquice » (№ 1) видимъ, что онъ довольно порядочно усвоилъ себѣ правописаніе Богорича, но всей грамматико—ороографической системы въ связи еще не понялъ; и отъ того его отчетъ въ *своей* ороографіи частію ошибоченъ и непослѣдователенъ. Онъ вполнѣ правъ, говоря: « Maxima differentia est in literis s, , sh, ſh,—*i* vocali et *j* consonanti,—*u* vocali et *v* consonanti »; но съ другой стороны онъ все еще удерживаетъ ý, напримѣръ: goryý,—sgonýý, вмѣсто gorì, sgonì (горитъ, звучитъ). Непослѣдовательность его особенно видна въ томъ, что иногда онъ вмѣсто j ставитъ î, иногда-же удерживаетъ правописаніе Богорича. Такъ напримѣръ, пишетъ dianîe (acta.—дѣянія) и въ то же время veſselje (веселье).

Въ №4-мъ (Nebeshki Zyl), вышедшемъ въ 1684 году (слѣдовательно ровно сто лѣтъ послѣ грамматики Богорича и шестью годами позже № 1-го), замѣчаемъ уже утѣшительный шагъ впередъ. Въ этой книгѣ авторъ тоже излагаетъ *свои* ороографическія правила. Правда, онъ и здѣсь иногда самъ себѣ противорѣчитъ, въ особенности при постановкѣ ударенія надъ буквой *e*, которое часто ошибочно,—и при смягченіи, гдѣ обращено вниманіе на одню только *n*, а *l* упущено изъ виду: однако, не смотря на встрѣчающіеся еще недостатки, въ этомъ сочиненіи онъ въ отношеніи къ *правильности* можетъ стать уже почти на ряду съ Богоричемъ, а въ синтаксисѣ даже и выше, потому что *гораздо менѣе заражень германизмами*. Послѣдующіе труды его основаны на ороографіи № 4-аго, и, безспорно, проложили болѣе вѣрный путь; надобно было только, чтобы другіе продолжали идти по немъ съ усердіемъ Кастелеца.

Непосредственнымъ преемникомъ его былъ капуцинъ, *патеръ Іоаннъ* à S. Cruce, уроженецъ Випавы (у Нѣмцевъ Wippach) во Внутренней Крайнѣ, издавшій отъ 1691 до 1700

(1.) Нумеровъ отъ 7-го до 12-го мнѣ ни разу не удалось видѣть; и я о нихъ ничего не могу сказать. Впрочемъ для сравненія вполнѣ достаточно нумеровъ 1-го и 4-го.

года четыре или шесть томовъ in quarto *Словенскихъ проповѣдей*. Онъ вездѣ держался правописанія Кастелеца, только въ удареніи слѣдовалъ Итальянцамъ и въ концѣ словъ ставилъ всегда accento grave (`). И онъ тоже приложилъ къ своей книгѣ «observationes in scriptione et lectione idiomatis Carniolici», которыя впрочемъ почти буквально заимствованы у Кастелеца (изъ № 4-го). «Впрочемъ», говоритъ Копитаръ, «патеръ большой весельчакъ, полный начитанности и разныхъ исторій, цитируетъ Цицерона de divinatione и Овидія рядомъ съ св. Григоріемъ и Апокалипсисомъ» и т. д. Но вообще патеръ Іоаннъ не болѣе, какъ безсмысленное эхо Кастелеца, котораго онъ еще и исказилъ. — Въ числѣ Словенскихъ литераторовъ этого періода встрѣчается еще *Патеръ Ипполитъ*; его исторія черезвычайно забавна. Въ своемъ уединеніи почтенный капуцинъ составилъ планъ *словенско-нѣмецко-латинскаго словаря*, и при этомъ напалъ на мысль написать также и Словенскую грамматику. Когда работа была уже совсѣмъ готова и оставалось только ее напечатать, патеръ Ипполитъ узналъ, что есть уже Словенская грамматика; до тѣхъ поръ онъ и не подозрѣвалъ ея существованія. Съ 1584 года по 1711-ый прошло уже цѣлыхъ 127 лѣтъ, и въ продолженіе ихъ сдѣлано было много плодотворнаго для Словенскаго языка; но удаленный во-все отъ свѣта затворникъ *ровно ничего не слыхалъ* ни о Богоричѣ, ни о Далматинѣ и проч; онъ зналъ только одного Кастелеца. И съ такимъ-то запасомъ свѣденій вздумалъ онъ написать грамматику. Доставши себѣ грамматику Богорича, онъ принялся по ней исправлять свою работу и дошелъ до того, что отъ помарокъ и переправокъ рукопись вовсе нельзя было прочесть. Тогда нашъ труженикъ снова переписалъ на бѣло весь огромный фоліантъ словаря. ([1])

(1.) Въ библіотекѣ барона Цойса можно было видѣть оба экземпляра. Словарь этотъ попалъ въ послѣдствіи въ руки *Водника*, который его передѣлалъ. Въ настоящее время этотъ словарь Водника на иждивеніе владѣтельнаго епископа Лайбахскаго *А. А. Вольфа* вновь переработывается нарочно составленной для того коммиссіей, и издается сообразно современному состоянію Славянской филологіи и лингвистики. Большая половина перваго тома (нѣмецко словенскаго) уже напечатана (у І. Блазника въ Любляне). Во главѣ коммис-

Я не касаюсь здѣсь ни его перевода Ѳомы Кемпійскаго съ предисловіемъ, написаннымъ самой варварскою монашескою латынью, ни его «orbis pictus» на трехъ языкахъ; я говорю только объ одной *грамматикѣ*. (1) Она ни что иное, какъ лишенная всякой критики, почти безсмысленная выборка изъ книги Богорича, ибо онъ единственно по своему произволу выпускалъ изъ той цѣлыя главы, а остальныя сколотилъ почти безъ всякой связи. Лучше-бы ему умѣрить свои ученыя претензіи и остаться простымъ переписчикомъ! Еще забавнѣе, что иные гослюда, выдающіе себя за Славянскихъ литераторовъ, ссылаются на п. Ипполита, какъ на «грамматика»;—ясная улика, что они вовсе не заглядывали въ его сочиненія. Но *трудолюбія* патера я бы пожелалъ многимъ изъ своихъ соотечественниковъ!

Въ это время нашъ прекрасный Словенскій языкъ находился по истинѣ въ самомъ жалкомъ состояніи, ибо никто изъ замѣчательныхъ умовъ, какъ видно, о немъ не заботился, никто не думалъ серіозно о томъ, чтобы далѣе его обработать, или хоть покрайней мѣрѣ вѣрно перенять его изъ устъ народа. Книжный языкъ отличался отъ языка простолюдина только тѣмъ, что былъ еще *хуже* просторѣчія. Извѣстно, какимъ страшно искаженнымъ нарѣчіемъ говорятъ теперь Люблянцы, сколько у нихъ Нѣмецкихъ и Итальянскихъ словъ съ Славянскими окончаніями, какое хаотическое смѣшеніе правилъ Германскаго, Романскаго и Славянскаго образованія предложеній представляетъ ихъ синтаксисъ. Въ книжномъ языкѣ разсматриваемаго нами періода мы видимъ только близнеца этой «Jblanska Shpracha» (Лайбахской рѣчи).

Поэтому нельзя не сознаться, что въ отношеніи *языка* первый періодъ стоялъ *рѣшительно выше* втораго; а изъ по-

---

сія стоитъ редакторъ К. К. *Ministerial-Concipist Matthaeus Cigàle*, членами—лучшіе наши ученые; кромѣ того и другіе любители Словенской филологіи тоже принимаютъ участіе въ этомъ общемъ народномъ дѣлѣ.

1 Правда, въ заглавіи нѣтъ ни имени *Богорича*, ни *п. Ипполита*; но за то въ самой книжкѣ найдется довольно *внутреннихъ* и *внѣшнихъ* признаковъ, оправдывающихъ высказанное нами предположеніе, что ее слѣдуетъ приписать послѣднему.

слѣдняго, сравнительно, еще нѣсколько лучше остальныхъ самыя *начальныя* сочиненія (Евангеліе Крена).

Но вѣдь за то, тогда въ Крайнѣ и было время той-же напыщенной, но вовсе лишенной критики и вкуса учености, которая господствовала и собирала дань удивленія во всей почти Европѣ. Къ счастію, нѣкоторые изъ Краинскихъ ученыхъ все-таки-же занимались *отечественною исторіею*,—въ особенности Шенлебенъ и Вальвазоръ. Поэтому я считаю здѣсь умѣстнымъ представить историческій очеркъ всего, что до сихъ поръ сдѣлано было Краинскими Словенцами въ области *историческихъ изслѣдованій и исторіографіи*. Не излагая здѣсь *полнаго* обзора исторіографіи въ Крайнѣ, я ограничусь лишь бѣглымъ очеркомъ; впрочемъ постараюсь коснуться всѣхъ наиболѣе выдающихся трудовъ по этой части.

Линхартъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что Крайна имѣетъ интересъ для историческаго изслѣдователя не по однимъ только событіямъ, которыхъ она была сценою или свидѣтельницею; но и по самому своему положенію, по народамъ, ее населявшимъ и соприкасавшимся здѣсь другъ съ другомъ. Въ сѣдой древности Крайна была главнымъ путемъ переселенія народовъ; черезъ нее въ первомъ вѣкѣ нашей эры шли вторгавшіеся въ Европу народы въ прославленную Италію. Въ ней боролись въ послѣдствіи Славянскій элементъ съ напоромъ Германскаго элемента Франковъ, — Индійско-Славянское язычество съ Христіанствомъ; она же наконецъ составляла и средоточіе великаго союза Южно-Славянскихъ народовъ при Южно-Славянскомъ Арминіи, *Людевитѣ* (Ljudevit). Не менѣе полонъ важнаго интереса и періодъ собственно среднихъ вѣковъ, когда Крайна входила въ составъ владѣній Оттокара II-го Богемскаго; тогда какъ съ другой стороны послѣдующее раздробленіе ея между разными властителями чрезвычайно осложняетъ взглядъ на ея политическія отношенія. Не упоминаю въ подробности о всѣхъ превратностяхъ въ судьбѣ нашей родины со времени присоединенія ея къ Австріи,—о славной борьбѣ съ наслѣдственными врагами христіанства, полчища которыхъ многократно и блистательно были отражаемы доблестными Краинцами. Какъ прежде Крайна была ключемъ къ Италіи, такъ въ послѣдствіи стала оплотомъ

Европы, о каменную грудь котораго разбивался яростный напоръ Азіатскихъ варваровъ. Этотъ періодъ славы нашей родины вѣчно будетъ живъ въ сердцахъ сыновъ ея.

Въ этотъ тріумфальный вѣнокъ, добытый на поляхъ брани, послѣдующія столѣтія вплели многіе лавры, пожатые на полѣ науки и искусства. Крайцы въ правѣ гордиться своими предками, ибо тѣ оставили имъ богатое наслѣдіе блеска и славы, справедливо названное «честью герцогства Крайны.» Уже сама судьба страны показываетъ намъ, что источниковъ для исторіи Крайны слѣдуетъ искать въ самыхъ разнородныхъ сочиненіяхъ, въ архивахъ всѣхъ сосѣднихъ странъ. Нѣтъ почти ни одного значительнаго сочиненія изъ временъ Грековъ, Римлянъ, и въ послѣдствіи Франковъ, гдѣ-бы, хотя мимоходомъ, не говорилось о Крайнѣ. У Страбона, Геродота, Плутарха и Птоломея, у Ливія, Юстина, Тацита, Плинія, Кассія, и другихъ мы находимъ мѣстами богатый матеріалъ для нашей исторіи и географіи, далеко еще не вполнѣ исчерпанный и даже, можно сказать, до настоящаго времени почти вовсе оставленный безъ вниманія. Фредегаръ, Павелъ Діаконъ и «Anonymus de conversione Carantanorum» въ особенности важны для Карловингскаго періода. Двумя первыми слѣдуетъ пользоваться съ критической осторожностью; что-же касается до послѣдняго, то ученый соотечественникъ нашъ, *Копитаръ* въ своемъ Glagolita Clozianus, составляющемъ истинный кладъ для филологовъ и историковъ, далъ намъ исправленный его текстъ, отъ чего многія мѣста получили совершенно новый смыслъ. Русскій лѣтописецъ *Несторъ*, Annales Fuldenses, Germania sacra *Ганзица*—точно также представляютъ значительный матеріалъ для названнаго періода. Въ длинномъ ряду Нѣмецкихъ сочиненій особенно важны труды ученаго *Ankepcгофена* въ сосѣдней странѣ, Каринтіи. Предстоитъ еще тщательно разобрать и разработать архивы Аквилеи, ставшіе общимъ достояніемъ ученаго міра, благодаря обнародованію *Joannis Candidi* и *Sabelici*, а въ новѣйшее время извѣстному *Bianchi*;—далѣе архивы и монографіи графовъ *Andechs-Meran*, графовъ *Orienburg* и *Cilli*, епископствъ Бриксенъ и Фрейзингенъ. Уже изъ простого исчисленія мѣстъ, гдѣ искать источниковъ, достаточно видно, что историче-

ское изслѣдованіе Крайны встрѣчаетъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ изслѣдованія другихъ странъ; но отсюда же, съ другой стороны, можно видѣть и всю важность этой задачи. Самымъ труднымъ періодомъ въ Краинской исторіи, покрытымъ еще во многомъ густымъ мракомъ, слѣдуетъ назвать время отъ Карла Великаго до Рудольфа Габсбургскаго; съ одной стороны, по причинѣ политическаго раздробленія страны между разными властителями, а съ другой—въ слѣдствіе происшедшей отъ того самаго разбросанности источниковъ, которыхъ иногда трудно доставать, а въ Люблянѣ многихъ и вовсе нельзя.

Съ Рудольфа Габсбургскаго исторія наша начинаетъ проясняться, хаосъ сцѣпленій распутывается, мы находимъ уже надежныя точки опоры и путеводныя нити, и они становятся все явственнѣе и точнѣе, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ нашему времени.

Спрашивается теперь: сколько-же и что̀ именно сдѣлано для разъясненія Краинской исторіи? каковы результаты бывшихъ доселѣ изслѣдованій, и что донынѣ написано?

Не вдаваясь въ изложеніе и оцѣнку всего, что встрѣчается *относящагося до Крайны* въ вышеупомянутыхъ древнѣйшихъ сочиненіяхъ, обращаюсь къ тому, что дѣлано собственно *для Краинской исторіи*. Въ общихъ чертахъ это представилъ уже Лингартъ въ предисловіи къ своей исторіи; мое дѣло пополнить его данныя и продолжить обзоръ до настоящаго времени.

Первый изъ Краинцевъ, занявшійся исторіей своей родины, былъ Томажъ Кренъ (1) съ 1597 года по 1630-ый годъ Люблянскій владѣтельный епископъ и анти реформаторъ. Вальвазоръ утверждаетъ, будто Кренъ велъ «общирную хронику», однако мы ея не находимъ.

Извѣстно, что онъ разбиралъ также архивъ въ Лаккѣ (въ Верхней Крайнѣ), списывалъ грамоты и дѣлалъ изъ нихъ извлеченіе; это мы знаемъ между прочимъ и изъ его замѣтокъ о пришествіи въ Крайну Готшера. Лингартъ гово-

---

(1) О его вліяніи и участіи въ развитіи Словенскаго языка и литературы уже сказано выше.

ритъ, что ему удалось просматривать въ Эпархіальномъ архивѣ оставшіяся послѣ Крена бумаги; но онъ нашелъ въ нихъ только разрозненныя историческія замѣтки Крена изъ современности, разсказы о событіяхъ, которыхъ тотъ самъ былъ двигателемъ, или орудіемъ. Я тоже видѣлъ въ богатомъ Люблянскомъ земскомъ архивѣ многія изъ работъ Крена; всѣ онѣ почти исключительно касаются его дѣятельности противъ реформаціи, и въ этомъ отношеніи драгоцѣнны. Во всякомъ случаѣ однакоже для исторіи Крайны было бы весьма полезно еще разъ пересмотрѣть архивы Эпархіальный и Люблянскаго собора.—Второй историческій трудъ, еще въ рукописи, есть сочиненіе іезуита *П. Мартина Бауцера:* «Historia rerum Noricarum et forojuliensium», писанное около 1660 года. Смерть автора помѣшала ему издать свой трудъ. Рукопись эту нашелъ Рудольфъ графъ Ф. Коронини въ іезуитскомъ архивѣ, въ Гёрцѣ, въ 1773 году, при закрытіи коллегіума. Она начинается съ«лѣта отъ сотворенія міра 1331-го» и продолжается въ 10 книгахъ до Фердинанда 11 го. Лингартъ отзывается о Бауцерѣ такъ: «Безъ плана, безъ иной связи событій, кромѣ хронологической, безъ критики, съ свойственнымъ его времени пристрастіемъ къ чудесному и къ религіозному, предъ которымъ все остальное ему кажется ничтожнымъ, онъ по крайней мѣрѣ собралъ матеріалы для будущихъ историческихъ писателей.» Рукопись Бауцера въ настоящее время находится въ библіотекѣ Люблянскаго лицея.

Приступаю теперь къ двумъ Краинскимъ историкамъ, которые искони слывутъ знаменитыми и пользуются большимъ почетомъ. Отдавая справедливость ихъ заслугамъ, я намѣренъ однакоже показать настоящую мѣру ихъ значенія, которая принадлежитъ имъ при настоящемъ состояніи науки.

Л. А. фонъ-Шенлебенъ ([1]) имѣетъ неотъемлемыя права на признательность соотечественниковъ. Онъ составилъ новое,

---

(1.) *Іоаннъ Людвигъ фонъ Шенлебенъ* (Schönleben, Šenleben) родился въ 1618 году въ Любляне, гдѣ отецъ его, Людвигъ, занималъ должности—съ 1618-го года по 1634-ый бургомистра, а впослѣдствіи городскаго Гауптмана.

по *его* мнѣнію «существенно исправленное» изданіе Словенскаго (Кренова) Евангелія подъ заглавіемъ:» Evangelia inu Lystuvi, etc.... въ концѣ: Graecii apud haeredes Widmanstadii anno 1672». Къ Евангелію приложены семь духовныхъ пѣсенъ: «Catolischke peissmi» и краткій катехизисъ съ нѣсколькими молитвами. Копитаръ признаетъ правописаніе этой книги за Богоричевское, только, прибавляетъ онъ «Шенлебенъ, ни мало не стѣсняясь, снова ввелъ выкинутыя епис-

---

Въ школѣ молодой Шенлебенъ отличался счастливыми способностями, неутомимымъ прилежаніемъ и основательностью познаній; по окончаніи курса онъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ; но оставилъ его еще до произнесенія обѣта. Слава о его учености скоро распространилась; также слылъ онъ отличнымъ проповѣдникомъ—какъ на Нѣмецкомъ, такъ и на Словенскомъ языкѣ. Такія достоинства не остались безъ награды: онъ получилъ мѣсто соборнаго декана въ Любляне, степень доктора Богословія и санъ «апостолическаго Протонотаріуса». Но хлопотливая должность почти не оставляла ему времени для его любимыхъ занятій исторіею и ея вспомогательными науками, и потому онъ добровольно отказался отъ соборнаго деканства, и принялъ мѣсто протоіерея въ Рейфницѣ (Ribenze, въ Нижней Крайнѣ), надѣясь въ сельской тишинѣ всѣ свободные часы вполнѣ посвятить наукамъ.—Въ это время созрѣли планы его обширныхъ историческихъ трудовъ; однако онъ убѣдился, что для выполненія ихъ необходимо посвятить имъ исключительно всю остальную жизнь. Повинуясь этому благородному побужденію, онъ отказался отъ своей духовной должности въ Рейфницѣ и воротился въ Любляну, гдѣ съ тѣхъ поръ жилъ частнымъ человѣкомъ въ постоянномъ уединеніи, занимаясь единственно науками и своими многочисленными сочиненіями.

Въ 1678-мъ году убѣдилъ онъ «Краинское земство» завести въ Любляне книгопечатню, и для этого выписанъ былъ нѣкто І. Б. Майеръ изъ Зальцбурга. Наконецъ послѣ дѣятельной, славной жизни, на 63-мъ году возраста, послѣ трехнедѣльной болѣзни онъ скончался 15 октября 1681-го года. Тѣло его погребено въ Люблянской іезуитской церкви и надъ нимъ сооруженъ памятникъ съ подробной надписью.

Я не намѣренъ здѣсь вдаваться въ критическій разборъ всей литературной дѣятельности этого трудолюбиваго, восторженнаго патріота. Поэтому не стану вычислять всѣхъ тридцати восьми его печатныхъ сочиненій (изъ которыхъ многія in folio, а большая часть in quarto), равно какъ и оставленныхъ имъ рукописей, а обращусь только къ его дѣятельности по части *Словенскаго языка* и *Краинской исторіи*.

Сюда относятся:

1. Evangelia inu Lystuvi, etc. etc.—Graz, 1672.
2. Katolischke peissmi.
3. Mali catechismus.
4. Aemona vindicata,—Salzburg. 1674.
5. Carniolia antiqua et nova,—Laibach. 1681.
6. Monografien der gräflichen Häuser Auersperg, Gallenberg, Blagay, etc.

комъ Креномъ *не-Славянскія* слова—ad facilierem populi intelligentiam. » Въ своемъ предисловіи Шенлебенъ старается доказать, что гораздо лучше вводить въ Словенскій языкъ *германизмы*, чѣмъ обогащать его изъ Кроатскаго или изъ Далматинскаго нарѣчія, ибо Крайна населена не одними Славянами и смѣшеніе съ Нѣмцами началось уже съ самаго прибытія Славянъ въ эту страну. (?!—Можно-ли въ столь немногихъ словахъ сказать болѣе филологической и исторической неправды и выставить *такую* систему ?). По-своему въ высшей степени прискорбному и пагубному правилу: «cum ergo voces sint *ad placitum*»—онъ держится крайне испорченнаго Словенскаго языка, какимъ говорятъ въ Любляпѣ. Само собою ясно, что при такомъ филологическомъ принципѣ, не можетъ быть рѣчи объ успѣхѣ языка, и что языкознаніе Шенлебена далеко не стояло на той высотѣ, на которой оно было еще при Трубернѣ. Всѣ обогащенія языка трудами филологовъ XVI-го вѣка для Шенлебена вовсе не существовали.

Перехожу затѣмъ къ его *историческимъ* сочиненіямъ. Его « Aemona vindicata» и «Carniolia antiqua et nova», правда, до нѣкоторой степени труды самостоятельные; однако набраны безъ всякой критики изъ древнихъ и новыхъ, не рѣдко другъ другу противорѣчащихъ источниковъ. Прибавьте къ тому еще любимый грѣхъ его времени—напыщенное, лишенное критики и вкуса педантство, ребяческую вѣру во всякія чудеса, выходящій часто изъ границъ фанатизмъ католика—и вы увидите его настоящую *научную* цѣну; хотя съ другой стороны нельзя не признать, что въ иныхъ мѣстахъ онъ весьма старается изслѣдовать самостоятельно и сличать. Онъ обращается къ древней географіи, очерчиваетъ тогдашнія границы Крайны и высчитываетъ жившіе въ ней народы. Въ настоящее время нельзя удержаться отъ смѣху, читая его претендующіе на ученость выводы, что *Japoden* потомки *Іафета*,— Иллирійцы—*Кельты* ; — Вандалы—Славяне и т. под. Прибавьте къ тому, что *Кельтовъ* онъ производитъ отъ Китайцевъ!! Лѣтопись Шенлебена разбита на отдѣлы: первый отъ Адама до Рождества Христова, второй до 1000-го года, и эта эпоха взята единственно ради

круглаго числа. Двѣ трети его разсказовъ и замѣтокъ столько же относятся къ « Краинской исторіи,» сколько и къ Китайской. Даже Вальвазоръ, который самъ тоже любитъ отступленія и не упуститъ случая выйти за предѣлы Краинской исторіи, говоритъ, что Шенлебенъ «углубляется въ событія иностранныя болѣе, чѣмъ въ отечественныя.» Любопытенъ методъ, принятый Шенлебеномъ при обработкѣ своихъ «анналовъ» и «collectanea.» За основу онъ беретъ хронологію, пишетъ сперва на каждомъ листѣ годъ и потомъ заноситъ сюда всѣ извѣстія, по мѣрѣ того какъ они попадаются ему при чтеніи, безъ всякой связи. Примѣромъ тому его рукопись, купленная мною у одного антикварія въ Вѣнѣ; она принадлежала нѣкогда *Тальшиттеру фонъ Тальбергу*, какъ видно изъ надписи « ex libris», и снабжена его примѣчаніями. Въ ней есть также нѣсколько рисунковъ, портретъ Аттилы и др.—Графскіе роды Галленберговъ, Благаевъ и Ауерсперговъ обязаны Шенлебену подробными монографіями. Онъ ведетъ иногда родословную таблицу даже отъ временъ до-Христіанскихъ; однако доказать ее такъ далеко врядъ-ли возможно.

Указавши на темныя стороны, слѣдуетъ указать и на свѣтлыя, хотя съ чисто научной точки зрѣнія ихъ не много. Главная заслуга Шенлебена, безспорно, въ томъ, что онъ первый съ удивительнымъ трудолюбіемъ, постоянствомъ и любовью началъ оговсюду собирать матеріалы для Краинской исторіи и дѣйствительно успѣлъ собрать ихъ огромную массу, которая, при критической очисткѣ и разумномъ употребленіи, можетъ назваться драгоцѣннымъ сокровищемъ. Онъ пожертвовалъ любви къ исторіи всѣми своими почетными духовными должностями, и посвятилъ всю свою жизнь, всю дѣятельность прославленію роднаго края. Замѣченные въ его сочиненіяхъ недостатки принадлежатъ скорѣе *его времени*, чѣмъ ему лично; и потому вспомнимъ съ признательностью и высокимъ уваженіемъ объ этомъ достойномъ Краинскомъ патріотѣ.

Вторымъ дѣятелемъ въ этой области былъ современникъ

Шенлебена, *Вальвазоръ* (1). «*Честь герцогства Крайны*» ставитъ его навсегда въ число знаменитѣйшихъ Краинскихъ писателей. Издавши топографію Крайны и Каринтіи, онъ

---

(1) *Іоаннъ Вейгардъ баронъ фонъ-Вальвазоръ* родился въ Любляне 28-го Мая 1641 года. Родители его были: Варѳоломей баронъ фонъ-Вальвазоръ и Анна Марія, урожденная баронесса фонъ-Рауберъ. До окончанія философскаго курса онъ учился въ Любляне съ постоянно блестящимъ успѣхомъ. Видя въ немъ замѣчательныя дарованія, отецъ послалъ его по окончаніи курса путешествовать. Во Франціи, въ Ліонѣ молодой Вальвазоръ обратился къ изученію исторіи, и въ особенности древностей. Онъ пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и успѣлъ пріобрѣсть извѣстность Возвратившись въ отечество, онъ, кромѣ изящной словесности, преимущественно предался изученію исторіи, географіи и археологіи, которыя стали его любимыми занятіями, и составилъ себѣ по нимъ значительную библіотеку. Сверхъ того имѣлъ также свѣденія въ физикѣ, математикѣ, механикѣ и тактикѣ. 30-го Іюля, 1672 года онъ женился на Аннѣ Регинѣ Графенвегеръ и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей и четырехъ дочерей. 28 Апрѣля 1687 овдовѣлъ, а 20 Іюля того-же года уже вторично вступилъ въ бракъ съ Анной Максимиліаной фонъ-Чечкеръ (Čečker), отъ которой имѣлъ еще двухъ дочерей.

Обширныя научныя предпріятія поглотили состояніе Вальвазора; слѣдовательно большую его часть онъ принесъ въ жертву отечеству. Не задолго до своей смерти предложилъ онъ «Краинскимъ чинамъ» купить его богатую библіотеку, съ тѣмъ чтобы обратить ее въ публичную. Условія имъ предложены были весьма умѣренныя; но дѣло затянулось, ему надоѣло ждать, и онъ продалъ ее за ничтожную цѣну Аграмской іезуитской коллегіи. Вскорѣ послѣ того посѣтила его подагра, къ ней присоединилась діарея, и онъ умеръ въ крайней бѣдности въ Гуркфельдѣ (у Слов. Kersko, въ нижней Крайнѣ), куда переселился по продажѣ своего помѣстья Вагенсберга, въ Сентябрѣ 1693 года

Изъ его сочиненій явились въ печати слѣдующія:

1. *Die Ehre des Herzogthums Krain.*—Laibach. 1689 —4 тома in folio.
2. Passions büchlein... etc.,.. Wagensberg. 1679.
3 *Topographia ducatus Carnioliae*—тамъ же, 1679.
4 *Topographia arcium Lambergianarum.*—тамъ же, 1679.
5. Metamorphosis Ovidiana.—тамъ же, 1680.
6. *Topograqhia Archi-Ducatus Carinthiae*—тамъ же, 1681.
7. *Topographia Carinthiae Salisburgenis.*—тамъ же, 1681.
8. Theatrum mortis humanae tripartitum,—Laibach. 1682.
9, Въ 1671 году въ Бамбергѣ перевелъ онъ съ Французскаго на Нѣмецкій языкъ книгу, заглавіе которой мнѣ неизвѣстно.
10. Charta geografica Carinthiae.— Wagensberg. 1685.
11. Charta geografica Croatiae, тамъ же 1685.
12. Charta geografica Carnioliae—тамъ же 1684,
13. *Topographia Archi—Ducatus Carinthiae.—Nürnberg.* 1636.
14. Ein satirischer Ovidius, съ 170-ю гравюрами.
15. Lumen naturae, въ 6 томахъ.
16. Flos physico-mathematicus. 3 тома in folio.

приступилъ къ обработкѣ исторіи, и къ подробному особенному описанію Краинскихъ городовъ, мѣстечекъ и замковъ, изъ чего составилось прекрасное и большое сочиненіе въ 4 тома in folio, съ полнымъ правомъ названное имъ «честью герцогства Крайны.» Для украшенія его онъ выписалъ въ свое помѣстье, Вагенсбергъ, граверовъ Андрея *Троста* и Матвѣя *Грейзера*, и содержалъ ихъ здѣсь на свой счетъ. Чины Краинскіе покровительствовали его труду и поддерживали присылкою подлинныхъ документовъ. Онъ на свой счетъ совершилъ ученую поѣздку по всей странѣ, самъ лично осматривалъ каждую мѣстность, все тщательно изслѣдовалъ и описывалъ. Сверхъ того правительство дало ему право изъ всѣхъ регистратуръ, архивовъ и канцелярій брать на просмотръ акты и пользоваться ими.—Для такого огромнаго предпріятія ему нужны были сотрудники, и потому онъ принялъ себѣ въ товарищи *Еразма Франциска*, извѣстнаго въ то время Нѣмецкаго писателя, который главнымъ образомъ взялъ на себя исправленіе слога и приведеніе всего въ стройный порядокъ. Вальвазоръ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ большею частью Краинскихъ ученыхъ; съ *Шенлебеномъ*, съ францискапскимъ провинціаломъ *Антономъ Лазари*, съ Францомъ Еразмомъ фонъ-*Гогенвартъ*, Вольфомъ Сигмундомъ барономъ фонъ-*Штробельгофъ*, Іоанномъ Данніломъ фонъ-*Ербергъ* и Гансомъ графомъ фонъ-*Вергегъ*. Но онъ имѣлъ также сношенія и съ иностранными учеными, въ особенности со многими членами «Англійскаго королевскаго общества наукъ», котораго самъ былъ членомъ. Кромѣ драгоцѣнныхъ научныхъ пособій и кабинетовъ естественной исторіи, онъ имѣлъ богатое собраніе монстъ, изъ котораго, по своей готовности и усердію содѣйствовать научному интересу, послалъ 8000 экземпляровъ одному пріятелю въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ добавокъ отличался большою личною храбростью и неутомимою дѣятельностью, и былъ, говорятъ, хорошимъ воиномъ. Когда въ 1683-мъ году Турки осадили Вѣну, онъ вызвался охотою въ званіи «Hauptmann der Ritterschaft» итти въ соединеніи съ Штирійцами на выручку столицы.

Взглянемъ на произведенія его научной дѣятельности. «Честь герцогства Крайны», безъ сомнѣнія, извѣстна каждому лю-

бителю нашей отечественной исторіи, и какое-то особенное благоговѣніе удерживаетъ большинство произнести объ этомъ сочиненіи безпристрастное сужденіе. Прежде всего я считаю нужнымъ привести мнѣніе Лингарта, который, конечно, можетъ считаться свѣдущимъ, и безпристрастнымъ судьею, какъ въ дѣлѣ науки, такъ и патріотизма. «Сочиненіе это,» говоритъ онъ, «у всѣхъ въ рукахъ, и, слѣдовательно, не требуетъ подробнаго описанія. Особаго рода патріотизмъ, готовый признать за истину все, что дѣлаетъ честь родинѣ, и невзыскательность читателей и даже иныхъ историковъ, которые жадно имъ пользуются, но сами не заглядывали въ первоначальные источники,—доставили ему, Вальвазору, славу классическаго историка Крайны. Необычайное его прилежаніе и пожертвованіе на изданіе и украшеніе своего труда всѣмъ почти состояніемъ—дѣйствительно рѣдкія заслуги. Но тѣмъ не менѣе *у него остались еще значительные пробѣлы, особенно въ исторіи Славянъ*. Для древнѣйшаго періода самъ онъ ничего не сдѣлалъ и только почти буквально перевелъ своего предшественика, Шёнлебена. Богаче и полезнѣе его новѣйшая исторія. Топографическая сторона у него единственна и замѣчательна въ своемъ родѣ. Каждый городокъ, каждое селеніе нашли здѣсь свою исторію. Въ особенности же драгоцѣнны, по моему мнѣнію, нравы и обряды XVII-го столѣтія, которые у него описаны на всѣ житейскіе случаи. Стеченіе разныхъ причинъ и господствующій въ нашъ вѣкъ духъ политической реформы мало по малу уничтожатъ самобытность нашей народности, и тогда очерки Вальвазора останутся единственнымъ источникомъ для знакомства съ древними Краинцами.»

Къ этимъ словамъ Лингарта я считаю нужнымъ еще прибавить, что Вальвазоръ, по суевѣрію своего времени, часто такъ мѣшаетъ *исторію* и *сказки*, что мѣстами трудно отдѣлить ихъ другъ отъ друга; каждое почти *сказаніе* онъ принимаетъ за фактъ и силится доказать его историческую достовѣрность. Къ тому-же и на *него* тоже падаетъ упрекъ, который самъ онъ дѣлаетъ Шёнлебену, и который я привелъ выше. Чего не встрѣтишь въ *этой* «исторіи Крайны»! онъ радъ придраться къ каждому слову, чтобы написать на

нѣсколькихъ листахъ отступленіе. И не смотря на то, почти до нашего времени ему слѣпо поклонялись и рабски слѣдовали, такъ что дѣйствительно необходимо, чтобы наконецъ острый ножъ критики очистилъ *исторію* отъ множества *сказокъ*, вошедшихъ въ общую вѣру и любовь публики.

Но велика заслуга Вальвазора въ топографіи Крайны и въ исторіи нравовъ XVI го и XVII-го столѣтій;—недосягаемы его трудолюбіе и любовь къ родинѣ,—безсмертна его «честь герцогства Крайны», достойный памятникъ великаго мужа и его времени. Да воскреснетъ въ насъ его любовь къ отечеству, и да пробудитъ общее рвеніе изслѣдовать нашу прекрасную родину въ духѣ *нашего* времени и теперешняго состоянія исторической науки!

Время отъ Вальвазора до Лингарта, заключающее въ себѣ цѣлое столѣтіе, кромѣ похвальныхъ стремленій и нѣсколькихъ дѣйствительно исполненныхъ трудовъ Общества *operosorum*, представляетъ мало замѣчательнаго. Къ какой бы отрасли науки мы ни обратились, вездѣ видимъ одинаковое безплодіе, одни и тѣ же извлеченія и компиляціи изъ прежняго, нигдѣ почти не встрѣчаемъ самостоятельной творческой силы, глубокаго вникновенія и изслѣдованія. Къ этому разряду должно отнести довольно извѣстную книжку: «Epitome chronologica, continens res memorabiles nobilis et antiquissimae urbis Labacensis ab orbe condito (sic!) usque ad annum 1714, autore Joanne Gregorio a *Thalberg*.—Labaci. 1714. Это « Epitome » въ высшей степени скудное извлеченіе изъ Шенлебена и Вальвазора безъ всякой самодѣятельности и исторической критики, добавленное только нѣсколькими событіями изъ того времени, когда жилъ авторъ. И, не смотря на то, книгу эту нерѣдко приводятъ въ числѣ источниковъ! она можетъ служить источникомъ развѣ для одной современной автору эпохи; въ остальномъ она вовсе не имѣетъ исторической цѣнности.

Въ Крайнѣ въ это время процвѣтали монастыри: *Зитихъ*, *Ландестростъ*, *Фрейденталь* (vallis jocosa) и *Іезуитская коллегія*, вмѣстѣ съ другими орденами, въ Люблянѣ. Состояніе училищъ, по тогдашнимъ понятіямъ, было хорошее, ученая « Accademia operosorum » и «nobilis societas Unitorum »

возрастали;— по этому обратимся сперва къ нимъ. Изъ *Завитика* мы имѣемъ только копію съ историческаго дневника монастырскаго, сдѣланную трудолюбивымъ и предпріимчивымъ *Стратникомъ*;— о *Ландестростѣ* и *Фрейденталѣ* доселѣ не знаемъ ни одного историческаго сочиненія, которое было-бы здѣсь составлено;—отъ *Іезуитовъ* сохранились остатки ихъ дидактическихъ и религіозныхъ сочиненій. Дневникъ ихъ находится въ архивѣ графини Аттемсъ въ *Лустталѣ* (самомъ богатомъ и интересномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ въ Крайнѣ частныхъ архивовъ). Изъ этого дневника *Рихтеръ* сдѣлалъ нѣсколько извлеченій для изслѣдованія дѣятельности іезуитскаго ордена въ Крайнѣ; умирая, онъ передалъ ихъ для окончательной обработки *мнѣ*. Самымъ дѣятельнымъ изъ орденовъ были Францисканцы, особенно въ области Словенскаго языка и литературы.

Взглянемъ теперь на « Accademia operosorum. »—Въ Италіи, между учеными, въ большихъ городахъ была мода для научныхъ цѣлей соединяться подъ символическими именами въ академіи. Эта мода перешла и въ Любляну, городъ, заимствовавшій науки и искусства изъ Италіи, какъ видно изъ жизнеописаній всѣхъ почти замѣчательныхъ въ то время Крайнцевъ, которые учились въ Итальянскихъ университетахъ. Хотя эти академіи по тогдашнему духу времени и занимались болѣе гадательными грезами, чѣмъ дѣятельными изслѣдованіями и строгой наукой; однако онѣ все таки же сдѣлали много плодотворнаго для своего времени. Само уже принятіе академическаго имени имѣло тогда большое значеніе и вліяніе, ибо уничтожало рѣзкое различіе сословій, которое въ наукѣ не можетъ имѣть вѣса. Послѣ осьмилѣтней дѣятельности въ тиши, академія въ 1701 году въ Люблянѣ имѣла первое свое торжественное собраніе подъ предсѣдательствомъ соборнаго протоіерея *Іоанна Прешерна* и обнародовала свой уставъ, свою цѣль, свои академическія имена и символы. Общество по уставу возложило на себя обязанность учредить публичную библіотеку и содержать ее на своемъ иждивеніи. Вліяніе академіи скоро сдѣлалось несомнѣннымъ, ибо именно въ ея цвѣтущій періодъ любовь къ наукѣ и искусству вступила въ Люблянѣ на такую высоту,

какой не видимъ ни прежде, ни послѣ. Многіе труды академиковъ щеголяли доходящею до мельчайшихъ подробностей ученостію. Нѣсколько Римскихъ памятниковъ, въ полной сохранности переданные намъ этимъ періодомъ, свидѣтельствуютъ о высокомъ уваженіи къ почтеннымъ остаткамъ древности. По части зодчества, ваянія и живописи, все, что въ Люблянѣ доселѣ еще приковываетъ вниманіе знатоковъ, принадлежитъ этому періоду. Вкусу и вліянію этой академіи должно приписать сооруженіе такихъ зданій, какъ соборъ, церкви Урсулинокъ и св. Петра, ратуша, духовная семинарія и другія. Даже музыка, которая въ извѣстной степени всегда идетъ въ уровень съ образованностью народа, имѣла тогда въ Люблянѣ самый цвѣтущій періодъ, и *Бертольдъ фонъ—Гёфферъ* основалъ въ 1702 году « Филармоническое общество », которое примкнуло къ « Accademia operosorum » и славило каждое достопримѣчательное событіе.

Съ такимъ-то рвеніемъ начала эта академія, и была красою страны, пока въ 1725 году не наступилъ перерывъ въ ея дѣятельности, продолжавшійся болѣе пятидесяти лѣтъ. Замѣтимъ, что между членами академіи не было ни одного изъ « общества іезуитовъ», которые тогда были главными представителями и двигателями науки. Въ этотъ (первый) періодъ академіи Люблянскій каноникъ Георгъ Андрей *Гладихъ*, по академическому прозвищу « Inermis » написалъ сочиненіе по части *Церковной Исторіи* . Рукопись его хранится въ архивѣ Люблянскаго Соборнаго Капитула и имѣетъ такое заглавіе: «Relatio historico-poëtica de Memorabilibus Carnioliae in duas partes divisa.» Для украшенія изданія, впрочемъ не состоявшагося, *Julius Quaglia* (его же работы и картины на стѣнахъ Люблянскаго собора) нарисовалъ заглавный листъ. На колоннѣ сидитъ Исторія, напротивъ пирамида съ надписью: Vetus et nova Carnioliae ecclesiastica memoria; подлѣ нея геній отечества, возстающій изъ могилы, а на лежащей колоннѣ начальныя буквы имени и титула сочинителя. Намѣреніе Гладиха было изложить краткимъ, пріятнымъ и поэтическимъ слогомъ то, что у Шенлебена и Вальвазора изложено пространно. Но какъ онъ все сказанное ими принимаетъ за несомнѣнную истинну, то вслѣдствіе этого ни-

чего не изслѣдуетъ и не провѣряетъ. Отсюда уже ясно видно, что для современныхъ изслѣдователей Краинской исторіи трудъ его не имѣетъ никакого значенія.

Остальные академики, исключая уже названнаго мною, Тальберга, ничего не сдѣлали для исторіи Крайны.

Вышеупомянутая пятидесяти-лѣтняя пауза въ ходѣ Краинской науки, прерываемая лишь нѣсколькими, въ научномъ отношеніи вовсе не имѣющими цѣны, изданіями іезуитовъ, продолжалась до возрожденія академіи Operosorum, приготовленнаго *Кумердеемъ* и *Япелемъ*. Они внушили горячее сочувствіе къ этому дѣлу совѣтнику Краинскаго Земскаго Капитанства, *графу фонъ-Едлингъ*, и съ полнымъ довѣріемъ избрали его въ 1781 году своимъ уполномоченнымъ. Трудно было музамъ найти себѣ болѣе ревностнаго ходатая: Едлингъ былъ пламенный патріотъ, восторженный любитель науки и искусства. Все, что только имѣло смыслъ и любовь къ отечественной словесности, разомъ пришло въ движеніе. Всѣ наперерывъ устремились къ цѣли, сердца и руки соединились, образовался прекрасный союзъ. Предсѣдатель Краинскихъ чиновъ, Сигмундъ баронъ фонъ-*Гуссихъ* единогласно былъ избранъ въ президенты, а совѣтникъ графъ *Едлингъ* въ директоры. Въ первое засѣданіе (5 Апрѣля 1781 года) было положено возстановить академію Operosorum; а въ торжественномъ общемъ собраніи (15 Мая того же года) утверждено во всѣхъ частяхъ прежнее устройство, и академія начала свои занятія.

Однако, не смотря на начальное рвеніе, академія эта все еще не могла имѣть успѣха. Стеченіе разныхъ обстоятельствъ, ненадежность положенія всѣхъ почти членовъ въ слѣдствіе преобразованія администраціи, уничтоженіе Земскаго Капитанства, закрытіе богословскаго, а за нимъ вскорѣ и философскаго отдѣленій,—отъ чего члены одинъ за другимъ отпадали,—все это вмѣстѣ должно было мало по малу привести въ упадокъ всю корпорацію, и было бы весьма несправедливо приписать распаденіе общества недостатку дѣятельности отдѣльныхъ членовъ.—Когда же придетъ то время, когда чрезъ соединеніе Краинскаго историческаго общества съ

музеемъ, академія Operosorum возникнетъ въ третій разъ съ обновленными силами? Всякое раздробленіе и разъединеніе вредны, и въ наукѣ, какъ и во всемъ, важно «общеніе силъ».

«Societas Unitorum» имѣло цѣль, кажется, болѣе религіозную, чѣмъ литературную. Оно находилось подъ особеннымъ вліяніемъ іезуитовъ и составляло родъ духовнаго братства дворянъ. Довольно интересно собраніе подробныхъ біографій его членовъ въ рукописи подъ заглавіемъ «Theatrum memoriae, etc...», которая и у меня есть въ спискѣ.

Таковы были начальные труды и состояніе исторіографіи въ Крайнѣ, когда *Антонъ Линартъ* вышелъ изъ Цистерцинзенскаго монастыря Зиттиха, поселился въ Люблянѣ и посвятилъ себя изученію Краинской исторіи. Его стремленія и заслуги въ этой области я изложу послѣ, въ связи съ историческими трудами девятнадцатаго столѣтія.

Послѣ этаго краткаго отступленія въ область Краинской исторіографіи, представляющей одну изъ радостныхъ, свѣтлыхъ сторонъ нашего историко-литературнаго очерка, мы опять будемъ говорить о стремленіяхъ къ дальнѣйшей обработкѣ Словенскаго языка.

Я остановился на критическомъ разборѣ ученическихъ попытокъ и филологическихъ заблужденій трудолюбиваго *Патера Ипполита*. За нимъ прежде всего слѣдовали: «Pridige is bukviz imenvanih exercitia S. Ozheta Jgnazia...» (Conciones juxta libellum exercitiorum S. P. Jgnatii), іезуита патера Варѳоломея *Басара*. Labaci, typis A. Reichhardt. 1734.

Басаръ писалъ по Словенски такъ, какъ говорилъ, а именно: онъ зналъ достаточно элементарную орѳографію; но такъ какъ говорилъ неправильно, то и писалъ также: что прямо показываетъ его полное незнаніе языка и слѣдовательно орѳографіи грамматической. Намѣреніе его было избрать средній путь между господствующими мѣстными нарѣчіями и такимъ образомъ ввести особенный, для всѣхъ Словенцевъ понятный, письменный языкъ; предпріятіе похвальное, если бы оно опиралось на знаніе нарѣчій и твердыя грамматическія основы. Но Басаръ, бросаясь совершенно произвольно и безъ всякаго плана изъ одного нарѣчія въ другое, думалъ, что уже вполнѣ достигъ цѣли; принятыя имъ орѳографиче-

скія правила въ высшей степени непослѣдовательны и запутаны, такъ что трудъ его для развитія языка вовсе не имѣетъ цѣны.

Напротивъ того, неоспоримо замѣчательны стремленія священника *Пагловица* (родившагося въ 1690 году въ Шгейнѣ, (1) въ Верхней Крайнѣ, умершаго въ 1770), который, своимъ «Sveta voiska» (*Любляна*, 1747) и еще болѣе вышедшимъ въ 1764 году четвертымъ изданіемъ Евангелія Крена, оказалъ важныя услуги въ усовершенствованіи грамматической ороографіи. Какъ учитель Япеля, весьма имъ уважаемый, имѣлъ онъ сверхъ того и косвенное вліяніе на нашъ языкъ, и *во всякомъ случаѣ* посвятилъ изученію его большую половину своей жизни.

Перехожу теперь къ писателю, котораго многіе называли творцомъ новой эпохи въ нашей литературѣ, котораго одни цѣнили слишкомъ высоко, а другіе, напротивъ, слишкомъ низко. Это *патеръ Маркъ Похлинъ* (a S. Antonio Paduano). Я отнюдь не считаю его однимъ изъ тѣхъ филологовъ, которые способны переработать въ горнилѣ философіи и критики все богатое сокровище языка извѣстнаго народа и очистить его отъ всѣхъ недостойныхъ примѣсей,—филологовъ, которые умѣютъ въ нарѣчіяхъ сосѣднихъ племенъ уловить истинный духъ языка и согласовать съ нимъ свое отечественное слово. Но съ другой стороны я также не могу одобрить слишкомъ строгаго, почти односторонняго отзыва Копитара, который говоритъ о Похлинѣ:

«Rien n'est si dangereux qu'un *ignorant ami*» (т. е. ami de la langue);—на что поклонники этого восторженнаго Словениста возражаютъ:

« Pro meritis male tractarunt Agamemnona Graji! »

Уже эта крайне—разнорѣчивая оцѣнка заслугъ Похлина есть доказательство, что имъ занимались больше, чѣмъ другими Словенскими литераторами, и что, слѣдовательно, онъ былъ не маловажнымъ свѣтиломъ на литературномъ небосклонѣ. Но этому разсмотримъ подробнѣе его дѣятельность.

---

(1) Шгейнъ, у Словенцевъ Kamnik. *Прим. Ред.*

Марка Похлинъ (1) родился 13 Апрѣля 1735 года, въ Люблянѣ. Отецъ Марки, тамошній гражданинъ, послалъ его въ школу къ іезуитамъ, у которыхъ онъ успѣшно прошелъ гимназическій курсъ. Затѣмъ вступилъ онъ, въ Маріа-Брунѣ, близъ Вѣны, въ орденъ Дискальцеатовъ или « босыхъ Августинцевъ» и 10-го Апрѣля 1755 года постригся. Отсюда онъ для дальнѣйшаго образованія посланъ былъ въ « придворный » монастырь въ Вѣну, и со всею ревностію предался изученію философіи и богословія. Окончивъ требуемый своимъ званіемъ курсъ, онъ возвратился въ монастырь и тотчасъ пріобрѣлъ извѣстность отличнаго проповѣдника. Онъ былъ Магистромъ младшей, учащейся братіи, потомъ субъ-пріоромъ въ Люблянѣ и въ конвентѣ, въ Вѣнѣ, провинціальнымъ-секретаремъ, а съ 1791 года до самой смерти монахомъ—учителемъ послушниковъ въ Маріа-Брунѣ, и умеръ въ этой должности 5 Февраля 1801 года.

Изъ многочисленныхъ его сочиненій (2) всего важнѣе для насъ «*Krainſka grammatika*». Прежде всего выставлю,

---

(1) Pater Marcus Pohlin, у Словенцевъ Marka Pohlin. *Прпм. Ред.*

(2) Труды *Патера Марка Похлина* слѣдующіе:

1. Marianski Kempensar. Laibach. 1763.

2. Ta mali katechismus Petra Kanisia. Wien, 1768.—Съ нимъ вмѣстѣ переплетенными встрѣчаются еще жизнеописанія Св. Гермагора и Фортуната на Словенскомъ языкѣ.

3. Limbar med Ternjam, seu devotio ad S. Aloysium. Viennae.

4. *Krainska Grammatika*: d. i. Krainerische Sprachlehre.—Laibach. 1768.

5. Antwort auf das kritische Freundschaftsschreiben des *Mathias Chop*, sprachlehrers, über die Krain: grammatik.

6. Suete misli sa mertve moliti.—тамъ же, 1769.

7. Popisvanje shivlenja S. Floriana, Janesa inu Paula, Donata inu Egydija.—тамъ же, 1769.

8. Sueti Poſtni Evangelìumi.—тамъ же, 1771.

9. Djanje lepih zhednosti.—тамъ же, 1772.

10. Pet suetih petkov meſiza shuſhiza,—addita vita S. Jsidori et Nothburgae.—тамъ же, 1774.

11. Uſakidani Kruh.—тамъ же, 1774.

(до нынѣ еще любимый у поселянъ молитвенникъ).

12. *Tu malu beſedi∫he treh jesikov*, d. i das kleine Wörterbuch in 3 Sprachen.—тамъ же, 1781.

13. *Supplementum slavicum ad primam partem dictionarii Carniolici.* Wiennae. 1782.

14. Joanesa Nep. Tschupika pridge na nedele zhesi letu,—Viennae. 1785.

какъ заслугу патера Марки, то, что цѣль его была *собственно саморазвитіе языка*, и онъ посвятилъ ей съ неутомимымъ трудолюбіемъ большую часть своей жизни. Онъ не имѣлъ при этомъ тѣхъ посторонних видовъ, какіе предпоставляли, какъ главную цѣль, своимъ филологическимъ занятіямъ литераторы перваго періода, считавшіе языкознаніе только *средствомъ* для проведенія своихъ богословскихъ плановъ. Конечно, при *современномъ* состояніи лингвистики, въ особенности Славянской, мы можемъ утвердительно сказать, что результаты изслѣдованій Похлина не отвѣчали его стремленіямъ; но было бы несправедливо прилагать къ нему *это* мѣрило,—что, къ сожалѣнію, сдѣлалъ Копитаръ. Мы должны скорѣе взять въ разсчетъ *тогдашнее* состояніе языкознанія, взглянуть на то, что онъ нашелъ уже выработаннаго въ Словенской филологіи, на вспомогательныя источники и готовые матеріалы, которыми онъ могъ располагать;—тогда мы будемъ судить его менѣе строго, и о восторженной любви его къ Славянству вообще и къ Словенскому языку въ особенности не отзовемся съ такимъ пренебреженіемъ, какъ иные ученые новаго времени. Мы напротивъ станемъ уважать его за трудолюбіе и преданность народному дѣлу. Я не хочу сказать этимъ, чтобы Похлинъ имѣлъ научное значеніе для *нашего* времени: но для *своего* времени онъ сдѣлалъ не мало; и мы видимъ примѣры, что самые даровитые люди попадали на ложные пути, когда имъ

---

15. Uganke.—1788.

16. Kmetam sa potrebo inu pomozh, переводъ *Беккерова* требника).—Wien. 1789.

17. Adjumentum poëseos Carniolicae, tanquam appendix ad grammaticam Carniolicam,—Viennae, 1798.

Въ рукописи оставлены имъ:

1. Dictionarium magnum latino-germanico-carniolicum,
2. Chronicon ordinis Augustiniani usque ad moderna tempora,
3. Memoria Academiae Operosorum Labacensium,
4. S. Augustini Enchiridion. (по Словенски),
5. Compendiaria commemeratio ortus progressusque conventus Augustiniani discalceat: ad S. Josephum Labaci ad vias regias ejusque virorum illustrium,
6. Svetiga pisma ſtariga Testamenta perve Moseſove bukve.

Рукописи эти должны находиться въ библіотекѣ Терезіанской военной академіи въ Вѣнѣ и ждуть еще окончательнаго критическаго просмотра свѣдущимъ издателемъ и—*Мецената!*

приходилосъ пускаться на удачу въ дѣвственный лѣсъ, чтобы расчистить его, проложить въ немъ дороги, и начертить вѣрную путевую карту и правильный планъ мѣстности для будущихъ путешественниковъ.—Hanc veniam damus—petimusque vicissim.

Конечно, Похлинъ сдѣлалъ бы лучше, если бы больше держался Богорича, и вообще ближе изучилъ его. Что онъ этого не сдѣлалъ, можно объяснить отчасти и его положеніемъ; Похлинъ былъ католическій монахъ. Но что онъ употребляетъ *s*, ſ и *sh* прямо противоположно Богоричу, то въ этомъ по моему мнѣнію нѣтъ еще никакой вины: рѣшительно, все равно, *s* или ſ принять твердой свистящей буквой,—лишь бы въ практикѣ всегда оставаться вѣрнымъ разъ принятому правилу. Въ различномъ произношеніи буквы *e* онъ совсѣмъ спутался; но и эта вина легче, чѣмъ думаетъ Копитаръ,—особливо, если принять въ разсчетъ множество мѣстныхъ разностей въ выговорѣ этой гласной, иногда прямо противорѣчащихъ другъ другу. Самая важная его ошибка въ томъ, что онъ безъ нужды ввелъ въ правописаніе *W*. Гораздо хуже этихъ орѳографическихъ недостатковъ множество введеныхъ имъ новыхъ словъ, у которыхъ вовсе нельзя отыскать Славянскаго корня, и его Нѣмецкій синтаксисъ;—послѣднихъ недостатковъ мы въ себѣ и доселѣ еще не успѣли вполнѣ искоренить, не смотря на всѣ напряженныя усилія Словенскихъ пуристовъ. Во второмъ изданіи своей грамматики (1783) онъ обратилъ на орѳографію особенное вниманіе, и иное дѣйствительно исправилъ, такъ что старанія его конечно не заслуживаютъ того жестокаго приговора, какой произнесъ надъ нимъ Копитаръ, сказавши: «По истинѣ, любовь его больше повредила Словенскому языку, чѣмъ бы могли то сдѣлать его ненависть или презрѣніе.»

Dictionarium trilingue (см. прим. № 12.) стоитъ на одной ступени съ грамматикой; только здѣсь его самодѣльныя слова еще вреднѣе для развитія языка. Пускаться въ оцѣнку достоинства остальныхъ сочиненій патера Марки считаю лишнимъ, ибо мое дѣло только представить въ историческомъ очеркѣ развитіе и научную обработку Словенскаго языка.

Въ одно время съ патеромъ Маркой—говоритъ Копитаръ—жили двое другихъ писателей, Япель и Кумердей, которые занимались Словенскимъ языкомъ гораздо *основательнѣе* его и *обширнѣе*. Но они сначала ограничивались однимъ противорѣчіемъ ему на практикѣ, именно тѣмъ, что въ своемъ переводѣ библіи держались не *его* грамматики, а Богорича; впрочемъ и тотъ, и другой трудились надъ *подробной* и *полной* грамматикой до самой своей смерти. *Георгъ Япель* (1) родился 11 Апрѣля 1744-го года въ Камникѣ (въ Штейнѣ, въ Верхней Крайнѣ.). Начальное образованіе получилъ въ своемъ родномъ городѣ, потомъ перешелъ въ Любляны, гдѣ тогда высшимъ обученіемъ занимались іезуиты. Онъ посвятилъ себя духовному званію и достигъ степени доктора богословія. Первыя двѣнадцать лѣтъ своего служенія онъ провелъ пастыремъ въ Тріестѣ, пока епископъ Люблянскій, зная его отличныя способности, не перевелъ его придворнымъ капелланомъ и секретаремъ въ Любляну.

Соединенныя силы могутъ сдѣлать многое, и слабые начатки, при взаимной братской помощи, выростаютъ до огромныхъ результатовъ. Въ Люблянѣ нѣсколько молодыхъ, энергическихъ людей собрались вокругъ тогдашняго представителя Славянскихъ стремленій—патера Марки, съ цѣлью обработать и возвысить въ общемъ мнѣніи Словенскій языкъ, остававшійся дотолѣ въ крайнемъ пренебреженіи. Это конечно, заслуга, имѣющая большой вѣсъ при оцѣнкѣ стремленій патера Марки, и ея не слѣдовало оставлять безъ вниманія, какъ это сдѣлалъ ученый Копитаръ. Можно сказать, что въ этомъ Словенскомъ союзѣ самые даровитые представители нашей народности братски подали другъ другу руки на энергическую дѣятельность. Чтобы судить о ея успѣхѣ, достаточно назвать имена *Япеля*, *Кумердея*, *Лингарта*, *Водника*, которые не перестанутъ считаться красой своего племени, доколѣ люди будутъ цѣнить патріотизмъ и науку.—Сперва это общество занялось переводами

---

(1). Georg Japel, у Слов. Juri Japel.

лучшихъ иностранныхъ книгъ, но вскорѣ явилась и поэзія, и нашъ прекрасный Словенскій языкъ зазвучалъ веселыми пѣснями.

Самымъ дѣятельнымъ изъ членовъ этого союза былъ *Япель*. Какъ духовный пастырь, онъ часто и глубоко чувствовалъ потребность въ Словенской библіи, ибо протестантская Далматинова библія все еще оставалась единственной. Ему пришла мысль перевести все священное писаніе. Но чтобы не изнемочь подъ бременемъ этой огромной работы, онъ сталъ искать себѣ единомышленника и сотрудника, и дѣйствительно нашелъ его въ ученомъ, ревностномъ, восторженно преданномъ народному образованію и славянству—*Блазіь Кумердеь* (1). Благодаря ихъ напряженнымъ трудамъ, вышелъ въ 1784 году въ Люблянѣ Новый Завѣтъ; затѣмъ приступили они къ переводу Ветхаго Завѣта ; изданіе его началось въ Люблянѣ въ 1791 году и кончено въ 1802 мъ. Сотрудниками въ этомъ достохвальномъ предпріятіи, кромѣ Кумердея, были еще: Іожефъ *Рихаръ*, Іожефъ *Шкрипяръ*, Модестъ *Шрай*, Д—ръ Антонъ *Травнъ* и Матевжъ *Вольфъ*. (2) Для совѣщанія по этому важному дѣлу были въ Люблянѣ частыя собранія; на нихъ предметами ученыхъ бесѣдъ были грамматическія изслѣдованія и сравненія съ другими Славянскими нарѣчіями, въ особенности съ *Русскимъ*. Результаты этихъ бесѣдъ и научныхъ стремленій видны не только въ переводѣ библіи, но и во всѣхъ остальныхъ трудахъ этой «юной школы.»

Особенную цѣну имѣетъ также еще хранящаяся въ рукописи въ библіотекѣ Императорскаго Люблянскаго лицея, Япелева «Славянская Грамматика», заключающая въ себѣ сравненіе *всѣхъ* Славянскихъ нарѣчій. Мысль этого труда внушилъ ему, можетъ быть, его учитель Славянскаго языка, выше упомянутый *Пагловецъ*, котораго признательный ученикъ называетъ« величайшимъ Славянистомъ своего времени»;

---

(1) Blasius Kumerdej, у Слов. Blaž Kumerdej.

(2) Joseph Richar, Joseph Shkrinar, Modestus Shraj, Anton Travn, Matthäus Wolf.

конечно этимъ онъ преувеличиваетъ его значеніе; но все же заслуги его гораздо выше, чѣмъ отзывается о нихъ Копитаръ. —Сверхъ того Япель критически разобралъ « Arcticae horulae» Богорича, а также перевелъ на Словенскій языкъ лучшія мѣста изъ сочиненій Мозеса Мендельсона, Геллерта, Клейста, Гагедорна, Метастазіо и другихъ. Оригинальныя его Словенскія стихотворенія тоже достойны вниманія, особенно по своему языку, стопосложенію и ритму, хотя они менѣе отличаются поэтическою глубиною мысли и богатствомъ образовъ фантазіи.

Эта частная и литературная жизнь Япеля была достойно оцѣнена и его монархомъ, и папою. Его сдѣлали совѣтникомъ эпархіальной консисторіи, потомъ каноникомъ Гурской эпархіи, и ему предстояли еще высшія почести. Его назначили уже *епископомъ въ Трієстъ*, но радостная вѣсть застала его на одрѣ болѣзни, съ котораго ему не суждено было встать. 11-го Октября 1807 года восторженная ко всему прекрасному, благородному и истинному душа его отлетѣла.

Изъ этого біографическаго очерка ясно, что вліяніе Япеля на обработку нашего языка и обогащеніе нашей литературы было значительно, и потому я не стану пускаться въ разборъ мелочнаго спора объ орѳографіи. Въ Япелѣ мы привѣтствуемъ утреннюю звѣзду, которая возвѣщаетъ намъ приближеніе зари, а за ней и солнечнаго дня въ нашей отечественной словесности!

Но рядомъ съ нимъ заслуживаетъ также признательной памяти и его другъ и дѣятельный сотрудникъ *Кумердей*. Не буду говорить здѣсь о важныхъ заслугахъ его по устройству народныхъ школъ, которыми онъ завѣдывалъ, какъ директоръ и инспекторъ, и посредствомъ которыхъ онъ такъ благотворно дѣйствовалъ на распространеніе среди своихъ соотечественниковъ общаго образованія. Онъ оказалъ огромную услугу и собственно нашему языку, какъ союзомъ съ Япелемъ и его предпріимчивыми друзьями, такъ и своимъ критическимъ разборомъ и исправленіемъ многихъ недостатковъ патера Марки.—Потомство съ признательностью указы-

ваетъ на это созвѣздіе близнецовъ—Яшеля и Кумердея на горизонтѣ Словенской литературы.

Какъ бѣдно, ничтожно, даже почти безнадежно было, относительно Словенскаго языка и Славянства вообще, начало XVIII-го вѣка, такъ богатъ, многозначителенъ и полонъ блестящими надеждами былъ конецъ его; радостно и съ народной гордостью смотритъ другъ прогресса съ этого порога на многознаменательное, роковое новое столѣтіе;—о немъ я скажу въ слѣдующей статьѣ.

Д-ръ Клунъ.

Лихтенштейгъ
въ Швейцаріи.

ГРЕЧЕСКАЯ СЛУЖБА

СВ. ПЕРВОУЧИТЕЛЯМЪ СЛАВЯНСКИМЪ

II

ЖИТІЕ СВ. НАУМА БОЛГАРСКАГО

Греческую службу Св. Первоучителямъ Славянскимъ и Житіе Св. Наума Болгарскаго извлекаю я изъ старой книги, чрезвычайной библіографической рѣдкости, недавно присланной мнѣ изъ Македоніи. Это собраніе «Послѣдованій» (*Ακολουθίαι*) Славянскихъ святыхъ, изданное въ прошломъ столѣтіи, въ Москополѣ, въ Албаніи. Архіепископъ «Первой Іустиніаны-Охрида и всей Болгаріи (*τῆς πρώτης Ἰουστινιαννῆς Ἀχριδῶν καὶ πάσης Βουλγαρίας*)» Іосафъ благословилъ и взялъ подъ свое покровительство трудъ «малый по существу, но великій и святой по благочестію»*), который совершили въ 1740—1742 г. два монаха, Михаилъ сынъ Го́ры (*ὁ τοῦ Γκόρας*) и Григорій Константинидисъ,**) и въ которомъ прославляются, на языкѣ Эллиновъ, святые подвиги Славянскихъ просвѣтителей и мучениковъ, Кирилла и Меѳодія съ ихъ пятью преемниками, Гораздомъ, Климентомъ, Наумомъ, Саввою и Ангеларіемъ, короля Сербскаго Іоанна Владиміра и наконецъ Никодима, замученнаго Турками въ Бѣлградѣ въ 1709 году.

Эта книга имѣетъ значеніе не только для библіографа и изслѣдователя старины. Она имѣетъ смыслъ и въ живой современности, смыслъ въ высшей степени отрадный для насъ. Кто изъ читателей, сколько нибудь знакомыхъ съ внутреннимъ

---

*) *Μικρὰν μὲν βίβλον τῇ οὐσίᾳ, μεγάλην δὲ καὶ ἱερὰν τῇ εὐσεβείᾳ*, такъ пишетъ Михаилъ сынъ Го́ры въ посвященіи Послѣдованія Св. Климента архіепископу Іоасафу.

**) Онъ называетъ себя уроженцемъ Москополя; Москополь былъ въ то время важнымъ торговымъ городомъ; главныя стихіи народонаселенія его Романская (Македонскіе Валахи или Цинцары) и Албанская.

состояніемъ Турціи и съ взаимными отношеніями ея народностей, не скорбитъ о томъ печальномъ явленіи, что Греки въ настоящее время дѣйствуютъ тамъ, какъ противники всего Славянскаго? Кому не горестно видѣть, какъ они своимъ упорнымъ и хитрымъ противодѣйствіемъ задерживаютъ, болѣе чѣмъ всякая другая враждебная стихія, развитіе Болгарскаго народа? Кто вспоминаетъ безъ негодованія, что они вытѣснили, въ колыбели Славянскаго просвѣщенія, въ Охридскомъ и Загорскомъ *) край, Славянскій языкъ изъ церкви и, почти даже, изъ городской жизни.—Отрадно подумать, что не всегда такъ было, что не всегда этимъ племенемъ, прежнимъ носителемъ образованности, руководствовала вражда противъ Славянъ: отрадно подумать это, потому что если не всегда такъ было, то, можно надѣяться, и не всегда такъ будетъ.

Вотъ почему имѣетъ значеніе для насъ темный трудъ Михаила, сына Го́ры и Григорія Константинидиса. Онъ представляетъ драгоцѣнное свидѣтельство того, какъ Греки умѣли дѣйствовать въ отношеніи къ Славянамъ сто лѣтъ тому назадъ. Неужели въ то время Греки въ Турціи не достигли еще предѣла своего духовнаго паденія? Неужели имъ суждено было въ послѣдніе сто лѣтъ, въ эту эпоху всеобщаго возрожденія, еще упасть, еще исказиться?

Но возвратимся къ нашей Мосхопольской книгѣ. Какою любовью къ Славянамъ, какимъ уваженіемъ къ Славянской церкви, проникнута служба св. Кириллу и Меѳодію и ихъ пяти ученикамъ (ихъ означаютъ общимъ именемъ Славянскихъ Седмичисленниковъ)! Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что служба Седмичисленникамъ не списана изъ древняго текста, а составлена самимъ Михаиломъ и, стало быть, запечатлѣна духомъ, который господствовалъ въ Греческомъ клирѣ, управлявшемъ Македоніею, или по крайней мѣрѣ въ одной немалозначительной части его (потому что самъ архіепископъ раздѣлялъ этотъ взглядъ), не далѣе какъ въ прошломъ столѣтіи. А что̀ бы теперь сказали Македонскіе Греки, если бы

*) Загоріемъ называется населенная Болгарами часть Ѳракіи, край на югъ отъ Балканскаго хребта, котораго главный городъ есть Филиппополь.

кто нибудь изъ нихъ среды сталъ напоминать народу о Кириллѣ и Меѳодіи! Въ этомъ смыслѣ Послѣдованіе Седмичисленниковъ, не важное по историческому содержанію, есть любопытный для насъ памятникъ, и я приведу изъ него нѣсколько мѣстъ, наиболѣе характеристическихъ. Послѣдованіе (подъ заглавіемъ. *Μηνὶ Ἰουλίῳ ιζ'* (17) *Ακολουθία τῶν ἁγίων ἑπταρίθμων ποιηθεῖσα παρὰ τοῦ ἐν ἱερομονάχοις Γρηγορίου Μοσχοπολίτου*) начинается съ стихировъ на малой вечернѣ. Вотъ первый изъ нихъ:

Ἑπτάριθμοι ἔνδοξοι, ὑμᾶς, τοῦ παντὸς ὁ πρύτανις, τῷ ἑπταδώρῳ τοῦ Πνεύματος ἐκόσμησε Θεὸς καὶ γραφῶν ἐκθέσει, δι' ὧν ἔθνη ἅπαντα Βουλγάρων πρὸς τὴν πίστιν μετήγαγεν: ᾧ νῦν πρεσβεύσατε δωρηθῆναι ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν τὴν εἰρήνην καὶ τὸ μέγα ἔλεος.

Седмичисленники славные, васъ властитель всего, Богъ украсилъ седмидаріемъ Духа и изложеніемъ Писаній, чѣмъ Онъ привелъ всѣ племена Болгаръ къ вѣрѣ; предъ Нимъ нынѣ ходатайствуйте о дарованіи душамъ нашимъ мира и великой милости.

Стихиры на великой вечернѣ начинаются такъ:

Ποίοις εὐφημιῶν στέμμασι στεφανώσωμεν τοὺς Ἑπταρίθμους, τοὺς διῃρημένους τοῖς σώμασι, καὶ συνημμένους τῷ πνεύματι, τοὺς τῶν θεοφόρων πρωτοστάτας, Τριάδος ὑπὲρ προόδου τοὺς ἀθλήσαντας, φωστῆρας τῆς Δαλματίας διαλάμποντας, τῆς Βουλγαρίας τοὺς στόλους, οὓς στεφάνοις δόξης ὡς νικήσαντας στεφανοῖ Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν ὁ ἔχων τὸ μέγα ἔλεος.

Какими вѣнцами хваленій увѣнчаемъ мы Седмичисленниковъ, раздѣленныхъ тѣлесно, но соединенныхъ духомъ, предстоятелей между богоносцами, боровшихся за Троицу, возсіявшихъ, какъ свѣтильники, надъ Далмаціею-, *утвердившихъ* *) Болгарію, какъ столпы, *Седмичисленниковъ*, которыхъ, какъ побѣдителей, вѣнчаетъ вѣнцами славы Христосъ Богъ нашъ, имѣющій великую милость.

.....

*) Слова, отмѣченныя *курсивомъ*, не находятся въ текстѣ и вставлены для ясности перевода.

Ποίοις ὑμνωδιῶν κάλλεσιν ἐπαινέσωμεν τοὺς Ἑπταρίθμους, Κύριλλον, Μεθόδιον Σάββαν τε, Ναοὺμ, Γοράσδονα, Κλήμεντα σὺν Ἀγγελαρίῳ, τοὺς προσώποις τρισὶν ἕνα καταγγείλαντας Θεὸν πᾶσι, καὶ πίστιν τῶν ὀρθοδόξων τοὺς στηρίξαντας, τούτους γὰρ ὄντως ἀξίως (чит. *ἀξίους*) *ἀθανάτου δόξης, διαδήμασι στεφανοῖ Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ ἔχων τὸ μέγα ἔλεος.*

Какими красотами пѣснопѣній восхвалимъ мы Седмичисленниковъ, Кирилла, Меѳодія, Савву, Наума, Горазда, Климента съ Ангеларіемъ, возвѣстившихъ всѣмъ единаго въ трехъ лицахъ Бога и утвердившихъ вѣру Православныхъ; ибо ихъ, по истинѣ достойныхъ безсмертной славы, вѣнчаетъ діадимами Христосъ Богъ нашъ, имѣющій великую милость.

.....

Χαίροις τῶν Ἑπταρίθμων χορὸς, οὐρανοβάμονες ἐπίγειοι ἄγγελοι, Βουλγάρων ἡ σωτηρία καὶ Δαλμάτων ἡ χαρά, Κλήμη σὺν Ναούμ τε Ἀγγελάριε, Γοράσδων, Μεθόδιε, Σάββα, Κύριλλε ἔνδοξοι, ἐπιστήμονες, ἰατροὶ οἱ ἀείῤῥοοι, οἱ τοῦ πνεύματος ποταμοὶ οἱ ποτίσαντες πᾶσαν γῆν τῷ κηρύγματι, μαστοὶ οἱ ἐκβλύζοντες τῆς σωτηρίας τὸ γάλα, τὸ τῆς σοφίας ἀγλάϊσμα, Χριστὸν δυσωπεῖτε ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν δωθῆναι τὸ μέγα ἔλεος.

Радуйся хоръ Седмичисленниковъ, восходящіе къ небу земные ангелы, спасеніе Болгаръ и радость Далматовъ (т. е. Сербовъ), Климентъ съ Наумомъ и Ангеларіемъ, Горазде, Меѳодій, Савва, Кириллъ, славные, разумные, врачи вѣчно исцѣляющіе, рѣки духа, напоившія всю землю благовѣстіемъ, сосцы источающіе млеко спасенія, краса мудрости, ублажите Христа даровать душамъ нашимъ великую милость.

.....

(*Κάθισμα*). *Ἑορτάζει σήμερον ἡ ἐκκλησία τὴν σεπτὴν πανήγυριν τῶν Ἑπταρίθμων τῶν σεπτῶν· καὶ γὰρ αὐτοὶ ἐστερέωσαν τὴν Βουλγαρίαν τοῖς θείοις αὐτῶν δόγμασι.*

(Каѳисма). Празднуетъ сегодня церковь честный праздникъ честныхъ Седмичисленниковъ: ибо они утвердили Болгарію своими божественными догматами.

(*Κανών*). *Ἐσβέσθη ἰσχὺς τῶν Βογομίλων, καὶ δράκοντος βέλη πονηροῦ, καὶ τοῦ Βιχνίκου αἵρεσις· τὴν γὰρ Βουλγάρων ἤρδευσαν λουτρῷ τῷ τοῦ βαπτίσματος ἅπασαν γῆν οἱ Ἑπταρίθμοι. Πρὸς Ῥώμην ἀφίκοντο τὴν θείαν, τὰς βίβλους λαβόντες ὡς ποτὲ τὸν νόμον ἐκ Σινᾶ Μωσῆς, ὡς ἐκ Σιὼν δὲ ταύταις νῦν ἔθνη Βουλγάρων ἅπαντα πρὸς θείαν πίστιν μετήγαγον.*

(Канонъ). Истреблена сила Богомиловъ, *истреблены* стрѣлы лукаваго дракона и ересь Вихника: ибо Седмичисленники окропили всю землю Болгаръ купелью крещенія. Къ Риму Божественному пришли они, *) взявши *съ собою* книги, какъ нѣкогда Моисей законъ съ Синая, и съ ними, **) какъ съ Сіона, привели всѣ племена Болгаръ къ божественной вѣрѣ.

Τοὺς σοὺς Ἑπταρίθμους εὐφημοῦμεν, Ναοὺμ καὶ τὸν Κλήμεντα, Χριστὲ, Μεθόδιον καὶ Κύριλλον, τὸν Σάββαν καὶ Γοράσδονα, καὶ τοῖς ἀγγέλοις σύσκηνον, τὸν ἱερὸν Αγγελάριον.

Твоихъ Седмичисленниковъ, Христосъ, восхваляемъ мы, Наума и Климента, Меѳодія и Кирилла, Савву и Горазда и сожителя ангеловъ, святаго Ангеларія.

Замѣчательно въ этомъ канонѣ упоминовеніе о Вихникѣ (или, правильнѣе, Вихингѣ), какъ объ еретикѣ, низложенномъ проповѣдью Седмичисленниковъ. Этотъ Вихингъ былъ никто другой, какъ извѣстный въ исторіи агентъ Западнаго духовенства, противодѣйствовавшій въ Великой Моравіи, при дворѣ князя Святополка, трудамъ Меѳодія и его учениковъ и успѣвшій наконецъ изгнать ихъ изъ этой страны, главной въ то время Славянской державы. Его «ересь» состояла въ томъ, что онъ признавалъ только за тремя языками, Еврейскимъ, Греческимъ и Латинскимъ, право быть языками Церкви и отвергалъ на этомъ основаніи законность перевода Писаній на Славянскій языкъ и Славянскаго богослуженія. Могли ли, въ своей борьбѣ съ Нѣмецкимъ противникомъ, святые Седмичисленники предвидѣть, что, черезъ тысячу лѣтъ, стремленія Вихинга

---

*) Извѣстно путешествіе Кирилла и Меѳодія изъ Моравіи въ Римъ.

**) т. е. съ помощью этихъ книгъ.

найдутъ представителей въ ихъ собственномъ отечествѣ, въ Македоніи? Благочестивый составитель Послѣдованія неразъ еще возвращается къ Вихингу; такъ, напримѣръ въ слѣдующемъ стихѣ:

(*Κάθισμα*). *Μαθητεύσαντες ἔθνη τὰ τῶν Μυσῶν, καὶ κηρύξαντες πίστιν τὴν ἀληθῆ, τῷ θείῳ βαπτίσματι μετηγάγετε ἅπαντας πρὸς τὸν Θεὸν, τρισολβιοι, Βιχνίκου τὴν αἵρεσιν τῇ ἐνεργείᾳ ὄντως θαυμάτων ἐσβέσατε, ὅθεν καὶ νοσούντων θεραπεύετε πάθη, καὶ λόγῳ τὰ πνεύματα ἀπελαύνετε, ὅσιοι, τῆς Τριάδος ὑπέρμαχοι· πρεσβεύσατε Χριστῷ τῷ Θεῷ τῶν πταισμάτων ἄφεσιν δωρήσασθε (чит. δωρήσασθαι) τοῖς ἑορτάζουσι πόθῳ τὴν ἁγίαν μνήμην ὑμῶν.*

(Каѳисма). Научивъ племена Мисовъ (т. е. Болгаръ) и возвѣстивъ истинную вѣру, вы ихъ всѣхъ чрезъ божественное крещеніе привели къ Богу, требованные; вы истребили ересь Вихника по истинѣ дѣйствіемъ чудесъ, такъ какъ вы исцѣляете страданія недугующихъ и словомъ изгоняете духовъ, святые, поборники Троицы. Ходатайствуйте предъ Христомъ Богомъ о дарованіи отпущенія грѣховъ празднующимъ съ вожделѣніемъ святую память вашу.

Наконецъ мы должны привести изъ Послѣдованія нѣсколько стиховъ, въ которыхъ восхваляется на языкѣ Эллинскомъ переводъ священныхъ книгъ на Славянскій языкъ:

(*Ωδὴ*). *Θωρηχθέντες τῷ Πνεύματι, ῥήσεις τῶν γραφῶν σαφῶς ἀνηρμήνευσαν τοῖς Βουλγάροις, καὶ ἀτίθασσα πρὸς Χριστὸν τὴν μάνδραν ἔθνη ἤλασαν.*

(Пѣснь). Востóргнувшись духомъ, они ясно истолковали Болгарамъ рѣчи Писаній и привели дикіе народы къ Христу, *какъ укрощенное стадо* въ овчарню.

. . . . . .

Ὀφθόγγος διέδραμεν εἰς πᾶσαν γῆν, Ἑπτάριθμοι, ῥήματα δ' ἐπ' ἄκρων τῶν βορέων, τῶν θεοσόφων εὐαγγελίων ὑμῶν· καὶ ἔσωσε Κύριος δ' ὢν, πάντας τοὺς πιστεύσαντας εἰς Τριάδα τὴν ἄκτιστον.

Голосъ пробѣжалъ по всей землѣ, Седмичисленники, и по краямъ сѣвера *пробѣжали* слова богомудрыхъ вашихъ благовѣствованій; и Господь спасъ всѣхъ увѣровавшихъ въ несотворенную Троицу.

Ὑπέσχετο Κύριος Ἀβραὰμ τῷ προπάτορι δοῦναι εὐλογίαν εἰς τὰ ἔθνη· γένος Βουλγάρων νῦν δι' ὑμᾶς εὐλογεῖ· λαβόντες οὖν τὰς ἀνταμοίβας, χαίροντες εἰσήλθετε εἰς χαρὰν τοῦ Θεοῦ ὑμῶν.

Обѣщалъ Господь Аврааму праотцу дать благословеніе народамъ: родъ Болгарскій *Онъ* нынѣ чрезъ васъ благословляетъ. Итакъ, принявъ мзду, вы радостно вошли въ радость Бога своего.

Σταλέντες τὴν ἄκτιστον Τριάδα τῆς Θεότητος ἅπασι Βουλγάροις ἀναγγέλειν, Πατέρα, Λογον καὶ Πνεῦμα ἕνα Θεὸν, τὴν αἵρεσιν λύκων τῶν δεινῶν, Μασσαλιανῶν, ὑμεῖς παντελῶς ἀπεσβέσατε.

Посланные возвѣстить всѣмъ Болгарамъ несотворенную Троицу Божества, Отца, Слово и Духъ, единаго Бога, вы совершенно истребили ересь страшныхъ волковъ, Массаліановъ. *)

. . . . . .

(Κοντάκιον). Τοὺς ἐν ἀσκήσει ἐκλάμψαντας καὶ εὐσεβείας τοὺς κήρυκας, τοὺς ἀληθεῖς στύλους καὶ βάσεις τῆς ἐκκλησίας καὶ σάλπιγγας ἐνθέους τῶν τοῦ Χριστοῦ δογμάτων, τοὺς τὰς αἱρέσεις πυρὶ τοῦ Πνεύματος καταφλέξαντας καὶ τὴν ὀρθόδοξον πίστιν τρανῶς καταγγείλαντας, τοὺς θεοφόρους Ἑπταρίθμους δεῦτε, πιστοὶ, εὐφημήσωμεν· οὗτοι γὰρ τὸν ἐχθρὸν Βελίαρ καὶ ἀσεβῶν μανίαν νικήσαντες, τῇ τῶν γραφῶν ἐκθέσει τὰ Μυσῶν καὶ Βουλγάρων γένη ἐξ ἀγριελαίου εἰς καλλιέλαιον ἐγκεντρίσαντες, πάντας πρὸς τὴν ἀμώμητον πίστιν τῷ θείῳ βαπ-

(Кондакъ). Придите, вѣрные, восхвалимъ возсіявшихъ воздержаніемъ и вѣстниковъ благочестія, истинные столпы и основанія церкви, божественныя трубы Христова ученія, спалившихъ ереси огнемъ духа и возвѣстившихъ ясно православную вѣру, богоносныхъ Седмичисленниковъ, ибо они, побѣдивъ враждебнаго Веліала и неистовство нечестивыхъ, изложеніемъ Писаній, какъ прививкою, превратили поколѣнія Мисовъ и Болгаръ изъ дикой маслины въ благородную, привели всѣхъ, чрезъ божественное крещеніе, въ непорочную

*) Массаліанами называли Богомиловъ, преемниковъ ихъ ересическаго ученія, сильно распространившихся въ Болгаріи въ X и слѣдующихъ вѣкахъ, а можетъ быть и прежде.

τίσματι μετήγαγον, καὶ χρουνοὺς θαυμάτων τὴν ὑφήλιον ἔπλησαν; διὸ καὶ στεφηφόροι Θεῷ τῷ παντάναχτι παρίστανται· πρὸς οὓς βοήσωμεν· πατέρες θειότατοι καὶ ἰσαπόστολοι, ὑπὲρ ἡμῶν πρεσβεύσατε Χριστῷ, δοῦναι πταισμάτων, Ἑπτάριθμοι, ἄφεσιν.

вѣру и наполнили подсолнечный *мірѣ* потоками чудесъ. За то и вѣнценосцами стоятъ они у Бога всевластителя. Къ нимъ возопіемъ: отцы божественнѣйшіе и равноапостольные, за насъ ходатайствуйте предъ Христомъ, Седмичисленники, о дарованіи намъ отпущенія грѣховъ.

. . . . . .

Ὢ τοῦ παραδόξου θαύματος, τοῖς Ἑπταρίθμοις Θεὸς, ὡς ἑπτὰ στύλοις ἔπηξεν ἐκκλησίαν ἅπασαν ἀτιθάσσων Βουλγάρων τε καὶ τῶν Δαλμάτων, γραφῶν ταῖς ῥήσεσι καὶ τῶν γραμμάτων εὑρέσει ἔννομα· ὦ τῶν μεγάλων σου θαυμασίων, δέσποτα· δι' ὧν, Χριστὲ, σῶσον τὰς ψυχὰς ἡμῶν ὡς μόνος εὔσπλαγχνος.

О неимовѣрное чудо! на Седмичисленникахъ Богъ, какъ на семи столпахъ, основалъ всю церковь дикихъ Болгаръ и Далматовъ (т. е. Сербовъ), которыхъ подчинили закону слова Писанія и изобрѣтеніе письменъ. О, велики чудеса твои, Господи! ими спаси, Христосъ, души наши, какъ единый благоутробный.

Таковы эти благочестивыя пѣсни, въ которыхъ Греческій міръ такъ недавно еще воздавалъ честь и хвалу изобрѣтателямъ Славянскихъ письменъ, переводчикамъ священныхъ книгъ на Славянскій языкъ, просвѣтителямъ Славянскихъ народовъ, однимъ словомъ, основателямъ духовной самобытности Славянъ. Въ такихъ торжественныхъ славословіяхъ признавалъ онъ, сто лѣтъ тому назадъ, святость подвига «Седмичисленниковъ,» законность духовной самобытности Болгаръ и Сербовъ. Что значитъ, въ сравненіи съ высокимъ смысломъ этихъ пѣсенъ, неестественность слога, безвкусіе многихъ метафоръ, наслѣдіе литературнаго упадка Византіи?

Но кромѣ этого значенія, проистекающаго изъ отношеній Греческой народности къ Славянской, Послѣдованія, изданныя подъ покровительствомъ Охридскаго архіепископа Іоасафа,

важны отчасти также, какъ историческое свидѣтельство. Составители ихъ воспользовались, въ Службахъ нѣкоторымъ Славянскимъ святымъ, рукописями, которыя еще сохранялись тогда, а теперь исчезли. Такъ они спасли отъ гибели важное Житіе Св. Климента, ученика Кирилла и Меѳодія и главнаго сотрудника царя Симеона въ просвѣщеніи Болгарскаго народа (Житіе это было перепечатано недавно г. Миклошичемъ въ Вѣнѣ и г. Меншиковымъ въ Москвѣ). Такъ они сохранили Житіе Сербскаго короля Іоанна-Владиміра, любопытный памятникъ исторіи южныхъ Славянъ въ XI вѣкѣ, остающійся еще къ сожалѣнію, почти недоступнымъ въ ихъ изданіи, котораго, кажется, извѣстно въ Европѣ всего два или три экземпляра. Такъ, наконецъ, они напечатали Житіе св. Наума, другаго ученика Славянскихъ первоучителей. Житіе это, точно также какъ Житіе Іоанна-Владиміра, неизвѣстно даже ученымъ спеціалистамъ, по причинѣ рѣдкости Москопольскихъ изданій. Правда, въ немъ нѣтъ особенно важныхъ свидѣтельствъ, и историческіе факты въ немъ стерты и спутаны; но всякое сказаніе объ основателяхъ Славянскаго просвѣщенія драгоцѣнно, и въ особенности такое, гдѣ излагается, хотя и въ смутномъ очеркѣ, жизнь одного изъ сподвижниковъ Кирилла и Меѳодія, о которомъ нѣтъ никакого другаго извѣстія. Потому я считаю полезнымъ выписать здѣсь это Житіе. Оно вставлено въ Послѣдованіе этого святого *), совершавшееся 20 Іюня и 23 Декабря. Языкъ Житія на половину ново-Греческій; очевидно, что эта редакція весьма поздняя: по всей вѣроятности, Житіе составлено было самими издателями Москопольскихъ Послѣдованій или кѣмъ нибудь изъ ихъ сотрудниковъ по древнѣйшему, Славянскому источнику. Въ полномъ Житіи Іоанна-Владиміра, изданномъ также въ Москополѣ и писанномъ на томъ же, въ половину ново-Греческомъ, языкѣ, прямо сказано, что оно заимствовано «изъ Болгарскаго (т. е. Славянскаго) синаксаря». Что же касается до Житія св. Наума, то происхожденіе его изъ Славянскаго источника тѣмъ болѣе

---

*) Заглавіе: *Μηνὶ Ἰουνίῳ · κ'. μνήμην ἐπιτελοῦμεν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ναοὺμ τοῦ θαυματουργοῦ τοῦ ἐν τῷ Λιβνίσκῳ* (такъ) *Διαβόλεως κειμένου.*

несомнѣнно, что въ изданіи Мосхопольскихъ Послѣдованій участвовала сама обитель, построенная во имя этого святаго, а можетъ быть и имъ самимъ основанная, близъ Охридскаго озера, *) и которая, конечно, съ наибольшимъ тщаніемъ хранила свидѣтельства объ его дѣяніяхъ:

Τῷ αὐτῷ Μηνὶ (Ιουνίῳ) κ', μνήμη τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ναοὺμ τοῦ θαυματούργου.

Того же мѣсяца (Іюня) въ 20 день, память святаго и богоноснаго отца нашего Наума чудотворца.

Οὗτος ὁ θεῖος καὶ περιβόητος πατήρ ἡμῶν Ναοὺμ ἦκμαζεν εἰς τὸν καιρὸν Κυρίλλου καὶ Μεθοδίου τῶν ἁγίων, οἱ ὁποῖοι διέτριβον τότε εἰς τὰ μέρη τῆς Βουλγαρίας, ἀγωνιζόμενοι κατὰ πολλὰ μὲ ζῆλον θεῖον, διὰ νὰ γυρίσουν τὰ πεπλανημένα ἔθνη τῶν αἱρετικῶν εἰς τὴν ὀρθοδοξίαν. Τούτων οὖν τῶν θαυμασίων ἄνδρων καὶ κηρύκων τῆς ἀληθείας γενόμενος ἀκόλουθος ὁ ἅγιος Ναοὺμ, καὶ παραδίδωντας τὸν ἑαυτόν του ὅλος διόλου εἰς τὰς χεῖράς τῶν, περιεπάτει μὲ αὐτοὺς τὰς πόλεις πάσας καὶ τὰς χώρας, τυπτόμενος, λοιδορούμενος, κακοχούμενος, ὑποφέρων ἀνυποίστους καὶ μακροὺς κόπους καὶ πόνους, φυλακὰς, θλίψεις καὶ

Сей божественный и славный отецъ нашъ Наумъ процвѣталъ во время святыхъ Кирилла и Меѳодія, которые пребывали тогда въ предѣлахъ Болгаріи, много трудясь съ божественнымъ рвеніемъ, чтобы обратить заблудшіе народы еретиковъ въ Православіе. Спутникомъ этихъ чудныхъ мужей и вѣстниковъ истины сдѣлался святой Наумъ, и предавъ себя совершенно въ ихъ руки, обходилъ съ ними города и страны, подвергаясь біенію, поношенію, оскорбленіямъ, перенося безпрестанные и долгіе труды и напряженія, заключенія въ темницы, притѣсненія и побои, и преслѣдуемый врагами Христа и вѣры. Чтобы привести

*) По крайней мѣрѣ послѣдованія Св. Климента и 15 мучениковъ въ Струмницѣ, были напечатаны, первое отчасти, второе вполнѣ, на счетъ этой обители (*δαπάνῃ τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ναοὺμ τοῦ θαυματουργοῦ*): вѣроятно и другія службы также, но въ моемъ экземплярѣ всѣ прочія лишены заглавнаго листа, на которомъ могла находиться эта отмѣтка.

μάστιγας καὶ διωγμοὺς ἀπὸ τοὺς ἐχθροὺς τοῦ Χριστοῦ καὶ της πίστεως. Καὶ διὰ νὰ σύρουν πολλοὺς εἰς τὴν τοῦ Χριστοῖ ἐπίγνωσιν, καὶ νὰ τοὺς φοτίσουν μὲ τὸ φῶς τῆς εὐσεβείας καὶ τὴν κατανοησιν τῶν γραφῶν, ἐμεταγλώττισαν τὴν θείαν γραφὴν, παλαιάν τε καὶ νεάν ἀπὸ τὴν Ἑλληνικὴν εἰς τὴν γλῶσσαν τῶν Βυλγάρων, φέροντες εἰς μεγάλην κατάληψιν τὴν Βυλγαρικὴν διάλεκτον, μὲτὰ στοιχεῖα, καὶ μὲ κάποιας λέξεις ὁπὸ αὐτοὶ ἐφεύρηκαν. Πλὴν πρὸ τὸ νὰ δημοσιεύσν τὸτο τὸ ἐπώφελες καὶ θειότατὸν ἔργον εἰς ἐκεῖναρτὰ ἔθνη, ἐβυλήθησαν ἐκ συμφώνυ, ὁ, τὲ μακάριος Ναὺμ, Κύριλλος, καὶ Μεθόδιος, καὶ Κλίμης, καὶ οἱ σὺν αὐτοῖς ἁγιώτατοι Ἰσαπόστολοι, νὰ τὸ ἀναφέρυν εἰς τὴν Καθολικὴν Ἐκκλησίαν, διὰ νὰ λάβη τὸ κῦρος καὶ τὴν βεβάιωσιν. Λαβόντες λοιπὸν τὰς βίβλυς, κινύμενοι θείῳ πνεύματι, ἔφθασαν εἰς τὴν τῶν Ῥωμαίων πρεσβυτέραν μεγαλόπολιν· ἦτον δέ τότε Ἀρχιερεὺς ἐκεῖ Ἀδρίανος ὁ Μέγας. Ὁ ὁποῖος μανθάνωντας τὸν ἐρχομὸν τῶν ἁγίων, τὺς ἐπρευπάντησενἐκ μακρῦ διαστήματος μὲ ὅλην τυ τὴν ἱερατικὴν συνόδον, καὶ μεγαλοπρεπῶς τὺς ἐτίμησε, καθὼς ἦτον

многихъ къ познанію Христа и зажечь свѣточь благочестія и разумѣнія Писаній, они перевели божественное Писаніе ветхаго и новаго завѣта съ Эллинскаго языка на Болгарскій, внося въ Болгарскую рѣчь великую ясность съ тѣми началами (στοιχεῖα, т. е. письменами) и съ тѣми выраженіями, которыя они изобрѣли. Но прежде чѣмъ обнародовать этотъ полезный и божественнѣйшій трудъ между тамошними племенами, они рѣшились, съ общаго согласія, блаженный Наумъ, Кириллъ, Меѳодій, Климентъ и другіе бывшіе съ ними равноапостольные святые, поднести его Вселенской Церкви, чтобы онъ получилъ законную силу и утвержденіе. Взявъ книги и подвигаемые божественнымъ духомъ, они отправились въ старѣйшую столицу Римлянъ. Былъ тогда архіереемъ тамъ Адріанъ великій. Онъ, узнавъ о приходѣ святыхъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу на большое разстояніе со всѣмъ священнымъ соборомъ и велико-лѣпно почтилъ ихъ, какъ приличествовало для такихъ святыхъ лицъ. Святой же Наумъ, какъ младшій между спутника-

πρέπον εἰς τέτοια ἁγιώτατα πρόσωπα. Ὁ δὲ ἁγίος Ναὺμ, ὡς τῶν συνοδιτῶν τῦ νεώτερος, καὶ κατὰ τὸν θεῖον ζῆλον λίαν θερμότερος, προέξεχε καὶ ἠγωνίζετο περισσότερον, δείχνωντας νὰ ἦναι ὄχι συνεργὸς τῶν ἱερῶν ἐκείνων διδασκάλων, ἀλλ' ὑπηρέτης καὶ δῦλος. Ὅθεν ὑπήχθε μὲ πολλὴν προθυμιάν, καὶ φιλοπόνως ἐτέλει ὅλα τὰ προστατττόμενα.

ми и наболѣе горѣвшій божественнымъ рвеніемъ, старался и трудился еще сильнѣе, показывая себя не сподвижникомъ тѣхъ святыхъ учителей, а ихъ слугою и рабомъ. Онъ слушался ихъ съ великимъ усердіемъ и трудолюбиво исполнялъ все предписываемое.

Ἐκεῖ οὖν ὁποῦ εἰσίρχοντο εἰς τὴν πόλιν, μέγιστα καὶ ἐξαίσια θαύματα ἔδειξε διὰ τῶν θεραπόντων αὐτῦ, ὁ δοξάζων τὺς αὐτὸν δοξάζοντας Κύριος. Ἐπειδὴ καὶ παρευθὺς πολλοὶ τυφλοὶ ἀνέβλεψαν, πολλοὶ παραλελυμένοι ἀνορθώθησαν, κωφοὶ καὶ ἄλαλοι ἐλάλησαν καὶ ἤχθσαν, χωλοὶ ἐπεριπάτησαν, καὶ ἄλλοι ἐλευθερώθησαν ἀπὸ ἀκάθαρτα πνεύματα, καὶ ἀπὸ διάφοραις ἀῤῥωστίαις. Ἀπὸ τὰ ὁποῖα θαύματα, καὶ ἀπὸ ἑτέρας ἀποκαλύψεις ὁπῦ ὁ Ἀρχιερεὺς ἐκ θείας νεύσεως εἶδε, γνωρίζωντας πῶς τὸ ἔργον ἦτον ἐκ θεῦ, ἐπαρακάλεσε τῦς ἁγίυς νὰ τῦ δείξθν τὰ βιβλία ὁποῦ ἐμεταγλώττισαν· τὰ ὁποῖα προσφέροντες ἔμπροσθεν τῦ, τὰ ἐξέτασε μὲ πάσαν ἀκρίβειαν παραβάλλωντας τὸ Ἑλληνικὸν μὲ τὸ Βυλγαρικὸν, καὶ ἐυρίσκωντῦ

Когда они вступали въ городъ, Господь, прославляющій прославляющихъ Его, показалъ великія и сверхъестественныя чудеса чрезъ служителей Своихъ. Многіе слѣпые мгновенно прозрѣли, многіе разслабленные воздвиглись, глухіе и нѣмые услышали и заговорили, хромые стали ходить, и многіе другіе освободились отъ нечистыхъ духовъ и разныхъ болѣзней. По этимъ чудесамъ и по другимъ откровеніямъ, видѣннымъ имъ по божественному манію, архіерей узналъ, что дѣло было отъ Бога, и пригласилъ святыхъ показать ему переведенныя ими книги. Когда они принесли ихъ къ нему, онъ сталъ повѣрять ихъ со всѣмъ тщаніемъ, сличая Эллинское съ Болгарскимъ, и нашедши все согласнымъ и

τας τὰ σύμφωνα καὶ ὁμόφρονα κατὰ πάντα, τὰ ἐβεβαίωσε, καὶ τὰ ἐψήφισε νὰ ἔχῃ τὸ πιστὸν καὶ βέβαιον, καὶ νὰ δοθῇ εἰς μάθησιν κοινῶς εἰς τὴν γὴν τῶν Βλγάρων, διὰ κατάληψιν ἀκραιφνεστέραν τῆς εὐσεβείας.

однозначащимъ, онъ утвердилъ эти книги и объявилъ ихъ достовѣрными и законными, и приказалъ ввести ихъ во всеобщее ученіе въ землѣ Болгарской, для чистѣйшаго воспріятія благочестія.

Ἀφ' ᾧ λοιπὸν ἐπλήρωσαν οἱ ἅγιοι τὸ θεάρεστον ἔργον, βλόμενοι νὰ ἐπίστρέψωσιν εἰς τὰ ὀπίσω ἕκαστος εἰς τὸν ἴδιον τόπον, ἔδμαρεν ὅλος σχεδὸν ὁ λαὸς τῆς πόλεως εἰς προπομπήν των, καὶ ἐσυμπροβοδῆσαν*), καὶ ἀπέστελνουν αὐτὲς μὲ μεγάλην τιμὴν καὶ ἐυλάβειαν. Ἔτρεχον δὲ καὶ ἐκεῖνοι ὁπῦ εἶχον πάθη καὶ ἀσθενείας, καὶ ἐθεραπεύοντο. Μὰ ὁ τρόπος μὲ τὸν ὁποῖον ἐλάμβανον τὴν ὑγείαν εἶναι θαυμάσιος καὶ ἄξιος νὰ τὸν δηγήθη τινάς. Ἐπειδὴ εὐθὺς ὁπῦ οἱ ἀσθενεῖς ἐκοίταζον τὰ ὄμματῶν ἁγίων, ἐλευθερώνενταν ἀπὸ πᾶσαν ἀσθένειαν ὁπῦ εἶχον. Τόσον ἦτον χαριτόμενοι καὶ ἁγίωτατοι ἄνθρωποι, ὁπῦ καὶ ἀπὸ τὲς ὀφθαλμὲς τῶν ἐξήρχετο χάρις ἰατριατικὴ, καὶ ἐδίωκεν ἀπὸ τὰ ἀνθρώπινα σώματα ὅλας τὰς ἀσθένειας καὶ τὰ πάθη. Μετὰ βίας ἦν ξεχωριζόμενοι ὅλοι ἐκεῖνοι, ὁποῦ τὲς ἐξεπροβοδῆσαν*) μὲ ἄμετρα δά-

Когда святые исполнили богоугодное дѣло и захотѣли возвратиться каждый восвояси, весь почти народъ изъ города бѣжалъ въ сопутствіе имъ и провожалъ ихъ, и отпустилъ ихъ съ великою честію и уваженіемъ. Они же устремлялись всюду, гдѣ были страданія и недуги, и исцѣлялн. Поспособъ, которымъ больные получали отъ нихъ выздоровленіе, былъ чудесный, и достоинъ того, чтобы кто нибудь описалъ его: какъ скоро очи святыхъ останавливались тамъ, гдѣ лежали недугующіе, они избавлялись отъ всякой болѣзни; до такой степени люди эти были исполнены благодати и святости, что и изъ очей ихъ исходила благодать цѣлительная и изгоняла изъ человѣческихъ тѣлъ всякіе недуги и страданія. Итакъ, насильно разставшись со всѣми тѣми, которые провожали ихъ

*) Замѣчательное слово, взятое прямо съ Славянскаго *проводить*.

χρυσᾶ καὶ μὲ πρόσωπα λυπητερὰ, καὶ τελευταῖον ἀπὸ χαιρετώμενοι ἕνας τὸν ἄλλον μὲ φιλήματα καὶ ἐπαφὰς πνευματικὰς, καὶ μεταδίδοντες ἀλλήλοις τῆς ἁγιότητος, ἐπορεύοντο τὴν ὁδόν τους.

съ безконечными слезами и горестными лицами, и наконецъ, обмѣнявшись съ ними на прощаніе лобзаніями и духовными объятіями, благословля ихъ и благословляемые ими, отправились они въ свой путь.

Καὶ ὁ μὲν πολὺς καὶ μέγας Κύριλλος, ὁ ἀρχηγὸς καὶ καθηγητὴς τούτου τοῦ θεσφιλοῦς ἔργου, ἔμεινεν εἰς τὴν Ῥωμὴν, καὶ ἐκεῖ φθάνωντας εἰς ἄκρον γῆρας, ἄφησε τὴν παροῦσαν ἐπίκηρον καὶ κοπιαστικὴν ζωὴν, καὶ ἐπορεύθη εἰς τὸν ἀκήρατον καὶ ἀκοπίαστον, διὰ νὰ συνευφραίνεται μὲ τὸν ποθούμενον Χριστὸν, ἐνέργωντας μετὰ τὴν τελευτὴν τοῦ θαύματα ἄπειρα, καὶ ἰατρεύωντας κάθε νόσον καὶ μαλακίαν, καὶ πᾶσαν διαβολικὴν ἐνέργειαν ἀπὸ τοὺς ἐνοχλουμένους. Ὁ δὲ θαυμάσιος Μεθόδιος λυπούμενος κατὰ πολλὰ εἰς τὸν ἐκείνου χωρισμὸν, παρέλαβε τοὺς μαθητάς του, ὧν μέρος οὐκ ἔλαττον ἦτον ὁ θεοφόρος Ναούμ, καὶ ἀποφάσισε νὰ ἐπιστρέψῃ πάλιν εἰς τὴν γὴν τῶν Βουλγάρων. Ἄρχισεν ὁμοῦ τὸ πλεύσιμόν του νὰ τὸ διευθύνῃ πρὸς τὸ Ἰλλυρικὸν μέρος, καὶ ἀπερνῶντας ἀπὸ πολλὰ ἔθνη, ὁπού εὑρίσκοντο εἰς τὰ ἀναμεταξύ τοῦ δρόμου, ἔφθασε μὲ τοὺς συνοδίτας του εἰς τὴν γὴν τῶν Ἀλαμανῶν, γένος

Великій и моцный Кирилль, начальникъ и вождь этого боголюбезнаго дѣла, остался въ Римѣ и тамъ, въ крайней старости, покинулъ настоящую временную и тягостную жизнь, и переселился въ вѣчную и нескорбную, дабы радоваться съ вожделѣннымъ Христомъ, совершая послѣ кончины безконечныя чудеса, и исцѣляя страждущихъ отъ всякаго недуга, всякой болѣзни и всякаго дьявольскаго навожденія. Чудный же Меѳодій, премного опечаленный его кончиною, взялъ съ собою его учениковъ, между коими не послѣднимъ былъ богоносный Наумъ, и возмѣрился возвратиться опять въ землю Болгарскую. Онъ началъ свое странствіе, чтобы достигнуть Иллирійскаго края, и проходя черезъ земли многихъ племенъ, находившихся по дорогѣ, прибылъ съ своими спутниками въ страну Ламановъ, народа варварскаго и горделиваго, чрез-

βάρβαρον καὶ ὑπερήφανον, νικώμενον ἔξω τῦ μέτρυ ἀπὸ τὸν θυμὸν, καὶ πολλαῖς αἱρέσεσιν ὑποκείμενον, πολλαῖς τὲ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον βλασφημίαις. Κρατῦσι γὰρ κατώτινα τρόπον τὴν αἱρετικὴν φρενοβλαβίαν τῦ ματαιόφρονος Ἀπολλιναρίυ. Καὶ ἐπειδὴ κατὰ τῶν βλασφήμων τέτων ἄρχισαν ἐκεῖ νὰ ἀγωνίζωνται κραταιῶς οἱ ἅγιοι, καὶ νὰ μάχωνται ἰσχυρῶς ὑπὲρ τῦ Ἁγίυ Πνεύματος, σύροντες καθ' ἡμέραν πολλὲς εἰς τὴν ὀρθοδοξίαν, ἐκινήθησαν κατ' αὐτῶν οἱ βάρβαροι μὲ ξίφη καὶ μὲ ἄλλα πολεμικὰ ὄργανα, καὶ λαβόντες αὐτὲς οἱ δήμιοι τῦ ἡγεμόνος ἐκείνυ, τὲς ἀσπλάγχνως μὲ ἄλλαις διάφοραις παίδευσες, τὲς ἔβαλαν ἔπειτα εἰς τὴν φυλακήν.

мѣрно подчиняющагося своему высокомѣрію и подвластнаго многимъ ересямъ и многимъ хуламъ противъ Духа Святаго. Ибо они придерживаются нѣкоторымъ образомъ умовреженія суемудраго Аполлинарія. И когда святые начали тамъ сильно трудиться и крѣпко бороться за Духъ Святой, ежедневно приводя многихъ въ Православіе, варвары устремились на нихъ съ мечами и другими воинскими орудіями, и палачи тамошняго князя схватили ихъ и немилосердно, послѣ разныхъ истязаній, бросили тотчасъ въ темницу.

Ἀλλ' ὁ Θεὸς ὁπῦ δὲν ἀφήνει νὰ ὑβρίζωνται καὶ νὰ ἀτιμάζωνται ἔτζι ἀνιλεῶς οἱ δῦλοι τῦ, τί οἰκονόμησε; Καθὼς εὑρίσκοντο οἱ ἅγιοι μέσα εἰς τὴν φυλακὴν, καὶ ἔψαλλον μὲ ὅλην τὴν ψυχὴν καὶ καρδιὰν ὁμοφώνως τὸ Κύριε, ὁ τὸ Παναγιόν σῦ Πνεῦμα, ὦ τῦ θαύματος, σεισμὸς μέγας ἔγινεν εὐθὺς, τόσον ὁπῦ ἐσαλεύθη ὁ τόπος ὅλος, καὶ ἔπεσον καὶ τείχη καὶ σπήτια πολλὰ τῶν τυράννων, ἔπεσον δὲ καὶ αἱ ἁλύσεις καὶ τὰ δεσμὰ ἀπὸ τὰς χεῖρας καὶ πόδας τῶν

Но что устроилъ Богъ, не попускающій, чтобы такъ жестоко оскорбляемы и обезчещиваемы были служители Его? Когда святые находились въ темницѣ и пѣли изо всей души и изо всего сердца единогласно: «Господи, иже Всесвятаго Твоего Духа,» — вдругъ, о чудо! произошло великое землетрясеніе, такъ что все то мѣсто было потрясено, и стѣны и многіе дома тирановъ рушились, и спали также съ рукъ и ногъ святыхъ цѣпи и узы, и отво-

ἁγίων, καὶ ἠνοίχθησαν αἱ θύραι τῆς φυλακῆς · καὶ αὐτοὶ ἐξελθέντες, ἐπορεύοντο τὴν ὁδόν τες χαίροντες, ὡς ποτὲ οἱ ἀπόστολοι · διότι κατηξιώθησαν νὰ ἀτιμασθῶσι διὰ τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον, καθὼς ἐκεῖνοι διὰ τὸ ὄνομα τοῦ σταυρωθέντος Δεσπότε.

рились двери темницы. И, вышедъ, они отправились въ свой путь, какъ нѣкогда апостолы, радуясь, что удостоились пострадать за Духъ Святый, какъ апостолы за имя Распятаго Господа.

Τέλος πάντων ὕστερα ἀπὸ πολλὰ ἄλλα ἐμπόδια, ἐνδυναμένοι οἱ ἅγιοι τῇ ἐξ ὕψες βοηθείᾳ, ἔφθασαν εἰς τὴν γῆν τῶν Βλγάρων, καθὼς ἀπ᾽ ἀρχῆς ἐπιθυμῶσαν. Τοὺς ὁποίες ὁ τότε ἀρχηγὸς, ὀνομαζόμενος Μιχαὴλ Βορίσης, ἐδέχθη μὲ μεγαλοπρέπειαν, καὶ μὲ πολλὴν σεμνότητα, καὶ ἐτίμα, καὶ ἐσέβετο αὐτὲς ὡς πατέρας καὶ διδασκάλες · καὶ κατὰ τὴν θέλησίν τες τὲς ἐδιαμοίρασεν εἰς τὰς πέριξ χώρας καὶ τόπες, διὰ νὰ κηρύττεν τὸ ὄνομα τὲ Χριστῦ καὶ τὴν ἐξήγησιν τῶν Γραφῶν καὶ τὴν διάλεκτον, ὁποῦ ἀπ᾽ αὐτὲς ἐπινοήθη καὶ ἐτελειώθη. Προστάσσωντας τὲς ὑποκειμένες τε ὅλες νὰ ὑπακούωσι καὶ νὰ ὑποτάσσωνται εἰς τὰ προστάγματα τῶν ἁγιών, ὡσὰν νὰ ἦτον ἐδικά τε, καὶ νὰ συμβοηθῶσι μὲ πᾶσαν προθυμίανεἰς ταῖς οἰκοδομαῖς τῶν ἱερῶν ναῶν, ὁποῦ οἱ ἅγιοι ἐμελετῶσαν νὰ κατασκευάσουν διὰ αὔξησιν τῆς εὐσεβείας.

Наконецъ, помощью свыше освобожденные отъ многихъ другихъ препятствій, святые достигли земли Болгарской, какъ сперва намѣревались. Ихъ принялъ тогдашній властитель ея, по имени Михаилъ Борисъ, съ великою честью и благолѣпіемъ, и чтилъ ихъ, какъ отцовъ и учителей. По ихъ желанію, онъ распредѣлилъ ихъ по окрестнымъ странамъ и мѣстамъ, для возвѣщенія имени Христова и объясненія Писаній и перевода (*въ подлин.* нарѣчія), который былъ имъ замышленъ и совершенъ. Онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ слушаться ихъ, подчиняться ихъ предписаніямъ, какъ своимъ собственнымъ, и помогать со всѣмъ рвеніемъ постройкѣ священныхъ храмовъ, которые святые мужи намѣревались воздвигнуть для умноженія благочестія.

Τότε λοιπὸν μὲν τῶν ἁγιών ἄλλο τι μέρος ἀποστολικῶς κατέλαβεν. Ὁ δὲ θεῖος Κλήμης λαμβάνωντας τὸν θαυμάσιον Ναοὺμ, τὸν ὅμοιον κατὰ τε τȣ̀ς λόγȣς καὶ τρόπȣς, ἐδιάβαινεν ἀπὸ τόπον εἰς τόπον, σπέρνωντας τὸν λόγον τῆς εὐσεβείας, καὶ καταφωτίζαντας μὲ τὸ κήρυγμα διαφόρȣς πόλεις καὶ ἐπαρχίας, τὴν Διάβυαν μάλιστα, τὴν Μυσίαν, τὴν Παννονίαν, τȣ̀ς Τριβαλλȣ̀ς, ἕως εἰς τὸ Ἰλλυρικόν. Εἰς δὲ τὸν τόπον τῆς Ἀχρίδος κατεστάθη Ἀρχιερεὺς, διὰ νὰ μεταδώσῃ καὶ εἰς τὸν λαὸν ἐκεῖνον μὲ τὸ φῶ τῆς διδασκαλίας τȣ τὴν ἀληθινὴν θεογνωσίαν· ὁπȣ̃ ἐξοδιάζωντας εἰς κόπȣς καὶ πόνȣς καὶ ἀγῶνας ἀθλητικȣ̀ς ὁλήν τȣ τὴν σωματικὴν δύναμιν, καὶ ἐρχόμενος εἰς γῆρας βαθὺ, ἐπειδὴ μὲ τὸ ἔργον δὲν ἠμπόριε πλέα νὰ δείξῃ τὴν πολλὴν προθυμίαν ὀπȣ̃ εἶχε, διὰ νὰ ἁπλώσῃ πανταχȣ̃ τὴν εὐσέβειαν ἐπιχειρίζετο εἰς τὰ πάντα τὸν ἱερὸν Ναοὺμ, ὁ ὁποῖος ἕως τῆς τελευταίας ἐκείνȣ ἀναπνοῆς ποτὲ δὲν ἐξεμάκρυνεν ἀπὸ λόγȣ τȣ, ἀλλὰ τȣ̃ ἐσυμβοήθα εἰς ὅλα, καθὼς παλαιὰ ὁ Ἀα-

Тогда прочіе между святыми стали трудиться апостольски каждый въ своемъ предѣлѣ, а божественный Климентъ, взявъ съ собою чуднаго Наума, который уподоблялся ему въ словахъ и жизни, сталъ переходить съ мѣста на мѣсто, сѣя слово благочестія и просвѣщая благовѣстіемъ различные города и края, преимущественно Діавію (т. е Дѣволъ, городъ и область въ Болгарской части Албаніи, на югъ отъ Охридскаго озера), Мисію, Паннонію, Триваллов, *) до Иллирика. Въ Охридѣ былъ онъ поставленъ архіереемъ, чтобы передать тамошнему народу, со свѣтомъ ученія, истинное Богопознаніе. Тамъ, истощивъ въ трудахъ, подвигахъ и борьбѣ всю свою тѣлесную силу и достигнувъ глубокой старости, когда онъ уже не могъ проявлять дѣломъ свою великую ревность къ повсемѣстному распространенію благочестія, онъ передалъ все въ руки святаго Наума, который до послѣдняго его издыханія никогда не отступалъ отъ его словъ, но со-

*) Древнее имя Триваллов Византійскіе Греки прилагали, кажется, преимущественно къ жителямъ югозападной части Сербской земли со включеніемъ сѣверо-западной Албаніи. Мисія—Болгарія; Паннонією Византійцы иногда называли, неправильно, сѣверную часть Сербскихъ земель.

ρὼν τῦ Μωυσέως. Διέτριβε δὲ τὸν περισσότερον καιρὸν ὁ θαυμαστὸς Ναὺμ εἰς τὸν Διάβυαν ἀντίπερα τῆς Λίμνης, καὶ ἐκεῖ ἐκαθοδήγα τὰ ἔθνη μὲ τὰς πανσόφυς τῦ διδαχάς, ἐλευθερώνωντας τὰ ἀπὸ τὴν μακρὰν καὶ πατροπαράδοτον πλανὴν τῦ διαβόλυ, καὶ φέρνωντας ὅλυς εἰς τὴν στράταν τῆς ὀρθοδοξίας. Ἐπιμετρήσας ὃν ἐκεῖ μερικὸν χρόνον ὁσίως καὶ εὐσεβῶς, καὶ πολλὰς καμάτυς καὶ ἀγῶνας διαπεράσας, ἀπῆλθε πρὸς τὸν Ἀγωνοθέτην, διὰ νὰ λάβῃ τὰς ἀμοιβὰς τῶν πόνων του, ἀφίνωντας εἰς ἡμᾶς τὸ ἱερόν τυ καὶ σεβάσμιον λείψανον, θησαυρὸν ἰαμάτων ἀνέκλειπτον τοῖς προστρέχυσιν ἐν ἀδιστάκτῳ καρδίᾳ τῇ πανσέπτῳ αὐτοῦ σορῷ· εἰς δόξαν τοῦ ἐν Τριάδι ὑμνουμένου Θεοῦ, ᾧ πρέπει κράτος, τιμὴ, καὶ προσκύνησις εἰς τὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων Ἀμήν.

дѣйствовалъ ему во всемъ, какъ въ древности Ааронъ Моисею. Остальное же время чудный Наумъ провелъ въ Діавіи (Дьволъ) по ту сторону озера (Охридскаго) и тамъ путеводилъ народы своимъ мудрымъ ученіемъ, освобождая ихъ отъ долгихъ, праотцевскихъ заблужденій діавольскихъ и направляя всѣхъ на путь Православія. Проживъ тамъ нѣкоторое время въ святости и благочестіи и прошедши черезъ многіе труды и подвиги, онъ вознесся къ Судіи подвиговъ, чтобы принять мзду за свои труды, оставивъ намъ святыя и честныя свои мощи, сокровище исцѣленій для прибѣгающихъ съ несомнѣвающимся сердцемъ къ его всечестной гробницѣ, во славу въ Троицѣ хвалимаго Бога, которому подобаетъ сила, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ, аминь.

Это житіе и вышеприведенныя выписки изъ Службы Славянскимъ Седмичисленникамъ могутъ представить образчикъ Мосхопольскихъ «Послѣдованій». Желательно, чтобы всѣ они были напечатаны вновь, какъ для пользы исторической науки, такъ и для того, чтобы напомнить Македонскимъ Славянамъ и Грекамъ о великихъ основателяхъ Славянскаго просвѣщенія, трудившихся на ихъ классической почвѣ.

А. Гильфердингъ.

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ А. ПИСЕМСКАГО.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова. С.-Петербургъ 1858.

Русская публика давно и съ нетерпѣніемъ ожидала *Тысячи Душъ* г. Писемскаго, о выходѣ которыхъ въ свѣтъ редакція Отечественныхъ Записокъ объявила назадъ тому, если не ошибаемся, года три. Нетерпѣніе публики совершенно понятно: авторъ «Тюфяка» и «Хазарова» заслужилъ любовь ея мастерствомъ разсказа, бойкостію кисти и объективнымъ представленіемъ нашей жизни, въ чемъ г. Писемскій не имѣетъ соперниковъ. Но кромѣ этого, самое названіе новаго романа г. Писемскаго имѣло для насъ что-то магическое: при имени его приходила на память незабвенная эпоха появленія «Мертвыхъ Душъ». Думалось: что-то скажетъ одинъ изъ талантливыхъ учениковъ Гоголя, печатно выразившій свое сочувствіе великому мастеру? Какія новыя идеи приведутъ съ собою на Божій міръ его Души? — Въ послѣднее время Русская публика какъ-то утомилась отъ чтенія обличительной литературы: она начинаетъ просить отдыха; она съ нетерпѣніемъ ждетъ «Обломова»; съ нетерпѣніемъ бросается на каждую повѣсть Тургенева; съ нетерпѣніемъ ждала и съ жадностію прочитала по частямъ Тысячу Душъ, когда романъ этотъ помѣщался въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго 1858 года. Напечатанный теперь отдѣльнымъ изданіемъ, онъ, безъ сомнѣнія, прочтенъ всѣми; а потому мы, желая сказать о немъ нѣсколько словъ, оставляемъ въ сторонѣ его содержаніе, какъ вещь всѣмъ извѣстную, и прямо переходимъ къ дѣлу: послѣдуя за авторомъ, постараемся разъяснить характеръ его героя и идею, которая въ немъ воплощается.

На первомъ планѣ романа стоитъ Калиновичъ, герой романа, съ

судьбой котораго совершенно внѣшнимъ образомъ связываются магическія для насъ *Тысяча Душъ*. Мы встрѣчаемъ его въ Эн—скѣ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища. «Это былъ высокій молодой человѣкъ, очень худощавый, съ лицемъ умнымъ, изжелто-блѣднымъ» (т. I, стр. 61). При представленіи учителей, онъ подаетъ конецъ руки своему предмѣстнику Годневу, не обращаетъ вниманія на первыхъ и не узнаетъ въ одномъ изъ нихъ, Экзархатовѣ, бывшаго своего товарища по Московскому университету. Но, какъ подобаетъ, принявъ такой начальническій тонъ съ подчиненными, онъ спѣшитъ сдѣлать визиты сильнымъ Эн—скаго міра, на предложенномъ ему Годневымъ экипажѣ, за что послѣдній при прощаніи удостоивается полнаго рукопожатія.

На первыхъ порахъ читатель заинтересованъ героемъ романа, но вмѣстѣ съ тѣмъ немного и озадаченъ, а потому невольно повторяетъ слова Настеньки: «передъ учителями важничаетъ, а передъ другими, не умѣлъ пріѣхать, бѣжитъ кланяться!» Мало этого, читатель, сопровождая героя по визитнымъ Эн—скимъ мытарствамъ, замѣчаетъ, что онъ не прочь, немного конечно, и поподличать: по крайней мѣрѣ, какъ же иначе назвать его обращеніе съ генеральшей, скупой старухой, которую онъ величаетъ превосходительствомъ? Вступивъ въ должность, Калиновичъ умѣлъ показать себя: завелъ порядокъ, слѣдилъ за преподаваніемъ, одного изъ учителей заставилъ заниматься своимъ предметомъ, другаго (Экзархатова) выгналъ, но, къ чести его надобно сказать, на заисканія третьяго не обратилъ вниманія. О педагогической дѣятельности героя, впрочемъ, мы ничего не знаемъ болѣе. Во все время пребыванія Калиновича въ Эн—скѣ, авторъ заставляетъ его играть роль то любовника Настеньки, то сочинителя повѣсти, то гостя князя Ивана. Вообще герой охотникъ порисоваться, блеснуть фразой, краснымъ словечкомъ; впрочемъ, мы не имѣемъ никакого права ни въ чемъ ему не вѣрить: мы не имѣемъ, напримѣръ, никакихъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что онъ вынесъ изъ дѣтства самыя грустныя, самыя тяжелыя впечатлѣнія. Дѣло въ томъ, что Калиновичъ выросъ въ качествѣ воспитанника у одного господина, розорившаго отца его, и дѣйствительно печально провелъ дѣтскія и юношескія лѣта. Ему и потомъ весьма не везло; имѣя кандидатскій дипломъ, онъ едва досталъ себѣ мѣсто училищнаго смотрителя, между тѣмъ, какъ другіе.... Но это обыкновенная исторія: терпятъ и почище этого. «Грустно и тошно становится» воскли-

цаетъ Калиновичъ, ударивъ себя въ грудь,—«наконецъ злоба беретъ, когда оглянешься на свое прошедшее: хоть бы одна осуществившаяся надежда! Неблагодарные труды и вѣчныя лишенія — вотъ все, что дала мнѣ жизнь!... Какъ хотите, съ какимъ бы человѣкъ ни былъ рожденъ овечьимъ характеромъ, невольно *начнетъ ожесточать-ся!*... Какъ же я къ людямъ буду питать сожалѣніе, когда *большая часть изъ нихъ страдаетъ, или потому, что безнравственны*, или *потому, что дѣлали глупости, наконецъ лѣнивы, небрежны къ себѣ*. Я ни въ чемъ этомъ не виноватъ и все-таки страдаю.... Я хочу и буду вымѣщать на порочныхъ людяхъ то, что самъ несу безвинно» (т. I, стр. 161). Хотя г. Писемскій очень скупъ на лирическія отступленія и не любитъ оставлять своихъ героевъ самихъ съ собою, — обстоятельство, препятствующее читателю глубже заглянуть въ ихъ души,—но вышеприведенная тирада Калиновича глубоко замѣчательна: читатель съ разу видитъ, что ему придется имѣть дѣло съ птицей *высокаго* полета. Требованія на эту высокость *(ожесточеніе, намѣреніе мстить порочнымъ людямъ; отысканіе причинъ человѣческаго страданія въ безнравственности, глупости, лѣности)* до того высказаны торжественно, что читатель какъ-то озадаченъ и готовъ вѣрить герою на слово. Теперь посмотримъ, какъ-то покажетъ онъ себя на дѣлѣ. Любовь къ Настенькѣ, дочери Годнева, прежде всего послужитъ намъ оселкомъ, на которомъ можно испробовать демоническую натуру героя романа. Читатели помнятъ, до какой степени сильна была любовь Настеньки къ Калиновичу. Неужели, спрашиваетъ Настенька своего возлюбленнаго: она (т. е. любовь) не можетъ васъ сдѣлать счастливымъ безъ всего.... одна.... сама собою?

— По моему характеру и по моимъ обстоятельствамъ надобно, чтобъ меня любили слишкомъ много и даже слишкомъ безразсудно! отвѣчалъ Калиновичъ (т. I, стр. 168).

Читатель знаетъ, что бѣдная дѣвушка любила и слишкомъ много и слишкомъ безразсудно. Любилъ ли, и какъ любилъ герой? Герой, сколько можно догадываться по намекамъ автора и по ходу дѣйствія первыхъ двухъ частей романа, просто увлекался чувственностію. «Одна любовь, говоритъ онъ, не можетъ наполнить сердца мущины, а тѣмъ болѣе моего сердца, потому что я честолюбивъ, страшно честолюбивъ, и знаю, что честолюбіе не безразсудное во мнѣ чувство. У меня есть умъ, есть знаніе, есть, наконецъ, сила воли, какая

не многимъ дается, и если бы хоть разъ шагнуть удачно впередъ, я ушелъ бы *далеко*» (т. I, стр. 170). Нельзя не замѣтить, кстати, что г. Писемскій необыкновенно ловкій разскащикъ и что онъ умѣетъ располагать вниманіемъ читателя по своему произволу. Приведенныя выше и другія подобныя сентенціи Калиновича невольно располагаютъ читателя въ его пользу; этого мало—читатель готовъ даже увлечься имъ. Но минута увлеченія проходитъ, и неотвязчивые вопросы не даютъ вамъ покою: въ чемъ же проявляется демоничность натуры Калиновича? на что устремляется его энергическая воля? въ чемъ обнаруживается его благородство? Стремленіе къ комфорту, роскоши, аристократичности, что̀ такъ очаровывало его въ домѣ генеральши и князя Ивана, и очаровывало до такой степени сильно, что онъ, напр., способенъ былъ, конечно на минуту, ненавидѣть Настеньку, увидѣвъ ее въ непривычной для нея сферѣ, на литературномъ вечерѣ генеральши: что̀ общаго, спрашиваемъ, имѣетъ всё это съ тѣми притязаніями, о которыхъ такъ громко объявляетъ герой романа? Если притязанія его оказываются словами, не болѣе, въ Эн—скѣ то они, нисколько не оправдываются въ деревнѣ князя Ивана, гдѣ гостилъ Калиновичъ. Что тамъ занимало его? Эстетическая любовь, по выраженію автора, къ восхитительной княжнѣ и наслажденіе (съ завистію смѣшанное) комфортомъ и роскошью, царствовавшими въ домѣ Радомскаго?! «Что еслибъ» думалъ Калиновичъ, еще на пути въ деревню князя: «княжна полюбила меня и сдѣлалась бы женой моей.... я сталъ бы владѣтелемъ и этого фаэтона, и этой четверки.... богатъ.... мужъ красавицы.... извѣстный литераторъ....» (т. I, стр. 239). Гдѣ же, гдѣ и на чемъ обнаружилъ возвышенность своей натуры герой романа? Неужели на нерѣшительномъ отказѣ отъ руки Полины, которую, по извѣстнымъ отношеніямъ, князю Ивану хотѣлось отдать замужъ за Калиновича? Если да, то тутъ еще нѣтъ никакого геройства, и читатель вѣдь никакъ не можетъ согласиться, чтобы отказъ произошелъ вслѣдствіе любви его къ Настенькѣ, любви весьма сомнительнаго свойства. Сила этой любви измѣряется, сверхъ указанныхъ уже фактовъ, не столько отъѣздомъ въ Петербургъ, сколько наглымъ обманомъ при отъѣздѣ: Калиновичъ, какъ извѣстно читателю, оставляетъ Эн—скъ формальнымъ женихомъ Настеньки. Мы ни сколько не намѣрены слѣдить за похожденіями нашего героя въ столицѣ. Для насъ важны не внѣшнія отношенія къ разнымъ лицамъ,

съ которымн сталкивался Калиновичъ, а самая его натура, стремленія ея проложить себѣ дорогу въ жизни, повѣрка началъ, на которыхъ она заявила свое существованіе, съ самыми ея дѣлами. Калиновичъ былъ, какъ видитъ читатель, чисто практическій человѣкъ, Чичиковъ пятидесятыхъ годовъ нашего вѣка. «Сѣмена практическихъ началъ», говоритъ авторъ, «были обильно заложены въ душѣ моего героя» (т. I, стр. 413). Все это неоспоримо ни на волосъ. Но намъ этого мало. Не на то мѣтитъ герой романа, не такія претензіи онъ обнаружилъ. Мы прощаемъ ему, т. е. мы хотѣли сказать, соглашаемся съ нимъ въ теоріи двойственной любви, въ законности такъ нецеремонно оскорблять Настеньку, по пріѣздѣ которой въ Петербургъ, Калиновичъ живетъ на ея счетъ; мы многое ему прощаемъ, какъ «необыкновенной» личности; но мы никакъ не можемъ простить его, какъ таковую, за пустозвонство, за фразы. Мы требуемъ отъ него дѣла, а дѣла-то и нѣтъ. Калиновичъ Петербургскій (это вторая трилогія романа) тотъ же голый господинъ, что и Калиновичъ Эн—скій. Посѣщеніе благородной личности Зыкова и неблагородной старца съ физіономіей обезьяны, какого-то директора, развѣ это дѣло? И какой результатъ имѣли эти посѣщенія? Только разочарованіе въ своей поэтической способности, и досада на неудачу получить мѣсто безъ особенной протекціи и денегъ. Гдѣ труды? гдѣ подвиги, Зыковскіе, благородные подвиги? А вѣдь отъ Калиновича мы вправѣ были требовать нѣчто подобное: ибо, иначе, гдѣ же «*воля, которая не всѣмъ дается?*» Нѣтъ, рѣшительно мы должны сказать, что герой нашъ фразеръ. Впрочемъ, жизнь въ Петербургѣ, до женитьбы на Полинѣ, проходитъ для него не безплодно: онъ усовершенствуется въ практичности. Вотъ образчики: «Есть же на свѣтѣ такіе дураки, которые страдаютъ отъ того, что богаты и дѣти генераловъ» (т. II, стр. 136), говоритъ герой романа объ Иволгинѣ. «Я очень хорошо понялъ, что хоть люблю дѣвушку, на сколько способенъ только любить, но въ то же время интересы литературные, общественные и наконецъ собственное честолюбіе и даже болѣе грубыя эгоистическія потребности — все это живетъ во мнѣ, волнуетъ меня, и какимъ же образомъ я могъ бы рѣшиться всѣмъ этимъ пожертвовать и взять, для нравственнаго продовольствія на всю жизнь, одно только чувство любви, которое далеко не наполняетъ всей моей души.... Какимъ образомъ? но въ то же время, это меня мучитъ»—проповѣдуетъ онъ Бѣлавину (т. II, стр. 152).

А вотъ еще характерничная черта нашего героя, высказанная, впрочемъ, другими. «Яковъ Васильевичъ», говоритъ Бѣлавинъ, «любилъ, чтобъ во всемъ было осязательное достоинство, *чтобъ все носило нѣкоторый мундиръ*, имѣло рангъ.»

— «Именно, подхватила Настенька.—и въ немъ была всегда эта наклонность. *Форма ему иногда закрывала глаза на такое безобразіе, которое должно было, съ перваго же разу, возмутить душу.* Вспомни, напримѣръ, хоть свои отношенія съ княземъ, прибавила она Калиновичу» (т. II, стр. 191—192). Будемъ продолжать поиски для собранія этихъ характеричныхъ чертъ. «Душа его», уже повѣствуетъ самъ авторъ, «была не такого закала, чтобы наслаждаться тихой любовью и скромной дружбой. Маленькій камфортъ, который его окружалъ (т. е. жизнь въ Петербургѣ на счетъ Настеньки) сталъ казаться ему смѣшонъ до гадости» (ibid. стр. 199). «Худъ ли, хорошъ ли я», декламируетъ Калиновичъ, «но во мнѣ есть желаніе живой дѣятельности; я не родился сидѣть сложа руки. И неужели они не знаютъ, что въ жизни, для того, чтобы сдѣлать хоть одно какое нибудь *доброе* дѣло, надобно совершить прежде тысячу *подлостей*» (ibid. стр. 306)?!.. Впрочемъ, для нашей цѣли довольно собрано этихъ чертъ. Мы можемъ остановиться на 3-й части романа и перевести духъ. Четвертая часть представляетъ апотеозу Калиновича, уже обѣленнаго, идеализованнаго: очевидно, что авторъ думалъ оправдать его и примирить съ нимъ читателя, но—увы! онъ только убѣдительнѣе доказалъ все нравственное ничтожество своего героя и всю ложность своей собственной идеи!

И такъ, какъ замѣчено выше, и въ Петербургѣ Калиновичъ оказывается все тѣмъ же Эн—скимъ Калиновичемъ. «Въ провинціи», говоритъ авторъ, «онъ могъ еще слѣдовать инымъ принципамъ, инымъ началамъ, которые были выше, честнѣй, благородней; но въ Петербургѣ это сдѣлалось почти невозможно. Въ его помыслахъ, желаніяхъ, окончательно стушевался всякій проблескъ поэзіи, которая прежде, все-таки, выражалась у него въ стремленіи къ наукѣ, въ мечтахъ о литераторствѣ, въ симпатіи къ добродушному Петру Михайловичу, и, наконецъ, въ любви къ милой, энергической Настенькѣ; но теперь все это прошло» (ч. III стр. 222—223). Выходитъ, слѣдовательно, Калиновичъ въ Петербургѣ сдѣлался еще хуже, пошелъ назадъ, а не впередъ; но эта регрессивность была только въ

дѣлѣ *человѣчности*,—въ дѣлѣ практичности онъ, какъ сказано, шествовалъ по пути прогрессивному: онъ нахватался чиновъ и крестовъ и причалилъ, въ заключеніе 3-ей части, свою утлую жизненную ладью къ тихому пристанищу губернскаго города М—а, куда онъ былъ посланъ вице-губернаторомъ. Петербургская жизнь вполнѣ опредѣлила Калиновича; она показала на что годенъ герой нашъ, эта колоссальная натура, нуждавшаяся въ просторѣ, въ поприщѣ для дѣятельности! Оказалась, что натура эта *пригодилась для бюрократизма*. И авторъ поступилъ психологически вѣрно, отыскавъ для своего героя такое поприще. Калиновичъ, конечно, самъ неподозрѣвая того, былъ въ душѣ чиновникомъ, правда, крупнымъ, даже современнымъ, но тѣмъ не менѣе *чиновникомъ* и ничѣмъ болѣе: вотъ причина, почему была нужна ему широкая чиновничья арена. Калиновичъ былъ поэтъ чиновникъ; внѣ чиновничества, для него не существовало никакихъ интересовъ. Хотя онъ разглагольствовалъ и о другихъ интересахъ и даже разъ намекнулъ на интересы *общественные*, но мы имѣемъ полное право считать эти рѣчи фразами и не вѣрить ихъ искренности. Читатель можетъ пожалуй упрекнуть насъ въ пристрастныхъ придиркахъ къ Калиновичу. Но мы считаемъ себя въ правѣ быть строгими: Калиновичъ въ послѣдней части романа (губернаторъ Калиновичъ) называетъ себя *большимъ кораблемъ, которому надо и большое плаваніе*; господинъ съ претензіями на ожесточенность, на мефистофельство, господинъ при самомъ появленіи своемъ на Эн—ской сценѣ грозящій вымещать на порочныхъ людяхъ все, что онъ вытерпѣлъ самъ; наконецъ герой романа, котораго талантливый авторъ такъ искусно старается оправдать и возвысить.... Скажите, ради Бога, неужели, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гг. критиками, падать ницъ передъ такимъ господиномъ? Неужели можно сочувствовать такой личности и сквозь пальцы смотрѣть на ея продѣлки? Если бы даже идея романа состояла въ томъ, что для развитаго человѣка одного семейнаго счастія недостаточно, а необходима, сверхъ того, и дѣятельность общественная, что́ справедливо,—то и тогда герой не заслуживалъ бы сочувствія. Онъ возбуждаетъ, по крайней мѣрѣ въ насъ, досаду и грусть—грусть, что такая личность возможна, даже слишкомъ возможна въ дѣйствительности; досаду потому, что талантливый романистъ поставилъ себя въ ложное отношеніе къ этой личности.

Г. Писемскій ставитъ своего героя въ трагическое положеніе, чѣмъ

и старается увлечь читателя. Но есть трагизмъ истинный и трагизмъ ложный. Первый состоитъ въ борьбѣ за идею натуры честной и возвышенной,—и тогда моментъ борьбы, паѳосъ, глубоко трогаетъ и потрясаетъ душу читателя. Второй трагизмъ, т. е. ложный или комическій, также состоитъ въ борьбѣ за идею; но, или по ложности самой идеи, или по мелочности и ничтожности натуры героя, онъ производитъ смѣхъ и негодованіе. Въ судьбѣ Калиновича мы не видимъ и тѣни истиннаго трагизма, если только не изобрѣсти особенный отдѣлъ его, трагизмъ бюрократическій, неподчиняющійся никакимъ требованіямъ искусства. Скажутъ (хотя самъ авторъ и не говоритъ этого): что же было дѣлать Калиновичу, одаренному сильной волей и жаждой дѣятельности, когда общественнаго поприща, кромѣ бюрократическаго, нигдѣ не предстояло? Не знаемъ, что сказать въ отвѣтъ Калиновичу; но что дѣлали на мѣстѣ его другіе, спросите у нашей жизни, прочтите въ сочиненіяхъ нашихъ писателей художниковъ (хоть бы напримѣръ Тургенева). Лучше бы этому большому кораблю стать на мель, чѣмъ плыть по той мутной Коцитѣ, по которой онъ направилъ свое плаваніе. Весь трагизмъ, вся борьба нашего героя состоитъ въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ его промышленному плаванію. На этой-то далеко не трагической борьбѣ г. Писемскій основалъ весь интересъ своего романа. Послѣ сказаннаго, мы надѣемся, читатель согласится съ нами, что о художественномъ значеніи героя нечего и говорить. Чтобы спасти его отъ художественнаго паденія, автору оставалось одно средство—поставить своего героя въ комическое положеніе, которое такъ сообразно съ его натурою, такъ примирило бы читателя съ непомѣрными ея притязаніями и съ печальною ея дѣятельностію. Но авторъ этого не сдѣлалъ и, что всего прискорбнѣе, слишкомъ замѣтно увлекается своимъ героемъ, этимъ *жрецомъ общественнаго блага*, жрецомъ съ нечистыми руками и испорченнымъ сердцемъ! При такомъ положеніи дѣла, не можетъ быть и рѣчи о свободномъ творчествѣ, а слѣдовательно и объ эстетическомъ наслажденіи читателя. Но независимо отъ ложнаго положенія, въ которое поставленъ герой романа, самый талантъ г. Писемскаго есть талантъ бойкаго, умнаго, искуснаго разскащика и живописца, но никакъ не первокласснаго художника. Романъ г. Писемскаго много читается и, вѣроятно, еще долго будетъ читаться больше по внѣшнимъ, чѣмъ по внутреннимъ достоинствамъ: искусно веденная ин-

трига, умѣнье поставить дѣйствующія лица въ интересное положеніе, разнообразіе сценъ и картинъ особенно нравятся большинству читателей. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что не въ этомъ одномъ заключается достоинство новаго произведенія г. Писемскаго: авторъ Тысячи Душъ большой мастеръ на изображеніе лицъ, портретовъ, пейзажей; но въ этихъ изображеніяхъ не достаетъ многаго—того, что составляетъ поэзію, творчество, и безъ чего романъ теряетъ истинно-художественное значеніе. Лица, выводимыя авторомъ, больше фотографическіе, чѣмъ живописные портреты: въ нихъ нѣтъ того, что̀ называютъ *типомъ*. Написанные бойкою кистію, образы г. Писемскаго поразятъ васъ сходствомъ, но—и только. Вы не имѣете никакой возможности прочесть въ нихъ болѣе того, что дано имъ художникомъ; онъ ничего не оставляетъ дѣлать самому читателю, и фантазія ваша остается совершенно холодною, между тѣмъ, какъ при созерцаніи истинно-художественныхъ типовъ (таковы Гоголевскіе герои), не только она, но и всѣ духовныя ваши способности въ сильномъ напряженіи: за представленнымъ образомъ вы видите другой, его дополняющій; вы сами становитесь художникомъ; вы дорисовываете то, чего не сдѣлалъ или не желалъ сдѣлать авторъ. Истинно-художественный талантъ, будучи по натурѣ своей, вполнѣ свободнымъ, надѣляетъ этой свободою и своихъ читателей: какъ легко и отрадно пользоваться такой свободой! Пріятныя или непріятныя впечатлѣнія здѣсь дѣло совершенно постороннее, ибо эстетическая свобода по преимуществу духовна: васъ не давитъ дѣйствительность, васъ не приковываютъ къ себѣ именно такіе то факты, вы не замыкаетесь въ ихъ тѣсныя рамки, внѣ которыхъ ничего не видно, какъ у г. Писемскаго, но вмѣстѣ съ художникомъ, вы видите дальше, за предѣлами изображаемаго, вы слышите—за краями данной дѣйствительности—присутствіе иной дѣйствительности, иныхъ фактовъ. Каковы лица г Писемскаго, такова же и представляемая имъ природа: онъ умѣетъ хорошо и вѣрно рисовать ее, но.... его солнце не грѣетъ; его небо не манитъ вашихъ взоровъ безпредѣльною глубью; отъ полей и луговъ его не вѣетъ благоуханіемъ, отъ водъ и лѣсовъ—прохладою. Но во всякомъ случаѣ, повторяемъ, хотя г. Писемскій и не поэтъ, но очень и очень талантливый беллетристъ. Автору Тысячи Душъ если и не удается поэтическое творчество, то совершенно удаются нѣкоторые оригинальные поэтическіе пріемы. Къ числу этихъ пріемовъ принадлежитъ: во-первыхъ, умѣ-

нье набросить поэтическій покровъ, прикрывающій собою или картину природы, или сцены изъ дѣйствительной жизни, словомъ, все то, что будучи даже неотдѣланнымъ, такъ нравится читателю. Сюда, конечно, надобно отнести идиллическія сцены. Онѣ не требуютъ особенной отдѣлки: достаточно одного умѣнія поставить ихъ въ приличномъ свѣтѣ, а всего лучше въ отдаленіи. Подобно тѣмъ картинамъ, которыя, представляя чтобы-то ни было, рисуютъ въ то же самое время, на заднемъ фонѣ, милые, знакомые намъ предметы— эти идиллическія сцены могущественно дѣйствуютъ на душу читателей: онѣ пробуждаютъ воспоминанія прошлаго и сильно шевелятъ фантазію. Конечно, отчетливость отдѣлки въ идиллической картинѣ истиннаго художника придаетъ послѣдней особенную цѣнность; но для таланта второстепеннаго всего лучше не увлекаться этою отчетливостію. Вѣяніе мирной жизни небольшаго городка, которое чуетъ читатель первой части Тысячи Душъ, патріархальныя отношенія, царствующія въ семействѣ Годневыхъ, посѣщеніе Калиновичемъ и Настенькою монастыря и кладбища—все это очень хорошо и нѣжно нарисовано бойкою кистью г. Писемскаго, и, по нашему убѣжденію, потому хорошо, что поставлено въ туманѣ, въ отдаленіи перспективы. Этотъ поэтическій туманъ прикрываетъ то, что̀, при бо̀льшомъ анализѣ, не далось бы автору и было бы лишено у него увлекательности и искренности въ изображеніи. Во вторыхъ, г. Писемскому весьма удаются характеры положительно-практическіе, люди дѣла, каково бы оно ни было, люди не гоняющіеся за отвлеченной идеей, которая для нихъ невоплотима (какъ для Калиновича идея истинно-общественной, гражданской дѣятельности). Таковъ его князь Иванъ. Но идеалы инаго покроя какъ-то не удаются автору Тысячи Душъ: идея у него выходитъ сама по себѣ и гдѣ то скрывается въ междустрочіи, а представленный образъ — самъ по себѣ. Конечно, хороша мѣстами Настенька, хорошъ и Петръ Михайловичъ (послѣдній, впрочемъ, лучше), но хороши именно потому, что находятся подъ тѣмъ поэтическимъ покровомъ, о которомъ мы говорили выше. Но если идея не довольно обширнаго размѣра, а образъ живъ и боекъ; или, если идея, по натурѣ своей, представляетъ нѣчто установившееся, неспособное къ видоизмѣненію и развитію,—то г. Писемскій мастерски умѣетъ сладить съ подобной работой; таковъ его *Хозаровъ*, таковы же его *Ипохондрикъ и Тюфякъ*. Въ Тысячѣ Душахъ выставлено авторомъ множе-

ство второстепенныхъ лицъ, и всѣ они живы и натуральны. Намъ особенно понравилась личность *Зыкова*, напоминающая о жалкой судьбѣ многихъ лучшихъ людей, имѣвшихъ огромное вліяніе на наше общественное развитіе.

Еслибы г. Писемскій ограничилъ свой романъ тремя первыми частями, не придѣлывая четвертой, то Тысяча Душъ много выиграла бы въ томъ смыслѣ, что впечатлѣніе было бы цѣльнѣе, и читатель могъ бы подумать, что авторъ вовсе не противорѣчитъ вызванному имъ самимъ впечатлѣнію, и очень ловко, какъ будто бы и не самъ, отдаетъ своего героя на осмѣяніе. Но, къ сожалѣнію, автору угодно было придать своему произведенію общественное, даже дидактическое значеніе, и не вина читателей и критики, что это намѣреніе автора, идея, имъ преслѣдуемая, оказывается несостоятельною, что самый романъ талантливаго автора падаетъ тѣмъ ниже, чѣмъ ближе подходитъ къ концу, вѣнчающему дѣло. Тогда бы критика была спокойнѣе въ своемъ приговорѣ, менѣе придирчива и раздражительна. Оставляя область чистаго искусства и выходя на иную дорогу, авторъ нерѣдко нецеремонно ломаетъ идеи, гнетъ дугу въ какую ему вздумается сторону.

Четвертая часть Тысячи Душъ (Калиновичъ вице-и-губернаторъ), такъ богатая трагическимъ элементомъ, представляетъ апотеозу Калиновича-бюрократа. Она имѣетъ болѣе права, чѣмъ первыя три части, носить названіе Тысячи Душъ; ибо эти души, вѣроятно, помогаютъ той метаморфозѣ, которая совершается надъ Калиновичемъ. Послѣдній теперь больше похожъ на настоящаго героя, чѣмъ прежде. Фразеръ, формалистъ, натура сухая и отталкивающая, теперь Калиновичъ поставляется авторомъ на высоту, на которой читатель никакъ бы не ожидалъ его видѣть. Новый Калиновичъ, дѣйствительно, является идеаломъ и такимъ именно, который, по видимому, разомъ уничтожаетъ нашъ приговоръ о неспособности автора творить идеалы: идея, одушевляющая Калиновича, самая животворная, способная къ безконечному разнообразію—идея общественнаго блага; но, тѣмъ не менѣе, мы остаемся при своемъ мнѣніи, потому что авторъ, поставивъ героя на такую высоту, поступилъ вопреки психологической правды. Не говоримъ объ узкости той идеи общественнаго блага, которой проводникомъ служитъ Калиновичъ (и о чемъ рѣчь будетъ впереди), спрашивается: на основаніи какихъ психологическихъ данныхъ произошло радикальное преобразованіе извѣстной намъ личности? От-

куда всего и въ такомъ избыткѣ явилось въ ней? Откуда и эти слезы и эти, хотя рѣдкія, человѣческія движенія души? Талантливый авторъ, правда, подготавливалъ насъ къ этой метаморфозѣ: вотъ видите ли, бракъ Калиновича на Полинѣ вдругъ и разомъ преобразилъ его къ лучшему; припомните, какъ онъ спасаетъ на пожарѣ какую-то женщину. Но намъ какъ то плохо вѣрится въ возможность такого вліянія отъ этого, конечно, важнаго акта жизни: Калиновичъ не такой человѣкъ, онъ видалъ виды! А если и такъ, если бракъ этотъ былъ роковое fatum въ судьбѣ героя (а fatum-омъ онъ не могъ быть, потому что привелъ его къ желанной цѣли), то почему же авторъ не развилъ эту внутреннюю борьбу, которая должна же была совершиться въ Калиновичѣ прежде, чѣмъ онъ явился читателямъ въ новомъ видѣ? Мы плохо вѣримъ закулисной драмѣ, когда личность, ее выдержавшая, сама нисколько о ней не напоминаетъ, а только разсказываетъ о ней, добившись тысячи душъ, нарядясь въ шелковый халатъ и окружась всякими комфортами жизни! Но во всякомъ случаѣ, Калиновичъ IV части рѣшительно герой трагическій. Хотя читатель встрѣчаетъ здѣсь много лицъ, но всѣ они (кромѣ подрядчика Пашушкина, мастерски очерченнаго) какъ-то стушевываются передъ главнымъ героемъ, даже извѣстные изъ первыхъ частей романа становятся иными, больше тѣнями, чѣмъ живыми людьми. Одна половина лицъ ведетъ съ героемъ борьбу, другая поетъ ему хвалебные гимны, имѣя запѣвалою Дерптскаго магистра. Отовсюду стекаются новыя лица для пополненія хора. Городъ М—ъ становится какъ бы нѣкоей Меккой, куда спѣшатъ на поклоненіе новому пророку, и Экзархатовъ, и звѣроловъ-Лебедевъ, и Настенька, и дядя ея, Флегонтъ Михайлычъ; авторъ, какъ подобаетъ истинно-эпическому пѣвцу, наводитъ на всѣхъ забвеніе. Начинается пропаганда. Новый пророкъ дѣйствуетъ сначала успѣшно, управляется съ княземъ Иваномъ и губернаторомъ Базарьевымъ, но потомъ, отъ избытка благороднаго жара (?!), неоцѣненный и непризнанный, сходитъ со сцены павшимъ героемъ, пострадавшимъ *за правду и добродѣтель!* Авторъ не жалѣетъ ни красокъ, ни таланта, ни своего сочувствія, чтобы возвысить Калиновича во мнѣніи читателей. Не станемъ останавливаться на подвигахъ Калиновича въ М—ѣ, такъ хорошо знакомыхъ читателю; взглянемъ нѣсколько пристальнѣе на тѣ перемѣны, которыя произошли въ героѣ романа, вслѣдствіе вліянія времени и обстоятельствъ; посмотримъ на отношеніе автора къ

своему созданію, и, наконецъ, въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о соціальномъ значеніи идеи, проведенной г. Писемскимъ въ своемъ произведеніи.

Калиновичъ въѣзжалъ въ губернскій городъ М—ъ съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, о чемъ онъ нѣкогда такъ заносчиво мечталъ. «Далеко уже это былъ не тотъ фанфаронъ-мальчикъ, какимъ мы встрѣтили въ первый разъ, при вступленіи его на службу. Понуривъ свою. рановременно начавшую сѣдѣть, голову, сидѣлъ онъ въ колескѣ. По впалымъ и желтоватымъ щекамъ его проходили глубокія морщины, и только взглядъ сѣрыхъ глазъ сдѣлался какъ-то еще устойчивѣй и тверже» (т. IV. стр. 330). — «Впродолженіе всего моего разсказа», говоритъ авторъ: «читатель видѣлъ, что я нигдѣ не льстилъ моему герою, а напротивъ, всѣ нравственные недостатки его старался представить въ усиленно-яркомъ видѣ: но въ настоящемъ случаѣ, не могу себѣ позволить пройти молчаніемъ того, что въ избранной имъ служебной дѣятельности *онъ является если не великимъ* (?!!), то, *по крайней мѣрѣ, замѣчательно-полезнымъ* человѣкомъ»... «Калиновичъ могъ дѣйствительно быть названъ *представителемъ той молодой администраціи*, которая, хотя болѣзненно, но замѣтно уже начинаетъ пробиваться то тутъ, то тамъ, сквозь толстую кору подъяческихъ плутней. Какъ сознательный юристъ, молодой вицъ-губернаторъ, еще на университетскихъ скамейкахъ, по устройству собственнаго сердца своего, *чувствовалъ всегда большую симпатію къ проведенію безстрастной идеи государства, съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ*. Въ управленіи были приняты имъ тѣ же основанія. Дѣло началось съ городскихъ *головъ, которые всѣ очень любятъ торговать и плутовать себѣ въ карманъ, и терпѣть не могутъ служить для общества*» (ibid. стр. 383—384). Замѣчательная тирада, ярко рисующая образъ мыслей и героя романа и—къ сожалѣнію—а в т о р а! Что почувствовала Настенька, узнавъ, что Калиновичъ назначенъ вицъ-губернаторомъ,—знаютъ только ночь да темные лѣса, по ея выраженію. Бѣдная! и она, ученица Бѣлинскаго и Жоржъ-Занда, заразилась модно-бездушнымъ протестантизмомъ противъ подъяческихъ плутней. «Какъ сумасшедшая, начала я потомъ распрашивать кого только можно.... Говорили разумѣется, что ты взятокъ не берешь, что человѣкъ очень умный, знающій, но

деспотъ и строгій безъ милосердія; словомъ всѣ похвалы были очень серьезныя, а *обвиненія сущій вздоръ....*»

— «Нѣтъ это не вздоръ—возражаетъ Калиновичъ—про меня тысячи языковъ говорятъ, что я человѣкъ сухой, тиранъ, злодѣй; но отчего же никто не хочетъ во мнѣ замѣтить хоть одной хорошей человѣческой черты, что я никогда не былъ подлецомъ» (??—далѣе, впрочемъ, Калиновичъ сознается въ двухъ подлостяхъ: въ женитьбѣ на Полинѣ и въ поступкѣ съ Настенькой) «и никогда ни предъ кѣмъ не сгибалъ головы?... если я достигалъ чего нибудь въ жизни, такъ никогда ни просьбами, ни искательствами въ людяхъ, а всегда, напередъ поймавши человѣка въ свои лапы, заставлялъ его дѣлать для себя....» (т. IV, стр. 505—506). Повѣрить справедливость этихъ сентенцій предоставляемъ читателямъ; приведенныхъ выписокъ слишкомъ достаточно для нашей цѣли.

И такъ, кто же онъ, новый Калиновичъ, этотъ образъ, который авторъ изъ области своей фантазіи низвелъ къ намъ ? Этотъ образъ—старый нашъ знакомый, нежданный и непрошенный спаситель нашего общества. Этотъ образъ грезился одному изъ героевъ Тарантаса, который, конечно во снѣ, дошелъ до убѣжденія, что золотой вѣкъ настанетъ тогда только, когда князья и графы будутъ исправниками и становыми; этотъ образъ воплощался въ Надимовѣ и въ герояхъ комедій г. Львова; этотъ соблазнительный образъ, вѣроятно, живучь страшно, если такой даровитый писатель, какъ г. Писемскій, съ такимъ жаромъ спѣшитъ воплотить его. Напрасно раздавался голосъ критики: не въ этомъ спасеніе ! Богъ съ ними, съ вашими образами,—все напрасно ! Уже начали смолкать голоса авторовъ *Чиновника*, *Свѣта не безъ добрыхъ людей*, *Не мѣсто человѣка краситъ;* но раздался болѣе мощный голосъ, явилось талантливое произведеніе, проповѣдующее ту же доктрину. Тоже герой честности и безкорыстія, гордо высящійся на пьедесталѣ богатства и знатности, тоже идеальный чиновникъ,— съ такою впрочемъ разницей, что тѣ герои жиденькіе и дрянненькіе, а это—герой могучій, напередъ обезпечившій себя тысячью душъ, и, изъ стремленія къ добродѣтели, ознаменовавшій себя напередъ крупными подвигами — обмана, подлости, сдѣлокъ безчестныхъ, которыми открыто гордится! Грустное, печальное явленіе! Герой вашъ, г. Писемекій, проводитъ безстрастную идею государства съ отпоромъ всѣхъ сословныхъ и частныхъ домогательствъ; герой вашъ, по собственному сознанію,

«бывши чиновникомъ, подкупалъ на свои деньги шпіоновъ, самъ дѣлался фискаломъ, сыщикомъ, чтобы открыть какое нибудь ничтожное зло» (т. IV, стр. 509); герой вашъ все очищающій, все ломающій.... Скажите, Бога ради, годится ли герой вашъ въ общественные спасители, да и нуждается ли въ немъ общество? Кажется, и самъ онъ и вы сознаетесь уже въ томъ, что пріемы его слишкомъ были жестоки и деспотичны, а если согласитесь.... то нечего распространяться не только о важности, но даже о полезности его миссіи. Пускай бы онъ, герой вашъ, несся все выше и выше, пускай бы образъ его преуспѣвалъ въ художественномъ отношеніи (а онъ, дѣйствительно, преуспѣваетъ, если прочесть одну четвертую часть романа, не читая трехъ первыхъ, если забыть на время то да другое); но отъ васъ, автора, мы ожидали не гимновъ, правда, нѣсколько робкихъ, а юмора. Вы опять спросите: что же иначе могъ дѣлать Калиновичъ въ новомъ своемъ положеніи, окруженный такою средою, этими Базарьевыми, Медіокритскими, князьями Иванами? Не довольствоваться же ему только украшеніемъ города на вынужденныя у откупщика деньги (ibid. стр. 385)? Не отдѣлывать же весь вѣкъ арестантами набережной (ibid. стр. 388)? Не сидѣть же ему, наконецъ, сложа руки: онъ большой корабль, а большому кораблю нужно-де и большое плаваніе. Что прикажете ему дѣлать, если такъ низокъ соціальный уровень М—скаго общества; если всѣ градскіе головы плуты; если всѣ купцы такіе же мошенники, какъ Мишка Папушкинъ? Дѣйствительно, это жалкое М—ское общество прежде всего слѣдовало перевоспитать Калиновичу, только потомъ и можно будетъ ожидать отъ него чего нибудь путнаго. И что же! О, коловратность рока! Калиновичъ остановленъ на пол-пути и удаленъ отъ службы! Какая грустная, общественная утрата! Вотъ-де (гласитъ идея): человѣкъ съ страшной силой воли, суровый аскетъ (впрочемъ, владѣлецъ тысячи душъ), сынъ нашего практическаго вѣка, неудовлетворявшійся скромной долей, горитъ желаніемъ общественнаго блага; все приноситъ ему въ жертву и мужественно выступаетъ на общественную арену. Начинается рядъ подвиговъ; но.... грянулъ громъ и герой падаетъ пораженный.—Узка арена, жалки подвиги! Только въ этой катастрофѣ, на которую авторъ такъ разсчитывалъ, принимая ее за истинный пафосъ, только въ этой необходимости, заставившей нашего Цинцината удалиться въ Москву, видимъ мы нѣчто глубоко-примиряющее и успокоительное. Авторъ забылъ, что

М—ское общество не состоитъ изъ однихъ Мишекъ Папушкиныхъ, Базарцевыхъ, князей Ивановъ, съ братіей; война съ этимъ ничтожнымъ меньшинствомъ, хотя бы и полезная, необходимая война, еще не даетъ права на геройство, не обязываетъ поклоненіемъ. О большинствѣ авторъ не говоритъ: оно остается безразличнымъ и темнымъ. Авторъ не показалъ намъ своего героя лицомъ къ лицу съ этимъ большинствомъ; можетъ быть, онъ боялся, что придется сдѣлать обвиненія, которыя уже не *сущій вздоръ*.... Калиновичъ человѣкъ широкой натуры, любящій просторъ! Намъ могутъ замѣтить, что мы намѣренно умолчали о благородномъ поступкѣ героя романа съ тупоумнымъ дворяниномъ Язвинымъ, о чувствахъ его въ театрѣ, при видѣ игры Настеньки. Все это прекрасныя вещи, нѣсколько примиряющія, правда, читателя съ Калиновичемъ, но мало имѣющія общаго съ главной идеей, которая одна руководила нами при разборѣ Тысячи Душъ, которая, сознаемся, и насъ также, какъ самого автора, слишкомъ увлекала. По этой причинѣ нами, быть можетъ, осталось незамѣченнымъ много хорошаго, въ чемъ мы охотно винимся предъ почтеннымъ авторомъ. Не можемъ не пожалѣть, въ заключеніе, что г. Писемскій, для возвышенія своего героя, пожертвовалъ многими прекрасными частностями: намъ бы не хотѣлось видѣть Настеньку такою, какою представилъ ее авторъ въ послѣдней части романа. Бѣдняжкѣ всего приличнѣе было бы умереть, подобно отцу. Конечно, лѣта и обстоятельства измѣнили ее къ худшему; но почему же къ лучшему измѣнили они Калиновича? Что за охота была автору представлять Бѣлавина въ такомъ двойственномъ видѣ?

Такой романъ, какъ Тысяча Душъ, могъ бы быть изданъ гораздо лучше: и внѣшній видъ изданія неудовлетворителенъ и опечатокъ множество.

М. де-Пуле.

Воронежъ.
8-е Февраля, 1859 г.

ПРИМѢЧАНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы искренно благодарны г. де Пуле за присланную намъ статью, съ основной идеей которой мы вполнѣ и безусловно согласны. Мы находимъ только, что она еще далеко не вполнѣ исчерпываетъ всѣ стороны своей задачи, которая сильно усложнена теперь критическими разборами романа, помѣщенными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Мы печатаемъ статью г. де Пуле тѣмъ охотнѣе, что его нельзя заподозрить въ пристрастіи къ направленію Русской Бесѣды (имя его встрѣчалось до сихъ поръ на страницахъ журналовъ, намъ болѣе или менѣе не сочувствующихъ), а между тѣмъ основная мысль его статьи такого рода, что едва ли бы могла бы найти себѣ мѣсто въ какомъ иномъ журналѣ, кромѣ Русской Бесѣды, потому что почти всѣ главные представители нашей журналистики выразились въ противоположномъ направленіи. Мы не говоримъ о журналахъ, которые не помѣщаютъ критикъ, какъ напр. Русскій Вѣстникъ. Разбирая «Тысячу Душъ», нельзя умолчать о критическихъ статьяхъ Отечественныхъ Записокъ, Русскаго Слова, Библіотеки для Чтенія и Атенея. Впрочемъ мы никакъ не думаемъ причислять критику Атенея къ одной категоріи съ тремя первыми. Она находится въ прямомъ съ ними противорѣчіи. Это и неудивительно. Мы и не могли ожидать инаго отъ г. Анненкова. Но выражая свое безусловное отвращеніе къ особѣ Калиновича, принятой Петербургскими критиками подъ особенную защиту; карая и изобличая безпощадно его внутреннюю гниль и ничтожность, какъ чиновника, — г. Анненковъ силится доказать помощью разныхъ неудачныхъ натяжекъ, что такова и была цѣль автора, что самъ г. Писемскій задалъ себѣ изобразить «подѣльнаго государственнаго человѣка и ложнаго исправителя нравовъ.» Въ этомъ да позволено намъ будетъ усомниться, ибо сочувствіе автора заявлено довольно сильно, какъ къ герою романа, такъ и къ воплощаемой въ немъ «безстрастной идеѣ государства.» Нельзя не признать, что положеніе г. Писемскаго престранное! Согласиться съ г. Анненковымъ, объявить его выводы своими — значитъ

стать въ противорѣчіе съ превозносящими и его и Калиновича критиками Отечественныхъ Записокъ, Русскаго Слова (1) и Библіотеки для Чтенія, къ которой, какъ сказано въ ея статьѣ, г. Писемскій находится въ особенно близкихъ отношеніяхъ. Согласиться съ Петербургскими рецензентами—значитъ подвергнуть себя добровольно, вмѣстѣ съ Калиновичемъ, жесткому приговору г. Анненкова и отказаться отъ очень лестныхъ его на счетъ автора предположеній!

Сочувствіе Петербургскихъ критиковъ Калиновичу очень понятно. Онъ Петербуржецъ до мозга костей; онъ вполнѣ живое, дѣйствительное лицо, порожденіе бюрократизма, доведеннаго до поэзіи, до паѳоса. *Та* безстрастная идея государства, которой поклоняется Калиновичь — идея *бездушная*, не мертвенная только потому, что она мертвящая, идея, пропитанная презрѣніемъ къ жизни и къ народу, идея деспотизма во имя свободы, гордости и себялюбія подъ личиной общественнаго блага, идея, создавшая себѣ свой особенный кодексъ казенной нравственности, казенной религіи и казенный идеалъ порядка и благоустройства. Эта «безстрастная идея» проводится авторомъ съ видимымъ сочувствіемъ въ разныхъ примѣрахъ дѣятельности Калиновича, и выражается въ собственномъ отзывѣ автора о городскихъ головахъ, крайне поверхностномъ и несправедливомъ. «Представитель молодой администраціи,» которая, по мнѣнію г. Писемскаго, борется такою благородною борьбою со взятками и плутнями, не вынесъ изъ университета никакихъ гуманныхъ началъ и забылъ, что обществу нужны не честные *чиновники*, а честные *люди*. Признаемся въ своей слабости передъ Петербургскими критиками: для насъ, грубыя, бездушныя слова Калиновича къ инвалидному начальнику (я *тебя* со всѣмъ *твоимъ потрохомъ* (у него нѣсколько человѣкъ дѣтей) окормлю этою дрянью) въ тысячу разъ возмутительнѣе всякихъ взятокъ и плутней мелкихъ чиновниковъ. Поступки Калиновича на службѣ такого рода, что гораздо болѣе упрочиваютъ произволъ, а съ нимъ взяточничество и порочность въ обществѣ, чѣмъ невинныя дѣянія Надимова, котораго

---

(1) Надо отдать справедливость редакціи Русскаго Слова,—она заявила свое несогласіе съ рецензіей г. Эдельсона, но въ чемъ именно заключается это несогласіе, ясно не видно.

однакоже г. Павловъ именно *въ этомъ* подвергнулъ обвиненію, въ своей статьѣ о чиновникѣ гр. Соллогуба, помѣщенной въ Р. Вѣстникѣ.—Ложная мысль романа заключается именно въ оправданіи Калиновича, въ апотеозѣ его какъ общественнаго дѣятеля, въ томъ, что его безчестная жизнь вѣнчается какимъ-то нравственнымъ ореоломъ. Чичиковъ говаривалъ: я *почти* не дѣлалъ подлостей. Герой болѣе современнаго романа, герой г. Писемскаго, съ благороднымъ жаромъ говоритъ открыто: я дѣлалъ подлости и буду дѣлать подлости (какъ иначе назвать его бракъ съ Полиной, поступокъ съ Настенькой и т. д..?), потому что я большой корабль, не робкая, чувствительная, а *энергическая* натура, хочу служить общественному благу въ широкомъ размѣрѣ, и когда добьюсь всякими неправдами—да, неправдами! эка важность!— губернаторскаго мѣста, тогда буду честенъ!—И дѣйствительно, прочтя романъ г. Писемскаго, читатель приходитъ къ невольному заключенію, котораго, конечно, никакъ нежелаетъ авторъ: «почему же и не украсть и не поподличать, коли это нужно? Получишь мѣсто, обезпечишься, станешь преслѣдовать взятки, сдѣлаешься даже героемъ романа и еще попадешь подъ защиту гг. критиковъ!» Неловкіе гг. критики! Они такъ горячо вступаются за романъ «Тысяча Душъ», что «непоздоровится отъ эдакихъ похвалъ» и мы посовѣтовали бы г. Писемскому попросить рецензентовъ умѣрить свои восторги. Особенно рѣзко выдвигается впередъ критикъ Отечественныхъ Записокъ (Янв. 1859 г. № 1.). Онъ глумится надъ «непорочными личностями», которыя не рѣшаются прибѣгнуть къ «недозволеннымъ средствамъ лишь бы сдѣлать доброе» (стр. 15). Что это за *доброе*, по понятіямъ рецензента, любопытно знать. Какое-то особенное, для котораго разрѣшается Калиновичу сдѣлать много недобраго относительно Настеньки, старика Годнева и пр.? Онъ, т. е. критикъ Отечественныхъ Записокъ, глумится и надъ героями г. Тургенева, у которыхъ не хватаетъ духу прибѣгать къ «недозволеннымъ средствамъ». Онъ говоритъ про Калиновича, что Калиновичъ, «чтобы дѣйствовать *какъ честный человѣкъ*, долженъ былъ пожертвовать *чистотою своей нравственной стороны*». Т. е. можно сдѣлаться безчестнымъ, чтобы быть честнымъ? Странное ученіе, повидимому заключающее въ себѣ самомъ полное противорѣчіе. Но противорѣчія въ сущности нѣтъ: или безчестное не очень-то безчестно, по мнѣнію критика, или же его «честное» не то, которое всѣ привыкли разумѣть, а осо-

бенное, созданное « безстрастной идеей государства » и взятое изъ кодекса бюрократической нравственности. Мы очень благодарны критику за его откровенность. Она служитъ ключомъ ко многому. Стоитъ только взглянуть съ точки зрѣнія Калиновича, и многое объяснится....

Успѣхъ романа г. Писемскаго, при помощи его огромнаго таланта, такъ великъ, и за исключеніемъ благородной статьи г. Анненкова, которую мы можемъ обвинить только въ неудачныхъ натяжкахъ оправдать автора, — критики такъ единодушно выразили свое сочувствіе роману и герою романа, что мы признаемъ это знаменательнымъ фактомъ въ физіологіи нашего общества, и надѣемся еще возвратиться къ нему не разъ въ Русской Бесѣдѣ.

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НЕЗАВИСИМЫХЪ ГРЕКОВЪ ВЪ 1858 ГОДУ.

Яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всесплодіе жертвенное пріятъ я
(*Прем. Сол.* Г Ѕ.)

На глазахъ отцовъ нашихъ совершились въ юговосточной Европѣ два великія событія—освобожденіе отъ ига Турецкаго Сербовъ и Грековъ. Оба народа дожили до эпохи того внутренняго удовлетворенія, когда они могутъ въ святилищѣ своего народнаго чувства произнесть: отнынѣ во мнѣ самомъ возможность всякаго преуспѣнія. Если Греки и Сербы могли поставить себѣ такую дилемму: быть самостоятельнымъ народомъ или вовсе не быть, если у нихъ достало силы свергнуть противный человѣческому достоинству гнетъ, то—по законамъ исторіи—жить имъ еще долго. Нашему поколѣнію досталось видѣть дальнѣйшее развитіе пріобрѣтенной этими народами самобытности. Мы слѣдимъ за этимъ развитіемъ по современнымъ листкамъ, по запискамъ путешественниковъ, по отрывкамъ изъ законовъ, по трактатамъ, по обозрѣніямъ; и чѣмъ больше всматриваемся, тѣмъ лучше понимаемъ, что не вспышки негодованія и нетерпѣнія подняли эти народы, что сѣмена развитія кроются въ глубинѣ ихъ сознанія.

Слѣдя съ особеннымъ сочувствіемъ за судьбами Греціи, я намѣренъ представить въ настоящей статьѣ обзоръ главныхъ событій въ независимой Греціи, въ 1858 году, а при этомъ обзорѣ допускаю нѣкоторыя объясненія, необходимыя для лучшаго пониманія дѣла.

Занимаются ли въ Греціи сельскимъ хозяйствомъ? а если занимаются, то отъ чего глазамъ странствующаго по Греціи представляются такіе пустынные виды? отъ чего такъ много пространствъ,

во свойству своему плодородныхъ, не довольно воздѣлано? Такіе вопросы невольно приходятъ на умъ, при первомъ взглядѣ на горы и равнины Греціи, и мы постараемся отвѣчать на нихъ. И на первый случай отвѣтъ ужъ въ томъ, что въ Турецкія времена лучшія земли были собственностью завоевателя, Турка. Вспомнимъ, что потомъ, въ періодъ отечественной войны, въ теченіе семи лѣтъ сряду обработки не было, что на врага ополчились и сельскіе хозяева и пахари, что истребленіе садовъ, жатвъ, масличныхъ рощъ, виноградниковъ входило въ образъ войны Ибрагима. Города обращены были въ развалины, обработанныя мѣста въ пустыни Первый правитель Греціи, президентъ Іоаннъ Каподистрія, не смотря на кратковременность своего административнаго поприща, не смотря на то, что война при немъ еще продолжалась, не смотря на отвычку народа отъ сельскихъ занятій, сообщилъ движеніе земледѣлію, между прочимъ учрежденіемъ національнаго банка. Всякому землевладѣльцу разрѣшено было, за неимѣніемъ денегъ, вносить въ банкъ произведенія земли: банкъ распоряжался продажею ихъ въ чужихъ краяхъ, а владѣльцу выдавалъ билеты одинакой цѣнности съ товаромъ. (1) Извѣстно, что во время войны за освобожденіе, землевладѣльцы въ патріотическомъ порывѣ отдали капиталы свои на общее дѣло, а новые капиталы, большіе, еще не образовались. Рукъ и земледѣльческихъ орудій тогда было слишкомъ мало, да и теперь еще недостаточно. Нѣтъ сомнѣнія, что по пространству и по степени плодородія земли, Греція могла бы питать населеніе въ шестеро плотнѣйшее (2); но, въ слѣдствіе беззащитнаго положенія Греческой границы со стороны Турціи, жители материка медленно покидаютъ привычки вольной жизни и медленно переходятъ къ сельской осѣдлости (3).

---

(1) См. превосходный сборникъ Греческихъ законовъ эпохи возрожденія до кончины Каподистріи: *τὰ κατὰ τὴν ἀναγέννησιν τῆς Ἑλλάδος*, составленный Мамукою. Томъ XI. стр. 390.—Также: *Отчетъ министра финансовъ* (Кумундури) за 1856—1857 г. (4 Дек. 1857 г.), приведенный въ цѣлости *въ Эонѣ* 1857 г. № 1581.

(2) Ратави въ циркулярѣ 28 Іюля (9 Августа) 1856 г., отправленномъ имъ къ Греческимъ посланникамъ для сообщенія кабинетамъ, при которыхъ они были акредитованы, отчета о состояніи Греціи. Этотъ превосходный отчетъ помѣщенъ въ Le Nord, 1856 г. № 329. См. отдѣлъ отчета: Organisation intérieure.

(3) Отчетъ мин. фин. (Кумундури) за 1856—1857 г. № 1581 Эона.

Проведеніе дорогъ изъ средоточія Морен къ поморьямъ могло бы облегчить сбытъ произведеній, и народъ готовъ на пожертвованія для сооруженія такихъ дорогъ: цѣлыя общины обращаются къ правительству съ предложеніемъ участвовать въ устройствѣ дорогъ деньгами, матеріаломъ и трудами: но въ странѣ очень гористой такія работы предполагаютъ огромныя издержки, на которыя правительство до сихъ поръ не рѣшалось. Однакожъ оно таки рѣшилось въ прошломъ году—двумъ французскимъ инженерамъ и осьми французскимъ кантоньерамъ, для исправленія улицъ столицы, назначить жалованье, равняющееся $^1/_5$ всей суммы, ассигнуемой на части путей сообщенія въ цѣлой Греціи. Старшему лицу назначено 23,000 драхмъ, около 5,200 р. с. въ годъ (1): такого жалованья ни одинъ инженеръ въ этой маленькой небогатой державѣ никогда не получалъ, (2) ни одинъ изъ членовъ законодательныхъ собраній, ни одинъ изъ министровъ! Одинъ изъ греческихъ инженеровъ, которыхъ и всѣхъ-то немного, жалуется печатно, что ихъ или обходятъ работой, или, давая имъ работу, выдаютъ только $^1/_3$ требуемой по смѣтѣ суммы. Такимъ образомъ это предпріятіе, которое конечно можетъ нравиться жителямъ столицы и заѣзжимъ туристамъ, отнимаетъ слишкомъ много денегъ отъ устройства общеполезныхъ дорогъ, содѣйствующихъ сбыту сельскихъ произведеній Аркадіи и вообще внутреннихъ земель. Наконецъ дѣятельность земледѣльца парализирована до сихъ поръ старинным способомъ взиманія податей натурою, о которомъ дальше упомянемъ подробнѣе.

И такъ ограниченность капиталовъ, малое число рабочихъ рукъ, отсутствіе хорошихъ дорогъ, стѣснительная система поземельныхъ сборовъ—вотъ самыя общія причины, замедляющія успѣшное развитіе земледѣлія, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняющія пустынные виды этого живописнаго края.

Греція не принадлежитъ къ числу странъ особенно хлѣбородныхъ, а по этому и въ древнія времена не обращала главнаго вниманія на хлѣбопашество. Имѣя подъ бокомъ пространныя хлѣбородныя равнины другихъ странъ, лишенная, какъ мы видѣли, и большихъ капиталовъ, Греція относительно хлѣбопашества ограничивается удов-

---

(1) Эонъ 1858 г. № 1623.

(2) См. письмо городскаго Аѳинскаго архитектора Метаксы, 8 Мая 1858 г. въ Эонѣ № 1624 (1858 г.).

летвореніемъ возрастающихъ съ каждымъ днемъ потребностей своихъ, которымъ она и всегда почти могла удовлетворить. 1853 годъ былъ неурожайный; хлѣба ввезено до 700,000 килъ, а въ 1857 году, за удовлетвореніемъ внутреннихъ потребностей, избытку оказалось свыше 3,000,000 килъ (1). Обратимся къ тѣмъ произведеніямъ земли, которыя составляютъ природное богатство Греціи. До возстанія 1821 года виноградники покрывали только 25,000 стреммъ земли, а теперь покрываютъ до 700,000 стреммъ (2). До 1834 года считалось 380,000 шелковичныхъ деревьевъ, а теперь ужъ 1,500,000.—Доходу съ публичной продажи коконовъ въ 1840 году было 650,000 драхмъ, а теперь 5,523,000. Въ 1840 году Мессенія произвела до 41,500 кантаровъ винныхъ ягодъ, а въ 1856 году до 92,000, сверхъ удовлетворенія запросу внутреннему (3). 7,400,000 масличныхъ деревьевъ дали въ 1857 году 1,000,000 драхмъ доходу, между тѣмъ какъ въ 1834 году число деревьевъ доходило только до 2,300,000, а въ 1840 году доходу съ масличныхъ деревьевъ получено всего 548,000 драхмъ (4).

Насажденія коринки тянутся преимущественно по сѣверному берегу Мореи отъ Каламаки до Пирга. До отечественной войны было не болѣе 20,000 стреммъ насажденныхъ коринкой и производилось не болѣе 10 милліоновъ литръ, а къ 1857 году было 160,000 стреммъ, дававшихъ до 80 милліоновъ литръ (5). Таможенный доходъ по вывозу коринки изъ Патръ и Востицы доходилъ въ 1834 году до 71,000 драхмъ, а въ 1856 году до 342,000 (6). Болѣзнь, которой подверглась коринка въ послѣднія пять лѣтъ, а подчасъ и несвоевременные дожди были причиной, что запросъ на нее

---

(1) Отчетъ мин. фин. за 1856—1857 г. См. выше. Королевское кило равно французскому гектолитру (*Die Türkei und Griechenland in ihrer Entwickelungs-Fähigkeit.... v. Rried. Wilh. v. Reden. Frankfurt a. Main.* 1854 г. стр. 191), а гектолитръ равенъ 3,8129 четверика (см. наши мѣсяцословы).

(2) Одна королевская стремма равна $\frac{1}{10}$ французскаго гектара (см. выше книгу Редена, тамъ же), а одинъ гектаръ равенъ 0,9150 десятины (см. наши мѣсяцословы).

(3) Кантаръ имѣетъ, если не ошибаемся, до 3 пудовъ.

(4) Доходъ съ масличныхъ деревьевъ за 1834 г. не приведенъ въ отчетѣ, также какъ и число деревьевъ за 1840 г. Министръ ссылается на неполноту прежнихъ статистическихъ показаній. Отч. мин. фин. за 1856 — 1857 г., см. выше.

(5) Отч. мин. фин. 1856—1857 г. (6) Тамъ же.

уменьшился ([1]): въ Англіи, Тріестѣ, и въ самой Греціи лежалъ большой запасъ такой коринки, которой никому не было охоты брать. Въ 1857 году коринка была хорошая, но съ одной стороны множество ея, съ другой уменьшеніе запроса со стороны главныхъ потребителей ея—Англичанъ, при чемъ и въ Греціи и въ Англіи таможенная пошлина оставалась та же, едва не довели сельскихъ хозяевъ до разоренія ([2]). Чтобъ положить конецъ той несоразмѣрности, какая возникла отъ усиленной производительности и отъ уменьшеннаго потребленія, и возвысить цѣну коринки, жители Патръ рѣшились выдѣлывать изъ коринки вино. Учредили общество на акціяхъ по 100 драхмъ за каждую ([3]). Къ 24 Мая 1858 года считалось ужъ 1320 акціонеровъ, значитъ было 132,000 драхмъ капитала ([4]); къ 30 Іюня вызывались акціонеры на общее засѣданіе. И прежде въ этомъ краю выдѣлывали вино изъ коринки, но плохое и только для своего употребленія; теперь же Патрское общество винодѣлія, не находя въ Греціи знающихъ винодѣловъ, намѣрено выписать опытнаго винодѣла изъ Франціи ([5]).

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ сельской промышленности застоя нѣтъ. Онѣ показываютъ ясно, что если при тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы прежде сказали, въ сельской промышленности все-таки есть движеніе, то съ удаленіемъ препятствій можно ожидать успѣха быстраго. Впрочемъ есть и за хозяевами грѣшокъ. Сбывая свои произведенія, хозяева еще мало обращаютъ вниманія на ихъ сортировку: этотъ упрекъ имъ сдѣланъ ихъ доброжелателями, Греками же, торгующими внѣ Греціи: въ Таганрогѣ, Галацѣ, Митилинѣ, Александріи, Марсели. Но этотъ недостатокъ происходитъ болѣе отъ бѣдности, чѣмъ отъ невниманія, и доказываетъ отсутствіе большихъ спекуляцій, которыя такъ усиливаютъ сортировку продуктовъ. Въ любопытныхъ торговыхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ Греческихъ газетахъ, постоянно находимъ замѣчанія, что для лучшаго сбыта Греческихъ произведеній необходима

---

(1) См. пренія въ палатѣ герусіастовъ или сенатѣ. Эонъ, № 1585 (1858 г.).

(2) Впрочемъ въ 1858 г. въ Іюлѣ и Августѣ пошлина съ вывоза коринки была значительно понижена. Le Nord № 227 (Grèce. corresp. particul.)

(3) Эонъ № 1592 (1858 г.).

(4) Эонъ № 1631 (1858 г.).

(5) Эонъ № 1588. (1858 г.).

лучшая ихъ сортировка и лучшая укладка ([1]). А для этого необходимы средства и время, чтобы дождаться удобнѣйшаго сбыта.

Мы сказали, что система взысканія поземельной подати стѣсняетъ сельскую производительность. Мѣсяца за два министръ финансовъ, Кумундури представилъ проэктъ закона о преобразованіи этой системы сбора. Для лучшаго уясненія, въ чемъ именно состоитъ преобразованіе, мы сперва изложимъ прежнюю систему, а потомъ представимъ выписку изъ его проэкта.

Въ Греціи держался до сихъ поръ прежній способъ взиманія поземельной подати натурой. Казенный ли сборщикъ взималъ съ землевладѣльца, или откупщикъ бралъ на себя эту обязанность, въ обоихъ случаяхъ выходило худо ([2]). Худо во первыхъ для землевладѣльца: въ ожиданіи сборщика или откупщика, которому должно выдать десятую долю произведеній, землевладѣлецъ не смѣлъ ни пожать своей пшеницы, ни собрать коринки или маслинъ. Такимъ образомъ произведенія перезрѣвали, иногда даже гнили. А свозъ десятой доли произведеній въ казенный магазинъ, который отстоитъ пожалуй часовъ на 8 ѣзды, т. е. верстъ на 40, а обвѣсъ, которому можетъ онъ подвергнуться отъ недобросовѣстнаго сборщика! ([3]). Прибавьте еще и то, что эта только кажущаяся десятина, ибо она берется не съ чистаго дохода, а со всего количества найденнаго на корню плода, безъ вычета затратъ сдѣланныхъ хозяиномъ ([4]). При томъ тотъ землевладѣлецъ, который невоздѣлываетъ своей земли, ничего и не платитъ; а слѣдовательно поборъ всею тяжестью падаетъ на одного трудящагося ([5]). Этотъ старинный сборъ натурою былъ чрезвычайно неудобенъ и для правительства, потому что доходъ его подлежалъ превратностямъ урожая и неурожая ([6]). По этому правительство никогда не могло въ бюджетѣ даже приблизительно обозначить количество одной изъ главнѣйшихъ статей своего дохода. Наполнивъ свои магазины десятинными про-

---

(1) Эонъ № № 1625, 1630, 1631, 1632. 1637, 1639.

(2) Рангавѝ въ своемъ отчетѣ; въ 1856 г., въ отдѣлѣ о финансахъ. Le Nord. 1856 г. № 329.

(3) Газета «Иліосъ» (солнце) № 185, 1858 г.

(4) См. превосходный журналъ, издававшійся недавно на Французскомъ языкѣ, въ Аѳинахъ, для ознакомленія Европы съ Грецією, Spectateur de l'Orient. 1855 г. выпуски 42 и 43, стр 179 и 180.

(5) Le Nord № 155 (1858 г.).

(6) Casimir Leconte. Etude économique de la Grèce. Paris 1847. p. 206.

дуктами, оно обращалось въ купца, и слѣдовательно снова подверга-лось всѣмъ случайлостямъ болѣе или менѣе сильнаго запроса, колебанія цѣнъ на сельскія произведенія ([1]). Наконецъ содержаніе десятинниковъ, магазиновъ, ихъ смотрителей и т. п., составляя большую статью государственнаго расхода , съ одной стороны лишало правительство возможности употреблять этѣ издержки на полезныя предпріятія, а съ другой падало опять таки на земледѣліе. Само собою разумѣется, что не одни европейскіе экономисты, и не одни государственные люди Греціи понимали все зло, возникавшее отъ этого рода взиманія поземельной подати: общественное мнѣніе давно вопіяло. Но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, экономисты иноземцы и иностранная журнилистика не всегда вникали во всѣ тѣ условія, которыя затрудняли отмѣну вредной рутины и введеніе системы толковой. Одно изъ величайшихъ затрудненій ввести новый порядокъ сбора состояло въ неопредѣленности отношеній земель государственныхъ къ частнымъ. Возникло новое государство: всѣ земли, принадлежавшія Портѣ и Туркамъ вообще, вмѣстѣ съ изгнаніемъ этихъ послѣднихъ, стали землями Греческими государственными, Иногда правительство выдавало земли частнымъ лицамъ въ вознагражденіе за понесенные убытки, иногда частныя лица сами занимали пустынныя пространства, принадлежавшія правительству. Въ первомъ случаѣ правительству было извѣстно, что такому-то выдано столько-то стреммъ, тамъ-то, но могло-ли быть сдѣлано съ самаго начала правильное межеваніе? Во второмъ случаѣ, бывало, что правительство откроетъ самовольное занятіе государственной земли въ такое время, когда давность пользованія, издержки на обработку, построеніе зданій дѣлали невозможнымъ отобраніе земель: тогда правительство облагало этѣ земли 15% сверхъ десятиннаго сбора. Такимъ образомъ земли этѣ обложены податью въ 25%, взимаемою натурой ([2]). Вотъ эта-то неопредѣленность границъ, эта сложность отношеній между частными землевладѣльцами и казною пугала многихъ министровъ, серьозно помышлявшихъ о преобразованіи ([3]) и перемѣнѣ сбора натурою на денежную подать. Къ этому представлялась и другая трудность: долго не могли разсчитывать на достаточное чи-

---

(1) Эонъ № 1599 (1858 г.).
(2) Эонъ № 1599 (1858 г.). Nord № 155 (1858 г.).
(3) Таковы: Метакса, Христиди, Рангави.

сло ученыхъ землемѣровъ и экспертовъ для составленія исправнаго кадастра (1).

Еще Рангави, въ извѣстномъ отчетѣ 1856 года, говоритъ, что правительство готовится представить на разсмотрѣніе палатъ проэктъ преобразованія финансовой системы (2). Вотъ ужъ два года, какъ и въ тронной рѣчи являлись подобныя выраженія (3). Близился часъ. Наконецъ очень недавно, къ исходу прошлаго года, нынѣшній министръ финансовъ Кумундури объявилъ слѣдующій проэктъ поземельнаго сбора.

Земли и насажденія обложены поземельною податью, соразмѣрною съ ихъ чистымъ доходомъ. Подать взимается деньгами (4). Чистымъ доходомъ считать то, что остается у хозяина за вычетомъ издержекъ, сдѣланныхъ имъ по обработкѣ и сбору произведеній. Подать за пользованіе землями государственными, смѣшанными и церковными взимается также деньгами. Количество этихъ податей будетъ опредѣляться ежегодно особеннымъ закономъ. Это количество распредѣлено будетъ по областямъ. Въ назначенное время будутъ собираться областные совѣты для раскладки податей по всѣмъ общинамъ королевства, и общинные совѣты для раскладки ихъ по отдѣленіямъ каждой общины. При опредѣленіи и раскладкѣ поземельной подати на первый годъ, въ основу принятъ будетъ средній выводъ пяти предшествующихъ годовъ. Цѣнность произведеній опредѣлена будетъ среднимъ числомъ, на основаніи формальныхъ показаній или публичныхъ продажъ. Количество поземельной подати, такимъ способомъ опредѣленное, останется одинаковымъ и на слѣдующіе годы, а если будетъ вотироваться ежегодно, то будетъ постоянно распредѣляться соразмѣрно съ суммой, вносимой общинами въ первомъ году. Владѣтели земель государственныхъ, церковныхъ или смѣшанныхъ, обязаны въ теченіе трехъ мѣсяцовъ представить подробную опись этихъ земель. Общинный совѣтъ назначаетъ особую коммиссію изъ 5 членовъ, (изъ которыхъ двое принадлежатъ другой общинѣ), и эта коммиссія раздѣляетъ всю недвижимость на 5 разрядовъ и

---

(1) Spectateur de l'Orient. 1855 г. Выпуски 42 и 43 стран. 179, 180.

(2) Отчетъ Рангави (въ отдѣлѣ о финансахъ).

(3) Эонь № 1599 (1858 г.).

(4) Замѣтимъ, что нѣкоторыя подати и прежде взимались деньгами: таковы подати со скота, съ построекъ, съ пчелъ, подать торговая. Le Nord № 155 (1858 г

опредѣляетъ чистый доходъ съ каждаго разряда. Если эфоръ найдетъ опредѣленіе этого дохода невѣрнымъ, то назначитъ чрезъ посредство административной власти ревизіонную коммиссію изъ 5 членовъ: двое по назначенію эфора, двое по избранію общиннаго совѣта, и одинъ по опредѣленію административной власти. Эта коммиссія даетъ свое заключеніе въ теченіе одного мѣсяца. Потомъ созываетъ владѣльцевъ по своему отдѣленію общины: происходитъ выборъ коммиссіи отдѣленія, которая подъ предсѣдательствомъ эфора и дѣлаетъ повѣрку всѣхъ показаній. Впрочемъ владѣльцы имѣютъ право обращаться съ жалобами къ начальнику уѣзда, который, вмѣстѣ съ димархомъ (общиннымъ начальникомъ) уѣзднаго города и мирнымъ судьею, по принятіи въ соображеніе мнѣнія эфора, рѣшаютъ окончательно. Подать выплачивается въ четыре срока по ровну: въ срединѣ Января, Февраля, Августа и Ноября. Государство удерживаетъ за собою право собственности надъ землями и насажденіями государственными и церковными (1).

Посмотримъ, какъ будетъ принятъ этотъ проэктъ палатами. — Нѣтъ сомнѣнія, что подобное преобразованіе обветшалой системы оживитъ сельскихъ дѣятелей, которые вообще въ Греціи отъ труда не уклоняются.

Скотоводство остается на низшей степени. Количество скота, простиравшееся въ 1844 году до 4, 322,000 головъ, въ 1856 году умножилось только до 5,298,000. (2)

Несоразмѣрность между числомъ жителей и пространствомъ, и недостатокъ въ капиталахъ также причиною малыхъ успѣховъ и промышленности производящей. Невозможно, говоритъ министръ финансовъ, чтобъ промышленность была въ цвѣтущемъ положеніи въ такомъ краѣ, гдѣ поденщина доходитъ до 5 др; (болѣе 1 р. с.), а проценты даже до 20 со ста. Въ Греціи всего 4 шелкопрядильные завода, 2 кожевенные, 1 бумагопрядильный, 1 свекловичный, 1 горшечный, 1 гребенный. За то очень много лицъ, занимающихся рукодѣльемъ. Если тщательно всмотримся въ эту отрасль народной дѣятельности, увидимъ, что она составляетъ не малую сумму: нѣсколько десятковъ милліоновъ драхмъ. Эта сумма добывается простотою

---

(1) Этотъ проэктъ представленъ нами въ сокращенномъ видѣ; онъ приведенъ почти въ цѣлости въ Le Nord 13 Дек. 1858 г. № 347.

(2) Отчетъ мин. фин. за 1856—1857 г. см. выше.

жизни и крайнимъ трудолюбіемъ въ борьбѣ со всевозможными трудностями и многообразными лишеніями, ибо кромѣ капиталовъ, употребленныхъ нѣсколькими пріѣзжими на постройки въ Аѳинахъ, Патрахъ и въ Эрмополѣ (Сирѣ), все остальное—плодъ внутренняго развитія и бережливости ([1]).

Греки не могли бы существовать однимъ земледѣліемъ и ремеслами. Ни въ одинъ періодъ своего бытія не ограничивались они этими занятіями. Положеніе страны, свойства мѣстности и характеръ народный указали имъ на торговое мореплаваніе, какъ на самое выгодное занятіе. Не даромъ древнія Аѳины игемонію свою основывали на флотѣ: безъ сомнѣнія не одно господство политическое, но и торговое имѣли они въ виду. Позже Родійцы развили такія удовлетворительныя по тому времени начала морскаго права, что сами Римскіе самодержцы, распорядители вселенной, признавали авторитетъ этихъ началъ. Исторія сношеній Византіи со всѣми морскими державами среднихъ вѣковъ, особенно съ Венеціей, доказываетъ, что и въ то время морская торговля Грековъ была обширна. Дѣятельность Грековъ по торговому мореплаванію не могла быть парализирована ни четырехвѣковымъ деспотизмомъ Турціи, ни уничтоженіемъ почти всѣхъ судовъ ихъ въ отечественную войну, ни блокадою Пирея и отведеніемъ 300 судовъ въ Мальту, въ 1850 году, ни всемірнымъ кризисомъ 1855—1857 годовъ. До возстанія считалось всего 449 судовъ въ 52,000 тоннъ ([2]), во время возстанія они всѣ почти обращены были въ военныя суда и брандеры, и какъ мы уже сказали, всѣ почти погибли ([3]). Въ 1845 году было уже 3584 торговыхъ судовъ въ 161,000 тоннъ, а на нихъ 15,000 матросовъ; въ 1855 году число судовъ простиралось уже до 4,400, число тоннъ до 295,000, а матросовъ было до 30,000. Значитъ число матросовъ въ одно десятилѣтіе удвоилось, и число тоннъ также почти удвоилось. И это произошло самодѣятельностью кущцовъ и моряковъ: правительство же вовсе не оказывало такого поощренія, которое могло бы привести къ успѣхамъ быстрымъ и плодотворнымъ ([4]).

---

(1) Отч. Мин. Фин. за 1856—57 г.

(2) Эту цифру находимъ въ отч, Мин. Фин. 1856—1857 г.

(3) Отч. Рангави 1856 г. и отч Мин. Фин. 1856—1857 г.

(4) Отчетъ мин. фин. (другой) о матеріальныхъ успѣхахъ Греціи, представленный въ исходѣ 1858 г., помѣщенный въ отрывкахъ въ Le Nord № 313. (1858 г.).

Параллельно съ фактомъ умноженія числа моряковъ и судовъ, приведемъ другой фактъ, подтверждающій преуспѣяніе торговли. Въ 1834 году таможенная пошлина достигала до 2,019,000 драхмъ; а въ 1856 году до 4,150,000. Должно при томъ замѣтить, что многія произведенія платятъ теперь въ таможню не 6%, какъ въ 1834 году, а всего 2%, и что отъ этого таможенная пошлина убавилась больше, чѣмъ на 1 милліонъ драхмъ ([1]).

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ неблагонамѣренность нѣкоторыхъ Греческихъ шкиперовъ, представлявшихъ ложныя свидѣтельства о небывалыхъ кораблекрушеніяхъ, начала было подрывать кредитъ и ко всему классу Греческихъ шкиперовъ; но правительство приняло мѣры для огражденія чести націи: изданы были дополнительныя постановленія о кораблекрушеніи, о морскихъ займахъ и т. п; судамъ и консуламъ вмѣнено было въ обязанность строго наблюдать за исполненіемъ морскихъ постановленій—и зло прекратилось, а кредитъ Греческихъ шкиперовъ былъ возстановленъ ([2]). Сверхъ того на самую образованность этого класса обращено больше вниманія. Сира—средоточіе торговой дѣятельности Греціи: по этому Сирской гимназіи дано особое устройство, особое спеціальное коммерческое направленіе ([3]). Принята еще мѣра: шкипера подвергаются экзамену въ присутствіи особой коммиссіи экспертовъ.

Въ 1855—1857 году торговля Греціи подверглась всемірному кризису, и тѣмъ большее почувствовала она стѣсненіе, что обращается постоянно на товары иноземные. Этимъ стѣсненіемъ и объясняется, отъ чего число судовъ, доходившее въ 1855 году, какъ мы видѣли, до 4,400 (295,000 тоннъ), уменьшилось до 4,340 (277,000 тоннъ) ([4]). Несмотря однако на множество убытковъ, кредитъ Греческихъ купцовъ мало потерпѣлъ. Въ эти самые годы 1855—1857 основаны новые Греческіе торговые домы въ портахъ Американскихъ, учреждены новыя торговыя компаніи. Болѣе другихъ потерпѣли нѣкоторые коммерческіе домы третьяго разряда ([5]).

---

(1) Отч. мин. фин. 1856–1857 г.

(2) Отчетъ Рангави за 1855—1856 г. (см. выше).—Торговое письмо изъ Браилова, помѣщенное въ Эонѣ № 1625 (1858 г.) —Изустные разсказы шкиперовъ и купцовъ.

(3) Отчетъ Рангави за 1855—1856 г. (см. выше).

(4) Le Nord № 299 (1858 г.).

(5) Торговое письмо Грека изъ Галацца, въ Эонѣ 1858 г. № 1631.

Въ Англіи изъ 105 Греческихъ конторъ обанкрутилось 12 (1). Нынче торговля вошла въ нормальную свою колею. Опытность Греческаго шкипера, проворство и ловкость Греческихъ матросовъ, сравнительная дешевизна фрахта на Греческихъ судахъ, извѣстны всѣмъ торгующимъ на Средиземномъ и Черномъ моряхъ (2). Въ 1858 году изъ числа 868 судовъ всѣхъ націй, прибывшихъ, въ Таганрогъ, Греческихъ было 242; въ Браиловѣ изъ числа 958 судовъ всѣхъ націй—Греческихъ было 466 (3).

Къ недавнему времени относится учрежденіе пароходнаго общества на акціяхъ. Для увеличенія его капиталовъ правительство обезпечило 5% дивиденда (4); это общество имѣетъ 5 хорошихъ пароходовъ. По его порученію выстроенъ въ Сирѣ инженеромъ Пагидою докъ не для одной собственной надобности общества, но и для всѣхъ вообще судовъ (5). Это общество находится въ сношеніяхъ съ пароходными обществами Австрійскимъ, Французскимъ, съ обществомъ живущихъ въ Англіи Греческихъ негоціантовъ, съ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли (6). Нѣтъ сомнѣнія, что пароходство, котораго по бѣдности такъ долго не могли устроить у себя Греки, еще сильнѣе подвинетъ ихъ торговлю. Вотъ ужъ съ годъ, какъ приведено къ концу еще одно сооруженіе. Суда объѣзжавшія Эввію (Негропонтъ), нерѣдко подвергались крушеніямъ; между тѣмъ проливъ, который тянется между этимъ островомъ и материкомъ, знаменитый Эврипъ, очень мелокъ: нужно было углубить проливъ и устроить разводный мостъ. Работа, продолжавшаяся около 3-хъ лѣтъ, стóявшая около 464,000 драхмъ (съ небольшимъ 100,000 р. сер.), исполнена инженеромъ Скалистири (7). Во всѣхъ этихъ успѣхахъ по торговому мореплаванію нельзя не видѣть залога благоденствія въ будущемъ, особенно когда совершится нетерпѣливо ожидаемое прорытіе Суэзскаго перешейка.

---

(1) Торговое письмо Грека изъ Ливерпуля, въ Эонѣ 1858 г. № 1637.

(2) Письмо Греческаго купца изъ Браилова, въ Эонѣ 1858 г. N 1625.

(3) Espérance 1858 г. N 92. Это Французское изданіе Греческаго журнала «Эльпида».

(4) Эонъ 1858 г. N 1599, 1615. Le Nord 1858 г. N 256.

(5) Эонъ 1858 г. N 1592. Докъ оконченъ къ 10 Января 1858 г.

(6) Эонъ 1858 г. N 1636. Пароходы Русскаго общества будутъ ходить изъ Одессы разъ въ недѣлю въ Сиру, а на слѣдующую недѣлю въ Пирей. Иліосъ 1858 г. N 189.

(7) Эонъ 1858 г. N. 1591.—Le Nord 1858 г. N 278.

Умноженіе государственнаго дохода въ Греціи составляетъ предметъ еще болѣе жизненной необходимости, чѣмъ гдѣ-либо, потому что отъ этого умноженія становится возможною постепенная уплата сдѣланнаго Баварскимъ регенствомъ займа, до погашенія котораго Греція остается въ зависимости отъ державъ, бывшихъ поручительницами при этомъ займѣ. Если бы не существовало этого займа, который ни въ свое время, ни въ послѣдствіи пользы краю не принесъ, то Великобританія имѣла бы меньше поводовъ, въ качествѣ заимодавицы, блокировать Пирей и чуть не засадить въ тюрьму Греческій торговый флотъ (1850 г.). По этому нельзя не радоваться, видя, что въ Греціи, неимѣющей плодоноснѣйшихъ областей Эпира и Θессаліи, и обреченной скудными средствами содержать государственное устройство, несмотря на отсутствіе правильнаго сельскаго хозяйства, на ничтожность фабричнаго производства, на неудобность поземельнаго налога,—государственный доходъ по немногу растетъ. Съ 1828 по 1831 годъ (при Каподистріи) онъ доходилъ до 5,000,000 финиковъ или фениксовъ въ годъ. (Фениксъ или финикъ почти равенъ драхмѣ, т. е. между двугривеннымъ и четвертакомъ). Въ 1852 году до 14,000.000 драхмъ, а въ 1856 году уже до 18,000,000. Такая разница въ теченіе 4-хъ лѣтъ произошла безъ всякой надбавки налоговъ, даже при уменьшеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ (1). По смѣтѣ на 1859 годъ доходу предполагается 19,764,000 драхмъ, а расходу 19,464,000. И такъ первый превышаетъ второй только 300,000 драхмъ (2). Но избытокъ дохода надъ расходомъ доходилъ бы до 1,700,000 драхмъ, если бы не было уплаты долга державамъ благотворительницамъ.

Оканчиваемъ здѣсь извѣстія и замѣтки о матеріальныхъ улучшеніяхъ въ Греціи. Греческій артиллеристъ Короней, издавшій въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ *Взглядъ на будущность Греціи*, указываетъ на улучшенія, какія необходимо ввести въ Греціи, какъ-то: устройство дорогъ, углубленіе портовъ, прорѣзаніе Коринѳскаго перешейка и т. п., и дѣлаетъ по всему этому приблизительную смѣту. По этой смѣтѣ достаточно было бы капитала во 100 милліоновъ драхмъ; такого капитала, говоритъ онъ,

---

(1) Отч. мин. фин. за 1856—1857 г. Въ другомъ отчетѣ того же министра о матеріальныхъ успѣхахъ за 1857—1858 г. сказано, что доходу было до 20 милл. др. Le Nord 1858 г. N 313.

(2) Le Nord 1858 г. N 94.

не могутъ образовать одни Греки королевства, но могли бы образовать прочіе Греки-богачи, живущіе въ Европѣ, если бы напримѣръ во главѣ всего предпріятія сталъ Сина, бывшій Вѣнскій банкиръ, а нынѣ Греческій посланникъ въ Вѣнѣ.

Переходя къ вопросамъ государственнаго устройства, мы находимъ въ числѣ ихъ на первомъ планѣ вопросъ о преемникѣ Греческаго престола. Король Оттонъ бездѣтенъ; сороковая статья конституціонной хартіи (1844 г.) требуетъ отъ преемника Греческаго престола, чтобъ онъ исповѣдывалъ православную вѣру; а члены Баварскаго королевскаго дома, съ 1852 г. утвержденные въ правѣ наслѣдія, на случай если у Оттона не будетъ дѣтей—католики. 1858 годъ засталъ и оставилъ этотъ вопросъ въ томъ же видѣ.

Съ самаго 1844 года, когда Греки королевства получили хартію и съ тѣмъ вмѣстѣ палату вулевтовъ или депутатовъ, начались жалобы публики на вмѣшательство министерства въ выборы депутатовъ. Эти жалобы продолжаются и до сихъ поръ, хотя настоящее министерство состоитъ все изъ людей новаго поколѣнія. Трудно сказать въ какой мѣрѣ справедливы эти жалобы, но дѣло въ томъ, что въ этомъ пунктѣ согласны между собою и Греческія газеты и путешественники, и даже нѣкоторые изъ депутатовъ ([1]). Надобно вспомнить однакожъ, что и въ государствахъ, болѣе зрѣлыхъ въ дѣлѣ представительства, исполнительная власть не можетъ окончательно воздержаться отъ вмѣшательства въ выборы. Безпристрастье и въ этомъ отношеніи рѣдко у всѣхъ народовъ. Это вліяніе на выборы приноситъ между прочимъ вредныя послѣдствія. Напр., немногіе вопросы тщательно и со всѣхъ сторонъ разсматриваются палатою депутатовъ. Не то, чтобы члены палаты всегда согласны были съ представляемымъ на ихъ обсужденіе проэктомъ закона: есть другое обстоятельство, которое ставитъ большинство ихъ въ зависимостъ отъ министерства. Житель провинціи, избранный представителемъ такого-то дима (общины), не всегда, по точному смыслу хартіи, знаетъ, что если онъ не будетъ въ оппозиціи съ министерствомъ, то онъ можетъ надѣяться и при будущихъ избраніяхъ имѣть поддержку въ министерствѣ. А званіе депутата, кромѣ разныхъ

---

(1) Эонь, NN. 1599, 1581, 1614, 1615, (1858 г.) Иліосъ NN 185, 186 (1858 г.). Le Nord 1858 г. N 227. — Депутатъ Лисандръ Вилаэти въ рѣчи.....

правъ, соединено съ жалованьемъ, что́ въ странѣ, гдѣ почти нѣтъ людей съ независимымъ положеніемъ, получаетъ особенное значеніе. Вотъ, что заставляетъ многихъ соглашаться на мѣры, которыя не всегда согласны съ ихъ мнѣніемъ; вотъ отъ чего лучшія головы, самые энергическіе характеры въ палатѣ составляютъ такъ часто меньшинство. Впрочемъ должно замѣтить, что въ вопросахъ жизненныхъ, патріотическихъ, умолкаютъ личные разсчеты, искренность и правда являются на Божій свѣтъ. Такъ, всѣхъ за́живо затронулъ недавно проэктъ постановленія о пенсіяхъ вдовамъ и сиротамъ тѣхъ лицъ, которыя пали или пострадали въ войну за независимость. Старое поколѣніе въ Греціи было запущено. Нельзя сказать, чтобъ никто изъ агонистовъ, какъ называютъ въ Греціи подвижниковъ отечественной войны, не получилъ почета или виднаго мѣста, или обезпеченнаго состоянія; но этого было недостаточно: постоянно чувствовалась нужда въ такомъ постановленіи, въ силу котораго агонисты нашли бы себѣ обезпеченіе, хоть приблизительно соразмѣрное ихъ заслугамъ и утратамъ. Между тѣмъ какъ на всѣхъ народныхъ собраніяхъ выражаемо было желаніе обезпечить этихъ подвижниковъ, странно и непонятно, какъ до нынѣшняго года этотъ гласъ народа оставался вопіющимъ въ пустынѣ. Читателю покажется невѣроятнымъ, какимъ образомъ бо́льшая часть этихъ храбрыхъ вождей, которые одни могли заинтересовать равнодушнаго ко всему на свѣтѣ Байрона, этихъ современниковъ отцовъ нашихъ, до сихъ поръ могла быть оставлена безъ пенсіи, безъ арендъ, безъ земель, на произволъ судьбы. Наконецъ-то, въ 1858 году, представленъ министерствомъ въ палату депутатовъ проэктъ закона о вознагражденіи вдовъ и сиротъ агонистовъ пенсіями и землями. Пенсіи вдовамъ и сиротамъ отъ 80 до 200 драхмъ въ мѣсяцъ на семью, а земли обработанной отъ 200 до 500 стреммъ на каждую дѣвицу. Тутъ странно звучатъ давно вошедшія въ исторію имена Цавеллы, Никиты, Мьяули, Георгія Олимпійскаго (1). «Если бы, говоритъ Эонъ, (2) въ свое время исполняемы были постановленія народныхъ собраній, то мы нынѣ не впали бы въ такое неловкое положеніе, что послѣ двадцатипятилѣтняго регулярнаго правительства назначаемъ пенсію въ 80 драхмъ (съ небольшимъ 18 руб. сер. въ мѣ-

(1) Эонъ 1858 г. NN 1616, 1618, 1619. 1620, 1621.
(2) Эонъ 1858 г. N 1619.

сяцъ) вдовамъ и сиротамъ тѣхъ мужей, которыхъ подвигамъ, вліянію, патріотизму и денежнымъ пожертвованіямъ обязаны мы свободой, и оставляемъ столько семействъ подобныхъ имъ мужей въ нуждѣ и нищенствѣ ». Одинъ изъ депутатовъ, Лисандръ Вилаэти, разбирая проэктъ закона, представленный по сему предмету, находитъ крайне несправедливымъ, что министерство оставляетъ безъ всякаго возмездія родственниковъ тѣхъ священниковъ и іерарховъ, которые подвизались въ отечественную войну. « Уже ли вы забываете, говоритъ Лисандръ, нашихъ іерарховъ, которые, пламенѣя постоянною любовью къ вѣрѣ и отечеству, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ саблею въ другой, бѣжали на битву *впереди самого Колокотрони*, и несли съ собою погибель? Не хотите ли, чтобъ мы всѣ ихъ забыли? Подумаемъ о томъ, что поступая такимъ образомъ, мы оскорбляемъ самихъ себя, мы уничтожаемъ то понятіе, какое Европа себѣ составила о величіи нашего агона (войны народной). Тогда Грецiя не имѣла ни достаточнаго населенія, ни столько силъ, ни столько просвѣщенія, чтобъ противостоять колоссу Отоманскаго господства, потревожившаго всю Европу.—Вся сила Греціи была въ ея упованіи на Бога и на взаимную любовь дѣтей ея. Слѣдовательно, уничижая великихъ мужей, поборовшихъ надменность Турокъ, вы уничижаете доблесть, и уничтожаете самые плоды ихъ подвиговъ ». Далѣе, переходя опять къ духовнымъ, Лисандръ говоритъ: « Такъ какъ они не имѣли ни вдовъ, ни дѣтей, наградите ихъ сродниковъ. Такимъ поступкомъ вы и значеніе народнаго подвига сохраните, и отъ лукаваго историка отнимете поводъ извратить нашу исторію; а въ то же время вы поддержите пламя въ сердцахъ дѣтей вашихъ, и дадите имъ возможность явиться достойными своихъ отцовъ » ([1]).

Коммиссія изъ депутатовъ, которой палата поручила разсмотрѣть упомянутый министерскій проэктъ, въ докладѣ своемъ также выражаетъ увѣренность, что этотъ проэктъ есть только начало чего-то цѣлаго, и что министерство, дѣлая первый шагъ, безъ сомнѣнія, поставитъ народъ въ такое положеніе, чтобъ ему не краснѣть за свою неблагодарность. Далѣе коммиссія выражаетъ сожалѣніе, что этотъ проэктъ вносится въ палату по минованіи цѣлаго поколѣнія людей, когда отъ нѣкоторыхъ подвижниковъ не осталось ни женъ, ни дѣ-

---

1) Рѣчь эта въ цѣлости помѣщена въ N. 1621 Эона, 1858 г.

тей. Наконецъ коммиссія наводитъ на мысль, что министерству нужно позаботиться составленіемъ проэкта о сооруженіи памятника во славу героевъ духовнаго сана (1). Эти пренія происходили въ Апрѣлѣ. Въ Іюнѣ (26-го) состоялся королевскій декретъ, по которому назначена коммиссія изъ заслуженныхъ генераловъ, для возпагражденія (на основаніи 3-го пункта дефизмы народнаго собранія 3-го Сентября 1843 года) наслѣдниковъ тѣхъ военныхъ, которые убиты или скончались до прибытія короля. Этихъ покойниковъ еще въ 1833 году записано было 143 человѣка. Девять заслуженныхъ генераловъ составляютъ коммиссію. Эти новаго рода агонооеты (судьи подвиговъ) большею частью—дѣти славныхъ агонистовъ; слышатся имена: Колокотрони, Цавелла, Хаджи Петро и т. п. (2).

Въ Ноябрѣ назначена другая коммиссія, состоящаяи зъ высшихъ лицъ флота, для разсмотрѣнія списка лицъ, служившихъ по морской части во время войны за независимость (3).

А пока наряжаются эти коммиссіи, составляются эти проэкты, «орлы из стаи той высокой» орловъ Олимпа и Таигета умираютъ одинъ за другимъ. Въ прошломъ году изъ нихъ умерли Димитрій Мелетòпуло и Панаéтъ Заѝми. Мы привели подробности о постановленіи, относящемся къ обезпеченію вдовъ и сиротъ агонистовъ не потому, чтобъ это было самое важное изъ семидесяти постановленіій, рѣшенныхъ во вторую сессію пятаго періода (4), а для того чтобъ показать, что есть вопросы, которые сильно шевелятъ Греческія сердца депутатовъ, и что тогда личные ихъ виды умолкаютъ.

30 Апрѣля палата депутатовъ закрыла свои засѣданія. По обыкновенію протоколы засѣданій всего послѣдняго періода отпечатаны и разосланы во всѣ конституціонныя державы (5). 30 Октября палата опять созвана королемъ, а 10 Ноября открылась, но къ общему удивленію, безъ тронной рѣчи. Говорятъ, это сдѣлано въ видахъ сбереженія дорогаго времени, такъ какъ при составленіи

---

(1) Весь докладъ коммиссіи помѣщенъ въ № 1621 Эона 1858 года.
(2) Эонъ № 1642 (1858 г.).
(3) Espérance № 114, 1858 г.
(4) Эонъ № 1622, 1858 г.
(5) См. рѣчь президента палаты депутатовъ Будури, Эонъ № 1623, 1858 г.

отвѣта на тронную рѣчь бываетъ много ненужныхъ преній и траты времени.

Судебная часть въ Греціи на добромъ пути. Всѣ три народныя собранія, которыя созваны были въ періодъ отечественной войны, издавали постановленія объ учрежденіи судовъ: но бѣдствія войны не дали возможности временному, наскоро образовавшемуся правительству, исполнить эти постановленія. Вмѣсто судовъ были однѣ временныя судебныя коммиссіи. Настоящіе суды появились въ Греціи вмѣстѣ съ прибытіемъ президента Іоанна Каподистріи, который по возможности помѣщалъ въ нихъ людей, изучившихъ права въ Европейскихъ университетахъ. Теперь Аѳинскій университетъ образовалъ уже молодое поколѣніе юристовъ, которые часто обращаются въ адвокатовъ и судей. Недостаточнымъ числомъ образованныхъ юристовъ, неполною ихъ зрѣлостью, объясняетъ Рангави, въ извѣстномъ отчетѣ своемъ, уклоненіе правительства отъ исполненія тѣхъ статей хартіи, по которымъ судьи безсмѣнны. «Когда образованныхъ и созрѣвшихъ въ опытахъ судей будетъ больше, говоритъ министръ, тогда правительство приложитъ этотъ коренной законъ ([1]). Дѣятельность, знаніе дѣла и добросовѣстность характеризуютъ классъ судей, чему конечно много содѣйствуетъ гласность суда и право напечатать какое-либо дѣло гражданское или уголовное. Такъ было отпечатано отдѣльной книгой уголовное дѣло надъ извѣстнымъ Ѳедоромъ Колокотрони и надъ Плапутою: изъ чтенія этого дѣла видна невинность этихъ лицъ, неправильность дѣлопроизводства, подъ вліяніемъ Баварскаго регенства, твердость двухъ изъ судившихъ, которые не поддались никакимъ угрозамъ, и пользуются довѣріемъ и вниманіемъ общественнымъ до сихъ поръ. Отпечатано было также дѣло Спиро Мильо, бывшаго военнаго министра, отданнаго подъ судъ, но оправданнаго. Такимъ образомъ и самые судьи больше или меньше подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. По закону никакая власть административная не можетъ стѣснять дѣятельности судовъ.

Обратимся къ народному образованію. Греческія газеты наполнены извѣстіями о безпорядкахъ, которые возникаютъ отъ безнаказанности разбоевъ, производимыхъ въ Турціи, близъ Греческой границы. По Канлижайскому трактату, 8 (20) Апрѣля 1856 г., объ держа-

---

([1]) Отчетъ Рангави за 1855—1856 г. въ Le Nord 1856 г. № 329.

вы обязались подавать взаимную помощь въ преслѣдованіи грабежа (1). Греція держитъ вдоль всей границы отличные отряды такъ называемыхъ орофилаковъ или пограничной стражи. Появленіе малѣйшей шайки и погоня за нею обыкновенно описываются Греческими журналами со всею подробностью. Журналы наперерывъ щеголяютъ поспѣшностью, съ какою сообщаютъ публикѣ о поимкѣ какого-нибудь Калабалики. И мѣстное населеніе принимаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ общественной безопасности. Даже влахи или бродячіе пастухи, искони привыкшіе смотрѣть не слишкомъ цивилизованными глазами на разбой, влахи, которые не могутъ хорошенько распознать, отъ чего прежде званіе разбойника было почетное, а нынче обратилось въ позорное, даже они начинаютъ отставать отъ старинной привычки—укрывательства разбойниковъ. Не такъ смотритъ на это дѣло Турція: она и не подумала объ исполненіи помянутаго трактата, не выслала порядочнаго войска; разбойники, убѣгая отъ Греческихъ орофилаковъ, направляются къ Турецкой территоріи, словно къ мѣсту спасенія, въ полной увѣренности, что *тамъ можно*..... Когда же случится, что Эпирскій или Ѳессалійскій паша вышлетъ свою стражу, то эта стража не лучше разбойниковъ, Не говоримъ ужъ о томъ, какъ она поступаетъ съ своими подданными; случается, что когда съ Греческой кордонной линіи придетъ отъ своего начальства солдатъ для предупрежденія начальства Турецкаго о какой нибудь шайкѣ, которую слѣдуетъ на рыть съ двухъ сторонъ, то это послѣднее, скрутивъ ему руки, держитъ его подъ арестомъ. Завязываются переговоры объ отпускѣ солдата, а разбойники тѣмъ временемъ уйдутъ. Въ прошломъ году Порта начала было строить по границѣ въ пяти мѣстахъ казармы. Греческіе журналы увѣряютъ, что они строятся крестомъ, съ отверстіями въ видѣ амбразуръ, со рвами кругомъ, съ подъемными мостами, словно крѣпостцы. Это имъ не совсѣмъ нравится. Турки объясняютъ, что казармы необходимы для помѣщенія пограничной стражи (2). Говорятъ еще, что Порта отправила къ границѣ отрядъ регулярныхъ солдатъ изъ Венгерскихъ и Польскихъ выходцевъ; однакожъ они стоятъ на бивакахъ въ этихъ гористыхъ странахъ (3), а вовсе не живутъ въ казармахъ.

---

(1) Эонъ № 1600, 1615 (1858 г.).
(2) Эонъ № 1600, 13 Февраля 1858 г.
(3) Espérance № 107. (23 Сентября 1858 г.)

7 (19) Апрѣля 1858 года, въ 5-й день Рамазана, Порта адресовала всѣмъ посольствамъ ноту, въ которой объясняла, что нѣкоторые изъ Турецкихъ подданныхъ, выѣхавъ изъ Турціи въ иностранныя державы, возвращаются оттуда подданными этихъ державъ, и что Порта считаетъ это нарушеніемъ своихъ государственныхъ правъ (1). Одна изъ державъ, которой эта нота всего ближе касается, конечно, Грецiя. Намъ неизвѣстно, какой былъ отвѣтъ ея по этому предмету. Нельзя не видѣтъ въ этомъ обстоятельствѣ нравственно-политическаго значенія Греціи, залога будущаго ея могущества и одного изъ безчисленныхъ признаковъ безсилія Порты.

Довольно частыя торговыя сношенія Грековъ съ Персами, и ожидаемое въ будущемъ дальнѣйшее ихъ разширеніе, недавно послужили поводомъ къ трактату, по которому торгующіе въ Персіи Греки признаны состоящими подъ покровительствомъ этой державы (2). Не правда ли странно звучатъ слова: трактатъ Греціи съ Персіей? Но это не Анталкидовъ миръ, а скорѣй условія Юстиніана съ Хозроемъ.

Теперь объ образованіи. Довольно самое короткое время пробыть между Греками, чтобъ быть пріятно пораженнымъ ихъ страстью къ образованію. Всѣ путешественники, начиная отъ самыхъ обыкновенныхъ туристовъ до ученыхъ и мужей государственныхъ, при посѣщеніи Греціи, были обхвачены этимъ впечатлѣніемъ. Страсть Греческаго народа къ образованію завидѣли изъ-за океана Американскіе миссіонеры, и явились съ своими облегчающими, наглядными методами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ произвольнымъ перетолкованіемъ догматовъ, каноновъ и преданій Греческой церкви. Эту страсть Греческихъ юношей немудрено было понять и дальновиднымъ сѣятелямъ Латинской пропаганды: и они явились, осторожно поддерживаемые властями невидимыми, но не менѣе того далеко не безплотными Нѣкоторые Европейскіе университеты, академіи, ученые, дарятъ Греціи дорогія коллекціи, цѣлыя библіотеки (3): такія пожертвованія

---

(1) Эонъ № 1619 (1858 г.)

(2) Эонъ № 1636 (1858 г. 23 Іюня).

(3) Такъ напримѣръ послѣднимъ лѣтомъ Нѣмецкій профессоръ, Ротъ, изслѣдовавшій естественныя произведенія Палестины, заболѣвъ на мѣстѣ, передъ смертію завѣщалъ свою библіотеку Аѳинскому университету (см. письмо бывшаго при немъ Грека, въ Эонѣ № 1643, 1858 г. и извѣстіе Espérance № 102 (1858 г.).

объясняются ихъ увѣренностью, что въ Греціи есть кому воспользоваться этими умственными сокровищами. Старое поколѣніе Грековъ, то поколѣніе, которое, какъ мы видѣли, разметало свое имущество и пролило свою кровь за независимость отечества, то поколѣніе, которое, по видимому, сдружилось съ саблей и ружьемъ, твердитъ всякій день дѣтямъ и юношамъ: «*Учитесь, учитесь: вотъ мы умьли пострадать за родину, а устроить ее не умѣемъ: любите родину, какъ мы ее любимъ, но будьте умнѣе и образованнѣе насъ*». И матери охотно обрекаютъ себя на разлуку съ дѣтьми, «*лишь бы они поучились, лишь бы стали людьми*». Печатаются отчеты о состояніи училищъ, отчеты о получившихъ награды на соисканіяхъ, съ разборомъ каждаго произведенія юношеской фантазіи. Богатые Греки, живущіе въ главныхъ пунктахъ всемірной торговли, присылаютъ деньги въ значительномъ количествѣ на устройство училищъ, библіотекъ, музея и т. д. Наконецъ по статистическимъ даннымъ дознано, что относительное число учащихся въ Греческомъ Королевствѣ превышаетъ число учащихся во Франціи (1). Всѣ приведенныя здѣсь данныя, вмѣстѣ взятыя, служатъ къ подтвержденію того общаго факта, что Греческая молодежь исполнена страсти къ ученію. Изъ числа пожертвованій, дѣлаемыхъ Греками въ пользу своего молодаго поколѣнія, приведемъ одни только факты 1858 года, какіе намъ извѣстны. Посмотрите, какъ ихъ много: Вѣнскій банкиръ, а теперь Греческій посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, Сина, предложилъ министерству народнаго просвѣщенія избрать двухъ молодыхъ людей, для отправленія ихъ въ Европу,

---

(1) Читателя, желающаго убѣдиться въ существованіи того факта, что въ Греціи стремленіе къ образованію замѣчательное, поразительное, отсылаемъ къ слѣдующимъ статьямъ: 1) *Аѳинскій Университетъ и публичное образованіе въ Греціи* (Жур. М. Н. Пр. LIX). 2) *Аѳинскій Университетъ* въ 1854—1855 г. (Ж. М. Н. П. 1856 г. № II). 3) *Отчетъ о состояніи народнаго просвѣщенія въ Греціи за 1855—1856 г.* (это отчетъ Греч. министра народнаго просвѣщенія, Христопуло, въ Рус. переводѣ, тамъ же 1857 г. № VI). 4) *Отчетъ Греческаго министра нар. просв. о ходѣ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ 1829 по 1855 г.* (Тамъ же 1856 г. № XI). 5) *Учебныя заведенія въ Аѳинахъ. А. П. Милюкова* (въ Журналѣ для Воспит. 1858 г. № 3). 6) *Очерки возрождающейся Греціи* (Библ. для Чтен. 1858 г. № 5). 7) *Художественныя вѣсти изъ Греціи* (въ журналѣ «Свѣтопись» 1858 г. Іюнь). 8) *Общее обозрѣніе къ иностраннымъ извѣстіямъ* (С.Пб. Вѣд. 1858 г. № 6).

гдѣ бы они основательно изучили астрономію ([1]). Извѣстно, что Аѳинская обсерваторія существованіемъ своимъ обязана отцу этого жертвователя. Нѣкто Кладо обязался на 10 лѣтъ вносить ежегодно въ сиротское училище королевы Амаліи по 500 драхмъ въ годъ съ тѣмъ, чтобъ эта сумма употреблена была на дальнѣйшее воспитаніе лучшей, не по наружности разумѣется, дѣвицы. Выборъ дѣвицы предоставилъ онъ на благоусмотрѣніе самой королевы. ([2]) Греческій домъ Франгіади въ Ливерпулѣ принесъ въ даръ Пирейской общинѣ 12.000 драхмъ для устройства общинной школы. Итакъ городокъ въ 7,000 жителей будетъ вскорѣ имѣть 2 общинныя школы. ([3]) Покойный Харитовъ, бывшій Греческій консулъ въ С.-Петербургѣ, прислалъ въ даръ Аѳинскому университету полное собраніе Сибирскихъ рудъ, цѣною въ 80,000 франковъ ([4]). Умершій недавно Платигени завѣщалъ университету все свое состояніе, до 230.000 франковъ ([5]). Учитель въ Тріестѣ, Іоаннъ Андреады (родомъ изъ Хіоса), умирая, завѣщалъ 10,000 драхмъ въ пользу Аѳинскаго университета, 400 флориновъ въ Греческую общину Тріестскую, 1000 флориновъ въ человѣколюбивыя заведенія Тріестскія; но и мѣсто рожденія не забыто: библіотека отдана на островъ Хіосъ. Тули оставилъ 30,000 драхмъ университету, 30,000 драхмъ на эллинское училище въ Александріи, гдѣ онъ жилъ, и 10,000 на тамошнюю больницу. Единственная отрасль историческаго семейства Ипсиланти, Григорій Ипсиланти прислалъ въ Аѳинскую политехническую школу 33 статуи: это слѣпки съ лучшихъ произведеній античнаго искусства, находящихся въ музеяхъ Рима, Флоренціи, Неаполя, Парижа, Мадрита и Берлина. ([6]) Профессоръ исторіи, Мануси, назначилъ наслѣдникомъ своимъ университетъ, но сверхъ того оставилъ деньги и на благотворительныя заведенія; а на родину (въ Сіатистѣ въ Македоніи) деньги и библіотеку. Сверхъ того, давъ возможность одному даровитому молодому человѣку окончить курсъ ученія въ Гер-

---

(1) Эонъ № 1613 (1858 г.) и Nord № 114 (1858 г,).

(2) Эонъ № 1616 (1858 г.).

(3) Espérance № 86. (1858 г.).

(4) Le Nord 1858 г. № 177.

(5) Тамъ же.

(6) Эонъ 1613 (1858 г.), Nord 24 Апр. 1858., Espérance № 85, 1858 г.

маніи, онъ оставилъ ему часть своего состоянія (1). Архіерей Ѳивскій оставилъ изъ имущества своего 500 драхмъ на университетъ (2). Николопуло, умершій въ Парижѣ, оставилъ значительную библіотеку, для которой устроивается общими силами особое зданіе въ Андриценѣ (3) Подобные дары приносятъ Греки всякой годъ своему юношеству. Въ пожертвованіяхъ приносимыхъ на пользу образованія и заключается особенная характеристика Греческой благотворительности; эти пожертвованія большею частью бываютъ двоякія: въ пользу центральнаго образованія въ Аѳинахъ, и въ пользу мѣстнаго, на родинѣ жертвователя. Такъ повелось съ основанія Греціи и повелось очень мудро.

Нравственное направленіе преподаванія во всѣхъ училищахъ состоитъ главнымъ образомъ въ насажденіи въ молодыхъ умахъ и сердцахъ началъ патріотическихъ. Это направленіе подкрѣпляетъ и безъ того живую любознательность молодыхъ Грековъ. Жаль что слишкомъ ужъ много возліяній совершается самолюбію, этому исконному божку, пережившему и Крона и Зевса. Развитію самолюбія въ дѣтяхъ содѣйствуетъ не одна школа; но и родители, и знакомые, и журналы, словомъ, все окружающее. Покойный начальникъ гимназіи, Геннадій понималъ, что дѣло-то заходитъ иногда далеко, и хотя въ формахъ далеко менѣе совершенныхъ, чѣмъ тѣ, съ какими являлся Сократъ, умѣлъ однако обуздывать чрезмѣрное самолюбіе, а съ нимъ и суетность гимназистовъ. Посреди гимназическаго урока, когда одинъ изъ учениковъ отвѣчалъ плохо, Геннадій крикнулъ: «Вотъ ты какъ врешь; а вывѣсилъ свой фесъ на бекрень, да еще и съ золотою кистью: этимъ что ли ты лучше поймешь Ѳукидида? Отцы ваши такихъ дорогихъ фесовъ не носили, а вотъ оставили вамъ родину. А вы думаете, что у васъ есть родина, такъ и будетъ съ васъ: вздоръ! эту родину вы должны просвѣтить, а какъ просвѣтите ее, когда не станете учиться, собаки! Или вы думаете, что можете роскошничать? Нѣтъ; еще придется вамъ биться въ ущельяхъ, ночей недосыпать: тогда ужъ мы не пойдемъ, намъ ужъ не подъ силу идти: а пойдете вы, и горе тому, кто сталъ нѣ-

---

(1) Espérance № 115, 1858.—Иліосъ № 189. 1858. г.
(2) Иліосъ—187, 1858 г.
(3) Иліосъ—191, 1858 г.

женкой ». Такъ было лѣтъ 12 тому назадъ, когда я самъ слышалъ выходку Геннадія, стоя въ качествѣ наблюдателя, въ густой толпѣ гимназистовъ ([1]). Семидесятилѣтнему заслуженному гимназіарху стараго покроя это было къ лицу. Нельзя не пожелать, чтобъ и теперь, въ лучшихъ и болѣе приличныхъ формахъ, лишнее самолюбіе и суета были подбиваемы въ самомъ корнѣ. Пусть молодые Греки знаютъ, какіе славные у нихъ были предки. Въ этомъ отношеніи прекрасно поступаютъ профессоры и учители, когда главнымъ предметомъ рѣчей, произносимыхъ на актахъ, выбираютъ жизнь великихъ мужей древней Греціи. Всякой народъ необходимо знакомить съ его прошедшимъ, тѣмъ болѣе народъ съ такимъ славнымъ прошедшимъ, какъ Греки. Необходимо наполнять этимъ прошедшимъ воспріимчивое сердце дѣтей. Пусть въ нихъ рано загорится томительное желаніе сравниться съ великими предками; но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ имъ постоянно присуще и живое чувство того, какъ еще далеко до предковъ.

При такой страсти дѣтей и юношей къ ученію, при общемъ сочувствіи къ этому дѣлу людей всѣхъ возрастовъ, при ежегодныхъ столь многочисленныхъ пожертвованіяхъ отъ частныхъ лицъ, при патріотическомъ направленіи,—нельзя не радоваться, что училища въ Греціи составляютъ довольно полную систему.

Такъ называемыя аллилодидактическія школы, или школы взаимнаго обученія введены были въ Греціи, впервые, въ 1821 году, Клеовуломъ, уроженцемъ Филиппополя, изучившимъ этотъ методъ въ Европѣ. Духовенство способствовало распространенію аллилодидактическихъ школъ, и онѣ размножались, не смотря на кровавую брань, пылавшую кругомъ. Если мы вспомнимъ, какъ трудно ввести было этотъ методъ во многихъ краяхъ Европы, и какъ легко ему было приняться въ Греціи параллельно съ возстаніемъ,—то должны утвердительно сказать, что онъ въ духѣ Грековъ. При Каподистріи, въ 1830 г. было уже 70 школъ взаимнаго обученія съ 6,700 учениками, а къ 1856 году всѣхъ первоначальныхъ школъ было до 750 и въ нихъ 50,000 учениковъ. Въ число 750 входятъ всѣ перво-

---

(1) Въ Греціи все открыто: заходи куда желаешь, въ школу взаимнаго обученія и въ университетъ, въ мирный судъ, и въ палату депутатовъ, въ политехническую школу и въ ареопагъ.

начальныя школы, а не однѣ школы взаимнаго обученія. Вторую ступень образованія составляютъ Эллинскія школы, которыхъ 93; это уѣздныя училища: они называются Эллинскими потому, что тамъ кладется основаніе изученію древняго Греческаго языка. Мальчики, которыхъ родители желаютъ скорѣе сдѣлать себѣ помощниками, выходя изъ Эллинской школы, довольно ужъ грамотны для земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мелочныхъ лавочниковъ, матросовъ. Многіе изъ Эллинскихъ школъ переходятъ въ гимназіи.

Въ гимназіяхъ, которыхъ 11 съ 1,180 учениками (1), главное основаніе преподаванія составляетъ преподаваніе древняго Греческаго языка и исторіи. Эти гимназіи отчасти устроены по образцу гимназій Германскихъ, Humaniora. Нельзя не пожелать, чтобъ толкованіе древнихъ писателей все больше и больше улучшалось. Если опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что ослабленіе занятій классическихъ вездѣ приноситъ великій вредъ, то тѣмъ бо̀льшій вредъ могло бы принести такое ослабленіе въ Греціи, гдѣ знаніе Греческаго языка и Греческой словесности совпадаетъ съ знаніемъ своего народнаго прошедшаго, съ сознаніемъ своего народнаго духа.

Изъ университетскихъ отчетовъ видно, что бо̀льшее число студентовъ считается въ факультетахъ юридическомъ и медицинскомъ. Это объясняется настоятельною нуждою во врачахъ и юристахъ. Въ 1855—56 гг. медицинскихъ студентовъ было 229, а юридическихъ 219; на слѣдующій же годъ первыхъ 192, вторыхъ 263, то есть въ первый изъ этихъ годовъ десятью студентами юридическими было меньше, чѣмъ медицинскихъ, а въ слѣдующій семидесятью больше. И понятно: кромѣ службы административной, юридическіе студенты вступаютъ въ адвокаты, которые имѣютъ возможность не только бо̀льше и больше развивать свои юридическія понятія, но и ежедневно заниматься приложеніемъ закона къ факту, усиливать въ себѣ способность вникать въ многосложные и трудные вопросы, способность ясно и ловко выражаться. Студентамъ-юристамъ доступно и званіе судьи, которое по закону безсмѣнно. Наконецъ у нихъ больше надежды занимать со временемъ мѣста министерскія и депутатскія, по бо̀льшему знакомству съ вопросами государственными. На факультетѣ

---

(1) Если считать 7 собственно гимназій и 4 училища не называемыя гимназіями, но одинаковаго съ ними разряда.

словесномъ къ 1856 году было 79, а къ 1857-му 71 человѣкъ: фактъ, о которомъ нельзя не пожалѣть. Когда Эллинскія школы и гимназіи, какъ мы видѣли, главнымъ основаніемъ своимъ положили Эллинскій языкъ; когда почва полна археологическихъ остатковъ прошедшаго; когда улучшеніе языка имѣетъ главнымъ источникомъ глубокое знакомство съ древними памятниками литературными; когда Греческимъ филологамъ довольно освоиться съ мѣстными преданіями и обычаями родины для того, чтобъ получить преимущество надъ иноземными, при объясненіи весьма многихъ классическихъ писателей; когда отъ нихъ однихъ можно ждать объясненія затемненной множествомъ тяжелыхъ теорій Эллинской миѳологіи; когда они наконецъ могли бы стать учителями древняго Греческаго языка не только во всемъ Греческомъ племени, но и по всѣмъ народамъ,—при такихъ условіяхъ можно отъ души пожалѣть о замѣченномъ выше оскудѣніи числа студентовъ въ факультетѣ словесномъ.

По факультету богословскому въ 1856 г. было 22 студента, а въ 1857 году 28. Отъ чего жъ ихъ такъ мало? Отъ чего въ Греціи, гдѣ такъ многое идетъ впередъ, гдѣ народъ такъ жаждетъ достойныхъ пастырей, образованіе религіозное имѣетъ мало просвѣщенныхъ представителей? Въ Греціи всего два центра для образованія духовенства: Ризарьевская семинарія и богословскій факультетъ. Первая, основанная по завѣщанію жившихъ въ Россіи купцовъ, братьевъ Ризари, по словамъ министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, «не принесла ожидаемыхъ плодовъ; кажется, прибавляетъ онъ, что послѣднія улучшенія даютъ нѣкоторыя надежды на благой успѣхъ.» Это сказано было въ 1856 г. Черезъ годъ онъ же говоритъ: «Съ истинною радостію довожу до свѣдѣнія вашего величества объ успѣхахъ за нынѣшній годъ Ризарьевской семинаріи, выдавшей выпускные дипломы 11 воспитанникамъ.» Какъ вамъ это покажется? Въ 1857 году страна, имѣющая больше милліона жителей даровитыхъ, живыхъ, страстныхъ къ образованію, религіозныхъ, выпускаетъ только 11 воспитанниковъ, посвящающихъ себя преподаванію Закона Божія, и это составляетъ особенно радостное событіе. Что же дальше? «Для возбужденія рвенія въ остающихся воспитанникахъ и для нравственнаго поощренія училища, ваше величество повелѣли, чтобъ двое изъ выпущенныхъ воспитанниковъ назначены были преподавателями Закона Божія въ Эллинскихъ (уѣздныхъ) школахъ столицы; а прочіе были приняты стипендіатами

въ университетъ.» Замѣтьте, что изъ 93 Эллинскихъ или уѣздныхъ училищъ въ теченіе цѣлаго года могли получить мѣста законоучителей только два. Перейдемъ къ богословскому факультету. Мы видѣли, что въ 1856 году по этому факультету было 22 студента, а въ 1857 году ужъ 28; и число ихъ сильно бы возросло, еслибъ факультетъ преподавалъ полный курсъ богословія, церковной исторіи и эрминевтики. Но какъ бы ни были достойны профессоры этого факультета, если ихъ только двое, имъ невозможно образовать собою цѣлый факультетъ. Напримѣръ по догматическому богословію цѣлый годъ каѳедра молчала, цѣлый 1857 — 1858 академическій годъ, и это вовсе не потому, чтобъ некѣмъ было замѣстить выбывшаго профессора.

Приведенные факты показываютъ, что о приготовленіи образованныхъ пастырей мало заботы. Прежнее поколѣніе духовныхъ показало большую энергію, когда участвовало и даже шло во главѣ народнаго обновленія. Мы уже упоминали, что въ отечественную войну объ руку съ воинствующимъ государствомъ шла воинствующая іерархія: духовныхъ отъ агонистовъ невозможно отдѣлить; духовные были тоже агонистами. Не всякій духовный шелъ съ саблей въ рукахъ; но всякій съ крестомъ въ рукѣ исповѣдывалъ и утѣшалъ на полѣ битвы. Обитель Мегаспилейская укрывала не только сокровища богатыхъ Морейцевъ, но и женъ ихъ и дѣтей; она укрѣпила свои и безъ того крѣпкія стѣны, запаслась пищей на всѣхъ, и ожидала осады отъ Турокъ: недосягаемая высота этой обители спасла и иноковъ, и укрывшееся у нихъ населеніе. Какъ сходна судьба духовныхъ и агонистовъ во время народной войны, такъ же сходна и послѣ освобожденія Греціи. Почетъ тѣмъ и другимъ отъ президента; уничиженіе и гоненіе отъ иноземнаго католическаго регенства. Да, самымъ глубоко народнымъ элементамъ меньше всего было ходу. Баварское регенство не позаботилось объ устройствѣ и образованіи Греческаго духовенства: да и могли ли, даже и при большей добросовѣстности, исполнить это иновѣрцы? И регенство прошло, а все Нѣмецкимъ духомъ пахло, до конституціи 1843 года. Нельзя не признать, что съ этого времени народнымъ стихіямъ больше простору: но построенная наскоро конституція составилась слишкомъ подражательно: такъ, по конституціи, духовенство не имѣетъ голоса ни на одномъ изъ законодательныхъ собраній. Настоящій синодъ образовался только въ 1850 году. Понятно, что духовенство, не имѣя нигдѣ опоры, не могло

принести тѣхъ плодовъ, которые несомнѣнно принесло бы при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Теперь упомянемъ о двухъ постановленіяхъ прошлаго года. Во многихъ областяхъ учреждены были семинаріи, содержимыя на счетъ суммъ монастырскихъ (1). Сверхъ того по управленію церковному, согласно съ мнѣніемъ Греческаго синода и по предложенію министра церковныхъ дѣлъ и просвѣщенія, 26 Іюня изданъ декретъ о іерокирикахъ или проповѣдникахъ. Каждый проповѣдникъ долженъ два раза въ годъ обходить города, мѣстечки и деревни той губерніи, въ которую онъ назначенъ, и поучать народъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, также и въ будни, когда народу досужно собраться. Онъ долженъ проповѣдывать и на ярмаркахъ, гдѣ много народу, и въ отдаленныхъ пастушьихъ стоянкахъ, отечески наставляя на путь спасенія. Архіерей, по совѣщаніи съ губернаторомъ, назначаетъ проповѣднику путь и время, сколько оставаться въ каждой мѣстности. Іерокирикъ на обходъ губерніи употребляетъ не менѣе 4 мѣсяцевъ, а остальное время поучаетъ въ столицѣ. Онъ посѣщаетъ тюрьмы, внушая заключеннымъ благочестивые помыслы, отвращая ихъ отъ зла и приводя къ раскаянію. Онъ представляетъ синоду отчетъ, въ которомъ, кромѣ обозначенія посѣщенныхъ мѣстъ, излагается религіозное и нравственное состояніе жителей. Эти отчеты въ извлеченіи сообщаются синодомъ въ министерство церковныхъ дѣлъ. Когда проповѣдника въ деревнѣ или городѣ не находится, то мѣстный архіерей можетъ поручить одному изъ духовныхъ лицъ, тамъ находящихся, поучать народъ языкомъ ему понятнымъ.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ получать изъ Греціи книги и журналы. Отзывы же иностранной журналистики объ умственныхъ и эстетическихъ явленіяхъ въ Греціи только тогда и могутъ служить читателю, когда онъ можетъ самъ повѣрить быль съ молвою. По этому мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ только о томъ, что до насъ дошло.

Матеріалы для исторіи народнаго возрожденія все умножаются. Такъ *Колокотрони*, сынъ знаменитаго вождя, Ѳедора Колокотрони, сдѣлалъ небольшую, но бойкую вылазку на извѣстную исторію возрожденной Греціи Трикуши. Въ Англіи, Германіи, Франціи, Трикуши

(1) Espérance 1858 года, № 92.

расхваленъ—и по заслугамъ: съ знаніемъ соединяется въ немъ замѣчательный талантъ изложенія. Но Грекамъ, особенно не писателямъ, а дѣятелямъ и участникамъ славныхъ событій, Трикупи является совершенно съ другой точки зрѣнія: они съ полнымъ правомъ могутъ сказать: я тутъ былъ, это было не такъ, а вотъ какъ; ты слышалъ отъ людей недостовѣрныхъ; по твоему взгляду это такъ, но ты принадлежишь къ такой-то партіи, и хоть ты вообще историкъ безпристрастный, но не во всемъ и не всегда и т. п. Главное возраженіе Колокотрони состояло въ томъ, что на Тризинскомъ народномъ собраніи 1827 года вовсе не выразилось того несогласія, того раздвоенія между жителями Морей и жителями материка, какое представилъ Трикупи въ своемъ историческомъ трудѣ ([1]).

По части же матеріаловъ для исторіи возстанія, ожидаютъ много любопытнаго отъ военныхъ записокъ *Ѳтако Хрисанѳопуло*, который долгое время былъ адъютантомъ Ѳедора Колокотрони, или какъ его въ Греціи называютъ, старика Колокотрони ([2]). Совсѣмъ иную цѣль, иное содержаніе, иное значеніе имѣетъ новый трудъ Замбели: *Изслѣдованія о Византіи. Объ источникахъ Греческой народности съ VIII в. до X в. по Р. Х.* ([3]) Коренное воззрѣніе Замбели на Греческую исторію весьма оригинально. Византійскіе историки, говоритъ онъ, принадлежа къ разряду людей правительственныхъ, мало заботились о томъ, чтобъ слѣдить за судьбами народа. По этому исторія, ими изображенная, есть преимущественно исторія правительственная, исторія войнъ и мирныхъ трактатовъ, ересей и соборовъ, исторія событій дворскихъ. О судьбахъ народа—мѣстами, гдѣ-да-гдѣ: но эти-то намеки и важны, какъ знаменующіе продолженіе бытія Эллинскаго народа: надобно только умѣть читать между строками. Такое занятіе, изученіе Византійской исторіи по намекамъ, чтеніе ея между строкъ, въ XIX вѣкѣ облегчено однимъ фактомъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на минувшее. Этотъ фактъ

---

(1) Историческое сочиненіе Трикупи называется: *Σπυρίδωνος Τρικούπη Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Ἐν Λονδίνῳ.* Съ 1853-го по 1857 или 1858—въ 4 томахъ. Нападеніе на упомянутое мѣсто (4-го тома) въ Эонѣ № 1580, а въ № 1617 того же журнала отвѣтъ Трикупи и новое нападеніе.

(2) Эонъ, № 1662 (1858).

(3) *Βυζαντιναὶ μελέται. Περὶ πηγῶν τῆς ἑλληνικῆς ἐθνότητος ἀπὸ Η. ἄχρι Ἰ. ἑπατονταετηρίδος Μ. Χ., ὑπὸ Σ. Ζαμπελίου. Ἐν Ἀθήναις* 1857.

есть возрожденіе Грековъ. Теперь мы понимаемъ историческую цѣль долгихъ страданій. Возрожденіе, показавъ народную силу Грековъ, служитъ какъ бы свѣточемъ при изученіи средне-вѣковой исторіи Грековъ. Это основная мысль проведена начитаннымъ и даровитымъ, но нѣсколько парадоксальнымъ писателемъ, черезъ всю его книгу. (1)

По Римскому праву имѣла нынѣшняя Греческая словесность нѣсколько основательныхъ трудовъ. Недавно къ ихъ числу приложился еще одинъ: *Права по обязательствамъ Римлянъ и Византійцевъ, на сколько они имѣютъ законной силы въ нынѣшней Греціи, соч. Петра Папарригопуло* (въ 2 том. 1000 стр. (2) Сочиненіе имѣетъ цѣлію не только представить этотъ отдѣлъ Римскаго права въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ у Римлянъ и какъ объясненъ современной наукой, но въ связи съ чисто Римскимъ правомъ изобразить дополняющія его постановленія Византійскія, и наконецъ тѣ измѣненія, какимъ подверглись и Римскія и Византійскія постановленія въ современной Греціи. Это плодъ многолѣтнихъ спеціальныхъ занятій автора, занимающаго въ университетѣ каѳедру Римскаго права. Всякій разъ, какъ мы видимъ подобныя сочиненія, мы жалѣемъ, что тѣ изъ Русскихъ юристовъ, которымъ знакомо Римско-Византійское право, и которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ доступенъ древній Греческій языкъ, сколько можемъ судить по тому, что у насъ издано, по видимому незнакомы съ современными трудами Греческихъ юристовъ Каллига́, Фреарити Ралли, Потли, Сгуты, Петра Папарригопуло (3). Примѣненіе Римско-Византійскаго права къ

---

(1) Въ небольшой статьѣ П. К. *Встрѣча съ Гоголемъ*, помѣщенной въ 10 № Русскаго Дневника (1839 г.) сообщена мысль Гоголя, имѣющая нѣкоторую аналогію съ мыслями Замбели. Гоголь сказалъ въ одномъ обществѣ, что изъ не многихъ чертъ, находимыхъ въ житіяхъ Святыхъ (Греческихъ) можно создать характеръ народа, нужно только усвоить себѣ убѣжденіе въ добрыхъ качествахъ народа, и съ этимъ убѣжденіемъ вновь пересмотрѣть всѣ историческія сказанія о Византійской имперіи, и тогда они явятся въ другомъ свѣтѣ. Есть также аналогія между мыслью автора статьи и мыслью Замбели относительно значенія Византійскихъ историковъ.

(2) Рецензія въ Эонѣ №. 1388 г.—*Ἐνοχικὸν δίκαιον τῶν Ῥωμαίων καὶ τῶν Βυζαντινῶν, καθ' ὅσον ἰσχύει νῦν ἐν Ἑλλάδι, ὑπὸ Πέτρου Παπαβρηγοπούλου. Ἐν Ἀθήναις.*

(3) Мы должны исключить молодаго ученаго нашего, котораго къ сожалѣнію лишилась наука. Мы говоримъ объ Августѣ Энгельманѣ, коротко знако-

современному Греческому могло бы, кажется, представить имъ нѣкоторый интересъ. Можемъ ихъ увѣрить, что всѣ ученые труды, издаваемые нынче въ Греціи, писаны языкомъ вообще близкимъ къ древнему; въ особенности же читающему Василики или Арменопула вовсе не мудрено перейти къ ихъ современнымъ толкованіямъ.

На Греческомъ языкѣ недавно изданъ *Опытъ исторіи Русскаго законодательства* (1). Авторъ его Маврокордато. Сочиненіе обнимаетъ всю исторію Русскаго законодательства, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ. Къ сожалѣнію, автору извѣстны только тѣ памятники и изслѣдованія, которые онъ могъ найти на иностранныхъ языкахъ: по Русски онъ не знаетъ. Изъ начатыхъ въ 1855 году двухъ переводовъ исторіи Карамзина одинъ продолжаетъ издаваться. *Вернардаки* началъ печатать свой переводъ прежде, *Крокида* послѣ; но сколько намъ извѣстно, Вернардаки остановился на второмъ томѣ, а Крокида печатаетъ ужъ девятый (2). Къ сожалѣнію, оба перевода дѣлаются не съ подлинника, а съ Французскаго перевода; впрочемъ второй на глазахъ у Русскихъ.

Одинъ изъ молодыхъ богослововъ предпринялъ переводъ Догматическаго Богословія Макарія. Первая часть введенія уже отпечатана въ Лейпцигѣ и получена въ Петербургѣ. Переводчикъ—Николай Пападопуло, кончивъ курсъ богословія въ Аѳинахъ, прошелъ его снова въ Кіевѣ, и проходитъ его въ третій разъ въ Лейпцигѣ (3).

Перейдемъ къ поэзіи. Хвалятъ переводъ на Греческій языкъ

момъ съ ново-Греческою юридическою литературой и издавшемъ разсужденіе: *Объ ученой обработкѣ Греко-Римскаго права съ обозрѣніемъ новѣйшей его литературы С.-П-б. 1857 г.*

(1) *Δοκίμιον περὶ τῆς Ῥωσσικῆς νομοθεσίας,... ὑπὸ Δημητρίου Στεφ. Μαυροκορδάτου. Ἀθήνησι. 1857 г.* (стр. 273).

(2) Первый томъ перевода Вернардаки въ 1855 году былъ ужъ напечатанъ, (подъ предисловіемъ показано число 25 Ноября 1855 г.). Извѣстіе о переводѣ Крокиды напечатано въ Аѳинахъ 28 Ноября 1855 г. (см. статью С. П. въ С.-Петерб. Вѣд. 1856 г. № 7). Корреспондетъ Le Nord не приводитъ именъ переводчиковъ: мы положительно не знаемъ—Крокида ли продолжаетъ печатать 9-й томъ, или Вернардаки. Полагаемъ, что первый, потому что второй теперь довершаетъ свое образованіе въ Берлинѣ.

(3) *Μακαρίου ἐπισκόπου Βιννίσης... εἰσαγωγὴ εἰς τὴν ὀρθόδοξον Θεολογίαν... εἰς τὴν Ἑλληνίδα μετενεχθεῖσα φωνὴν ὑπὸ Νικολάου Σπ. Παπαδοπούλου. Μέρος Α'. Ἐν Λειψίᾳ.* 1858.

Байронова Гяура, сдѣланный дамою, *Екатериной Дозіо*, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявляютъ о ея смерти (1).

На Ралліевскомъ поэтическомъ конкурсѣ получилъ премію въ 1858 году (23 Апрѣля) профессоръ ботаники при университетѣ, *Ѳ. Орфанди*, за поэму «*Порабощенный Хіосъ*» (2).

Въ Корфу вышла въ 1857 г. книга Аристотеля Валаорити подъ заглавіемъ «*Мнимосина*» или «*Поминки*», содержащая въ себѣ рядъ большею частію патріотическихъ стихотвореній (3).

Поэзія *Валаорити* одушевлена тѣмъ чувствомъ народности, которое преобладаетъ въ Греческой поэзіи, какъ бы она ни была разнообразна по степени истинности и изящества: въ Клефтскихъ пѣсняхъ, въ поэзіи Риги, Караи́, Соломо́, Рангави́, Карацуцы, Суцо, народное чувство господствующее. Почти всякая піэса Валаорити содержитъ въ себѣ поэтическій разсказъ событія изъ жизни Клефтовъ, въ томъ видѣ, какъ ее украсило преданіе. Сквозь эти баллады проведена одна главная мысль: какъ настоящею независимостью часть Грековъ обязана энергическому обществу Клефтовъ, такъ будущая независимость всего Греческаго племени возникнетъ отъ этихъ же храбрецовъ. Это апооеозъ независимыхъ Греческихъ горцевъ, обитателей Аграфовъ, Пинда, Олимпа. Валаорити воспѣваетъ Дима, Самуила, Кацандони, Цавеллу, Влахаву, которыхъ имена наполняютъ народныя пѣсни, и которые всѣ почти замучены Портою или Али-Пашею, за независимый духъ и образъ дѣйствій. Въ заключеніе своихъ «Поминокъ» поминаетъ онъ и недавно умершаго Соломо́, того изъ Греческихъ поэтовъ, который еще съ двадцатыхъ годовъ не переставалъ горячо принимать къ сердцу судьбу этихъ горцевъ. Почти передъ каждою пѣснью есть небольшое предисловіе, въ которомъ описываются самое событіе, преданія, повѣрья.

«Въ Поминкахъ» Валаорити больше смѣлости и силы вдохновенія, чѣмъ полной художественности; авторъ увлекаетъ болѣе религіознымъ и патріотическимъ настроеніемъ души, чѣмъ творчествомъ. Его воображеніе слишкомъ наклонно къ усиленнымъ эффектамъ и

---

(1) Le Nord, 1858 г. № 33.
(2) Эонь, 1858 г. № 1619, Nord, 1858 г. № 138.
(3) *Μνημόσυνα ὑπὸ Ἀριστοτέλους Βαλαορίτη, ἐν Κερκύρᾳ.* 1857.

къ преувеличеніямъ поэтовъ Италіянскихъ; все это странно сталкивается съ неподдѣльною простотою и энергіей пѣсни Клефтской, которая служитъ основой мотивовъ новаго поэта. Греческіе поэты пишутъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ—одни языкомъ очищенным, книжнымъ; другіе простонароднымъ. Валаорити, какъ и Соломо́, манерѣ котораго онъ отчасти слѣдуетъ, держится языка простонароднаго. «Это», говоритъ онъ, «языкъ тѣхъ, которые поддержали независимость, это языкъ естественный, народный, непзмѣнный; а языкъ литературный есть больше или меньше искусственный и измѣнчивый». Но авторъ самъ не остается вѣрнымъ своей теоріи, и у него рядомъ съ обыденнымъ грубымъ словцомъ не всегда кстати красуется выраженіе книжное, прекнижное. Незабвенный Корай клеймилъ подобную пестроту рѣчи словомъ «макаронизмосъ» (1).

Не пора ли кончить, думаетъ читатель, къ чему такъ много толковать о маленькой Греціи! Вѣдь этакъ пожалуй, вы цѣлый томъ испишете. Нѣтъ мы этого не сдѣлаемъ; но признаемся, что читая статьи о Грекахъ гг. Ордынскаго (2) и Ламанскаго (3), мы отъ всей души желали бы дождаться отъ нихъ цѣлыхъ томовъ, которые были бы посвящены ими Грекамъ и Греціи. Признаемся еще, что если бы ученое вниманіе нашего историка Куторги, который собирается въ Грецію, обратилось и на нынѣшнюю Грецію, а не на одну древнюю, то мы имѣли бы основательный трудъ о Греціи. Наконецъ, признаемся въ желаніи, чтобъ Греческая народность вдохновила Майкова, который можетъ быть уже въ Греціи. Пусть больше и больше пишутъ о Грекахъ Русскіе, пусть Грецію подвергается изученію, критикѣ, суду и оцѣнкѣ Русскихъ: нельзя и помыслить, чтобъ между Русскими

---

(1) Мнѣніе, высказанное нами о стихотвореніяхъ Валаорити, вовсе не согласно съ мнѣніемъ г-жи Дора д' Истріа, которое кажется намъ слишкомъ пристрастнымъ и экзальтированнымъ. См. ея интересную статью La poésie grecque dans les iles Joniennes въ Revue d. deux mondes 1858, mars.

(2) Г. Ордынскаго: *Адамантій Корай* (Рус. Бес. 1857 г. Т. III). *Объ отношеніи ново-Греческаго языка къ древне-Греческому* (въ Жур, М. Н. Пр. N 8, 1857 г.). *Сличеніе грамматики простонароднаго ново-Греческаго языка съ грамматикой языка древне-Греческаго. Казань 1858.* (перепечатано изъ III книжки ученыхъ Зап. Казан. Унив. 1858).

(3) Г. Ламанскаго: *Объ отношеніи Русскихъ къ Грекамъ* (Рус. Бес. 1858 г. Т. IV).

отыскался безусловный хулитель Грековъ, въ родѣ Бартольди или Абу.

Но пока все это будетъ, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о нынѣшнихъ отношеніяхъ Греческаго народа къ другимъ народамъ. Что чувствуетъ Грекъ, когда ему слышатся стоны его собратій въ Критѣ, Эпирѣ, Ѳессаліи, легко себѣ представитъ тотъ, кто читалъ разсказъ о кровавой семилѣтней борьбѣ Грековъ съ Турками, бывшей въ двадцатыхъ годахъ, кто прослѣдилъ по вѣдомостямъ 1858 года—по какимъ законнымъ побужденіямъ христіане Критскіе, отдѣлившись отъ Оттоманскихъ властей, сдѣлали воззваніе къ Европейскимъ агентамъ, образовали вооруженный лагерь, предъявили права свои на жизнь человѣческую. Представьте себѣ близость Крита къ Греческому Королевству, эти полуодѣтыя, полуголодныя семьи, которыя толпами бросались на пороходы и трехандиры, и оглядывались, чтобъ увѣриться—всѣ ли члены семейства на лицо. Высадившись на Греческій берегъ, они рады были самому тѣсному пріюту у своихъ единоплеменниковъ. Жаль, что у насъ неизвѣстны Греческія газеты. Тамъ бы вы услыхали Дантовскіе *слова скорби и вопли гнѣва.* Praole di dolor, accenti d'ira.

Извѣстно, что другіе собратья Грековъ, живущихъ въ Королевствѣ, Іонійцы, положительно изъявили тоже самое желаніе, какое за нѣсколько лѣтъ объявила Іонійская палата представителей, желаніе присоединиться къ Королевству. Соединятся ли братья послѣ многовѣковой разлуки? Одинъ изъ Іонійскихъ поэтовъ когда-то сказалъ: «смерть за-живо не знаетъ утѣшенья» (1), а извѣстно ли вамъ, что называетъ поэтъ смертью за-живо? Смертью заживо называетъ онъ «разлуку».

Какъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Греческое сердце способно биться только за Грековъ. Правда, въ Грекахъ патріотизмъ сильный и жизненный, но онъ не гаситъ въ нихъ горячаго сочувствія ко всѣмъ христіанамъ Балканскаго полуострова. Какъ искренно рады они тому, что Черногорцы не дали себя въ обиду, и что они поддержены Европой (2). «Привѣтъ нашъ тебѣ, Черногорье»

---

(1) *Παρηγοριά 'χει ὁ θάνατος παρηγοριά 'λει ὁ χάρως Μὰ ὁ ζωντανὸς ρ θἠνατος παρηγριὰ δὲν ἔχει,* (Соломо.)

(2) Ссылаемся на рядъ извѣстій и статей въ Эонѣ: №№ 1624, 1625 1627, 1630, 1633 (1858 г.).

восклицаетъ Иліосъ, «потому что мужествомъ своимъ ты посвящена въ державу самобытную, сестру Греціи» (1). Разумѣется, когда одинъ Французскій публицистъ, въ Revue des deux mondes, чтобъ возвысить Черногорцевъ, унизилъ Грековъ, то ему досталось отъ Греческихъ листковъ. Французу вздумалось высказать мысль, что «если Греки теперь независимы, то они этимъ обязаны содѣйствію Франціи, Англіи и Россіи, между тѣмъ какъ Черногорцы одной собственной энергіи обязаны настоящимъ своимъ положеніемъ». Эонъ ему напоминаетъ, что и небольшая крутая Мани (Маи́на), населяемая 30,000 душами, никогда не была попрана Турецкою ногою, и пользовалась такою же автономіей, какъ и Черногорье, населенное 150,000 душъ; но что весь Греческій народъ, народъ не малый и разсѣянный по всей такъ называемой нынѣ Турецкой державѣ, не могъ находиться въ положеніи такихъ горцевъ, каковы Маніаты (Майноты) и Черногорцы. Эонъ напоминаетъ Французскому публицисту, сколько Греческой крови пролито за Греческую автономію, напоминаетъ ему, что Западъ въ началѣ не только не помогалъ Грекамъ, но даже отрекся отъ Греческаго движенія, возсталъ на возстаніе, и только кровь Грековъ, героически погибавшихъ цѣлыми тысячами въ теченіе семи лѣтъ, разбудила отъ летаргическаго равнодушія туркофильскую дипломацію Запада.

Много говорятъ о привязанности Греческаго народа къ Русскимъ. Въ этой привязанности есть что-то истинно трогательное и съ тѣмъ вмѣстѣ страстное. Одна вѣра, одинъ врагъ, взаимныя историческія благодѣянія и услуги, живой и воспріимчивый характеръ у тѣхъ и у другихъ, и многое еще, о чемъ говорить здѣсь не у мѣста, упрочило этотъ вѣковой союзъ. Многое по этому предмету мѣтко и отчетливо указано В. М. Ламанскимъ (2). Здѣсь мы упомянемъ о томъ полномъ и глубокомъ сочувствіи, какое высказывается въ Греческихъ журналахъ и бесѣдахъ относительно вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Они судятъ объ этомъ дѣлѣ по журналамъ иноземнымъ, и дальше столбцовъ Le Nord для нихъ начинаются мраки Киммерійскіе: но что̀, еслибъ они могли слѣдить за занимательною полемикою, которая завязалась у насъ между журналами по этому

---

(1) Иліосъ № 189 (1858).

(2) *Объ отношеніяхъ Русскихъ и Грековъ* (Рус. Бес. 1858, Т. IV).

предмету? Независимо отъ исконной любви Грековъ къ Русскимъ, необезпеченность собственнаго положенія, столь еще недавняя, усиливаетъ въ Грекахъ сочувствіе къ Русскому крестьянину.

Если бы строго фактическая правда, которую представили мы Русскимъ читателямъ, могла привести однихъ къ заключенію: «напрасно же мы ими пренебрегали», а другихъ къ мысли: «не даромъ же мы ихъ любили», то и пишущій эти строки порадовался бы, что посвятилъ свои труды изученію Греціи.

Гавріилъ Дестунисъ.

С. Петербургъ.
Ноябрь и Декабрь 1858 г.
Январь 1859 г.

ЗАПИСКИ

ПРОТОІЕРЕЯ МАТВѢЯ НЕНАДОВИЧА.

(Продолженіе).

О первомъ появленіи съ оружіемъ въ рукахъ Чернаго Георгія сказывалъ мнѣ потомъ нѣкто Лука Марковичь изъ Орашаца Крагуевскаго, такимъ образомъ: Лука, именно въ это Воскресеніе, женился, и Черный Георгій съ сотнею другихъ пріятелей пришелъ къ нему на свадьбу—обѣдалъ у него, а потомъ пошелъ и зажегъ Турецкій постоялый дворъ въ Орашацѣ. Узналъ объ этомъ и Поречъ-Алія, муселимъ Валѣвскій; онъ взялъ съ собою Валѣвскихъ Турокъ, отправился въ мѣстечко Убь, откуда увелъ всѣхъ женщинъ и дѣтей Турецкихъ, которыхъ для безопасности переслалъ въ Валѣво, а потомъ ночевалъ въ домѣ Грмича въ Бабиной Лукѣ. По огнямъ бивачнымъ, которые я увидѣлъ вдали, догадался я, что, вѣрно, переселяются или бѣгутъ. Тогда пошелъ я въ Кутешицу къ нашему куму и доброму старѣйшинѣ, старику Саввѣ Савковичу и нашелъ его съ нѣсколькими Кутешинцами на горѣ, откуда они тоже глядѣли на огни. Я спросилъ Савву: «Что намъ теперь дѣлать?» Онъ отвѣчалъ: « Что съ нами будетъ, кумъ Протоіерей !»—« А то, что было, будетъ опять; однако намъ надобно всѣхъ женщинъ и дѣтей перевести въ лѣса, что̀ за горою, а сами мы, съ ружьями, придемъ опять на горы, и будемъ ждать, что Богъ дастъ! »

Ужь только помоги намъ Богъ! подумалъ я, если такъ говоритъ этотъ старикъ, который знаетъ, что такое война!

Я сейчасъ же послалъ Живана изъ Кутешицы въ Суводанье къ Миличу Кадичу (котораго Фочичь поставилъ тамъ головою, и который былъ тоже булюбашею при Бирчанинѣ); я написалъ къ нему

чтобъ онъ собиралъ дружину—идти съ нами на Поречъ-Алію въ Валѣво; тоже самое писалъ я и головѣ Николаю Грбовичу.

(Я забылъ сказать, что Турки Валѣвскіе, сейчасъ же послѣ казни волостныхъ головъ, переселили женъ и дѣтей своихъ въ крѣпости Сокола и Ужицы).

Воротившись домой, а было не далеко,—я послалъ въ окружныя деревни: къ Раоничу (Арсенію) въ Лозницу, къ Живану въ Каличичь, къ Живкѣ Дабичу, зятю моему, въ Яутину, и всѣ эти деревни и нѣсколько другихъ поднялись всѣ поголовно съ ружьями на Бранковицкую высоту. Я послалъ въ церковь за знаменемъ, которое было у насъ бѣлое, красное и синее съ тремя крестами. Эту хоругвь воткнули мы въ землю, и расположились всѣ около нея. Это было 15 Февраля 1804 года.

На другой день начали сходиться люди вооруженные изъ ближнихъ селъ, и всѣ съ охотою и радостію. Собралось около 700 человѣкъ старыхъ и молодыхъ. Я сказалъ имъ, что слышалъ, какъ Черный Георгій возсталъ, выжигаетъ селенія Турецкія, сражается съ Турками;—многіе слышали то же. Я послалъ за дядей моимъ, чтобъ пришелъ скорѣе. «Вотъ войско, но намъ нуженъ порохъ, гдѣ мы его достанемъ»?—говорили наши.

Я имъ сказалъ, чтобъ они только набирали дружины, а о порохѣ не заботились,—я достану его изъ Германіи. Большая часть главныхъ домохозяевъ знала про знакомство отца моего съ Нѣмцами, и была увѣрена, что Нѣмцы мнѣ дадутъ пороху. На другой день пришелъ дядя. Онъ остался съ дружиной, а я сейчасъ отправился искать пороху, и 17 Февраля ужъ былъ въ Забрежьѣ, гдѣ остановился обѣдать. Ко мнѣ явились: Петръ Еричь изъ Зеоке, Исаило Лазичь, и попъ Леонтій изъ Уровца. Я сперва не сказалъ имъ, что оставилъ на высотѣ съ дядей Яковомъ семь сотъ человѣкъ, потому что мнѣ хотѣлось узнать—думаютъ-ли они сами о возстаніи. Петръ Еричь передъ этимъ убилъ одного Турка стекольщика, и я началъ его укорять: «Что это ты, Петръ, заводишь вражду съ Турками? тебѣ легко: вы здѣсь у самой Савы, не трудно вамъ спастись бѣгствомъ черезъ рѣку, а мы далеко: насъ Турки могутъ всѣхъ перерѣзать или полонить».

Начали посматривать сердито на меня мои пріятели: «Чего хотимъ мы? Хотимъ отмстить за нашего голову, а твоего отца....»

Я отвѣчалъ: «И я сокрушаюсь объ моемъ отцѣ; но что — если мы первые возстанемъ и будемъ враждовать съ Турками, а вы уйдете на ту сторону Савы, и помиритесь потомъ съ Турками?»

Услыхавъ слова мои, они всѣ опечалились, и такъ озабоченно смотрѣли, что я, видя, какъ эти люди искренни, и какъ они только и ждали нашего возстанія около Валѣва, чтобъ присоединиться къ намъ, повѣрилъ имъ все: «Могу ли положиться крѣпко на ваше слово, и все вамъ сказать?» спросилъ я.—«Можно, можно», отвѣчали они.

«Такъ слушайте! я оставилъ съ дядей Яковомъ всѣ деревни отъ Тавнавы до Валѣва въ возстаніи и собранныя въ одну дружину въ Бранковинѣ; я ужъ писалъ къ Кедичу и Грбовичу, чтобъ они тоже собирали дружины идти на Валѣво воевать съ Поречъ-Аліемъ, а я иду за порохомъ въ Нѣмецкую землю.»

Услышавъ это, они запрыгали отъ радости и кричали весело: «Эхъ, юнакъ! зачѣмъ ты намъ прежде не сказалъ, а только пугалъ насъ!»

Тогда мы обняли другъ друга еще разъ, и поклялись въ вѣрности, если начнется война; они условились поднять къ моему возвращенію всю Посавину.

Оставивъ ихъ, я сѣлъ вечеромъ въ лодку съ Еладіемъ изъ Забрежья, и, спустившись по Савѣ мимо Бѣлграда, ночью доплыли мы до Землина и вошли въ парлаторію (пріемную комнату). На другой день, рано (18-го Февраля 1804 года) явился я къ маіору Митезару, доброму пріятелю отца моего, и мнѣ знакомому, потому что отецъ, бывало, часто посылалъ меня къ нему. Онъ увелъ меня въ комнату полковника, чтобъ Турки не увидали меня (въ парлаторіи). Онъ спросилъ меня, что̀ мы дѣлаемъ? Я отвѣчалъ, что какъ только мы услышали, что Черный Георгій началъ зажигать Турецкіе ханы, мы, съ своей стороны, ополчились, чтобъ напасть на Поречъ-Алію Валѣвскаго, и я пришелъ спросить совѣта, какъ намъ дѣйствовать?

«Что мнѣ вамъ совѣтовать! сказалъ маіоръ. Развѣ привести ваши семейства на берегъ Савы? мы вышлемъ къ нимъ наши лодки, и всѣхъ васъ перевеземъ на нашъ берегъ.»

Я отвѣчалъ, что не только мы — наше племя (родственники) поднялись противъ Турокъ, но почти половина народа; что впрочемъ есть мосты на Савѣ, и чрезъ нее перейдти не трудно, но: «вы намъ

кое-чѣмъ помогите; найдите средство доставить намъ пороху и зарядовъ, чтобъ мы могли воевать.»

На это маіоръ отвѣчалъ: «правительство не можетъ дать вамъ ни пороха, ни оружія, но постарайтесь найдти какого нибудь купца, который бы тайно продалъ вамъ пороху.»

Такъ какъ я никакого купца не зналъ, то онъ назвалъ мнѣ одного Степана Живковича, который бѣжалъ отъ Даіевъ изъ Бѣлграда. По моей просьбѣ онъ призвалъ этого Живковича, которому я сейчасъ же и поручилъ достать намъ пороху и зарядовъ, чтобъ воевать противъ Турокъ. На это Живковичъ отвѣчалъ: «Батюшка протоіерей, радъ былъ бы, да денегъ у меня нѣтъ.»

Я вынулъ 9 *рушпій* (1) и сказалъ, что заплачу ему остальныя, когда онъ доставитъ мнѣ порохъ. Столько же выдалъ я и Янкѣ Зазичу изъ Скелы (бѣжавшему отъ субаши Газія въ Землинъ), который и принесъ мнѣ девять фунтовъ пороху.

Митезаръ говорилъ мнѣ, что есть тутъ одинъ Турокъ изъ приверженцевъ сына Хаджи-Муста-Паши (Дервишъ-Бега), котораго янычары ранили въ руку и который бѣжалъ отъ нихъ въ Землинъ; позвали этого Турка. Я спросилъ его: «Держится ли онъ стороны султана и пойдетъ ли со мной противъ янычаръ? Мы возстали не противъ султана, но противъ янычаръ.»

Онъ отвѣчалъ, что онъ стороны султановой, раненъ янычарами, потому и бѣжалъ въ Землинъ.

Я однако повторилъ: «Если ты за янычаръ, не иди со мной, ибо Сербы убьютъ и тебя и меня».

Тогда маіоръ сказалъ: «я ручаюсь честью за Деламета: онъ искренній приверженецъ султана и точно бѣжалъ отъ янычаръ».

Тогда мы подали другъ другу руку, поцѣловались и побратались.

Между тѣмъ мнѣ принесли кулекъ, въ которомъ было до трехъ сотъ патроновъ (зарядовъ). «Теперь, сказалъ маіоръ, пора вамъ отсюда.»

«А какъ же пройдемъ отсюда?» спросилъ я.

— Да той же дорогой, которой пришли. «Нѣтъ, отвѣчалъ я, не смѣю въ открытой лодкѣ ѣхать мимо Бѣлграда; а лучше дайте намъ повозку, мы проѣдемъ дальше и переправимся у Болѣвца.»

---

(1) Монета, равняющаяся Венеціанскому дукату.

Тутъ рѣчи маіора полились словно водопадъ: «Развѣ—говоритъ—я пущу Турецкихъ подданныхъ черезъ императорскія земли? Добро бы кто другой говорилъ мнѣ, а не ты, протоіерей, который бывалъ здѣсь и знаешь наши законы. Развѣ ты хочешь, чтобъ сняли золото съ моей шапки и съ темляка моей сабли (1)?»

Я однако оставался при своемъ,—«что, дескать, не смѣю отправиться водою мимо Бѣлграда, потому что меня Турки схватятъ; а прошу маіора пустить меня въ карантинъ, чтобы, выдержавъ карантинъ, идти черезъ Яково на Болѣвцы.»

Я просилъ этого не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ держать карантинъ, а съ намѣреніемъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ обвязать себѣ голову чалмою, да и пройдти черезъ Бѣлградъ, потому что я зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ меня ждали. Маіоръ отвѣчалъ сердито, что и это невозможно, и пошелъ къ своему полковнику, оставивъ меня и новаго моего побратима Деламета подъ навѣсомъ передъ домомъ. Воротился маіоръ и сказалъ мнѣ на ухо: «Ну! молчите, пока Турки не уйдутъ изъ парлаторіи, будетъ для васъ повозка.» И въ самомъ дѣлѣ, мы отправились въ телѣгѣ на голыхъ доскахъ изъ Землина въ Болѣвцы, а тамъ переправились въ Забрежье. Дорогою мы уговорились съ Деламетомъ, что̀ намъ сказать народу, и положили такъ: я буду говорить народу, а онъ будетъ свидѣтельствовать истину моихъ словъ.

Когда мы пріѣхали и отобѣдали, пришли ко мнѣ сейчасъ Петръ Еричь, Исаило Лазичь и попъ Леонтій. Я имъ показалъ малое количество пороху и зарядовъ, которые съ собой привезъ, и сказалъ, что послалъ человѣка въ Варадинъ, откуда достанемъ пороху, сколько угодно. Они сейчасъ начали собираться, — и выступило, сколько было людей, около 300 человѣкъ; а когда дошли мы до Грабовца, наша партія увеличилась до 500 чел. Тутъ началъ я сказывать свою сказку, чтобъ поддержать духъ въ народѣ. «Вы всѣ знаете, братцы, что Хаджи-Муста-Пашу Даіи убили, и что у него былъ сынъ Дервишъ-Бегъ, котораго султанъ назначилъ визиремъ на мѣсто отца его; когда Даіи убили отца, онъ выпросилъ у султана *изунъ* и *фирманъ*,

---

(1) Т. е. разжаловали.

чтобы собрать войско и отомстить Даіямъ за отца; нынѣ султанъ далъ ему изунъ и фирманъ, которыми онъ уполномоченъ—мстить за отца. Онъ и прислалъ теперь черезъ Нѣмецкую землю своего билимбашу, этого Деламета, что̀ здѣсь теперь съ султанскимъ фирманомъ, по которому имѣетъ право поднять Сербовъ на возстаніе, а всѣхъ угнетателей и субашей загнать въ крѣпости. Когда же наберется довольно войска, Дервишъ-Бегъ-Муста-Пашичь самъ придетъ съ пушками и захватитъ всѣхъ Даіевъ и субашей, освободитъ пашалыкъ отъ угнетенія и будетъ визиремъ вмѣсто отца; а всѣ мы хорошо помнимъ, какое было намъ спокойное и привольное житье при Хаджи-Муста-Пашѣ» и пр. и пр.

Такія рѣчи я, бывало, безпрестанно повторяю собранному войску а мой Деламетъ все киваетъ головою да поддакиваетъ: «точно такъ батюшка, оно такъ и есть».

Такая наша съ Деламетомъ политика или лучше сказать, *выдумка*, и есть причина, что во многихъ повѣствованіяхъ о томъ времени вы найдете разсказъ, *будто бы султанъ прислалъ Кара-Георгію фирманъ на убіеніе янычаръ*, но это неправда: султанъ не присылалъ такого фирмана въ началѣ, не одобрялъ войны и послѣ, но, чтобъ легче подымать народъ на возстаніе, мы потомъ ужъ и всѣ говорили: что султанъ не противъ насъ, а съ нами противъ Даіевъ. Такъ говорили мы и людямъ противной стороны, и они тоже повѣрили; вотъ какимъ образомъ эта ложь и вкралась въ исторію.

Когда мы пришли въ Грабовацъ, наши люди хотѣли непремѣнно сжечь Турецкій дворъ; но подлѣ него былъ сарай полный кукурузы, который бы непремѣнно сгорѣлъ въ пожарѣ, а намъ провіантъ былъ очень нуженъ; съ большимъ трудомъ удержалъ я ихъ отъ поджога. Оттуда пошли мы на ночлегъ въ Любиничь. Когда я пріѣхалъ, наша конница уже успѣла все тамъ зажечь. Мы пошли ночевать къ Весѣ Велимировичу, главному старшинѣ. Но самъ Веса ушелъ на другой дворъ и никакъ не хотѣлъ придти къ намъ въ домъ. Мы его звали нѣсколько разъ, но онъ не приходилъ и даже не отвѣчалъ. Еле-еле добились его ужъ къ тремъ часамъ ночи. Неохотно пришелъ онъ, а пришедши сталъ спрашивать: «что это такое? чего вы хотите?» Я сейчасъ и началъ весело разсказывать ему то же, что другимъ прежде говорилъ: какъ-де сынъ Хаджи-Муста-Паши послалъ своего бимбашу и т. д. Но это было напрасно — Веса и не слушалъ, а все спрашивалъ: «что это такое, и что это изъ этого

выйдетъ? » Опять сталъ я повторять все съ начала: « какъ султанъ хочетъ назначить визиремъ сына Хаджи-Муста-Паши и т. д. » Но Веса о томъ и знать не хотѣлъ, а только опять спросилъ: « Ахъ, вы, люди! что вы это вздумали? чего вы хотите? » Мнѣ надоѣло все одно и тоже проповѣдывать, и ужъ попъ Леонтій изъ Уроваца сказалъ: « Ахъ, Веса! что ты кобенишься? Вѣдь мы знаемъ что ты одних мыслей съ нами. Видишь-ли, какъ горитъ ханъ твоего аги? стóитъ намъ, уходя отсюда, взять головешку изъ печки, да раздуть ее подъ навѣсомъ твоего дома, и онъ у тебя также загорится, а ты иди себѣ къ Даіямъ ».

На это Веса отвѣчалъ: « и мнѣ бы того же хотѣлось, чего и вамъ, да не знаю что изъ того выйдетъ ». « Что выйдетъ то выйдетъ! »—вскричалъ Леонтій,—« будемъ воевать! Развѣ Фочичь подумалъ о томъ, что выйдетъ, когда онъ зарѣзалъ нашихъ стариковъ? » Тогда Веса вызвалъ меня на дворъ и повелъ меня въ самое темное мѣсто, подальше отъ дома, остановился и сказалъ мнѣ шепотомъ: « Несчастный! Ты думаешъ, что войско, которое ты оставилъ на Бранковинской высотѣ, стоитъ тамъ и теперь? Всѣ разошлись по домамъ, и Яковъ съ трудомъ успѣлъ удержать съ собою нѣсколько человѣкъ; старѣйшины же пошли въ Валѣво и повезли Поречь-Алію военные припасы ».—« Неужели, Веса? » « Сущая правда, протоіерей! » отвѣчалъ Веса.

Я боялся, чтобы и пришедшіе со мною дружинники не услышали этого и сказалъ: « Веса! молчи объ этомъ, ни слова никому; а если хоть одному человѣку скажешь, божусь, что ты погибнешь! » Потомъ спросилъ я: « а гдѣ Живанъ булюбаша, Расичь и Живка Дабичь? »—« Разошлись по домамъ. » Я ему повторилъ, что онъ будетъ мнѣ головой отвѣчать за всякое нескромное слово объ этомъ. Тогда воротился я въ домъ и сказалъ Еричу, попу Леонтію и Деламету : « Оставайтесь вы здѣсь и въ окольныхъ деревняхъ собирайте войска, сколько можете больше; разошлите по деревнямъ, изъ которыхъ еще не выступали, чтобы приходили скорѣе; а я между тѣмъ съѣзжу на день, на два, къ нагорной дружинѣ, въ Бранковину, условиться, когда намъ соединиться для похода на Валѣво ». Потомъ сказалъ я Деламету, чтобы онъ продиктовалъ мнѣ по-Турецки письмо, а я стану писать его Сербскими буквами, — къ Хаджи-Сали-Бегу въ Сребреницу, чтобы достать отъ него пороху и свинцу,—потому что и онъ былъ противъ Даіевъ и при томъ пріятель Хаджи-

Муста-Паши. Такимъ образомъ Деламетъ говорилъ мнѣ по-Турецки, а я записывалъ все, что уже мы положили: будто Муста Пашичь послалъ цоднимать раію на возстаніе, чтобы откинуть Турокъ въ ихъ крѣпости, что потомъ Дервишъ-Бегъ самъ придетъ и т. д., и что онъ шлетъ поклонъ Хаджи-Бегу, съ предложеніемъ ему—съ своей стороны прислать на помощь султану и султанскому приверженцу воинскихъ снарядовъ, и т. п. (Это письмо послалъ я въ Сребреницу; Хаджи-Бегъ всему повѣрилъ и прислалъ намъ пороху и кремней. Кто-то въ исторіи возстанія ошибочно написалъ, что это было прислано какимъ-то Бегомъ изъ Бироча или изъ Лесковаца).

Сейчасъ же послѣ нацисалъ я письмо и къ булюбашѣ Живану, разсказывая ему подробно о бимбашѣ, посланномъ отъ сына Муста-Паши, и объявляя ему, чтобы скорѣе велъ дружину свою въ Бабину Луку къ Грмичу, гдѣ будетъ его ожидать мой посланный. Потомъ я поручилъ моего побратима Деламета Леонтію, Исаилу Лазичу и Еричу, до моего возвращенія; сѣлъ на коня и поспѣшилъ въ Бранковину. Я нашелъ дядю съ десятью или пятнадцатью ратниками, не больше. На вопросъ мой: «гдѣ же у тебя войско?», онъ отвѣчалъ: «Прахъ на твое войско! Пришли нѣсколько человѣкъ, которые сбили ихъ съ толку, и я самъ съ трудомъ спасся отъ нихъ, а они, мошенники, съ нашимъ головой Пейей, пошли отвозить запасы къ войску Поречъ-Аліи и помирились съ нимъ.» Хотя это меня и затронуло за живое, однако я сказалъ ему весело: «Пойди-ка посмотри мою дружину; увидишь, какіе львы эти Пасовцы (1), всякій радъ умереть за доброе дѣло, ни одинъ и не думаетъ примириться» и проч.

Я спросилъ: какіе старѣйшины измѣнили и разстроили войско? Онъ всѣхъ назвалъ по имени, и я сейчасъ же послалъ по человѣку за каждымъ изъ нихъ; рано утромъ они пришли и съ ними новый голова Пейя. Я ихъ спросилъ: боятся ли они Бога, что такія вещи надѣлали?

Голова Пейя отвѣчалъ: «Помилуй, протоіерей, какъ же будемъ мы противъ такой большой силы сражаться? Хоть отецъ твой и погибъ, но не все же твое счастіе съ нимъ погибло, остались у тебя друзья, семейство?» и проч. и проч.

---

(1) Жители Пасовы.

Началъ я имъ напѣвать мою старую пѣсню о томъ, какъ имъ извѣстно, что Даіи убили Муста-Пашу, и какъ сынъ его Дервишъ Бегъ досталъ отъ султана фирманъ, по которому онъ назначенъ визиремъ и какъ онъ, на отмщеніе отца своего, придетъ съ большимъ войскомъ и съ пушками, чтобы прогнать Даіевъ и управлять пашалыкомъ, на мѣсто отца,—а мы-де всѣ знаемъ, какъ хорошо намъ было при Хаджи-Муста-Пашѣ. «И такъ, голова Пейя, если ты хочешь быть законнымъ головой, пойди къ султанскому приверженцу Деламету; онъ привезъ фирманъ, который защититъ насъ лучше пушки и ружья и всякаго другаго оружія; у насъ въ Любиничѣ около тысячи человѣкъ войска съ Петромъ Еричемъ, попомъ Леонтіемъ и Исаиломъ Лазичемъ, изъ Уроваца; съ ними султанскій посланникъ Деламетъ; и Черный Георгій ужъ вездѣ выжигаетъ Турецкіе ханы и поднимаетъ народъ на возстаніе, а ты и тѣ старѣйшины, что̀ не хотятъ быть за одно съ нами, идите въ Валѣво къ Поречъ-Аліи, запирайтесь съ нимъ въ крѣпости; но мы непремѣнно выступимъ на васъ — и вы узнаете, что султанъ и весь народъ посильнѣе твоего Поречъ-Алія!»

Услыщавъ все это, Георгій Крстиноевичь, старѣйшина Забрдикскій, который пришелъ съ Пейей, сказалъ: «Слушай, голова Пейя! еслибъ этотъ протоіерей сказалъ мнѣ: Джордже! ты долженъ ѣсть мясное по Пятницамъ и Средамъ — я и мясное бы ѣлъ въ постные дни, а драться съ Турками стану и подавно!»

(Я эти слова записываю, чтобъ вы могли судить, до какой степени Сербы строго соблюдали посты).

Тогда голова Пейя отвѣчалъ: «Эхъ! братъ, и я радъ; да только чѣмъ все это кончится.»

«Нечего больше толковать; ты, голова, иди съ своими въ Валѣво къ Поречъ-Алію, и запритесь съ нимъ въ крѣпости, а я пойду въ Пасовину, и мы выступимъ противъ васъ,—или идите сей же часъ со мною.»

Такимъ образомъ я склонилъ ихъ на нашу сторону и всѣ они отправились въ Любиничь къ нашему войску.

Съ подъятыми горѣ руками и сердцемъ благодарилъ я Бога, что могъ остановить это несогласіе и опять свить наше гнѣздо и собрать дружины.

Между тѣмъ Шабацкіе Турки, услышавъ о дружинѣ (1), собранной на *Высотѣ*, пошли въ Валѣвскую нахію до деревни Белинъ. Дядя Яковъ выступилъ съ войскомъ къ нимъ на встрѣчу и 23-го Февраля была стычка, въ которой убитъ съ нашей стороны Исаило Лазичь изъ Уровца, а съ Турецкой стороны ихъ ага Ариаджичь-Бегъ. Съ обѣихъ сторонъ было довольно раненыхъ. Турки пошли на помощь къ Валѣву; но Яковъ, попъ Леонтій и Еричь съ своей дружиной не отставали отъ нихъ. Турки къ вечеру остановились въ Свилеувѣ, въ домѣ покойнаго головы Ранка или попа Луки Лазаревича, и начали грабить въ деревнѣ; этимъ воспользовалось наше войско и отрѣзало ихъ отъ Валѣва, ставъ имъ на пути въ этотъ городъ. Турки же отъ двора Ранкина выстроили валы —(загороди), а продовольствіе имъ приносили изъ деревни, между тѣмъ какъ наши дружины занимали горы Гомилицы. Перестрѣлка была ежедневная. Въ это время услышали мы опять о Черномъ Георгіѣ—что у него были стычки съ Турками на Дрлушѣ и на Сибницѣ, но онъ не былъ въ перепискѣ съ нами, и только по слухамъ и изустнымъ разсказамъ знали мы про него, а онъ—про насъ.

Когда новый голова Пейя ушелъ въ низовое войско, начали опять приходить ко мнѣ булюбаши: Живанъ изъ Калинича, Арсеній Раонич изъ Лозницы, Василій изъ Баевца, и приводили съ собой ратниковъ. Я ихъ оставилъ въ Ношарахъ и Ясеницѣ съ порученіемъ собирать какъ можно больше войска и остерегаться, чтобъ не допустить Поречъ-Алію ударить на наши мѣста, а быть въ сношеніи съ головою Грбовичемъ, съ Кедичемъ и Миливоемъ, пока я успѣю съѣздить за зарядами, которые должны были находиться въ Болѣвцѣ, — ибо тѣ, что прежде привезъ съ собой, я отдалъ дружинамъ, остававшимся въ Любишичѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Забрежье, Живковичь доставилъ мнѣ только около 64 окъ пороху въ четырехъ мѣшечкахъ такихъ узенькихъ, какъ восковыя свѣчи: я принялъ ихъ и съ большимъ трудомъ разплатился, уговоривъ его, скорѣе и какъ можно больше, привезти на повозкахъ пороху, потому что у насъ его совсѣмъ не доставало. Живковичь обѣщался, и ушелъ, я взялъ наши мѣшечки съ зарядами, велѣлъ нашимъ людямъ привязать ихъ за сѣдлами, въ видѣ дорожныхъ плащей, и мы отправились къ Валѣву. Но когда мы узнали, что Турки Шабацкіе, Зворничане, и Сербы Ядране изъ Бельины въ Сви-

(1) То есть о той, которая было разошлась

леувѣ, мы повернули на Гомилицу, гдѣ стояло наше войско и куда пришли уже храбрые гайдуки: Дамьянъ и Григорій (братья) Недичи изъ Осѣчина, Георгій изъ Остружня, и Дамьянъ изъ Кутешицы (всѣ они въ послѣдствіи погибли на Чекашинѣ).

25-го Февраля оставили мы два мѣшечка, т. е. 32 ока пороха и нѣсколько свинца дружинѣ, что́ стояла на горѣ Гомилицѣ у Свилеува. Дядя сказалъ имъ, что Турокъ много, и что онъ не надѣется разбить ихъ,—развѣ, если пришлю ему еще человѣкъ 200 хорошихъ ратниковъ, для того, чтобы, разбивъ съ ними этотъ Турецкій отрядъ, идти, уже всѣмъ вмѣстѣ, на Валѣво. Я въ самую эту ночь, 26-го Февраля, пришелъ къ нашему войску въ Грабоваць (на одинъ часъ разстоянія отъ Валѣва) и сейчасъ же отрядилъ болѣе 200 человѣкъ съ Лукою изъ Кутишицы, къ дядѣ въ Свилеуво. На другой день, 27-го Февраля, послалъ я остальной порохъ—16 окъ въ мѣшечкѣ, къ головѣ Николаю Грбовичу и его сыну Миловану, чтобъ они отдали половину головѣ Миличу Кедичу. 28-го Февраля послалъ я вызовъ Туркамъ Валѣвскимъ на переговоры. Къ намъ пришелъ Сали-Спаія, который былъ писаремъ отца моего, и еще пять стариковъ Турокъ. Я имъ разсказалъ все то, что говорилъ нашимъ людямъ объ Дервишъ-Бегѣ, Муста-Паши сынѣ, и про фирманъ; сказалъ тоже, что бимбаша Дервишъ-Бега у меня въ дружинѣ и т. д. Они всему повѣрили, потому что я говорилъ довольно правдоподобныя вещи, и эта была для насъ тогда лучшая политика, хотя бѣдный Хаджи-Муста-Пашичь не зналъ и не вѣдалъ про насъ. Я говорилъ пришедшимъ Туркамъ: «Выгоните вы сами Поречъ-Алію, тогда мы всѣ разойдемся по домамъ, и останемся въ мирѣ съ вами, какъ прежде; а если вы его не прогоните, такъ вы ожидайте насъ; мы придемъ черезъ 5 дней и сами съ нимъ справимся; но и тогда мы не хотимъ воевать съ вами, мирными, добрыми, и приверженными къ султану Турками; постарайтесь удалить себя совершенно отъ него—уйдите въ нагорную улицу, гдѣ ряды, а мы окружимъ его дворъ и постараемся васъ не трогать.» На это Турки: «Эхъ! тоіерей ты, батюшка! ужъ если разъ взойдетъ войско въ городъ, не станетъ оно разбирать—кто правъ, кто виноватъ.»

Я имъ отвѣчалъ, что безъ этого быть не можетъ: мы должны имѣть въ нашихъ рукахъ Поречъ-Алію живаго или мертваго, если онъ не спасется бѣгствомъ, — «а если вы станете его защищать, не взыщите, что и вамъ достанется.»

Во время этихъ переговоровъ пришелъ старый голова Николай Грбовичь и началъ парадировать наше войско передъ нами, между тѣмъ какъ Іовица Милутиновичь сдѣлалъ знамя изъ платка, и носилъ его взадъ и впередъ передъ строемъ. Турки поглядывали на дружину, и Селимъ-Спаія, писарь отца моего, воскликнулъ: «Аллахъ, откуда у васъ столько войска?»

Я отвѣчалъ: «Вѣдь у тебя на рукахъ книга харача (1)? Стало быть, ты знаешь сколько у насъ женатыхъ жителей: они всѣ возстали, и старый и малый, а то, что тутъ видишь — такъ это только деревни отъ Словца и до Бранковины, а Грбовичь стоитъ съ войскомъ особо, и Кедичь особо; да еще у насъ дружина на Бѣломъ Бродѣ, другая на Палежѣ сторожитъ дорогу со стороны Бѣлграда, да еще у насъ есть войско у Свилеува въ Гомилицахъ, противъ Шабачанъ и Зворничанъ, которые пошли было на выручку Поречъ-Алія къ Валѣву, да въ Свилеувѣ Яковъ отрѣзалъ ихъ», и т. д.

Послѣ всѣхъ переговоровъ сказалъ я: «Или выгоните сами Поречъ-Алію изъ Валѣва, или ожидайте насъ. Ужъ тамъ, что Богъ дастъ, но клянусь вамъ: пять дней мы даемъ вамъ сроку, и не будемъ нападать на Валѣво, въ ожиданіи, что вы сами выгоните Поречъ-Алію; если же черезъ пять дней онъ еще будетъ между вами, то пойдемъ на васъ непремѣнно.» Съ тѣмъ мы и разошлись. Я воротился съ Живаномъ булюбашей, который былъ со мной на переговорахъ; — тамъ мы нашли стараго голову, Николая Грбовича, ожидавшаго насъ; онъ спросилъ меня: «Душа моя, когда же выступимъ мы на Валѣво, чтобъ выжечь его?» Я ему сказалъ: «Я далъ честное слово, что мы въ теченіе пяти дней не будемъ наступать, и причина такого обѣщанія та, что въ Свилеувѣ много Турокъ, и я послалъ болѣе 200 ратниковъ къ нашимъ на помощь, съ тѣмъ, чтобы они разбили Турокъ, а потомъ соединенными силами мы ударимъ на Валѣво.»

Выслушавъ меня, онъ сказалъ: «Еслибъ ты, душа моя, не давалъ обѣщанія, то нынче вечеромъ, мы, какъ я думалъ, ударили бы на Валѣво; но такъ какъ ты послалъ дружину къ Свилеуву, и на пять дней заключилъ перемиріе, то отложимъ это дѣло, пока не увидимъ, что̀ будетъ на Свилеувѣ; я же, покуда, пойду достать сѣна и соломы около Турецкаго сторожеваго дома, что̀ на дорогѣ подъ Валѣвомъ;

---

(1) Т. е. книга поголовной подати.

пускай эта *собачья вѣра* (1) видитъ, что мы собираемся жечь ихъ города.»

«Пожалуй, голова, дѣлай, какъ хочешь», отвѣчалъ я, и онъ, ужъ въ темную ночь, ушелъ къ своей дружинѣ въ Жуберъ. Я собралъ ратниковъ и сказалъ тѣмъ, которые были изъ ближнихъ селъ: «Сегодня вечеромъ, братцы, заговѣнье, идите по домамъ заговѣться, а рано утромъ соберитесь.» Со мной осталось до 400 человѣкъ—не болѣе—въ Грабовцѣ на ночлегѣ, а я, полагаясь на перемиріе, заключенное съ Турками на пять дней, улегся спать безъ всякой заботы; вдругъ ночью прибѣжалъ часовой будить насъ съ извѣстіемъ, что горитъ Валѣво, и что слышна частая стрѣльба. Я всталъ и выбѣжалъ посмотрѣть; и точно — Валѣво горѣло! Я созвалъ дружину и послалъ въ сосѣднія деревни, чтобъ и оттуда скорѣе собирались ратники.

Тутъ увидѣлъ я, какую сдѣлалъ ошибку ради заговѣнья, но съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ понять, кто ударилъ на Валѣво и зажегъ его. Вотъ (послѣ узналъ я) какъ это было: когда Грбовичь пошелъ отъ насъ поздно черезъ Колубару, въ темнотѣ ночи наткнулся онъ на Турецкія строенія съ сѣномъ и соломой, на полчаса разстоянія ниже Валѣва—и всѣ зажегъ; потомъ воротился въ Жуберъ къ своему войску, и, беззаботно отправивъ свое заговѣнье, легъ спать; однако Кедичь и Миливой съ другой стороны Валѣва (гдѣ они стояли), увидѣвъ огни и пламя за Валѣвомъ, вообразили, что наши дружины ужъ ударили на Валѣво и съ южной стороны зажгли городъ; тогда одинъ изъ нихъ бросился изъ Враны на Сербскую часть города, а другой на Турецкую, и зажгли Видракъ. Видя это, Поречъ-Алія приказалъ Туркамъ самимъ зажечь всѣ дома въ сосѣдствѣ его каменной усадьбы, чтобы дать мѣсто стрѣльбѣ, и такимъ образомъ случилось, что въ эту ночь все Валѣво было въ пламени. Тутъ спросилъ я Живана: «Что намъ дѣлать теперь? Вчера вечеромъ обѣщали мы пять дней сроку до нападенія, а наши, не предваривъ насъ, напали и зажгли Валѣво! которая же теперь обязанность для насъ священнѣе: сдержать слово, данное Туркамъ, и оставить братьевъ нашихъ сражаться однихъ, или покривить душой, быть вѣролюмными, но спѣшить на помощь къ нашимъ братьямъ?»

Булюбаша Живанъ отвѣчалъ: «И то и другое не хорошо, но въ настоящее время лучше сдѣлаться вѣроломными, чѣмъ измѣнниками и не идти на помощь своимъ нуждающимся братьямъ.»

(1) Т. е. поклонники Магомета.

И такъ мы пошли быстро, всѣ вмѣстѣ, въ темнотѣ, и какъ пришли въ поле подъ Кличевцемъ (гдѣ теперь выстроена башня), вдругъ съ Любостинскаго моста посыпались на насъ пули изъ сотни ружей. Мы однако пробились пониже (тамъ потеряли мы убитыми двухъ добрыхъ ратниковъ изъ Вронина). Мы зажгли еще нѣсколько домовъ, заставили Турокъ запереться въ большомъ дворѣ, окруженномъ каменною стѣною, и почти весь слѣдующій день стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Около ночи я переправился чрезъ Колубару, для совѣщанія съ головою Грбовичемъ и Кедичемъ, о томъ— что намъ дѣлать? Старый голова Грбовичь говорилъ: «Эти Турки въ такой твердынѣ заперлись, что имъ, душа моя, безъ пушекъ мы никакого вреда не можемъ сдѣлать, а надобно ихъ окружить и держать въ осадѣ, пока они намъ съ голоду не сдадутся; да нѣтъ у насъ *брашна*! (такъ называлъ онъ порохъ). Пойди, душа моя сыщи намъ брашенъ, а я буду эту собачью вѣру охранять и беречь и цѣнить ихъ, какъ они сберегли и оцѣнили моего Алексу и Бирчанина!»

Въ ту ночь, когда мы сражались въ Валѣвѣ, видѣли мы съ горъ багряное зарево по всему небу надъ Рудникомъ, который зажгли Кара-Георгій и Янко Катичь; это придало еще болѣе духа нашему войску: такъ точно и они (какъ сказывалъ послѣ Катичь) видѣли пламя пожара Валѣвскаго. Это было въ заговѣніе 28-го Февраля 1804 года; въ тотъ же самый день и Яковъ въ Свилеувѣ разбилъ Турокъ, у которыхъ убито около 270 человѣкъ.

Въ ту же ночь (послѣдняго числа Февраля 1804 года) пріѣхалъ я въ Забрежье; но тамъ Живковича съ порохомъ не было; я переправился въ Болѣвачь, въ сторожевой домикъ ([1]), гдѣ вышелъ ко мнѣ *оберъ-лейтенантъ* кордонной стражи. Онъ былъ Римскаго вѣроисповѣданія, однако, не смотря на то, исполненный человѣколюбія и справедливости. На вопросъ его: зачѣмъ мы воюемъ съ Турками, я разсказалъ ему, какое угнетеніе мы терпѣли, и не смотря на наши страданія терпѣли бъ еще болѣе; но Даіи записали въ своихъ книгахъ, осудивши на смерть, всѣхъ тѣхъ, кто въ Цесарскую войну были офицерами, капралами и даже солдатами, при томъ всѣхъ главныхъ монаховъ и священниковъ приговорили къ убіенію и уже обезглавили отца моего, Алексѣя Бирчанина, Хаджи-Рувима и всѣхъ

([1]) Родъ калайчи для часовыхъ на Австрійскомъ берегу.

другихъ въ пашалыкѢ, которыхъ только успѣли захватить. Мы же остальные, составивъ маленькіе отряды, бѣжали въ горы; мало по малу изъ отрядовъ составились дружины, а изъ дружинъ войско, и теперь мы хотимъ защищаться; авось султанъ узнаетъ и пошлетъ опять добраго визиря управлять нами, ибо мы возстали не на султана, ни даже не на Турокъ вѣрныхъ ему, но на четырехъ Даіевъ и ихъ субашей-угнетателей, и поклялись всѣ погибнуть; пусть лучше самое имя Серба забудется на землѣ, чѣмъ намъ покориться этимъ Туркамъ: «Прошу васъ, господине—говорю я—дайте мпѣ совѣтъ: такъ какъ ужъ теперь пролита кровь и дѣло завязалось не на шутку, то къ кому намъ обратиться, кто бы подалъ намъ руку помощи, кто бы защитилъ насъ и возстановилъ бы миръ?»

Оберъ-лейтенантъ отвѣчалъ на это: «Кто же, по сю сторону границы, для васъ важнѣе и ближе митрополита Стратимировича? Онъ, такъ сказать, глава вашего народа и хорошъ съ эрцгерцогомъ Карломъ, а эрцгерцогъ Карлъ нынче главный начальникъ всѣхъ войскъ въ нашей имперіи;—напишите къ нимъ обоимъ, или въ главный штабъ въ Варадинъ; просите ихъ—не заступятся ли они за васъ.» «Господине—говорю я—да я не умѣлъ бы и своему брату священнику написать письмо, такъ гдѣ мнѣ писать къ митрополиту и принцу Карлу?»

«Да знаешь ли на столько грамоту» продолжалъ онъ, «чтобы можно было разобрать всѣ слова, которыя ты напишешь?». Я отвѣчалъ, что настолько-то станетъ у меня умѣнья, и что я въ Сирміи немного учился; что разобрать мое рукописанье не трудно, но что тутъ вѣдь нужно разные титулы давать, да употреблять политическія названія и рѣчи, которыхъ не знаю, и о которыхъ не имѣю понятія, какъ они пишутся.

На это оберъ-лейтенантъ сказалъ: «Эхъ! любезный, оставь титулы и политику; если ты станешь имъ политику писать, и они тебѣ политикой же будутъ отвѣчать, и ты не будешь знать настоящаго положенія дѣлъ; лучше напиши просто, какъ ты мнѣ говорилъ, и письмо дай мнѣ, я его перешлю». Однако напрасно онъ говорилъ мнѣ, я не смѣлъ отважиться на такой шагъ. Я воротился въ Забрежье, сказавъ, что пойду ожидать Живковича и на другой день переправлюсь опять чрезъ рѣку въ сторожевой домикъ. Въ эту ночь пришло ко мнѣ письмо отъ Грбовича и отъ нашихъ булюбашей съ извѣстіемъ, что въ ту ночь, какъ я уѣхалъ, Турки бѣжали

изъ Валѣва; дядя Яковъ, съ своей стороны, ко мнѣ писалъ, что Турки разбиты въ Свилеувѣ и много у нихъ убитыхъ, и чтобы я непремѣнно, какъ можно скорѣе, и больше привезъ къ нему пороху, чтобы идти на Шабацъ.

Съ этими радостными вѣстями пришелъ я опять въ Болевачскій сторожевой домикъ. Лейтенантъ и попъ Яковъ, приходскій священникъ Болѣвачскій, пріѣхали ко мнѣ туда же въ повозкѣ; я началъ имъ хвастаться, и говорить какъ Турки ночью бѣжали изъ Валѣва, какъ ихъ мой дядя, Яковъ, съ своей дружиной разбилъ въ Свилеувѣ; разсказалъ, что на мѣстѣ оставили Турки убитыми около 270 человѣкъ, а что остальные раненые въ безпорядкѣ бѣжали въ Шабацъ; я разсказалъ имъ также, какъ въ ту ночь, когда мы жгли Валѣво, видно было зарево и пламя надъ Рудникомъ, и полагаемъ, что Черный Георгій взялъ городъ и т. д.

Тутъ лейтенантъ, замѣтилъ: «Да вы, должно быть имѣете довольно войска, и войско хорошее,—что могли въ трехъ мѣстахъ вдругъ разбить Турецкія силы, которыя мы знаемъ, каковы!»

Я отвѣчалъ, что войска у насъ достаточно, и что въ храбрости мы Туркамъ не уступимъ, — «дайте намъ только пороху, ружей и пушекъ, да хорошихъ офицеровъ, такъ мы Турокъ и изъ крѣпостей выгонимъ», и т. д.

Лейтенантъ повторилъ: «Напишите же тѣмъ двумъ, о которыхъ я тебѣ вчера говорилъ».

Я крѣпко задумался: не зналъ я, не написалъ-ли уже Черный Георгій къ кому нибудь; я съ своей стороны могъ написать другое, и этимъ испортить его дѣла и намѣренія. Я спросилъ лейтенанта: не было-ли послано чрезъ Австріійскую границу какое нибудь письмо отъ Чернаго Георгія, или отъ кого нибудь другаго, къ кому бы то ни было? Онъ отвѣчалъ: «Какъ скоро дошли до насъ слухи, что Черный Георгій и вы собираете войско, я тотчасъ же пріѣхалъ на линію и зналъ бы непремѣнно, еслибъ хоть какое нибудь письмо на нашъ берегъ было послано: не было никакого письма». Тогда сказалъ я: «Ужъ если вы, господине, мнѣ совѣтуете и уполномочиваете меня поступить такимъ образомъ, и если до сихъ поръ не было получено писемъ отъ Чернаго Георгія, то я, пожалуй, рѣшился бы написать кое-какъ, но нѣтъ у меня здѣсь ни чернилъ, ни пера, ни бумаги».

Тутъ онъ обратился къ священнику и сказалъ: «иди, отче Яковъ, принеси ему, что нужно для письма».

Попъ Яковъ побѣжалъ къ каретѣ и принесъ мнѣ чернилицу, перо и четыре листа бумаги. Я отправился назадъ въ Забрежье, въ домъ Пантелеймона Ружичича, и сталъ писать на маленькомъ столѣ, стоя на колѣняхъ; это было ночью; Пантелеймонъ держалъ предо мною свѣчку; я писалъ, какъ умѣлъ, и написалъ два письма: одно митрополиту Стратимировичу, а другое, точно не припомню теперь кому, принцу-ли Карлу, или въ главный штабъ; и о томъ и о другомъ говорилъ мнѣ лейтенантъ, но теперь ужъ забылъ, къ кому именно я писалъ. Какъ умѣлъ, описалъ я угнетенія, которыя терпѣли мы отъ янычаръ, и прибавилъ, что мы бы однако терпѣли и дольше, еслибъ они не записали въ своихъ книгахъ, какъ обреченныхъ на смерть, всѣхъ тѣхъ, кто служили офицерами, капралами и даже простыми рядовыми въ волонтерахъ и воевали на сторонѣ Австрійцевъ противъ Турокъ, въ кампанію 1788 года; я разсказалъ, какимъ образомъ они уже начали приводить въ исполненіе этотъ приговоръ, и перерѣзали головъ и старѣйшинъ въ Валѣвской нахіи, и въ другихъ мѣстахъ всѣхъ главныхъ жителей, которыхъ только успѣли захватить; какъ мы младшіе, въ ужасѣ спасались отъ смерти, въ единственныхъ нашихъ убѣжищахъ—лѣсахъ; какъ тамъ изъ насъ набралось войско, и мы поклялись умереть отъ перваго до послѣдняго. «Мы думаемъ—писалъ я—что пусть лучше самое имя Сербское пропадетъ, чѣмъ намъ подчиняться опять нашимъ тиранамъ; и потому просимъ, чтобы имперія Австрійская подала намъ руку помощи и сыскала бы какія угодно средства спасти невинный народъ отъ окончательной гибели», и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ, чтобъ дали намъ снаряды, пушки и офицеровъ. Теперь я улыбаюсь при воспоминаніи о томъ, какъ я тогда думалъ и писалъ: напримѣръ, кончилъ я письмо тѣмъ, «что если не будетъ другой помощи, то чтобы онъ (цесарь) возвратилъ намъ столько же войска, сколько служило ему нашихъ фрейкорцевъ,» какъ будто дѣло шло о возвращеніи какого нибудь займа. Это письмо подписано было послѣдняго числа Февраля или перваго Марта 1804 года, но котораго числа именно—я забылъ.

На другой день я отнесъ письмо въ сторожевой домикъ; ко мнѣ пришли лейтенантъ и попъ Яковъ и принесли съ собою краснаго сургуча, при чемъ я и прочелъ имъ мое бѣдное, простое прошеніе.

Лейтенантъ, выслушавъ, сказалъ: «Вотъ такъ хорошо, просто по Сербски! они поймутъ все; а еслибъ ты захотѣлъ хитро и дипломатически къ нимъ писать, они бы и тебѣ отвѣчали дипломатически, и вы не знали бы, въ какихъ вы отношеніяхъ».

Мы запечатали письмо, и онъ взялъ его съ собою для отправленія. Между тѣмъ пришли люди отъ дяди и спрашивали: «гдѣ же порохъ? войско ужъ давно готово идти на Шабацъ». Я все ожидалъ Живковича, и не могъ дождаться; однако дядя Яковъ выступилъ на Шабацъ, занялъ Сербскую часть города, выжегъ нѣсколько Турецкихъ домовъ, а Турокъ загналъ въ крѣпость. Это было въ началѣ Марта.

Наконецъ явился Живковичь съ зарядами, которые стóяли 600 гульденовъ серебромъ, и не выдавалъ ихъ безъ денегъ, а денегъ-то у меня не было; вотъ была мука-то и печаль! Почти двое сутокъ терзался я, бѣгая по селамъ и деревнямъ, въ надеждѣ собрать хоть нѣсколько паръ (1), но тѣ, которые бы могли дать мнѣ въ займы, всѣ ушли въ войско; ни одного изъ нихъ не было дома. Къ счастію, въ это время Бранко Ашковичь и Михаило Теодоровичь пригнали къ перевозу Забрежскому 300 откормленныхъ кабановъ. Бранко же и Михаило были участниками въ торговлѣ по-поламъ съ моимъ дядей. Вспомнилъ я это; слава Богу —думаю—вотъ и деньги! Я обратился къ обоимъ торговцамъ, чтобы они дали вексель на Хаджи-Баича въ Митровцѣ, для выдачи 300 гульденовъ Живковичу. Но они чуть не выцарапали мнѣ глазъ: «Что ты, что ты, опомнись, протоіерей, говорили они: зачѣмъ намъ лѣзть въ долги? Не сего дня—завтра придется, можетъ быть, бѣжать въ Сирмію; да если будемъ еще въ долгахъ, то чѣмъ станемъ кормиться», и т. д.

Вотъ для меня бѣда горшая! Войско пошло на Шабацъ, а зарядовъ нѣтъ, и денегъ нѣтъ, все бѣда на бѣду! Цѣлый день умолялъ я ихъ дать вексель, а они и слышать не хотятъ. Наконецъ спросилъ я ихъ: «Да Яковъ товарищъ-ли въ вашей торговой компаніи?» «Такъ точно» отвѣчали они. «Хорошо—продолжалъ я—такъ я же самъ Яковъ,» (ибо у насъ былъ *одинъ домъ*, т. е. мы жили и вели дѣла нераздѣльно; онъ меня замѣщалъ въ дѣлахъ, а я его), да и прибавилъ: «отдѣлите же моихъ сто кабановъ, я ихъ отдамъ въ уплату за заряды» Но увидѣвъ, что они и тутъ упрямятся, я за-

(1) Пара—мелкая Турецкая монета; 40 паръ составляютъ піастръ.

кричалъ моимъ ратникамъ: «Пойдите, выберите сотню моихъ кабановъ и гоните ихъ на переправу.» Пошли наши ратники, вооруженные, гнать кабановъ къ рѣкѣ; но когда Бранко и Михаило увидѣли, что я съ ними не намѣренъ шутить, то дали мнѣ карандашомъ написанный (а чернилицы не было со мной) вексель на Хаджи-Баича для уплаты 300 гульденовъ Живковичу; я сейчасъ же перешелъ черезъ Саву и отдалъ Степану Живковичу, и отъ него принялъ заряды: много пороха, довольно большое количество свинца и два мѣшка готовыхъ патроновъ.

Въ это время пришелъ изъ Раниловича Радое Трнавацъ и обрадовался, увидѣвъ, что мы нашли заряды и человѣка, который будетъ намъ доставать ихъ; я отдалъ два мѣшка патроновъ Радою; онъ ихъ отнесъ въ свою дружину, а порохъ и свинецъ взялъ я съ собою въ Шабацъ, чтобъ тамъ можно намъ было отливать пули и дѣлать патроны для продолженія войны съ Турками. Это было въ Мартѣ, кажется около 10-го числа—можетъ быть, не много ранѣе или не много позже 10-го. Степанъ Живковичь, при продажѣ намъ зарядовъ, бралъ тридцать процентовъ барыша, но ужъ Богъ съ нимъ! И это продолжалось до тѣхъ поръ, какъ нѣкто Дмитрій Пулѣвичь началъ тоже намъ приносить разные снаряды. Онъ отправился и въ Новый Садъ (Нейзацъ), гдѣ покойный владыко Іовановичь Новосадскій далъ ему для насъ одну чугунную пушку, длиною болѣе фута, которая принадлежала церкви (или стояла у церкви); Пулѣвичь тайно отдалъ ее исправить въ Варадинѣ, гдѣ изъ нея сдѣлали прекрасную пушку, и потомъ тайно же переправилъ чрезъ рѣку, у Кленка, пушку эту, снаряды и артиллериста, Нѣмца, Матвѣя. Достали мы пушку! Теперь, думали мы, кто̀ сильнѣе насъ Сербовъ! Войску нашему мы говорили, что намъ прислалъ ее цесарь изъ Вѣны, но что надобно хранить это въ тайнѣ, и чтобъ никто не смѣлъ объ этомъ разсказывать; народъ все болѣе увѣрялся, что мы были во всемъ согласны и имѣли сношенія съ Нѣмцами, и что скоро придетъ войско къ намъ на помощь. И такъ начали мы нашей единственной пушкой громить крѣпость, а владыко Іовановичь далъ Пулѣвичу еще такую же небольшую пушку, которую Пулѣвичь также исправилъ въ Варадинѣ.

Около послѣднихъ дней Марта, получили мы отвѣтъ изъ главнаго штаба Варадинскаго на мои письма, въ которыхъ я изъ Забрежья просилъ о помощи. Нынѣ не могу всего письма припомнить, но по-

мню только, что по высочайшему повелѣнію главный штабъ объявлялъ намъ, что Австрійскій дворъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Оттоманскою Портою и, слѣдовательно, ни въ чемъ никакой помощи оказать намъ не можетъ, но устроитъ такъ, чтобъ насъ и Турецкихъ Даіевъ созвать на переговоры для примиренія.

Мнѣ кажется, что письмо было отъ 20-го Марта, т. е. по Римскому стилю.

Я взялъ это письмо, позвалъ дядю Якова, Дмитрія Миличанца (торговца), Кою изъ Свилеува и еще двухъ человѣкъ, прочелъ имъ письмо, и заклиналъ ихъ не говорить ни кому, что Нѣмцы не будутъ намъ помогать, но все повторять по прежнему, что Нѣмцы будутъ къ намъ съ войскомъ, что будутъ у насъ пушки, чтобъ народъ не оробѣлъ. Между тѣмъ стали доходить слухи, что владыко Леонтій выходилъ къ Черному Георгію и, по приказанію Даіевъ, предлагалъ ему сто мѣшковъ съ деньгами и позволеніе перевезти все свое имущество въ Нѣмецкую землю, только-бы онъ пересталъ воевать. Спустя нѣсколько времени, стали разглашать, что Черный Георгій смирился. Мы очень боялись, чтобы въ этомъ не было доли правды. Въ то самое время, какъ мы обстрѣливали Шабацъ съ своей пушкой, написалъ намъ тоже самое, что̀ изъ главнаго штаба, и митрополитъ Стратимировичь, при чемъ всѣмъ намъ совѣтовалъ (а мнѣ въ особенности) въ нашемъ предпріятіи всегда имѣть въ виду, что мы подданные Турецкіе и по окончаніи войны опять таки будемъ Турецкими подданными, и потому, какъ можно больше беречь людей, чтобъ не было кровопролитія безъ нужды, и чтобъ мы особенно остерегались безчестить Турецкія мечети, гаремы, гробницы; однимъ словомъ, чтобы мы уважали не трогали всего того, что Турки почитаютъ святыней, дабы не раздражить мирныхъ и честныхъ Турокъ и самого султана.

По полученіи письма, я взялъ 18 ратниковъ, и отправился на свиданіе къ Черному Георгію, намѣреваясь ему прочесть письмо, уговориться съ нимъ въ томъ, чтобы онъ не вздумалъ мириться,— и согласиться съ нимъ въ общемъ планѣ дѣйствій. (Въ это же время Черный Георгій послалъ было съ своей стороны Павла Поповича узнать, что̀ мы на Сѣверѣ дѣлаемъ,—въ самомъ ли дѣлѣ осаждаемъ Шабацъ и откуда у насъ пушка). Пріѣхали мы въ Орошацъ Крагуевацкій—на горѣ встрѣтили голову Симу Марковича, и Ѳеодосія Орашацкаго голову. Сказавши другъ другу о себѣ, и такъ какъ они меня знали по моему отцу, то мы слѣзли съ лошадей и

посидѣли вмѣстѣ въ полѣ. Они спросили меня—что̀ мы дѣлаемъ на Сѣверѣ? Я отвѣчалъ, что мы осаждаемъ Шабацъ, и что у насъ ужъ есть одна пушка, что я ѣду къ Черному Георгію, съ намѣреніемъ уговориться съ нимъ для составленія общаго плана дѣйствій, ибо слышимъ, что онъ тамъ сражается съ Турками, а мы на Сѣверѣ не имѣемъ съ нимъ никакихъ сношеній. Сверхъ того—прибавилъ я—еще со мною есть письма, которыя я долженъ ему сообщить, чтобы отправить на нихъ отвѣтъ. Эти письма я прочелъ имъ. А Ѳеодосій голова сказалъ тутъ: «Батюшка, какъ ты отвѣчалъ прежде, такъ отпиши и теперь; вѣдь Черный Георгій не умѣетъ писать, и писаря нѣтъ у него; онъ только умѣетъ сражаться съ Турками, а ты воротись домой.» Я отвѣчалъ: «Во что̀ бы то ни стало, я долженъ найдти Чернаго Георгія.» «Ты доро̀гъ нашихъ не знаешь—говоритъ мнѣ голова Сима: можешь попасться къ Туркамъ; тамъ вездѣ Турки рыскаютъ.»

Увидѣвъ однако, что не могутъ уговорить меня воротиться, они просили меня удалить всѣхъ моихъ людей, сами своихъ тоже удалили, и тогда искренно признались, что третьяго дня ударили на Ягодину, не зная, что Кучукъ-Алія пришелъ туда съ кирджаліями; что Турки одержали верхъ, что Сербы принуждены были оставить Ягодину, и Черный Георгій отправился на ту сторону собирать войско,—и что они шли теперь на вербовку, чтобъ потомъ опять черезъ нѣсколько дней соединиться съ Георгіемъ. Потому-то они и старались отклонить меня тѣмъ, что не знаютъ, гдѣ Черный Георгій.

Воротились мы всѣ вмѣстѣ къ Клѣштевицѣ и тамъ переночевали. Я въ ту ночь переписалъ письма, и далъ имъ копіи, для передачи Черному Георгію; послѣ этого я воротился въ Шабацъ. Этотъ Кучукъ-Алія, четвертый Даія, увидѣвъ, что не можетъ примириться съ Сербами, подкупилъ большими деньгами однаго голову, Максима изъ Губереважа, который провелъ его проселочной дорогой до Вербицы, гдѣ Черный Георгій и Катичь (Янко) ночевали въ ханѣ, съ сотнею ратниковъ, и когда увидѣли войско въ полѣ, подумали что это наши, не воображая, что Турки могутъ придти съ этой стороны. Кучукъ-Алія напалъ на нихъ въ расплохъ, хотя у него не много больше войска было и у самого. Черный Георгій, съ своими ратниками, съ великимъ трудомъ, сражаясь, пробился, и ушелъ въ горы, а Кучукъ-Алія захватилъ красный *тюракъ* (1) Чернаго Георгія,

(1) Турецкая верхняя одежда съ рукавами, въ родѣ кафтана.

унесъ съ собой въ Крагуевацъ и сказалъ: «Раія! я убилъ Чернаго Георгія и вотъ его тюракъ». Ему повѣрили и стали приносить продовольствіе; онъ пошелъ къ Ягодинѣ и къ Нишу (Ниссѣ), собралъ кирджаліевъ, которыхъ привелъ въ Ягодину; а наши, не зная, что тамъ Кучукъ-Алія съ кирджаліями, напали на Ягодину и были разбиты. Отбивъ нашихъ отъ Ягодины, Кучукъ-Алія повернулъ къ Бѣлграду, но Вася Чаретичъ ожидалъ его у Бѣлаго Потока около Овале, и послѣ схватки, отрубивъ головъ сотню, отнялъ много лошадей и другой добычи. Черный Георгій потомъ вторично пошелъ съ войскомъ на Ягодину и очистилъ ее отъ непріятеля. Послѣ, когда мы съ войскомъ пришли подъ Бѣлградъ, привели къ намъ чрезъ Тоичидеръ, въ лагерь, того Максима волостнаго голову, что былъ проводникомъ Кучукъ-Аліи, и Катичь Янко всего его изрѣзалъ ножомъ.

Между тѣмъ мы продолжали осаждать Шабацъ Валѣвской дружиной, Шабацкой, Тавнавской и Пасавинской. Въ Тавнавской дружинѣ предводительствовалъ голова Станко изъ Бошняковъ, а въ Пасавинской голова Ѳедоръ изъ Жабара; въ Шабацской—нѣкто Остая Спужь, отличный человѣкъ. Мачване (1) тяжелые люди на войнѣ. Только одинъ Андрей Витомировичь изъ Дреновца и Остая Спужь держались съ нами, съ небольшимъ числомъ ратниковъ, а Георгій Тюрчія ходилъ по Мачвѣ и около Цера, и рѣдко приходилъ въ Шабацъ на сраженіе. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ, что Паша Видаичь и Мула Ножина собрали войско, пришли въ Лѣшницу, и хотятъ идти на выручку Мусаги въ Шабцѣ. Мы приказали головѣ Мачванскому Михаилу и Тюрчію собрать всѣ свои дружины подъ Церомъ и ждать, пока придутъ наши дружины, а потомъ ударить вмѣстѣ на Турокъ. Дядя мой Яковъ отобралъ около 400 ратниковъ Валѣвскихъ, и изъ Тавнавы Шабацской увелъ ихъ въ Чаканинъ монастырь, гдѣ засталъ только Тюрчію съ нѣсколькими ратниками, а объ головѣ Михайлѣ не было ни слуху, ни духу. Яковъ хотѣлъ около монастыря сдѣлать засаду, потомъ начать сраженіе съ Турками и заманить ихъ туда, но Недичи не согласились, а пошли дальше къ Лѣшницѣ и вступили въ бой, между тѣмъ какъ Тюрчія, не сражаясь, ушелъ въ Церъ. Турки же Лѣшничане, знакомые съ мѣстностію, провели свое войско проселочными дорогами съ фланга,

---

(1) Жители Мачвы.

и совершенно окружили нашихъ; весь день сражались тутъ храбрѣйшіе и славнѣйшіе гайдуки, между прочими и оба Недича; около вечера не достало у нихъ зарядовъ: Турки въ это самое время сдѣлали приступъ, а наши отбивали ихъ ружейными прикладами и рѣзались ножами. Однако многочисленность Турокъ взяла верхъ, и почти всѣ наши были переранены и перебиты. Дядя мой Яковъ съ трудомъ пробился сквозь непріятеля съ горстью людей, большею частію тяжело раненыхъ. Это сраженіе было наканунѣ Вербнаго Воскресенья, въ Лазареву Субботу, 18 Апрѣля 1804 года.

А что же я дѣлалъ въ Шабцѣ, пока дядя ушелъ на Сѣверъ и бился съ Турками?

Мы часто ходили, по своимъ дѣламъ, въ Кленачскій сторожевой домъ; туда же и Шабацкіе Турки приходили покупать, что имъ было нужно. Этимъ Туркамъ мы постоянно говорили: «Охота вамъ выдерживать осаду за партію Фочича Мусаги и его субашей; прогоните ихъ изъ крѣпости, такъ мы съ вами будемъ жить въ дружбѣ, какъ прежде: иначе вѣдь и вы съ ними сгорите, когда мы зажжемъ крѣпость.» Шабчане и сказали наконецъ Мусагѣ: «Выходи ты изъ крѣпости, чтобъ за тебя мы не пострадали: не то мы, всѣ Шабчане, рѣшились высыпать толпою въ поле и передаться раіѣ.»

Я часто бывалъ въ Кленакѣ, куда приходили и Австрійскій полковникъ Стапчевичь и капитанъ Коста (Константинъ) Іованович. Они были намъ хорошіе пріятели, и тоже совѣтовали Туркамъ выгнать Фочича. Наконецъ Шабчане и Мусага уговорились, и въ сторожевомъ домикѣ написали мы капитуляцію: что Мусагѣ позволено будетъ съ своими приверженцами выдти изъ крѣпости и отправиться въ Бѣлградъ, а съ Шабчанами мы будемъ жить въ мирѣ, по прежнему, и положили этому быть черезъ день, рано утромъ. Мусага хотѣлъ было перейдти въ Боснію, но мы не согласились, и позволили ему самому перебраться въ Бѣлградъ, а гаремъ и дѣтей послать въ Боснію. Уполномоченные Мусаги подписали эти условія и полковникъ тоже приложилъ руку, какъ свидѣтель; полковникъ даже обѣщалъ дать лодки, чтобъ перевезти Мусагинъ гаремъ до Горчки, и провожатыхъ для Мусаги отъ Кленка, внизъ по Савѣ до Землина и Бѣлграда. Тутъ Турки спросили: «Гдѣ же Яковъ? что онъ не подписывается?» Я имъ отвѣчалъ, что все равно; но впрочемъ, если имъ угодно, то Яковъ на другой день явится.

Въ то же время я сказалъ Шабчанамъ, что ихъ войско стоитъ въ Лѣшницѣ, что̀ они и сами знали; а наше—противъ нихъ, и по этому могло произойдти сраженіе: «И такъ — говорилъ я — дайте двоихъ Турокъ изъ вашихъ: пусть идутъ они и объявятъ, что такъ, какъ мы съ вами помирились, и Мусага вышелъ изъ крѣпости , то пусть Боснійское войско возвратится къ своимъ границамъ, чтобъ не заводить опять вражды между нами.» Они выбрали Ходжу и еще одного стараго Шабчанина, а я далъ двоихъ ратниковъ имъ въ проводники до Турецкаго лагеря, написавъ дядѣ Якову, чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ, въ ту же ночь, при чемъ я увѣдомилъ его, зачѣмъ именно. Они отправились за два часа до ночи (въ сумерки), въ тотъ самый день, какъ наши были разбиты, въ Лазареву Субботу, 18 Апрѣля. Около четырехъ или пяти часовъ ночи вдругъ явился дядя. Я дивился, какъ могло дойти къ нему мое письмо, или какимъ образомъ пришелъ онъ прежде полученія моего письма, и спросилъ у него: «Какъ это такъ скоро ты пріѣхалъ?» «Эхъ, ты!» отвѣчалъ онъ,—«скоро шелъ я, такъ скоро и дошелъ.» Я спросилъ: получилъ ли онъ мое письмо?—онъ отвѣчалъ, что не получалъ, но разсказалъ, какимъ образомъ они были разбиты на–голову. Я съ своей стороны разсказалъ ему капитуляцію, по которой Мусага съ своими тремя стами субашей долженъ былъ на другой день выдти изъ крѣпости. Обрадовался дядя. Мы устроили стражу около Шабца , чтобъ не могли дойдти до Мусаги извѣстія, что въ Лѣшницѣ разбито наше войско.

На другой день рано пошли мы въ Кленакъ, и Мусага съ своими ратниками (около трехъ сотъ человѣкъ) вышелъ изъ крѣпости; Граничары проводили его внизъ по Савѣ до Землина и въ Бѣлградъ. Это было около 20 Апрѣля. Двѣ Нѣмецкія лодки, назначенныя для Мусаги, поплыли вверхъ Савы до Горчка; но одна изъ нихъ, съ его домашнимъ скарбомъ, потонула со всѣмъ грузомъ.

Между тѣмъ, когда мои два Турка, посланные изъ Шабца, пришли въ Лѣшницу къ войску, Босняки бросились на нихъ и начали ихъ бранить и грозиться, что зарѣжутъ ихъ, за то, что они Мусагу отпустили и послушались Сербовъ. Мы разбили ихъ войско здѣсь, — говорили Босняки,—и завтра пришли бы въ Шабацъ, чтобъ и тамъ разбить ихъ.

Но они успѣли воротиться только въ то самое время, когда Мусага выступилъ изъ послѣднихъ укрѣпленій, а мы уже вступили въ крѣпость,

гдѣ дружески здоровались съ Шабчанами, называя спагій—спагіями, ефендіевъ — ефендіями, какъ прежде, и потомъ воротились на свои квартиры, чтобы распорядиться роспускомъ войска по домамъ. Мы назначили оставаться въ крѣпости, со стороны Сербовъ, Павлу изъ Вукалы съ 20-ю ратниками, пока установится прежній порядокъ, и народу можно будетъ свободно приходить для торговли съ Турками.

Между тѣмъ пришло ко мнѣ письмо отъ Чернаго Георгія, который звалъ меня въ назначенный день въ Остружницу; дядя остался для распоряженій, а я поѣхалъ въ Остружницу. Когда я прибылъ туда, Черный Георгій объявилъ мнѣ, что насъ зовутъ въ Землинъ, гдѣ будетъ Варадинскій генералъ и уполномоченные отъ Даіевъ, чтобы мирить насъ. Мы приготовили 9-ть пунктовъ условій, которые должны были вытребовать отъ Даіевъ, и безъ которыхъ не соглашались принимать мира (эти пункты найдете въ моихъ письмахъ). Намъ выслали карантинную повозку; въ нее сѣли Черный Георгій, Катичь Янко, я съ Антоніемъ Плякичемъ и ратникомъ Кара-Георгія, и пріѣхали въ Землинъ, къ генералу, въ садъ. Генералъ сидѣлъ съ лѣвой стороны и съ нимъ довольно большое число офицеровъ; съ правой стороны сидѣли Турки въ рядъ—человѣкъ десять или двѣнадцать; намъ троимъ подали три стула въ верху стола. Антоній Плякичь, слѣдуя наставленію, данному мною дорогой, сталъ съ своей длинной винтовкой за Чернымъ Георгіемъ, а онъ былъ молодецъ собой и одѣтъ въ красивое платье.

Генералъ Жене спросилъ, зачѣмъ мы сражаемся съ Турками?

На это мы отвѣчали по порядку: объ угнетеніяхъ, перенесенныхъ нами, о насильственной смерти нашихъ старшинъ, Алексѣя Бирчанина, Петра изъ Тюпріенъ, Хаджи-Руфима, и перечислили всѣхъ другихъ, которыхъ хорошо знали, прибавивъ, — «что они хотятъ перерѣзать и всѣхъ лучшихъ людей нашихъ, и оставить въ живыхъ только малыхъ дѣтей,» и т. д.

Со стороны Турокъ, два мухасила (1) сказали: «Что было, то было; впередъ аги не станутъ такъ поступать.»

На это Катичь сказалъ: «И точно не станутъ! Сидите же вы спокойно; вы султанскіе мухасилы, а мы возстали не противъ султана и не противъ его служителей, а противъ Даіевъ, съ которыми хотимъ помѣриться оружіемъ.»

---

(1) Т. е. чиновники по гражданской, финансовой части.

Тогда генералъ Жене спросилъ: «Чего же требуете вы отъ Турокъ, и чего Турки хотятъ отъ васъ? Мой Дворъ назначилъ меня мирить васъ.»

Мы прочли 9 пунктовъ, изъ коихъ первый заключалъ въ себѣ требованія, чтобы въ Бѣлградѣ не терпѣть четырехъ Даіевъ и ихъ субашей. (Прочіе пункты вы найдете въ моихъ бумагахъ и письмахъ того времени).

Изъ нашихъ требованій Турки принимали только нѣкоторыя; генералъ прибавлялъ, съ своей стороны, чтобъ какъ нибудь согласить насъ на мировую, и много было споровъ съ обѣихъ сторонъ; впрочемъ, со стороны Турокъ менѣе, ибо они стыдились и убѣждены были въ своей винѣ. Бѣдный генералъ склонялся иногда немножко и въ пользу Турокъ, и всячески старался согласить насъ и возстановить миръ, до той поры, какъ мы увидѣли, въ самомъ жару спора, что въ Топчидерѣ (на томъ берегу) дымъ подымается. Вскочилъ Катичь и внѣ себя вскричалъ: «Ну, хорошо, господа! вы созвали насъ сюда, черезъ Саву, отъ имени вашего и императорскаго, а на нашемъ берегу Даіи выжигаютъ наши дома и берутъ въ полонъ наши беззащитныя семейства, какъ волки овецъ безъ пастыря!» (1) Генералъ всталъ съ мѣста, увидѣлъ дымъ, который десятью столбами упирался въ небо; поворотившись къ Туркамъ, онъ сердито закричалъ: «Вы мятежники! вы бунтовщики противъ своего государя! Вы убили вашего визиря, вы перерѣзали Сербскихъ старѣйшинъ! теперь императоръ послалъ меня посредникомъ для заключенія мира, а вы въ глазахъ императора, лицо котораго я представляю здѣсь, выжигаете и убиваете беззащитныхъ!» и т. д.

Турки всѣ кричали только: «*вала!* никто отъ насъ не ходилъ во Врачаръ! *вала била* (клянемся), это сдѣлано не нашими.»

Тутъ вскочилъ Катичь и кинулся между сидячими Нѣмцами и Турками, какъ сумасшедшій; казалось, что изъ устъ его сверкала молнія. Бѣдный командиръ-генералъ не зналъ, куда дѣваться—съ одной стороны боялся, чтобъ Янко кого нибудь изъ нихъ не тронулъ, и

---

(1) Многіе полагаютъ, что нѣкто Ачаръ Долянацъ изъ Остружницы нарочно поджогъ 10 пустыхъ, покрытыхъ соломой домовъ, на горѣ Топчидерской, въ которыхъ прежде жили Болгаре, но уже выселились. Думаютъ, что онъ потому сдѣлалъ пожаръ, чтобы Кара-Георгію дать возможность прекратить переговоры въ Землинѣ и не заключать мира.

тогда пришлось бы имъ всѣмъ отправиться въ карантинъ, а съ другой стороны еще больше опасался, чтобъ въ своемъ бѣшенствѣ Янко не началъ бой съ Турками; онъ все уговаривалъ его: «Тише, Янко! тише, Янко!»

«Я притихну теперь, господинъ, я притихну», кричалъ Катичь: «вѣдь я здѣсь, на другомъ берегу Савы, да еще обманомъ; меня сюда заманили измѣной, но повстрѣчаемся завтра на Врачарѣ!» Повернувшись къ Туркамъ, онъ продолжалъ: «Слушайте, даіевскіе и султанскіе Турки! пойдите, скажите этому подлецу Кучукъ-Аліи, завтра рано утромъ пускай выйдетъ онъ на Дедину гору, или во Врачаръ, куда онъ хочетъ; ему коня—мнѣ коня; ему пистолетъ—мнѣ пистолетъ; ему копье—мнѣ копье; ему саблю—и мнѣ саблю! пускай онъ выбираетъ какое угодно оружіе и выйдетъ со мной на поединокъ, а беззащитныхъ нашихъ людей пусть оставитъ въ покоѣ.»

Всталъ и Черный Георгій, и сказалъ командующему Жене: «Господинъ! извините насъ за трудъ вашъ и пріѣздъ къ намъ, но миру не бывать; и отнынѣ услышите и увидите только войну—прощайте!» Катичь еще разъ поворотился къ Туркамъ и сказалъ по-Турецки: «Еще разъ говорю вамъ: скажите подлецу этому Кучукъ-Аліи, что ему велѣно передать отъ Катича Янка изъ Рогача вотъ что: если, дескать, онъ не баба, то завтра, рано утромъ, пусть онъ выходитъ на смертный бой со мною.»

Послѣ всего этого, мы сѣли въ повозку и уѣхали; пріѣхавъ въ Остружницу, мы уговорились, чтобъ Черный Георгій и Катичь пошли набирать войско, а я долженъ былъ воротиться въ нашъ край, съ тѣмъ, чтобы къ 9 Мая, именно къ Святителю Николаю, всѣмъ собраться въ Топчидеръ (все это было на нашей Страстной недѣлѣ, передъ Свѣтлымъ Христовомъ Воскресеніемъ).

Воротившись въ Бранковину, я передалъ моему дядѣ нашъ планъ. Мы тотчасъ же послали за головою Грбовичемъ и за Кедичемъ, чтобъ они взяли съ собой изъ каждой деревни по 4 и 5 человѣкъ изъ стариковъ и пришли бы на Рельино поле, на сходку для совѣщанія: кому идти на Врачаръ, кого оставить на стражѣ для охраненія границъ нахіи, и кого оставить для наблюденія за тишиною и порядкомъ въ самой нахіи, во время нашего отсутствія. Когда сходка собралась, мы на ней уговорились такъ: мы пойдемъ на Врачаръ, Кедичь будетъ охранять нахію со стороны Сокола, а Грбовичь со стороны Ужицы, но каждый изъ нихъ отдѣлитъ нѣкоторое число

войска къ нашему отряду, и въ главѣ своихъ ратниковъ пойдетъ Милованъ , сынъ Николая Грбовича. Со стороны Шабца мы были спокойны, ибо, по изгнаніи Мусаги, мы оставили своего волостнаго голову при Кадіи и дали другъ другу твердое обѣщаніе, чтобы ни въ чемъ не бояться, ни имъ насъ, ни намъ ихъ. Нужно было тоже поставить управу и судъ для народа. У меня была Кормчая Книга, и я читалъ законы Юстиніановы, и зналъ о строгости Моисея къ Евреямъ; я и выписалъ нѣсколько параграфовъ изъ Кормчей Книги. Здѣсь пересчитаю нѣсколько изъ сихъ судебныхъ постановленій:

1) Кто убьетъ человѣка, да будетъ казненѣ смертью, и тѣло его да будетъ положено на колесо.

2) Если кто силою увезетъ дѣвушку (какъ это случалось иногда, особенно во время мятежей, когда суды бывали въ разстройствѣ), въ такомъ случаѣ жениха, *кума* (1), и *стараго свата* (2) должно сквозь строй прогнать, а другихъ сообщниковъ сѣчь розгами.

3) Кто украдетъ ягненка, поросенка, коня или вола, съ того взыскать пеню денежную, вдвое противъ цѣны украденной вещи, а похитителя сѣчь розгами.

4) Кто отлучится изъ войска безъ позволенія, того прогнать сквозь строй.

5) Кто бѣжитъ съ караула, того разстрѣлять.

6) Кто преступитъ клятву или лжесвидѣтельствуетъ, съ того взыскать всѣ расходы и весь ущербъ отъ его лжесвидѣтельства, его же наказать розгами и огласить лжецомъ, которому никто и никогда впредь да не вѣритъ.

7) Кто во время ссоры или перебранки схватится за оружіе (такъ какъ это нѣкоторымъ образомъ начало убійства), того прогнать сквозь строй. И такъ далѣе,—14 или 15 пунктовъ.

На сходкѣ мы объявили, что мы идемъ всякій съ своей стороны съ войскомъ, нахія остается безъ старѣйшинъ и суда, а народу, который остается дома, суды необходимы: то пускай сходка выберетъ двухъ честныхъ людей, которые бы оставались въ Кличевцѣ, въ бывшемъ Нѣмецкомъ укрѣпленіи, выше Валѣва.

Собранный міромъ народъ закричалъ: «Вы старѣйшины, выбирайте и назовите намъ, увидимъ мы, кого вы считаете способными.»

---

1) Дружка.

(2) Посаженый отецъ.

Мы представили міру Петра Читака изъ Мушича, Грбовичевской волости, и Іована Рабаса, изъ деревни Рабаса. Всѣмъ міромъ одобрены были они, какъ честные и справедливые старшины, и положено было дать имъ власть судить.

Тогда я всему міру прочелъ тѣ законы, которые составилъ по Кормчей Книгѣ, какъ судили древніе цари, и спросилъ: «согласенъ ли міръ принять ихъ и приказать судить по нимъ.» Выслушавъ каждый пунктъ, особо, всѣ единогласно кричали: «Такъ! такъ да судятъ насъ, чтобъ не было ни угнетенія, ни лицепріятія.»

Мы передали эти писанные законы Читаку, а двухъ пандуровъ послали въ Кличевацъ, чтобъ тамъ выстроили хижины, въ которыхъ должны были поселиться выборные и чинить судъ и расправу; а то, чего не могли рѣшить они, должны были посылать къ намъ на Врачаръ, въ лагерь. Они должны были взять къ себѣ одного изъ священниковъ Бранковинской церкви (тамъ было ихъ нѣсколько), чтобы поставить временную церковь или хоть часовню, въ которой бы отправляли божественную службу и молились за воинство.

6-го Мая выступили: я, дядя Яковъ, Живко Дабичь, голова Пейя и довольно большое число выборныхъ ратниковъ. Дошедши до Уровца, нашли все наше войско въ ожиданіи насъ. Къ намъ пристали изъ Шабца Остоя Спужъ, Андрей Витомировичь изъ Дреновца, каждый съ нѣсколькими ратниками; попа Луку мы послали назадъ, на переправу, съ порученіемъ дождаться второй пушки изъ Варадина, которую подарилъ намъ владыко Новосадскій (а Пулѣвичь въ это время исправлялъ и чинилъ ее), и когда получитъ пушку, то привезъ бы ее на Врачаръ. Въ Палежѣ перевезли мы войско. Кара-Георгій, за день передъ тѣмъ, привелъ Крагуевацкую и Рудицкую дружину, оставилъ ихъ подлѣ Топчидера, а самъ отправился въ сборное мѣсто, въ Дубоко (ибо всѣ жители деревень, въ окрестности Бѣлграда, бѣжали въ Нѣмецкую землю, черезъ Саву, противъ Дубока) и позвалъ Якова туда обѣдать. Яковъ пошелъ. Я же переправлялъ войско и пушку; ратники пѣли и шли очень весело. Но когда господарь (начальникъ) Черный Георгій пришелъ къ намъ и обошелъ ряды войска, здороваясь и говоря: «Добро пожаловали, братцы»; когда его увидѣли и услышали его рѣчи: «Добро пожаловали, братья мои, Сербскіе соколы!» — вѣрьте, дѣти, что всѣ безъ исключенія ратники запѣли съ одушевленіемъ, а многіе старики проливали слезы радости, что дожили до этого дня, и по всему Дубоку, казалось, что

не только воины пѣли, но что и самый лѣсъ, и каждый листъ на каждомъ деревѣ получилъ человѣческій голосъ и пѣлъ вмѣстѣ съ нами. Съ такими пѣснями пришли мы на ночлегъ въ Остружницу, 8-го Мая.

Турки увидѣли изъ Бѣлграда, какъ войско (Крагуевацское и Рудницкое) пришло въ Топчидеръ; они и вышли на нашихъ, конницей и пѣхотой; наши пошли на встрѣчу черезъ Топчидеръ, и началась свалка; но Турокъ было много и они нашихъ отбили до Топчидера: тутъ утонуло болѣе 17 Рудничанъ, тѣла которыхъ мы послѣ нашли и вытащили, когда ужъ раскинули тамъ свой лагерь; а около 20 человѣкъ затворились у паши въ домѣ. Это былъ двухъ-этажный домъ (съ прудомъ подъ терассою), куда визирь лѣтомъ пріѣзжалъ *на тефтерчь*; онъ стоялъ тамъ, гдѣ первый большой фонтанъ, по дорогѣ изъ Бѣлграда въ Печь.

Уже въ сумерки пришли мы съ нашей дружиной изъ Жаркова, и слышимъ, гдѣ-то стрѣляютъ изъ ружей, а къ Черному Георгію бѣжитъ ратникъ и говоритъ: «ударили на насъ Турки въ большомъ числѣ; наши дерутся, но въ великомъ смятеніи». Господарь Георгій только закричалъ: «Скачите конные, да и пѣшіе прибавьте шагу!» потомъ сѣлъ на своего гнѣдаго коня и поскакалъ. Вся дружина побѣжала за нимъ,—побѣжалъ было и я, но Нѣмецъ Матвѣй (артилleристъ) закричалъ мнѣ въ слѣдъ: «Помилуйте, господинъ протоіерей, пушка остается безъ людей—куда же мнѣ дѣваться теперь съ пушкой?» Я съ трудомъ остановилъ Еремію изъ Казличича, и Захарія изъ Кутешицы, и самъ остался тоже при пушкѣ; но мы не смѣли перевезти ее за войскомъ черезъ мостъ, потому что не знали мѣстоположенія и рѣшились повернуть съ поля къ лѣсу. Сперва выѣхали мы впередъ верхами, и увидѣли съ горы, что я вѣрно попалъ на мѣстность, прямо передъ Турками. Мы пушку посиѣшили привезти туда—на середину спуска съ горы, около того мѣста, гдѣ въ послѣдствіи князь Милошъ выстроилъ домъ и овчарню. Турецкая конница между тѣмъ заняла все поле передъ домомъ паши (поле это было все засѣяно пшеницей), пѣхота же окружила и обстрѣливала домъ, въ которомъ защищались Плякичь, нашъ ратникъ Павелъ, и попъ Сретенъ, да еще около 15 человѣкъ. Турки ужъ вломились въ одну комнату и зажгли ее, такъ что домъ горѣлъ съ одного края, пока наше войско шло черезъ Топчидеръ къ нимъ на выручку,—но шло медленно, потому что надобно было переходить черезъ плотины. За-

рядили мы пушку, артиллеристъ и я, но вышла другая бѣда, и мы не знали, что намъ дѣлать? Пушка-то наведена была такъ, что она должна была прямо стрѣлять въ наше войско. Нечѣмъ было намъ вырыть землю, чтобъ опустить казенную часть пушки и поворотить ее на Турокъ. Но нужда научитъ уму-разуму. Побѣжали мы по сторонамъ, искать, не попадется ли что пригодное, и, дѣйствительно, нашли два большіе камня, которые и подвинули подъ лафетъ, подняли пушку и прямо навели ее на Турецкую конницу. Выстрѣлилъ артиллеристъ и попалъ въ одну бѣлую лошадь, ибо Турецкіе всадники стояли густо, какъ лѣсъ. Услышавъ пушечный выстрѣлъ, наши ратники отшатнулись назадъ; но потомъ закричали: «наша пушка—это наша пушка!» и опять устремились впередъ, а Турецкая конница разсѣялась. Между тѣмъ мы опять зарядили пушку, и ядро на этотъ разъ упало въ середину пѣхоты, которая окружала домъ; тогда и пѣхота разсыпалась и побѣжала за гору, наше войско быстро за ними погналось (а на этой горѣ пшеница ужъ колосилась). Говорятъ, что Кара-Георгій кричалъ: «не ходите дальше, не ходите!» Кто слышалъ кто не слыхалъ; какъ бы то ни было—наши вышли на гору. Турки ихъ на горѣ ждали, окружили ихъ и тутъ семь или восемь головъ отрубили. «Какой чортъ васъ дернулъ? кричалъ же вамъ Дьока (Юрко), не ходите дальше, попадетесь въ Турецкую засаду, но вы Дьоку не послушали», сказалъ послѣ Кара Георгій всѣмъ возвратившимся. Тутъ вышли изъ пламени и защитники дома, черные какъ арапы, кто отъ дыма, кто отъ пороха. Съ того дня меня прозвалъ Плакичь своимъ побратимомъ. Это было 9-го Мая, въ праздникъ лѣтняго Николы 1804 года (1).

---

(1) Здѣсь находимъ мы пропускъ и пропускъ довольно важный для исторіи отношеній Австріи къ возставшимъ Сербамъ. Самъ ли составитель записокъ не разсказываетъ, какіе именно были переговоры съ Австрійцами, потому что, можетъ быть, не принималъ въ нихъ участія, или издатель считаетъ нынѣшнее время неблагопріятнымъ печатать о нихъ—не знаемъ; но имѣя подъ рукою другія неизданныя записки, тоже Серба, въ которыхъ упоминается именно о томъ происшествіи, которое пропущено у Ненадовича, мы сообщаемъ извлеченіе изъ этихъ послѣднихъ записокъ, какъ политическое извѣстіе, за достовѣрность котораго можемъ поручиться. Для удобства читателей мы помѣщаемъ это извлеченіе вслѣдъ за симъ, въ текстѣ, пополняя такимъ образомъ пропускъ Ненадовича. *Переводчикъ.*

«Австрія, зная, что бывшій въ то время Карловичскій митрополитъ Стратимировичъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ въ народѣ, осыпавъ его небывалыми прежде къ Сербскимъ митрополитамъ милостями, поручила ему склонить Сербію на принятіе покровительства Австрійскаго, и убѣдить народъ Сербскій въ необходимости этого покровительства, для своего блага и счастія.

Подобнаго рода порученіе поставило митрополита въ весьма затруднительное положеніе: какъ высшій сановникъ имперіи, онъ долженъ былъ исполнить порученіе, возложенное на него правительствомъ; но находясь въ главѣ Восточной церкви въ Австрійскихъ владѣніяхъ, и любя истинно свою націю, онъ понялъ хорошо, къ чему все это клонится, и предвидѣлъ, что ежели Сербія приметъ покровительство Австріи, то черезъ два-три поколѣнія едва ли всѣ Сербы не будутъ обращены въ Римскую вѣру, а народность ихъ будетъ задавлена германизмомъ.

Чтобы обезпечить успѣхъ своего домогательства, кабинетъ Австрійскій назначилъ въ помощь Стратимировичу коммиссара Австрійца, съ цѣлію—наблюдать за его дѣйствіями. Находясь въ такомъ кригическомъ положеніи, митрополитъ рѣшился открыть свое секретное порученіе одному изъ самыхъ ревностныхъ Сербовъ, съ которымъ онъ познакомился и сблизился нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ г. Темешварѣ, гдѣ собираются Сербскіе депутаты для выбора своихъ митрополитовъ, и который сильно содѣйствовалъ тому, что выборъ палъ на Стратимировича, бывшаго младшимъ по чину и по лѣтамъ, изъ семи православныхъ архіереевъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ.

Этотъ ревностный патріотъ, обсудивши щекотливое положеніе митрополита, совѣтовалъ ему исполнить порученіе, возложенное на него кабинетомъ, и дѣйствовать по инструкціямъ, даннымъ ему на этотъ предметъ. Что же касается опасеній на счетъ принятія Сербами покровительства Австрійскаго, то онъ рѣшился взять на себя трудъ противодѣйствовать внушеніямъ и домогательству Австріи и вліяніемъ своимъ дѣйствовать на извѣстныхъ ему Сербовъ, съ которыми онъ былъ въ связяхъ, чтобы устранить отъ народа Сербскаго гибельную для него комбинацію кабинета Австрійскаго; — и, имѣя сношенія съ Младеномъ и Миленкомъ, назначенными со стороны Сербовъ для переговоровъ съ уполномоченными Австрійскими, онъ далъ имъ немедленно знать, что по важности предмета, нетерпящаго

отлагательства, ему необходимо имѣть свиданіе съ ними, до переговоровъ ихъ съ митрополитомъ и коммиссаромъ Австрійскимъ.

Младенъ и Миленко, взявши нѣсколько Сербовъ съ собою, въ бурную и темную ночь переправились черезъ Дунай на Австрійскую сторону, и устранивъ бдительность Австрійскихъ пикетовъ, прибыли на мѣсто, назначенное для свиданія. Вышеупомянутый патріотъ открылъ имъ предметъ завтрашнихъ переговоровъ митрополита и коммиссара Австрійскаго, и изложилъ всѣ гибельныя послѣдствія и опасности, въ отношеніи народности и религіи всего Сербскаго народа, ежели Сербія подчинитъ себя покровительству Австрійскому. Зная Россію и, побывавъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ Москвѣ и Кіевѣ, онъ раскрылъ передъ ними картину величія и славы Россіи, чистоты ея нравовъ и благочестія, сходство обычаевъ Русскихъ съ Сербскими, и всѣми мѣрами старался отклонить всякую идею отъ Австрійскаго протектората, и убѣдить Сербовъ искать только въ единовѣрной и единоплеменной Россіи и у православнаго царя защиты и покровительства. Онъ окончилъ свои увѣщанія слѣдующими словами- «Вамъ лучше будетъ, повѣсивъ камень на шею, кинуться въ Дунаѣ, чѣмъ подчинить себя покровительству Австрійскому.» Здѣсь-то, на уединенномъ берегу Дуная, безъ всякихъ интригъ и вліянія Россіи, даже безъ вѣдома ея, людьми ей неизвѣстными, положено полвѣка назадъ—первое основаніе оффиціальнаго покровительства Россіи надъ Сербіею.

На другой день, при свиданіи политическомъ съ Сербскими посланными, на Дунаѣ, при таможнѣ «Старая Паланка», митрополитъ и коммиссаръ Австрійскій, старались доказать уполномоченнымъ Сербамъ очевидную пользу покровительства Австрійскаго и его благотворныя послѣдствія для Сербіи, уговаривали ихъ дѣйствовать на народъ въ этомъ смыслѣ, и старались всячески доказать имъ, что по географическому положенію каждое другое покровительство будетъ неумѣстно и безполезно для Сербіи.

Въ это время Сербы находились въ весьма опасномъ положеніи. Не имѣвъ достаточно провіанта, пороха, и почти безъ всякой артилеріи, нельзя было предположить, чтобы они могли одни безъ чужой помощи устоять противъ силъ Турецкихъ; и гибель ихъ казалась неизбѣжна. Интересы Сербіи требовали скораго рѣшенія, а чувство самоохраненія скорой помощи, — Австрія на границахъ, протягивая руку помощи, обѣщаетъ и предлагаетъ всѣ средства, нужныя Сербамъ

для ихъ спасенія, не требуя за это ничего отъ нихъ — кромѣ принятія ея покровительства. Минута критическая и очень соблазнительная! Кабинетъ Австрійскій не сомнѣвался почти въ своемъ успѣхѣ и, казалось, что Австрія достигаетъ своей цѣли; но узы кровныя и вѣра восторжествовали и одержали верхъ надъ коварными предложеніями Австріи.

Уполномоченные Сербы, Младенъ и Миленко, возвратясь въ Сербію послѣ переговоровъ ихъ съ митрополитомъ Стратимировичемъ и коммиссаромъ Австрійскимъ, изложили передъ Совѣтомъ всѣ предложенія Австріи; но предварительно сообщили каждому изъ Сербовъ, имѣвшихъ вліяніе въ народѣ, о своемъ свиданіи съ вышеупомянутымъ патріотомъ, о его взглядѣ на этотъ предметъ и его опасеніяхъ, въ отношеніи покровительства Австрійскаго. Въ Совѣтѣ, послѣ непродолжительныхъ преній, взвѣсивъ вышеизложенныя причины, постановили отклонить протекторатъ Австріи, и немедленно отправить депутацію въ С.-Петербургъ, чтобы просить царя православнаго о защитѣ и принятіи покровительства надъ Сербіею (1).

Сначала мы было просили Нѣмцевъ (Австрію) взять насъ подъ свое покровительство, но безъ успѣха; теперь рѣшились искать защиты въ Россіи. Русскіе—наши единовѣрцы и единоплеменники,— думали мы,—они намъ помогутъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ (1804 г.) пріѣхалъ къ намъ и Петръ Новаковичь Чардаклія, Австрійскій ротмистръ, жена котораго была въ Будимѣ при Русской принцессѣ (2), бывшей супругѣ Палатина. Чардаклія отправилъ жену свою съ Станковичемъ (Аѳанасіемъ) и Ѳеодоромъ Филиповичемъ въ Россію (мы не знали, что его жена тамъ), а по этому онъ и настаивалъ, чтобъ мы ѣхали въ Россію. Назначили меня, Чардаклію и Ивана Протича изъ Пожаревца. Пришелъ и нѣкто Гая (Николаевичь) съ Чардакліемъ (вы найдете много его писемъ въ моихъ бумагахъ). Сочинили мы прошеніе, какъ умѣли, записали по нахіямъ всѣ мѣста, гдѣ были какіе нибудь остатки или развалины церквей или монастырей, и сказали, что все это разрушено Турками, чтобы тѣмъ болѣе разгнѣвить Русскихъ, и, раздраживъ, поднять ихъ на отмщеніе за поруганіе свя-

---

(1) Послѣдующій разсказъ снова принадлежитъ Ненадовичу.

(2) Великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ.

тыни. Какъ только мы пришли на Врачаръ, сейчасъ же послали, черезъ Германію, въ Константинополь тоже самое прошеніе, которое мы представляли въ Землинѣ, съ 9 договорными пунктами, предложенными отъ насъ Даіямъ; можетъ быть, Австрія также описала, какъ янычары не соглашались на миръ.

Мы занимали Врачаръ и у насъ были безпрестанныя стычки съ Турками, какъ пришло къ намъ объявленіе отъ Боснійскаго визиря, Бечирь-Паши (въ началѣ или половинѣ Іюля мѣсяца 1804 г.), а къ Туркамъ привезъ тоже приказаніе визирскій Дивитаръ-ага,—чтобъ обѣ непріятельскія стороны прекратили военныя дѣйствія, и что султанъ приказываетъ ему, визирю, ѣхать для примиренія Сербовъ съ Даіями. Такимъ образомъ послѣдовало перемиріе. Прошеніе въ Россію было готово, но мало кто зналъ о немъ, ибо мы все въ тайнѣ обработали, ожидая прибытія Бечирь-Паши, и посмотря — что̀ изъ этого выйдетъ, рѣшить дѣло о поѣздкѣ въ Россію. Визирь подошелъ къ Дринѣ; мы написали къ нашему пріятелю, Хаджи-Салибегу въ Сребреницу, прося совѣта—какъ намъ встрѣтить визиря, и много ли у него войска. Вы найдете въ моихъ бумагахъ письмо Хаджи-Бега, въ которомъ онъ пишетъ: «У визиря, считая его тѣлохранителей, беговъ и спаіевъ, всего около 7,500 человѣкъ. Вы пошлите на Дрину нѣсколько выборныхъ старѣйшинъ, которые пусть встрѣтятъ его; вы, волостные головы, ожидайте его на Врачарѣ съ войскомъ, а я самъ приду съ нимъ въ полку» и проч.

Мы нарядили старѣйшинъ изъ Мачвы, для встрѣчи визиря на Дринѣ. Въ Шабацъ послали голову Милована Грбовича, съ 50 человѣками конницы, а на Палежъ отправились Яковъ, голова Сима и Катичь Янко, съ 600 конницы. Визирь ночевалъ на Бѣлеводѣ, въ Жарковѣ; на другой день снарядился Кара-Георгій, и мы съ нимъ: насъ было около двухъ тысячь самыхъ отборныхъ и лучшихъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи. Всадники выстроились, а мы съ Кара-Георгіемъ взошли въ палатку визиря для переговоровъ. Катичь былъ переводчикомъ. (Я забылъ сказать, что въ ночь, когда визирь пришелъ на ночлегъ на Бѣлеводѣ, всѣ четыре Даіи сѣли на лодки и уплыли внизъ по Дунаю, не взявъ даже своихъ семействъ съ собою; можетъ быть, и самъ визирь присовѣтовалъ имъ это бѣгство).

Визирь сталъ, было, сулить намъ золотыя горы, но Кара-Георгій наконецъ сказалъ: «Спасибо тебѣ, почтеннѣйшій паша; мы знаемъ, что султанъ насъ угнетать не хочетъ, и радъ былъ бы насъ поми-

рить, и послалъ тебя для примиренія съ нами; но Даіи ночью ушли водою къ югу; они опять въ Видинѣ соберутъ войско и опять ударятъ на насъ, какъ сдѣлали съ Хаджи-Муста-Пашей, котораго наконецъ и убили. Скажу тебѣ коротко и ясно: пока четыре Даіи, живые или мертвые, не будутъ у насъ въ рукахъ — не быть миру; ты о мирѣ и не заговаривай; и такъ прощай!»

Визирь Бечирь-Паша испугался и вскричалъ «*Бегъ Дьордье!* отуръ! отуръ! — (назадъ воротись), скажи мнѣ, имѣешь ли человѣка, чтобъ послать въ Ада-кале; я пошлю къ дядѣ Реджепъ-Аги съ приказаніемъ убить ихъ.»

«Есть у меня человѣкъ», отвѣчалъ Кара-Георгій, «Миленко бимбаша.»

И такъ визирь написалъ приказаніе дядѣ Реджепъ-Аги, чтобъ онъ выдалъ четырехъ Даіевъ на убіеніе, и чтобъ Миленко бимбаша принесъ ему ихъ головы. То же писалъ своему дядѣ и Реджепъ-Ага: «Если не убьетъ онъ Фочича, Мемеда, Мула-Іусуфа, Кучукъ-Алію и Аганлію, такъ самъ погибнетъ отъ Бечирь-Паши.» Письма отданы были бимбашѣ, Миленку Стойковичу, онъ взялъ съсобою нѣсколько ратниковъ, сѣлъ на чей-то каикъ, приплылъ въ Ада-кале, отнесъ письма дядѣ Реджепъ-Аги а свою маленькую дружину оставилъ въ полѣ. Реджеповъ дядя, прочитавъ визирево приказаніе и Реджепово письмо, сказалъ: «Иди теперь и воротись, когда смеркнется.»

Миленко воротился, и онъ ему показалъ комнату, гдѣ находились Даіи. Миленко окружилъ ее своими ратниками. Турки погасили свѣчи въ комнатѣ. Миленко досталъ множество вѣтошекъ, зажегъ ихъ, и бросилъ внутрь комнаты; комната освѣтилась и тогда они съ улицы (со двора въ окны) застрѣлили всѣхъ четверыхъ Даіевъ, потомъ отрубили имъ головы и привезли въ Бѣлградъ.

Когда визирь оставилъ свою Бѣлеводскую стоянку, мы вывели наше войско на четверть часа пути отъ каменнаго Царскаго моста— въ поле, поставили его, какъ для смотра, въ два ряда по обѣимъ сторонамъ дороги, на 12 сажень разстоянія, одну пушку поставили съ того края, съ котораго долженъ быть въѣздъ визиря, а другую пушку на другой сторонѣ моста. Когда визирь и его войско вступили на дорогу между нашими рядами, пушки наши начали палить, одна— съ одного края, другая съ другаго. Бѣдные Босняки и паша были блѣдны, какъ полотно: такъ они испугались. Прошли они мимо этого парада нашего и вошли въ Бѣлградъ въ дольнюю крѣпость. На дру-

гой день рано, дядя мой, Катичь, голова Семенъ, Грбовичь и еще нѣсколько волостныхъ головъ пошли въ крѣпость и отнесли тѣ 9 договорныхъ пунктовъ, которые въ Землинѣ мы предлагали уполномоченнымъ даіевскимъ и которые мы изъ Врачара послали Портѣ. Ихъ прочли теперь и Бечирь-Пашѣ наши волостные головы, говоря, что на этихъ условіяхъ мы примиримся, и т. д. Бечирь–Паша отвѣчалъ: «Иншала! Иншала! (слава Богу —хорошо) еще лучше вамъ, будетъ, вы все получите.» Воротились головы. Былъ обычай у Кара-Георгія и у другихъ старѣйшинъ въ Валѣвскомъ войскѣ собираться у церкви, въ тѣни; такъ собрались мы всѣ и въ тотъ день. Головы разсказали, что визирь одобрилъ ихъ предложеніе и даже обѣщался еще выгоднѣе устроить наше дѣло.

Я спросилъ у нихъ: «Когда визирь обѣщалъ выполнить условіе? Просили ли вы, чтобы онъ, съ своей стороны, или мы, отъ себя, выпросили у Нѣмцевъ одного изъ ихъ чиновниковъ, который былъ бы свидѣтелемъ нашего уговора и въ послѣдствіи, если мы измѣнимъ договору, пусть Нѣмцы пишутъ въ Стамбулъ, что мы виноваты; а если измѣнятъ Турки и станутъ насъ угнетать — пусть Нѣмецкій Дворъ объяснитъ султану, на которой сторонѣ вина?»

Головы отвѣчали: «Боже мой! мы объ этомъ не подумали, а нужно бы; пойди ты завтра, и постарайся устроить.»

На другой день, взявъ съ собой Петра Новаковича, я зашелъ сперва къ Хаджи-Бегу, старому пріятелю отца моего, и разсказалъ ему подробно, за чѣмъ пришелъ. Хаджи–Салибегъ сказалъ: «Это дѣло! Это нужно вамъ выпросить, и если отъ сосѣдей Нѣмцевъ не будетъ свидѣтеля на вашемъ договорѣ, такъ все будетъ напрасно.» Онъ самъ пошелъ съ нами переводчикомъ; пришли мы къ визирю и сказали: «Головы пришли отъ тебя съ твоимъ обѣщаніемъ примирить насъ, и исполнить тѣ договорные пункты, которые они вчера представляли тебѣ, и говорили, что ты, милостивый паша, еще лучше устроишь наше дѣло, нежели мы просимъ. Когда головы передали это народу, то все войско закричало: многія лѣта нашему султану Селиму, и нашему визирю Бечирь-Пашѣ!» Ему переводилъ наши рѣчи Хаджи–Салибегъ Сребреницкій, а паша улыбался и самодовольно гладилъ свою длинную, бѣлую бороду, приговаривая: «иншала, иншала!» Мы опять поклонились, поцѣловали полу его кафтана и сказали: «Вотъ еще народъ тебѣ кланяется и кафтанъ цѣлуетъ, прося тебя, чтобъ на эту нашу сдѣлку и уговоръ—ты ли, или мы, пригласили

человѣка, который бы отъ Нѣмецкаго Двора былъ свидѣтелемъ нашего договора съ тѣмъ, что, если мы измѣнимъ слову, пусть Нѣмцы скажутъ нашему государю, чтобъ онъ послалъ войско истребить всѣхъ Сербовъ, а если Турки обманутъ насъ и станутъ насъ угнетать по прежнему, то пусть Нѣмцы, какъ наши ближайшіе сосѣди, дадутъ знать султану, чтобъ онъ послалъ одного изъ своихъ визирей съ войскомъ защитить насъ.»

Только что Хаджи-Бегъ перевелъ это, — какъ у моего визиря нальются кровью глаза, да какъ закричитъ онъ громогласно: «Олмазъ! олмазъ!» и еще громче и грознѣе въ третій разъ: «олмазъ (нельзя)! въ дѣла султановой земли не смѣй никто вмѣшиваться! У султана довольно своихъ вѣрныхъ Турокъ, которые съумѣютъ сказать ему— кто правъ, кто виноватъ.»

Мы поклонились и ушли. Когда воротились мы въ лагерь, опять собрались старѣйшины, и Кара-Георгій спросилъ меня: «Ну, что хорошенькаго принесъ ты въ отвѣтъ?»

«Получилъ я три громовые *олмазъ*»—отвѣчалъ я—«не будетъ у насъ свидѣтеля», и разсказалъ все, какъ было.

Выслушавъ меня, Кара-Георгій сказалъ: «Вотъ оно что! развѣ вы думаете, что мы на этомъ помиримся, да и разойдемся по домамъ? Не бывать тутъ миру; отнынѣ будутъ великія битвы. А ты снаряжайся, да иди куда тебя посылаютъ!» (т. е. въ Россію).

Все это, помнится, происходило на послѣднихъ дняхъ Іюля мѣсяца 1804 г.

Съ прибытія визиря вездѣ само собою установилось перемиріе. Наши люди ходили свободно и въ Бѣлградъ и въ Смедерево. Изъ нашей волости распустили мы четыре роты, чтобъ отдохнули дома въ теченіе мѣсяца, а потомъ пришли бы опять на смѣну тѣхъ, которые оставались на Врачарѣ. Я тоже отправился домой въ Бранковину, чтобъ приготовиться въ путь (въ Россію), какъ вдругъ Демьянъ изъ Кутешицы присталъ ко мнѣ: «Иди—говоритъ—ради Бога! вотъ Турки на Дринѣ, и ихъ не много, переправятся, пустятся грабить, да опять на Дрину назадъ, а мы сидимъ сложа руки на Симиной горѣ! тамъ Лука Грбовичь и Тьюрчья, но они другъ друга не слушаютъ, а могли бы легко разбить Турокъ.» (т. е. Мусагу).

(Этого самаго Демьяна изъ Кутешицы я и дядя посылали сначала

въ Черную Гору, къ владыкѣ, и къ графу Ивеличу въ Рисань (1), за помощью; но Ивеличь отвѣчалъ, что государь (т. е. Русскій царь) въ великой дружбѣ съ Туркомъ, а совѣтовалъ намъ обратиться къ султану въ Царьградѣ. Письмо Ивелича найдете въ моихъ бумагахъ, а письмо владыки потеряно.

Демьянъ все приставалъ: «иди! да иди!» Я ему сказалъ, что безъ войска не пойду. «Иди,—говоритъ онъ — войска довольно на этихъ Турокъ, только головы-то у насъ нѣтъ.» Я послалъ за тѣми четырьмя ротами, которыя были отпущены на отдыхъ, собралъ ихъ и подошелъ съ ними къ Добравѣ, чтобъ потомъ, черезъ Варну, пойдти выше, какъ прискакалъ одинъ Сербъ сказать, что Турки въ Шабацъ, взошли въ крѣпость, и я, говоритъ, едва успѣлъ спастись. Я отрядилъ двѣ роты для защиты моста на Добравѣ у Крнуля, а двѣ другія назначилъ на большую дорогу Шабацкую, чтобъ тамъ сторожить другой мостъ у Мрдьеновца, намѣреваясь оттуда написать къ дядѣ на Врачаръ, что Турки завладѣли Шабацемъ. Въ отправленіи войска на мосты прошло часа два времени, какъ вдругъ двое верховыхъ пріѣхали объявить мнѣ, что Турки всего два часа оставались въ крѣпости, потомъ вышли и отправились къ Китогу. Я перешелъ Варну съ моими 4-мя ротами, пришелъ въ Новосело на Дринѣ, притянулъ къ себѣ и войско съ Симиной горы, и узналъ достовѣрно, что никто иной, какъ Мусага—котораго въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ мы изъ Шабаца прогнали въ Бѣлградъ—перешелъ черезъ Землинъ въ Боснію, набралъ охотниковъ, умѣлъ укрыться отъ нашихъ войскъ и, обойдя ихъ, пришелъ въ Шабацъ, вырылъ деньги свои, которыя закопалъ въ землю во время своего бѣгства, навьючилъ ими своихъ лошадей и тотчасъ же бѣжалъ обратно въ Боснію; увѣряютъ, что у него было до ста окъ (200 фунтовъ) червонцами. И такъ вывезъ онъ свои сто окъ золота, да въ Шабацѣ 70-ти человѣкамъ головы отрубилъ, ибо никто не ожидалъ нашаденія; тутъ былъ убитъ Радомиръ, отецъ Павла Радомировича. Это было 6 го Августа 1804 года, въ самый праздникъ Преображенія.

Я забылъ разсказать вамъ: когда Черный Георгій съ другими пришелъ въ Пожаревацъ, вдругъ Георгій Тьюрчія объявилъ: «Кто Тьюрчанецъ—пойдетъ за мной!» Собравъ 10 или 11 бездомныхъ бродягъ, ударилъ съ ними на Валѣвскій Грабоваць, разграбилъ тамъ

---

(1) Risano (въ Bocche di Cattaro).

лавку готовой одежды какого-то Георгія Маджара, и унесъ товаръ; да такимъ образомъ грабилъ вдоль всей дороги, до Мачвы; потомъ по всей Мачвѣ сталъ отыскивать и грабить все Турецкое, что только попадалось, гдѣ бы ни было. Онъ захватилъ Митровачскую переправу, поставилъ своего брата начальникомъ надъ нею, и сталъ собирать въ свою пользу переправочную плату. Много разъ преду-преждалъ его Черный Георгій и другіе, что пора ему перестать своевольничать и воротиться къ войску на Врачаръ; напрасно! Онъ все говорилъ: «я стерегу границу, а сборъ денежный съ перепра-вы отдаю на порохъ!» Однако онъ нигдѣ не хотѣлъ съ Турками драться, а только грабилъ. Тьюрчія былъ изъ Нѣмецкаго Босута.

Когда я съ Добравы увѣдомилъ дядю, что Турки вошли въ Шабацъ, онъ и голова Сима поспѣшили къ намъ съ войскомъ и, услышавъ, что я въ Новомъ Селѣ, пришли туда. Я пробылъ съ ними только одинъ день; они меня отослали на Врачаръ, а чрезъ два-три дня убили Тьюрчія и его шайку. Пришедъ на Врачаръ, я попросилъ денегъ у Янка—«нѣтъ у меня,» сказалъ онъ, «спроси у Чернаго Георгія,» а онъ въ свою очередь сказалъ: «вотъ придутъ Яковъ и Сима». Всѣ говорили мнѣ: «отправляйся, чего ждешь?» а никто не выдавалъ ни одного пара. Дома снарядясь въ путь, я своихъ собственныхъ денегъ взялъ съ собою 250 червонцевъ, но этихъ мало было для такого дальняго путешествія. Наконецъ спросилъ я Чардаклія,—сколько въ обрѣзъ непремѣнно нужно на такое путешест-віе, ибо я никуда далѣе Сараева не ѣзжалъ. Онъ отвѣчалъ—около 300 червонцевъ. Я сказалъ ему, что у меня только 250, и при-бавилъ: если хватитъ, то отправимся, а Иванъ Протичь — торго-вецъ! не къ чему заботиться о томъ, что ему нужно;—самъ имѣетъ.

«У меня», сказалъ Чардаклія, «ничего нѣтъ кромѣ 11 гульде-новъ и этой винтовки; постарайся у кого нибудь выпросить, а если не дадутъ, такъ отправимся и съ 250, поѣдемъ, пока ихъ доста-нетъ; а Русскіе щедры къ попамъ, будемъ у нихъ просить».

Сговорились мы ѣхать, во всякомъ случаѣ, хоть бы и не суждено было намъ доѣхать до цѣли;—если же суждено намъ погибнуть на пути, такъ что же? Много братій нашихъ погибло на Врачарѣ за народъ свой!

Въ этотъ же самый день привезъ Степанъ Живковичь пороху, и мы всѣ собрались у Чернаго Георгія, и опять зашла рѣчь о нашемъ путешествіи и объ расходахъ. Господарь Георгій сказалъ: «Покуда,

я самъ на отъѣздѣ; (кажется онъ ѣхалъ домой на родину) но вотъ Яковъ и Семенъ и Янко пусть дадутъ вамъ двѣ–три тысячи грошей, и отправляйтесь съ Богомъ! »

Знали мы, что этого мало, да нечего было дѣлать, и на томъ помирились. Сговорились мы съ Живковичемъ, въ какой день выслать намъ лодку и гребцовъ, которыхъ ужъ давно поручили ему держать на готовѣ. Стева (Степанъ Живковичь) обѣщался выслать ихъ къ намъ и прибавилъ: «я на другой лодкѣ нагружу свинцу для продажи въ Ада-кале, и мы можемъ черезъ пороги вмѣстѣ спуститься.

Слава Богу! сказали мы; это еще лучше будетъ, ибо мы о порогахъ ничего и не знали. Тогда написали мы Миленкѣ, чтобъ онъ Ивана Протича увѣдомилъ, въ какой день ожидать насъ въ Рамѣ, на Дунаѣ.

Пришелъ день, назначенный къ отъѣзду, пришла и лодка съ тремя гребцами. Я увѣдомилъ Якова, что лодка тутъ—пора и деньги выдать. Онъ говоритъ: «пойди къ Симѣ (Семену, волостному головѣ), пускай онъ дастъ». Пошелъ я къ Симѣ. «Иди, говоритъ къ Катичу—пускай онъ дастъ». И такимъ образомъ перебывалъ я у каждаго по два раза: ни одинъ ни гроша не выдалъ. Наконецъ воротился я, весьма раздраженный, въ нашу палатку, позвалъ попа Семена, чтобъ передать ему кое–какія порученія къ домашнимъ, потомъ взялъ прошеніе къ Русскому Двору, которое было давно готово, и сказалъ моему дядѣ Якову: «Прощай, съ Богомъ оставаться!» «Развѣ» — говоритъ онъ—«ты въ самомъ дѣлѣ ѣдешь?»— «Ей Богу, ѣду.» «А дали они тебѣ денегъ на дорогу?» спросилъ онъ. «Да столько же дали, какъ и ты самъ,» отвѣчалъ я. На это онъ сказалъ: «постой же, маленько!» и далъ мнѣ 50 червонцевъ.

Я позвалъ Чардаклію, и въ 2 часа ночи, 1-го Сентября 1804 г., повыше Топчидера, сѣли мы на лодку и сказали: «Прости, родная земля! простите, отцовскіе обычаи и привычки роднаго края! ворочусь ли я къ тебѣ, родина! или не ворочусь?» И такъ, гребцы повезли насъ, поплыли мы мимо Бѣлграда, всю ночь плыли внизъ по Дунаю, а какъ стало свѣтать, проголодались— да нечего было ѣсть; въ торопяхъ мы ничего съ собою не захватили. Съ нами былъ и Гая Николаевичь, уже самъ не знаю—за чѣмъ онъ поѣхалъ. Доѣхавъ до Смедерева, мы вышли на берегъ съ Чардакліемъ, чтобъ купить чего нибудь поѣсть. Чего найти? Сыра, хлѣба и винограда

купили. Какъ сѣли мы опять въ лодку, такъ и вспомнили—какъ мы свѣтреничали: ѣдимъ въ Россію, а выходимъ на берегъ между Турками; хватились мы, что глупость сдѣлали, но Турки-то не умнѣе насъ;—и не спросили, куда мы ѣдемъ. Стали мы понукать гребцовъ, чтобъ скорѣй везли далѣе отъ опасности. Такимъ образомъ внизъ по Дунаю продолжали мы путь до Рамы. Теперь не помню, въ тотъ ли первый день или на другой, къ захожденію солнца, плыли мы около самаго берега подлѣ Рамы, до тѣхъ поръ, пока какой-то человѣкъ вышелъ изъ дому, сошелъ къ самому краю рѣки и спросилъ: что это за лодка? Гребцы отвѣчали: наша. Онъ попристальнѣе взглянувъ на насъ, закричалъ: « причаливай! » Мы вышли на берегъ и пожелали ему добраго вечера. Онъ въ полголоса отвѣчалъ: « Пошли вамъ Господь всякаго благополучія, спутники мои ». Я по этимъ словамъ узналъ, что это Иванъ Протичь, и сказалъ: « благополучно мы доѣхали, если ты тотъ, котораго мы ищемъ? »

Я тотъ самый, сказалъ онъ, и мы поцѣловались. Я ему назвалъ Чардаклію, какъ нашего третьяго товарища, и мы пошли къ нему ночевать; онъ насъ радушно угостилъ ужиномъ, и тутъ за здоровье, и за счастливый путь, и мало ли за что еще выпили мы не одну чарку!

Иванъ Протичь былъ совсѣмъ готовъ въ путь. Мы ему сказали, сколько съ нами денегъ и чтобъ онъ взялъ, какъ можно больше. Онъ сказалъ на это: « Возьму 50 червонцевъ, но мнѣ кажется онъ взялъ съ собою больше, только не хотѣлъ намъ о томъ сказать, чтобъ мы бережливѣе были дорогой. Ночевали мы тамъ (въ Рамѣ) а на другое утро, на разсвѣтѣ, какой-то человѣкъ позвалъ насъ съ Дуная. Мы вышли къ нему, я и Протичь, и нашли Стеву Живковича, который далъ намъ живаго карпа. « На-те вамъ рыбу, сказалъ онъ, и, какъ можете, скорѣй сварите и приправьте се, да возмите съ собой; я отправлюсь тихонько, а когда вы меня въ лодкѣ догоните по Дунаю, то перекликнитесь со мною, какъ съ незнакомымъ человѣкомъ, чтобъ мои гребцы не знали, что наша встрѣча по уговору; да и вашимъ не говорите, » и онъ ушелъ. Мы воротились въ домъ Протича, и, пока завтракали, намъ изготовили и карпа. Призвавъ Бога на помощь, пошли мы, сѣли въ лодку, и когда уже тронулись, я воскликнулъ: « Такъ поплылъ нѣкогда Колумбъ съ своими товарищами, по синему морю, открывать Америку и ознакомить ее съ Европой! и мы плывемъ нынѣ, внизъ по тихому Дунаю, открывать Россію, о которой не знаемъ даже, гдѣ она, а только въ нѣс-

нятъ нашихъ слыхали, что она есть, и мы должны Сербію ознакомить съ Россіей! »

На это замѣтилъ Протичь: « Подожди, побратимъ, пока доѣдешь до пороговъ, увидишь—какой будетъ тихій у тебя Дунай! » Наши гребцы работали живо; завидѣвъ на Дунаѣ Живковича въ своей лодкѣ, мы его скоро догнали—его гребцы отдыхали на веслахъ. Подъѣхавъ ближе, мы перекликнулись съ нимъ, желая другъ другу счастливаго пути. Живковичъ спросилъ у насъ: « а куда васъ Богъ несетъ? » Мы отвѣчали, что отправляемся въ Нѣмецкую Оршаву (Австрійскій берегъ въ Орсовѣ).

« Коли такъ: сказалъ онъ, мы товарищи, и я въ то же самое мѣсто ѣду ».

Поплыли мы еще нѣсколько времени, какъ Живковичь сталъ показывать видъ, бутдо собирается обѣдать. « Дайте, сказалъ онъ, причалимте наши лодки одна къ другой, да пообѣдаемте вмѣстѣ; у меня славное вино, нѣтъ ли у васъ рыбы? а съ добрыми товарищами и пища слаще ».

Мы приблизили лодку и, дружно спускаясь по Дунаю, весело обѣдали. (Живковичь везъ съ собою въ лодкѣ двухъ музыкантовъ, которые играли для него дорогой).

Мимо Пореча проѣхали мы ночью. Доѣхали мы и до той деревни, гдѣ берутъ лоцмановъ, умѣющихъ спускать суда черезъ пороги. Чрезъ пороги не позволено обыкновеннымъ кормчимъ Дунайскимъ или Савскимъ править судами , ибо они не довольно искусны и могли бы потопить суда; но должно брать въ этой деревни лоцмановъ, которые къ порогамъ привычны и знаютъ это дѣло. Говорятъ, что они никакихъ податей не платятъ, но только вверхъ и внизъ Дуная по порогамъ провожаютъ лодки. Мы стали просить Живковича, когда сыщетъ себѣ лоцмана, чтобъ онъ и намъ досталъ.

« Съ удовольствіемъ, братцы, отвѣчалъ онъ; да еслибъ я и не досталъ его, то вамъ нечего тревожиться: они по должности своей явятся сами ».

Пришли двое лоцмановъ, каждый взялъ кормило одной изъ нашихъ лодокъ, и мы поплыли дальше по теченію. Вскорѣ услышали мы какой-то ревъ; побратимъ мой, Протичь, спросилъ меня: «Слышишь-ли, братецъ, что нибудь? »—«Слышу ревъ какой-то, да не понимаю, что это?»

«Это голосъ твоего тихаго Дуная.»—«Помилуй, несчастный, развѣ можетъ такъ ревѣть Дунай? »

«Нѣтъ, нѣтъ,—говоритъ онъ,—это только гуси бьютъ крыльями по Дунаю, а вотъ скоро увидишь—какіе они бѣлые! »

Еще проѣхали мы немножко дальше, и показалось намъ что-то бѣлое на водѣ: «Вотъ они, побратимъ, гуси-то! »

Только что Иванъ успѣлъ сказать это, какъ лоцманъ закричалъ: «Кто боится, пусть ляжетъ въ лодку. »

Я и Гая Николаевичъ легли въ лодку, а волны плескали черезъ насъ. Когда лоцманъ закричалъ : «вставайте теперь, кто лежали! » я всталъ и посмотрѣлъ назадъ: вспѣненная вода бѣлѣла на порогахъ. «Ай, да побратимъ, сказалъ я, черны твои гуси; хуже моего тихаго Дуная,» и поплыли мы дальше. Мнѣ сказали, что тутъ рѣка мелѣетъ и скачетъ волнами по камнямъ, которые виднѣются изъ-подъ воды; Живковичъ вышелъ на берегъ немного выше, и отправился сухимъ путемъ въ Оршаву, а мы продолжали свой путь водою до переправы въ Оршавѣ. Тутъ опять къ намъ на встрѣчу Живковичъ и одинъ Сербъ, полковникъ (Австріійскій)! Опять показали мы, будто незнакомы съ Живковичемъ; вынесли изъ лодки наши пожитки, да немного впрочемъ и было ихъ. Спросилъ меня полковникъ: «Батюшка (священникъ) , куда васъ Богъ несетъ? »

Я отвѣчалъ, что ѣду въ большую Болгарскую Тарнову, къ владыкѣ Даніилу, который былъ въ Шабцѣ, а я былъ его дьякономъ; теперь же Сербы враждуютъ съ Турками, такъ я и возвращаюсь къ своему владыкѣ.

«Хорошо, хорошо; но за чѣмъ же нейдешь чрезъ Турцію? »— замѣтилъ полковникъ.

Я отвѣчалъ, что боюсь Турокъ и хочу идти чрезъ Валахію.

Тутъ спросилъ онъ у Протича—онъ куда? Протичь отвѣчалъ: «у меня былъ товарищъ по торговлѣ, который бѣжалъ въ Валахію съ моими счетами и дѣлами. »—Хорошо, а вы, братъ, куда идете? спросилъ полковникъ Чардаклію. Чардаклія завралсяː «я иду, милостивый государь , искать гдѣ нибудь службы, а ко мнѣ одинъ мой пріятель писалъ, что въ Яссахъ можно службу найти; я туда и собрался, »

—А откуда вы? спросилъ полковникъ.

«Я тоже изъ Сербіи», отвѣчалъ Чардаклія.

—Чтò туда идешь, куда сказываешь, вѣрю, а что ты изъ Сербіи— не правда, у тебя и выговоръ не Сербскій; впрочемъ, идите, идите, прибавилъ онъ.

Мы собрали свои вещи и пошли въ карантинъ. Туда доставилъ намъ Живковичь раскрашенную, очень красивую повозку, которую для насъ купилъ; на другой день сѣли мы въ нее и пріѣхали ночевать въ Чернецъ. Одному доброму купцу очень понравилась наша повозка, и онъ предложилъ намъ въ промѣнъ свою подержанную, но хорошую и крѣпкую коляску и 10 червонцевъ въ придачу; мы не согласились, хотѣли непремѣнно ѣхать въ нашей раскрашенной повозкѣ. Отъѣхали мы на часъ пути отъ Чернеца, какъ у нашей прекрасной *каруцы* (повозки) сломалось колесо, и всѣ спицы изъ него вылетѣли: непріятное это было для насъ приключеніе! Что теперь дѣлать? Кто пойдетъ просить того купца помѣняться теперь съ нами?—теперь мы сговорчивѣе стали, нежели прежде. Вынулъ я 10 червонцевъ и послалъ Чардаклію назадъ. Слава Богу! купецъ взялъ 10 червонцевъ и нашу развалившуюся каруцу, а намъ отдалъ свою, которая, съ кое-какими починками, довезла насъ до Петербурга. Доѣхали мы до Кралѣва, и тутъ объявилъ я товарищамъ, чтобъ они занялись нашимъ продовольствіемъ и прочими дорожными потребностями, вмѣсто меня; что я буду выдавать деньги, пока хватитъ у меня, но чтобъ кто нибудь одинъ позаботился о покупкѣ всего нужнаго. Мы опредѣлили Ивана Протича къ этой должности: онъ покупалъ и велъ счеты, а я выдавалъ по 20 червонцевъ съ разу; когда они выходили, то я выдавалъ еще столько же.

14-го Сентября (1804 г.) пріѣхали мы ночевать въ Букарестъ. Тамъ нашли мы Русскаго консула и увѣдомили его—куда мы ѣдемъ; онъ далъ намъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, и между прочимъ сказалъ: «Въ этомъ княжествѣ (т. е. Валахіи) вамъ нечего бояться, но въ Молдавіи будьте осторожны и старайтесь, какъ можно скорѣе, проѣхать ее.» Этотъ же самый консулъ досталъ намъ отъ *Влабега* Ипсилантія (господарь Валашскій Ипсилантій) паспортъ.

Мы послали за лошадьми на почтовую станцію, и отправились, какъ скоро привели ихъ. Доѣхавъ до Фокшанъ, гдѣ раздѣляются эти два княжества, мы переѣхали черезъ Молдаванскую границу. Въ городѣ мы попали прямо въ корчму, которую содержали два Серба, нѣкто Петръ Буюкличь изъ Ужицы, и Николай Карановчанинъ, который женился тамъ на Молдаванкѣ; оба были наши земляки. Такъ

какъ мы намѣревались въ Фокшанахъ отобѣдать, а потомъ ѣхать далѣе—то и заказали обѣдъ въ этой корчмѣ. Когда взошли мы въ комнату, Петръ Буюкличь снялъ шапку и поцѣловалъ меня въ лице. «Здоровы-ли вы, отецъ протоіерей? Каковъ Черный Георгій и Яковъ, и всѣ наши братья?» Я испугался,—откуда этотъ человѣкъ меня знаетъ—и сказалъ ему: «Прости меня, братецъ; вы ошибаетесь: я не протоіерей, а дьяконъ; а что касается до Якова и Чернаго Георгія, то я слыхалъ объ нихъ, но съ ними незнакомъ.»

На это Буюкличь: «А развѣ ты меня не узнаешь?» Я отвѣчалъ, что не только не знаю, но и не видывалъ его. Услышавъ нашъ разговоръ, товарищъ его Никола сказалъ ему: «Полно, Петръ, оставь человѣка въ покоѣ, ты ошибся.»—«Нѣтъ, Нико, не ошибаюсь! но ты, батюшка протоіерей, зачѣмъ отъ насъ скрываешь свое имя? Не сынъ ли ты покойнаго головы Алексѣя, изъ Бранковины? не тотъ ли ты, что ночевалъ въ моемъ домѣ, когда провожалъ невѣсту изъ Ужицы для твоего кума Іокса Пріепольца, и не помнишь ли, что̀ у тебя за добрый бѣлый конь былъ? Не скрывай свое имя, не бойся ничего, божусь тебѣ, я скорѣе умру, нежели васъ выдамъ; тѣхъ двухъ братій (товарищей моихъ) я не знаю; но тебя знаю я, а поэтому знаю,—и куда ѣдете и что съ собой несете; я тоже хочу подписаться подъ вашей бумагой, чтобъ если съ вами быть бѣдѣ, такъ и мнѣ погибнуть; сколько нашихъ братій и въ Сербіи-то погибло!» Я однако все отрекался. Наконецъ Николай его позвалъ и онъ вышелъ. Тутъ Протичь и Чардаклія спросили меня: «Если ты его въ самомъ дѣлѣ знаешь, зачѣмъ не сознаешься? Ты можешь разсердить человѣка и онъ повредитъ намъ, пожалуй.»

Я отвѣчалъ, что онъ сущую правду говоритъ; все было, какъ онъ разсказываетъ, и я его точно узналъ, но безъ ихъ согласія не хотѣлъ сознаться.

Такъ признай его, сказали они. Петръ воротился; я всталъ, обнялъ его и мы поцѣловались, потомъ всѣ кругомъ разцѣловали другъ друга, и пошли разспросы, и долго разговаривали.

Пока мы обѣдали, послали Николая Карановчанина за прописаніемъ нашего паспорта и за почтовыми лошадьми. Паспортъ прописали, а лошадей, сказали, нѣтъ на почтѣ, надобно ждать. Протичь взялъ паспортъ и отправился съ Николаемъ опять на почту, гдѣ нашелъ всѣ стойла полны лошадьми, а все таки говорили, что нѣтъ ихъ; это показалось ему не совсѣмъ чисто (вы должны знать, что Ипсиланти,

Валахскій Бегъ, былъ приверженецъ Россіи, а *Муруз*ъ (Мурузи) Молдавскій—приверженецъ Турціи). Мы испугались, когда они говорили, что нѣтъ для насъ лошадей, а вся конюшня полна; только намъ ихъ не даютъ. Опять пошелъ Протичь,—онъ зналъ по Валашски,—и сталъ просить лошадей, но ему все отвѣчали: нѣтъ лошадей, и до будущаго полдня не будетъ. Это насъ еще больше озаботило. Однако Буюкличь успокоилъ насъ и взялъ на себя поправить дѣло; пошелъ и подрядилъ очень дорого вольнаго извозчика, обѣщая ему еще столько же, когда довезетъ насъ до первой станціи и скажетъ на почтѣ, что его нанялъ самъ почтмейстеръ отвезти насъ до первой станціи, потому что въ Фокшанахъ не достало лошадей. И такъ мы заплатили двойные прогоны, и въ два часа ночи выѣхали изъ Фокшанъ, погоняя изо всей мочи лошадей до первой станціи. Извощикъ сказалъ, что почтмейстеръ самъ его нанялъ и заплатилъ ему. Оттуда мы на почтовыхъ поѣхали отъ станціи до станціи, какъ можно шибче, давая ямщикамъ побольше на водку. Въ сумерки пріѣхали мы въ Яссы и въѣхали прямо на дворъ Русскаго генеральнаго консула. Вошли мы къ нему въ домъ и, подождавъ немного, представились ему и отвѣчали на его вопросъ о томъ, какъ идетъ на Врачарѣ. Вскорѣ генералъ позвалъ своего слугу и спросилъ: «готовы лошади?»—Готовы, отвѣчалъ слуга —«Готовъ паспортъ?»—Готовъ, ваше превосходительство (1).

Тогда онъ обратился къ намъ: «Есть у васъ бумаги?» «Есть,» отвѣчали мы. «Давайте!» Мы отдали ему наше прошеніе, и онъ сказалъ. «Вы бумаги за границей, у Могилевѣ, будете получить; счастлива дорога!» Мы ему сказали, что мы бъ желали здѣсь (въ Яссахъ) переночевать и отдохнуть. На это консулъ: «Нельзя ночевать, надобно что скорѣе бѣгать за границу, черезъ Днѣстръ, и теперь будете себя звать Молдаванскіе купцы, Россійскіе поданницы.» И тутъ же подъ этимъ названіемъ записалъ насъ въ паспортъ, имъ выданный намъ.

Опять поскакали мы, сломя голову, со станціи на станцію. Пріѣхали мы на берегъ Днѣстра противъ Могилева, а на рѣкѣ ужъ стоитъ лодка; мы было хотѣли нашу повозку стащить на паромъ, но одинъ чиновникъ сказалъ намъ: «садитесь вы, а коляску мы по-

---

(1) Весь этотъ разговоръ написанъ по Русски въ Сербскомъ подлинникѣ, Мы его списываемъ съ ошибками, какъ онъ напечатанъ въ Сербскомъ.

томъ перевезем.» Коляска наша и багажъ остались на берегу, а мы сами переѣхали на лодкѣ въ Могилевъ, въ карантинъ. Только успѣли выдти изъ лодки, какъ на томъ берегу прискакали верхами человѣкъ пять Молдаванъ, которые стали кричать и спрашивать: «гдѣ тѣ люди, чья это коляска; пускай придутъ; намъ должно осмотрѣть ихъ.» Одинъ Русскій чиновникъ переправился къ нимъ, и сказалъ, что это Русскіе подданные, Молдаванскіе купцы; они и воротились. Этотъ чиновникъ послѣ разсказалъ намъ, что за нами было послано въ погоню, чтобъ схватить насъ, и что, еслибъ застали насъ на томъ берегу, насъ бы отвезли обратно въ Яссы, и Богъ знаетъ, что бы съ нами сталось. Оттого генеральный консулъ отобралъ у насъ наши бумаги, чтобъ, въ случаѣ, еслибъ насъ схватили, спасти отъ ихъ рукъ наше прошеніе, и оттого не позволилъ намъ ночевать въ Яссахъ, но велѣлъ скакать безъ остановки до границы. Мы въ тотъ же вечеръ начали свой карантинъ, а черезъ день получили и наши бумаги съ курьеромъ.

Когда держали мы карантинъ, намъ сказали, что насъ зоветъ Константинъ, братъ Александра, царя Русскаго. Вышедши изъ карантина, мы только что отправились въ Каменецъ-Подольскій къ Константину царевичу, какъ повозка наша сломалась. Чиновники однако нашли намъ мастера, который разобралъ коляску и, починивъ, привелъ въ совершенную исправность. Уложили мы опять свой багажъ и пріѣхали въ Каменецъ-Подольскій. Великій князь Константинъ далъ ученье солдатамъ на плацу. Мы вышли изъ коляски и, ожидая его, глядѣли, какъ шло ученье—а онъ все ужасно кричалъ. Когда кончилось, онъ пошелъ въ комнату, куда позвали и насъ троихъ; мы взошли и поклонились. Князь спросилъ: «Кто вы? и откуда?» Мы отвѣчали, что мы Сербы, изъ Сербіи, и что ѣдемъ въ Петербургъ къ царю. «Есть у васъ бумаги?» Есть—отвѣчали мы. «Счастливый путь, прощайте!» и ушелъ къ себѣ въ комнату, а мы на лѣстницу и пошли въ трактиръ, гдѣ перекусили немного, а потомъ продолжали путь въ Кіевъ. Въ Кіевѣ остановились мы въ одномъ трактирѣ, который содержалъ нѣкто, называвшійся *Отъ* Бенковичь (Von Benkowitch), Сербъ изъ Баната. Какъ вышли мы изъ повозки, увидѣли, что опять нужно ее чинить, а дальше ѣхать нельзя. Ужъ какъ этотъ Сербъ Отъ Бенковичь обрадовался, когда услышалъ, что мы говоримъ по Сербски; всѣхъ насъ въ обѣ щеки поцѣловалъ и женѣ своей (Полькѣ) сказалъ: «Это мои *сладкіе*, истинные и лю-

безпые земляки», и она насъ очень мило привѣтствовала, поздравляя съ пріѣздомъ и говоря, что очень рада за мужа, что онъ увидѣлъ земляковъ и т. д. Позвали и каретника, который, не ранѣе какъ въ 4 дня, обѣщался исправить нашу коляску.

На другой день прислалъ за нами Кіевскій губернаторъ, и когда мы пришли, спросилъ насъ: кто мы? и куда ѣдемъ? Мы ему отвѣчали. «Зачѣмъ же вы на Харьковъ ѣдете, спросилъ онъ, когда вамъ ближайшая дорога была отъ Каменца-Подольскаго?»

Мы отвѣчали, что у насъ въ Харьковѣ есть одинъ товарищъ, котораго мы желаемъ взять съ собою. Губернаторъ насъ подробно разспрашивалъ о Сербахъ и Туркахъ и о нашихъ битвахъ съ ними, и мы разсказали ему всѣ тогдашнія обстоятельства и наши и Турецкія. Онъ насъ отпустилъ съ словами: «Вашего дѣла нельзя откладывать—надобно ѣхать, какъ можно скорѣе—прощайте!»

Воротились мы на квартиру и, отобѣдавъ, пошли погулять на площадь. Въ Кіевѣ дулъ постоянно вѣтеръ и засыпалъ глаза пескомъ.

На другой день, пошли мы въ великую Кіевскую Лавру, гдѣ не знаешь чему болѣе удивляться; не знаю, болѣе ли заслушивался я ангельскому пѣнію, или болѣе засматривался на двери, образа и огромный иконостасъ, которые блистали, облитые чистѣйшимъ золотомъ, такъ что человѣкъ и не понимаетъ, гдѣ онъ находится! Постояли мы, поглядѣли, и пошли въ пещеры. Въ одной малой пещерѣ, въ которую я зашелъ, шла литургія; былъ тутъ только одинъ монахъ на клиросѣ (вмѣсто дьячка), и сидѣлъ одинъ старецъ, съ длинной, бѣлой, какъ снѣгъ, бородой; передъ нимъ была раскрыта книга, величиной съ великую *тріодь*, и онъ все шевелилъ губами и говорилъ шепотомъ, а въ книгѣ вписаны были все только одни имена съ зачальными буквами, раскрашенными киноварью; онъ все шевелилъ губами и шепталъ эти имена, ужъ не знаю чьи, и на меня не хотѣлъ даже и взглянуть. Я вышелъ, тамъ и сямъ по пещерамъ побродилъ и воротился на квартиру. Я Кіевопечерскую Лавру, и ея красоты, наружныя и внутреннія, не могу описать. Нужно было бы долго пробыть тамъ, да и тогда я не въ силахъ былъ бы описать все великолѣпіе и прелесть. Впрочемъ, что́ показалось всего дороже въ глазахъ моихъ, въ ту пору, это—сложенныя вокругъ всей церкви ядра для пушекъ всякой величины (калибра), и мнѣ казалось—ихъ такъ много, что всѣхъ повозокъ въ Сербіи не было бы достаточно, чтобъ ихъ свезти однимъ разомъ, ибо они лежали въ нѣсколько рядовъ;

вышиною болѣе *фата* (1). Я сказалъ своимъ товарищамъ, что я бы лучше желалъ 12-ю долю только одного ряда этихъ ядеръ и нѣсколько этихъ пушекъ перевезти на Врачаръ, нежели всѣ колокола Святоїй Лавры навѣшать въ Сербіи по церквамъ (2). А Протичь и говоритъ: «Богъ дастъ, достанется намъ частица этого товару, если опъ ужъ такъ близко къ границѣ лежитъ.»

Воротились мы опять въ гостинницу фонъ-Бенковича, который насъ очень хорошо и любезно угостилъ. Повозка наша ужъ была заложена, мы позвали нашего любезнаго хозяина, чтобъ онъ намъ подалъ счетъ, но фонъ-Бенковичь сказалъ намъ: «Со всякаго другаго проѣзжаго я беру по рублю съ человѣка, но съ васъ, какъ съ моихъ братьевъ Сербовъ, возьму только по полтинѣ» Мы расплатились и пошли, а онъ намъ еще уложилъ хлѣба и ветчины на дорогу. Мы съ нимъ простились и, какъ умѣли, благодарили его за дружескій пріемъ, сѣли въ нашу повозку и сказали: съ Богомъ оставаться! а онъ намъ— сто разъ добраго пути пожелалъ и молилъ Бога о благополучномъ для насъ путешествіи.

Мы прямо поѣхали на Днѣпръ, на которомъ мостъ какъ-то изъ *еловыхъ бревенъ связанъ и всплываетъ на самой водѣ;* какъ только мы колесами въѣхали на него, онъ и началъ подъ нами тонуть и всѣ ступицы колесъ были подъ водою. Но по мѣрѣ того, какъ прокатятъ съ него колеса, онъ за нами и подымается; и такъ все время мостъ подъ нами тонулъ, а за нами подымался опять изъ-подъ воды (1), пока мы не переѣхали на другой берегъ; сначала мы порядочно испугались, но потомъ поняли, что это такое.

Мы выѣхали на Харьковскую дорогу, все по какому-то бѣлому песку, который заноситъ Днѣпръ. Тутъ ѣхали тихо, потому что коляска тонула въ пескѣ по ступицу. Кажется, эта несчастная дорога продолжается нѣсколько станцій, но сколько—не помню. Выбравшись изъ этихъ песчаныхъ мѣстъ, поѣхали мы опять скорѣе. Прибыли въ Харьковъ и нашли тамъ Чардакліева жену; у нея мы и остановились. Услышали о насъ Афанасій Стойковичь и Ѳеодоръ Филипповичь (оба Серба, бывшіе профессорами въ Харьковскомъ универ-

---

(1) Мѣра — собственно *охабка*. По Нѣмецки переводятъ словомъ *Klafter*.

(2) Колоколовъ не было позволено имѣть Христіанамъ въ Сербіи при Турецкомъ владычествѣ — отъ того священникъ сельскій, Ненадовичь, употребляетъ это сравненіе, какъ недоступную для него драгоцѣнность.

(1) Живой мостъ.

ситетѣ), и прибѣжали нарочно, чтобъ съ нами повидаться. Мы обнимали и цѣловали другъ друга съ бо́льшею горячностію, чѣмъ члены одного семейства; они не могли насытиться разсказами и распросами о томъ, что дѣлается въ Сербіи и Сирміи. Такимъ образомъ въ пріятельскомъ разговорѣ о родинѣ, мы и не видали, какъ прошелъ вечеръ и намъ подали ужинать. Разговоръ продолжался. Ѳеодоръ Филипповичь говорилъ тихо и благоразумно, Афанасій же Стойковичь очень горячился. Когда они разошлись по своимъ квартирамъ, Чардаклія спросилъ меня и Протича (Ивана): «Изъ этихъ двухъ людей, котораго вамъ хочется взять съ собой?» Я сказалъ, что мнѣ бы хотѣлось того, который поменьше ростомъ, ибо *тотъ большой*, кажется мнѣ, горячаго и даже буйнаго нрава. Тутъ Протичь перервалъ меня: «Если мы большаго-то (т. е. Стойковича) возмемъ съ собой, то и половины дороги не проѣдемъ безъ ссоры, а чего добраго—онъ пожалуй и коляску отниметъ и заставитъ насъ добираться пѣшкомъ.» И такъ мы всѣ согласились, что надобно намъ взять съ собою Ѳеодора. На другой день они опять къ намъ пришли. Мы сказали имъ: мы поѣхали на Харьковъ, чтобъ привезти поклонъ и завѣтную просьбу отъ народа Сербскаго къ Ѳеодору Филипповичу, чтобъ онъ съ нами ѣхалъ въ Петербургъ, и былъ намъ переводчикомъ и секретаремъ. Тутъ Стойковичь сталъ говорить, что Ѳеодоръ не можетъ ѣхать, потому что онъ въ службѣ профессоромъ и т. д.; но мы сказали Ѳеодору, чтобъ выпросилъ дозволеніе, какъ знаетъ, у своего общества (начальства), чтобъ намъ можно было ѣхать дальше. Ѳеодоръ, по уходѣ отъ насъ, представилъ все дѣло университету, но одобренія на поѣздку не получилъ. Однако, черезъ это самое, всѣ узнали—кто мы и куда ѣдемъ. Послѣ обѣда опять пришли къ намъ Стойковичь и Филипповичь и съ ними какой-то пузатый Французъ профессоръ; онъ ужасно горячился и говорилъ: «Куда вы, несчастные, забрались? Въ Петербургъ что ли? развѣ вамъ можетъ Россія помочь? Гдѣ Петербургъ? и гдѣ Сербія? Во Францію, во Францію идите! если вы хотите найдти помощь и ближе и дѣйствительнѣе,—Франція въ состояніи помочь всякому, кто страдаетъ отъ тирановъ!» Да какъ ударитъ вдругъ каблукомъ объ полъ: «Хотите идти, — я васъ нынче же съ собой въ Парижъ повезу; тамъ найдете скорую и надежную помощь, а на Русскихъ никогда не должны надѣяться!»

Я ему на это отвѣчалъ, что мы съ Русскими одного вѣроисповѣданія, и что это самое насъ и влечетъ къ нимъ. «Да, да!—закри-

чалъ Французъ—это поповскія выдумки, ради своихъ корыстныхъ выгодъ, а не думаютъ они о народномъ счастіи...» и проч. и проч. Я ему сказалъ, что, впрочемъ, мы ни отъ кого никакой помощи не ищемъ, но только посредничества, чтобъ насъ съ нашими начальниками, Турками, помирить; съ ними мы воюемъ, потому что они своему государю не повинуются, а мы не враждуемъ съ султаномъ, напротивъ совершенно ему покорны и возстали только противъ угнетенія.... и проч. и проч.

Когда Стойковичъ и Французъ ушли, а Филипповичъ остался съ нами, я его спросилъ: «какъ смѣетъ этотъ проклятый Французъ такія вещи говорить?» Филипповичъ покачалъ головой и отвѣчалъ: «Французъ останется вездѣ Французомъ.» Потомъ стали мы опять говорить объ его отъѣздѣ съ нами: «Еслибъ Богъ далъ, чтобы вы малѣйшее письмо на мое имя имѣли отъ начальниковъ вашихъ съ Врачара—я бы могъ вырваться отсюда, а безъ того меня не отпустятъ.» Тутъ вспомнилъ я, что на Врачарѣ я носилъ печать моего дяди Якова, и что въ торопяхъ забылъ оставить ее, а увезъ въ карманѣ, гдѣ она и теперь находилась. Ѳеодоръ обрадовался: «Ну, теперь, все будетъ хорошо »— сказалъ онъ и написалъ письмо такое: «Поклонъ тебѣ, братъ Ѳеодоръ, отъ меня Чернаго Георгія, и отъ Якова дяди твоего и отъ всего бѣдствующаго нашего народа. Помнишь-ли, братъ, когда мы разстались у Дубока, гдѣ было сборище всѣхъ нашихъ изгнанниковъ и когда мы заклинали тебя идти въ Россію выучиться Россійскому языку съ тѣмъ, что, когда придетъ время послать отъ насъ туда нашихъ людей, ты могъ бы быть имъ переводчикомъ и писаремъ. Вотъ теперь мы ихъ и посылаемъ; какъ только они найдутъ тебя, въ тотъ же часъ ты съ ними иди, куда они тебя позовутъ; они ужъ имѣютъ наши наставленія и приказъ. И если насъ обманешь ты, и не пойдешь съ ними, ты перестанешь быть нашимъ соотечественникомъ; и будешь ты проклятъ всею Сербіей и всѣмъ бѣдствующимъ народомъ нашимъ, если ослушаешься и не сдержишь слова, даннаго тобой, когда мы тебя посылали....» Это письмо его сочиненія я переписалъ моей рукой и запечаталъ печатью дядюшки, выставивъ послѣднее число Августа, какъ бы писанное на Врачарѣ, и адресовалъ «Ѳедору Филипповичу въ Московское Царство, гдѣ находится онъ ». (Печать же я изтеръ объ камень, а на дорогѣ въ Москву бросилъ потомъ въ болото, чтобъ ее никто не нашелъ).

Ѳеодоръ взялъ это письмо и, прочтя его въ университетскомъ

собраніи, сказалъ: «Господа! еслибъ у кого нибудь изъ васъ страдало отечество и, въ нуждѣ, вызывало бы васъ на какую-либо помощь, есть-ли кто изъ васъ, который бы отринулъ такой вызовъ? или вы поспѣшили бы на голосъ народа своего?»

Всѣ молчали, а нашъ горячій пузатый Французъ вскочилъ со стула и вскричалъ: «Еслибъ мой народъ страдалъ и вызывалъ меня на жертву, то не только я бросилъ бы профессорское мѣсто въ Харьковѣ, но если бы я даже былъ императоромъ въ Петербургѣ, то оставилъ бы и самый престолъ царскій, и поспѣшилъ бы на помощь къ моему народу, былъ бы я въ помощь ему или не былъ бы, но раздѣлилъ бы съ нимъ судьбу его!»

Тутъ Ѳедоръ Филипповичь сказалъ: «я—Сербъ, господа! и умѣю любить свой народъ Сербскій не хуже Французовъ и другихъ патріотовъ; по этому иду я дѣлить съ нимъ его счастливую или несчастную долю!»

Французъ закричалъ: «Bravo! Bravo! г. Филипповичь!».... Тоже сказали и прочіе, впрочемъ замѣтили Филипповичу: «подумай однако, какъ ты будешь въ Петербургѣ отвѣчать директору?»

«Какъ меня Богъ надоумитъ; а вы прощайте!» и Ѳеодоръ пришелъ къ намъ. Мы стали готовиться въ путь. Но Ѳеодорову младшему брату, Михаилѣ (Груевичу) не у кого было оставаться въ Харьковѣ, да и не имѣлъ онъ никакого состоянія; въ нашей коляскѣ рѣшительно не было мѣста для него, и такъ позади повозки придѣлали мы ему мѣстечко при чемоданѣ, и бѣдный Михайло, то стоя, то сидя, кой-какъ доѣхалъ до Петербурга. Выѣхали мы изъ Харькова. Ѣхали мы, ѣхали, а зима становилась холоднѣе. Наконецъ пріѣхали въ Москву! Вотъ, мы въ давно желанной, давно любезной, славной Москвѣ и отдыхаемъ цѣлый день; мы побродили по ней, чтобъ хотя что нибудь въ ней посмотрѣть и лицезрѣніемъ усладить очи и сердца наши. Но человѣкъ, никогда не видавшій въ одномъ мѣстѣ столько домовъ, настроенныхъ такою громадою, не знаетъ, въ такомъ большомъ пространномъ городѣ, на что ему наглядѣться, чему болѣе надивиться: *древне царствующему ли Кремлю*, церквамъ-ли или дивнымъ палатамъ и лавкамъ? Что́ *скажу* вамъ про Москву? Надобно было бы родиться въ Москвѣ, и съ ребячества въ ней вырости, чтобы потомъ, на старости лѣтъ, достойно о ней разсказывать, а не такъ, какъ я, быть вскормленному почти безвыходно въ своихъ горахъ, и походить на человѣка, вышедшаго изъ темной комнаты на бѣлый

свѣтъ,—или глядѣвшаго на снѣгъ и отъ блеску его почти теряющаго зрѣніе, пока не протеръ глаза и не свыкся съ свѣтомъ дня. А я?—да никакой другой предметъ не могъ и впечатлѣться въ сердцѣ и мысляхъ моихъ, какъ только Сербія моя, мое отечество, которое занимало всѣ мои чувства, всѣ мои мысли! Мы услышали, что Прозоровскій живетъ близъ Москвы, (а онъ былъ одинъ изъ Россійскихъ магнатовъ), мы и отправились, я и Ѳедоръ Филипповичь въ нашей колескѣ въ его дворецъ (въ подмосковную). Тамъ мы ночевали, а на другой день, рано утромъ, пошли въ его палаты, гдѣ хозяйка ([1]) провела насъ въ теплую комнату и сказала, что хозяинъ дома, но занятъ въ другой комнатѣ. Сѣли мы на стулья, около стола, на которомъ она въ самоварѣ чай варила, и давала намъ его пить, и какъ выпьемъ чашку, такъ подаетъ намъ другую (по три ли, по четыре ли мы уже выпили, а милостивая госпожа все наливала намъ еще). Говорю я Ѳеодору, что я ужъ никакъ больше не могу пить; а онъ мнѣ говоритъ: «выпей еще эту, да накрой чашку», я такъ сдѣлалъ, и она, слава Богу, перестала наливать. Ѳеодоръ послѣ сказалъ мнѣ, что ужъ такой обычай—пока не перевернутъ чашку на блюдечкѣ, все чаю наливаютъ; посмѣялись мы, а я, по крайней мѣрѣ, немножко поумнѣлъ, узнавъ обычай края. Въ это время взошелъ Прозоровскій, поклонился намъ, сѣлъ и спросилъ насъ: «откуда, и кто мы, и для чего къ нему пріѣхали?»—Мы отвѣчали, что мы—Сербы, прибыли изъ Бѣлграда, съ Врачара; что мы уполномочены подать въ Петербургѣ прошеніе Императору, и молить его о защитѣ и помощи; что объ немъ (Прозоровскомъ) много наслышались, и нѣсколько своротили съ пути, чтобъ къ нему заѣхать, просить его съ своей стороны, сообразно его значенію при Дворѣ, рекомендовать насъ и дать намъ совѣтъ, какъ въ такихъ обстоятельствахъ намъ себя вести?—Онъ же, извѣстившись подробно отъ насъ о всемъ, и о Сербскомъ возстаніи противъ Турокъ и о нашемъ тогдашнемъ положеніи, упомянулъ о силѣ Турокъ въ Европѣ, и о маломъ числѣ Сербовъ, которые отважились, въ такое неблагопріятное время, возстать,—пожалѣлъ, что это сдѣлалось такъ, и сказалъ: «Извините, батюшка, теперь я въ отставкѣ... но, при всемъ томъ, напишу къ нѣкоторымъ моимъ пріятелямъ, и, сколько могу, постараюсь рекомендовать васъ, а вы идите къ Государю; счастливаго пути, прощайте!»

([1]) Жена Кн. Прозоровскаго? дочь-ли? или другая жившая въ домѣ дама?

Воротились мы къ нашимъ товарищамъ въ Москву (кажется мнѣ около 70 верстъ проѣхали). На другой день, утромъ до разсвѣта поѣхали мы чрезъ всю великую Москву. Говорятъ, что пространство Москвы въ длину 15 верстъ, т. е. три часа ѣзды по нашему.— Опять на почтовыхъ ѣхали мы до города, который зовутъ *Клинъ*, гдѣ остановились ночевать. Цѣлый день дулъ вѣтеръ и немного выпало снѣгу. Остановились мы въ одной харчевнѣ; комната холодная, а мы озябли: ни одинъ изъ насъ не имѣлъ на себѣ изъ платья ничего подбитаго даже козьимъ мѣхомъ, ужъ не говорю лисьимъ или бобровымъ. Я, какую носилъ лѣтомъ легкую военную одежду, въ такой и поѣхалъ, не имѣя понятія о далекомъ путешествіи, Чардаклія и Божа (Ѳедоръ)—въ Нѣмецкомъ платьѣ такомъ же, одинъ только Іова (Иванъ) Протичь имѣлъ какую-то Турецкую бунду (шубу), которою днемъ мы всѣ четверо окутывали ноги; а Михаило Груевичь, Божинъ (Ѳедора) меньшій братъ, что ѣхалъ позади коляски, вмѣсто чемодана, во всякую погоду на открытомъ воздухѣ безъ всего, самъ не знаю, какъ могъ выдержать дорогу отъ Харькова до Петербурга. Хозяинъ затопилъ намъ печку и зажегъ свѣчку, а ничего другаго въ комнатѣ и не было. Стала нагрѣваться печь, посогрѣлись и мы, и начали ужинать, но какъ можно скромнѣе и дешевле: мы всѣ сдѣлались словно пустынники и настоящіе постники, потому что денегъ ужъ почти у насъ и не было больше.

Ужиная, вспомнилъ я, что на другой день праздникъ Св. Луки, Апостола: «будь я—думаю себѣ—нынче въ Сербіи, этотъ вечеръ я провелъ бы у моего свояка, Молера, и за здравіе пилъ бы оками вино, сколько душѣ угодно, и увѣренъ, что и они теперь пьютъ за наше здоровье: «ну, ужъ такъ какъ мы озябли, то давайте, по графинчику выпьемъ и мы, за ихъ и за свое здоровье.»

А Чардаклія и говоритъ: «Вотъ, братецъ, вздумалъ вино пить; самъ говоришь, что денегъ почти не остается, а вѣдь знаешь, въ какую даль мы заѣхали, и гдѣ мы.»

«Гдѣ бы мы ни были, вскричалъ Иванъ Протичь, выпьемъ все-таки, по графинчику, за здоровье нашихъ Сербовъ въ Сербіи, хотя бы пришлось мнѣ мою бунду продать, чтобъ доѣхать до Петербурга; тамъ скажемъ мы, что у насъ денегъ нѣтъ, а не дадутъ намъ— умремъ въ ихъ домахъ съ голоду.»

Принесли намъ по графинчику вина, и мы все выпили за здравіе верховнаго вождя, командира, и за всѣхъ Сербовъ, всякій изъ своего графин-

чика. Прибрали мы столъ, Протичь пошелъ съ своей шубой спать въ повозкѣ, Ѳеодоръ и Чардаклія легли на скамейкахъ, а я, разостлавъ коврикъ какой то на полъ, легъ у самыхъ дверецъ печки. Хозяинъ, положивъ въ печь нашу березовыхъ дровъ, притворилъ дверцы и сказалъ: «Не отворяйте, пока всѣ дрова не сгорятъ и только угли останутся—а не то разболится голова (угорите). » Лежа такъ всякій на своемъ мѣстѣ, спали мы всѣ, пока холодъ меня не разбудилъ; я сильно озябъ, и, проснувшись, открылъ дверцы, да и заснулъ. Надобно сказать, что эти печки изъ внутри комнаты затапливаютъ, открываютъ и закрываютъ. Но дрова не всѣ сгорѣли, и отъ головешки пошолъ угаръ по всей комнатѣ и въ голову моего Чардаклія и Ѳеодора, которые упали съ лавки, опьянѣлые и полумертвые, и, едва понимая отъ чего это, съ большимъ трудомъ дотащились до двора, гдѣ сѣли въ снѣгъ на открытомъ воздухѣ и, перепрыгивая съ мѣста на мѣсто, наконецъ пришли въ себя: снѣгъ вытянулъ изъ головы этотъ дымъ. Приходитъ ко мнѣ Иванъ Протичь, и кричитъ: «Эй? побратимъ! живъ-ли ты? тѣ двое почти умираютъ.» Я вышелъ на дворъ, и было на что̀ посмотрѣть: оба сидѣли въ снѣгу, а дворъ весь исшестрили своей гимнастикой, не хуже двухъ стай перепеловъ. Я спросилъ ихъ: «что это съ вами, братцы, скажите ради Бога?»

«Ты не братъ намъ, а злой врагъ, отвѣчали они, за что́ это ты насъ ночью уморилъ? пойди, поваляйся въ снѣгу, такъ увидишь, что такое?» Я извинился тѣмъ, что если и отворилъ печку, такъ самъ же у самыхъ дверецъ лежалъ, а слава Богу, здоровъ. И тутъ не могъ я удержаться отъ смѣха, Протичь захохоталъ тоже, а наконецъ и сами несчастные товарищи наши пристали къ нашему смѣху, и во всю остальную дорогу отъ души хохотали и, кажется, отъ самаго того часа, какъ переѣхали Дунай, въ первый разъ я посмѣялся, да и теперь, когда вспоминаю ихъ фигуры на снѣгу, не могу удержаться отъ смѣха; по этому такъ твердо помню, что мы были въ Клину, на канунѣ Святаго Евангелиста Луки, т. е. 18 Октября 1804 года. (Я не угорѣлъ потому, что спалъ очень низко на полу).

Оттуда поѣхали мы дальше и увидѣли наконецъ издалека высокія колокольни *Свято-Петрова града*; тамъ—думали мы—тамъ Царь, къ которому мы ѣдемъ. . . . . .

БОСНІЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Письма къ А. С. Хомякову.)

XIV.

Косово поле отъ Приштины до Митровицы. Звечанъ.

Налѣво отъ Приштины и впереди этого города разстилается пространное поле, называемое Широкимъ. Чрезъ это поле, часахъ въ $1^1/_2$ отъ Приштины, протекаетъ рѣчка Ситница. За Ситницею, налѣво, виденъ небольшой горный хребетъ, Голешъ: сюда, говорятъ, отступилъ во время сраженія Вукъ Бранковичь.—Мы ѣхали около часу, когда стали попадаться по дорогѣ надгробные камни мусульманскіе, съ высѣченными на нихъ чалмами, и простые могилы и камни, обозначающіе, вѣроятно, мѣста, гдѣ похоронены христіане. По мѣрѣ того, какъ мы поднимались на небольшой холмъ, могилъ было больше и больше. На вершинѣ холма выстроенъ маленькій каменный домикъ, въ родѣ будки, окруженный пятью грушевыми деревьями; передъ домикомъ сидѣлъ дервишъ, хранитель его, имѣющій тутъ же свою избушку. Онъ открылъ намъ двери, и мы увидѣли въ домикѣ два большихъ каменныхъ гроба, одинъ чрезвычайно длинный (4 аршина и 3 вершка) и довольно высокій, другой пониже и поменьше, оба изъ бѣлаго камня. Большой гробъ принадлежитъ, разсказали мнѣ мои проводники, Гази-Синану, визирю Амуратова войска, исполину ростомъ и силою; въ мéньшемъ похороненъ его слуга. Оба они пали подъ рукою Милоша Обилича ([1]), когда онъ, пронзивъ султана,

(1) Такъ называетъ его теперь народъ, вмѣсто неблагозвучнаго имени—Кобыловичъ или Кобыличъ; которое имя вѣрнѣе—не знаю.

вырвался изъ рукъ Турокъ, хотѣвшихъ его схватить, и съ двумя своими товарищами отбивался отъ цѣлаго войска, за нимъ гнавшагося и его окружившаго. «Да, страшный былъ человѣкъ этотъ Милошъ, говорилъ дервишъ: не только Гази-Синана и его оруженосца убилъ онъ; вотъ всѣ эти могилы кругомъ—это все Турки, которыхъ *погубилъ* Милошъ. Онъ стоялъ на верху холма, вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ построена теперь *текія* (надгробный памятникъ), среди цѣлаго войска, и разилъ вокругъ себя всякаго, кто подступалъ къ нему.» Дѣйствительно, весь холмъ кругомъ домика, покрывающаго гробъ Синанъ-паши, усѣянъ могильными камнями и плитами; ихъ здѣсь тысячи. И все это, по преданію не только православныхъ, но самихъ Турокъ — павшіе отъ руки Милоша. Такимъ представляетъ себѣ народъ Милоша! Не даромъ Черногорцы избрали его ликъ, какъ символъ храбрости. Милошъ совершенно затмилъ собою, въ глазахъ народа, личность князя Лазаря: Лазарь памятенъ православнымъ Сербамъ какъ святой, а не какъ воинъ; мусульмане же почти забыли его имя. Это боевое кладбище называется Мазчитомъ, по имени близъ-лежащей деревни. Тутъ, очевидно, была самая жаркая битва.

Мы поѣхали далѣе, и поворотили съ большой дороги налѣво. Мы вскорѣ спустились въ небольшое углубленіе, поросшее кустарникомъ, и увидѣли памятникъ знаменитаго завоевателя, Отманова внука, султана Мурата. Памятникъ этотъ — небольшое четвероугольное зданіе изъ бѣлаго камня съ плоскимъ куполомъ, однимъ словомъ, мечеть въ маломъ видѣ и безъ минарета. Подлѣ—жилое строеніе для дервишей и посѣтителей; кругомъ—небольшой садъ, обильный подсолнечниками. Тутъ, говорятъ, находился станъ Турецкій, и памятникъ или *текія*, какъ называютъ его Сербы, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла султанская палатка, подъ которою Милошъ явился къ Мурату, какъ перебѣжчикъ, и убилъ его. Въ *текіи* помѣщенъ кенотафъ, огромный деревянный гробъ подъ краснымъ шелковымъ покровомъ, съ вышитыми на немъ бѣлымъ шелкомъ стихами Корана. У верхняго конца гроба водружена, на толстой палкѣ, гигантская чалма, смотанная изъ шерстяной матеріи. По обоимъ концамъ гроба стоятъ по два высокихъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Надъ гробомъ повѣшена бронзовая люстра Вѣнскаго издѣлія. На стѣнахъ *текіи* начертаны Арабскія надписи. Въ кенотафѣ находятся только, какъ говорятъ, сердце и внутренности султана: тѣло его было от-

везено въ Бруссу и тамъ похоронено съ его предками. Кенотафъ и памятникъ находились въ разрушеніи, пока сераскиръ Хуршидъ-паша, лѣтъ десять тому назадъ, не возобновилъ ихъ. Теперь проѣзжіе могутъ находить тамъ гостепріимный и не слишкомъ грязный пріютъ.

Отъ гроба Муратова подымаешься опять по отлогому склону черезъ кустарникъ, потомъ снова спускаешься нѣсколько и выѣзжаешь въ ровное, гладкое какъ коверъ, пространное поле. Кое-гдѣ только виднѣется на немъ кустарникъ. Широкая, безпредѣльная дорога проложена копытами верховыхъ и вьючныхъ лошадей и неуклюжими колесами возовъ, запрягаемыхъ волами, на которыхъ поселяне перевозятъ хлѣбъ и сѣно изъ одного мѣста на равнинѣ въ другое, но которые за рубежъ Косова поля никуда выѣхать не могутъ. Черезъ полъ-часа ѣзды мы достигли рѣчки Лаба, которая течетъ поперегъ поля, въ болотистыхъ берегахъ, покрытыхъ ивою, ракитою и тростникомъ, и впадаетъ близь этого мѣста въ Ситницу, текущую вдоль Косовской равнины. Черезъ Лабъ ведетъ престранный мостъ, въ перемѣжку каменный и деревянный: вѣрно онъ былъ въ началѣ весь каменный, но потомъ сталъ разваливаться, и Турки, разобравъ часть каменной настилки, замѣнили ее деревянною. Этотъ мостъ и маленькая деревушка, тутъ же находящаяся, называются Бабій мостъ. Въ небольшомъ разстояніи отсюда мнѣ показали другую деревню—Расково. Жители увѣряютъ, что когда Милошъ, сражаясь одинъ среди цѣлаго войска Турецкаго, наконецъ выбился изъ силъ и былъ схваченъ непріятелемъ и связанъ по рукамъ и по ногамъ, то все-таки Турки долго не могли ему ничего сдѣлать; съ ногъ до головы покрывала его броня, о которую разбивались и сабли и *буздоханы* (палицы), и никто не умѣлъ догадаться, какъ снять съ него эту стальную одежду, точно будто вылитую на немъ однимъ кускомъ. Тутъ у моста попалась какая-то баба, которая стирала бѣлье въ рѣчкѣ. Она подошла къ Туркамъ, которые вели Милоша, и указала имъ на единственный шовъ въ бронѣ Милоша. Оттого, говорилъ мнѣ разсказчикъ, мостъ этотъ названъ Бабьимъ. Потащили Милоша нѣсколько шаговъ далѣе; баба стала толковать Туркамъ, какъ именно взяться за дѣло, чтобы расторгнуть броню. Милошъ, не могшій шевельнуть рукою и ногою, вдругъ рванулся всѣмъ тѣломъ впередъ, и откусилъ бабѣ носъ. Оттого, продолжалъ Косовскій чичероне, и село у моста собственно называется не Бабій мостъ, какъ говорятъ люди, не знающіе дѣла, а Бабій носъ. Но тутъ еще ничего не могли сдѣ-

лать съ Милошемъ—такъ онъ боролся; его потащили еще далѣе, и только въ слѣдующемъ селѣ успѣли укротить его и *расковали* молодца (т. е. сняли съ него броню): съ того дня село это прозвалось Расковомъ. Такъ Косовцы воспользовались нѣкоторыми названіями мѣстностей и привязали къ нимъ преданіе, нарочно по этимъ названіямъ составившееся, о своемъ любимомъ героѣ.

Въ одномъ часѣ разстоянія отъ Бабьяго моста, направо, у подножія горной цѣпи, находится минеральный источникъ, называемый Милошева баня: тутъ Милошъ купался передъ битвою. Далѣе, тоже на правой сторонѣ дороги, есть село Самодрежа, и тутъ показываютъ развалины той церкви, въ которой Лазарь причастилъ свое войско передъ битвою; къ этой же церкви Самодрежи народъ привязалъ прекрасное, уже приведенное мною, преданіе о споръ за царскій вѣнецъ между Вукашиномъ и Урошемъ. Мнѣ очень жаль, что я узналъ о существованіи остатковъ церкви Самодрежи только послѣ, изъ одной Сербской книги, и что никто не сказалъ мнѣ объ этой развалинѣ, когда я былъ на Косовомъ полѣ. Любопытно бы было осмотрѣть это мѣсто и разспросить жителей о старинныхъ временахъ.

Переѣхавши Лабъ, мы видѣли вездѣ въ полѣ разбросанныя тамъ и сямъ могилы. Въ полу-часѣ отъ моста встрѣтили мы другое маленькое возвышеніе, подобное тому, на которомъ, по преданію, сражался Милошъ; и тутъ, какъ видно, кровь лилась потоками, потому что каждый шагъ на этомъ холмѣ занятъ надгробнымъ мусульманскимъ столбикомъ съ чалмою или могильною плитою. Это мѣсто поросло теперь дубовою чащею. Далѣе уже почти не видать могилъ. Гладкое поле лежитъ пустыремъ почти до самаго мѣстечка Вучитрна, отстоящаго отъ Приштины на два часа. Только подъ самымъ мѣстечкомъ земля обработана.

Вучитрнъ (т. е. волчій теринъ), который былъ нѣкогда столицею епархіи, теперь болѣе похожъ на село, чѣмъ на городъ. Въ немъ считаютъ до 400 домовъ или, лучше сказать, избушекъ, по большей части деревянныхъ. Изъ нихъ 250 мусульманскихъ и 150 православныхъ. Посреди Вучитрна, на возвышеніи, стоитъ древняя крѣпость съ высокими, толстыми стѣнами, и нѣсколькими почернѣвшими отъ времени башнями. Турки кое-какъ поддерживаютъ эту крѣпость, въ которой находится *конакъ* Вучитрнскаго мудира. Народъ приписываетъ постройку этой крѣпости Войновичамъ, храбрымъ витязямъ древняго времени. Но сколько я ни разспрашивалъ о нихъ, другаго

мнѣ ничего не умѣли сказать, какъ только то, что Войновичи эти властвовали тутъ еще при Неманичахъ, прежде Косовской битвы. Въ Вучитрнѣ есть небольшая церковь, сооруженная около 1840 г. Она выстроена на подобіе простаго дома, изъ бѣлаго камня, она врыта въ землю на сажень или больше, чтобы снаружи не казалась высокою; въ ней нѣтъ ни образовъ, ни ризъ, кромѣ самаго бѣднаго, холщеваго облаченія, ни книгъ; утварь оловянная.

Переночевавъ на дворѣ Вучитрнскаго хана, я на другой день отправился въ Митровицу не прямымъ путемъ, пролегающимъ полемъ, а повернулъ налѣво, чтобы осмотрѣть монастырь св Іоанникія Девичскаго, который находится въ 5 часахъ отъ Вучитрна, на границѣ Дукадьина, въ волости, называемой Дрѣница. Мы переѣхали, по разваливающемуся старинному мосту, Ситницу, текущую черезъ низменные луга, и скоро добрались до горъ, ограничивающихъ Косово поле. Болѣе четырехъ часовъ ѣхали мы по высотамъ, то поднимаясь, то спускаясь, то слѣдуя по направленію лощинъ, поросшихъ лѣсомъ, и не встрѣчали ни деревушки, ни избы, ни души человѣческой. Наконецъ въ полянѣ, окруженной лѣсистыми горами, увидѣли мы монастырь, окруженный довольно высокою и крѣпкою стѣною. Мы въѣхали въ монастырь; я слѣзъ съ лошади и помѣстился на *диванъ-хане*. Никто не выходилъ къ намъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, люди докликались какого-то слуги и послали сказать игумену о нашемъ пріѣздѣ. Долго, долго ждали мы игумена; наконецъ онъ вышелъ, но принялъ насъ весьма холодно и недружелюбно. Онъ попросилъ меня однако въ комнату, но разговоръ не клеился; я удивлялся неблагосклонности игумена, съ которымъ принужденъ былъ вести холодный разговоръ объ общихъ мѣстахъ, какъ съ Турками. Спѣшу сказать, впрочемъ, что это былъ единственный случай такого нерадушнаго пріема со стороны православнаго Сербскаго духовенства, встрѣтившійся мнѣ во всѣ мои поѣздки по этимъ краямъ. Я сталъ разспрашивать игумена о книгахъ; онъ сначала увѣрялъ, что ихъ у него нѣтъ вовсе; но когда я настаивалъ, говоря, что этого не можетъ быть, онъ сознался наконецъ, что есть какія-то старыя рукописи, но не хотѣлъ пустить меня туда, гдѣ онѣ хранились, а велѣлъ одному изъ монаховъ вынести ихъ. Мнѣ принесли три или четыре рукописныхъ Минеи, и нѣсколько старопечатныхъ церковныхъ книгъ: я замѣтилъ объ нихъ, что это не рукописи, а печатныя книги; игуменъ возразилъ, что онѣ рукописныя; я сталъ ему показы-

вать разницу между рукописью и печатью, а онъ все твердилъ: «нѣтъ, это рукопись, мы это знаемъ». Такое недоразумѣніе встрѣчалось мнѣ сотни разъ въ этихъ странахъ: сотни разъ мнѣ показывали и даже присылали иногда изъ далекихъ мѣстъ какія нибудь старопечатныя книги Сербскихъ типографій (процвѣтавшихъ въ XVI вѣкѣ), въ полной увѣренности, что это рукописи; только церковныя книги Русскихъ типографій признаются тамъ за печатныя; но всякій разъ мнѣ легко удавалось убѣдить Босняцкихъ или Сербскихъ священниковъ въ ихъ ошибкѣ, и только Девичскій игуменъ остался неколебимымъ въ своемъ убѣжденіи.—При его нерасположеніи къ своимъ посѣтителямъ, я не могъ узнать почти ничего о состояніи монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ только, что обитель страждетъ отъ Албанцевъ, составляющихъ населеніе всей окрестности, и имѣетъ весьма мало доходу, потому что Албанцы отняли прежнія ея владѣнія, а поклонниковъ бываетъ очень мало, хотя мощи св. Іоанникія пользуются великимъ уваженіемъ въ народѣ; но монастырь лежитъ въ такой глуши, что не многіе отваживаются туда. Дюжій, румяный монахъ, составляющій съ игуменомъ и еще однимъ инокомъ всю братію Девичской обители, сталъ повѣствовать мнѣ непріятнымъ тономъ вытвержденнаго наизусть разсказа о томъ, какъ св. Іоанникій, сынъ богатыхъ родителей, бѣжалъ изъ отцовскаго дома, чтобы удалиться отъ міра, и долго жилъ въ совершенной безвѣстности и уединеніи въ лѣсу, гдѣ теперь стоитъ монастырь; какъ народъ мало-по-малу сталъ узнавать о его подвигахъ и стекаться къ нему; какъ Юрій Бранковичъ, государь Сербскій (1), услышавъ объ его чудесахъ, привелъ къ нему свою дочь, которая была слѣпа, и онъ возвратилъ ей зрѣніе, омывъ ей глаза водою изъ источника, который и теперь показываютъ близъ монастыря; какъ Іоанникій, безпрестанно тревожимый въ своемъ уединеніи, удалился въ Черноръцкія горы и вселился тамъ въ пещеру, гдѣ кончилъ жизнь; и наконецъ, какъ Юрій Ранковичъ, тотчасъ послѣ его смерти, построилъ обитель на мѣстѣ, гдѣ онъ исцѣлилъ его дочь и перенесъ туда его тѣло, которое лежитъ тамъ нетлѣнно до-днесь, подавая благодать и исцѣленіе всѣмъ, елицы съ страхомъ и вѣрою къ нему припадаютъ. Я попросилъ показать мнѣ церковь, и увидѣлъ небольшой, темный храмъ съ однимъ куполомъ, тяжелой архитектуры XV вѣка. Рака съ мощами стоитъ

---

(1) Умеръ въ 1456 г.

на правой сторонѣ церкви; надъ нею написанъ образъ св. Іоанникія.

Разсерженный недружелюбіемъ Девичской братіи, я рѣшился уѣхать тотчасъ, не почуя въ монастырѣ, хотя было уже не рано, а до Митровицы оставалось 5 оффиціальныхъ, т. е. по крайней мѣрѣ 6 или 7 дѣйствительныхъ часовъ.

Бѣдной игуменъ Паисій—не тѣмъ будь помянутъ. Недѣли черезъ три, только что я возвратился въ Сараево, мнѣ написали, что Паисія застрѣлили Албанцы, жители сосѣдняго села, считавшіе себя почему-то имъ обиженными. Убійцы остались непаказанными, хотя ихъ такъ хорошо знали, что мнѣ тогда же сообщили даже ихъ имена и мѣсто жительства.

Возвратный путь къ Митровицѣ показался намъ безконечнымъ. Мы сначала терпѣливо ѣхали по такимъ же горамъ и лощинамъ, какія видѣли между Вучитрномъ и Девичемъ; это продолжалось нѣсколько часовъ. Солнце уже садилось, а Митровицы все таки не было видно. Наконецъ показались прекрасные заливные луга, по какой-то рѣчкѣ, кажется, Дрѣницѣ. Я не могъ принудить себя ѣхать шагомъ по этой мягкой глади. Я поскакалъ, чтобы сократить время и дорогу. За мною пустился вскачь мой вѣрный Сараевскій кавазъ, Али, на своемъ *алатъ* (рыжемъ конѣ), у котораго была странная привычка: какъ только его пустятъ вскачь, онъ несетъ, и никакая сила человѣческая его не остановитъ, покуда онъ не уткнется мордою въ дерево, въ стѣну или въ стогъ сѣна. У Али была удивительная снаровка направлять своего скакуна на такое препятствіе. Но тутъ на лугу никакого препятствія не имѣлось и онъ промчался ужасно далеко, до горы, поросшей лѣсомъ, которая начиналась за лугомъ. Я не отставалъ. Когда мы оглянулись, то увидѣли себя въ совершенномъ одиночествѣ. Весь конвой остался Богъ знаетъ гдѣ; кавазы, взятые мною изъ Вучитрна и знавшіе дорогу, видно, пожалѣли своихъ клячъ, хотя ихъ лошади путешествовали только одинъ день, а наши почти мѣсяцъ. Что было дѣлать? Дожидаться—скучно, и всѣ труды скачки пропали бы даромъ. Мой Али, соединявшій въ себѣ безпечность мусульманина съ самонадѣянностью Албанца, сказалъ: «поѣдемъ впередъ! что дожидаться этихъ *чапкуновъ* (мошенниковъ). Дорогу найдемъ, не заблудимся, *ако Богъ да* (если Богъ дастъ)!» Я былъ того же мнѣнія, и мы поѣхали. Я воспользовался своимъ *tête à tête* съ нимъ, чтобы вступить въ конфиден-

ціальный разговоръ. Я просилъ его разсказать мнѣ исторію того, какъ онъ пріобрѣлъ своего *алата*: лошадь эта отличалась, не смотря на малый ростъ, необыкновенною силою, быстротою бѣга и сносливостью, и онъ мнѣ намекнулъ какъ то, что получилъ ее за безцѣнокъ, хитростью. Его разсказъ объ этомъ случаѣ можетъ послужить чертою нравовъ. «Одинъ Бошнякъ (1) былъ мнѣ долженъ 500 грошей (піастробъ) и не платилъ» Замѣтьте, что мой Али—капиталистъ и ростовщикъ; въ разныхъ городахъ Босніи отпрашивался онъ у меня на часъ или на два «*да идемъ да наплатимъ, дугъ*», т. е. пойти взыскать долгъ; онъ даже пустился въ спекуляціи другаго рода: купилъ стадо овецъ, и отдалъ его *кметамъ* въ какомъ-то селѣ на выгодномъ условіи (2). «Долго не платилъ онъ, *ефендумъ* (сударь мой),—продолжаю рѣчь моего спутника—не потому, чтобы ничего не имѣлъ, а такъ *одъ хрсузлука* (по разбойничему нраву). Много разъ приходилъ я къ нему, а онъ говорилъ всякій разъ: душа моя, погоди еще немножко, *Бога ми, немамъ пâра* (ей Богу, нѣтъ денегъ). Однажды я узнаю, ефендумъ, что ему привели *са села* (изъ деревни) отличную лошадь; черезъ нѣсколько дней вижу, какъ онъ ѣдетъ изъ Сараева въ полѣ—погарцовать на своемъ конѣ. Отправился я туда же пѣшкомъ, сажусь подъ деревомъ и жду. Ѣдетъ, ефендумъ, мой Бошнякъ съ поля, завидѣлъ меня, останавливается; я ему говорю: *дé, съяти, да сѣдимо мало, да иглепшемо* (ну слѣзай, посидимъ маленько, потолкуемъ). *Пекъ-и* (очень хорошо). Онъ слѣзъ; сѣли, разговариваемъ дружески, а лошадь онъ пустилъ пастись. Навелъ я разговоръ на лошадь, и спрашиваю, за сколько онъ ее продастъ; онъ говоритъ и за 25 *маджарій* (Австрійскихъ червонцевъ) не отдамъ. Ну дорогонько, говорю

---

(1) *Бошняками* называютъ преимущественно Славянъ-Мусульманъ, жителей Босніи и Герцеговины, въ отличіе отъ Влаховъ или Сербовъ, т. е. Православныхъ, и Шокцевъ или Латиновъ, т. е Католиковъ

(2) Это дѣлается очень часто городскими жителями мусульманами. Они покупаютъ на свои деньги стадо овецъ и отдаютъ его на прокормленіе христіанскимъ поселянамъ: поселяне содержатъ стадо на свой счетъ и платятъ имъ ежегодно съ каждой овцы 1 цванцигеръ (20 коп.), но за то беруть въ свою пользу молоко, шерсть и приплодъ; напротивъ, если овца околѣетъ, они обязаны замѣнить ее другою. Въ случаѣ падежа (а падежи бываютъ въ этихъ странахъ безпрестанно), поселяне разоряются; они не всегда добровольно соглашаются на такую сдѣлку, но часто *аги* (помѣщики) навязываютъ своимъ кметамъ стяда насильно.

я; а сколько лѣтъ?—4 года.— Я встаю, ефендумъ, подхожу къ лошади, чтобы посмотрѣтъ въ зубы,—и скокъ въ сѣдло и поскакалъ въ городъ, *ко куршумъ изъ пушке* (какъ пуля изъ пистолета). Поплелся Бошнякъ домой пѣшкомъ. А я служилъ въ то время, ефендумъ, въ *запчіяхъ* (полицейской стражѣ); такъ я къ своему *забиту* (офицеру), говорю ему такъ и такъ: Бошнякъ не хочетъ мнѣ платить 500 піастровъ долга, ну я и взялъ у него лошадь, чтобы получить изъ долга хоть 3 *маджарін* (червонца), то, что стоитъ лошадь. На другой день приходитъ Бошнякъ съ жалобою къ нашѣ; призываютъ и меня, *да будемо мурáфа* (чтобы мы судились). Паша спрашиваетъ меня: правда ли, что́ говоритъ этотъ человѣкъ, что ты укралъ у него лошадь? Я говорю: *господару* (государь), я не укралъ ничего, *хаша* (чуръ), но я хотѣлъ взыскать долгъ. Онъ мнѣ долженъ 500 грошей, вотъ *тефтеръ* (росписка); такъ я готовъ вычесть 3 червонца за лошадь, а остальное пусть онъ мнѣ заплатитъ. Тотъ кричитъ, что лошадь не 3 червонца стоитъ, что онъ не отдастъ ея и за 25. *Ти си лудъ, боланъ*, (ты съ ума сошелъ, несчастный), говорю я ему, тебѣ лошадь ничего не стоитъ, тебѣ привели ее изъ деревни даромъ, а я даю тебѣ за нее 3 червонца, 165 грошей, слышишь ли? Стали мы торговаться. Паша говоритъ мнѣ: ну прибавь ему что нибудь, и рѣшилъ, чтобы я положилъ за лошадь 228 грошей и отдалъ Бошняку его сѣдло и узду, а онъ мнѣ уплатилъ остальныя деньги изъ долга. Такъ и сдѣлали, и лошадь обошлась мнѣ въ 228 грошей, а стоитъ она, *Бога ми*, 1.500!»

Между тѣмъ мы все ѣхали горами и лѣсомъ, по невѣдомымъ мѣстамъ; встрѣтилось распутье, мы взяли на удачу лѣвѣе; встрѣтилось другое распутье, мы придерживались того же направленія. Дѣло плохо, подумаль я, пожалуй проплутаемъ всю ночь, да и конвой насъ не найдетъ. Уже смеркалось. Однако судьба помогла намъ. Проѣхавъ съ часъ еще, мы стали спускаться въ глубокій оврагъ, и по сторонамъ его показалось нѣсколько избушекъ. Али съ перваго взгляда узналъ, что здѣсь живутъ Арнауты. Онъ подъѣхалъ къ избѣ; на его зовъ вышелъ мальчикъ въ длинной, узкой, бѣлой холщевой рубахѣ и такихъ же шароварахъ, безъ пояса, въ красной шапочкѣ безъ кисти, плотно лежащей на головѣ. Онъ сталъ толковать про направленіе дороги; но видно моему Али, при всей его безпечности, толкованіе мальчика показалось такъ неудовлетворительнымъ, что онъ спросилъ меня, не лучше ли взять его проводникомъ. Я, разумѣется, согласился съ этимъ мнѣні-

емъ. Начались продолжительные переговоры по-Албански. Наконецъ мальчикъ скрылся въ избу. Я спросилъ, что такое?—Пошелъ взять ружье. Побывъ въ избѣ не мало времени, вѣроятно, чтобы зарядить ружье, молодой Арнаутъ вышелъ, наконецъ, и не говоря ни слова, замаршировалъ впередъ. Я пробовалъ заговорить съ нимъ по-Сербски, онъ не понималъ ни слова; а это было у самаго Косова поля, завѣтнаго края Сербской земли.—Черезъ разные холмы и овраги достигли мы наконецъ равнины; было совершенно темно, но кони наши бодро шагали; оглядываясь во всѣ стороны и изрѣдка фыркая, и я дивился зоркости умныхъ животныхъ, которыя сами выбирали себѣ дорогу по камнямъ и рытвинамъ. Уже послѣ *яци*, послѣдняго крика муэззина, призывающаго къ *намазу*, два часа по заходѣ солнца, въѣхали мы въ Митровицу. Издали слышался гулъ барабановъ и дикій хоръ Турецкихъ инструментовъ. Мы увидѣли, на площади, у одного дома, освѣщеннаго плошками и факелами, огромную толпу народа. Видъ факеловъ, озарявшихъ Турецкіе костюмы, и нестройный грохотъ барабановъ придавали этой сценѣ самый диковинный эффектъ: одинъ изъ первыхъ *бековъ* Митровицкихъ праздновалъ уже третій день свадебный пиръ. Мы въѣхали въ толпу, и мой кавазъ сталъ спрашивать, гдѣ остановились люди Московскаго путешественника съ его *робою* (багажемъ: я отправилъ часть конвоя и багажъ прямо изъ Вучитрна въ Митровицу). Одинъ изъ зрителей сдѣлалъ знакъ рукою, и мы поѣхали за нимъ, въ лучшій Митровицкій ханъ. Въ ханѣ для моего пріѣзда былъ вычищенъ балконъ и принесено свѣжее сѣно, на которомъ я съ удовольствіемъ растянулся. Но увы! съѣстныхъ припасовъ не было приготовлено, и въ такой поздній часъ ничего нельзя достать въ Боснійскомъ городѣ. Послѣ немалыхъ поисковъ принесли молока и хлѣба, и этимъ ужиномъ я долженъ былъ удовлетвориться, послѣ утомительнаго дня, проведеннаго верхомъ.

Митровица (на р. Ибрѣ) уже причисляется къ Боснійскому пашалыку. Близъ города находится большой уединенный дубъ: подъ нимъ Босняки встрѣчаютъ, по старинному обычаю, пашей, въѣзжающихъ въ ихъ область, и совершаютъ тутъ *курбанъ*, т. е. жертвоприношеніе—закалаютъ барана и льютъ его кровь въ землю. Митровица небольшое мѣстечко, въ родѣ Вучитрна: въ немъ домовъ 300 съ небольшимъ, и въ томъ числѣ сотня православныхъ. Митровицкая церковь также построена недавно и весьма бѣдна. Недалеко отъ города есть монастырь, возобновленный въ послѣдніе годы; въ немъ

нѣтъ монаховъ, а живутъ мірскіе іереи, имѣющіе свои приходы въ окрестности. Время не позволило мнѣ осмотрѣть этотъ монастырь; я спѣшилъ возвращеніемъ.

За Митровицею кончается равнина—Косово поле. Горы составляютъ полукругъ впереди Митровицы. Въ серединѣ этого полукруга проходитъ ущелье рѣчки Баньской, по которому въѣзжаешь изъ Косова поля въ Боснію.

Одна гора выдалась впередъ, особнякомъ; на ней былъ построенъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ Сербской исторіи *градовъ*, Звечанъ. Развалины его стоятъ еще; нельзя было не поѣхать туда, чтобы посмотрѣть на мѣсто, гдѣ совершилось страшное преступленіе, положившее, по сознанію народа, печать проклятія на величайшаго государя Сербскаго, на царя Душана Сильнаго.

Гора, на которой стоитъ Звечанъ, образуетъ отдѣльный, крутой конусъ. Мы долго взбирались, сначала верхомъ, потомъ ведя лошадей подъ устцы, по узкой, едва замѣтной тропинкѣ, огибающей гору нѣсколько разъ спиралью. Добравшись, примѣрно, до трехъ четвертей высоты горы, мы были остановлены стѣною; стѣна эта, изъ массивнаго камня, въ старину ограждала всю верхнюю часть конуса и связывала нѣсколько четвероугольныхъ башенъ, изъ которыхъ одна въ особенности хорошо сохранилась. Тропинка привела насъ вскорѣ къ одному мѣсту, гдѣ стѣна совершенно развалилась, и гдѣ легко было перелѣзть во внутренность *града*. Она полна развалинъ. На сѣверной сторонѣ стоятъ стѣны зданія, которое преданіе называетъ королевскимъ дворцомъ, и которое имѣло несомнѣнно это назначеніе. Зданіе это, построенное изъ крѣпкаго кирпича, какого теперь и не умѣютъ дѣлать въ тѣхъ странахъ, было не велико, какъ вообще всѣ постройки на старыхъ Сербскихъ *градахъ*, которые всѣ безъ исключенія занимали весьма тѣсное пространство на вершинахъ горъ. Зданіе было о двухъ ярусахъ. Еще видна, въ нижнемъ этажѣ, главная зала. Мы мѣрили ее: она имѣла приблизительно $18^1/_2$ аршинъ длины и 10 ширины, и занимала всю длину дворца. Восточная стѣна очень хорошо сохранилась; въ ней продѣлана большая дверь, полукругомъ; на южной сторонѣ такая же дверь, но гораздо меньше. Въ стѣнѣ видны мѣста, гдѣ укрѣплены были балки, поддерживавшія потолокъ нижняго яруса; отъ верхняго яруса уцѣлѣла также вся восточная стѣна, съ полукруглымъ окномъ. Внутри комнаты, описанной мною, видны въ стѣнѣ двѣ ниши; на наружной стѣнѣ сохраци-

лись кое-гдѣ остатки живописи. Не въ большомъ просторѣ жили Сербскіе государи, но, какъ видно, дорожили художественными украшеніями. Кромѣ дворца, на Звечанѣ была въ старину соборная церковь Св. Георгія, одна изъ древнѣйшихъ церквей Сербскихъ, существовавшая, кажется, еще до Немани. Здѣсь молился Неманя передъ битвою, которая должна была рѣшить участь Сербіи: остаться ли ей при прежней раздѣльности на мелкія жупанства и подъ верховною властію Греческой имперіи, или составить одно независимое государство. Когда на Неманю (это было между 1170 и 1180 г.) вооружились его братья и привели на Сербскую землю наемниковъ, Грековъ, Фруговъ (Франковъ) и Турокъ, то онъ, по словамъ Житія его ([1]), «знаменіемь крьстныимь въоруживьсе, и гредѹщіихь нань мнѡжьства езыкь и бесчисліа оусадникь (всадниковъ) не чтеше.... и тако приближьшоусе емоу къ градоу рекомомѹ Звéчаноу, въ нѥмь же бѣ црьквы великааго моученика Геѡргіа; и избра нѣколико ѡть свещенныихь (т. е., священниковъ) и посла е, рекь да сьтвореть мольбоу къ светомоу.... И сътворише всенощьное стоѩніе и оутрънюю слоужьбоу, и потомь светоую литоургію; по молитвѣ же мало прѣклоньшимьсе имь ѡть троуда, и единомѹ ѡть свещенныхь ѩвисе скоры вь помощехь и крѣпкыи въ бранѣхь.... Геѡргіе, пріѩздѣ вь воинстѣмь образе; и бывь въ оужасе свещенникь въпроси его, глаголѥ: кто ты еси, господи? ѡнь же рече: азь есмь рабь Хрістовь Геѡргіе, и Господомь Богомь послань есмь на помощь господиноу твоемоу, оружіемь крьстныимь побѣдити врагы его.... Свещенникь же скоро шьдь повѣда господиноу своемоу вса видѣннаа имь.... Светы же.... исплъчи вое свое по воли Божіеи,... и тако сънидошесе на брань тоу сильноую и крѣпкоую, и бывшоу снѣтію между обоими,... побѣды (чит. побѣди) врагы свое и иноплеменьные езыкы.... и,... славе Бога, вьзвратисе на престоль свои,... прѣѥмь все свое ѡтьчьство.» Со времени Милутина (1275—1321) Звечанъ былъ столицею епархіи (престолъ этотъ въ послѣдствіи, кажется, перенесенъ былъ въ Вучитрнъ). Теперь, среди множества развалинъ, покрывающихъ Звечанскую гору, трудно угадать, гдѣ была церковь. Большая часть этихъ развалинъ носятъ печать сооруженій военныхъ.

---

(1) Составленнаго въ 1264 году іеромонахомъ Доментіаномъ, ученикомъ Св. Савы: оно мнѣ извѣстно по рукописи XV вѣка, находящейся въ Дечанскомъ монастырѣ.

На Звечанѣ воздвигнуты были всѣ средства защиты, которыми владѣло тогда строительное искусство. Независимо отъ нижней стѣны и башенъ, ее охранявшихъ, на вершинѣ горы стоятъ стѣны другихъ, круглыхъ башенъ, которыя служили вѣроятно для помѣщенія войскъ и для подкрѣпленія защиты въ случаѣ опасности. Хорошо сохранилась совершенно темная длинная комора съ крѣпкими сводами, гдѣ вѣроятно складывалась казна Сербскихъ королей; виденъ также въ срединѣ *града* глубокій, узкій колодезь.

Величественны развалины Звечанскаго *града*, величественна мѣстность, среди которой онѣ стоятъ. Долго ходилъ я кругомъ *града*, чтобы любоваться на видъ окрестности, то съ одной стороны, то съ другой. На юговостокъ вы видите ленту рѣки Ибра, вьющейся внизу, вдоль Звечанской горы, и ленту Ситницы, которая идетъ изъ далека, какъ бы на встрѣча Ибру; и глазъ вашъ обнимаетъ все Косово поле, болѣе и болѣе съуживающееся въ перспективѣ, такъ что вдали оно кажется какою-то лощиною между цѣпями горъ. Отойдите нѣсколько къ востоку и вы увидите подъ вашими ногами Митровицу, вы увидите сліяніе Ситницы съ Ибромъ и вдали городокъ Вучитрнъ, а за Вучитрномъ гору Црнушу; по мѣрѣ того, какъ вы будете поворачивать съ востока на сѣверъ, лента рѣки Ибра будетъ ближе и ближе касаться подножія горы, на которой вы стоите и которую она огибаетъ полукругомъ, и горы на противоположной сторонѣ рѣки будутъ подходить къ вамъ ближе и ближе: тутъ вы увидите высоты Орахово, Соколицу, Майданъ, а за ними, какъ бы на второмъ ярусѣ, ровную темную черту Копаоника, который сѣверною своею половиною принадлежитъ уже Сербіи, и вдоль котораго Ибаръ течетъ на сѣверъ. Глядите на западную сторону, и рѣка эта будетъ у васъ на правой рукѣ, удаляясь отъ васъ и теряясь подъ Копаоникомъ, а передъ вами будетъ стоять высота Козарево, а за нею и надъ нею лѣсистый хребетъ Рогозно, черезъ который вы должны ѣхать въ Боснію; наконецъ, отойдите еще къ югу, и васъ опять встрѣтитъ Ибаръ, выходящій изъ ущелья между горами Чечавицею и Грмовомъ; вы увидите передъ собою нѣсколько рядовъ холмовъ и горъ, отдѣляющихъ Косово поле отъ Дукадьина, а за ними Корилье и Мокру гору, черезъ которую я уже путеводилъ васъ, читатель, при переѣздѣ изъ Новаго-Пазара въ Печь.

Не въ дурныхъ мѣстахъ, какъ видно, выбирали себѣ жилище древніе Сербскіе государи и вельможи. Легко дышалось имъ, живо обра-

щалась ихъ кровь на горномъ воздухѣ, среди такихъ картинъ природы. Это не то, что наши душныя столицы. Но и эти древніе *грады*, гдѣ человѣческія жилища изгоняли гнѣзда орловъ и серпъ, и потомъ опять замѣнялись ими, также какъ столицы образованныхъ государствъ новаго времени, видѣли страшныя дѣла. На Звечанѣ совершено было злодѣяніе, которое долго лежало кровавымъ пятномъ на совѣсти Сербскаго народа. Здѣсь, въ этой любимой столицѣ святаго короля Стефана Дечанскаго, онъ былъ, по приказанію своего роднаго сына, Душана, посаженъ въ заключеніе и черезъ нѣсколько дней задушенъ (1), можетъ быть въ одной изъ тѣхъ самыхъ башенъ, развалины которыхъ мы осматривали. Народъ помнитъ и разсказываетъ до сихъ поръ объ этомъ преступленіи.—Мы стали спускаться съ горы. Лошадь одного изъ кавазовъ, взятыхъ мною проводникомъ изъ Митровицы, оступилась и покатилась кубаремъ по камнямъ и скаламъ внизъ; кавазъ былъ въ отчаяньи: «издохла лошадь», говорилъ онъ вполголоса, тономъ глубокаго огорченія. «Да, замѣтилъ кто-то изъ людей, провожавшихъ меня, видно Душанъ и теперь еще *душитъ* на Звечанскомъ градѣ! И насъ не отпустилъ съ миромъ, *Богъ га убио* (убей его Богъ!).» Такъ Сербы послѣ пятисотъ лѣтъ поминаютъ славнаго завоевателя, который распространилъ ихъ державу до Коринѳскаго залива и до Аѳонской горы,—великаго правителя, который собралъ и написалъ имъ законы. Есть такія дѣла, которыхъ не искупаютъ, въ памяти народной, никакая мудрость, никакія побѣды.

XV.

Отъ Митровицы до Плевлей.

Мы сошли пѣшкомъ съ Звечанской горы, и простившись съ бѣднымъ кавазомъ, который оплакивалъ свою лошадь, поѣхали на сѣверо-западъ, слѣдуя съ часъ времени по теченію Ибра, и потомъ почти столько же по долинѣ, въ которой протекаетъ рѣчка Баньска, впадающая въ Ибръ. Мѣстность эта большею частью поросла дубовымъ лѣсомъ, дорога идетъ безпрестанными подъемами и спуска-

(1) См. Житіе Св. Стефана Дечанскаго, въ Архивѣ za povjestnicu jugoslavensku, IV, 20.

ми; въ сторонѣ отъ нея видны двѣ жалкихъ деревушки, Болетинъ и Бугаричи, окруженныя небольшими плантаціями табаку. Табакъ въ этой мѣстности, какъ говорятъ, довольно низкаго качества, но давалъ бы жителямъ доходъ, если бы непомѣрная *духанія* (подать съ табачныхъ плантацій) не мѣшала распространять его воздѣлываніе. Долина Баньской рѣчки мало-по-малу съуживается и принимаетъ видъ ущелья. По усѣянному камешками и хрящомъ и безпрестанно извивающемуся руслу течетъ въ немъ мелкая рѣчка, которая весною становится, говорятъ, страшнымъ потокомъ. Безпрестанно переѣзжали мы ее въ бродъ, слѣдуя дорогѣ, переходящей съ одного берега рѣки на другой. По обѣимъ сторонамъ тянется рядъ крутыхъ скалистыхъ горъ; онѣ почти голы и не представляютъ нигдѣ особенно выдающихся вершинъ. Въ трехъ часахъ отъ Митровицы лежитъ мѣстечко Баньска. Ущелье тутъ разширяется на западной сторонѣ рѣки, образуя полукруглую долину, въ серединѣ которой, на одинокомъ, довольно крутомъ холмѣ, выстроенъ былъ древній *градъ*. Близь его въ долинѣ на небольшой покатости раскинулось жалкое мѣстечко Баньска, съ 50 домами, изъ числа которыхъ только 9 христіанскихъ. Массивныя стѣны *града*, увѣнчанныя небольшими зубцами, стоятъ въ цѣлости, подновленныя Турками. Я захотѣлъ осмотрѣть *градъ*. Мусульмане, окружившіе меня въ ханѣ, гдѣ я остановился, объявили, что нельзя итти въ *градъ*, потому что тамъ де живутъ Турки въ домахъ, не обнесенныхъ стѣнами, и что, пожалуй, можно видѣть ихъ женъ въ домахъ. Я сказалъ, что не намѣренъ заглядывать въ окна, и хочу только видѣть *градъ* и старую церковь. Ревнивые жители Баньской потолковали между собою и когда я, кончивъ скромный свой завтракъ, состоявшій изъ молока и *каймака* (сливочныхъ пѣнокъ) съ хлѣбомъ, всталъ, чтобы итти ко *граду*, пустили меня безпрекословно въ эту святыню. Ее охраняютъ въ ночное время крѣпкія желѣзныя ворота. Надъ воротами видна каменная плита, на которой была надпись, теперь выскобленная. Судя по словамъ Баньскихъ мусульманъ, я думалъ, что найду въ ихъ *градѣ* какіе нибудь дворцы. Вмѣсто того всѣ жилища, которыя такъ тщательно охраняются отъ глазъ невѣрнаго, состоятъ въ трехъ деревянныхъ лачужкахъ, крытыхъ соломою, почернѣвшихъ, покосившихся на бокъ, и которыя давно бы повалились, если бы онѣ не были прилѣплены съ одной стороны къ стѣнѣ *града*. Правда, онѣ не обнесены наружными стѣнами, потому что *градъ* запирается каж-

дый вечеръ и служитъ жителямъ какъ бы общимъ дворомъ; но отсутствіе предохранительной ограды, которое такъ тревожило Баньскихъ жителей, вмѣсто того, чтобы позволить намъ увидѣть въ окнахъ какихъ нибудь мусульманскихъ красавицъ, показало намъ только, подъ этими окнами, во всей наготѣ, огромныя кучи навозу и всякой дряни, копившіяся тамъ, конечно, въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ восточномъ углу града стоятъ развалины прекрасной церкви, просторной, обличающей изящество и легкость стиля. Она была выстроена крестообразно, съ малыми выступами. Стѣны главнаго зданія, имѣющаго по нашему измѣренію 39 локтей длины и 26 ширины, уцѣлѣли, но трапеза или *притрата* совершенно разрушена. Внутри церкви не видно ни столбовъ, ни колонъ. Она имѣла одинъ куполъ, который почти цѣлъ, хотя часть сводовъ, его поддерживавшихъ, обрушилась, также какъ почти вся крыша церкви. Видъ этого купола выказываетъ, что размѣры зданія отличались пропорціональностью. Наружныя стѣны выложены бѣлымъ и розовымъ мраморомъ; внутреннія покрыты были фресками, куски которыхъ еще сохранились. На землѣ лежатъ, обезображенныя мусульманами, два мраморныхъ изваянія медвѣдя, украшавшія наружность церкви. Полъ мраморный, частями разрушенъ. Стѣна около арки, соединявшей главную церковь съ *притратою*, и теперь служащей входомъ въ церковь, и около большихъ полукруглыхъ оконъ вездѣ обвалилась. Таково настоящее положеніе Баньской церкви, которую строилъ, во имя Св. Первомученика Стефана, «у Расіи на теплыхъ водахъ,» (1) знаменитый король Сербскій Милутинъ, назначая ей быть главою эпархіи, и въ которой при немъ епископомъ былъ плодовитый сочинитель Сербскаго Царославника Даніилъ (2). Послѣ Турецкаго завоеванія, прекрасная церковь эта была обращена въ мечеть; къ ней придѣлали минаретъ, который однако оказался не такъ прочнымъ,

---

(1) Такъ опредѣляетъ эту мѣстность Печскій, иначе Троношскій лѣтописецъ. Дѣйствительно тамъ есть теплые минеральные источники или *бани*.

(2) Разсказывая въ житіи Елены монахини, вдовы короля Уроша I Великаго и матери Милутина, о ея предсмертной болѣзни, Даніилъ говоритъ: «и всемоу сьбороу землѣ Срьпьскіе сьбравшоусе къ нѣи въ славни дворь ѣе Брьнаціи, и мнѣ оубо недрѣнному (такъ) даниилоу соущоу въ то врѣмѣ епископоу црькви светаго апостола Христова Стефана. въ мѣсте рѣкомѣмь Баньскои..... ѡбрѣтохсе тоу сь прочіими епископи же и игоумени, и всего сьбора ѡтьчьства ѣе» (по рукописи XVI вѣка, найденной мною въ запустѣвшемъ монастырѣ Доволя въ Колашинѣ). Существованіе особой епископской каѳедры

какъ старая церковь: онъ давно повалился и представляетъ теперь груду кирпича и мусора; только нижняя часть его, примыкающая къ церкви и поддерживаемая ея крѣпкою стѣною, стоитъ еще, нарушая правильность очерка храма. «Да,» сказалъ со вздохомъ мой слуга, Ристо, ревностный православный, послѣ того какъ мы осмотрѣли зданіе: «славная была церковь! жалость беретъ, глядя на нее: была церковью, потомъ сдѣлалась *джаміею* (мечетью), а теперь *баталь* (развалина)».—«Какое *баталь*!» возразилъ съ удивленіемъ и нѣкоторымъ гнѣвомъ одинъ изъ мусульманъ жителей *града*: «вовсе не *баталь* (не развалина), а *джамія* (мечеть): кланямо у ньой петакъ и барямъ (мы кланяемся, т. е. молимся въ ней по пятницамъ и въ байрамъ)!» Босніійскіе мусульмане до такой степени привыкли видѣть вокругъ себя все разрушающимся, что имъ кажется совершенно естественнымъ дѣлать свой *намазъ* въ зданіи съ провалившеюся крышею, съ грудами мусора на полу, съ выбитыми окнами и дверью; имъ и въ голову не придетъ мысль, что можно и слѣдовало бы починить его и остановить разрушеніе.—Кругомъ Баньской въ долинѣ есть нѣсколько теплыхъ минеральныхъ источниковъ; у одного изъ нихъ устроена недавно деревянная купальня. Отъ этихъ источниковъ или *банеи* городъ и рѣчка получили свое названіе. Народное преданіе и пѣснь говорятъ, что *градъ* этотъ строилъ и въ немъ жилъ могучій *юнакъ* (витязь) Бановичь Страхиня (подвиги котораго предшествуютъ, кажется, времени Косовской битвы и Марка Королевича), и что по немъ прозванъ и *градъ*; но разсказъ этотъ составился, какъ мнѣ кажется, просто вслѣдствіе созвучія имени Бановичь, т. е. сынъ Бана, съ именемъ Баньска; невѣроятно, чтобы король Милутинъ сталъ строить великолѣпную церковь въ градѣ, принадлежавшемъ не ему, а какому нибудь боярскому роду: Баньска была, очевидно, королевскимъ *градомъ* и *дворомъ*. Мусульмане ничего не знаютъ о Страхинѣ и о построеніи Баньской; они сказали мнѣ только, что *градъ* этотъ они взяли встарину отъ *Влаховъ* (т. е. христіанъ).

Баньска извѣстна въ народѣ битвою, бывшею въ 1832 г., между

въ Баньской, въ 9 часахъ разстоянія отъ Расы (Новаго-Пазара), свидѣтельствуетъ о населенности въ то время этого края. Конечно, если бы въ Баньской долинѣ было въ то время, какъ теперь, какихъ нибудь 50 дворовъ, то Милутинъ не поставилъ бы тамъ особаго епископа.

возмутившимися Боснійскими мусульманами, которые, избравъ себѣ въ начальники Гусеина Градашчевича, хотѣли отложиться отъ султана, и регулярнымъ Турецкимъ войскомъ подъ предводительствомъ Махмудъ-паши. Начало этого похода описано въ народной пѣснѣ: «Поднялось стадо голубиное изъ широкаго поля Сараевскаго. То не было стадо голубиное, то были молодые Сараевцы, предъ ними Гусеинъ, капетанъ, съ ними Тузла капетанъ (1). Пошли они къ ровному (2) Ипеку. Когда дошли до Новаго-Пазара, Пазарскія дѣвушки сиѣли пѣсню: «Гусеинъ потомокъ Пророка, а ты Тузла, царь Стамбульскій!» И пришли они къ ровному Ипеку, весь Ипекъ разграбили до тла, разграбили и зажгли. Люто проклинаютъ Ипекскія женщины, люто проклинаютъ Ипекскаго визиря: «Убей Богъ Ипекскаго визиря, что онъ пускаетъ къ намъ врага, врага Гусейна-капетана.» Убѣжалъ Ипекскій визирь, убѣжалъ! жалкая мать, которая родила его! Если бы ты видѣлъ Гусейна-капетана, что онъ дѣлаетъ въ ровномъ Ипекѣ: разогналъ молодцевъ, оставилъ дѣвушекъ и старыхъ матушекъ. Остались онѣ, кукуя, какъ кукушки, метаясь во всѣ стороны, какъ ласточки. Если бы ты видѣлъ Ипекскаго визиря: онъ отправился къ честному царю (султану), жалуется царю въ Стамбулѣ. Царь далъ ему безчисленное войско, предъ войскомъ поставилъ пашу, Махмудъ-пашу.» Босняки въ этотъ разъ не посмѣли, какъ въ предшествующемъ походѣ 1830 года, встрѣтить Османліевъ на равнинѣ Косова поля. Сознавая превосходство регулярнаго войска надъ своими нестройными толпами, Градашчевичъ хотѣлъ остановить ихъ въ ущельѣ. Долго, разсказывали мнѣ, бились тутъ Босняки противъ Низама и Тосковъ (3); рѣчка Баньска потекла кровью; наконецъ, подъ вечеръ, Босняки были разбиты и отступили, пустивъ непріятеля въ Боснію.

Еще часъ ѣхали мы отъ Баньской голымъ ущельемъ, потомъ стали подыматься въ гору. Дорога вилась по лѣсистому склону, часто довольно крутому. Со всѣхъ сторонъ столпились тутъ, вдоль и по-

---

(1) Махмутъ-Бегъ, наслѣдственный *капетанъ* Тузлинскій, который вскорѣ измѣнилъ Гусеину и былъ за то возведенъ въ санъ паши.

(2) Т. е. лежащему въ равнинѣ.

(3) Тоски—Южные Албанцы, славные своею храбростію; Махмудъ паша набралъ ихъ множество, въ подкрѣпленіе своему *низаму* т. е. регулярному войску.

перегъ высоты: «горы съ горами столкнулися,» какъ сказано въ одной Русской пѣсни; не видать нигдѣ рѣзко отдѣляющаго хребта, и нѣтъ также точки на горизонтѣ, гдѣ глазъ не останавливался бы горою. Склоны горъ покрыты буковымъ лѣсомъ и орѣшникомъ, но во многихъ мѣстахъ, между горами и въ особенности на ихъ вершинахъ, разстилаются прекрасныя поляны манящія къ отдыху на своей мягкой зелени.

Въ четырехъ часахъ отъ Баньской находится ханъ Рогозно, въ прекрасной полянѣ, почти на вершинѣ хребта. За этимъ ханомъ вскорѣ начинаешь спускаться, и послѣ четырехъ же часовъ ѣзды достигаешь долины рѣчки Рашки и Новаго–Пазара.

Новый–Пазаръ я уже описалъ. Я пробылъ въ немъ только полдня на обратномъ пути, и поѣхалъ дальше, простившись съ г. Верковичемъ, который хотѣлъ пробыть въ Новомъ–Пазарѣ нѣсколько времени и потомъ снова пуститься на югъ, въ Македонію. Чтобы не возвращаться по той же дорогѣ, по какой ѣхалъ изъ Сараева, я рѣшился избрать нѣсколько болѣе длинный маршрутъ, черезъ восточную Герцеговину. Но на 10 часовъ разстоянія, между Новымъ-Пазаромъ и Сѣницею, Турецкое владѣніе ограничено такимъ узкимъ пространствомъ между Сербіею и Черногоріею, что тутъ только одна и проходитъ дорога, и нѣтъ нигдѣ поворота, ни направо, ни налѣво; до Сѣницы я долженъ былъ ѣхать по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, какія уже видѣлъ и какія описалъ вамъ. Только въ 2 часахъ отъ Пазара я своротилъ въ горы, чтобы посмотрѣть на развалины одной церкви, про которую мнѣ говорили, что въ ней хорошо сохранились старыя надписи. Она находится въ селѣ Попе, въ мѣстности, почти исключительно населенной теперь мусульманами–Албанцами. Она не велика и съ перваго взгляда обличаетъ безвкусную архитектуру временъ Турецкаго господства. Крыша провалилась, но св. престолъ еще стоитъ, и образа сохранились не дурно. Камень съ надписью, который былъ помѣщенъ надъ дверью, сброшенъ; мы его вымыли и прочли, что этотъ храмъ Св. Апостолъ Петра и Павла построенъ былъ въ 7158 (1650) году, «подвигомъ и трудомъ» Велимира Ђолныча (чит. Джолныча) съ братіями. Провожавшій меня Ново–Пазарскій протоіерей говорилъ, что вблизи этой церкви есть деревня Ђонліе (чит. Джонліе), теперь заселенная Арнаутами: имя строителя церкви указываетъ на жителя этой деревни. Какъ видно, въ половинѣ XVII столѣтія, въ этихъ мѣстахъ находились

еще христіане, и между раіями были люди зажиточные. Найдите теперь въ цѣлой Босніи и Герцеговинѣ христіанина сельскаго жителя, который могъ бы выстроить церковь своими средствами!

Мы возвратились на большую дорогу и благополучно достигли Сѣницы. Отъ Сѣницы мы повернули влѣво, къ сѣверо-западу. Намъ дали въ Сѣницѣ подводы, взятыя въ этотъ разъ у какихъ-то мусульманскихъ поселянъ, *кметовъ*; (это чрезвычайно рѣдкій случай, ибо мѣстныя власти, *мудиры*, всегда норовятъ такъ, чтобы тяжелая повинность—ставить подводы падала единственно на христіанъ). При вьючныхъ лошадяхъ шли двое хозяевъ, которымъ онѣ принадлежали. Кметы эти (родомъ Славяне) горько жаловались на свою судьбу. «Наши *мемуры* (чиновники) разорили насъ: для нихъ что Влахъ (христіанинъ), что Турчинъ, все *биръ* (одно и тоже): нѣтъ суда и правды въ нашей землѣ», такъ говорили они мнѣ. «А каковъ вашъ ага (помѣщикъ)?» спросилъ я. «Это, ага ко ага, зулумджія, глоби кмета и Турчина и раю, све биръ (такъ вотъ, ага какъ ага, насильникъ, обираетъ кмета и Турка [1]), и раію, все одно),» былъ отвѣтъ. Дѣйствительно, наружность этихъ бѣдныхъ людей оправдывала такой отзывъ: у нихъ одежда была въ лохмотьяхъ, на ногахъ старыя *опанки*; лица ихъ запечатлѣны были тѣмъ выраженіемъ, которое составляетъ, можно сказать, типъ физіономіи Боснійскихъ и Герцеговинскихъ поселянъ, *кметовъ:* типъ неизмѣннаго отчаянья, приближающагося къ одурѣнію. *Кметовъ* мусульманъ въ Босніи и Герцоговинѣ не много, и надобно сказать, что религія не охраняетъ ихъ отъ притѣсненій, хотя несомнѣнно, что они страдаютъ гораздо меньше христіанъ, какъ отъ властей и откупщиковъ, такъ и отъ помѣщиковъ, потому что ихъ побаиваются и, на примѣръ, въ случаѣ спора съ христіаниномъ, всегда оказываютъ имъ предпочтеніе. Но новые порядки, заведенные въ этихъ областяхъ правительствомъ (введеніе откупной системы и замѣнъ прежнихъ туземныхъ правителей Стамбульскими чиновниками) сильно коснулись ихъ интересовъ; распространеніе прямыхъ налоговъ на магометанъ, почти нечувствительное для помѣщиковъ и городскихъ жителей, пало всею тяжестью на кметовъ; оттого-то кметы-мусульмане теперь чрезвычайно подружились съ своими собратьями-христіанами; христіане хвалятъ ихъ за ихъ *любовь* къ нимъ; они нерѣдко участву-

(1) Мусульманина.

ютъ въ жалобахъ, приносимыхъ кметами–христіанами высшимъ властямъ и вмѣстѣ съ ними охотно обращаются къ Европейскимъ агентамъ съ просьбою о заступничествѣ. Константинопольскія власти поняли, какъ кажется, опасность такого союза и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, начинаютъ ласкать мусульманъ-кметовъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ раіи.

Дорога отъ Сѣницы къ Прѣполю пересѣкаетъ сначала сѣверо-западную часть плоской возвышенности, называемой Сѣницкимъ полемъ. Потомъ надобно спуститься, перейти въ бродъ рѣчку Уващъ, и подняться на хребетъ Бабинячу, съ вершины котораго глазъ теряется въ множествѣ горныхъ цѣпей Герцеговинскихъ, представляющихъ видъ безчисленныхъ волнъ. Мы проѣхали деревушки Уващъ и Горачичи, и стали опять подниматься на большую гору, которую называютъ Карáула, потому что на вершинѣ ея находится сторожка (карàула) для охраненія дороги. За этой горою открывается глубокая долина, Милешевъ-долъ, заключенная между горами Четаницею съ правой стороны, и Дервентою съ лѣвой стороны. Мы долго спускались въ эту долину и наконецъ достигли рѣчки Милешевки, которая течетъ въ Лимъ. Въ серединѣ долины, окруженной крутыми, отчасти поросшими лѣсомъ, горами (особенно много лѣсу на западной сторонѣ Милешевки), есть небольшая христіанская деревня Милешевъ-долъ, съ 5 дворами и 35 жителями; нѣсколько далѣе стоитъ *градъ* Хиссарджикъ на одной скалистой вершинѣ. Онъ *баталь*, т. е. развалился, какъ всѣ почти старинныя крѣпости въ этихъ странахъ; но стѣны еще стоятъ, и до послѣдняго времени вмѣщали Турецкій гарнизонъ; теперь еще, говорятъ, тамъ хранится нѣсколько старыхъ пушекъ и запасъ пороху. Видъ этой скалы, увѣнчанной стѣною, чрезвычайно красивъ. Народъ разсказываетъ, что *градъ* былъ построенъ *проклятою* Ериною, женою Юрія Бранковича (1427—1456); но никакихъ особенныхъ преданій о Хиссарджикѣ я не слыхалъ. У подножія горы, на которой возвышается эта старинная твердыня, разбросано нѣсколько мусульманскихъ домовъ; тутъ есть и небольшая мечеть, готовая развалиться.— Въ горѣ у Хиссарджика показываютъ пещеру, въ которой течетъ ключъ *живой* воды, какъ выражаются Сербы (т. е. родниковой). Народъ увѣряетъ, что источникъ этотъ явился подъ ударомъ жезла Св. Саввы, и зоветъ его Саввиною водою.

Въ ¼ часа отъ Хиссарджика, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, среди

горъ, отовсюду заслоняющихъ небольшую долину, стоятъ у рѣчки Милешевки, на пригоркѣ, развалины знаменитой въ древности обители Милешевой.

Монастырь этотъ, который по преимуществу назывался Сербскою лаврою, былъ построенъ въ *жупѣ* (волости) Чрьна стѣна (т. е. Черная скала), Сербскимъ королемъ Владиславомъ (1234—1240), сыномъ Стефана Первовѣнчаннаго и внукомъ Немани. Онъ создалъ тутъ храмъ Вознесенія Господня, украсилъ его «божественными и человѣческими красотами» и одарилъ «селами и влахами» (крѣпостными) ([1]). Въ 1237 г. положилъ здѣсь онъ мощи св. просвѣтителя Сербской земли Саввы. Рѣдко подвижникъ добра получалъ такое полное и единодушное признаніе отъ своихъ современниковъ, какъ св. Савва. Онъ возвращался изъ странствія въ Палестину, Египетъ и на Синай, черезъ Болгарію въ свое отечество, когда застигнутъ былъ смертію въ Болгарской столицѣ Терновѣ, гдѣ отдыхалъ отъ трудовъ пути, съ честію принятый царемъ Іоанномъ Асѣнемъ и патріархомъ Іоанникіемъ; 14 Января онъ скончался, и его похоронили тамъ въ соборной церкви 40 Мучениковъ. Какъ скоро вѣсть о его кончинѣ пришла въ Сербію, король Владиславъ послалъ своихъ вельможъ къ Асѣню съ письмомъ, прося, чтобы тѣло просвѣтителя было отдано его родинѣ. Получивъ отказъ, король рѣшился самъ ѣхать въ Терновъ; онъ взялъ съ собою «множьство своихъ благородныхъ, епископы же и игумени, посла же прѣдъ собою прѣдвѣстникъ». Послѣ долгаго колебанія, Болгарскій государь склонился на просьбу своего сосѣда и зятя, короля Сербскаго. Тогда, по словамъ древняго сказанія ([2]): «благочьстивы Владиславь краль ѡть Загорьскіе земле ([3]) цѣла и нераздрѣшіима светаго вьздвигь, и вь свое ѡтьчество въ Срьпьскоую землю понести того повелевь,

---

(1) См. Monumenta Serbica, Миклошича, стр. 72.

(2) Доментіаново житіе Св. Саввы: я цитирую его по рукописи, писанной въ 1526 г. въ монастырѣ Сопочанскомъ и найденной мною въ запустѣломъ монастырѣ Довилѣ въ Колашинѣ. Въ этихъ цитатахъ, не имѣющихъ палеографическаго значенія, я опускаю надстрочные знаки и разрѣшаю слова, писанныя подъ титлами, согласно способу, принятому Шафарикомъ и Миклошичемъ въ ихъ изданіяхъ.

(3) Загорскою землею называлась часть Болгаріи на Югъ отъ Балканскаго хребта. Загорье было средоточіемъ Болгарской державы, обновленной династіею Асѣней въ XII вѣкѣ, и по этому вся Болгарія именовалась въ то время нерѣдко Загорскимъ царствомъ.

самь же на трапѣзоу веселіа царемь (Асѣнемъ) .... позванъ вьниде; многими же дарованіи (т. е. дарами) и почьстьми того царь и соущіихъ сь нимь ѡдаровавь, и тако любовнимь провожденіемь растаніе сьтвориста самодрьжьца (т. е. оба государя). Скоро же Владиславь краль светаго несома достиже, и тако древлѥ Давідъ предь кивотомь, прѣдь светими его мощьміи..... предьходе радовашесе..... Ѱалми же и пѣсньми сь епископи и сь благородними светаго ношаше. Приближьшоу же се емоу сь светими мощьми светаго, блаженьни архіепіскопь Арсеніе сь епіскопи и сь игоуменіи и сь многіими благородними сьборь светы изидоше вь сретеніе имь сь многими свѣщами и сь кадили благоѳханьниіми и достоиние почьстіе (чит. почести) и пѣсни светомоу на похвалоу приносеще, и вси падьше на лици своемь поклањахоусе, светіе мощи его лобьзаюше сь многимь оумиленіемь..... Краль же и архіепископь сь епіскопи же (и) игоуменіи и сь благородними многими вси коупно и мали съ великими вь радости миозѣ псалми и пѣсньми светаго ношахоу, и дошьдьше монастира, егоже ть самь краль Владиславь сьзда, вь месте рекомомь Милешева, и тоу вь вѣликои црькви Вьзнесеніа Господнѣ, вь свѣтлѣмь и чьстьнемь гробѣ, иже бѣ емоу Владиславь краль оуготовалъ, Ѱалми же присно и пѣсньми славеще Бога, славно и чьстьно положиште и, великъ же трьжьствомъ праздникь благочьстивіи Владиславь ѡ памети светаго сьтворивь, на нѥмь же архіепископа и епіскопи и благороднихъ ѡдаровавь, и нищихъ довольнѣ оущедривь, и тако вси вь своѥси кьждо ѿидоше.»

Съ тѣхъ поръ Милешева сдѣлалась первенствующимъ мѣстомъ поклоненія въ древней Сербіи. Святой Савва почитался даже Далматинцами и Хорватами Римскаго исповѣданія; а въ глазахъ православныхъ Сербовъ онъ сталъ выше всѣхъ угодниковъ Божіихъ.

«Знаешь ли ты, въ чемъ разница между Шокцами (католиками) и Ришћянами (православными)?» спросилъ я у одного простолюдина въ Сремѣ.—«Какъ же: Шокцы вѣруютъ въ Римъ—папу, мы въ св. Савву».—Герцоговина, бывшая удѣломъ св. Саввы (1), когда онъ еще жилъ въ мірѣ подъ именемъ Растки, и потомъ хранившая его мощи, получила названіе области св. Саввы и извѣстна была подъ этимъ именемъ (2) всему Западу еще много столѣтій послѣ смерти

(1) Св. Савва былъ, какъ извѣстно, младшій сынъ великаго жупана Сербскаго Немани.

(2) Ducatus S. Sabbae.

Сербскаго просвѣтителя; владѣтели ея, сдѣлавшись независимыми въ XV вѣкѣ, носили титулъ Херцеговъ святаго Саввы ([1]), величались хранителями его гроба. По этому можно судить, какъ велико было значеніе Мелешевской обители. Но именно потому фанатизмъ мусульманъ, пощадившій другіе христіанскіе храмы, менѣе знаменитые, обрушился всею тяжестью на Милешеву. Ее не спасла отъ разоренія усердная помощь, присылавшаяся Русскими царями въ XVII вѣкѣ. Гибель Милешевской обители начинается съ того дня, какъ, въ 1595 г., знаменитый военачальникъ султана Мурада III, Синанъ-паша, вѣроятно, чтобы воспламенить фанатизмъ Турокъ, тѣснимыхъ Австрійцами, взялъ мощи св. Саввы изъ Милешевы и въ виду Дуная, на Врачарскомъ полѣ подъ Бѣлградомъ, сжегъ ихъ и развѣялъ по вѣтру. Дальнѣйшая плачевная исторія обители записана въ двухъ замѣткахъ, оставленныхъ намъ Милешевскими—первая въ 1621, вторая въ 163[illegible] г.,—иноками, на переписанныхъ ими книгахъ. Онѣ довольно любопытны, но чтеніе ихъ слишкомъ утомило бы васъ.

Все болѣе и болѣе пустѣла Сербская лавра. Въ 1735 г. Турки разорили ее страшно; наконецъ въ 1782 г. жилища иноковъ сгорѣли, и они разсѣялись, оставивъ несчастную обитель на произволъ мусульманъ, которые усердно принялись трудиться по-своему надъ прекраснымъ зданіемъ. Теперь оно въ развалинахъ, но этѣ развалины еще привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ, и народъ Сербскій все еще надѣется видѣть когда нибудь свою лавру обновленною. Милешевская церковь есть длинное и сравнительно довольно узкое зданіе: длина ея 47 съ небольшимъ аршинъ, ширина 12, стѣны сохранились, но крыши нѣтъ; говорятъ, что Турки разломали ее, чтобы взять съ нея свинецъ для покрытія одной мечети въ сосѣднемъ городкѣ Прѣполѣ. Отъ обоихъ куполовъ осталась только нижняя часть и куски сводовъ, ихъ поддерживавшихъ. Одинъ куполъ возвышался надъ *припратою* или трапезою, другой надъ самою церковью. *Припрата* отдѣлялась отъ церкви поперечною стѣною, въ которой продѣлана была арка; двѣ такихъ же поперечныхъ стѣны, съ просторными арками, раздѣляли самую церковь и служили поддержкою зданію. Народъ разсказываетъ, что въ церкви были четыре мраморныхъ колонны, которыя Турки унесли для украшенія мечети.

---

(1) Иногда въ грамотахъ пишется также: « Херцегъ отъ светаго Саве. »

Вся внутренность церкви покрыта остатками стѣнной живописи; живопись украшала также наружную сторону зданія. Образа и картины всѣ ужасно обезображены ножами и пулями мусульманъ. Однако на наружной стѣнѣ алтаря порядочно сохранилась одна фигура, принадлежавшая, какъ видно, къ большому рисунку, и надъ нею надпись:

ОБРѢТЕНІЕ МОЩЕЙ СТ҃ГО СТЕФАНА.

Такова теперь Милешевская лавра. Не смотря на то, что она такъ разорена и осквернена Турками, окрестные христіане продолжаютъ чтить ее, какъ великую святыню. До сихъ поръ, въ праздникъ Вознесенія, идутъ туда толпы народа на богомолье. Иногда приходитъ съ ними и священникъ, и они слушаютъ слово Божіе среди развалинъ. Больные, побывавъ на мѣстѣ, гдѣ лежали мощи св. Саввы, отправляются въ гору къ источнику, который, какъ я сказалъ, вызванъ былъ изъ скалы, по вѣрованію народа, повелѣніемъ святаго, пьютъ изъ него и погружаются въ его воду. Говорятъ, что даже нерѣдко мусульмане и мусульманки ищутъ въ немъ исцѣленія болѣзни.

Въ одномъ часѣ разстоянія отъ Милешевы находится городокъ Прѣполе, у впаденія рѣчки Милешевки въ Лимъ. Лимъ довольно широкая и красивая, но, кажется, мелкая рѣка. Прѣполе построено въ первой сколько нибудь обширной равнинѣ, въ которую вступаетъ эта рѣка, замкнутая въ верхнемъ своемъ теченіи въ непрерывной тѣснинѣ. Верхнее теченіе Лима, вѣроятно, представило бы много любопытнаго для путешественника. Мнѣ разсказывали, что тамъ ущелье усѣяно монастырями, изъ которыхъ нѣкоторые опустѣли не такъ давно, а другіе еще поддерживаютъ свое существованіе. Вотъ имена ихъ: Николяцъ близъ Бѣлополя, и тутъ же развалины церкви Богородицы (Госпоѣина); Куманица (запустѣлый монастырь); Мила (тоже); Давидовица; Бродарово; ѣурѣеви Стубови (1). (Эти три монастыря еще обитаемы). Народъ говоритъ, что по теченію Лима, отъ его источника въ Гусиньѣ (въ сѣверной Албаніи) до впаденія въ Дрину, недалеко отъ Вышеграда въ Босніи, было въ

---

(1) Это другіе «Юрьевы Столпы», а не тѣ развалины, которыя я видѣлъ подъ Новымъ-Пазаромъ.

старину 70 монастырей. Но возвратимся къ Прѣполю. Это жалкій городишко съ 546 домами и 4,000 жителей, въ числѣ коихъ только 65 домовъ и 350 душъ христіанъ. Городъ окруженъ кукурузными полями и фруктовыми садами; мусульманскіе жители большею частію живутъ доходомъ этихъ полей и деревень, принадлежащихъ имъ въ окрестности, но, какъ вездѣ, охотно содержатъ лавчонки, чтобы сидѣть въ нихъ и глазѣть. Христіане — ремесленники и торговцы. Христіане Прѣпольской и сосѣдней Плѣвельской (или Таслиджинской) нахіи должны быть поставлены въ образецъ, не только своимъ соплеменникамъ Сербамъ, но всей единовѣрной братіи православнымъ, по своей преданности вѣрѣ и по дружной, общественной дѣятельности въ пользу церкви. И надобно при томъ замѣтить, что ихъ положеніе въ этомъ краѣ вовсе не легко. Мусульмане тутъ многочисленны и постоянно одушевлены свирѣпымъ фанатизмомъ, вслѣдствіе сосѣдства съ Черною Горою и съ разбойничьимъ мусульманскимъ гнѣздомъ—Колашиномъ. Къ тому же они невольно чувствуютъ, что имъ должно быть постоянно подъ оружіемъ и на сторожѣ: а то какъ разъ Черногорцы подадутъ надъ ихъ головами руку Сербамъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ, подъ Прѣполемъ и Тослиджею, всего какой нибудь день ходьбы. Не смотря на то, христіане Прѣпольской и Плѣвельской нахіи не только не пали духомъ подъ этимъ гнетомъ фанатизма, но умѣютъ внушать къ себѣ уваженіе въ мусульманахъ, а за вѣру и церковь свою стоятъ единодушно. Какимъ подвигомъ было для горсти христіанъ, живущихъ въ Прѣполѣ, выстроить себѣ церковь! Они малочисленны, бѣдны, должны бороться съ ожесточеніемъ своихъ повелителей, а все же поставили на своемъ, и имѣютъ теперь церковь, чего христіане не достигли во многихъ городахъ Босніи, гдѣ торговый классъ богатъ и не тревожимъ мусульманами. Конечно, вы не должны ожидать, чтобы 65 христіанскихъ семействъ въ Прѣполѣ (въ этомъ числѣ положите по крайней мѣрѣ 50 семействъ бѣдныхъ ремесленниковъ, кое-какъ живущихъ со дня на день трудомъ своихъ рукъ) соорудили великолѣпное богослужебное зданіе. Они сдѣлали, что̀ могли и сколько имъ позволили мусульмане. А имъ не было позволено, чтобы церковь имѣла видъ церкви. Она выстроена, какъ небольшой домъ, и даже не велѣно было обозначать алтарь снаружи обыкновенною круглою формою, а пришлось отгородить въ домѣ одинъ уголъ, обращенный на Востокъ, и въ немъ устроить алтарь. Но и такая церковь значитъ много въ

такомъ мѣстѣ, какъ Прѣполе. Притомъ же церковь тутъ не стоитъ одна, а имѣетъ при себѣ школу, куда всѣ Прѣпольскіе христіане отдаютъ своихъ дѣтей, и гдѣ они,—не знаю, какъ успѣваютъ въ другомъ,—но по крайней мѣрѣ славно выучились пѣть хоромъ церковныя пѣсни. Я приведу имена троихъ торговцевъ, которые преимущественно участвовали въ строеніи церкви и учрежденіи школы, и теперь имѣютъ главный надзоръ за ними: это Хаджи-Іованъ Хаджи-Петровичь, Глишо Висельчичь и Хаджи-Станиша Милетичь. Церковь освящена была въ 1854 году, во имя Покрова Богородицы. Но мало было бы одной церкви. Православные поселяне Прѣпольской нахіи, съ посильной помощію горожанъ, успѣли возобновить въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ три монастыря: въ Теоцахъ (обновленъ въ 1845 г.). въ Быстрицѣ у Сербской границы (обновленъ въ 1846 г. и при немъ учрежденa школа) и подъ дер. Звѣздомъ, въ мѣстѣ называемомъ Селяне (въ 1847 г.). Правда, эти *монастыри* не вполнѣ заслуживаютъ названія, которое они носятъ, потому что въ нихъ нѣтъ монаховъ. Это — церкви, при которыхъ живутъ въ особыхъ «келліяхъ», т. е. комнатахъ, мірскіе священники съ своими семействами, по два или по три. Священники эти имѣютъ свои приходы въ окрестностяхъ. Если бы были охотники принять постриженіе въ монахи, то помѣщеніе тутъ для нихъ готово; но едва ли явятся, или по крайней мѣрѣ не скоро. Во всѣхъ краяхъ Сербскихъ, гдѣ я проѣзжалъ, я слышалъ вездѣ жалобу, что монахи скоро переведутся, что старики вымираютъ, а изъ молодыхъ никто не рѣшается быть инокомъ. Не въ одной Прѣпольской нахіи, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, монахи замѣняются въ обителяхъ мірскими священниками. Когда я спрашивалъ, почему это такъ, неизмѣнный и простодушный отвѣтъ бывалъ всегда: «это, сваки хоће да се жени» (такъ вотъ, всякъ хочетъ жениться). Впрочемъ и безъ монаховъ, съ мірскими священниками, монастыри, недавно обновленные въ Прѣпольской нахіи, имѣютъ великое и благодѣтельное вліяніе на народъ. Они вполнѣ пріучаютъ поселянъ къ забытому во время невзгодъ богослуженію, они служатъ имъ центромъ въ дѣлахъ общественныхъ. Живя вмѣстѣ и въ монастырѣ, который болѣе, чѣмъ простая сельская церковь, привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ изъ всего околотка, священники легче и сильнѣе пріобрѣтаютъ вліяніе на народъ, и надобно отдать имъ справедливость, что при всемъ недостаткѣ въ образованіи, при всей грубости нравовъ,

дѣйствіе Сербскихъ священниковъ на народъ самое благотворное. А какъ велико становится это вліяніе, когда священникъ къ своему сану присоединяетъ еще нѣкоторое образованіе! Примѣромъ можетъ служить одинъ изъ священниковъ, живущихъ въ монастырѣ Селянахъ, Стефанъ, учившійся въ Бѣлградской семинаріи. Какимъ уваженіемъ онъ пользуется въ народѣ! Турки его ненавидятъ, но боятся его и обращаются съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ съ другими, полуграмотными попами: всякій разъ, когда нужно представить властямъ въ округѣ или въ Мостарѣ или наконецъ въ Сараевѣ объ общемъ дѣлѣ, народъ отправляетъ Стефана своимъ представителемъ и ходатаемъ.

Побывши въ Прѣполѣ нѣсколько часовъ, я поѣхалъ дальше, къ Таслиджѣ. Жителямъ очень хотѣлось, чтобы я посѣтилъ монастырь Селяне и посмотрѣлъ на сооруженіе, которымъ они гордятся. Нѣсколько человѣкъ Прѣпольскихъ христіанъ провожали меня туда. Прекрасная гладкая дорога ведетъ сначала вдоль рѣки Лима, среди кукурузныхъ полей; потомъ мы ѣхали между горами, изъ которыхъ меня особенно поразила одна, Соколица, своею странною вершиною. Вершина эта состоитъ изъ двухъ скалъ, одной высокой, круглой, нѣсколько изогнутой на бокъ, а другой, представляющей видъ тонкаго остраго шпица или обелиска. Мы взяли вправо, поднялись на высоты, покрытыя дубовымъ лѣсомъ, миновали деревню Звѣздъ и спустились въ лощину, гдѣ стоитъ монастырь. Кстати о деревнѣ Звѣздѣ: въ немъ 55 Сербскихъ (т. е. православныхъ) дворовъ и 18 мусульманскихъ. Хотите ли знать, сколько въ прошломъ году взято подати съ этихъ 55 христіанскихъ дворовъ? Независимо отъ повинности *агъ* (помѣщику), который въ этой части Герцеговины получаетъ $^1/_3$ или $^1/_4$ урожая, смотря по условію, они заплатили 30 мѣшковъ (750 руб. сер.) откупщику десятины, тогда какъ при веденіи откуповъ въ 1851–52 г., десятина съ этой деревни оцѣнена была въ 12 мѣшковъ (300 р. с.); сверхъ того они внесли 4,537 піастр. (около 226 р.) поголовной подати (*верги*) и 5403 $^1/_2$ піастра (около 270 р.) выкупа отъ военной службы (*аскеріе*).— Основаніе монастыря Селянъ приписывается народомъ королю Милутину. Теперь его обновили и выбѣлили такъ, что не видно и признака старины. Церковь довольно просторна и высока, но печальное впечатлѣніе производитъ совершенная нагота стѣнъ и ико-

ностаса. Жилье монастырское чисто и порядочно. Древнихъ рукописей нѣтъ.

Мы спустились съ тѣхъ же горъ, которыя проѣхали для осмотра Селянъ, только съ другой стороны, переправились черезъ Лимъ и опять стали взбираться на гору. Черезъ два часа достигли мы хана, который находится на этой горѣ и прозывается по ней Ябукою. Мѣсто это холодное, поросшее соснами. Мы расположились тутъ почевать. Я былъ сердечно радъ, что могъ укрыться подъ кровлею хана отъ ночнаго холода и не принужденъ былъ расположиться между лошадьми, а нашелъ себѣ удивительное помѣщеніе, Въ одномъ углу хана, подъ самымъ окномъ (разумѣется безъ стекла) сооружено было возвышеніе изъ досокъ, въ родѣ огромнаго ящика, не знаю, для чего, но я полагаю, для того, чтобы ссыпать туда овесъ или ячмень. На этомъ ящикѣ я устроилъ себѣ ложе, вкусно на немъ поужиналъ, и сладко заснулъ.

Не скоро разбудилъ меня утренній говоръ *ханджій* и кириджій (погонщиковъ) подъ моимъ окошкомъ. Этотъ благодатный ящикъ оставилъ во мнѣ сладостнѣйшее воспоминаніе, какъ одинъ изъ самыхъ покойныхъ и чистыхъ ночлеговъ, какіе я встрѣчалъ въ Турецкихъ ханахъ. На другое утро, пока я сидѣлъ на скамеечкѣ у хана и ждалъ, пока окончится сѣдланіе и навьючиваніе коней, ко мнѣ подсѣлъ молодой бегъ, босоногій, въ красной курткѣ и желтой чалмѣ, сынъ помѣщика, которому принадлежитъ и ханъ. Онъ вступилъ со мною въ дружескій разговоръ. Онъ жаловался на тяжкія времена, теперь наставшія, съ тѣхъ поръ какъ не стало «правды» ни Туркамъ, ни Влахамъ, и говорилъ, со вздохомъ покуривая изъ короткаго чубука: «садъ си видио, како є у нашой землі; кодъ васъ є добро, у вашой землі є редъ; а ми, вала, пропадосмо; обаталише насъ сасвимъ: ко є био зенѣилъ, садъ є фукара; зли люди свашта раде; зли люди има кодъ насъ чоклукъ, а ко є добаръ чоекъ, дина ми, тай не море ништа» (теперь ты видѣлъ, каково въ нашей землѣ; у васъ хорошо, въ вашей землѣ есть порядокъ; а мы, Влахъ (1), пропали; разорили насъ совсѣмъ; кто былъ богачемъ, теперь бѣднякъ, злые люди дѣлаютъ, что угодно; злыхъ людей у насъ множество, а хорошій человѣкъ, клянусь вѣрою, ничего не можетъ сдѣлать).»

---

(1) **Вала, т. е. Валлахъ, обыкновенная божба Босняковъ-мусульманъ.**

Отъ Ябуки я не захотѣлъ ѣхать прямой дорогою въ Таслиджу, а поворотилъ влѣво, чтобы осмотрѣть вновь строящійся монастырь Дубочицу. Лошади были, конечно, не рады такому рѣшенію, потому что такой скверной дороги имъ рѣдко случалось испытывать. Мы тутъ вступали въ полосу камня, которая обнимаетъ почти всю Герцеговину и дала ей и ея народу прозваніе *кршной* (въ отношеніи къ странѣ, это значитъ *каменистый*, въ примѣненіи къ людямъ, въ переносномъ смыслѣ, *крпкій*). Мы поднялись отъ Ябуки еще вверхъ, и потомъ болѣе часу должны были ѣхать по усыпанной камнемъ плоскости. Это мѣсто называется Ранче; лишь кое-гдѣ растутъ на немъ жалкія сосны; въ углубленіяхъ посѣянъ овесъ: за этою плоскостью, въ лощинѣ, лежитъ деревушка Обарде. Далѣе поднялись мы на гору Ивовикъ, которая въ утреннемъ туманѣ казалась вся облѣпленною облаками. За нею въ углубленіи лежитъ большая христіанская деревня Матаруге: маленькія избушки сложены изъ камня; въ окнахъ деревянныя рѣшетки за неимѣніемъ желѣзныхъ; въ ней считаютъ до 60 дворовъ. Проѣхавъ довольно обширное, горное поле, мы достигли края глубокаго спуска. Нужно было спускаться, а рѣшительно не видно было куда: надъ всею долиною лежало точно густое облако, заволакивая даже ближайшія деревья. Болѣе часу спускались мы, ведя лошадей подъ уздцы. Наконецъ мы очутились внизу у какой-то рѣчки и видѣли, но уже надъ нашими головами, то же густое облако, закрывавшее отъ насъ окрестныя горы. Вскорѣ туманъ разсѣялся отъ теплоты солнца, и темныя, крутыя массы Ивовика и Корина явились во всей своей красотѣ. Въ Дубочицѣ меня ждала радушная встрѣча священника, которому поручена эта обновляемая обитель, и нѣсколькихъ христіанъ, пріѣхавшихъ изъ Таслиджи привѣтствовать дорогаго гостя «изъ Русіе.»

Въ Дубочицѣ я могъ видѣть на дѣлѣ усердіе Герцеговинскихъ поселянъ къ церкви. Запустѣвшая и развалившаяся обитель эта теперь обновляется поселянами деревни Матаругъ и нѣсколькихъ другихъ окружающихъ селеній. Замѣтьте, что никто (кромѣ нѣкоторыхъ жителей Таслиджи) не помогаетъ имъ, а напротивъ, всѣ власти берутъ съ нихъ еще деньги за это дѣло: Турки за позволеніе обновить церковь, владыко—за ея освященіе. На дворѣ лежали камень и бревна, приготовленныя для постройки; нѣсколько земледѣльцевъ, обратившихся въ плотниковъ и каменьщиковъ, работали надъ крышею церкви и надъ *челіею* (келліею) т. е. домомъ для священника: ка-

мень и бревна были доставлены даромъ, работники трудились также «за свою душу.» Впрочемъ, сама по себѣ, церковь Дубочицкая не представляетъ ничего замѣчательнаго: она низка и темна. Хотя она еще не готова, но въ ней уже служатъ. При обновленіи, пощадили старинную надпись надъ дверью. Она свидѣтельствуетъ, что эта церковь св. Николая Чудотворца была построена въ 1565 г.

XVI.

Плѣвли. Колашинъ. Дробнякъ.

Отъ Дубочицы до Таслиджи не далеко. Переѣхавъ черезъ горы, ограждающія Дубочицкую долину, мы выбрались въ поля, покрытыя камнемъ; со всѣхъ сторонъ поднимались скалистыя высоты. «Вотъ и нашъ каменистый край, сказали мнѣ провожавшіе меня горожане: не даромъ зовется онъ Таслиджа.» Дѣйствительно, названіе это, данное Турками и происходящее отъ слова *ташли* (каменный), почти вытѣснило народное Сербское имя Плѣвли. Теперь именемъ Плѣвли обозначаютъ обыкновенно только всю нахію, а городъ называютъ и по Сербски Таслиджею.

Таслиджа небольшой, каменный городокъ, поопрятнѣе бо́льшей части подобныхъ ему городковъ Герцеговины и Босніи. Онъ лежитъ на двухъ рѣчкахъ, Брѣзницѣ и Чехотинѣ. Въ немъ считаютъ 650 мусульманскихъ и 115 православныхъ домовъ: всѣхъ жителей около 6,000, въ томъ числѣ до 1,000 христіанъ. Таслиджа, послѣ Мостара, самый дѣятельный въ торговлѣ городъ Герцеговины. Турки содержатъ въ немъ всегда много войска, для наблюденія за Черногорцами. Меня встрѣтили въ Таслиджѣ съ необыкновеннымъ почетомъ. Христіанамъ хотѣлось выразить свое сочувствіе къ Русскому, а Турецкій мудиръ, Эминъ-эфенди, боясь, можетъ быть, имъ прекословить, самъ принялъ *initiative* въ этой демонстраціи. Онъ не только выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу съ многочисленною свитою, но выставилъ за городомъ караулъ и полковую музыку. Христіане толпою стояли поодаль; всѣ ученики школы выстроились въ рядъ. Какое гадкое чувство видѣть себя предметомъ такого вниманія! Костюмъ путешественника, отъ продолжительной дороги, отъ хожденія по горамъ и между сучьями густыхъ лѣсовъ, пришелъ въ невообразимое

разстройство, а тугъ онъ долженъ ѣхать шажкомъ подъ сотнями глазъ, на него выпученныхъ; лошадь подъ нимъ подпрыгиваетъ и гордо фыркаетъ отъ музыки, принимая на себя не на шутку роль тріумфаторскаго коня: преконфузно. Шествіе это длилось не мало времени, пока мы проѣхали весь городъ и достигли монастыря, который лежитъ $^1/_4$ часа за городомъ, на возвышеніи, у подошвы высокой горы. Съ радушнымъ *добро дошли* встрѣтила меня братія и повела на *чошакъ*, т. е. *кіоскъ*, стоящій по срединѣ монастырскаго двора. Это легонькій, четвероугольный помостъ, на который поднимаешься по деревянной лѣстницѣ, и на которомъ стоитъ крыша на столбикахъ. Кругомъ помостъ обнесенъ доскою въ родѣ корабельнаго борта. Весь онъ устланъ ковромъ, и кругомъ положены подушки, на которыхъ сидятъ. На ночь или въ случаѣ дурной погоды кіоскъ закрывается ставнями, и можетъ служить жильемъ. Лучшаго помѣщенія желать нельзя лѣтомъ въ тѣхъ краяхъ: днемъ прохладно, ночью не слишкомъ холодно, и насѣкомыхъ нѣтъ. Въ этомъ-то кіоскѣ я расположился и долженъ былъ принимать визиты. Поочередно стали посѣщать меня всѣ такъ называемые *првленци*, т. е. почетные между христіанскими жителями города; часто имъ негдѣ было помѣститься на помостѣ, и нѣкоторымъ приходилось стоять на лѣстницѣ. Вотъ маленькій образчикъ разговора, который повторялся почти одинаково между мною и каждымъ изъ посѣтителей:

Посѣтитель, *прикладывая правую руку къ сердцу и наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ:* Како си (какъ поживаешь)?

Я. Фала Богу, добро; како сте ви (слава Богу, хорошо, а какъ вы поживаете)?

Посѣтитель. Добро, фала Богу.

Я. Молимъ, сѣдите (прошу, садитесь).

П. Сѣшћемо (сядемъ), *садится, поджавъ ноги, на краю подушки, и опять кланяясь такимъ же образомъ, какъ прежде, говоритъ:* э, како си іошъ (ну, какъ поживаешь, еще разъ)?

Я. Добро, фала Богу.

П. Еси ль се уморно (утомился ли)?

Я. Ниесамъ толико (нѣтъ, нельзя сказать).

П. Фала Богу, кадъ си дошо. Далеко си ишо, да видишъ нашу сиротиню (слава Богу, что ты пріѣхалъ! Далеко ты ѣхалъ, чтобы видѣть нашъ сиротскій народъ)!

Я. И мени є драго, да самъ дошо овамо (и мнѣ пріятно, что я пріѣхалъ сюда).

П. Это, фала Богу. (*улыбаясь:*) Бога ми, кадъ самь те видио, кано сунце ме огрияло! Да Богъ живи и тебе и онога, кой те є послао у нашу землю. (Такъ вотъ, слава Богу! Ей Богу, какъ я тебя увидѣлъ, точно солнце меня пригрѣло! Дай Богъ жить тебѣ и тому, кто послалъ тебя въ нашу землю).

Я. А како є кодъ васъ, све добро (а какъ у васъ, все хорошо)?

П. Све добро, фала Богу! Это, зулумъ, ко Турска земля, нема файде. Шта ћемо? Научни смо! Бога ми, зло (1): умро є нама игуманъ, па є стио владика, да узме нашъ манастиръ, у своє руке ама народъ ниє дао, заузели су се люди за манастиръ; дакле тужио є насъ владика у Стамболу, и ми смо га тужили; ама сада помирили смо се, и сада стои добро, фала Богу. (Все хорошо, слава Богу! Такъ вотъ, притѣсненіе, какъ въ Турецкой землѣ, проку нѣтъ. Что будешь дѣлать? Мы привыкли. Ей Богу, скверно: умеръ у насъ игуменъ, такъ владыка хотѣлъ взять монастырь въ свои руки, но народъ не далъ; люди приняли участіе въ дѣлахъ монастыря; такъ владыка жаловался на насъ въ Стамбулѣ, и мы на него жаловались; но теперь мы съ нимъ помирились, и теперь все обстоитъ хорошо, слава Богу!).

Я. Фала Богу! Болє є кадъ сте се помирили съ владикомъ. Я самъ чуо за вашега владику, да є добаръ. (Слава Богу! Лучше, что вы помирились съ владыкою. Я слышалъ о вашемъ владыкѣ, что онъ хорошъ).

П. Ниє ни лошъ, ко Гркъ. Кажу люди, да є ми ранъ. Садъ смо гиніме у любави. (Не дуренъ, какъ Грекъ. Люди говорятъ, что онъ кротокъ. Теперь мы съ нимъ «въ любви»).

Я. Да Богъ да! Треба, да будете у любави съ владикомъ. (Дай Богъ! Нужно вамъ быть «въ любви» съ владыкою).

---

(1) Такой переходъ отъ благодарности Богу, за то, что все обстоитъ хорошо, къ разсказу о претерпѣваемомъ злѣ, постоянно является въ рѣчи Турецкихъ Сербовъ: жалуясь на свою судьбу, они все-таки благодарятъ Бога за то, что дѣла идутъ такъ, а не хуже еще. Однажды пришелъ ко мнѣ православный кметъ, Боснякъ, съ выраженіемъ глубокаго огорченія на лицѣ. Отвѣчавъ ему на неизмѣнный вопросъ о моемъ собственномъ здоровьѣ, я сдѣлалъ ему съ своей стороны тотъ же неизмѣнный вопросъ: како си (какъ поживаешь)?—«Фала Богу, добро», отвѣчалъ онъ, и принялся тотчасъ разсказывать, что Турки только что убили его брата и его самого исколотили до полу-смерти.

П. Тако и ми желимо, ама шта ћемо? (такъ и мы желаемъ, но что станешь дѣлать?) *Помолчавъ немного:* Ти си уморанъ одъ пута; оглушили смо те, съ Богомъ (ты усталъ съ дороги: мы тебя утомили словами, прощай).

Я. Съ Богомъ.

П. Дай Боже у здравлє!

Изъ этого разговора, разъ пятьдесятъ почти неизмѣнно повторявшагося, вы видите, какое дѣло занимало въ то время умы Таслиджинскихъ христіанъ. Они только что окончили тяжбу съ Герцеговинскимъ владыкою о правѣ распоряжаться имуществомъ находящагося при ихъ городѣ монастыря. Когда скончался послѣдній игуменъ, самъ архіерей пріѣхалъ въ Таслиджу; православные приняли его съ приличными почестями, но вся община, какъ одинъ человѣкъ, отказала ему въ правѣ располагать этимъ имуществомъ. Какъ новаго игумена владыка не хотѣлъ назначить, то сама община приняла монастырь въ свое завѣдыванье, назначила *епитроповъ* для управленія монастырскими дѣлами и взяла на себя уплату оставшихся послѣ покойнаго игумена долговъ. Перенесенное въ Константинополь дѣло не получило категорическаго рѣшенія, но, когда я проѣзжалъ черезъ Таслиджу, уже было улажено примиреніемъ и уступкою со стороны владыки. Этотъ случай можетъ показать вамъ, какъ живо въ православныхъ Сербахъ Турецкихъ участіе къ судьбѣ ихъ церквей и монастырей; народъ почитаетъ церкви и монастыри своимъ общественнымъ достояніемъ и потому отстаиваетъ право распоряжаться ихъ дѣлами. Пріѣхавшаго въ Турцію поражаетъ удивленіемъ эта свобода народной жизни, сохраняющаяся подъ страшнымъ матеріальнымъ гнетомъ, во всемъ томъ, что касается до духовныхъ интересовъ народа. Ни гдѣ я не чувствовалъ этого сильнѣе, какъ въ Таслиджѣ, потому что попалъ туда именно въ такое время, когда общественная жизнь тамошнихъ христіанъ была возбуждена. Но вездѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ, я чувствовалъ присутствіе этой стихіи въ православныхъ жителяхъ. Въ каждой мелочи они выказываютъ, что дѣло Вѣры и Церкви—ихъ общественное дѣло; весь народъ обсуждаетъ его и всякій разъ, когда бываетъ нужно, стоитъ за него поголовно. Въ дѣлѣ Вѣры и Церкви тотчасъ готова воскреснуть у нихъ община, изчезпувшая, въ слѣдствіе многихъ несчастныхъ обстоятельствъ, изъ обиходнаго гражданскаго быта. Эта свобода народной жизни христіанъ въ дѣлахъ духовныхъ есть тотъ лучь свѣта, который отрадно бле-

стить во мглѣ, покрывающей Турецкихъ Славянъ, и который, можетъ быть, озаритъ имъ путь къ возрожденію. Это есть та доля, которою судьба, можно сказать, вознаградила православныхъ Сербовъ за великое зло Турецкаго ига, какъ бы въ подтвержденіе того, что нѣтъ худа безъ добра на свѣтѣ. Ибо до покоренія Турками, особенно во время правленія послѣднихъ Неманичей, увлеченныхъ Византійскими стремленіями, Вѣра и Церковь начинали уже обращаться у Сербовъ въ орудіе свѣтскихъ интересовъ, и мы можемъ указать въ древнихъ Сербскихъ памятникахъ на признаки нравственнаго растлѣнія, отсюда происходившаго; мусульманское же завоеваніе поставило Вѣру и Церковь внѣ свѣтскихъ условій. Единственнымъ ихъ хранителемъ сдѣлался народъ; хранить ихъ становилось для народа подвигомъ нравственной свободы и самоотверженія, ибо всѣ внѣшнія условія манили его къ отступничеству. Этотъ подвигъ нравственной свободы и самоотверженія еще болѣе скрѣпилъ связь народа съ Вѣрою и Церковью; духовенство, за исключеніемъ тѣхъ архіереевъ, которые, послѣ уничтоженія Печскаго патріархата, стали посылаться изъ Константинополя, осталось вполнѣ слитымъ съ народомъ. Оттого-то оно, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, имѣетъ тамъ то огромное и благодѣтельное вліяніе, на которое я уже не разъ указывалъ. Чувствуя себя живымъ членомъ Церкви, живымъ хранителемъ Вѣры, видя въ священникѣ человѣка, живущаго одною съ нимъ жизнію, раздѣляющаго его горе и радость, православный Серб̀ъ въ Турціи проникся безграничною, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободною и сознательною, преданностью Вѣрѣ и Церкви; онъ остался вѣрнымъ Православію, не соблазняясь ни искушеніями господствующей религіи, ни толками, которые могли бы совратить его съ истиннаго ученія.

Я мало сказалъ о Таслиджѣ и о самомъ монастырѣ Св. Троицы. Монастырь, незамѣчательный въ архитектурномъ отношеніи (низкая и темная церковь въ немъ обновлена въ 1595 г., когда и кѣмъ она была построена—неизвѣстно), важенъ по своему вліянію на народъ. Народъ уважаетъ его за то, что въ немъ строго исполняется богослужебный чинъ, тогда какъ почти во всѣхъ другихъ монастыряхъ Босніи и Герцеговины служатъ только, за недостаткомъ иноковъ, по воскресеньямъ и праздникамъ. Но и въ монастырѣ Св. Троицы находятся всего 4 іеромонаха; настоятелемъ былъ временно назначенъ общиною, до рѣшенія владыки, одинъ мірской священникъ, всѣми любимый. Монастырь богатъ книгами и утварью,

присланными въ старинныя времена изъ Россіи; онъ надѣляетъ ими, сколько можетъ, бѣдныя церкви, строящіяся или возобновляемыя въ околоткѣ. Рукописей въ немъ хранится довольно много, въ томъ числѣ и пергаменныя, но не древнѣе XIV столѣтія. Особенно замѣчателенъ «Шестодневъ» Іоанна Дамаскина въ Славянскомъ переводѣ, огромная рукопись, если не ошибаюсь, XV вѣка, съ множествомъ раскрашенныхъ картинокъ. Это единственный монастырь изъ видѣнныхъ мною въ Западной Турціи, гдѣ древнія книги хранятся въ порядкѣ и бережно, въ хорошомъ и безопасномъ помѣщеніи: сама община объ этомъ позаботилась недавно. Въ Таслиджѣ есть школа; ученики прекрасно поютъ всю обѣдню. Церковь прилежно посѣщается не только горожанами, но и сельскими жителями. Иноки хвалятъ усердіе народа къ монастырю; они говорили мнѣ, что нѣтъ въ околоткѣ православнаго поселянина, даже самаго бѣднаго, который не жертвовалъ бы на церковь отъ 100 до 200 піастровъ (5—10 р. сер.) въ теченіе года. Христіане, понадѣявшись на хати-хумаюнъ, заготовили было бревна, камень и известь для перестройки ветхаго жилья монастырскаго: но когда захотѣли приняться за работу, Турецкая власть имъ запретила. Въ одномъ углу, у монастырской ограды, находится въ горѣ пещера, гдѣ постились въ старину иноки. Покойный игуменъ рѣшился устроить въ ней молельную церковь; но, увѣренный въ отказѣ Турокъ, работалъ тайкомъ, по ночамъ, съ другими монахами и нѣкоторыми изъ прихожанъ: онъ выровнилъ скалистыя стѣны пещеры и оштукатурилъ ихъ; но дѣло это остановилось съ его смертію. Жаль, что старый долгъ, лежащій на монастырѣ и поглощающій почти всѣ его средства, не позволяетъ употребить ихъ на это дѣло: жители Таслиджи чрезвычайно дорожатъ своею пещерою и—видѣть ее посвященною богослуженію, составляетъ пламенное ихъ желаніе.

Отъ Таслиджи я рѣшился сдѣлать поворотъ къ югу, чтобы осмотрѣть въ Колашинѣ два запустѣвшихъ монастыря, гдѣ, мнѣ говорили, что я найду много старинныхъ книгъ, и проѣхать до знаменитой въ Герцеговинѣ Пивской обители. Путь предстоялъ тяжелый: мнѣ предсказывали, что отъ Таслиджи до Пивы надобно ѣхать три дня, все по горамъ, что тамъ нѣтъ никакихъ дорогъ, и что край этотъ самый дикій во всей Герцеговинѣ. Но въ отношеніи къ горамъ я понадѣялся на испытанную крѣпость ногъ своей лошади, а что касается до дикости жителей, то поѣздка по Албанскимъ кра-

ямъ Старой Сербіи уже убѣдила меня, какъ мало эта дикость угрожаетъ опасностью Европейцу, путешествующему съ приличнымъ конвоемъ кавазовъ.

Первый день мы ѣхали отъ Таслиджи до монастыря Доволя на Тарѣ. Насъ провожалъ бывшій игуменъ и бывшій единственный житель этого монастыря, молодой и умный монахъ Пахомій. Онъ былъ выгнанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Колашинскими мусульманами изъ своей обители и теперь поселился въ Таслиджѣ. Колашинцы захватили поле, принадлежавшее монастырю, чуть не убили служившаго въ обители христіанина и грозили смертію самому иноку, если бы онъ вздумалъ предъявлять свои права на монастырскую собственность. Нечего было дѣлать, онъ удалился и обитель предоставлена съ тѣхъ поръ на волю судебъ.

Трудно и скучно было бы описывать подробно дорогу отъ Таслиджи до Доволя. Мы ѣхали съ утра до вечера, и за исключеніемъ двухъ небольшихъ полянъ, наши лошади не сдѣлали въ цѣлый этотъ день ни одного шагу по ровному мѣсту: все въ гору или подъ гору. Намѣчу только главныя черты мѣстности, еще не обозначенной ни на какой картѣ. Отъ Таслиджи подымаешься къ югу на гору Кралевци, и спускаешься потомъ къ рѣчкѣ Вѣжишницѣ; ѣдешь по ней ущельемъ, минуя горы Вилякъ и Зенницу, на склонѣ которой лежитъ христіанская деревня того же имени. Миновавъ другую деревню, Подпечье (съ 10 христіанскими и 20 мусульманскими дворами), поднимаешься сперва по отлогому склону, встрѣчаешь въ лѣсу нѣсколько жалкихъ избушекъ, составляющихъ «село» Хата и населенныхъ пчеловодами, и потомъ карабкаешься въ сосновой чащѣ, на крутую гору Борье, спускаешься съ нея и вновь поднимаешься на Дрешино-брдо, также покрытое хвойнымъ лѣсомъ. На этой горѣ находишь нѣсколько мусульманскихъ хатъ, и отъ этого «села» (оно называется, какъ и гора, Дрешино-брдо) вступаешь въ *нахію* Колашинъ. Къ югу Колашинъ прикасается къ сѣверной границѣ Черногоріи. Въ Колашинѣ считаютъ 850 домовъ, изъ коихъ 500 мусульманскихъ и 350 православныхъ. Въ юговосточномъ углу этой нахіи, близъ Черногорской границы, на горѣ, стоитъ старая крѣпостца Колашинъ, заключающая въ себѣ нѣсколько десятковъ мусульманскихъ домовъ. Это притонъ фанатиковъ-разбойниковъ. Колашинскіе мусульмане считаются самыми буйными и дикими во всей Босніи и Герцеговинѣ; они Славяне по происхожденію. Въ нихъ горитъ во всей силѣ фанатизмъ, ко-

торымъ, какъ я сказалъ выше, отличаются магометане въ пограничныхъ съ Черногоріею мѣстахъ. Можно себѣ представить, каково между ними жить ихъ *клеталъ* христіанамъ. Оттого-то часть Колашинскихъ христіанъ выселилась на югъ, въ сѣверную Албанію, гдѣ мы ихъ уже встрѣтили. О Колашинскихъ мусульманахъ не говорятъ иначе, какъ придавая имъ эпитетъ: *зликовцы*, т. е. злодѣи. Ту же славу раздѣляютъ жители сосѣдней съ Колашиномъ на Западъ нахіи Шаранцы. Жители Колашина и Щаранцевъ находились до сихъ поръ въ вѣчной пограничной войнѣ съ Черногорцами; рѣдко бывали перемирія. Множество народныхъ пѣсенъ воспѣваютъ событія этой войны. На границѣ Колашина и Шаранцевъ кончается власть Турецкой администраціи. Въ этихъ двухъ нахіяхъ и въ краяхъ, которые лежатъ далѣе на югъ по Черногорской границѣ, Дробнякѣ, Пивѣ, Никшичахъ, Бонянахъ, Кореничахъ и т. д., народъ управляется почти самъ собою. Разница только та, что тамъ, гдѣ народонаселеніе состоитъ изъ христіанъ (какъ-то въ Дробнякѣ, Пивѣ, Бонянахъ), они живутъ мирно и платятъ подать, пока сосѣди мусульмане или гарнизоны баши-бузуковъ не выведутъ ихъ черезъ чуръ изъ терпѣнія, а въ мѣстахъ, гдѣ есть мусульмане (Колашинъ, Шаранцы, Никшичи, Кореничи), султанская казна не получаетъ ничего, и кулачное право господствуетъ неограниченно.

Съ Дренина-брда мы спустились въ чрезвычайно глубокую, узкую долину Потоци, гдѣ и *село* того же имени. *Села* въ Колашинѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ избушекъ, иногда изъ двухъ или трехъ. Отъ Истоковъ мы поднялись на Бехтешевину и, спустившись, встрѣтили поляну съ «селомъ» Чаклина и рѣдкимъ въ этихъ мѣстахъ болотомъ. Надъ поляною возвышается гора Црни-врхъ, самая большая на пути между Таслиджею и рѣкою Тарою. Проѣхавъ поляну, мы опять поднялись на Штрбину, оставляя направо огромные утесы, носящіе тоже названіе Чаклина. Спустились съ Сировой-главы, другой горы, находящейся въ связи съ Штрбиною. Я приходилъ въ отчаяніе: судя по объясненіямъ моихъ провожатыхъ, я думалъ найти уже подъ этою горою монастырь; а между тѣмъ, дошедши до низу, видѣлъ опять такую же гору передъ собою. Нѣтъ ничего утомительнѣе такой дороги: устаешь ужасно, сидя верхомъ на лошади, которая карабкается въ гору по камнямъ, корнямъ деревьевъ и вымоинамъ горныхъ ручьевъ; устаешь еще больше, когда идешь пѣшкомъ внизъ, безпрестанно подпрыгивая и спотыкаясь о

такіе же камни и корни, а спускаться надо пѣшкомъ, иначе ника-кая лошадь не выдержала бы такой дороги. Усталость отъ безпре-станнаго подниманія и спусканія по горамъ вовсе не то мѣрное, покойное, можно сказать, утомленіе физическихъ силъ, которое ощущается послѣ большаго перехода по ровному мѣсту; отъ такого поднимапія и спусканія по горамъ нервы сначала болѣзненно раздра-жаются и потомъ приходятъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Но при всемъ томъ такое движеніе удивительно какъ здорово: я это испыталъ на себѣ.—И такъ передъ нами была еще гора, названная Богомоля, вѣроятно потому, что черезъ нее переходили жители сосѣднихъ селъ, чтобы идти на богомолье въ монастырь. Она покрыта такимъ гу-стымъ лѣсомъ, что шествіе по ней представляло не мало трудности. Наконецъ, перебравшись часа въ полтора черезъ Богомолю, мы увидѣли передъ собою, на небольшой полянѣ, страстно ожидаемый монастырь.

Онъ стоитъ на самомъ берегу Тары, но обрывъ такъ глубокъ и такъ крутъ, что рѣки не видно, пока не подойдешь къ самому краю скалъ или *стыка*, какъ выражаются Сербы. Монастырь былъ со-вершенно пустъ. Хозяинъ его, о. Пахомій, воспользовавшійся на-шимъ конвоемъ, чтобы снова посѣтить свои покинутыя владѣнія, отыскалъ гдѣ-то по близости своего бывшаго служителя, у котораго остались ключи отъ келлій. Кое-какъ очистили одну келлію отъ на-слоившейся пыли, и мы расположились въ ней. Ключа отъ церкви нигдѣ не оказалось, долго бились надъ замкомъ, и наконецъ отпер-ли его съ помощью гвоздя. Почернѣвшія отъ пыли стѣны, покры-тые пылью и плѣснью образа представляли печальный видъ: но все напоминало, что церковь была покинута невзначай: въ свѣщникахъ еще стояли свѣчи, на одномъ клиросѣ лежала развернутая книга. Одно-купольная церковь эта тяжелой и некрасивой архитектуры; она была построена въ 1545 году. Рукописей много, но все довольно поздня-го времени.

На другой день, рано утромъ, выѣхали мы изъ Доволя, чтобы осмотрѣть другой запустѣвшій монастырь въ Колашинѣ, именно оби-тель св. Архангела Михаила, лежащую тоже на Тарѣ. Запустѣла она давно, но меня увѣряли, что въ ней осталось много старинныхъ книгъ. Въ этотъ разъ показанія жителей не обманули меня, и по-ѣздка была вполнѣ вознаграждена. Мы нашли довольно красивую церковь съ разбитою дверью, съ провалившеюся во многихъ мѣс-тахъ крышею, съ обезображеннымъ иконостасомъ; но въ алтарѣ,

на стоящей еще св. трапезѣ, лежало нѣсколько рукописей; множество другихъ валялось кругомъ престола. Я сталъ жадно просматривать несчастныя книги, которыя отъ сырости составляли массу плотно слипшихся листовъ, и на основаніи *jus primi occupantis* забиралъ все, что казалось поважнѣе ; всего, къ сожалѣнію, не могъ взять, потому что не имѣлъ съ собою вьючныхъ своихъ подводъ, да и такъ, для того, чтобъ поднять отобранныя рукописи, долженъ былъ снѣшить слугу и каваза и привязять всю эту кладь къ сѣдламъ ихъ лошадей. Пришлось оставить, на снѣдь мышамъ и плѣсни или въ добычу будущему путешественнику, полный кругъ Миней и другихъ богослужебныхъ книгъ, писанныхъ въ XVII вѣкѣ.

Грустный видъ представляетъ обитель Св. Михаила. Она пророчитъ будущую участь Довольскаго монастыря. Такихъ запустѣвшихъ монастырей есть еще два въ Колашинѣ, на Тарѣ : Добриловина и Ближкова. Хотѣлось мнѣ пробраться и туда, но нужно было употребить на это два или три дня, а времени рѣшительно не было. Пусть кто нибудь другой поѣдетъ въ Колашинъ и посмотритъ, не осталось ли въ Добриловинѣ и Ближковѣ старыхъ брошенныхъ рукописей, какія я нашелъ въ Михайловскомъ монастырѣ.

За монастыремъ этимъ предстояли мѣста опасныя, но я принялъ свои мѣры, попросилъ любезнаго ко мнѣ старичка, Эминъ-ефенди, Таслиджскаго мудира, предупредить о моемъ пріѣздѣ начальника баши-бузуковъ, расположенныхъ въ Дробнякахъ, по Черногорской границѣ. Отъ монастыря мы скоро спустились къ перевозу на рѣкѣ Тарѣ, одному изъ рѣдкихъ перевозовъ на этой быстрой, холодной, горной рѣкѣ, которая скована почти по всему своему теченію гладкими отвѣсными скалами. Переправившись съ лошадьми на широкой лодкѣ, мы тотчасъ стали подниматься, и на такую крутизну, какихъ не много встрѣчали даже въ Герцеговинѣ. Болѣе часу поднимались мы; на половинѣ горы я принужденъ былъ слѣзть съ своего неутомимаго коня, на которомъ не боялся взбираться ни на какія высоты; но моя свита, давно уже снѣшившаяся, объявила, что дальше ѣхать рѣшительно невозможно, и дѣйствительно, вскорѣ пришлось карабкаться почти на четверенькахъ по голымъ скаламъ. Какъ лошади могли тутъ пройти, имъ однѣмъ извѣстно. Наконецъ, выбившись изъ силъ, добрались мы до верху и увидѣли передъ собою обширную равнину, а на равнинѣ, почти на самомъ краю обрыва, цѣлый бивакъ Арнаутовъ-Тосковъ въ ихъ живописныхъ фустинеллахъ. Какъ

только мы появились, Арнауты вскочили на ноги, и красивый, еще безусый юноша съ широкимъ, вышитымъ золотомъ поясомъ, весь обвѣшанный дорогимъ оружіемъ, вышелъ впередъ и сказалъ: «*хошъ Гелдынъ* (добро пожаловалъ), давно мы тебя ожидаемъ! Присядь съ нами, отдохни.» Я никакъ не ожидалъ такой блистательной встрѣчи цѣлымъ отрядомъ, и моему напуганному воображенію тотчасъ предсталъ ужасающій рядъ Турецкихъ церемоній. Но нечего было дѣлать: я попался въ плѣнъ гостепріимству баши-бузуковъ. Тотчасъ постлали коверъ, и юноша, начальникъ отряда, усадилъ меня подлѣ себя и сталъ подчивать трубкою и чернымъ кофе. Ничего для меня не можетъ быть отвратительнѣе чернаго кофе послѣ усталости, когда горло пересохло, голова горитъ и сердце бьется усиленно, а Турки именно тогда и наслаждаются имъ: я изъ вѣжливости подержалъ чашечку въ рукѣ, обмочивъ въ ней губы, отдалъ ее прислуживавшему Арнауту, и, чтобы не обратили вниманія на невыпитый кофе (мои хозяева сочли бы это, пожалуй, за знакъ, что я боюсь отравы), поспѣшилъ спросить: «гдѣ мы? что это за мѣсто? какія это скалы?»—«Это, говоритъ мнѣ въ отвѣтъ одинъ изъ Арнаутовъ, служившій переводчикомъ, снѣжное поле Езеро, а гора, которую ты тамъ видишь впереди, за полемъ, это Дормиторъ. Нѣтъ выше горы во всей этой землѣ. Черезъ эту гору тебѣ придется ѣхать, когда отправишься, *ако Богъ да* (если Богъ дастъ) въ Пиву. Валлахъ, мы слышали, что въ вашей землѣ холодно, но, Валлахъ, здѣсь еще холоднѣе. Воды у насъ нѣтъ; и лѣтомъ и зимою пьемъ топленный снѣгъ и поимъ имъ лошадей. Болѣе шести мѣсяцевъ въ году снѣгъ лежитъ въ полѣ, а съ горы никогда не сходитъ. Ничего не родится на Езерѣ, никакое жито. Валлахъ, это такая стоянка, что хуже быть не можетъ.»

«И васъ здѣсь держатъ постоянно?» спросилъ я, въ сердечномъ состраданіи къ бѣднымъ Тоскамъ, привыкшимъ къ теплому небу Эпира, и фустинеллы которыхъ едва ли служатъ хорошею защитою отъ холода, (впрочемъ многіе изъ нихъ имѣли бурки на плечахъ).

—«Какъ же, вотъ ужъ который годъ сидимъ на Езерѣ.»

«За чѣмъ же?»

—«*Это Карадагъ* (такъ: Черногорія)!» отвѣчалъ онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій: одно слово Карадагъ довольно краснорѣчиво для Турка.

«Ну, а скажите, пожалуйста, какъ зовутъ эту скалу надъ нами? На ней, никакъ, стѣна?»

—« Да, есть стѣна; это старинный *градъ*, теперь *баталь* (разрушенный); а какъ его зовутъ, Валлахъ, не знаю. Эй, *море* (*море*—восклицаніе при обращеніи къ низшему), какъ зовутъ *градъ*, что вонъ тамъ на скалѣ?» крикнулъ онъ одному изъ погонщиковъ христіанъ, сидѣвшихъ поодаль.

— « Пирлиторъ, Мамчиловъ градъ.»

« Какъ, это Пирлиторъ!» вскрикнулъ я отъ удивленія, что мы такъ прозаически сидѣли съ трубками у подножія скалы, съ которою связано самое поэтическое преданіе народной Сербской поэзіи, и что жители такъ равнодушно произносили имя Пирлитора, а баши-бузуки, квартировавшіе тутъ цѣлые года, даже не знали его. « Такъ это Пирлиторъ », сказалъ я опять.—« *Это, кажу: Пирлиторъ према Дормитору* (1) (такъ вотъ, говорятъ: Пирлиторъ насупротивъ Дормитора), продолжалъ погонщикъ. Дормиторъ тамъ за полемъ, и на Дормиторъ перелеталъ съ Пирлитора Момчило на своемъ крылатомъ конѣ, когда отправлялся на охоту.»

Очень хотѣлось мнѣ взобраться на Пирлиторъ, но мнѣ сказали, что это ужасно трудно, что надобно карабкаться по гладкимъ скаламъ и что притомъ на верху ничего нѣтъ, кромѣ куска старой стѣны и груды камней. Я видѣлъ, что моимъ хозяевамъ, баши-бузукамъ, и такъ надоѣло ждать меня съ утра, и рѣшился не раздражать ихъ. Потому, когда меня спросили, отдохнулъ ли я и хочу ли ѣхать, я безпрекословно сѣлъ верхомъ и отправился въ дальнѣйшій путь, вспоминая только превосходную картину Пирлитора, начертанную народнымъ пѣвцомъ. Вѣрнѣе, живѣе, граціознѣе этой картины природы вы не встрѣтите ни въ какой народной поэзіи, и я смѣло скажу, что начало пѣсни о Момчилѣ есть лучшій цвѣтокъ Сербскаго эпоса. Описаніе холодной, суровой природы, царствующей у подножія Дормитора, сравнительно съ теплымъ, благорастворенным воздухомъ окрестностей Скутарскаго озера, куда злодѣй Волкашинъ хотѣлъ сманить владычицу Пирлитора, Видосаву, всегда привлекало меня своею красотою; но какъ оно поразило меня, когда я побывалъ въ этихъ мѣстахъ и видѣлъ своими глазами всю типическую вѣрность этихъ образовъ! Прочтемъ начало пѣсни:

« Письмо пишетъ Жура Вукашинъ въ бѣломъ Скадрѣ (Скутари) на Боянѣ, и шлетъ его въ Герцеговину, въ бѣлый градъ Пирлиторъ,

---

(1) Эти слова поются въ народной пѣсни.

въ Пирлиторъ насупротивъ Дормитора, къ Видосавѣ, подругѣ Момчиловой; тайно пишетъ и тайно шлетъ письмо, въ письмѣ говоритъ такимъ образомъ: « Видосава, подруга Момчилова! Что тебѣ въ этомъ льду и снѣгу? Когда посмотришь съ *града* надъ собою, ничего не видишь хорошаго, видишь только бѣлую вершину Дормитора, обложенную льдомъ и снѣгомъ среди лѣта, какъ среди зимы. Когда посмотришь съ *града* внизъ, тамъ мутна течетъ волнистая Тара, она валитъ деревья и камни, на ней нѣтъ ни брода ни моста, а около ея все боръ да скалы. Нѣтъ, ты отрави воеводу Момчилу, отрави его или выдай мнѣ, и пріѣзжай ко мнѣ въ ровное приморье, въ бѣлый Скадръ на Боянѣ. Я возьму тебя себѣ въ вѣрныя подруги, и ты будешь госпожею, королевою, будешь прясть шелкъ на золотомъ веретенѣ, прясть шелкъ, на шелку сидѣть, носить бархатъ и жженое золото. А какъ хорошъ Скадръ на Боянѣ! Когда посмотришь на гору надъ *градомъ*, тамъ все растутъ смоковницы и маслины и еще грозды—виноградъ. Когда посмотришь съ града внизъ, тамъ у тебя растетъ бѣлая пшеница, а кругомъ все зеленый лугъ, черезъ лугъ течетъ зеленая Бояна, въ ней плаваетъ всяческая рыба: какъ только захочешь, кушай свѣжую. »

Оставимъ пока народную пѣснь, и воротимся къ дѣйствительности. Дѣйствительность, въ которую я попалъ, была престранная. Когда теперь подумаешь о днѣ, проведенномъ у баши-бузуковъ, кажется, какъ будто бы все это видѣлъ во снѣ. Я ѣхалъ важно, шажкомъ, рядомъ съ моимъ юнымъ хозяиномъ, Сейфулла-беемъ. Кругомъ гарцовалъ весь отрядъ, человѣкъ въ 50. Тóски хотѣли показать передъ иностранцемъ свое молодечество: обскакивали другъ друга по просторному полю, приклонившись грудью къ шеѣ лошади, гикали, стрѣляли на всемъ скаку. При отрядѣ былъ шутъ; онъ гарцовалъ на чахлой клячѣ, съ какимъ-то барабанчикомъ въ рукѣ, безпрестанно колотилъ въ него и поминутно произносилъ отрывочную фразу или затягивалъ пѣсню, коверкая лицо и выводя голосомъ дикія и смѣшныя ноты; часто слова его и ужимки вызывали хохотъ. Не подтруниваль ли онъ надъ странною фигурою Москóва? Я спрашивалъ, что это за личность? Мнѣ сказали, что такой шутъ непремѣнная принадлежность отряда Тосковъ, что безъ него отрядъ жить не можетъ. Наконецъ мы пріѣхали въ главную квартиру. Она состояла изъ нѣсколькихъ двухъ-этажныхъ избушекъ, которыя Тоски нарочно себѣ срубили возлѣ деревни Езеро; впрочемъ большая часть отряда была

расположена по избамъ христіанъ въ Езерѣ и Дробнякахъ. Меня повели въ самую большую изъ этихъ барракъ, гдѣ квартировалъ начальникъ отряда; но и она не отличалась особеннымъ комфортомъ: въ нижнемъ этажѣ помѣщались лошади, въ верхнемъ жилъ самъ офицеръ; весь этажъ состоялъ изъ одной комнаты съ каминомъ безъ трубы; дымъ выходилъ въ окна, т. е. въ два маленькихъ отверстія, которыя закрывались доскою; когда не было слишкомъ много дыма, доску опускали, и обитатели оставались въ темнотѣ. Вездѣ были щели, и дуло страшно, потому что на высотѣ Езера всегда бываетъ холодно, даже среди лѣта. Каково жить въ такомъ домѣ зимою! Хозяинъ гостепріимно отвелъ мнѣ одинъ уголъ комнаты, а самъ расположился въ другомъ, извиняясь, что это единственное у него помѣщеніе. Дымъ ѣлъ глаза; вообще жилье было не совсѣмъ пріятное. Не весела была также бесѣда съ Сейфулла-беемъ черезъ переводчика. Но тутъ я узналъ нѣсколько объ организаціи Албанскихъ баши-бузуковъ, отъ которыхъ такъ тяжело приходится христіанамъ въ Герцеговинѣ. Организація эта основана на частной спекуляціи и на родовомъ бытѣ. Казна назначаетъ извѣстную сумму: кто нибудь изъ знатныхъ Албанцевъ беретъ ее и обязуется за эти деньги набрать отрядъ въ столько-то всадниковъ съ лошадьми; онъ же содержитъ ихъ, платитъ имъ жалованье по частному уговору, а самъ за все это оптомъ получаетъ деньги изъ казны. Главный подрядчикъ обращается къ родоначальникамъ и вербуетъ ихъ въ службу съ охотниками изъ ихъ *фисовъ*. Такимъ родоначальникомъ былъ и мой хозяинъ, Сейфулла-бей; весь отрядъ его былъ связанъ съ нимъ родовыми узами. Главный же подрядчикъ, Шахимъ-бей, начальникъ всѣхъ баши-бузуковъ въ Герцеговинѣ, находился тогда, кажется, въ Гацкѣ. При мнѣ Сейфулла-бей получилъ отъ него письмо и прочелъ въ слухъ нѣсколько строкъ: письмо было по Гречески. Будучи полными хозяевами отряда, начальники, разумѣется, стараются класть деньги себѣ въ карманъ и предоставляютъ своимъ баши-бузукамъ брать у жителей для своего продовольствія насильно все, что̀ имъ угодно; но иногда и винить ихъ даже нельзя. Такъ, напримѣръ, Сейфулла разсказывалъ мнѣ (и это была дѣйствительная правда), что Шахимъ-бей уже нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ изъ казны ни одного піастра, и, чтобы платить своимъ людямъ жалованье, задолжалъ въ Сараевѣ ужасно; какое же средство оставалось для продовольствованія отрядовъ, какъ не грабежъ у жителей? Потому-то

христіанамъ Езера и Дробняковъ житья не было отъ баши-бузуковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они не переставали приносить жалобы, то въ Таслиджѣ мудиру, то въ Мостарѣ губернатору, то въ Сараевѣ генералъ-губернатору. Толку никакого не было; мудиръ, губернаторъ и генералъ-губернаторъ обѣщали всякій разъ, что ихъ жалобы будутъ разсмотрѣны, что баши-бузуки будутъ впредь давать росписки въ забираемомъ продовольствіи и что по этимъ роспискамъ будутъ въ послѣдствіи выплачены деньги. Дѣло кончилось тѣмъ, что жители Езера и Дробняковъ однажды собрались и попросили баши-бузуковъ удалиться, а когда тѣ отказали, выгнали ихъ изъ своего края. Я никакъ не ожидалъ, когда гостилъ у милаго Сейфулла-бея, что не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца, съ нимъ случится такая непріятность. А угощалъ онъ меня на славу, на сколько можно было оказать любезности въ такомъ жилищѣ. Для меня нарочно изжарили огромнаго барана (конечно украденнаго у жителей). Я удивился, видя, что мой хозяинъ и сѣвшіе съ нами за столъ двое Арнаутовъ, изъ которыхъ одинъ, пожилой и многоопытный, казался дядькою молодаго бея (онъ же служилъ намъ переводчикомъ), не прикасались ни къ водкѣ, ни къ мясу, а начали и продолжали свой обѣдъ кислымъ да прѣснымъ молокомъ. «Зачѣмъ же вы меня одного заставляете ѣсть баранину и пить *ракію?*» спросилъ я наконецъ. «Да такъ, у насъ постъ», отвѣчалъ дядька, тономъ человѣка нѣсколько сконфуженнаго. «Неужели у васъ теперь постъ? спросилъ я опять: вѣдь рамазанъ вашъ давно прошелъ.» — «Нѣтъ, это не настоящій постъ, а такой ужъ обычай у насъ, у Тосковъ: недѣли двѣ не ѣдимъ мяса, не пьемъ водки, да и воды не смѣемъ пить, и только питаемся хлѣбомъ да молокомъ. Да вотъ скоро конецъ посту: почти въ то же время, когда христіанъ-милетъ (христіанскій народъ) разгавливается, кончается и нашъ постъ.» Это совпаденіе во времени наводитъ на мысль, что странный постъ, соблюдаемый Тосками-мусульманами, есть остатокъ Успенскаго поста: только Тоски вычисляютъ какъ-то время своего поста по лунѣ, и потому онъ иногда расходится на нѣсколько дней съ христіанскимъ.

Послѣ обѣда, который былъ собственно ужиномъ для моихъ собесѣдниковъ, хотя его подали рано, до захожденія солнца, нужно было опять разговаривать. Представьте себѣ: о чемъ станешь бесѣдовать съ Арнаутами баши-бузуками? *Кнезы* (старосты) окрестныхъ деревень пришли было посмотрѣть на меня, посидѣли возлѣ двери на

полу, робко спросили меня о здоровьѣ и отправились во свояси. Я рѣшился наконецъ, хотя и было рано, выразить желаніе спать; внесли мой дорожный тюфякъ; Сейфулла-бей тоже сталъ приготовляться къ покою: снялъ съ себя оружіе и положилъ возлѣ себя, скинулъ шитую золотомъ куртку и блестящій поясъ, обвязалъ голову платкомъ, закутался въ бурку и легъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ; я тоже закутался въ теплую шинель, но къ утру озябъ препорядочно.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Пиву. Езерскій кнезъ (староста) взялся мнѣ сопутствовать; онъ былъ вооруженъ, какъ и всѣ христіане въ этихъ пограничныхъ съ Черногоріею мѣстахъ. Передъ нами стояла громадная цѣпь Дормитора, вся покрытая снѣгомъ. Она представляетъ глазу почти ровную черту, только съ двумя нѣсколько выдающимися вершинами. Вся она состоитъ изъ скалъ. У подножія ея видна впадина, въ которой растетъ сосновый лѣсъ и въ срединѣ которой находится озеро. Народъ разсказываетъ, что тутъ былъ монастырь. «Когда св. Савва ходилъ и «просвѣщалъ землю» (такъ разсказывалъ мнѣ Езерскій *кнезъ*), онъ пришелъ и въ этотъ монастырь. Погостивъ тамъ, онъ хотѣлъ отправиться дальше, какъ вдругъ игуменъ остановилъ его, обвиняя, что онъ укралъ у него пѣтуха; св. Савва отвѣчалъ, что отъ роду не кралъ ничего; игуменъ схватился за его *бисаги* (кожанныя сумки, привязываемыя къ Турецкому сѣдлу), и дѣйствительно, пѣтухъ былъ тамъ: самъ игуменъ, почему-то ненавидѣвшій просвѣтителя, его туда запряталъ. Видя такую злобу, св. Савва проклялъ монастырь; монастырь провалился сквозь землю, а на мѣсто его выступило озеро. Изъ этого озера потомъ стали выходить по ночамъ крылатые кони и паслись на лугу; въ ихъ табунъ попала однажды кобыла, принадлежавшая воеводѣ Момчилѣ, властителю Пирлитора, и отъ нея родился у Момчилы крылатый конь, по имени Ждраль (1). Пока Момчило владѣлъ этимъ конемъ, онъ не боялся никого на свѣтѣ. Но Вукашинъ, который «сидѣлъ» въ Скадрѣ (2), склонилъ къ измѣнѣ жену Момчилову Видосаву; она спалила крылья у коня, и потомъ, когда Вукашинъ подступилъ къ Пирлитору, впустила его въ *градъ* и выдала ему Момчилу. Убивъ воеводу, Вукашинъ сказалъ Видосавѣ: «коли ты могла выдать такого молодца, какъ Момчило, то меня выдашь подавно», и отрубилъ ей голову, а

---

(1) Въ народной пѣсни, напечатанной Вукомъ Караджичемъ, этотъ конь названъ Ябучило.

(2) Т. е. управлялъ Скадромъ.

взялъ себѣ женою ея сестру, молодую Евросиму (1), которая родила ему «юнака изъ юнаковъ» Марка Королевича.» Вотъ преданія, которыя разсказываются жителями въ окрестностяхъ Дормитора.

Мы взяли нѣсколько вправо отъ главной высоты Дормитора и поднялись на каменистую гору Кршень; на ней уже стало ужасно холодно. За горою мы проѣхали нѣсколько котлообразныхъ углубленій, покрытыхъ тощею травою и усѣянныхъ камнемъ, и наконецъ поднялись на перевалъ черезъ хребетъ; перевалъ этотъ называется Седло; очертаніе горы дѣйствительно представляетъ форму сѣдла, съ двумя высокими луками. Во многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ, вѣтеръ дулъ порывисто. По ту сторону хребта мы ѣхали по нагорнымъ плоскостямъ, постепенно понижающимся и перерѣзаннымъ въ разныхъ направленіяхъ скалистыми высотами. На нѣкоторыхъ изъ этихъ плоскостей попадались такъ называемые *катуны*, т. е. избушки, сколоченныя на живую нитку изъ досокъ, гдѣ поселяются на лѣто жители сосѣднихъ деревень, выгоняющіе свои стада въ горы. *Катуны*, чрезъ которые мы проѣхали (Студена и Николинъ долъ) принадлежатъ жителямъ Дробняковъ; каждая деревня въ Дробнякахъ имѣетъ свой нагорный *катунъ*; собственныя деревни, лежащія въ нижнихъ долинахъ, оставляются лѣтомъ почти пустыми, потому что Дробнячане, имѣя весьма мало полей, живутъ преимущественно овцеводствомъ (2). Въ *катунѣ* Студеной Дробнячане встрѣтили меня съ необыкновеннымъ радушіемъ; женщины не попрятались отъ иностранца; даже онѣ, разговаривая со мною, твердили слова сочувствія, какія Русскій путешественникъ такъ часто слышитъ отъ православныхъ Сербовъ-простолюдиновъ: «Бога ми, кадъ смо те видили, кано сунце насъ огрияло (какъ мы тебя увидѣли, точно солнце насъ пригрѣло)». На повалъ накормили меня и весь мой караванъ эти добрые люди густымъ, вкуснымъ овечьимъ молокомъ и творогомъ, и не хотѣли даже принять никакой платы.

Наконецъ, переѣхавши хребетъ Дугу-планину и утомившись порядочно отъ 6-часовой ѣзды, мы добрались до края глубокаго, обрывистаго спуска, называемаго Борковичи, которымъ кончается возвышенность, составляющая Дробняцкую нахію. Мы перерѣзали такимъ образомъ въ этотъ день западную, довольно узкую часть Дробняковъ.

---

(1) Евфросинію.

(2) Многіе жители селеній, прилегающихъ къ Дормитору, промышляютъ также, какъ мнѣ говорили, охотою на медвѣдей.

Главныя поселенія Дробнячанъ остались у насъ влѣво. На краю обрыва мнѣ показали всю массу горъ, принадлежащихъ храбрымъ Дробнячанамъ; вдалекѣ виднѣлась долина, гдѣ лежитъ главное ихъ село, называемое Дробнякъ, а еще лѣвѣе, цѣпь высотъ означала Черногорію. Съ часъ спускались мы съ Борковичей пѣшкомъ по скаламъ, держась извилистой тропинки; безпрестанно попадались намъ на встрѣчу и сторонились сходившіе съ разныхъ сторонъ и по разнымъ тропинкамъ съ той же возвышенности, вооруженные длинными ружьями христіане въ курткахъ изъ коричневаго сукна съ красными, чалмообразными повязками на головѣ, съ суровыми, воинственными лицами, и женщины, по большей части щедушныя и смуглыя, въ сшитыхъ обрубкомъ платьяхъ изъ коричневаго же сукна, увѣшанныя серебряными бляхами и монетами, съ бѣлыми платками, вися щими съ головы на плечи. Былъ день Успенія. Весь православный людъ изъ окрестности стекался на храмовой праздникъ къ Пивскому монастырю; мы встрѣчали запоздалыхъ.

Мы спустились наконецъ въ узкую, теплую долину, поросшую дубовымъ лѣсомъ, и переправились въ бродъ черезъ двѣ рѣчки, прозрачныя какъ хрусталь, Комарницу и Синецъ, которыя близъ этого мѣста сливаются и образуютъ рѣку Пиву. Слѣдуя по ней, мы черезъ полчаса достигли обширнаго монастыря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами. Дворъ монастырскій былъ наполненъ народомъ, но не тѣмъ забитымъ, исхудалымъ народомъ, какой я видѣлъ въ Ильинъ день на дворѣ Баньскаго монастыря въ Босніи, а людьми свѣжими, рослыми, дюжими, осанистыми, гордо носящими свое оружіе и не утратившими еще на лицѣ выраженія свободы и достоинства. Среди Дробнячанъ и Пивлянъ, въ ихъ коричневыхъ курткахъ и красныхъ чалмахъ, рѣзко выдавались *бѣлаци* (бѣлые кафтаны) и черныя шапочки Никшичей, пришедшихъ въ монастырь съ Юга, и Черногорцевъ, которымъ перемиріе позволяло также повеселиться на храмовомъ праздникѣ. Мое появленіе было неожиданно. Услышавъ, что пріѣхалъ Русскій, вся толпа бросилась ко мнѣ съ радостными лицами и привѣтствіями. Желая избавиться отъ нея, я поскорѣе спросилъ, гдѣ игуменъ; игуменъ не показывался, но чрезъ нѣсколько минутъ мнѣ пришли сказать, что онъ ждетъ меня въ церкви. Я пошелъ въ церковь, и игуменъ встрѣтилъ съ крестомъ и евангеліемъ Русскаго гостя.

А. Гильфердингъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ

«Исторія печати въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.»

Кюшеваль-Клариньи. Парижъ, 1857 года.

(Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats Unis, par Cucheval-Clarigny).

Часто проходятъ у насъ почти незамѣченными любопытнѣйшія произведенія иностранной политической литературы, не взирая на усилія многихъ нашихъ журналовъ и газетъ обратить на нихъ вниманіе читателей. Въ такомъ случаѣ не лишнимъ бываетъ напомнить о нихъ вновь, и вновь направить на нихъ заслуженное ими общественное вниманіе. Мы намѣрены теперь сказать нѣсколько словъ по поводу книги, вышедшей съ небольшимъ годъ тому назадъ, во Франціи, изъ-подъ пера одного изъ даровитыхъ сотрудниковъ Journal des Débats. Всѣмъ извѣстно жалкое современное положеніе періодической литературы, а съ нею вмѣстѣ и всего духовнаго движенія во Франціи. Это всеобщее стѣсненіе, этотъ строгій запретъ всякаго критическаго разбора внутренняго состоянія Франціи, по неволѣ заставляетъ людей мыслящихъ и не легко примиряющихся съ закономъ всеобщаго онѣмѣнія — искать искуснаго изворота мысли, охраняющаго ее отъ насилія внѣшней власти и углубиться въ учрежденія странъ сосѣдственныхъ, придавая критикѣ явленій домашнихъ— форму описанія и справедливой похвалы учрежденіямъ иноземнымъ. Недавній примѣръ графа Монталамбера доказываетъ, конечно, что и эта метода не всегда безопасна въ странахъ, гдѣ не водворилось еще въ самомъ правительствѣ твердое сознаніе собственнаго достоин-

ства и неразлучное съ нимъ уваженіе къ правамъ серьезной и добросовѣстной мысли, облекающейся въ строгія формы приличія и уваженія къ существующему гласному закону. Тѣмъ не менѣе литературный пріемъ этотъ, вынужденный отсутствіемъ разумной свободы книгопечатанія, нынѣ—какъ онъ ни оскорбителенъ для достоинства общества—усвоенъ себѣ всѣми вообще Французскими публицистами. Точно также преобладалъ онъ нѣкогда, по свидѣтельству Кюшеваля, въ самой Англіи, и точно также неминуемо призванъ онъ, ко вреду истины и нравственнаго чувства, водвориться и во всякомъ иномъ обществѣ, искусственно останавливаемомъ въ своемъ развитіи слишкомъ неразумными предупредительными мѣрами власти. Говоря объ исторіи журналистики въ Англіи и Америкѣ, Кюшеваль непрестанно переноситъ насъ мыслію къ невольнымъ сближеніямъ съ современнымъ бытомъ своего отечества, сближеніямъ тѣмъ ося-
зательнѣйшимъ, чѣмъ съ меньшею ясностію они высказаны въ его рѣчи. Впрочемъ пріемъ этотъ мало вредитъ дѣлу, и книга его во всякомъ случаѣ остается замѣчательнымъ свидѣтельствомъ о ходѣ развитія книгопечатанія въ разсматриваемыхъ имъ двухъ странахъ. Здѣсь не мѣсто и не время было бы представлять подробный обзоръ его сочиненія или дѣлать длинныя изъ него выписки для ознакомленія съ нимъ читателя. Совѣтуемъ каждому добыть себѣ самую книгу, внимательно ее прочитать и изучить, и заранѣе ручаемся, что память каждаго читателя обогатится несмѣтнымъ множествомъ любопытнѣйшихъ историческихъ и статистическихъ подробностей.. Въ самомъ дѣлѣ, едвали въ какомъ либо другомъ сочиненіи такъ ясно, такъ наглядно описанъ особенный характеръ печати въ каждой изъ двухъ разсматриваемыхъ странъ; едвали гдѣ либо, въ тѣсныхъ рамкахъ одной и при томъ не весьма толстой книжки, сосредоточено столько остроумныхъ мыслей и воззрѣній на развитіе журналистики и отношенія ея къ государству: наконецъ, едвали кто нибудь такъ вѣрно оцѣнилъ неотразимо всюду разрастающіяся средства и значеніе журналистики, какъ новой исторической власти, постепенно водворяющейся на почвѣ новыхъ историческихъ народовъ.

Эпиграфомъ сочиненія его поставлены извѣстныя слова Каннинга о значеніи въ Англійской конституціи общественнаго мнѣнія, облекающагося въ форму свободной печати, и въ окончательномъ результатѣ заправляющаго всѣмъ государственнымъ дѣломъ, притомъ,—

какъ видно изъ ежедневнаго опыта,—безъ особенной невыгоды для самаго общества и безъ ущерба общественному уваженію къ власти. Далѣе, на первыхъ страницахъ, мы находимъ замѣчательныя слова перваго Французскаго газетчика, Ренадо, нашедшаго себѣ покровителя въ кардиналѣ Ришелье, и уже въ раннюю эпоху 1636 года предугадавшаго тайну будущаго преуспѣянія и крѣпости новаго учрежденія: « усердно прошу иноземныхъ государей и государства », писалъ онъ въ то время въ своей газетѣ, « не терять по напрасну времени въ попыткахъ къ закрытію свободнаго пути сообщаемымъ мною вѣстямъ; ибо я веду такую торговлю, предотвратить которую никому доселѣ еще не удавалось ; эта торговля одарена отъ природы бурною силою потока, отъ всякаго противодѣйствія и препятствія только еще болѣе раздражающагося. » Пророческія слова Ренадо сбылись на дѣлѣ: сравните по цифрамъ, взятымъ изъ книги Кюшеваля, скромные зачатки журналистики въ самой Англіи съ тѣми громадными результатами, которыми гордится нынѣ Англійская періодическая литература.—Подите далѣе, взгляните на Сѣверо-Американскіе Штаты, съ ихъ могучимъ дѣвственнымъ развитіемъ, и вы еще болѣе изумитесь. Въ 1760 годахъ Англійскія газеты считали своихъ подписчиковъ еще только сотнями, и одинъ Public Advertiser могъ похвалиться 3000 подписчиковъ. Теперь Times имѣетъ ихъ болѣе 35,000, не взирая на непомѣрно высокую цѣну этой газеты, цѣну рѣшительно неслыханную на материкѣ Европы. Въ 1753 году всѣ Англійскія газеты, вмѣстѣ взятыя, распродавались въ числѣ 7,400,000 печатныхъ листовъ ; въ 1792 году цифра эта возросла до 15,000,000; въ 1850 году нѣкоторыя отдѣльныя газеты должны были уплатить штемпельную пошлину съ цѣлаго милліона листовъ. Въ теченіи того же года Американская періодическая литература выпустила 422, 600,000 печатныхъ листовъ. — Данныя, доставляемыя статистикою нашей отечественной журналистики, конечно отстоятъ еще на неизмѣримое разстояніе отъ этихъ баснословныхъ цифръ. Тѣмъ не менѣе и ея непрестанно возрастающее движеніе ясно доказываетъ, что и у насъ литература уже рѣшительно перестала быть роскошью. доступною лишь самому ограниченному кругу читателей; ясно, что отнынѣ печать сдѣлалась насущною потребностію всего Русскаго общества и стремится стать на степень существеннѣйшаго и необходимѣйшаго органа общественнаго развитія. Это

новое для нея положеніе должно безъ сомнѣнія обезпечить ей особенный почетъ въ народномъ сознаніи и вызываетъ уваженіе къ ней со стороны государственной власти; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно возлагаетъ и на литературу, и на журналистику въ особенности, немаловажныя обязанности нравственныя и долгъ строгаго, безкорыстнаго служенія вѣчнымъ законамъ правды и добра.

Англійская журналистика, какъ и всякая другая, купила современное блистательное свое положеніе цѣною многихъ тяжелыхъ пожертвованій: съ одной стороны—долговременною, неутомимою, часто неровною борьбою за свободу выраженія общественной мысли; съ другой—глубокимъ сознаніемъ и строгимъ соблюденіемъ своего собственнаго достоинства, и ревностнымъ охраненіемъ своей вещественной независимости отъ той льстивой сѣти приманокъ и искушеній, которою міръ всегда ищетъ опутать всякую вновь возникающую силу. Указанія на этотъ высокій нравственный характеръ Англійской журналистики щедрою рукою разсѣяны въ первой части сочиненія Кюшеваля; они служатъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для правильнаго возсозданія исторіи развитія Англійской гражданственности во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, въ эпоху постепеннаго созрѣванія въ ней политической свободы послѣ бурныхъ дней XVII вѣка, и при томъ подъ вліяніемъ правительства и парламента, далеко не чуждыхъ нареканій во взаимномъ подкупѣ и безнравственнѣйшихъ пріемахъ въ государственномъ управленіи. Кюшеваль ясно указываетъ на неоспоримое совпаденіе политическаго значенія Англійской журналистики съ выраженнымъ ею впервые явно и громко сознаніемъ высокихъ нравственныхъ обязанностей, на ней лежащихъ въ отношеніи къ обществу, и съ провозглашенною ею необходимостію высоко держать знамя своей вещественной независимости. Даже тогда, когда Англійскія газеты случайно поддерживали то или другое министерство, или, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, склонялись къ какой либо временной уступкѣ въ своихъ убѣжденіяхъ,—настоятельнымъ политическимъ потребностямъ или желаніямъ Правительства,—и тогда, заботясь о сохраненіи доброй славы своей, онѣ тщательно отклоняли отъ себя всякое денежное вознагражденіе, хотя бы даже предлагаемое подъ самою скрытною и косвенною формою. Такой именно образъ дѣйствій въ отношеніи къ министерству Персеваля создалъ въ свое время политическое значеніе из-

вѣстнаго Даніеля Стюарта, редактора сперва Morning Post'a, а послѣ Courrier'a; онъ же не мало содѣйствовалъ тому огромному, безпримѣрному въ Европѣ вліянію, которое, въ теченіе шестидесятилѣтняго существованія своего, умѣлъ пріобрѣсти себѣ Times, благодаря въ особенности благоразумному, независимому характеру, второго по времени, издателя своего Walter'a, завѣдывавшаго редакціею этой газеты отъ 1803 до 1847 года. Въ 1810 году, заявляя путеводныя начала своей первоначальной газетной дѣятельности и обѣщая оставаться имъ неизмѣнно вѣрнымъ, онъ не усомнился напечатать въ газетѣ своей объясненіе, которое, конечно, должно остаться почетнымъ воспоминаніемъ въ исторіи Англійской журналистики: «Владѣлецъ этой газеты,» говоритъ онъ, «съ самаго перваго дня своего вступленія въ редакцію, добросовѣстно и безкорыстно защищалъ тогдашнее министерство лорда Сидмута. Газета наша продолжала и въ послѣдствіи поддерживать людей власти, но никогда не позволяла имъ расплачиваться съ нею посредствомъ такого рода полуоффиціальныхъ сообщеній, которыя могли бы послужить къ сокращенію, хотя бы даже и въ самой ничтожной мѣрѣ, денежныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ изданіемъ газеты —Редакторъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что еслибъ онъ принялъ отъ министерства подобнаго рода вознагражденіе, онъ этимъ самымъ лишилъ бы себя права по совѣсти осудить дѣйствія того же министерства тогда, когда они показались бы ему вредными для общества или предосудительными. И такъ онъ поддерживалъ министерство лорда Сидмута единственно на томъ основаніи, что считалъ его, и донынѣ считаетъ, министерствомъ честнымъ и сознательно достойнымъ; но даже и въ отношеніи къ нему редакція не сочла возможнымъ отказаться отъ полной и неограниченной своей свободы мнѣній, и не соглашалась никогда принять отъ него какой бы то ни было услуги, хотя бы даже предложенной въ самой невинной формѣ, ибо она не могла быть увѣрена, что и это министерство не собьется случайнымъ образомъ съ своего прямаго пути и не впадетъ въ какія либо погрѣшности!»—Та же самая мысль, еще сильнѣе выраженная, еще быть можетъ глубже сознанная, заявлена опять черезъ 42 года тою же газетою, по поводу негодованія всѣхъ вождей главныхъ политическихъ партій въ Англіи на Times за гласное выраженіе имъ своего нерасположенія къ Людовику Наполеону: «Достоинство и

свобода печати сами собою изчезаютъ, говорилъ тогда Times, какъ скоро печать соглашается принять положеніе подручническое. Если она хочетъ сохранить полную свою независимость, и, добросовѣстно выполняя лежащія на ней обязанности, желаетъ приносить публикѣ дѣйствительную пользу, въ такомъ случаѣ она отнюдь не должна вступать съ политическими людьми въ союзы слишкомъ тѣсные и всегда обусловливающіе подчиненіе; она не должна приносить въ жертву защищаемые ею вѣчные и никогда не вымирающіе интересы общества — требованіямъ преходящей власти какого бы то ни было кабинета.»

Кюшеваль, лишь мимоходомъ и въ самыхъ общихъ чертахъ очерчивая слишкомъ извѣстную исторію гоненій, претерпѣнныхъ печатію въ правленіе послѣднихъ Стюартовъ,—довольно подробно указываетъ напротивъ на позднѣйшія стѣсненія ея въ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка до 1830 года; онъ исчисляетъ многочисленные процессы, которые вчинались правительствомъ и парламентомъ противъ знаменитѣйшихъ представителей журналистики, которыми каждый разъ все болѣе и болѣе упрочивалось вліяніе послѣднихъ, и которые окончательно содѣйствовали къ рѣшительному установленію въ Англіи преобладающей силы журналистики, какъ четвертой, почти признанной въ конституціи власти. И въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, были исчерпаны почти всѣ нынѣ извѣстныя предупредительныя мѣры: штемпельная подать на газеты введена уже въ 1712 году и почти безъ измѣненія существовала до послѣднихъ годовъ, когда она актомъ парламента обращена въ пошлину почтовую; въ томъ же 1712 году было уже предлагаемо въ парламентѣ введеніе въ Англійской журналистикѣ системы, нынѣ существующей во Франціи и требующей подписи имени автора подъ каждой статьею; наконецъ, и цензура имѣла въ Англіи дни долгаго, хотя и не безмятежнаго, владычества. Къ сожалѣнію, Кюшеваль представляетъ лишь мало данныхъ о цензурѣ и въ особенности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ея окончательное изчезновеніе въ Англіи. Пробѣлъ этотъ крайне прискорбенъ. Любопытно было бы знать, какъ относились въ Англіи XVII и XVIII вѣка цензора къ власти и къ общественному мнѣнію; любопытенъ былъ бы, сохраненный безъ сомнѣнія преданіемъ, рядъ именъ тѣхъ изъ нихъ, которые, равно добросовѣстно отправляли обя-

занности свои въ отношеніи къ правительству и къ общественной мысли. Имена подобныхъ скромныхъ, но честныхъ дѣятелей, въ высшей степени важныхъ въ ходѣ общественнаго развитія, заслуживаютъ тщательнаго храненія въ памяти общества.

Книга Кюшеваля не содержитъ также удовлетворительныхъ указаній на существованіе или отсутствіе въ Англіи, принятой во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, системы требованія отъ газетъ и журналовъ взноса извѣстнаго залога въ обезпеченіе тѣхъ штрафовъ, которые судебными приговорами могутъ быть наложены на редакцію. Очевидно, подобная система можетъ до нѣкоторой степени быть оправдана тамъ, гдѣ тяжба правительства противъ газетъ подвергается разсмотрѣнію суда присяжныхъ или, по крайней мѣрѣ, какъ во Франціи, суда, независимость котораго отъ исполнительной власти хотя сколько нибудь ограждена учрежденіемъ судейской несмѣстимости. Въ такомъ случаѣ невозможность ясно выразить и опредѣлить въ законѣ проступки, встрѣчающіеся въ области печати (такъ называемые délits de presse), невозможность эта отчасти восполняется самымъ свойствомъ той судебной среды, которая призвана прилагать законъ, по существу своему недостаточный. Вообразимъ то же самое учрежденіе гдѣ нибудь въ другой странѣ, судоустройство которой не представляетъ тѣхъ же самыхъ спасительныхъ обезпеченій, хотя бы напримѣръ въ Турціи: нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ, при безграничной почти и вполнѣ безотчетной власти правительственныхъ лицъ, подобное учрежденіе въ окончательномъ результатѣ своемъ соотвѣтствовало бы лишь прямому изъятію газетныхъ и журнальныхъ редакторовъ отъ общаго, для всѣхъ сословій всегда и вездѣ существующаго закона о воспрещеніи произвольной конфискаціи имущества. Ибо ничто тамъ не могло бы обезпечить редакторамъ правильнаго и честнаго суда, и нелицепріятнаго, безпристрастнаго приговора, призваннаго опредѣлить степень и мѣру взысканія и справедливость вмѣненія. Въ этомъ отношеніи совершенно безразлична даже та цѣль, которая могла бы быть выставлена закономъ для оправданія подобнаго требованія залога: законъ былъ бы во всякомъ случаѣ равно несправедливъ, даже и тогда, когда залогъ этотъ назначался бы имъ напримѣръ для вознагражденія подписчиковъ, на случай произвольнаго запрещенія журнала исполнитель-

ною властію. Скажемъ—достиженіе властію своей цѣли подобнымъ окольнымъ путемъ, облекающимся какъ бы въ наружное уваженіе къ правамъ общества, не могло бы не быть почтено дѣломъ глубоко безнравственнымъ, какъ по своей цѣли, такъ и по тѣмъ злоупотребленіямъ, съ которыми неразлучно связано приведеніе подобныхъ мѣръ въ исполненіе.

Но если сочиненіе Кюшеваля оставляетъ такимъ образомъ въ тѣни нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи печати въ Англіи, то оно, какъ бы въ вознагражденіе читателя, кидаетъ самый яркій свѣтъ на другія существеннѣйшія стороны того же самаго предмета. Всего яснѣе и нагляднѣе выступаетъ напримѣръ предъ читателемъ картина отношеній въ Англіи оффиціальной печати къ свободной печати, какъ къ выраженію общественной мысли. Нигдѣ, быть можетъ, невыражается такъ ясно, какъ въ этой особенности, тотъ исключительно Англійскому правительству принадлежащій характеръ, вслѣдствіе котораго оно является въ государствѣ отрѣшеннымъ отъ всякаго отвлеченнаго, правительственнаго типа, нигдѣ не выступая въ отвлеченной формѣ правительства, *какъ правительства*, въ отличіе отъ общества и какъ бы въ противоположность ему,—но всегда воплощаясь въ осязательный жизненный типъ той или другой изъ значительныхъ политическихъ партій этого же самаго общества и поочередно и правильно переходя изъ рукъ одной изъ этихъ партій въ руки другой. Этимъ объясняется то замѣчательное обстоятельство, что Англійское правительство не имѣетъ никакого, ему собственно принадлежащаго органа; не имѣетъ никакой оффиціальной газеты, кромѣ только неважной Лондонской Газеты, существующей уже съ 1666 года, назначеніе которой исключительно ограничивается тѣмъ, что она является какъ бы только дневникомъ придворной жизни. Правительство или министерство вынуждено по этому искать себѣ опоры въ газетахъ и журналахъ той политической партіи, къ которой оно само принадлежитъ, и, являясь лишь временнымъ осуществленіемъ въ правительственной сферѣ политическихъ мыслей этой самой партіи, получаетъ отъ ея органовъ, въ области печати, неподкупную, всегда правдивую, искреннюю, посильную помощь.

Въ этомъ отношеніи совершенное отсутствіе въ Англіи отвлеченнаго правительственнаго элемента, сопряженное съ полнымъ отсут-

ствіемъ литературы оффиціальной или правительственной, порождаетъ окончательный результатъ почти тождественный тому, который въ другихъ странахъ, исключительно управляемыхъ правительственною дѣятельностію, безъ законнаго и обезпеченнаго участія въ этомъ дѣлѣ общественной мысли,—производится общественнымъ равнодушіемъ, а подъ часъ даже недовѣріемъ къ литературнымъ направленіямъ, извнѣ, искусственнымъ путемъ и помимо общественнаго сознанія, сообщаемымъ печати. Ни огромныя вещественныя средства, которыми располагаетъ всякая правительственная литература, ни бо̀льшая доля свободы, ей предоставляемая, въ ущербъ земской мысли, ни самый талантъ оффиціальныхъ литературныхъ дѣятелей, ни даже наконецъ случайная правда ихъ цѣлей и стремленій—не въ силахъ обезпечить имъ того нравственнаго авторитета и самороднаго вліянія, которое бываетъ постояннымъ и исключительнымъ удѣломъ мысли, взрощенной и созрѣвшей при условіяхъ полной нравственной независимости. Эта особенная щекотливость общественнаго сознанія, эта особенная взыскательность общества къ литературнымъ дѣятелямъ, эта строгость его къ тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно принимаютъ на себя призваніе безотвѣтственныхъ оффиціальныхъ наставниковъ, служитъ, въ странахъ еще чуждыхъ правильной свободы книгопечатанія, единственнымъ, драгоцѣннѣйшимъ и лучшимъ орудіемъ къ сохраненію нравственнаго и независимаго характера печати вообще и журналистики въ особенности. По этому только тамъ оффиціальная литература имѣетъ дѣйствительный смыслъ и приноситъ дѣйствительную пользу, гдѣ самая возможность ея обезпечивается существованіемъ внѣ ея — иной свободной литературы, способной съ нею состязаться безъ всякаго внѣшняго для себя стѣсненія, способной, въ противоположность оффиціальной печати, выражать неподкупный, правдивый голосъ той независимой среды общества, которая, — если, подобно всякой иной средѣ, и не обезпечена противъ заблужденія,—то по крайней мѣрѣ не знаетъ заблужденія иного, кромѣ честнаго и добросовѣстнаго. Скажемъ болѣе—только при существованіи этихъ послѣднихъ условій оффиціальная литература не представляетъ существенныхъ неудобствъ для самаго правительства, прибѣгающаго къ ея помощи. Только одинъ лишь незаглушенный, громкій голосъ неподкупнаго общественнаго мнѣнія можетъ равно предостеречь: и оффиціальный

міръ отъ слишкомъ односторонних направленій, тѣмъ опаснѣйшихъ, чѣмъ болѣе они находятъ себѣ талантливыхъ представителей,—и самую оффиціальную литературу отъ всегда ей присущаго и равно гибельнаго для нея искушенія: или впали въ пресыщеніе и сонъ, среди слишкомъ легкаго торжества, или же увлечься желчнымъ, недобросовѣстнымъ озлобленіемъ противъ общества, мало сочувствующаго явленіямъ житейски выгодной мудрости.

Кн. Вл. Черкасскій.

Тула.
10-го Января 1839 г

О « БОЛГАРСКИХЪ КНИЖНИЦАХЪ. »

Сочувствуя современной, возрождающейся литературѣ нашей, я какъ Болгаринъ, считаю не лишнимъ, хотя въ краткомъ очеркѣ познакомить съ нею тѣхъ изъ любителей Болгарскаго слова, которымъ не чужды живо-трепещущіе вопросы о нашей отчизнѣ и ея литературной дѣятельности; тѣмъ болѣе, что наши интересы находятъ отголосокъ въ сердцахъ нашихъ благонамѣренныхъ соплеменниковъ, Русскихъ.

Знакомство Славянъ съ нашею литературою важно теперь по многимъ причинамъ:

а) Оставшіеся памятники нашей древней письменности издревле хранятся въ церквахъ, или въ архивахъ, знакомясь съ которыми, мы можемъ найти много матеріаловъ для исторіи и литературы Славянъ вообще.

б) Указывая, по временамъ, Русской наукѣ на наши вновь открываемые памятники, проливающіе свѣтъ на нашу исторію и, по взаимной связи, на исторію Русскую и всего Славянскаго міра, мы тѣмъ исполнимъ долгъ взаимныхъ услугъ. Примѣръ Русскихъ ученыхъ, оказавшихъ столь огромную пользу разработкѣ нашей исторіи, долженъ подкрѣплять насъ въ нашихъ трудахъ и изысканіяхъ. И тѣмъ болѣе мы должны трудиться надъ разработкою нашей исторіи, что имѣемъ предъ глазами столь важныя услуги, оказанныя ей Русскими учеными: вспомнимъ о трудахъ незабвеннаго Венелина, а также и г-на Безсонова.

в) Если нѣкогда Русская литература имѣла связь съ нашею, то и въ настоящее время взаимный интересъ нашихъ литературъ не прекратился еще; по памятникамъ древне-Болгарскаго языка и по об-

щему достоянію нашему—Священному писанію, переводу нашихъ просвѣтителей—Святыхъ Кирилла и Меѳодія.

г) Если давно погасшая литература наша стала нынѣ мало по малу просыпаться и развиваться, то намъ необходима рука помощи со стороны Русской литературы, для успѣшнаго развитія нашей.

Говоря о Болгарской письменности нашей, можно сказать, что она начала только пробуждаться въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ; что съ этого времени только начинается развитіе духовныхъ потребностей въ нашемъ народѣ. До этого времени, рядомъ съ порабощеніемъ народа, спалъ и его духъ—его народность.

Вліяніе чуждыхъ намъ элементовъ усыпило въ зародышѣ нашу письменность; нашъ народъ, находясь первоначально въ постоянной борьбѣ за свою независимость, не имѣлъ времени предаваться наукамъ и изученію народной литературы. Матеріальное давленіе было слишкомъ сильно, и онъ не могъ душою и сердцемъ отдаться литературѣ, какъ другіе народы. Удары слѣдовали за ударами; борьба была сильная, кровавая: Болгары бились за свою политическую и личную независимость, мало помышля о своемъ духовномъ развитіи. Имъ надо было по крайней мѣрѣ хоть отстоять свои права на собственность, свои дѣдовскія и отцовскія вотчины и наслѣдства. Борьба была сильная и гибельная, какъ для самобытности Болгаръ, такъ и для ихъ письменности.

Нравственное давленіе со стороны Греческаго духовенства, было тоже тяжело и вредно; по мѣрѣ усиленія его, Болгаре болѣе и болѣе впадали въ духовную апатію. Все что могло развить народъ, что могло способствовать распространенію духовнаго и свѣтскаго образованія его, было уничтожаемо и вытѣсняемо изъ Болгаріи. Намъ трудно было, въ одно и тоже время, удерживать свои начала и бороться съ непріязненными намъ стихіями—съ игомъ распространяющагося Греческаго вліянія въ нашей отчизнѣ. Какъ скоро Славянское богослуженіе было исключено изъ нашихъ церквей, и замѣнено Греческимъ, на долгое время пали надежды наши не только на развитіе роднаго языка, но и на личное наше развитіе. Народу, увлекаемому безпрерывно и по необходимости посторонними настоятельными интересами, нѣкогда было обратить вниманіе на эту новую и чувствительную перемѣну. Его вниманіе поглощалось другими вопросами—вопросами страданій и рабства.

Съ другой стороны фанатизмъ Турокъ давилъ его и не давалъ времени очнуться отъ ложнаго направленія, даннаго Греческимъ духо-

венствомъ. Слѣдствіемъ всего этого было совершенное отчужденіе Болгаръ отъ ихъ родной письменности, совершенное забвеніе Славянскаго роднаго богослуженія.

Мы видимъ изъ исторіи, что пока два элемента, Мусульманскій и Греческій, боролись съ третьимъ—Славяно-Болгарскимъ, Болгары еще кое-какъ сносили жизнь, полную постоянныхъ треволненій. Но когда они принуждены были склонить голову, и покориться игу, съ тѣхъ поръ рядъ горькихъ дней и годовъ наполняетъ страницы ихъ плачевной исторической жизни.

Отсюда долговременное косненіе во мракѣ невѣжества и рабства, убившее въ концъ сознаніе природнаго права на человѣческое достоинство, и высокую надежду, какъ на будущее развитіе блестящихъ природныхъ дарованій, на поприщѣ общечеловѣческой умственной дѣятельности, такъ и на развитіе исторической жизни, на ряду съ прочими народами Европы. Вмѣсто процвѣтанія и постепеннаго развитія, мы видимъ совершенно безвременное отцвѣтаніе; вмѣсто постепеннаго перехода къ лучшему быту, мы видимъ переходъ къ безотвѣтному состоянію и апатіи.

Въ то время какъ на Руси, послѣ борьбы съ Татарами, началась новая эпоха твердаго государственнаго устройства; когда возродилась и возвысилась въ ней падшая ея слава, могущество и сила; когда она твердыми шагами выступала и шагала впередъ, —для Болгаріи наступала пора гибели; нашъ народъ приближался къ краю бездонной пропасти, предавалъ забвенію свою письменность, и впадалъ въ глубокую апатію, отъ которой онъ и до сихъ поръ едва-едва могъ очнуться. Тогда безвременно и насильно схороненъ въ могилу дарованный ему Провидѣніемъ талантъ! Тогда огонь и мечь поглотили все наше добро, все наше достояніе! Земля пріяла наши рукописи и аналы, и превратила ихъ въ землю; огонь истребилъ наши архитектурные памятники и обратилъ ихъ въ прахъ и пепелъ; затерялась наша исторія, а время и иго уничтожили память народа о всемъ достойномъ вниманія историка; о насъ надолго забыли и современники наши,—забыли на четыреста лѣтъ! Съ улучшеніемъ нашего рабскаго быта, съ заступленіемъ за насъ сѣверныхъ Славянъ—Русскихъ, начинается улучшеніе и нашего нравственнаго быта. Мы стали свободнѣе въ отношеніи къ самимъ себѣ: мы начали чувствовать наше горькое положеніе. Доселѣ у насъ не было и помину о народности. Но съ этого времени между Болгарами возбуждается вопросъ—

быть или не быть намъ коснѣющими во мракѣ невѣденія,—быть чли не быть Греческому языку преобладающимъ въ нашей отчизнѣ—Болгаріи. Это фактъ, бывшій причиною народнаго пробужденія. Пробужденіе съ своей стороны возродило споры и недоразумѣнія между двумя языками, Болгарскимъ и Греческимъ, по природѣ чуждымъ одинъ другому. Родились крайности, которыя произвели ропотъ съ обѣихъ сторонъ. Образовались партіи, Болгарская и Греческая, горячо вступившіяся за свои права, первая по природному, вторая по незаконно утвердившемуся праву.

Но этими разладицами и спорами данъ толчекъ Болгарскому народу. Болгары очнулись и взялись за письменность; слѣдствіемъ этого былъ рядъ книгъ, вышедшихъ на родномъ нашемъ нарѣчіи. Греческія же книги стали изчезать мало по-малу; ихъ истребляютъ время и обстоятельства. Для насъ особенно важно, что со времени появленія первыхъ книгъ на Болгарскомъ языкѣ, начинается и новый періодъ въ нашей письменности и ея дѣятельности, молчавшей столь долгое время. Начинается печатаніе книгъ, которыя, если и не такъ важны для современной намъ литературы, тѣмъ не менѣе могутъ указать на постепенный ходъ ея двадцати-пяти-лѣтняго развитія.

Разсматривая этотъ двадцати-пяти-лѣтній періодъ нашей литературы, мы убидимъ, что онъ не сдѣлалъ тѣхъ чрезвычайныхъ успѣховъ, которыхъ мы вправѣ были бы ожидать при другихъ обстоятельствахъ. Онъ только развилъ, и то до нѣкоторой степени, наше стремленіе освободиться отъ того или другаго рода чуждыхъ вліяній, потому что это чуждое вліяніе усыпило въ народѣ его сочувствіе къ родному слову, и потому что Болгары, имѣя предъ собой прекрасные, но неудобопонятные образцы Греческой классической литературы, наводнявшей Болгарію во всѣ времена нашей письменной летаргіи, не могли такъ легко уступить своей закоснѣлой привычкѣ: считать свой языкъ и письменность неспособными къ выраженію прекраснаго въ томъ или другомъ родѣ.

Искра, брошенная одинъ разъ, произвела дѣйствіе. Умы разогрѣлись; магическая сила живаго роднаго слова сильно подѣйствовала на воображеніе: всѣ бросились съ жадностью и нетерпѣніемъ изучать родное слово по новымъ книгамъ, въ которыхъ появились первые плоды зародившагося и возростающаго самосознанія.

Жажда къ развитію усиливалась и усиливается постепенно, по мѣрѣ распространенія литературной дѣятельности въ Болгаріи. Отдѣль-

ныя сочиненія, чтеніе которыхъ ограничивалось только въ извѣстномъ кружкѣ Болгарскаго общества, не могли удовлетворить духовной жаждѣ. Необходимо было появленія цѣлыхъ систематическихъ изданій. Въ слѣдствіе этого, появились повременныя изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя выходятъ до сихъ поръ; другія же совсѣмъ прекратили свое существованіе.

Настоящія повременныя изданія наши еще тѣсно связаны съ окружающими насъ обстоятельствами. Они нынѣ состоятъ изъ Цареградскаго Вѣстника и изъ Болгарскихъ Книжицъ (Болъгарскы Книжицы).

Желая познакомить теперь Русскихъ любителей нашей литературы съ Болгарскими Книжицами, я считаю долгомъ предупредить ихъ, чтобы они не разочаровывались заранѣе повременнымъ нашимъ изданіемъ, если оно не вполнѣ удовлетворитъ ихъ ожиданіямъ; ибо литература наша находится еще только въ своемъ зародышѣ. Мы, въ литературномъ отношеніи, находимся въ такомъ состояніи младенчества, что всякая попытка наша создать что нибудь оригинальное, остается только слабымъ оттѣнкомъ той литературной дѣятельности и будущности ея, которая со временемъ—можно надѣяться—возродится и усилится на почвѣ Болгаріи благотворнымъ содѣйствіемъ талантливыхъ и дѣятельныхъ людей. Теперь покуда подражательность, необходимый фазъ въ зачаткѣ нашего развитія, еще преобладаетъ надъ самостоятельными трудами нашей письменности.

Недостатокъ въ хорошихъ, систематически-устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ средствахъ къ тому, недостатокъ, не въ даровитыхъ, но въ людяхъ вполнѣ образованныхъ, еще препятствуетъ намъ достойнымъ образомъ подвизаться въ томъ или другомъ родѣ дѣятельности.

Для того, чтобы успѣшнѣе выполнить и привести къ концу свои цѣли и желанія, необходимо сначала запастись нужными и предуготовительными къ тому средствами, а ихъ то намъ и не достаетъ! Для того чтобы умственная дѣятельность наша развивалась постепенно и безостановочно въ нашемъ отечествѣ, намъ нужны неутомимые дѣятели-представители, которые поддерживали бы самостоятельныя начала нашего просвѣщенія и указывали бы нашему юношеству вѣрный путь, по которому оно должно итти, преслѣдуя общую возрождающуюся идею самосознанія, поддерживали бы его стремленія на этомъ многотрудномъ пути, образовывая такимъ образомъ достойныхъ себѣ

преемниковъ. Но гдѣ эти неутомимые дѣятели? Мы можемъ указать на очень, очень не многихъ.

Огромное количество живыхъ литературныхъ памятниковъ, сохраняющихся въ устахъ и памяти народа, не разобрано и даже еще не списано, такъ, что преданія, разсказы о старинѣ, о давно-минувшихъ дняхъ, гдѣ можетъ быть таится смыслъ историческаго существованія и быта нашихъ предковъ, остаются почти незатронутыми. Много у насъ матеріаловъ литературныхъ, но мало отысканныхъ и собранныхъ! То, что мы видимъ въ печати, есть только малая часть, да и то, по большей части, безъ всякихъ критическихъ разборовъ или иной разработки.

Однако нѣкоторые (1) изъ нашихъ ученыхъ дѣлаютъ по возможности все, отъ нихъ зависящее, за что̀ мы должны быть имъ признательными, ибо и это немногое дорого для насъ, при нашей теперешней печатной литературной бѣдности. Но излишняя подражательность производитъ вредное дѣйствіе. Этому направленію не должно уступать дорогу въ нашей литературѣ; должно сдерживать этотъ ходъ, который можетъ имѣть дурныя слѣдствія для развитія нашей народности.

Изданіе « Болгарскихъ Книжицъ » началось недавно; онѣ появились въ началѣ 1858-го года. Это повременное изданіе выходитъ два раза въ мѣсяцъ и заключаетъ въ себѣ не болѣе четырехъ печатныхъ листовъ.

Система, принятая издателемъ этихъ Книжицъ, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ цѣли.

Какъ періодическое изданіе, « Болгарскія Книжицы » вмѣщаютъ въ себѣ всѣ тѣ отдѣлы современной журналистики, которые мы видимъ и въ иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ. Судя по плану первой книжки, этѣ Книжицы можно раздѣлить на нѣсколько небольшихъ отдѣловъ. По поводу пробужденнаго вопроса о церковномъ богослуженіи на родномъ языкѣ, явилось и желаніе познакомиться съ житіемъ первыхъ поборниковъ нашей православной религіи. Вотъ почему издатель начинаетъ съ житія Святаго Климента, Архіепископа Болгарскаго (2). Слѣдовательно статью эту мы относимъ къ отдѣлу религіозному. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ естествен-

---

(1) Какъ напримѣръ: Архимандритъ Парѳеній Зографскій, г. С. П-въ и пр.
(2) Статья Парѳенія Зографскаго.

ныя науки (1). Этотъ отдѣлъ, по выраженію его, посвящается болѣе развитому классу народа и учащемуся юношеству Болгарскому.

За тѣмъ слѣдуетъ переходъ къ живому слову Болгарскому. Съ возрожденіемъ нашей литературы, почувствовалась потребность въ обработываніи формъ языка (2). Вліяніе чуждыхъ формъ, вошедшихъ въ нашу рѣчь, сильно подѣйствовало на нашъ языкъ, въ который вкрались многіе грецизмы и турцизмы, такъ что собственно говоря: нашествіе варваровъ на Италію менѣе подѣйствовало на классическій Латинскій языкъ, чѣмъ Греческая цивилизація, состоявшая въ многотрудномъ и многолѣтнемъ изученіи Геродотовъ, Плутарховъ, Гомеровъ, Ксенофонтовъ и т. далѣе, у насъ въ Болгаріи. Однимъ словомъ, можно сказать, что языкъ нашъ потерпѣлъ сильное измѣненіе, какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ составѣ своемъ (3).

За симъ слѣдуетъ историко-филологическій отдѣлъ, послѣ котораго издатель даетъ тѣсное мѣстечко новой и старой поэзіи.

Съ практическимъ развитіемъ промышленности въ Болгаріи, съ соприкосновеніемъ ея торговли съ торговлею прочихъ иностранныхъ государствъ, Болгары не могутъ не интересоваться ея современнымъ всеобщимъ движеніемъ. Отъ политическихъ интересовъ зависитъ интересъ торговли. Торговля должна идти рядомъ съ политикою, потому что отъ развитія одной зависитъ процвѣтаніе другой, вліяющей въ свою очередь на благосостояніе народовъ, на улучшеніе ихъ гражданскаго и домашняго быта, на ихъ образованіе, возрастаніе и усовершенствованіе. По этому *современная лѣтопись* является необходимымъ отдѣломъ Болгарскихъ Книжицъ; тѣмъ болѣе, что въ ней помѣщаются всѣ вопросы, касающіеся того или другаго рода общественныхъ, или частныхъ нуждъ народа. Части современной лѣтописи суть слѣдующія: *Политическій дневникъ, Торговый дневникъ, Книжный дневникъ и Общій дневникъ*. Вотъ какимъ образомъ предыдущее связуется съ послѣдующимъ: Религія, естественныя науки, языкъ. исторія и поэзія съ современною лѣтописью, по-

---

(1) Метеорологическія явленія, статьи помѣщ. въ 1-мъ № Болг. Книж.

(2) Мысли за Болгарскій отъ языкъ. Пареенія Зографскаго въ 1-мъ № Болгар. Книж.

(3) Ибо старый Болгарскій языкъ отдѣлъ вмѣстѣ съ гражданскою самостоятельностію Болгаріи. Онъ сохранился въ древнихъ рукописяхъ. Примѣромъ тому можетъ послужить Остромирово Евангеліе и другія.

литикою, торговлею ; вотъ планъ, принятый издателемъ для изда-нія Болгарскихъ Книжицъ, планъ, которому онъ долженъ былъ слѣ-довать, по своему обѣщанію, помѣщенному въ первой книжкѣ.

Изложивъ планъ Книжицъ вкратцѣ, остается сказать: выполнилъ ли издатель свое обѣщаніе, судя по первой книжкѣ; и былъ ли онъ въ состояніи совершить то, что въ послѣдствіи оказалось труднымъ для выполненія? На это можно отвѣчать общепринятою истиною : всякое начало трудно!

Приступая къ своему труду, издатель имѣлъ надежды на сотруд-никовъ со всѣхъ концовъ Болгаріи и не Болгаріи; но начавъ свое дѣло, онъ почувствовалъ недостатокъ въ поддержкѣ. Ожидаемые вспомоществователи и сотрудники не являлись съ своими статьями; поэтому планъ книжки немного измѣнился. Только современная лѣ-топись осталась вѣрною своей цѣли до послѣдней книжки, хотя ино-гда нѣкоторые отдѣлы ея остаются при одномъ извиненіи издателя въ недостаткѣ тѣхъ или другихъ извѣстій.

Разнообразіе сдѣлалось отличительною чертою въ каждой первой половинѣ Книжицъ: что̀ мы можемъ видѣть, перечисливъ статьи, по-мѣщенныя въ нихъ до девятаго № Книжицы.

а) *Отдѣлъ учено-литературный* :

1) Извѣстіе объ самомъ изданіи.

2) Предисловіе къ переводу житія Святаго Климента Архіепис-копа Болгарскаго. Архимандрита Парсенія Зографскаго.

3) Переводъ житія Св. Климента. Архимандрита Парѳенія Зо-графскаго.

4) Метеорологическія явленія.

5) Мысли о Болгарскомъ языкѣ. Арх. Парѳ. Зографскаго.

6) Унія въ царствованіи Іоанна I-го Асѣня. С. П—ва.

7) Повѣсть въ стихахъ: Троянъ и Ангелица соч. Вельтмана, переводъ С. Изворскаго.

8) Современное состояніе банковъ.

9) Послѣднія страницы Болгарской Исторіи. С. П—ва.

10) Народная литература и Болгарская древность.

11) Георгъ Стефенсонъ.

12) Синодикъ царя Болгар. Бориса. Соч. С. П—ва.

13) Кохинхина.

14) Указъ (бератъ) Цареградскаго Патріарха, переводъ съ Греч. яз. П. Р. Славейкова.

15) Болгарскія народныя пѣсни изъ Сборника Арх. Парѳенія Зографскаго.

16) Болгарскія народныя пѣсни изъ Сборника Георгія Теохарова.

17) Болгарскія народныя пѣсни изъ Сборника Саввы Филаретова.

18) Пѣсни Славейкова.

19) Стихотворенія Теодора Хрулева.

Вотъ статьи, составляющіе первую половину Книжицъ до 9-го №. Во второй половинѣ, а именно въ отдѣлѣ современной лѣтописи, находятся слѣдующія статьи.

1) Смерть великаго визиря Решидъ-Паши.
2) Королевство Аудъ.
3) Индійская компанія.
4) Годы, замѣчательные суровостью зимы.
5) О современномъ Индійскомъ вопросѣ.
6) Свободное плаваніе по Дунаю.

б) *Политическій дневникъ:*

1) Царское Уложеніе о Чорбаджилыкѣ (1) въ Турціи.
2) Депеша графа Валевскаго къ Французскому посольству въ Лондонъ.
3) Новый законъ о заговорахъ, предложенный Пальмерстономъ.
4) Депеша графа Коулея къ лорду Кларендону

в) *Торговый дневникъ:*

1) Проэктъ о погашеніи современныхъ долговъ.
2) Торговля и руководство къ изученію законовъ торговли. Переводъ Камамджіогла.

г) *Книжный дневникъ:*

1) Письмо К. Райново, о переводѣ церковной исторіи, къ Арх. Парѳенію Зографскому.

---

(1) Старѣйшины въ городахъ и селахъ.

д) *Общій дневникъ:*

1) Педагогическій институтъ профессора Стоя.
2) Отвѣтъ Болгарской Книжицы.

Переходя отъ одного предмета къ другому и помѣщая по возможности разныя занимательныя, но коротенькія статейки, то объ исторіи нашей, то объ языкѣ, поэзіи, древности, современныхъ вопросахъ, издатель даетъ своему повременному изданію большое разнообразіе, а съ симъ вмѣстѣ занимательность. Однообразіе показалось бы Болгарской публикѣ, жаждущей новостей, нестерпимымъ и скучнымъ.

Многосторонность появившихся вопросовъ требуетъ разъясненія. Эти разъясненія должны были появиться въ соотвѣтствующихъ имъ отдѣлахъ Книжицъ. Но и тутъ издатель увидѣлъ невозможность выдержать характеръ книжки. Недочетъ въ сотрудникахъ опять заставляетъ его прибѣгать къ такимъ статьямъ, которыя едвали совершенно понятны для большинства публики нашей, и едва ли ее интересуютъ. Интересы наши не позволяютъ намъ съ разу вдаваться въ вопросы, несоотвѣтствующіе теперешнему нашему положенію и требованіямъ. Вмѣсто иностранной статистики (1), для насъ была бы важнѣе статистика нашей родины. Вмѣсто переводовъ иностранныхъ романовъ (2) и сказокъ, развившихся подъ другимъ началомъ и въ другой сферѣ, было бы пріятнѣе прочитать что нибудь о своей старинѣ, или пожалуй, о современности, но только о такой, которая бы подходила къ современному понятію нашего народа, и т. д.

Подвигаясь къ современному образованію, намъ нужно приближаться къ нему постепенными, хотя и медленными, но за то вѣрными шагами, чтобы не совратиться съ истиннаго пути, не допустить могущему распространиться чуждому вліянію и не дать нашимъ умамъ принять одностороннее направленіе. Да притомъ, мы всего прежде нуждаемся въ разработкѣ нашей литературы. Лучше намъ теперь воспользоваться тѣмъ, что въ будущемъ можетъ быть потеряннымъ для насъ, если мы предоставимъ немилосердному времени безпощадно истреблять его. Лучше намъ обратиться къ живымъ пре-

---

(1) Статьи объ Кохинхинѣ, о современномъ состояніи Банковъ и друг.
(2) Чичева Томова Колиба (Хижина дяди Тома) пер. Мутьева, и проч.

даніямъ и поискать въ нихъ литературнаго интереса, потому что старина мѣняется въ новизну и, спустя не много времени, тѣ уста, которыя еще могли бы многое разсказать намъ про бытъ нашихъ предковъ, передать преданія глубокой старины и давно-минувшихъ дней—скоро сомкнутся для насъ и унесутъ съ собой всѣ свѣденія о нашемъ прежнемъ историческомъ бытѣ. Послушаемте-ка ихъ и передадимъ услышанное потомству, уже не устами, но въ письмѣ. Это будетъ лучшая услуга и гораздо вѣрнѣйшая для нашей недавно возродившейся письменности; это послужитъ ей живительной силой, приготовитъ и очиститъ ей путь, по которому она должна слѣдовать, приближаясь къ истинному развитію.

Разсматривая весь этотъ рядъ статей въ Болгарскихъ Книжицахъ, можно сказать, что онѣ состоятъ, по большей части, изъ переводовъ, заимствованныхъ статей, изъ небольшаго числа оригинальныхъ, изъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ народа, изъ новыхъ проблесковъ талантовъ нашихъ юныхъ поэтовъ (1), и изъ нѣкоторыхъ филологическихъ изслѣдованій.

Изъ всего этого занимательнѣе для насъ и для другихъ читателей, какъ ближе подходящія къ цѣли, краткія замѣтки объ исторіи Болгаріи, объ языкѣ и поэзіи нашей.

Ни одинъ народъ не отсталъ такъ далеко отъ познанія своей исторіи, какъ мы, Болгары, ибо ни одинъ народъ не находился въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, давившихъ его со всѣхъ сторонъ! Ни одинъ народъ не зналъ такаго сильнаго усыпленія отъ тяготѣвшаго надъ нимъ чуждаго элемента, и ни одинъ народъ не забывалъ такъ свою исторію, какъ Болгары. Въ періодъ паденія ихъ, они, хотя и были болѣе или менѣе политически развиты, но въ смыслѣ образованія, они были еще въ младенчествѣ. Періодъ паденія и рабства засталъ ихъ въ такую пору, когда некогда было имъ еще думать о сохраненіи исторической памяти. Еще съ младенчества впадаютъ они въ апатію; а эта апатія продолжается слишкомъ четыреста лѣтъ! Теперь знакомство наше съ исторіею тѣмъ болѣе важно, что оно выведетъ насъ на прямой путь къ сознанію, а оно, въ свою очередь, освободитъ насъ со временемъ отъ этой глубоко-вкоренившейся апатіи. Намъ теперь необходимо говорить

---

(1) Славейковъ, Теокаровъ, Хрулевъ, Е. М—ва и другіе.

какъ можно болѣе о своей прошедшей исторіи, чтобы приготовить себя къ лучшей будущности, сознательной и отрадной.

Но какъ мы будемъ говорить и знакомиться—это другой вопросъ, на который трудно отвѣчать въ настоящее время!

Сохранившіеся памятники нашей древней исторіи такъ разбросаны и такъ неполны, что намъ предстоятъ большіе труды въ собраніи матеріаловъ историческихъ для изученія нашей исторіи.

Рѣшиться писать исторію Болгарскаго народа трудно, ибо нужна еще повѣрка пощаженныхъ временемъ памятниковъ, и тщательное изученіе ихъ по самымъ оригиналамъ. Драгоцѣнность и количество этихъ памятниковъ затрудняетъ съ одной стороны изданіе ихъ, съ другой—ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не находится въ нашихъ рукахъ. Для того, чтобы наши ученые могли ими пользоваться, имъ надобно искать ихъ въ мѣстахъ нахожденія; а то, что напечатано, не можетъ удовлетворить вполнѣ нашимъ историческимъ требованіямъ.

Говоря объ исторіи, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ статьяхъ историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ Болгарскихъ Книжицахъ. Такихъ статей помѣщено нѣсколько (1); но мы ограничимся на первый разъ одною изъ нихъ, и скажемъ нѣчто объ Уніи въ царствованіи Іоанна I Асѣня царя Болгарскаго,—сочиненіе С. П—ва. Содержаніе этой статьи указываетъ намъ на тѣ смутныя, религіозныя времена, являвшіяся и въ нашей церкви, насажденной Борисомъ, царемъ Болгарскимъ «При всемъ апостольскомъ вѣрованіи народа, являлись» говоритъ сочинитель «и нечестивые сѣятели лжеученія. Одно изъ такихъ лжеученій,—было сближеніе царя Іоанна I Асѣня съ Римскимъ Папою. Причины этихъ религіозныхъ смутъ и этого сближенія были политическія. Съ одной стороны, Византія, взятая Крестоносцами, съ другой—вліяніе мощнаго двигателя католицизма, Папы Иннокентія III-го; партіи внутреннія, крамолы Іоанна и Александра, сыновей брата царя Асѣня и Бориса, сына сестры его, слабость имперіи: все это принуждало Іоанна сблизиться съ Папою. Это сближеніе имѣло слѣдствіемъ Унію.»

«До 1188 года Іоаннъ находился заложникомъ въ Царьградѣ. Но, убѣжавъ оттуда, онъ скрылся въ горы. Война, возгорѣвшаяся въ

---

(1) Послѣднія страницы Болгарской исторіи. Синодикъ царя Бориса. Соч. С. П—ва.

1186 году, подъ предводительствомъ Петра и брата его Асѣня, происходящихъ отъ колѣна старинныхъ царей Болгарскихъ, счастливо ими веденная и прекращенная на время, возгорѣлась снова при Іоаннѣ, наслѣдовавшемъ царскій престолъ послѣ смерти старшихъ своихъ братьевъ. Іоаннъ, въ продолженіи своего дѣятельнаго правленія, успѣваетъ дать Болгаріи политическую и религіозную независимость ».

« Іоаннъ отправляетъ посольство къ папѣ Целестину, съ просьбою ниспослать ему царскій вѣнецъ и главу церкви въ лицѣ патріарха. Но посольство не застаетъ въ живыхъ Целестина; на его мѣстѣ находитъ Иннокентія III-го. Иннокентій III-й съ своей стороны отправляетъ посольство къ Іоанну, послав въ Болгарію сначала легата Доминика Бриндизійскаго ».

« Доминикъ явился дѣйствительно въ 1202 году въ Търново. На полученныя регаліи и письма отъ папы, Іоаннъ отвѣчаетъ: « что письма и легатъ папы дороже ему, нежели золото и драгоцѣнные камни. » Въ скоромъ времени посланный Іоанномъ пресвитеръ Василій возвращается въ Болгарію и приводитъ съ собою посланнаго Папою капеллана Іоанна, которому было поручено развѣдать о дѣлахъ и положеніи Болгаръ, съ тѣмъ, чтобы донести обо всемъ Папѣ. »

« Въ это время Алексій III-й и патріархъ Константинопольскій Василій Каматиросъ, для устраненія Римскаго вліянія на Болгарію, предложили Іоанну свое посредничество, обѣщая вѣнчать его на царство и дать Болгарамъ патріарха. Іоаннъ, не вѣря имъ, посылаетъ въ Римъ Загорскаго архіепископа Василія съ договорами къ папѣ; но Василій былъ остановленъ Греческимъ начальствомъ, узнавшемъ о цѣли его путешествія. Ему однако удается извѣстить папу о своемъ положеніи ([1]) и желаніи Іоанна ».

« Иннокентій III-й поручаетъ кардиналу Льву присоединеніе Болгарской церкви, и, вручивъ ему въ то же время царскую корону и тайныя инструкціи, отправляетъ его въ Болгарію. Левъ, прибывъ въ Търново (7-го Ноября), обнародываетъ папскую буллу о новомъ іерархическомъ устройствѣ въ Болгарской церкви. Папа соглашается дать Болгарамъ главу церкви, не иначе, какъ въ лицѣ примаса, а не какъ патріарха. Василій былъ переведенъ въ Търново и назначенъ

---

(1) Онъ спасся при помощи Католическаго духовенства отъ руки Грековъ, которые хотѣли утопить его въ морѣ.

примасомъ надъ всѣми Болгарами и Валахами: *Basilius Archiepiscopus Trinovianus Bulgarorum et Blachorum Primas.* Новый примасъ посвящаетъ съ своей стороны двухъ митрополитовъ въ Преславѣ и Вельсбургѣ, и еще пятерыхъ епископовъ: въ Скопіи, Призрѣнѣ, Видинѣ, Ловчѣ и въ Браничевѣ. Всѣ они въ даръ отъ папы получаютъ *палліумы* (×) (епископскія мантіи.)»

«На другой день (8-го Ноября) кардиналъ Левъ вѣнчаетъ на царство Іоанна по обряду католическому, вручивъ ему скипетръ и *препорецъ* (знамя), на которомъ былъ изображенъ съ одной стороны — крестъ, а съ другой — ключи: символъ мудрости и силы. Послѣ этого Іоаннъ I-й Асѣнь принимаетъ титулъ: *Joanicius Dominus et Imperator totius Bulgariae et Blachiae.*»

Такъ принимается и утверждается Унія въ Болгаріи. Я здѣсь разсказываю главный ходъ событій излагающихся въ этой статьѣ, — въ которой сочинитель стремится оправдать Іоанна I-го Асѣня въ принятіи Уніи. Онъ оправдываетъ это политическими обстоятельствами, угрожавшими въ то время Болгаріи. «Только слабость В. Римской Имперіи», говоритъ онъ, «бывшая вѣрнымъ ручательствомъ новаго крестоваго похода (1), котораго главнымъ двигателемъ былъ Иннокентій III-й, могла принудить Іоанна къ такому поступку. Кромѣ того, самые Латинцы недоброжелательно смотрѣли на Болгарію, считая ее подвластною страною Имперіи.» Другія доказательства, которыя онъ приводитъ, касаются того, что Іоаннъ, желая сблизиться съ папою, хотѣлъ этимъ оградить себя политически отъ новыхъ крестоносцевъ, которые могли бы имѣть притязаніе на Болгарію и т. д.

Эта небольшая статейка очень занимательна. Мы видимъ въ ней, въ краткомъ очеркѣ, усилія Римскаго двора распространить свое вліяніе на Болгарію; а также и нерадѣніе Греческаго Патріархата къ своей паствѣ въ Болгаріи. По нашему мнѣнію — все это мало оправдываетъ, какъ Іоанна, такъ и Болгарскій народъ. Напротивъ: такая измѣна Православію, свидѣтельствуя о шаткости духа, о слабости нравственныхъ началъ, объясняетъ намъ возможность 400-лѣтней апатіи для Болгарскаго народа. Напротивъ—пусть этотъ урокъ исторіи еще болѣе укрѣпитъ насъ въ Православіи, пусть съ одной стороны ни какіе происки Рима, никакія выгоды житейскія, съ другой стороны: никакія притѣсненія отъ фанаріотовъ не поколеблятъ въ Болгар-

(1) Чрезъ сто лѣтъ послѣ перваго.

скомъ народѣ вѣрность его духовнымъ началамъ. *Всякая нравственная сдѣлка, въ родѣ Уніи, гибельна для Славянской народности.*

Отъ исторіи перейдемъ къ языку и поэзіи.

Сличая нынѣшній Болгарскій языкъ съ старымъ языкомъ нашимъ, мы найдемъ между ними большую разницу. Распаденіе стараго Болгарскаго языка на многія нарѣчія и поднарѣчія замѣтно стало нынѣ въ Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи. Говорили ли однако обитатели этихъ странъ однимъ общимъ языкомъ, или дѣлился ли древне-Болгарскій языкъ на нарѣчія и поднарѣчія? Это намъ неизвѣстно.

Впрочемъ современныя нарѣчія и поднарѣчія, по сходству коренныхъ формъ древне-Болгарскаго языка, наводятъ насъ на мысль, что они нѣкогда говорили имъ, но что по причинѣ вліянія на него Сербовъ, а въ послѣдствіи Грековъ и Турокъ, они стали мало по малу отступать отъ роднаго общаго нарѣчія и удаляться по мѣрѣ возрастанія этого вліянія. Такимъ образомъ жители, болѣе близкіе къ Сербіи, говорятъ либо Болгаро-Сербскимъ языкомъ, либо испорченнымъ Болгарскимъ. Тѣ же, которые были удалены отъ Сербіи, сохранили до нѣкоторой степени чистоту въ произношеніи и удареніи; но и тѣ потеряли многія значенія въ словахъ, и даже многія слова и цѣлыя выраженія, замѣнивъ ихъ Турецкими и Греческими. Это затрудняетъ насъ въ составленіи одной общей грамматики, по формамъ, сохраненнымъ въ каждомъ нарѣчіи въ отдѣльности. До сихъ поръ мы не имѣемъ настоящей ново-Болгарской грамматики, которую мы замѣняемъ Церковно-Славянскою, надѣясь, что она наведетъ насъ на путь истины, въ отношеніи обработыванія ново-Болгарской. Но наша ошибка, если можно назвать ошибкою небрежность въ добросовѣстномъ и основательномъ изученіи всѣхъ формъ новаго языка нашего и поднарѣчій, состоитъ именно въ непараллельномъ изученіи и въ неосновательной разработкѣ этой общей грамматики.

У насъ до сихъ поръ не изслѣдованъ путь, которымъ дошелъ нашъ старо-Болгарской языкъ до такого распаденія, хотя мы и обладаемъ матеріалами для такого изслѣдованія! Мы не изучили причины распаденія стараго языка, для облегченія составленія новой грамматики, и для подведенія ее подъ общіе законы языка. Въ настоящее время, мы можемъ указать только на одну новую грамматику (1), но и та

(1) Грамматика Мумчилова.

болѣе Славянская, нежели Болгарская, ибо Болгарскаго языка касается немного.

Мысль объ общемъ письменномъ языкѣ начала уже тревожить нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что этотъ письменный языкъ нисколько не препятствовалъ бы развитію ни одного изъ нынѣ существующихъ Болгарскихъ наръчій и поднаръчій.

Мысль счастливая, но не совсѣмъ удобоисполнимая, потому что трудно уничтожить особенности каждаго поднаръчія, состоящія въ образованіи и произношеніи гласныхъ буквъ. Приведемъ здѣсь для примѣра коротенькую статейку архимандр Парѳенія Зографскаго: *Мисли за болгарскій-отъ языкъ*, писанную на одномъ изъ Македоно-Болгарскихъ поднаръчій; вотъ она въ переводѣ:

«Мы и прежде говорили и теперь скажемъ, что для составленія общаго языка, намъ нужно выставить на видъ всѣ мѣстныя наши наръчія, съ ихъ идіотизмами, по которымъ будетъ образоваться нашъ общій языкъ. Пока это не будетъ исполнено, никто не имѣетъ права судить и рядить объ общемъ письменномъ языкѣ, основываясь только на преимуществѣ одного или другаго наръчія и поднаръчія.»

«Какъ извѣстно, нашъ языкъ дѣлится на два главныя наръчія, изъ которыхъ однимъ говорятъ въ Болгаріи и Ѳракіи, другимъ же въ Македоніи. Первое изъ нихъ всѣмъ почти извѣстно; все, что писано было доселѣ, было писано на немъ, а на другомъ ни слова. По этой причинѣ произошли нѣкоторыя несообразности въ нашей письменности; это также было причиною, что не только другіе Славяне, но и самые наши ученые, непринадлежащіе нашему наръчію, не имѣютъ о немъ основательнаго понятія. Для того, чтобы пустить въ свѣтъ Македонское наръчіе съ его мѣстными идіотизмами, мы вознамѣрились, на сколько намъ будетъ возможно, составить по немъ грамматику въ параллель съ другимъ. Но такъ какъ наше намѣреніе можетъ осуществиться не скоро, то мы изложимъ вкратцѣ его главныя особенности ([1]).—Македонское наръчіе не только не должно и не можетъ быть исключено изъ общаго письменнаго языка, но даже было бы лучше, если бы оно было принято за основу этого общаго языка, по той причинѣ, что оно полнозвучнѣе, плавнѣе, стройнѣе и

---

(1) Излагая эти особенности Македонскаго наръчія, мы беремъ во вниманіе изложеніе г-на Михайловскаго о подобныхъ особенностяхъ между ново-Болгарскимъ и старо-Болгарскимъ языками. См Цареград. Вѣстникъ № 330.

по многимъ отношеніямъ полнѣе и богаче. Представителями этого нарѣчія могутъ послужить юго-западныя страны Македоніи.»

«Первая и самая большая разница, существующая между этими двумя нарѣчіями, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ различномъ ихъ произношеніи и словоударенiи. Такъ Македонское нарѣчіе обыкновенно любитъ ударять на первый слогъ въ словахъ; другое же напротивъ ставитъ эти ударенія на концѣ; такъ, что въ первомъ никогда не встрѣтите слова съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, между тѣмъ какъ во второмъ ударенія ставятся большею частью на послѣднемъ слогѣ. Тутъ Македонское нарѣчіе сближается съ Сербскимъ. Кромѣ того, мы находимъ въ Македонскомъ нарѣчіи еще и слѣдующія особенности:

1) Оно не терпитъ слѣдующихъ шипящихъ буквъ: *жс* и *ш* предъ буквами *т* и *д*; въ такомъ случаѣ послѣднія либо смягчаютъ, либо сохраняютъ свое твердое произношеніе.

2) Буква *а* всегда имѣетъ полное и ясное произношеніе, и не такъ отрывиста и полугласна, какъ въ другомъ нарѣчіи.

3) Буквы *е* и *о* ни въ какомъ случаѣ не измѣняютъ свое произношеніе, какъ это мы видимъ въ другомъ нарѣчіи, гдѣ первая измѣняется въ *и* а вторая въ *у*.

4) Буквы *ъ* и *ь* сохраняютъ свою полугласность, какъ въ одномъ такъ и въ другомъ нарѣчіи, и только въ одномъ поднарѣчіи превратились въ гласную *о*; какъ напр., корстъ, цорковь, корвь и пр. вмѣсто: кърстъ, цьрковь, кървь и т. д.

5) Гласная *ѣ* всегда, безъ исключенія, произносится какъ чистое *е*, и никогда не звучитъ какъ *я*, какъ это слышится въ другомъ нарѣчіи. Еслибъ не было этого разногласія въ произношеніи, эта буква могла бы быть исключена изъ ново-Болгарской письменности. Однако оставимъ ее на первый разъ до поры до времени, пока лучше не разсудимъ о ея судьбѣ.

6) Буква *х* или совсѣмъ выбрасывается, какъ напр: ода, убаво, оро, арно, и пр. вмѣсто: хода, хоро, хубава, и пр, или произносится какъ *ф*, напр.: пшефъ, читафъ, фала, вмѣсто: пшехъ, прахъ, хвала и пр. или наконецъ какъ *в*: уво, бълва и т. д. вмѣсто: ухо, бълха и т. д. Правила объ этихъ особенностяхъ будутъ изложены въ грамматикѣ.

7) Вмѣсто членовъ: *та*, *то*, *жъ*, — мѣстоимѣнія: *овъ* и *онъ*, о которыхъ мы нѣкогда подробно писали, и о которыхъ напишемъ

еще въ будущемъ, въ опроверженіе нѣкоторымъ существующимъ о нихъ мнѣніямъ.

8) Склоненія собственныхъ именъ уцѣлѣли частью въ Македонскомъ нарѣчіи, тогда какъ въ другомъ потеряны, какъ мы увидимъ въ грамматикѣ.

9) Имена средняго рода оканчиваются на *ле* и *ре*, и всѣ уменьшительныя имена, во множественномъ числѣ, кончаются на *ина*, а не на *ета*, какъ: поле—полина, момче—момчина, книже—книжина.

10) Третье единственное лице настоящаго времени изъявительнаго наклоненія сохраняетъ старое окончаніе свое—*тъ*.

11) Третье множественное лице того же времени и наклоненія имѣетъ различное окончаніе по виду глагола и поднарѣчія.

12) Дѣепричастіе сохранилось въ Македонскомъ нарѣчіи.

13) Буква ѫ въ Македонскомъ нарѣчіи произносится какъ чистое *а*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ *о*, напр.: рака, мака, лажа, каде, мажъ и пр. или рока, мока, ложа, вмѣсто: рѫка, мѫка, и пр. Только въ одномъ поднарѣчіи сохранилась, и то только въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, когда она бываетъ коренной буквой. Эта буква не употребляется въ другихъ нарѣчіяхъ, кромѣ выше приведенныхъ нами словъ, и то только, когда она находится въ срединѣ. Слѣдовательно, если мы придерживаемся одного правила и хотимъ писать по нынѣшнему произношенію, что̀ и нужно дѣлать намъ, если мы не желаемъ впадать въ противорѣчіе и затрудняться въ правописаніи, безъ всякой нужды и пользы, то не должны употреблять букву ѫ кромѣ вышеупомянутыхъ случаевъ. Также противорѣчатъ себѣ и тѣ, которые обозначаютъ винительный падежъ въ женскомъ родѣ буквою ѫ; ибо, если они, подражая старинѣ, ставятъ ѫ въ винительномъ падежѣ, и въ то же время не произносятъ его, то они должны держаться старины и въ родительномъ и въ дательномъ падежахъ; т. е. дать одному окончаніе *ы*, а другому *ъ*, потому что они имѣли прежде такое окончаніе. Но куда это насъ поведетъ? Это поведетъ насъ къ тому, что мы примемъ старыя окончанія падежей, а посему и падежи въ склоненіяхъ. Если же такъ, то тѣ, которые принимаютъ эти окончанія, должны постоянно держаться ихъ, а не отступать попеременно, впадая то въ ту, то въ другую крайность.»

«Но могутъ возразить намъ, что эта буква ѫ употребляется въ винительномъ падежѣ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, по той

только причинѣ, что буква *а* произносится какъ полугласная, и такъ какъ въ подобныхъ мѣстахъ она замѣнялась въ старину буквою ѫ, то поэтому и намъ нужно ее ставить и употреблять тамъ, гдѣ она и прежде ставилась. Но въ такомъ случаѣ опять рождается противорѣчіе, ибо мы знаемъ изъ вышесказаннаго, что иногда буква *а* не имѣетъ яснаго и твердаго звука, но слабый и полу-гласный, особенно когда она находится при концѣ слова. Посему, если вы пишете винительный падежъ буквою ѫ, то должны писать и всѣ прочіе падежи единственнаго числа въ именахъ женскаго рода и множественнаго средняго рода также буквою ѫ, потому что всѣ они имѣютъ одинаковое произношеніе въ окончаніи. Въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть только одинъ падежъ. Но что́ полезнѣе употреблять *а* или ѫ? Очевидно, *а*! Не будетъ же весь народъ, по вашей прихоти, ломать свой языкъ для полугласнаго произношенія ѫ тамъ, гдѣ она выговаривается вполнѣ и свободно. Не станетъ же онъ, при каждой встрѣчѣ буквы ѫ настроивать свой языкъ для правильнаго выговора ея! То, что мы сказали о буквѣ ѫ, можемъ сказать и о буквѣ *ы*. Такъ какъ эта гласная имѣетъ одинаковое произношеніе и никакъ не отличается отъ *и*, то, по нашему мнѣнію, выбросивъ ее изъ нашей ново-Болгарской письменности, мы ничего не потеряемъ отъ этого. Впрочемъ, если кто нибудь докажетъ, что, отъ выбрасыванія *ы* и другихъ подобныхъ ей буквъ, возникнутъ въ нашемъ языкѣ большія неудобства, то мы готовы отказаться отъ своего мнѣнія.»

Сочинитель статьи при этомъ краткомъ изложеніи своей мысли «о Болгарскомъ общемъ языкѣ» приводитъ въ примѣръ нѣкоторыя пѣсни на Македонскомъ нарѣчіи. Этѣ пѣсни могутъ дать понятіе, какъ о Македонскомъ нарѣчіи, такъ и о томъ, на сколько это нарѣчіе можетъ быть принято за общее. Выпишемъ одну изъ этихъ пѣсенъ здѣсь, въ отрывкѣ:

Сълнце–то ми́ е на́ заодъ.
Самови́ла (1) е за́дъ гора.
Ми́рче во́йвода пре́дъ не́ѫ.
Бърза е́ конѫ во́деше,
Цървенъ е́ ба́йракъ (2) но́сеше,
Ми́рче во́йвода го́воритъ:

---

(1) Русалка. (2) Знамя.

Самовѝло ле мáйко ле,
Дóста ти кóня нóводифъ;
Дóста ти бáйракъ пóносифъ.
А Самóвила гóворитъ:
Пóводи Мѝрче пóводи,
И цървенъ бáйракъ пóноси
До зелéни—не (1) лѝвадье,
До студéни—не клáденци.
Тáмо се жéнитъ Янкула.
Дéветъ си сéстри кáнило, (2),
Дéсета сéстра не кáни,
Дéсета сéстра Кóприна, и проч.

То есть: «Ужъ и солнце на закатѣ, а Самовила за горой. Воевода Мирче проводитъ предъ ней ея коня и держитъ ея красное знамя. Мирче ей говоритъ: Самовила родимая, довольно проводилъ я твоего коня! довольно подержалъ я твое знамя! Самовила отвѣчаетъ ему: поводи, поводи еще, и красное знамя поноси, до зеленыхъ ливадъ, до студеныхъ колодцевъ: тамъ женится Янкулъ, что пригласилъ на свадьбу своихъ девять сестеръ, а десятую Коприну не звалъ и пр.»

Статья эта о Болгарскомъ языкѣ достаточно можетъ охарактеризовать современныя волненія въ неустановившемся нашемъ языкѣ, отъ котораго перейдемъ къ поэзіи.

Если съ исчезновеніемъ древне-Болгарскихъ книгъ съ почвы Болгаріи, и при вліяніи Греческаго элемента, при стараніи и стремленіи послѣдняго искоренить и послѣднее сознаніе Болгарской народности, обстоятельства заставили насъ силою предать забвенію то, что составляло наше достояніе и собственность по природѣ, нашъ языкъ и слово,—то никакое стараніе не могло вырвать у насъ поэзію, наше сердце, если позволено такъ выразится: нашу душу—пѣснь!

Внѣшнія, принятыя формы чуждаго образованія не могли удовлетворить внутреннимъ потребностямъ нашей души, которая выражалась, какъ ей нравилось. Для сердца и души нѣтъ преградъ, для чувства не могутъ быть предпоставлены границы! И Болгаринъ, стараясь казаться другимъ по наружности, внутренно всегда сохранялъ свои чувства, начала и свой характеръ, которымъ онъ давалъ

---

(1) Членъ во множественномъ числѣ отъ мѣстоимѣнія *Они* (2) Приглашать—Кани.

свое выраженіе въ своей пѣсни, потому что эти чувства были его чувства, а не чужія.

Проявленіе внѣшнихъ формъ не могло имѣть вліяніе на внутреннее начало: это были два міра совершенно отдѣльные другъ отъ друга для Болгарина, который, воспѣвая свой гражданскій и домашній грустный бытъ, характеристически выражалъ себя и этотъ окружающій его бытъ въ своей пѣснѣ, иногда аллегорической.—Горечь, отраженіе его внѣшняго быта, проглядываетъ не только въ пѣснѣ, но и въ тонѣ ея напѣва. Однообразность напѣва, повторяемаго при каждомъ куплетѣ, превращается какъ бы въ непрерывный плачь и сѣтованіе о томъ, либо о другомъ утраченномъ благѣ.

Вотъ одна изъ старыхъ народныхъ пѣсней, которую мы приводимъ въ переводѣ:

« Ахъ, сидитъ Станка, Станка въ зеленомъ садочкѣ, въ садочкѣ подъ желтой латинкой (1), подъ зеленой айвой, на бѣломраморномъ камнѣ, и роняетъ мелкія слезы, приговаривая: Ахъ возьмите меня и бросьте меня далеко за бѣлый Дунай (на ту сторону бѣлаго Дуная). Тамъ, гдѣ падетъ тѣло мое нѣжное, тамъ сѣрая пусть дятелина (2) растетъ; гдѣ размычутся мои густыя косы, пусть тамъ выростетъ большая роща; гдѣ выплачутся черныя очи, тамъ выступить двумъ студенымъ колодцамъ, ходить тамъ царскимъ лошадямъ, пастись сѣрой дятелиной и пить имъ той холодной воды съ колодцевъ (3)».

Старинная поэзія наша очень богата филологическими матеріалами. Она имѣетъ и то преимущество предъ новой, недавно появившейся, что всякая пѣснь составлена какъ-то легко и непринужденно, какъ будто она была и существовала сама по себѣ въ народѣ: оттого этѣ пѣсни наши имѣютъ характеръ эпическій. Но этотъ эпосъ уже протелъ для насъ. Съ пробужденіемъ народнаго сознанія начинается другой эпосъ, который несомнѣнно стоитъ гораздо выше перваго, въ отношеніи развитія. Однакоже поэзію современную едвали можно сравнить съ старою по красотѣ и силѣ слога. Старыя пѣсни и поэмы наши имѣютъ характеръ народный;—новыя, кромѣ народнаго характера, получаютъ болѣе разнообразныя формы. Древній драматизмъ измѣняется иногда и въ легкую элегію, какъ мы уви-

---

(1) Цвѣтокъ. (2) Трава.

(3) Болгарскы книжицы 1858 г. Апрѣль книга 2-я стр. 256.

димъ въ слѣдующей пѣснѣ Т. Хрулева, одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ поэтовъ нашихъ. Эта пѣснь довольно наивна по своему содержанію. Мы приводимъ ее въ переводѣ. Вотъ она:

«Красавица Тинка, молодая невѣста при смерти лежитъ, умираетъ. Въ ея изголовьи сидитъ и плачетъ осиротѣлая мать ея, которая умоляетъ ее, уговариваетъ, чтобы она взглянула на нее. Тинка обращается, обнимаетъ мать и говоритъ ей: Не плачь ты, матушка, не мучь ты дочь свою: я отхожу съ миромъ. Мать молвитъ Тинкѣ: Не говори мнѣ, дочь моя, такихъ жалкихъ рѣчей. Тинка отвѣчаетъ немедленно съ веселымъ выраженіемъ въ лицѣ: Развѣ ты не видишь матушка, что вонъ около меня тамъ люди стоятъ,—всѣ они мои родные почившіе! Они меня дожидаются! Скорѣй ты, матушка, встань, засвѣти лампадку: мой часъ насталъ! Я прошу тебя, исполни мою волю, не плачь надо мной! Вооружись терпѣньемъ, не плачь обо мнѣ. Запри мой сундукъ и скоро не отпирай его. Не разсматривай хранящихся въ немъ моихъ подарковъ (1), которые я сшила и готовила къ свадьбѣ съ большою радостью.... Умру я, матушка, разстанусь съ тобой; пойду я далеко и не возвращуся! Чѣмъ бы тебѣ плакать, лучше пошла бы въ городъ, за молодыми людьми. Какъ станутъ они приходить ко мнѣ, одари ихъ богато моими платками, что я сшила, да къ свадьбѣ готовила..... А станутъ они къ могилѣ мое тѣло нести..... пусть они безъ шапокъ идутъ вслѣдъ за попами. И, какъ обрученную невѣсту молодую, пусть они меня погребутъ въ могилѣ. Сказавши это Тинка, опять приговариваетъ: Вставай же матушка, скорѣй засвѣти лампадку! Вотъ часъ мой насталъ!..... При этихъ словахъ Тинки, мать встаетъ и зажигаетъ лампадку. Увидя это, Тинка приподнимается на ноги, Богу молится, осѣняетъ себя три раза крестомъ, и тихо вновь садится она, и говоритъ матери: Отвернись отъ меня матушка, не гляди на меня! И мать отвачивается. Но Тинка вздохнувъ какъ бы во снѣ, скончалась..... Мать съ горя обомлѣваетъ и падаетъ на нее, обнимаетъ ее, обратившись лицомъ къ милому дитятку, льетъ слезы и приговариваетъ: Тинка моя краса, молодая невѣста! Что ты сдѣлала! Какъ мнѣ быть безъ тебя, какъ забыть мнѣ твой ликъ! Какъ мнѣ

---

(1) Обыкновеніе дарить платками водится у насъ и до сего времени. Дарятъ вообще, на похоронахъ тѣхъ, которые носятъ тѣло усопшаго. Дарятъ также на свадьбѣ: однако свадебные дары бываютъ различные, по чинамъ.

молвить о тебѣ? кто утѣху мнѣ подастъ? Какъ тебя не станетъ болѣе, кто на встрѣчу мнѣ выйдетъ? И поплакавъ надъ увядшимъ цвѣточкомъ, мать посылаетъ въ городъ за молодыми людьми, какъ водится, провожать усопшую.

Она дарила имъ тонкіе платки, когда они пришли. И какъ скоро похоронный чинъ двинулся, прошли они мимо города, попы пѣли, молодые люди шли за ними, проливая слезы и принесли Тинку въ церковь; тамъ читаютъ надъ нею погребальныя молитвы; потомъ уносятъ ее къ могилѣ. Погребаютъ ее и поютъ вѣчную память ей; засыпаютъ землею и всѣ возвращаются съ тоской на сердцѣ ([1])...»

Въ этой пѣснѣ, при обыкновенномъ элегическомъ настроеніи души, есть искреннее чувство печали и скорби. Если мы однако жъ вспомнимъ необработанность нашего языка, то должны извинить нашей молодой современной поэзіи и нашимъ поэтамъ, что они не могли придать болѣе плавности и мягкости внѣшней формѣ стиховъ своихъ.

При всемъ томъ позволяю себѣ помѣстить въ оригиналѣ и переводѣ слѣдующее новое стихотвореніе, писанное въ Москвѣ, но сочинитель котораго желаетъ остаться неизвѣстнымъ.

И днéска слънце игрява
На ясно нéбе высоко
И днéсъ го пи́тамъ да̀ ка̀жи
Не що замо̀йта ро́дина!
Пи́тамъ–си слънце: кажи́ми,
Слъ'нцеле свѣ́тѣлъ свѣтилникъ,
Ка́то си ра́но мина́ло
Презъ мо̀йта ми́ла ро̀дина,
Що си видя́ло, речи́ми
Въвъ на́шта ѫща подво́ра ?
Да ли мн'е майка станала
Да ли за сына наумя?
Аколи е вече станала,
Ако мя сына напомня,
Какво ли казва нареджда?
Още ли спяха дѣцата?
Какво ми правятъ братеве?

Т. е. Опять блеснуло солнце на ясномъ высокомъ небѣ, опять я спрашиваю его о моей милой родинѣ. Спрашиваю у солнца: скажи мнѣ, солнышко красное, когда ты утромъ рано пробѣгало надъ моей родиною, что̀ ты видѣло въ нашемъ домѣ на дворѣ? Проснулась ли мать моя, помнитъ ли она меня? Если она встала со сна и если она вспоминаетъ обо мнѣ, то что она говоритъ? Еще спали ли дѣти? что мои братья дѣлаютъ? Такъ ли встрѣчаютъ они утреннюю зарю, какъ я ее здѣсь встрѣчаю, съ грустью на сердцѣ, съ слезами на глазахъ! Помнятъ ли они о сво-

([1]) Болгарскы книжици 1858 г. Мартъ книга II, стр. 189.

Рано ли тіе стапаха,
Или си още доспиватъ:
Така ли срѣщатъ зорица
Какъ ѣ посрѣщамъ азъ тука:
Съ тъжно сьрдце и съ сьлзы?
Да ли си тіе приномнятъ
Братче си мило най младо!
Помнятъ ли вѣрны другари
Своѣ си вѣрна другаря,
Или ги сънѣ занéсе
Отъ тяхно спощно весéліе,
Та ся май силно заспали?
Да ли мя спомнятъ по часто!
Вѣятъ ли буйны вѣтрица
Въ Балканѣ-горны стрьмнины?
Шумили бяла Дунава;
Ходятъ ли още по нея
Голѣми-малки ладіи;
Носятъ ли вѣсти на майки,
На майки тъжны за рожбы,
Или потъпватъ въ морето?
Кажими слънце, другарю,
Кажими вѣрно за спчко,
Що тя и днеска попитвамъ!
Ако си срѣщнешь зорицѣ,
Ако ѣ въ обѣдъ заваришь,
Кажи и рано да свѣтне,
Щомъ си до вечеръ засѣднишь.
Азъ щѣ и нещо прикажа
За мойто пусто живеніе
Въвъ тая землѣ задъ море!
Да и ся много уплача,
Какъ ми ся буйны вѣтрове
Вчера отъ младнѣ довечеръ
Силно и люто вѣяли:
Отъ камъ мойта родина—
Бяла и мѣтна Дунава;
Какъ ми ся́ е сьрдце късало,
Че ни ми вѣсти донесли!

семъ младшемъ братѣ? Помнятъ ли друзья своего вѣрнаго друга? Или же они, послѣ вчерашняго веселья уснули крѣпко? Помнятъ ли они меня? Шумитъ ли волнами бѣлый Дунай, ходятъ ли еще по немъ большія и малыя ладьи? уносятъ ли онѣ вѣсти къ грустнымъ матерямъ, или потопаютъ въ морѣ? Вѣютъ ли бурные вѣтры въ Балканахъ — горныхъ стремнинахъ? Скажи мнѣ, другъ солнце, скажи мнѣ правду о всемъ, о чемъ я тебя спрашиваю теперь! Если ты встрѣтишь зарю вечернюю, ее въ обѣдъ ты застанешь, скажи ей—пусть она съ вечера, какъ скоро ты засядешь, раньше засвѣтитъ! Мнѣ нужно разсказать ей про мою жизнь въ этой за моремъ землѣ. Стану я жаловаться ей о томъ, какъ буйные вѣтры вчера, съ обѣда до вечера, сильно и люто вѣяли мнѣ отъ моей родины, отъ бѣлаго и мутнаго Дуная: какъ надрывалося у меня сердце, что они не донесли до меня никакой вѣсточки!

Щомъ си на слънце исказахъ,
Слънце мя мѣрно изглѣда
Отъ глава, поясъ до стѫпкй,
Чьрвено лице показа,
Като отъ сьрдце сжалѣно;
Тія ми думы то киза:
И бялъ ти Дунавъ широки
Мътны си волны пошумя;
Голѣмы-малки ладіи
Се си по вѣсти занасятъ:
По Дунавъ-рѣка широка,
По море Сине-дълбоко
На майки тѫжны за рожбы!
И бурны вѣтры ще вѣѭтъ
Въ Балкана горны стрьмнины!
Твоите вѣрны другари,
Ни то ся още станали
Отъ снощпо тѣхно веселѣ;
Ни то ся вѣрны на дружба,
Ни то тя спомнятъ по часто!
Твойте братѣ станаха!
Станаха ранò и дѣцата:
Тѣ си играѭтъ подвора
Никой тя тебя не спомня!.....
Една тя душа и помни,
Тя се си рано постава,
Само си сьлзы пороня
Кашка покашка за тебя:
И се то сутромъ щомъ стани,
И се тя рано уплаква,
И се тя тебя дочаква!

Высказалъ все это солнцу, оно посмотрѣло на меня съ ногъ до головы, показавъ свое красное лицо; и какъ бы съ грустью на сердцѣ отвѣчаетъ мнѣ: И бѣлый Дунай широкій мутными волнами шумитъ, большія и малыя ладьи все также вѣсти уносятъ по Дунаю рѣкѣ широкой, по морю синю глубокому къ грустнымъ матерямъ. Бурные вѣтры все вѣютъ въ Балканахъ — горныхъ стремнинахъ. Твои же вѣрные друзья не только еще не встали отъ сна послѣ вчерашняго ихъ веселья, но даже въ дружбѣ невѣрны! Тебя они по часту не вспоминаютъ! Встали и твои братья, и дѣти также рано поднялись; они играютъ на дворѣ, но никто о тебѣ не вспомнитъ!

Только одна душа помнитъ тебя: она всегда рано встаетъ и слезы роняетъ, капля по каплѣ, о тебѣ, и какъ только встанетъ утромъ, такъ все плачетъ и все поджидаетъ тебя!

В. Йòповичь.

ПИСЬМО ИЗЪ БѢЛГРАДА.

Бѣлградъ.
1-го Февраля 1832.

«. . . . . Вамъ извѣстно, что народная Скупштина, по низложеніи Александра и возстановленіи князя Милоша, какъ наслѣднаго князя Сербіи, — отправила къ Султану прошеніе о *подтвержденіи* народной воли. Падишахъ долго отказывался допустить въ Сербію Милоша, который, какъ любимецъ всего народа, какъ человѣкъ на котораго возлагаютъ свои упованія всѣ христіане въ Турціи, могъ быть опасенъ для Стамбула. При всемъ томъ Султанъ не могъ болѣе противиться энергичнымъ настояніямъ Русскаго и Французскаго посланниковъ — и Министръ иностранныхъ дѣлъ блистательной Порты 14 Января (н. с.) далъ знать телеграфической депешей въ Бѣлградъ Кабули-Эфенди, что Е. В. Султанъ *уважаетъ просьбу народа Сербскаго* и князя Милоша *утверждаетъ* въ достоинствѣ Князя Сербіи. Съ неописаннымъ восторгомъ было принято это извѣстіе въ Бѣлградѣ и всей Сербіи. Это подтвержденіе сообщено было великимъ визиремъ и князю Милошу, который въ то время находился въ Букарештѣ. Въ то же время князю дано знать Портою, что онъ, пока будетъ самъ находиться внѣ своей земли, можетъ назначить себѣ намѣстника, который долженъ управлять Сербіею до возвращенія самаго князя. Князь, опираясь на власть свою, назвалъ своимъ намѣстникомъ члена временнаго правленія Стевчу Михайловича, который 6-го Января объявилъ прокламаціей, что принимаетъ правленіе Сербіею до прибытія князя.

25 Января князь Милошъ и князь наслѣдникъ Михаилъ имѣли торжественный въѣздъ въ Бѣлградъ, свою столицу. Тысячи признательнаго народа ожидали ихъ, и крики: «Да здравствуетъ отецъ и

избавитель! Да здравствуетъ наслѣдникъ Михаилъ! » оглашали воздухъ. Тріумфъ Цезаря могъ быть торжественнѣе, но ни въ какомъ случаѣ не могъ быть радостнѣе. Вознесши благодареніе Господу Богу въ соборной церкви, князь прошелъ городомъ сквозь необъятныя толпы радостно ждавшихъ его Сербовъ, и дойдя до своего двора, былъ встрѣченъ ожидавшими его всѣми членами народной Скупштины, изъ которыхъ трое поднесли ему хлѣбъ, соль и вино. Державшій хлѣбъ сказалъ Милошу : « Прими его и блюди, Господарь ! »

—« Какъ между хлѣбомъ и солью, такъ да не прекратится и наша пріязнь ([1])! » сказалъ другой, подавая соль; а третій, подавая вино, прибавилъ: « Да разливается подъ твоимъ владычествомъ всяческое благополучіе и преуспѣяніе по Сербіи !» Потомъ князь принималъ поздравленія отъ консуловъ, скупштинаровъ, чиновниковъ , духовенства и гражданъ. Что̀ говорилъ онъ къ послѣднимъ, увидите изъ его « прокламаціи », здѣсь приводимой :

« Племенитый народъ !

Дорогіе братья мои !

Вотъ между вами опять « старый Господарь Милошъ », обливающій слезами радости ту землю, которую онъ вмѣстѣ съ вами купилъ кровью.

Видно судьбѣ угодно было, чтобы мы почти цѣлые двадцать лѣтъ не видались, чтобы тѣмъ лучше узнали и сами себя, и другъ друга.

Я на чужбинѣ страдалъ за мой народъ, а вы и въ своей собственной землѣ были чуждыми сиротами.

Но хвала милосердому Богу! мнѣ онъ сохранилъ жизнь, а въ васъ сохранилъ въ цѣлости пламенную и чистую любовь ко мнѣ, и теперь мы опять увидѣлись очами,—а сердцемъ мы не разставались.

Ты самъ, вѣрный народъ мой, въ лицѣ твоей Свято-Андреевской Скупштины, 11 Декабря 1858 года вновь возвысилъ меня до престола владѣтельнаго Князя Сербіи, съ правами наслѣдства, которыя и прежде по волѣ народа, признанной особыми хатишерифами, предоставлены были династіи Обреновича. Ты снова призвалъ меня къ

---

(1) « Да се омразимо као со и лебь »—т. е. Такъ станемъ враждовать какъ хлѣбъ съ солью, иначе: будемъ всегда друзьями.

достоинству наслѣдственнаго Князя Сербіи, и я принимаю изъ рукъ твоей Скупштины соль и хлѣбъ народа, да питаюсь отъ него и соблюду его тебѣ, любясь съ народомъ моимъ, какъ соль и хлѣбъ любятся; принимаю и вино изъ рукъ народа въ знакъ того, что буду стараться о народномъ благоденствіи, и молить Бога, да въ землѣ нашей предыдутъ намъ всяческое благо и успѣхъ.

И какъ народъ чрезъ свою Свято-Андреевскую Скупштину возстановилъ снова на престолъ Сербскій мою династію и возобновилъ державную власть моего княжескаго достоинства, вручивши мнѣ при вступленіи во дворецъ эти святыя знаменія: такъ меня и Султанъ, нашъ пресвѣтлый *сюзеренъ* призналъ въ этомъ достоинствѣ своимъ бератомъ отъ первой половины Джемазіелъ-Ахира 1275 г., который 28 Января тек. год. прочитанъ на Калемегданѣ (1) предъ народною Скупштиною и прочимъ многочисленнымъ народомъ.

Потомъ съ народомъ и всей народной Скупштиной я пошелъ въ великую соборную Бѣлградскую церковь, гдѣ мы благодарили Бога за его превеликую милость, и теперь объявляемъ всему народу и всѣмъ властямъ, что отнынѣ, по совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, я буду править Сербіей, какъ наслѣдственный Князь Сербскій Милошъ Обреновичь Первый.

Народъ, сила моя! У меня нѣтъ больше родныхъ братьевъ, никакого либо инаго большаго племени,—Богъ и народъ мой изобильно одарили меня всѣми благами, и я не имѣю никакой нужды даже сколько нибудь заботиться о себѣ и о своей фамиліи. Но за то отъ сихъ поръ вся моя забота будетъ только въ томъ, какъ бы осчастливить тебя, мою единственную братію, и твоихъ дѣтей, которые съ тѣмъ вмѣстѣ и мои дѣти, и которыхъ я люблю также, какъ и моего единороднаго сына, вашего престолонаслѣдника князя Михаила.

Надѣюсь на Бога, что эта десница, которая нѣкогда обороняла васъ отъ тяжкаго насилія и напастей, еще довольно имѣетъ силы, чтобъ и отъ сего времени нетолько заслонять и блюсти васъ отъ всякой неволи, но и вновь руководить и напутствовать васъ къ счастливой и славной будущности. Я буду стараться, чтобы своимъ правленіемъ угодить волѣ и желаніямъ народа, владѣя по уставу и законамъ Сербіи; за то бодро и строго буду настаивать, чтобы всѣ власти правдиво судили по законамъ и вѣрно и неукоснительно испол-

---

(1) Мѣстность между городомъ и крѣпостью Бѣлградской

нали свои должности. Но призывая весь народъ ко взаимной любви и общему согласію, я напоминаю ему, чтобы онъ своимъ старѣйшинамъ, которыхъ я поставлю вновь, согласно съ законами и потребностями, особеннымъ указомъ,—повиновался и точно исполнялъ ихъ законныя требованія.

И такъ, привѣтствуя настоящею прокламаціею весь дорогой народъ мой, я заявляю ему еще разъ, что во всю жизнь мою буду стараться единственно объ упроченіи счастья и благоденствія народнаго точно также, какъ я въ молодости моей старался о его освобожденіи.

Этотъ святой завѣтъ если на то будетъ воля Божія, я передамъ моему сыну, законному наслѣднику престола Сербскаго, вашему будущему обладателю, князю Михаилу; и надѣюсь на Бога что мой вѣрный народъ Сербскій поддержитъ и впередъ и меня и моего наслѣдника той истинно горячей любовью, которая до сихъ поръ на крилахъ своихъ возносила насъ къ счастію, сіяющей славѣ и достохвальной народной гордости въ потомствѣ».

28 Января былъ прочитанъ Султанскій бератъ на Калемегданѣ, которымъ кн. Милошъ подтверждается въ достоинствѣ Князя Сербіи, послѣ чего онъ принялъ бразды правленія, назначивъ министровъ, а потомъ и членовъ совѣта.

Приводимъ здѣсь самый бератъ, данный въ началѣ Джимазіелъ-Ахира 1257 г., т. е. между 24 Дек. 1848 г. и 9 Января 1859 года:

«Обладатель наивысшаго царства, непостижимый, невѣдомый, несравненный благодѣтель, благоволилъ, по своему вѣчному могуществу и неисчерпаемой великой милости, поставить моему царскому величеству въ обязанность рачительно заботиться о благосостояніи, счастьѣ, спокойствіи и довольствѣ всѣхъ въ моемъ царствѣ живущихъ подданныхъ. Благодаря Всевышняго Творца за эти благодѣянія, я самъ день и ночь трудился, чтобы всѣ мои подданные безъ различія пользовались плодами мира и довольства, и особенно старался чтобы народъ Сербскій, вѣрный подданный моему высокому царству, былъ участникомъ тѣхъ благодѣяній и мною всегда и во всемъ удовольствованъ.

А такъ какъ прежде бывшій со стороны моего высокаго царства поставленный князь Александръ подалъ въ отставку, и она со стороны моего царскаго величества уважена, то народъ Сербскій предъ-

явителя сего моего благополучнаго царскаго знака ([1]), бывшаго князя Милоша Обреновича, который имѣетъ качества мудрости и правосудія, и который способенъ управлять дѣлами княжества избралъ себѣ въ князья и вымолилъ просьбою у моего царскаго величества, чтобы я ему это достоинство подарилъ. Надѣясь, что онъ будетъ вла-дѣть по моей царской волѣ и стараться о народномъ благосостояніи, я, по безграничной моей царской милости, ферманомъ отъ 8 Джимазіель-Ахира 1257 г. подарилъ ему княжеское достоинство въ Сербіи и далъ на него сей благополучный бератъ, повелѣвающій ему управлять княжествомъ, завѣдывать государственными дѣлами и точно выполнять всѣ мои царскія повелѣнія, касающіяся внутренняго устройства Сербіи, изложеннаго въ хатишерифахъ. Члены совѣта, старѣйшины и весь народъ должны признать его за князя, поставленнаго со стороны моей Высокой Порты, и да обращаются къ нему во всѣхъ дѣлахъ, касающихся княжества, и да слушаются и исполняютъ его приказанія, относящіяся къ учрежденіямъ земскимъ (содержащимся въ помянутомъ ферманѣ). А онъ, непоколебимый на стезѣ покорности преданности и почтенія, будетъ употреблять всѣ силы, чтобы выполнить свою обязанность по нашей высочайшей волѣ. О положеніи дѣлъ земскихъ, если нужно будетъ что либо привести въ дѣйствіе, онъ не замедлитъ подносить къ подножію нашего высокаго престола. Онъ долженъ, при исполненіи всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей, выказывать вѣрность и ревность. Въ дѣла его никто да не смѣетъ вмѣшиваться, кто бы то ни былъ. Пусть знаютъ и вѣруютъ въ мой святой знакъ ».

Видно, Султанъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ въ наши народныя права, если такъ выражается въ бератѣ. За нами признано право избранія главы Сербіи и предложеніе Султану подтверждать избраннаго; Султанъ никогда не предоставлялъ себѣ, да и примѣромъ изъ минувшаго не можетъ доказать права: *неодобрить* избраннаго нами князя. Говоря проще, онъ, по своему собственному праву, если только оно неустарѣло, подтверждаетъ избранныхъ князей Сербіи. Послѣ этого можно подивиться несообразности поступковъ Падишаха, который говоритъ въ бератѣ, что онъ *по своей милости* поставляетъ князей для народа Сербскаго! Эта несообразность сколько удивительна для насъ, столько же и даже болѣе по-

---

(1) Т. е. берата.

казываетъ, что Султанъ не уважаетъ отношеній своихъ къ Сербіи, утвержденныхъ во первыхъ трактатами Россіи съ Портой, и во вторыхъ Парижскимъ трактатомъ,—отношеній, которыя на сколько почитаются нами, на столько же должны бытъ сохраняемы и со стороны Падишаха, если онъ не желаетъ уничтоженія Парижскаго договора. Что же касается до бывшаго князя Александра, то Порта также не имѣетъ права указывать на его отставку, которую неизвѣстно—просилъ ли бы Александръ, еслибъ былъ на свободѣ; но вѣдь онъ ее подписалъ въ Турецкой крѣпости, измѣняя своей землѣ, и признанъ Скупштиною за низложеннаго.

А что же дѣлала въ это время Скупштина? Скупштина наша, дѣла которой увѣнчались такимъ блистательнымъ успѣхомъ, послѣ воспоставленія князя Милоша, не удержалась въ границахъ данной ей власти. Она присвоивала себѣ то законодательную, то исполнительную, то судебную власть, то и всѣ три вмѣстѣ. Но такъ не могло продолжаться послѣ перемѣны въ правительствѣ, которая и была ея главною задачею. Такъ, нѣкоторыхъ чиновниковъ, подлежащихъ законамъ въ Сербіи существующимъ, она сама обвиняла, судила и даже дерзнула подвергнуть наказанію, и при томъ такому, которое не принято нашимъ законодательствомъ — наказанію изгнаніемъ въ другія земли. Князь видѣлъ, что она зашла ужъ слишкомъ далеко, и вслѣдствіе этого ранѣе распустилъ ее, своею рѣчью 31-го Января. Радостные клики: « да здравствуетъ » были отвѣтомъ на бесѣду сѣдаго юнака, стараго господаря Милоша ».

Теперь Скупштина распущена, но Сербія добилась того, о чемъ плакала почти двадцать лѣтъ: господарь ея—Милошъ, отецъ и избавитель Сербіи.

Изъ прокламаціи его видно, какъ онъ будетъ править княжествомъ.

Мы радуемся, что съ его возвращеніемъ мы пріобрѣтаемъ то значеніе въ Югославянствѣ, которое предназначено намъ и котораго мы едва не лишились по милости нѣсколькихъ недостойныхъ нашихъ великашъ.

Милошъ любитъ Сербію, народъ преданъ ему, но могутъ конечно найдтись люди, которые , по своему близкому положенію, способны вредить и отечеству и Князю,—и отъ такихъ-то людей да храннтъ насъ Господь.....

М. Милићевић.

Примѣчаніе отъ редакціи. Мы не согласны съ г. Миличевичемъ въ томъ, будто бы дѣйствія Скупштины были незаконны. Скупштина есть выраженіе мнѣнія и воли Сербскаго народа. Когда, въ торжественныя минуты народнаго историческаго бытія, эта воля возведена къ сознанію, когда народъ сознаетъ себя единымъ цѣлымъ, какъ напримѣръ въ Сербіи при перемѣнѣ правительства, тогда народъ стоитъ внѣ всякихъ формальныхъ распредѣленій власти на исполнительную, судебную, законодательную, и т. п. Всѣ эти условія внѣшняго, формальнаго бытія сами собою уничтожаются. Скупштина не присутственное мѣсто, съ опредѣленнымъ кругомъ правъ и обязанностей. Напротивъ, если бы она обратилась въ формальное правительственное учрежденіе, она бы уклонилась отъ своего призванія. Народъ Сербскій, недовольный ходомъ дѣлъ или направленіемъ, принятымъ правительствомъ, которое онъ самъ же поставилъ, собрался на сходку, какъ собираются и у насъ крестьяне для смѣны или для избранія старосты,— и не входя въ чуждыя ему подробности управленія и внѣшняго устройства, только далъ тонъ, повернулъ руль, указалъ путь своему новому правительству. Онъ даже не стѣснилъ ни его ни себя—какими либо новыми формальными условіями или путами, которыя, связывая взаимную свободу, выражали бы недовѣріе къ правителю и недовѣріе къ собственной силѣ народа. Это явленіе чисто-Славянское. Только въ Славянской землѣ могутъ такъ мирно совершаться перевороты, которые во всякой иной странѣ сопровождались бы кровопролитіемъ и общими потрясеніями. Только въ Славянскихъ племенахъ, проникнутыхъ общиннымъ началомъ, встрѣчаемъ мы такое спокойное и могущественное сознаніе своей власти и правды, соединенное съ добровольною покорностью этой же самой власти, перенесенной волею народа на правительство, и въ тоже время проникнутое смиреннымъ отношеніемъ ко всѣмъ неизбѣжнымъ частнымъ случайностямъ и неудобствамъ исторической жизни, — до тѣхъ поръ, пока не исполнится мѣра разумнаго долготерпѣнія. Крестьяне на сходкѣ избираютъ старосту, облекаютъ его властью, такъ сказать—изволяютъ, ему повиноваться —и тотчасъ же повинуются безпрекословно. Крестьяне знаютъ,

что могутъ во всякое время смѣнить старосту, если они всѣ будутъ имъ недовольны, но это сознаніе, нисколько не ослабляя повиновенія крестьянъ, не стѣсняетъ необходимаго для старосты простора власти. Не-Славянину трудно понять такое устройство, гдѣ все основано на общинномъ, нравственномъ началѣ, и ничто не поддается внѣшнему опредѣленію. Къ сожалѣнію, кажется, что и Сербы *цивилизованные*, воспитанные въ заграничныхъ университетахъ, не довольно ясно понимаютъ это устройство, и могутъ такимъ образомъ нарушить (а отчасти даже и нарушили) чистоту и свободу нравственнаго начала—регламентаціей и формулированіемъ, чуждыми Славянскому духу. Кстати разскажемъ здѣсь одинъ случай, бывшій недавно у насъ, въ Россіи, въ имѣніи помѣщика N.N. Крестьяне на сходкѣ положили не пить вина, и за нарушеніе этого взаимнаго обѣщанія назначили виновному штрафъ и 20 ударовъ розогъ. Никто не провинился—кромѣ старосты. Собралась сходка и присудила дать старостѣ 50 ударовъ. Дѣло понятное—староста виноватъ, во 1-хъ какъ рядовой мужикъ, членъ общины, и во 2-хъ какъ рядовой мужикъ, обязанный, по званію начальника, строже другихъ къ исполненію мірскихъ рѣшеній. Уваженіе къ власти старостовой этимъ нисколько не было ни поколеблено, ни нарушено.

Но Нѣмецъ управляющій, узнавъ, что старосту наказываютъ, испугался, вообразилъ, что это нарушеніе дисциплины, что крестьяне въ полномъ возмущеніи.... Каково же было его удивленіе, когда, часъ спустя, онъ видитъ, что староста преспокойно распоряжается работами въ полѣ, дѣлаетъ нарядъ, разсылаетъ, понукаетъ, даже взыскиваетъ съ нерадивыхъ,—и всѣ слушаются его безпрекословно, какъ бы ничего не бывало! Нѣмецъ попробовалъ было читать проповѣдь объ уваженіи къ власти и подчиненности, но ни крестьяне, ни самъ староста его не поняли.

Обращаясь къ Скупштинѣ, мы повторяемъ, что не нашли въ ея дѣйствіяхъ ничего, что̀ бы противорѣчило ея цѣли и призванію. Перемѣняя правительство—она имѣла полное право объявить, что такіе-то люди перестали пользоваться довѣріемъ народа. Она такъ и сдѣлала. Она не подвергла ихъ суду, не обратилась въ судебное мѣсто, а просто отрѣшила ихъ, какъ людей неугодныхъ народу наравнѣ съ княземъ Александромъ. Г. Миличевичь негодуетъ на Скупштину, зачѣмъ она относительно ихъ прибѣгла въ мѣрѣ не существующей въ Сербскомъ уголовномъ законодательствѣ, т. е. къ изгнанію. Не говоря уже

о томъ, что законодательство это слишкомъ недавняго происхожденія и не имѣетъ характера крѣпко сложившагося и установившагося учрежденія,—мы находимъ мѣру, принятую Скупштиною, самою кроткою и разумною. Неужели можно отвергнуть право общины изключать изъ своей среды недостойныхъ? Скупштина даже не конфисковала ихъ имущества; по крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ не сказано. Есть еще постановленіе Скупштины, о которомъ не упоминаетъ г. Миличевичь, но въ которомъ мы также не видимъ вмѣшательства во внутренній порядокъ государственнаго управленія, а напротивъ—мѣру совершенно общую и разумную, заявленіе принципа или начáла: именно—въ засѣданіи 20 Января Скупштина выразила свою волю, чтобы слову и печати была дана въ Сербіи полная свобода (Моск. Вѣд. 1859 г. № 21.).

Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами свѣдѣніямъ о Скупштинѣ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ переводѣ изъ « Србске Новине », издаваемыхъ въ Бѣлградѣ (№ 8), протоколъ засѣданія Скупштины отъ 12 Января:

«Скупштинаръ и депутатъ Бѣлградской общины, секретарь народной скупштины Милованъ Янковичь въ продолжительной рѣчи живо представилъ, что давно желанный князь нашъ Милошъ уже на нашей землѣ, но что и многіе заклятые его враги его и его фамиліи, да и всего народа—также еще въ Сербіи, и при весьма важныхъ должностяхъ; и что народъ показалъ бы полное отсутствіе политической мудрости, если бы такихъ людей—прежде нежели Князь прибудетъ въ Бѣлградъ—не изгналъ: однихъ изъ службы, а другихъ изъ Сербіи, потому что они, по извѣстной своей подлости, опять прильнули бы къ Милошу, и Сербію и самаго князя опять довели бы до погибели.

На эту рѣчь Скупштина единогласно отвѣчала, что она—по своему человѣколюбію и великодушію, которымъ останется вѣрна и впередъ— не можетъ быть на столько малоумна , чтобы « опять оставить старымъ волкамъ своихъ ягнятъ ». Эту рѣчь Янковича присуждено напечатать особенно, съ прежде сказанною на Скупштинѣ 19 Дек. пр. года.

Послѣ этого депутатъ Ужицкаго округа Гаврила Милошевичь просилъ Скупштину, чтобы нетолько отставить отъ должностей, но и изгнать изъ земли нѣкоторыхъ наиопаснѣйшихъ людей, которыхъ быть можетъ не всѣ и знаютъ, потому что они вѣчно, затѣявъ зло

и бѣду, обращались къ другому, который и выполнялъ; а они и предъ закономъ и предъ людьми чисты и невинны; опаснѣйшими изъ многихъ таковыхъ онъ назвалъ: А. Николича, помощника попечительства внутреннихъ дѣлъ, Я. Живановича, пом. поп. юстиціи и просвѣщенія; Т. Кнежевича, члена Кассаціоннаго суда, и Ф. Заха, управителя военной академіи. При этомъ депутатъ прибавилъ, что онъ еще одного долженъ бы включить въ это число, но изъ снисхожденія къ его священному достоинству лучше было бы, если бы Сербія какимъ нибудь образомъ простила этого человѣка, чтобы его имя не проносилось по свѣту съ поруганьемъ и народной святыни.

На это Скупштина единодушно отвѣчала, что выше поименованные четверо не только изъ службы, но и изъ земли изгнаны будутъ, и рѣшило для этого сослать Совѣту слѣдующее письмо:

«Народная Скупштина, какъ вѣрный представитель нуждъ, желаній и чувствъ народа, находитъ себя принужденною изъявить Совѣту, что народъ видитъ въ нѣкоторыхъ чиновникахъ заклятыхъ кровныхъ злодѣевъ своихъ; ибо вполнѣ увѣренъ, что они всегда и при всѣхъ князьяхъ и великашахъ были подкожными занозами, точившими кровь народа.

«Особенно изъ таковыхъ тяжки для народа: А. Николичь, Я. Живановичь, Т. Кнежевичь, и ихъ новый другъ Ф. Захъ».

«О дѣлахъ ихъ народъ стыдится даже и упоминать, и всѣ эти четверо такіе люди, что какъ тайные черви—то клеветами и предательствомъ въ чиновныхъ должностяхъ, то личнымъ недостойнымъ и развратнымъ поведеніемъ — подъѣдали нервы и сердце народной жизни.

«Всему свѣту извѣстны умѣренность и великодушіе нашего народа, да и Скупштина это довольно засвидѣтельствовала, на сколько могла быть вѣрнымъ выраженіемъ и зеркаломъ народныхъ мыслей и чувствований;— но при такихъ достоинствахъ народная Скупштина не смѣетъ давать мѣсто легкомысленной суетѣ, и допускать вреднымъ врагамъ своего народа свободно ширяться по этой, дорого искупленной и—дастъ Богъ—страшными грѣхами еще не зараженной землѣ нашей.

«И такъ Скупштина возвышаетъ нынѣ единодушный гласъ народа

Сербскаго, да спасется земля и народная честь отъ этихъ злыхъ и неблагополучныхъ духовъ.

«Потому Скупштина неотступно желаетъ, чтобы вышеупомянутые четыре человѣка были изгнаны изъ Сербіи, будучи предварительно лишены званія и всѣхъ Сербскихъ чиновъ, и были всѣмъ объявлены, какъ не смѣющіе больше ни ногой осквернить нашу чистую и невинную землю».

ГОЛОСЪ ГРЕКА

ВЪ ЗАЩИТУ ВИЗАНТІИ.

Не могу я безъ горькаго чувства переносить сужденія о Грекахъ—тѣхъ Русскихъ, которые безъ разбора довѣряютъ клеветѣ иноземцевъ...

Истлѣвшая Византія! съ презрѣніемъ говорятъ послѣдователи Гиббона:—и могло ли, спрашиваю, могло ли не быть тлѣнія въ Восточной Имперіи, когда изнемогающее язычество оставило ей въ наслѣдство свою ржавчину—схоластицизмъ и предразсудки, когда безпощадная Римская власть окончательно сокрушила въ Греціи источникъ силы—Эллинскую гражданскую самостоятельность, и привила насиліе и подкупъ; когда сношенія съ Востокомъ внесли неразумную роскошь, вмѣстѣ съ чувственной, варварской нѣгою. Легко было христіанскому свѣту воцариться среди мрака Сѣверныхъ народовъ; легко было христіанской простотѣ сродниться съ простыми, неизбалованными душами; при появленіи свѣта, мракъ изчезаетъ. Не такъ бываетъ, когда свѣтъ сталкивается со свѣтомъ, хотя бы и слабѣйшимъ: солнечный лучь затмѣваетъ свѣтильникъ, но не гаситъ его. Если и до сихъ поръ, у Западныхъ и у Сѣверныхъ народовъ живутъ Кельтскія и Скандинавскія преданія въ видѣ народныхъ предразсудковъ, то мудрено-ли, что въ Греціи, гдѣ зодчество, ваяніе и поэзія, такъ непосредственно разжигали воспоминаніе старины, такъ краснорѣчиво подтверждали мѣстныя преданія, мудрено ли, что тамъ христіанство не могло мгновенно искоренить пороковъ язычества. Если до прошлаго вѣка процвѣталъ въ Европѣ, въ просвѣщенномъ кругу, средневѣковой схоластицизмъ, да и донынѣ доживаетъ свой вѣкъ въ иныхъ углахъ, то мудрено ли, что и въ Византіи философизмъ и діалектика пережили язычество и вторглись въ богосло-

віе. Къ этимъ грустнымъ явленіямъ присоединимъ и то, что Византіи постоянно приходилось противодѣйствовать Восточнымъ и Сѣвернымъ варварамъ, грозившимъ наводнить Европу, и что Европейцы, вмѣсто благодарности за такую заслугу, платили Грекамъ враждой и насиліемъ, и ихъ же упрекали въ вѣроломствѣ, когда наученные опытомъ Греки предупреждали ихъ замыслы.

И такъ, если взять въ соображеніе безпрерывную войну Византійцевъ съ пограничными и отдаленными племенами, войну, недозволявшую ей, такъ сказать перевести духъ, если взвѣсить и вышеупомянутыя наслѣдія чахнувшаго язычества, карающаго Рима и ярого Востока, то конечно нельзя не признать во всѣхъ этихъ фактахъ—поводовъ къ тлѣнію, поводовъ могучихъ и вызванныхъ необходимостью. Такіе элементы тлѣнія не могли не зародить пороковъ; и потому странно ошибаются тѣ, которые приписываютъ такіе элементы народной порочности, между тѣмъ какъ, на оборотъ, порочность Византійцевъ—по преимуществу результатъ тлѣнія, результатъ исторической необходимости. Не осужденія, а удивленія и сострадания заслуживаетъ народъ, который, вопреки всѣмъ условіямъ разложенія, могъ проявлять такъ долго и такъ устойчиво, столько ума, столько мужества и столько смиренія. Я говорю о томъ смиреніи христіанскомъ, которое такъ непоколебимо переносило разнородныя гоненія; и о томъ мужествѣ, которое столько разъ и такъ блистательно проявилось на бранномъ поприщѣ; я говорю о томъ умѣ, который содержалъ единственное, постоянное войско въ средневѣковой Европѣ, и отражалъ козни многочисленныхъ враговъ; о томъ умѣ, который среди тлѣнія созидалъ законы разумные, отчетливые, и стройную іерархію, между тѣмъ какъ на Западѣ безпрерывно сталкивались перемѣжающіяся власти и разнородные элементы Римскаго права, феодальнаго, каноническаго, и городскихъ общинъ, возникавшихъ въ разныхъ видахъ и въ разныя эпохи. Мнѣ скажутъ, что изъ такихъ столкновеній выработались на Западѣ новыя, живительныя начала; правда: но вѣдь эта выработка была плодомъ того міроваго закона, въ силу котораго изъ самаго зла проистекаетъ добро; тутъ не было заслуги, не было преднамѣренія; между-тѣмъ какъ въ Византіи все было предусмотрѣно, все было обдумано въ административномъ устройствѣ. Этимъ проявленіемъ административнаго ума и отличается Византія отъ всѣхъ, современныхъ ей государствъ. Если же рѣшится иной поклонникъ прогресса укорить Ви-

зантію въ застоѣ, пусть вспомнитъ онъ, что медленно-пробивавшійся, въ остальной Европѣ, прогрессъ, былъ слѣдствіемъ борьбы, въ которой племена сливались съ племенами, понятія съ понятіями. Такого слитія не могло быть въ Восточной Имперіи. Византія слишкомъ превосходила просвѣщеніемъ тѣ племена, съ которыми она была въ борьбѣ, чтобы заимствовать ихъ понятія и сливаться съ ними физически; стало быть, въ ней не проявились тѣ условія, которыя на Югѣ и на Западѣ зародили сѣмена прогресса; а вслѣдствіе упомянутыхъ мною элементовъ тлѣнія, въ ней не было довольно силы, чтобы возобновляться изъ себя самой. Византіи досталось въ удѣлъ сберегать старину, а потому и должна была она являть до послѣднихъ временъ своего существованія, взамѣнъ прогресса, единство племени и вѣры. И такъ могущественно было это двойное единство, что пережило вѣка мусульманскаго плѣненія и тяжкихъ испытаній. Было бы однако странно отрицать въ Византіи всякое проявленіе прогресса: умалчивая объ успѣхахъ ея въ промышленности и въ военномъ дѣлѣ, я смѣло напоминаю о той административной проницательности, которою она превзошла всѣ государства древняго міра, опередила всѣ средневѣковыя государства, и какъ бы прозрѣла политическій духъ нашей современности.

Но недруги Византіи называютъ умъ ея—коварствомъ, смиреніе—низостью, и мужество ея—отчаяніемъ. Легко позорить человѣка и даже цѣлый народъ, преувеличивая его недостатки и пятная его добродѣтели. Но если принять мнѣніе презирающихъ Восточную Имперію, если допустить, что Византія была, во всѣхъ отношеніяхъ, истлѣвшею державою, что не было тамъ ни ума глубокаго, ни мужества, ни смиренія христіанскаго, что отличительныя ея свойства были развратъ, коварство, щепетильность и низость,—то какъ объяснить десятивѣковую жизнь ея, десятивѣковую борьбу ея съ внѣшними и внутренними тяжкими обстоятельствами? Какъ объяснить тысячелѣтнее гніеніе въ блескѣ и славѣ, тысячелѣтнюю битву тлѣющаго государства съ цвѣтущими и отважными племенами, тогда какъ столько сильныхъ державъ, въ разныя времена, распадались или утрачивали силы при первомъ натискѣ внѣшнихъ враговъ?

Не разъ случалось могучему витязю пасть на полѣ брани изнуреннымъ отъ новыхъ и давнихъ ранъ; долга бывала агонія падшаго витязя, но все же грозна для подходящихъ враговъ, и мѣтки и сильны

были удары умирающаго, потому что не легко сокрушается мощь богатырская, не унываетъ духъ его отъ страданія.

Не назвать же низостью эту долгую агонію? не подойти же къ окоченѣвшему подвижнику, чтобъ толкнуть его ногою, примолвивъ: истлѣвшее ничтожество!

Или забыто, какъ со дня паденія Византіи, Турки, хотя изнѣжившіеся на берегахъ Эллеспонта, не рѣдко били Австрійцевъ, боролись съ Венгріею, съ Поляками, съ цвѣтущею Венеціею и многими другими народами. А сколько вѣковъ Византія грозна была поклонникамъ Корана? Сколько вѣковъ Византія служила оплотомъ всей Европѣ, противъ навожденія героевъ Востока, бывшихъ еще во всей силѣ своего фанатическаго рвенія. И въ то самое время, какъ съ ними боролась она, сколько другихъ отважныхъ враговъ и предпріимчивыхъ хищниковъ—она должна была отражать.

Непростительна односторонность, или вѣрнѣе, умышленное предубѣжденіе большей части Европейскихъ историковъ, которые такъ рельефно и такъ преувеличенно выставляютъ на позоръ всѣ черныя стороны Восточной Имперіи, всю порочность, наложенную на нее силою обстоятельствъ и которую, также невозможно было одолѣть Грекамъ, какъ западнымъ народамъ одолѣть порочность феодализма. Непростительно то злобное чувство, которое ничего свѣтлаго не хочетъ видѣть въ самой просвѣщенной странѣ среднихъ вѣковъ. Не понимаю тѣхъ мудрецовъ, которые смотрятъ на исторію Византіи, какъ на посторонній и молозначущій эпизодъ среднихъ вѣковъ, тогда какъ стоитъ окинуть бѣглымъ взоромъ церковную археологію среднихъ вѣковъ на Западѣ, чтобы узнать въ ней могучій отпечатокъ Византинизма.

Подумайте, что было бы съ Европою, если бы Византія не защищала ея восточныхъ предѣловъ отъ безчисленныхъ полчищъ, съ которыми она справлялась въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія—собственными средствами, и вы придете къ заключенію, что при отсутствіи презираемой вами державы, быть можетъ, некогда было бы блистательнымъ рыцарямъ предаваться феодальнымъ распрямъ, и ломать копья въ честь прекраснаго пола. Тотъ ли былъ бы теперь видъ Европы, и тѣ ли самыя начала выработались бы въ ней, если бы и въ самомъ дѣлѣ, Византія не была могучимъ звеномъ въ судьбахъ средневѣковой Европы, звеномъ, соединяющимъ міръ античный

съ новымъ міромъ и міръ Азіатскій съ міромъ Европейскимъ? Скажу рѣшительно: недостойно истинно-ученаго человѣка равнодушіе къ народу, сохранившему, среди жестокихъ треволненій, преданія міра древняго, и прозрѣвшему свѣтъ міра новаго, среди невѣжественной еще Европы временъ феодальныхъ. Недостойно вводить въ заблужденіе читающую публику, внушая личныя антипатіи и устарѣлыя понятія. Но вотъ! въ тотъ самый вѣкъ, когда юго-западная Европа вырвалась изъ средневѣковаго мрака, когда блистательное созвѣздіе геніальныхъ людей и рядъ важныхъ открытій возвѣстили Европѣ свѣтлую будущность, когда настала пора Латино-Германскимъ племенамъ сознательно стремиться къ знанію, когда они перестали уже нуждаться въ подпорѣ Византійскаго просвѣщенія,—Византія пала. И самое паденіе ея усилило свѣтъ въ возрождавшейся Европѣ!

И вотъ, четвертый вѣкъ, какъ стонетъ Греція въ оковахъ мусульманскихъ, и все еще бодрствуетъ духъ Греціи христіанской. Вотъ четвертый вѣкъ, какъ Османлы стоятъ побѣдоноснымъ, дикимъ лагеремъ на развалинахъ Византіи, враждуютъ съ христіанствомъ и душатъ мысль въ порабощенномъ племени... И каждый изъ этихъ вѣковъ плѣненія ознаменованъ былъ среди Грековъ новыми истязаніями и новыми проявленіями ума и энергіи.

Или забыто первостепенными западными державами, что въ то самое время, какъ гордые султаны принималиословъ ихъ, какъ жалкихъ рабовъ, въ то самое время, на дикихъ вершинахъ Олимпа, отважные Клефты никогда не слагали оружія и открыто презирали султанское могущество? И между тѣмъ, какъ власть пашей безпощаднымъ булатомъ носилась надъ селеніями побѣжденныхъ, мирное правленіе церковныхъ пастырей, димогеронтовъ, проэстовъ, невидимою сѣтью разстилалось по всей имперіи Османской. И между тѣмъ какъ тупые поработители коснѣли въ нѣгѣ и въ невѣжествѣ—порабощенные заводили училища, печатали общеполезныя книги, распространяли морскую торговлю, и вскармливали въ общинахъ своихъ личности яркія, славныя, и воспѣвали свободу и любовь.

Какою силою взошли такіе цвѣты? Изъ тлѣнія, что-ли, зародились они, какъ въ вещественной природѣ? Но укажите мнѣ другую истлѣвшую народность, которая являла-бы подобные феномены. Вы скажете: Евреи. А кромѣ ихъ? Я утвердительно скажу: есть силы въ упылыхъ сынахъ Израиля, какъ и въ отважныхъ потомкахъ древ-

нихъ Грековъ; есть силы въ этихъ двухъ представителяхъ древняго и новаго завѣта, и не тщетно хранитъ ихъ силы неисповѣдимое Провидѣніе.

Да! не все тлѣло въ Греціи подъ властью императоровъ и подъ игомъ султанскимъ. Тамъ подъ пепломъ густымъ тлѣли палящія воспоминанія минувшаго величія. Тамъ бодрствовалъ духъ! и этотъ духъ—это неизгладимая личность Греческаго племени и православія. Вотъ элементы той силы, которая сохранила единство племени и вѣры Византіи въ борьбѣ ея съ различными племенами и вѣрованіями, и даже среди рабства... Вотъ источникъ того возрожденія, которое такъ мгновенно и такъ грозно просіяло еще въ недавнія времена, когда шайки удалыхъ Клефтовъ разбивали въ пухъ гордыя янычарскія полчища, и когда мелкія купеческія суда обращали въ бѣгство ту самую армаду, которую окончательно разгромили подъ Навариномъ три первостепенные Европейскіе флота.

Или забыли Европейцы, что рабы султана, Греки, семь лѣтъ сряду ратовали съ морскими и сухопутными силами Блистательной Порты, прежде чѣмъ Наваринская битва возвѣстила конецъ неровной борьбы?

Этимъ-то неизмѣннымъ элементамъ обязано и современное Греческое государство внезапнымъ появленіемъ стройной гражданственности и просвѣщенія, не привившаго, а органически-развитаго въ духѣ народности.

И такъ, плѣнница Рима, Грецiя продолжала налагать печать своего просвѣщенія на всѣ почти страны, покоренныя Римомъ. Обращенная въ Восточную Имперію, Грецiя мирно и кротко внушала христіанство сосѣднимъ племенамъ, въ противоположность кровавой пропагандѣ Латиновъ. Порабощенная Турціею, Грецiя пустила нѣсколько свѣтлыхъ лучей и въ Европу. И что же! та самая Грецiя, которая въ продолженіи почти двухъ тысячъ лѣтъ свѣтила всему міру, которая далеко простирала лучи свои по всѣмъ направленіямъ, не могла ни на волосъ подвинуть въ просвѣщеніи восточныхъ варваровъ, бездарныхъ владыкъ своихъ, даже послѣ четырехъ вѣковъ сожительства. Сыны Османа довольствовались возобновлять плеснѣвшую кровь свою похищеніемъ Греческихъ дѣвъ и младенцевъ. И этихъ-то бездарныхъ дикарей, разумный Западъ пытается насильно возродить, въ ущербъ несчастной, но даровитой своей просвѣтительницы Греціи!

Чтобы дать благовидный предлогъ жестокаго равнодушія къ воз-

рождающемуся народу, иные западные мудрецы нашли необходимымъ клеветать его. Такъ, еще недавно они укоряли Грековъ за то, что во время послѣдней войны, ворвавшись вооруженною рукою въ предѣлы Турціи, они внезапно прекратили свои дѣйствія, какъ будто эти мудрецы не знаютъ, что не отсутствіе энергіи задержало отважный порывъ Эллиновъ, а тѣ преграды, которыя противопоставили имъ совокупныя силы союзниковъ султана, союзниковъ гласныхъ и не гласныхъ. Кромѣ того, они хотѣли видѣть въ этомъ подвигѣ Грековъ какое-то низкое потворство Россіи, забывая вѣроятно, что Греки всегда были готовы стоять въ первыхъ рядахъ, подъ какимъ бы то ни было знаменемъ, лишь бы дозволено имъ было рубить природныхъ враговъ своихъ. Да и то сказать: отчего Грекамъ вмѣняется въ позоръ любовь ихъ къ единовѣрцамъ своимъ—Русскимъ, а западнымъ народамъ не вмѣняется въ стыдъ—внезапная симпатія ихъ къ противникамъ христіанства?..

Одинъ изъ отважныхъ аргументовъ, которымъ недруги Греціи пытаются унизить ее, и въ то же время оправдать свою антипатію къ ней состоитъ въ блистательной гипотезѣ, что *нынче Грековъ нѣтъ*. Если прислушиваться къ доводамъ этихъ схоластиковъ 19-го столѣтія, то такими же точно доводами и Греки могли бы доказать, что нѣтъ на свѣтѣ ни Германцевъ, ни Французовъ, ни Англичанъ, что эти названія принадлежатъ какимъ-то случайнымъ сочетаніямъ различныхъ племенъ, и что народность есть только праздное слово безъ вѣса, безъ значенія.

Но лучшій подвигъ ненавистниковъ Греціи является въ ихъ давнишнихъ и скрытыхъ стараніяхъ вооружить противъ Грековъ—Славянъ, навязывая симъ послѣднимъ свою вражду, свои вѣрованія и свое презрѣніе къ устарѣлымъ понятіямъ. Такимъ образомъ, разъединяя, во имя прогресса, двѣ возраждающіяся народности, они успѣваютъ ослабить ихъ обѣихъ и предупредить ихъ могучій и грозный союзъ. Адской замыселъ, которому, къ сожалѣнію, слишкомъ опрометчиво подчиняются иные довѣрчивые Славяне.

Просвѣщенный Западъ и мысли перенести не можетъ о возрожденіи Грековъ. Католическій фанатизмъ предается наслѣдственной ненависти къ Восточному христіанству, а Сѣверные иновѣрцы, побужденные алчностію, по прежнему кипятъ желаніемъ обладать этой прелестнѣйшею страною Европы, этими вратами Азіатскихъ богатствъ.

Они умышленно смыкаюгъ очи и говорятъ, что прекрасная страна, по прежнему, погружена во мракъ и тлѣніе... Что свѣтъ и доблести разлиты въ Исламизмѣ... Да мало ли чего ни говорятъ людскія страсти. А все же ярко сіяетъ личность Грека въ странѣ, покрытой прахомъ Платоновъ, Мильтіадовъ, Праксителей и мучениковъ вѣры и свободы!

Скажу въ заключеніе: никогда не было такъ позволительно безумцамъ толковать о политической будущности, какъ нынѣ, потому что никогда не было столько неожиданности въ политическихъ явленіяхъ, столько несогласія между намѣреніемъ и результатомъ, какъ въ послѣднія времена. И такъ, пусть мудрствуютъ слѣпые, а Провидѣніе ведетъ народы къ своимъ премудрымъ цѣлямъ, путемъ таинственнымъ но — свѣтлымъ..

Братья Русскіе! Братья Славяне! вамъ ли кидать камень на наши недостатки? Долго ли вамъ подчинять разумъ свой вліянію Запада? Долго ли вамъ судить о насъ, по навѣтамъ враговъ нашихъ?

Юрій Дестунисъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

По поводу предыдущей статьи.

Русской Бесѣдѣ дорога всякая народность, дорого всякое глубокое и истинное чувство, возникшее изъ исторической жизни. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ мы статью, въ которой высказалась живая и горячая (если даже сколько нибудь пристрастная) любовь къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ великихъ явленій въ области исторической — къ Византійской Имперіи. Невозможно было, чтобы такая самобытная, многовѣковая держава прошла безъ слѣдовъ; и дѣйствительно, ея слѣды, добрые и злые, вездѣ видны на Востокѣ. Грустно бы было, еслибы никто изъ живыхъ людей, никакая современная народность не оглядывались бы на нее съ благоговѣніемъ и любовію. Такого равнодушія не заслуживали ни ея воинственные дѣятели, мужи доблести и побѣдъ — Копронимы и Цимисхіи; ни ея свѣтлые дѣятели, мужи богознанья и христіанскихъ пѣснопѣній —Григорьи и Дамаскины; ни ея великіе художники, строители такихъ храмовъ, какъ св. Софія или Панселины,

предшественники позднѣйшаго пластическаго искусства; ни ея юристы, которыхъ труды положили основу всей юридической цивилизаціи Европы. По нашему мнѣнію, говорить о Византіи съ пренебреженіемъ значитъ росписываться въ невѣжествѣ.

Печатая сообщенную намъ статью, мы уже тѣмъ самымъ свидѣтельствуемъ, что не заслуживаемъ справедливыхъ упрековъ, высказанныхъ ея авторомъ едвали не большей части нашего образованнаго общества. Впрочемъ думаемъ, что это мы уже свидѣтельствовали давно и не разъ, а въ доказательство приводимъ слѣдующія слова, написанныя тому уже 6 лѣтъ назадъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ:

«Христіанство распространилось на Востокѣ тѣмъ же путемъ Апостольской проповѣди, тѣми же подвигами мученичества, какъ и на Западѣ. Можно даже сказать, что борьба съ язычествомъ въ областяхъ Эллинскихъ была еще ожесточеннѣе, чѣмъ въ областяхъ собственно Римскихъ: таково по крайней мѣрѣ свидѣтельство Церковной исторіи. Свирѣпѣе были казни, сильнѣе былъ отпоръ школъ философскихъ: но Христіанство восторжествовало. Вслѣдствіе ли особеннаго направленія и полноты Эллинской мысли, или вслѣдствіе равенства просвѣщенія въ разныхъ областяхъ Восточной Имперіи, или вслѣдствіе іерархическаго равенства между патріархами, ученіе Христіанское не получило ни стремленія къ мѣстному сосредоточенію, ни мѣстной односторонности. Умъ человѣческій былъ пробужденъ и напряженъ во всемъ просторѣ Эллинской или эллинизованной области. Какое было на Востокѣ богатство церковной словесности, какая глубина мысли, какая сила и роскошь краснорѣчія, какое стремленіе къ опредѣленности понятій, соединенное съ всесторонностію, исключающею преобладаніе сухой разсудочности, какое множество великихъ и святыхъ дѣятелей и учителей, съ которыми на Западѣ не равнялся никто, за исключеніемъ Восточнаго же уроженца—Иринея,—про то свидѣтельствуетъ сама западная наука новаго времени въ своихъ высшихъ представителяхъ—Боссюэтѣ и Неандерѣ. Правда, опасная дѣятельность разума человѣческаго не разъ потрясала весь міръ христіанскій: но безъ нея человѣкъ не человѣкъ, и управленная любовію къ божественной истинѣ, она сама исцѣляетъ раны нанесенныя ея временнымъ злоупотребленіемъ. Черезъ восточныя ереси она вызвала, но за то она же на восточныхъ соборахъ, озаренная благодатію

Божіею, высказала въ ясности и полнотѣ то святое ученіе, которое было дано человѣку какъ лучшій даръ Творца, и какъ высшій залогъ его совершенствованія на землѣ. Нечестенъ и безуменъ всякъ тотъ, кто бы ни былъ онъ родомъ, или какого бы ни былъ исповѣданія (если только онъ христіанинъ), кто вспомнитъ безъ благодарности эту заслугу Византійскаго міра передъ человѣчествомъ; и за всѣмъ тѣмъ страсть такъ слѣпа и такъ властна надъ самыми лучшими умами, открытая вражда западной образованности къ Востоку такъ сильна, что даже Нѣмцы, люди готовые положить душу свою за всякую науку и за всякій лоскутокъ науки, часто говорятъ съ пренебреженіемъ о томъ великомъ подвигѣ человѣческаго мышленія, который далъ наукообразное изложеніе и опредѣленность высочайшей и небесной Истинѣ. Таже безсонность, тоже могущество ума поддержали Византію въ продолженіи тысячи лѣтъ, не смотря на слабость ея вещественныхъ границъ и на сравнительную невоинственность народа, противъ всего напора Готѳскихъ племенъ, однимъ ударомъ сокрушившихъ имперію Запада, противъ сильнѣйшаго напора Аварцевъ, двигавшихъ всѣмъ безпредѣльнымъ моремъ племенъ Славянскихъ и дѣйствовавшихъ за одно съ усилившеюся на время Персіею, и противъ всесокрушавшаго удара молодаго Исламизма, владѣвшаго всѣмъ міромъ, отъ снѣжной границы Китая до береговъ Атлантическаго моря и горныхъ предѣловъ Франціи. Нѣсколько разъ потрясенная до основанія, она снова утверждалась и остаивалась; побѣжденная и почти покоренная, она покоряла и пересозидала своихъ побѣдителей силою своихъ просвѣтительныхъ началъ. Такова причина, почему это государство, по видимому слабое почти съ самаго начала своего отдѣльнаго существованія, могло въ продолженіи тысячи лѣтъ выдерживать борьбу едвали не единственную въ исторіи міра, и почему даже паденіе его было не безславно, ибо оно пало предъ такимъ напряженіемъ воинственныхъ стихій Азіи, предъ которымъ едва устояли соединенныя ополченія всей Европы. Но Византіи не суждено было осуществить понятіе о христіанскомъ государствѣ, ей не суждено было уцѣлѣть и указать своимъ примѣромъ новый и высшій путь человѣчеству. Отчасти причиною ея постепеннаго ослабленія и паденія было то, что Византіецъ не могъ забыть, что онъ былъ нѣкогда Эллиномъ по просвѣщенію, а Римлянином по гражданству, и что слѣдовательно онъ соединялъ въ себѣ двѣ величайшія славы древняго міра; онъ не хотѣлъ, онъ, такъ сказать,

не могъ дать полнаго права равенства съ собою тѣмъ новымъ народнымъ стихіямъ, которыя приливали къ нему съ Сѣвера и готовы были своею свѣжею кровью укрѣпить составъ одряхлѣвшаго общества. Онъ пользовался Славянами, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ союза съ ними и въ тоже время не только не хотѣлъ признать ихъ братьями, но постояннымъ коварствомъ, утѣсненіемъ и гордостью, болѣе оскорбительною, чѣмъ самыя утѣсненія, вселялъ въ нихъ вражду, которой еще не было, или питалъ вражду, готовую погаснуть и обратиться въ искренній душевный союзъ. Однакоже должно замѣтить, что эта причина была второстепенною: была другая несравненно важнѣйшая, которую должно разсмотрѣть, чтобы понять исторію Восточной Имперіи и ея вліяніе на старо-Русское образованіе. Восточная Имперія была областью Эллинскаго просвѣщенія личнаго, и общественнаго Римскаго права. Ея жители называли себя Эллинами въ отношеніи къ языку и мысли, Римлянами въ отношеніи къ государству. Словесность и наука говорили по Гречески; законъ долго еще говорилъ по Латыни. Движеніе мысли не было сосредоточено въ какой нибудь мѣстности. Наука Аѳинская долго была самостоятельной. Александрія оспоривала первенство у Византіи, не уступая ей ни въ чемъ и часто пересиливая ея вліяніе. Антіохія и самобытная образованность Сиріи и Палестины держали равновѣсіе между этими двумя главными центрами, и часто рѣшали ихъ духовные споры. Даже изъ подъ рабства магометанскаго великій Дамаскинъ управлялъ убѣжденіями своихъ христіанскихъ братій, посредствомъ богословскихъ твореній своихъ, и радовалъ ихъ душу своими боговдохновенными пѣснями, которыми и до нашего времени празднуется почти всякое свѣтлое торжество Православія. Но въ отношеніи къ государству, Имперія Восточная была гораздо болѣе сосредоточена, чѣмъ Имперія Западная, и гражданской самостоятельности было гораздо менѣе въ ея областяхъ, чѣмъ въ областяхъ чисто-Римскаго міра. Правда, что законовѣденіе было доведено до своего крайняго внѣшняго развитія въ Византіи. Послѣдній камень его былъ положенъ Юстиніаномъ и многія перемѣны введены его преемниками. Иначе и быть не могло: ибо законовѣденіе, кромѣ своего жизненнаго приложенія, имѣетъ еще смыслъ науки, а никакая наука не могла быть чужда Эллинскому уму. Но за всѣмъ тѣмъ право и понятіе о государствѣ оставались въ тѣхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ. Прочна была работа вѣчнаго города. Не безъ полнаго ясновидѣнія явился

онъ пророку въ истуканѣ желѣзномъ на глиняныхъ ногахъ. Шатки и ненадежны были основы его величія: но логическое развитіе его надстройки было сковано изъ неразрушимаго желѣза. Его юридическая цѣпь охватила и сдавила жизнь Византіи. Свободная и плодотворная во всякой другой области, мысль Эллина въ области права рабски слѣдовала по путямъ ей указаннымъ ея учителями —законовѣдами Рима,—и не смотря на нѣкоторыя слабыя попытки позднѣйшаго законодательства, болѣе исказившаго, чѣмъ измѣнившаго стройную цѣльность законовъ, духъ закона оставался одинъ и тотъ же, и христіанство почти не проникало въ каменный Капитолій юристовъ: тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества. Мнѣніе довольно общее приписываетъ весь характеръ Византіи, какъ государства, перенесенію центра его на Востокъ—въ близкое сосѣдство къ Азіи. Это мнѣніе совершенно ложно. Конечно вліяніе Азіятскихъ нравовъ отозвалось во многихъ подробностяхъ; но общій очеркъ былъ вполнѣ Римскимъ, и никакое восточное воображеніе не могло бы прибавить что нибудь къ идеѣ, которой основаніемъ были Божественность и обоготвореніе (Divinitas и Apotheosis). Точно также неразумно обвиненіе, постоянно повторяемое со времени Гиббона, въ томъ, что владыки Царя-града вмѣшивались въ безпрестанные споры богословскіе, брались разрѣшать ихъ и утверждать общее исповѣданіе по своему усмотрѣнію. Правда, Великій Константинъ подалъ прекрасный примѣръ, предоставивъ самой Церкви разрѣшеніе догматическаго вопроса: но этотъ примѣръ, которому не послѣдовалъ ни одинъ изъ его преемниковъ, доказываетъ только какъ глубоко духъ христіанства проникъ въ его душу, и какъ чуждъ былъ этотъ духъ учрежденіямъ самой Имперіи. Менѣе просвѣщенные преемники Константина слѣдовали и не могли не слѣдовать тому правилу, которое заключалось въ понятіи Римлянина: *тотъ только Богъ, кому Римъ позволяетъ, и тотъ непремѣнно Богъ, кого Римъ признаетъ.* Изъ него не могли выйти ни спаситель Имперіи — Ираклій, ни воинственные возстановители ея славы —Исаврійцы. Осуждая ихъ личныя заблужденія, должно признать, что дѣйствія ихъ были вполнѣ согласны съ общимъ характеромъ государственнаго законодательства. Точно также все уголовное право съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безнравственными судами и разрядами преступленій было наслѣдствомъ того Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія Восточной Имперіи. Точно тоже

должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ: точно тоже обо всей общественной жизни съ ея играми, съ ея торжествами (кромѣ Церковныхъ), съ ея тріумфами, съ ея гордостью, съ ея самоупоеніемъ, и со всею этою позолоченною ветошью языческаго міра, которая обхватывала всѣ общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противо-христіанскихъ началъ: оно удалилось въ душу человѣка, оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоры противъ явныхъ слѣдовъ язычества, ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполнѣ разумѣть ни всей лжи Римскаго общественнаго права, ни безконечно-трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благодѣтельная сила разбивалась о правильную и слитную кладку Римскаго зданія. Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась неприкосновенная тишина созерцательной жизни. Лучшія и могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темнѣе становились города: просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую.»

«Ей не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества: но ей было дано великое дѣло уяснить вполнѣ христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама Имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всѣми; но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей хранилась до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала; въ нихъ спасалась наша будущая Русь.»

Мы надѣемся, что такой отзывъ показываетъ далеко не равнодушное отношеніе къ Византіи, но въ тоже время думаемъ, что въ немъ слышенъ также голосъ историческаго безпристрастія. Исторія Византіи представляетъ двѣ стороны, совершенно противоположныя

стихіи: одну—Эллинско-христіанскую или лучше сказать, просвѣщенно-христіанскую, другую—Римско-государственную. Съ одной стороны мысль, человѣчность, любовь, съ другой—форма, себялюбіе, вражда. Обѣ участвовали въ жизни Византійской, созидая ее или губя; обѣ отозвались на Востокѣ послѣ паденія Византіи и отзываются до нашихъ дней. Отъ одной горячая любовь къ просвѣщенію, въ которой Грекъ превосходитъ даже Нѣмца, и твердость въ вѣрѣ, не смотря на четырехсотлѣтнее мученичество, которою нѣкогда бывшій Византійскій Востокъ превосходитъ всѣ народы міра. Отъ другой презрѣніе и ненависть ко всѣмъ другимъ народностямъ, кромѣ Греческой, желаніе угнетать ихъ и разработывать ихъ въ единственной еще доступной Греку области жизни общественной, какъ матеріялъ для власти и корысти,—сочетаніе низости съ гордостью и внутреннее гніеніе, какъ лицъ, такъ и народа. За одну потомокъ прежняго Византійца и теперь еще предметъ уваженія и любви въ Восточныхъ народахъ; за другую онъ предметъ ненависти и проклятія для Славянина, для Сирійца, для Копта, для Аравитянина. Одна готовитъ будущность Востока; другая любитъ, питаетъ и поддерживаетъ распадающуюся Турцію. Короче сказать: одна есть просвѣщенное христіанство, то есть православіе, а другая фанаріотство. Думаемъ, что въ отношеніи къ обоимъ Бесѣда высказалась ясно. Первую мы признаемъ единственною животворною истиною, единственною достойною цѣлью для человѣческой жизни и человѣческаго труда; другую ненавидимъ всею душею съ тѣмъ большею ненавистью, что она есть ядъ, отравляющій высшую область человѣческой и общественно-человѣческой жизни, что она сочетаетъ въ себѣ всю мерзость святотатства и всю свирѣпость народныхъ эгоизмовъ. Противъ этого отвратительнаго отсѣда древней Византіи, неожиданно для насъ принятаго подъ защиту однимъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Бесѣды, будемъ мы вооружаться всею силою негодованья и, если можемъ, всею силою слова.